ИСТОРІЯ РОССІИ.

Дозволено цензурою. Москва, Августа 23-го дня, 1864 г.

ГЛАВА I.

Правленіе царевны Софіи.

Польскія интриги для возмущенія Малороссіи. — Князь В. В. Голицынъ и его политика. — Священный союзъ противъ Турокъ. — Россія приглашается вступить въ него. — Вѣчный миръ съ Польшею и вступленіе въ священный союзъ. — Подчиненіе Кіевскаго митрополита Московскому патріарху. — Сношенія съ гетманомъ Иваномъ Самойловичемъ по этому случаю. — Избраніе въ Кіевскіе митрополиты князя Гедеона Четвертинскаго. — Сношенія съ восточными патріархами по поводу подчиненія Кіевской митрополіи Московскому патріарху. — Первый Крымскій походъ. — Посольство Шакловитаго въ полки. — Сверженіе Самойловича, избраніе Мазепы въ гетманы. — Лазарь Барановичъ. — Побужденія отъ Турецкихъ Христіанъ къ возобновленію военныхъ дѣйствій. — Второй Крымскій походъ. — Сношенія съ Европейскими и Азіатскими государствами въ правленіе Софіи. — Нерчинскій договоръ съ Китаемъ. — Внутренняя дѣятельность правительства.

Московская смута отозвалась на югѣ, въ странахъ козацкихъ; вѣсти о ней произвели движеніе и за границею, порадовали враговъ Россіи: въ Польшѣ возбудилась надежда воспользоваться смутою и оторвать Малороссію отъ Москвы. Съ этою цѣлію, по приказу королевскому, гетманъ Польскій Яблоновскій отправилъ прелестные листы къ Григорію Дорошенку, и къ бывшему Кіевскому полковнику Солонинѣ. Листы были подосланы съ двумя монахами, которыхъ отправилъ въ Малороссію Львовскій епископъ Іосифъ Шумлянскій, надѣявшійся быть Кіевскимъ митрополитомъ въ случаѣ отторженія Малороссіи отъ Москвы. У тѣхъ же монаховъ найдена была инструкція, что̀ разглашать въ Малороссіи: 1) Начать съ Полтавы, потому что ея жители склоннѣе другихъ къ возстанію противъ Москвы. 2) Разглашать, что Самойловичъ хочетъ искоренить козаковъ, и для того лучшихъ полковниковъ обратилъ въ простые козаки. 3) Москва пла-

ваетъ въ своей крови; это наказаніе Божіе за то, что не помогла ни императору, у котораго султанъ отбираетъ теперь остальную Венгрію, ни Польшѣ. Царь Ѳедоръ Алексѣевичъ хотѣлъ подать помощь Польшѣ, но бояре не позволили, а потомъ и жену его, которая носила польскую фамилію Грушецкихъ, отравили, напослѣдокъ и самого царя извели и весь родъ царскій истребить хотѣли, за это Богъ и отомстилъ имъ жестоко. 4) Еслибъ дѣло дошло до союза Москвы съ Польшею, то не только души христіанскія изъ неволи освободились бы и святыя мѣста опять процвѣли, но и весь народъ Греческій могъ бы освободиться. 5) Москва обманула Поляковъ, она причиною, что Каменецъ погибъ, Подолія и Украйна пропали. 6) Польскіе короли, и покойный Михаилъ, и нынѣшній Янъ объ одномъ хлопотали, чтобъ Украйна не досталась Туркамъ, а принадлежала бы козакамъ; и всѣмъ извѣстно, что послѣ Журавскаго мира Хмельниченко былъ посаженъ гетманомъ въ Немировѣ. Но бояре московскіе всю Украйну по Днѣпръ уступили Туркамъ, испугавшись, что Чигирина не умѣли удержать и защитить, изъ-подъ котораго визирь хотѣлъ бѣжать, но Ромодановскій, не смотря на свою побѣду, наступить на него не хотѣлъ. Этою уступкою украйны Туркамъ Запорожье заперто и преждевременно должно погибнуть, а потомъ и имя козацкое пропадетъ. 7) Опасаться надобно, чтобъ войска Русскія не ударили на Кіевъ, и Татары не разорили Заднѣпровье, какъ скоро узнаютъ о Московской смутѣ. 8) Дума Московская не только не хотѣла воевать противъ бусурманъ, но даже не позволила королю на деньги нанять козаковъ, опасаясь, чтобъ войско козацкое и народъ Малороссійскій не возвратились къ государю предковъ своихъ и не возлюбили той вольности, въ какой живетъ Польша. 9) Войску, во всемъ христіанствѣ славному, надобно вспомнить славу дѣдовъ и прадѣдовъ, быть въ одной мысли съ Запорожьемъ и выбиться изъ неволи человѣка негоднаго и невоинственнаго. А королевское величество имѣетъ столько разума, благословенія Божія и храбрости, что можетъ защитить и народъ, который онъ отъ младенчества любитъ и почитаетъ. 10) Духовенству внушать, что въ церквахъ, на-

ходящихся подъ державою королевскою, нѣтъ никакой перемѣны, священникамъ воздается честь, дань и подводы отставлены, изъ подданства пановъ своихъ духовенство освобождено. 11) Внушать, не лучше ли въ Кіевѣ имѣть своего главу, какъ имѣетъ Москва; прежде Кіевскіе митрополиты ставили московскихъ, которые теперь патріархами называются; многими столѣтіями св. Софія Кіевская старше соборной церкви Московской. 12) Не лучше ли видѣть власть духовную и мірскую въ Кіевѣ, чѣмъ искать ее раболѣпнымъ образомъ въ Москвѣ. 13) Нечего бояться, что старинные паны возвратятся на восточную сторону Днѣпра: ихъ уже нѣтъ въ живыхъ, и которые остались молодые, тѣ Заднѣпровья и Сѣверской страны не знаютъ. 14) Притомъ же здѣсь все имѣнія государственныя, только ходили въ помѣстьяхъ и республика прежнихъ помѣщиковъ не дастъ. 15) Пусть разсудитъ весь народъ козацкій, что имъ Богъ подаетъ отца, что имъ Богъ просвѣщаетъ разумъ, отверзаетъ очи и показуетъ путь къ вольности. 16) Если надобна будетъ помощь, пусть знаютъ, что войско Польское на коняхъ."

Инструкціи эти были спрятаны у монаховъ — у одного въ дегтярной флягѣ, облиты воскомъ, у другаго въ телѣгѣ въ задней подушкѣ. Кромѣ пунктовъ писанной инструкціи монахамъ велѣно было разглашать, что кто приведетъ народъ подъ королевское подданство, тотъ сдѣланъ будетъ великимъ человѣкомъ и будетъ обогащенъ; черни каждый годъ изъ казны королевской будутъ деньги и сукна; паны Польскіе не будутъ въѣзжать въ украйну на маетности, король хочетъ сдѣлать особое удѣльное русское Кіевское княжество [1].

Но и въ Малороссіи, и въ Польшѣ скоро узнали, что Московская смута прекратилась, что новое правительство, хотя и странное по своей формѣ, довольно сильно, благодаря лицамъ, на которыхъ оперлась царевна-правительница. Шакловитый крѣпко держалъ въ рукахъ московскихъ стрѣльцовъ; но виднѣе Шакловитаго, человѣка новаго, худороднаго, поднялся Вас. Вас. Голицынъ, первое лице въ правительствѣ послѣ царевны. 19 октября 1683 года Голицынъ получилъ титулъ, который носили Орденъ-Нащокинъ и Матвѣевъ,—

„Царственныя большія печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегателя“ [2]. Главною обязанностію Голицына стало теперь блюсти интересы Россіи въ сношеніяхъ съ чужими державами — обязанность трудная при тогдашнихъ отношеніяхъ, но Голицынъ умѣлъ выполнить ее съ честію и пользою для государства. Въ то время, когда Россія, жившая такъ долго на Востокѣ, поворачивала на новый, противоположный путь къ Западу, готовилась войти въ общую жизнь Европейскихъ народовъ, въ Европѣ происходили явленія, которыя должны были измѣнить ея политику, вслѣдствіе чего новому государству, Россіи предстояла впослѣдствіи великая роль.

Рѣзкое различіе древняго историческаго міра отъ новаго состоитъ въ томъ, что въ древности государства жили особо, одиноко, не связанныя общими интересами: отсюда происходило, что когда одно изъ нихъ усилится вслѣдствіе извѣстныхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, вслѣдствіе личныхъ качествъ своего государя-завоевателя, то послѣднему легко покорять себѣ другія государства, слабыя вслѣдствіе одинокости своей Такъ возможны становились поглощенія многихъ государствъ однимъ, образованія громадныхъ, всемірныхъ имперій, Персидской, Македонской, Римской. Но въ новой, христіанской Европѣ много государствъ образовалось почти одновременно, съ равными свѣжими силами, и стали онѣ изначала жить общею жизнію, имѣя общіе интересы. При такихъ условіяхъ усиленіе одного государства на счетъ другихъ, образованіе огромныхъ, всемірныхъ монархій, вслѣдствіе завоевательныхъ стремленій одного народа, одного государя, стало невозможнымъ: какъ только обнаружатся въ извѣстномъ народѣ или государѣ подобныя стремленія, другія государства, вслѣдствіе привычки къ общей жизни, составляютъ союзы и посредствомъ нихъ останавливаютъ властолюбивые замыслы. Отсюда зоркость Европейскихъ правительствъ, подозрительность ихъ при видѣ усиленія одного изъ государствъ, отсюда система политическаго равновѣсія.

Въ началѣ такъ-называемой Новой Исторіи Европѣ грозила сильная опасность отъ властолюбивыхъ стремленій Габс-

бургскаго дома, чрезмѣрно усилившагося посредствомъ выгодныхъ браковъ своихъ членовъ — способъ усиленія также новый, Европейскій, неслыханный въ древнемъ мірѣ, знавшемъ только одну силу, какъ способъ усиленія. Но и новый способъ усиленія, употребленный Габсбургскимъ домомъ, могъ повести одинаково къ старымъ результатамъ, къ образованію громадной имперіи, опасной для независимаго существованія другихъ Европейскихъ государствъ. Особенно тяжко было положеніе Франціи, окруженной почти со всѣхъ сторонъ владѣніями Габсбургскаго дома: съ юга Испанія, съ сѣвера Нидерланды, принадлежавшіе Испаніи; съ востока Германія, императоромъ которой былъ Габсбургъ, значительная часть Италіи принадлежитъ также Испаніи, страшной своими непобѣдимыми войсками. Въ такомъ положеніи Франція, по инстинкту самосохраненія, употребляетъ всѣ средства, чтобъ какъ нибудь ослабить удушавшее ее могущество Габсбургскаго дома: во время господства религіознаго интереса, во время ожесточенной борьбы между католицизмомъ и протестантизмомъ, Франція первая обходитъ религіозныя отношенія и выставляетъ на первый планъ политическое начало: искать союзовъ съ кѣмъ бы то ни было, не обращая вниманія на религіозное различіе, лишь бы сломить могущество Габсбургскаго дома—вотъ основаніе Французской политики, которому остаются вѣрны и Францъ I-й, и Генрихъ IV, и кардиналъ Ришелье; Франція, католическая держава, въ постоянномъ союзѣ съ протестантскими державами противъ Габсбурговъ; мало этого, Французскій король, носящій титулъ христіаннѣйшаго, въ союзѣ съ султаномъ!

Франція достигла своей цѣли: могущество Габсбурговъ было сломлено въ Тридцатилѣтнюю войну. Европа перестала бояться Габсбурговъ; но опасность стала грозить ей съ другой стороны, отъ той самой Франціи, которая, повидимому, такъ много послужила Европѣ при освобожденіи ея отъ всемірной монархіи Габсбурговъ. Отношенія перемѣнились; прежде Франція была почти отовсюду окружена владѣніями могущественнѣйшей династіи; теперь отовсюду окружаютъ ее слабыя государства, приглашающія этою слабостію завое-

вателя, а завоевателю легко явиться среди войнолюбиваго народонаселенія Галліи. На югѣ по прежнему Испанія, но Испанія, разбитая параличомъ, лишенная способности къ движенію, потерявшая значеніе въ Европѣ; на сѣверъ отъ Франціи прежнія Испанскія владѣнія разбиты на двѣ части: сѣверная составляетъ маленькую независимую Голландскую республику, разбогатѣвшую отъ торговли, но не могущую вести сухопутной войны съ большимъ государствомъ; южная часть, Бельгія осталась за Испаніею и поэтому самому представляла лакомую и легкую добычу для Франціи, ибо Испанія не могла защищать ее. На Востокѣ Германія, освобожденная изъ-подъ религіознаго и политическаго гнета, но опустошенная вконецъ Тридцатилѣтнею войною, раздробленная, со множествомъ мелкихъ владѣльцевъ, которые послѣ Тридцатилѣтней войны, усилили свою власть вслѣдствіе ослабленія другихъ элементовъ общественной жизни, но чрезъ это усиленіе не пріобрѣли широты взгляда и достоинства: это были не государи, а помѣщики, хлопотавшіе только о томъ, какъ бы получить побольше дохода отъ своей земли, отъ своихъ людей, не заботясь объ интересахъ общаго отечества, объ укрѣпленіи союзнаго начала, которое могло дать Германіи самостоятельное значеніе и внушить къ ней уваженіе въ сосѣдяхъ. Слѣдовательно и со стороны слабой, беззащитной Германіи завоевательныя стремленія Франціи могли встрѣтить такое же ничтожное сопротивленіе, какъ и со стороны Испаніи. Швеція, сыгравшая такую важную роль въ Тридцатилѣтней войнѣ и получившая по Вестфальскому миру владѣнія въ Германіи, получила вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственную обязанность защищать интересы Германіи; но Шведское правительство позволило Франціи обольстить себя и вступило съ нею въ союзъ. Раздробленная Италія также не могла противопоставить Франціи никакой преграды. Англія не могла принимать дѣятельнаго участія въ дѣлахъ континента, будучи занята внутреннею борьбою, и король Англійскій позволилъ себѣ сдѣлаться пансіонеромъ короля Французскаго. Такимъ образомъ отношенія перемѣнились, и представитель Габсбургскаго дома, государь Австрійскихъ зе-

мель, носившій титулъ императора Римскаго и короля Германскаго, долженъ былъ защищать Германію и Испанію отъ Франціи при самыхъ неблагопріятныхъ для себя условіяхъ, даже наконецъ принужденъ былъ спокойно смотрѣть, какъ Французскій король, знаменитый Людовикъ XIV подъ всякими предлогами захватывалъ Германскія земли. На это положеніе осуждала его борьба, поднявшаяся внутри его владѣній, именно въ Венгріи. Неудовольствія противъ Австрійскаго правительства не прекращались въ этой странѣ: слышались сильныя жалобы на поведеніе Нѣмецкихъ войскъ, расположенныхъ въ Венгерскихъ крѣпостяхъ, особенно сильныя жалобы слышались на притѣсненія, которыя терпѣли протестанты. Знатнѣйшіе и богатѣйшіе магнаты составили заговоръ и вошли въ сношенія съ султаномъ, предлагая ему подданство. Заговоръ былъ открытъ, главы его казнены смертію; но волненія не прекращались, и наконецъ въ 1678 году возстаніе вспыхнуло подъ предводительствомъ молодаго вельможи, Эммериха Текели, который началъ свое дѣло очень удачно. Опасность для Австріи еще болѣе усилилась, когда въ 1682 году Текели поддался султану. Турціи, которая начинала уже разлагаться, судьба сильно поблагопріятствовала во второй половинѣ XVII вѣка: пограничныя волненія въ трехъ сосѣднихъ державахъ дали ей возможность въ послѣдній разъ предпринять наступательное и побѣдоносное движеніе на христіанскій міръ. Мы видѣли, какъ на Польской украйнѣ, Дорошенко, недовольный Польскимъ правительствомъ, поддался султану, слѣдствіемъ чего было нашествіе Турокъ на Польшу, взятіе Каменца и тяжелый для Польши Журавинскій миръ. Покончивъ съ Польшею, Турки ударили на Русскую украйну и разорили Чигиринъ, послѣ чего Россія поспѣшила заключить съ ними не очень блистательный для себя миръ. Теперь смута на Австрійской украйнѣ, въ Венгріи, подданство Текели приглашали побѣдоносное Турецкое войско подъ стѣны Вѣны. Но если Туркамъ удастся нанести этотъ послѣдній, рѣшительный ударъ, овладѣть столицею главы священной Римской имперіи, то что̀ станется съ восточною Европою? устоятъ ли Польша и Россія, и что

будетъ съ Италіей? До сихъ поръ торжество Турокъ условливалось тѣмъ, что они нападали поодиночкѣ на сосѣднія державы; и теперь они вмѣшиваются въ Венгерскія дѣла, вооружаются противъ Австріи, заключивъ миръ съ Россіею; слѣдовательно единственное средство отклонить страшную бѣду отъ восточной Европы состояло въ заключеніи союза между ея державами для дружнаго отпора Оттоманамъ. Польскій король Янъ Собѣскій понялъ, что торжество Турокъ надъ Австріею будетъ гибелью для Польши и потому рѣшился вступить въ союзъ съ императоромъ Леопольдомъ. Людовикъ XIV, радовавшійся бѣдѣ Габсбурговъ, поддерживавшій Текели, старался отговорить и Яна Собѣскаго отъ подания помощи Австріи; Янъ отвѣчалъ, что останется спокойнымъ зрителемъ торжества Турокъ надъ Австріею только въ такомъ случаѣ, если Французскій король обяжется явиться на помощь къ Польшѣ со всѣми своими силами, когда Турки, по взятіи Вѣны, пойдутъ на Краковъ. Людовикъ не далъ этого обязательства, и Собѣскій остался при своемъ намѣреніи помочь Австріи. Но въ Польшѣ не всѣ думали одинаково съ нимъ. Во время сейма 1683 года явилось множество сочиненій, въ которыхъ толковалось противъ войны съ Турками за Австрію: „Никогда мы не хотѣли брать себѣ королей изъ Австрійскаго дома, а теперь хотимъ воевать для того, чтобъ удержать подъ ихъ игомъ братью нашу въ Венгріи, Моравіи, въ Чехахъ, въ Кроаціи! Правда, Турки распространятъ свои владѣнія до Дуная, но что̀ намъ до этого за дѣло? Когда, два года тому назадъ, императоръ могъ бояться, что Висла отойдетъ подъ власть Турокъ, пришелъ онъ къ намъ на помощь? Турки вовсе не враги наши непримиримые: южныя страны представляютъ имъ болѣе лакомую добычу, чѣмъ наша Польша; наши вѣчные враги—Бранденбургъ и Австрія. Вотъ почему отцы наши всегда старались о дружбѣ съ Франціею, которая помочь намъ всегда можетъ, а покорить никогда.“

Но Собѣскому удалось осилить французскую фа к ц і ю. Сеймъ согласился на союзъ Австрійскій, который и былъ заключенъ въ маѣ 1683 года; императоръ обязался выставить въ поле 60,000 войска, король 40,000; оба государя обяза-

лись спѣшить со всѣми своими силами на выручку, если Турки осадятъ Вѣну или Краковъ; наконецъ оба государя обязались уговаривать къ союзу и другихъ владѣльцевъ, особенно стараться всѣми силами привлечь къ нему свѣтлѣйшихъ царей Московскихъ (Serenissimos Moschorum czaros).

Въ Іюлѣ мѣсяцѣ 200,000 Турецкаго войска, подъ начальствомъ великаго визиря Кара-Мустафы перешло Раабъ и устремилось прямо къ Вѣнѣ. Императоръ Леопольдъ со всѣмъ дворомъ оставилъ столицу, поручивъ ея защиту графу Штарембергу. Штарембергъ выжегъ предмѣстія, отбилъ всѣ приступы, продержался шесть недѣль и дождался избавителей: къ Вѣнѣ подошло 84,000 христіанскаго войска: 27,000 Австрійцевъ подъ начальствомъ герцога Лотарингскаго, 11,400 Саксонцевъ подъ начальствомъ курфирста Іогана Георга, 11,300 Баварцевъ съ курфирстомъ своимъ Максомъ Эммануиломъ, 800 Франконцевъ подъ начальствомъ князя Валденскаго, и 26,000 Поляковъ подъ начальствомъ самого короля Яна Собѣскаго. Собѣскій принялъ начальство надъ всѣмъ соединеннымъ войскомъ, 12 сентября ударилъ на Турокъ и одержалъ надъ ними блистательную побѣду: оставивши весь свой богатый станъ въ добычу побѣдителямъ, Кара-Мустафа убѣжалъ къ Раабу. Собѣскій преслѣдовалъ непріятеля и вторично поразилъ его подъ Парканами.

Не смотря на то въ Константинополѣ не думали о мирѣ; Леопольду и Собѣскому нужно было на слѣдуюшій годъ готовиться къ новой тяжелой борьбѣ, и они стали искать союзниковъ. Весною 1684 года приступила Венеція къ священному союзу съ Австріею и Польшею, котораго патрономъ былъ провозглашенъ папа Инокентій XI. И въ договоръ съ Венеціею былъ внесенъ пунктъ, что три державы приглашаютъ къ союзу всѣхъ государей христіанскихъ и „преимущественно царей Московскихъ“ [3].

Янъ Собѣскій долженъ былъ исполнить двойное обязательство, и, разумѣется, исполнялъ его очень охотно. Извѣщая царей о своихъ побѣдахъ подъ Вѣною и Парканами, Собѣскій писалъ, что пришло время изгнать изъ Европы враговъ христіанства, что всѣ христіанскіе государи обѣщаютъ выста-

вить войско на весну, а царскимъ величествамъ можно было бы начать войну и зимою. Въ началѣ 1684 года явились въ Москву и полномочные послы императорскіе для заключенія союза противъ Турокъ. Тѣ же побужденія, которыя заставили Собѣскаго помочь Австріи, должны были дѣйствовать и въ Москвѣ: Турція въ послѣднее время явилась для Россіи самымъ опаснымъ врагомъ, съ которымъ нельзя было управиться въ борьбѣ одинъ на одинъ, какъ доказала послѣдняя война; а теперь представлялся вѣрный случай вознаградить себя за эту войну въ союзѣ съ другими христіанскими державами, союзѣ, котораго слѣдствія на первыхъ же порахъ оказались столь блистательными. Не принять участія въ священной войнѣ, и если слѣдствіемъ будетъ торжество Турокъ, то надобно будетъ безпрестанно опасаться появленія Турецкихъ ратей подъ Кіевомъ; если же Польша безъ Русской помощи получитъ отъ Турокъ выгодный и славный миръ, то первымъ ея дѣломъ будетъ потребовать отъ Россіи вооруженною рукою исполненія Андрусовскихъ условій, т. е. возвращенія Кіева. Слѣдовательно благоразуміе требовало приступить къ священному союзу противъ невѣрныхъ, но прежде, благодаря настоятельной потребности Польши въ этомъ союзѣ, заставить ее заключить вѣчный миръ съ уступкою Кіева въ Русскую сторону. Переговоры объ этомъ мирѣ начались въ Январѣ 1684 года на старомъ мѣстѣ, въ пограничномъ селѣ Андрусовѣ. Тридцать девять разъ съѣзжались уполномоченные и ничего не рѣшили: Поляки не уступали Кіева, Русскіе не соглашались подать помощи противъ Турокъ.

Въ Маѣ 1684 года, въ Москвѣ шли переговоры между Голицынымъ и послами императорскими — Жировскимъ и Блюмбергомъ. Послѣдніе объявили желаніе цесарскаго величества, чтобъ великіе государи помогли противъ Турскаго салтана, отняли у него правую руку—Крымъ. Много войска на Крымъ посылать не для чего: можно послать однихъ Черкасъ, которые подъ владѣніемъ гетмана Ивана Самойловича, придавъ къ нимъ нѣсколько пѣшихъ полковъ; цесарское величество другой помощи не требуетъ, желаетъ только, чтобъ

правую руку у султана удержать. Голицынъ отвѣчалъ: „У великихъ государей съ королемъ Польскимъ осталось только девять перемирныхъ лѣтъ, и если великіе государи, вступивъ за цесаря и короля Польскаго въ войну съ Турскимъ султаномъ, рати свои утрудятъ, а Польскій король, по истеченіи перемирныхъ лѣтъ, наступитъ войною на ихъ государства, то великимъ государямъ какая будетъ прибыль? поэтому, не заключивъ вѣчнаго мира съ Польшею, великимъ государямъ отнюдь въ союзъ вступить нельзя, что послы сами могутъ понять". Послы просили объявить, какое послѣднее намѣреніе со стороны царскаго величества насчетъ отдачи Кіева Полякамъ? Голицынъ отвѣчалъ, что Кіева въ польскую сторону никакъ отдать нельзя и отданъ не будетъ, потому что у Малороссійскаго народа съ Поляками за утѣсненіе вѣры и за другія обиды, великія ссоры и никогда между ними эти ссоры успокоены быть не могутъ; Малороссійскій народъ и имени Польскаго слышать не хочетъ. Да и потому Кіева отдать нельзя, что Польскій король Журавинскими договорами уступилъ всю Украйну Турскому салтану, а салтанъ Турскій уступилъ Кіевъ съ принадлежащими къ нему городами и мѣстами и Запорожье въ сторону царскаго величества. Голицынъ покончилъ разговоры рѣшительнымъ объявленіемъ: „Если король Польскій уступитъ царскому величеству городъ Кіевъ, то царское величество, въ союзѣ съ королемъ, будетъ вести войну противъ Крымскаго хана." [1] Между тѣмъ военное счастіе, вѣрное Австріи и Венеціи, оставило Собѣскаго: въ 1684 году онъ неудачно осаждалъ Каменецъ; въ 1685 году, не будучи самъ въ состояніи предводительствовать войскомъ по болѣзни, Собѣскій отправилъ гетмана Яблоновскаго въ Молдавію, чтобы, занявши эту страну, отрѣзать Подолію отъ Турецкихъ владѣній и принудить Каменецъ къ сдачѣ; Яблоновскій перешелъ Днѣстръ и вторгся въ Молдавію, но скоро принужденъ былъ возвратиться съ значительнымъ урономъ. Это заставило короля возобновить переговоры съ царями о союзѣ. Въ началѣ 1686 года въ Москву пріѣхали знатные послы королевскіе, воевода Познаньскій Гримультовскій и канцлеръ Литовскій князь

Огинскій. Семь недѣль князь Вас. Вас. Голицынъ съ товарищами спорилъ съ Гримультовскимъ и Огинскимъ; послы не соглашаясь на предложенія бояръ, уже объявили переговоры прерванными, откланялись царямъ, приготовились къ отъѣзду, и опять возобновили переговоры, „не желая, какъ говорили, столь великаго, славнаго, прибыльнаго дѣла оставить и своихъ трудовъ туне потерять". Наконецъ 21 апрѣля всѣ споры прекратились и заключенъ былъ вѣчный миръ: Польша уступила Кіевъ навсегда Россіи, великіе государи обязались разорвать миръ съ султаномъ Турскимъ и ханомъ Крымскимъ, послать немедленно войска свои на Крымскія переправы для защиты Польши отъ татарскихъ нападеній, приказать Донскимъ казакамъ чинить воинскій промыслъ на Черномъ морѣ, а въ слѣдующемъ 1687 году послать всѣ свои войска на Крымъ. Обѣ державы обязались не заключать отдѣльнаго мира съ султаномъ. Кромѣ того было постановлено, что Россія, въ вознагражденіе за Кіевъ, заплатитъ Польшѣ 146,000 рублей; къ мѣстамъ на западномъ берегу, оставшимся вмѣстѣ съ Кіевомъ за Россіею, къ Триполью, Стайкамъ и Василькову прибавлено земли верстъ по пяти; Чигиринъ и другіе разоренные города внизъ по Днѣпру, отошедшіе по послѣднему миру отъ Россіи къ Турціи, положено не возобновлять. Православные въ польскихъ областяхъ не подвергаются никакому притѣсненію со стороны католиковъ и уніатовъ; католики въ Россіи могутъ отправлять свое богослуженіе только въ домахъ.

За подтвержденіемъ договора со стороны королевской отправились во Львовъ бояринъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ и окольничій Чаадаевъ. Они два мѣсяца ждали короля: Собѣскій въ 1686 году самъ отправился съ войскомъ въ Молдавію, овладѣлъ Яссами, но, окруженный со всѣхъ сторонъ толпами Татаръ, долженъ былъ совершить трудное отступленіе съ голоднымъ и больнымъ войскомъ. Печаленъ пріѣхалъ Собѣскій во Львовъ, а тутъ еще новое горе: надобно было скрѣпить присягою договоръ, которымъ Польша навсегда отказывалась отъ Кіева: со слезами на глазахъ присягнулъ король [5].

Между тѣмъ въ Москвѣ, еще прежде окончательнаго дипломатическаго закрѣпленія Кіева за Россіею, поспѣшили окончить великое дѣло церковнаго возсоединенія восточной и западной Россіи, условливавшаго и возсоединеніе политическое. Въ XV вѣкѣ политическое разъединеніе обѣихъ частей Россіи подъ различныя династіи — Рюриковскую и Гедиминовскую имѣло слѣдствіемъ раздѣленіе Русской церкви: Литовскіе князья, владѣвшіе Кіевомъ, не хотѣли, чтобъ ихъ Русскіе подданные въ церковномъ отношеніи зависѣли отъ митрополита, жившаго въ Москвѣ, и настояли на посвященіи особаго митрополита въ Кіевъ. Въ XVII вѣкѣ Кіевъ присоединился къ Москвѣ, и наслѣдники Калиты, стремясь къ собранію Русской земли, уничтожаютъ дѣло князей Литовскихъ, возсоединяютъ Русскую церковь чрезъ подчиненіе Кіевскаго митрополита Московскому патріарху; но вмѣстѣ съ этимъ Москвѣ въ церковномъ отношеніи подчинялось и все зависѣвшее отъ Кіевскаго митрополита православное русское народонаселеніе, еще остававшееся въ польскихъ владѣніяхъ.

Это важное дѣло было улажено при помощи гетмана Ивана Самойловича, съ которымъ во все это время велись долгіе переговоры на счетъ союза съ Польшею противъ Турокъ и Татаръ: Польскій союзъ по прежнему встрѣчалъ сильное сопротивленіе въ Малороссіи.

Сношенія съ гетманомъ начались въ маѣ 1683 года. Самойловичъ на первый разъ отвѣчалъ, что союзъ съ христіанскими государями дѣло хорошее, но прежде надобно заключить съ Польшею вѣчный миръ, по которому Польша должна отказаться отъ Кіева и отъ всей Малороссіи, отъ войска запорожскаго городоваго и низоваго; потомъ надобно постановить, чтобъ русскія войска не соединялись съ польскими, но управлялись отдѣльно съ Крымскими Татарами. Впрочемъ и противъ союза встрѣчаются сильныя препятствія. Если великіе государи въ слѣдствіе союза съ королемъ и цесаремъ разорвутъ перемиріе съ Турками и Татарами, то король и цесарь дадутъ объ этомъ знать бусурманамъ; тѣ испугаются и предложатъ миръ, король и императоръ помирятся, и тогда

2

вся тяжесть войны обрушится на Россійское царствіе; да еслибъ они и не помирились съ Турками, но если султанъ обратится со всѣми своими силами на насъ, то не только цесарь за дальнимъ разстояніемъ не придетъ на помощь, не поможетъ и король Польскій. Союзъ между Россіею и Польшею не можетъ быть надеженъ уже и потому, что Поляки принадлежатъ къ Римскому костелу, а Русскіе восточнаго благочестія. Война, бывшая при царѣ Алексеѣ Михайловичѣ породила великія затрудненія между Россіею и Польшею; этихъ затрудненій до сихъ поръ никакіе договоры не устранили, отъ чего у Поляковъ болѣзнь вражды неисцѣлимая, особенно къ войску Запорожскому и народу Малороссійскому, и потому Поляки не только ищутъ всякаго зла державѣ царей, но рады бы обрушить небеса на христіанство Русское: можно ли же вѣрить ихъ союзу? Подозрительно, что король Польскій не показалъ царскимъ посламъ подлиннаго союзнаго договора своего съ цесаремъ и списка съ него къ великимъ государямъ не прислалъ. Хотя бы король Польскій съ цесаремъ и дѣйствительно вступилъ въ союзъ, но если король Французскій не будетъ съ ними, то надѣяться на союзъ нечего: потому что Французскій король сильнѣе цесаря и короля Польскаго, а онъ съ Турками не ссорится, напротивъ цесарю главный врагъ, и потому можетъ вредить союзу.

2 февраля 1684 года, въ праздникъ Срѣтенія послѣ обѣдни въ Батуринѣ народъ собирался къ гетманскому дому, посмотрѣть, какъ поѣдетъ царскій посланный, стольникъ Одинцовъ. Впереди шли стрѣльцы въ цвѣтныхъ кафтанахъ, несли царское жалованье: аксамитъ (парча) серебряный, бай-берекъ (бухарская ткань изъ крученаго шелку) коричный, два кречета, шесть осетровъ, вязигу, бочку лимоновъ, бѣлугу свѣжую большую, тешу бѣлужью, три юрлочныя бѣлуги, снятки свѣжіе бѣлозерскіе, снятки псковскіе, бочку вина ренскаго, бочку уксусу. За жалованьемъ ѣхалъ самъ стольникъ, передъ нимъ сидѣлъ подъячій съ грамотою. У крыльца встрѣтила посланнаго генеральная старшина, а въ сѣняхъ у дверей самъ гетманъ, принялъ честно за руку и пошли въ свѣт-

лицу, стольника велъ гетманъ по правую руку. Войдя въ свѣтлицу, стольникъ отъ имени великихъ государей спрашивалъ гетмана о здоровьѣ, хвалилъ его службу и подалъ грамоту. Самойловичъ, взявши грамоту, поцѣловалъ въ печать и на государской милости билъ челомъ, спрашивалъ о здравіи великихъ государей. Потомъ стольникъ спросилъ о здоровьи генеральную старшину, и тѣ били челомъ на государской милости. Поднесли царское жалованье, гетманъ опять билъ челомъ и говорилъ: „Великая, преславная и неизрѣченная ко мнѣ великихъ государей царей милость, и за такую милость, жалованье и призрѣнье десятократно и стократно бью челомъ и впредь служить, всякаго добра хотѣть, противъ всякаго непріятеля работать неотступно не только до крови, но и до смерти не забуду, какъ служилъ отцу и брату ихъ государскому“. Въ тотъ же день стольникъ и подьячій обѣдали у гетмана, и когда пили чашу за царское здоровье, въ то время трубили на трубахъ, играли въ суренки, били по литаврамъ, веселился гетманъ безмѣрно.

Не смотря на это безмѣрное веселье, гетманъ былъ недоволенъ: онъ выдалъ дочь за боярина Ѳедора Петровича Шереметева. Фамилія была знатная, но у гетманскаго зятя былъ еще живъ отецъ, бояринъ Петръ Васильевичъ, который мало давалъ сыну на содержаніе, а отъ царей богатаго кормленія не было, потому что бояринъ Петръ жилъ не въ ладахъ съ Голицинымъ. Гетманская дочь терпѣла нужду, что очень огорчало отца, особенно мать. Самойловичъ говорилъ Одинцову: „На боярина князя Василья Васильевича досадовать мнѣ нечего; случилось это не отъ боярина, моимъ несчастіемъ, неужели бы я у великихъ государей не упросилъ или бы имъ не заслужилъ? Я и теперь со всѣмъ своимъ домомъ не могу утѣшиться; жена моя бѣдная и дочь глаза повыплакали; лучше бы мнѣ было голову потерять, нежели такую бѣду видѣть, что дома плачъ безпрестанный. Блаженной памяти великій государь царь Ѳедоръ Алексѣевичъ обѣщалъ мнѣ, если сыщу себѣ зятя хотя бы и низкой породы, то пожалуетъ его честью и крестьянами удовольствуетъ. Теперь я бѣдную дочь свою выдалъ за человѣка высокой породы,

за боярина Өедора Петровича Шереметева, но утѣхи мнѣ отъ этого никакой: что было у дочери моей платья, все въ закладѣ и проѣдено; сватъ мой бояринъ Петръ Васильевичъ къ сыну своему не ласковъ, ничего сыну своему не даетъ и не поучитъ, какъ жить пристойно съ добрыми людьми, честныхъ почитать; кто отъ Бога помилованъ и отъ великихъ государей пожалованъ, того надобно чтить. Мое бѣдное сердце отъ того сильно сокрушается. А если бы великіе государи пожаловали меня за мою вѣрную службу, приказали зятю моему быть въ Кіевѣ, то я бы его всѣмъ ссужалъ и со всѣми домочадцами его прокормилъ, въ имѣнія его послалъ бы своихъ вѣрныхъ людей, велѣлъ посѣять хлѣба всякаго довольно, въ огородахъ овощу, все было бы пристроено и убережено. Милости прошу у великихъ государей и у благородной государыни царевны, чтобъ мое прошеніе бояринъ князь Василій Васильевичъ донесъ до нихъ, чтобъ приказали зятю моему быть въ Кіевѣ воеводою, а въ товарищахъ послали бы окольничьяго Леонтія Романовича Неплюева: онъ человѣкъ добрый, въ этихъ краяхъ жить умѣетъ, зять мой при немъ учился бы. Ко мнѣ была бы царская милость, а въ здѣшнемъ малороссійскомъ народѣ страхъ, что я гетманъ, а зять мой въ Кіевѣ воевода; желаю я этого не для того, что зятю моему въ Кіевѣ будетъ прибыльно, но для осторожности и страху Малороссійскаго народа. Да и то бы государская ко мнѣ превысокая милость, чтобы дочь моя со мною, съ матерью, съ братьями и сестрою увидѣлась и межъ собою поговорили. А если зять мой, что станетъ въ Кіевѣ дѣлать непристойно, то я самъ къ нему поѣду, или сына пошлю, или жену и дочь, и велю его уговаривать, чтобы жилъ между людьми пріятно и поважно. А на боярина князя Василья Васильевича никакой досады я не имѣю, и никто ко мнѣ не писывалъ, и хотя бы сватъ мой бояринъ Петръ Васильевичъ и писалъ, то я бы ему не повѣрилъ, потому что онъ и самъ къ сыну своему не ласковъ. Я боярину князю Василію Васильевичу истинно обѣщаюсь, что я ему вѣрный пріятель и слуга; только ты донеси до его милости, чтобъ онъ умилосердился на мои слезы и на плачъ всего моего дома, упросилъ великихъ госуда-

рей и государыню благородную царевну, чтобъ на весну зятя моего послали въ Кіевъ".

Стольникъ говорилъ гетману: „желаніе твое непремѣнно исполнится: великіе государи отпустятъ къ тебѣ зятя и дочь повидаться." — „Но какая мнѣ отъ этого будетъ прибыль? отвѣчалъ гетманъ: и досталь зять мой испроторится и изубытчится; я и такъ посылалъ къ нему деньгами, запасами, рыбою, мясомъ, однако не могу наполнить, а дорога дальняя, пуще людей изгонятъ и запасовъ потратятъ, а если бы былъ въ Кіевѣ, тутъ мѣсто близкое и я бы его прокормилъ."

Голицынъ велѣлъ Одинцову спросить у гетмана, зачѣмъ онъ не послалъ своихъ Малороссіянъ на коммиссію русскихъ уполномоченныхъ съ Польскими? Самойловичъ отвѣчалъ: „положился я на волю государскую, также и на боярина князя Василья Васильевича: что́ сдѣлается на коммиссіи, и великіе государи пожалуютъ, велятъ меня извѣстить. Послать мнѣ худыхъ людей — ничего по нихъ не будетъ; а послать добрыхъ — и имъ непригоже за хребтомъ стоять."

Въ ноябрѣ пріѣхалъ въ Батуринъ къ гетману одинъ изъ самыхъ бойкихъ дѣльцовъ московскихъ, думный дьякъ Ёмельянъ Игнатьевичъ Украинцевъ. Пріѣхалъ онъ говорить съ гетманомъ о двухъ великихъ дѣлахъ; о старомъ дѣлѣ, о союзѣ съ Польскимъ королемъ противъ Турокъ и Татаръ, и о новомъ, объ избраніи Кіевскаго митрополита. Самойловичъ сильнѣе прежняго былъ противъ союза съ Поляками: „Для чего теперь съ Турками и Татарами миръ разрывать и войну начинать? Если пришлютъ къ великимъ государямъ цесарь Римскій и король Польскій и станутъ ихъ призывать противъ тѣхъ непріятелей въ общую войну, то имъ можно отказать: великіе государи заключили съ султаномъ и ханомъ миръ безо всякой посторонней помощи, и теперь опять войну начать безъ причины нельзя. За что они сами, цесарь и король воюютъ съ Турками, о томъ они великимъ государямъ не извѣстили и съ начала къ союзу ихъ не призывали."

— „Такъ цесарю Римскому и королю Польскому отказать непристойно, потому что многіе государи христіанскіе помогаютъ имъ въ этой войнѣ," возражалъ дьякъ.

Гетманъ настаивалъ на своемъ, что отказать можно по многимъ статьямъ: съ Турками и Татарами у Россіи миръ; когда у нея была съ ними война, никто ей не помогъ, безъ стыда отказывали, что не могутъ разорвать мира; потомъ какъ помогать? къ цесарю ратныхъ людей послать — несносно и никогда не бывало; къ Польскому королю послать подъ Каменецъ, къ Дунаю и за Дунай — тоже нестаточное и несносное дѣло; на Крымъ войско послать — на цесарѣ и королѣ какую присягу взять, что они великихъ государей въ этой войнѣ не выдадутъ и особаго мира не заключатъ? Повѣрить присягѣ ихъ? но присяга ихъ не крѣпка; папа разрѣшаетъ ихъ въ присягѣ. Однимъ походомъ всего Крыма не завоевать; возьмемъ городки — Турки придутъ и станутъ ихъ добывать, а намъ защищать ихъ трудно, потому что на зиму рати надобно оттуда выводить, а если тамъ оставить, то отъ голоду и отъ повѣтрія тамошняго многіе помрутъ и оцынжаютъ." А главное, покончилъ гетманъ: „я Полякамъ не вѣрю: они люди лживые и непостоянные и вѣчные народу московскому и нашему козацкому непріятели."

—„Объяви, спрашивалъ дьякъ, въ чемъ особенно Польскій король показалъ къ намъ недоброжелательство?"

—„Удивительно, что ты объ этомъ меня спрашиваешь, отвѣчалъ гетманъ; когда въ Москвѣ между ратными людьми была смута, онъ этому радовался и, желая большаго зла, разослалъ къ намъ лазутчиковъ съ прелестными письмами, возмущая народы: какъ безчестилъ бояръ и думныхъ людей? султана и хана уговаривалъ къ войнѣ противъ государей; теперь недавно, безъ государскаго вѣдома, Донскихъ казаковъ и Калмыковъ къ себѣ на помощь призывалъ и многихъ подговорилъ, которые и теперь при немъ. А меня безпрестанно хлопочетъ какъ бы отравить, зарѣзать или застрѣлить. Я крѣпко остороженъ: никого изъ Польши и изъ Литвы не принимаю не только во дворъ свой въ службу, но и въ города поднѣпровскіе не велю принимать ни чернецовъ и никакихъ другихъ людей, потому что если бы сдѣлать въ этомъ послабленіе, то давно бы уже я былъ изведенъ, или бы въ Украйнѣ отъ тѣхъ бродягъ великая произошла смута. А какія пре-

лестныя письма въ смутное время на сю сторону Днѣпра и въ Запороги вкинулъ? я и до сихъ поръ отъ нихъ сокрушаюсь, непостоянные люди за нихъ ухватились и теперь держатся, и какъ ни радѣю, однако этого духа искоренить не могу.“

—„Великіе государи, говорилъ Украинцевъ, хотятъ въ это дѣло вступить не для того только, чтобъ помочь цесарю Римскому или королю Польскому; если вѣчные непріятели церкви Божіей, Турки и Татары теперь осилятъ цесаря и короля Польскаго и приневолятъ ихъ къ миру, то потомъ встанутъ войною и на насъ; на миръ надѣяться нечего: они привыкли миръ разрывать; тогда къ нимъ и Польскій король пристанетъ, и ему помощь подадутъ настоящіе его союзники — цесарь, папа и республика Венеціанская.“

—„Какъ угодно великимъ государямъ, отвѣчалъ гетманъ, а мнѣ кажется нѣтъ причины съ султаномъ и ханомъ миръ нарушать. Этотъ миръ послѣ великой и страшной войны заключилъ блаженной памяти великій государь царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ безпрестаннымъ, премудрымъ промысломъ и усерднымъ стараніемъ, да и моя служба и радѣнье въ томъ были. А теперь этотъ миръ разорвать мнѣ кажется неприлично и не для чего. Буди въ томъ ихъ государское и сестры ихъ великой государыни царевны святое и премудрое разсужденіе и пресвѣтлой ихъ палаты здравые совѣты; но и начать войну, мира искать же, только не скоро его тогда сыщешь, тотъ же король Польскій начнетъ тогда ссорить, чтобъ царская казна истощалась, а ратные люди гинули на бояхъ. И въ мысли нельзя держать не только намъ, но и дѣтямъ нашимъ, что Поляки когда нибудь перестанутъ къ намъ враждовать. Мнѣ кажется, что лучше держать миръ, а на Поляковъ оглядываться, съ Турками и Татарами поступать разумно. А войну изъ за чего начинать? Прибыли и государствамъ расширенія никакого не будетъ, до Дуная владѣть нечѣмъ — все пусто, а за Дунай далеко. Валахи всѣ пропали, да хотя бы и были, то они люди непостоянные, всякому поддаются; король Польскій возьметъ ихъ себѣ: чтожъ, изъ за нихъ съ нимъ ссориться? довольно и старыхъ ссоръ! Крыма никакими мѣрами не завоюешь и не удержишь. Воевать за церковь Бо-

жію? Святое и великое намѣреніе, только не безъ трудности. Церковь Греческая въ утѣсненіи тамъ пребываетъ, и до святой воли Божіей быть тому такъ; а тутъ вблизи великихъ государей церковь Божію король Польскій гонитъ, все православіе въ Польшѣ и Литвѣ разорилъ, не смотря на договоры съ великими государями.“

—„Турки и Татары вѣчные христіанскіе непріятели, повторялъ Украинцевъ; теперь они съ нами миръ сохраняютъ по неволѣ, потому что ведутъ войну съ Поляками и Нѣмцами, теперь то надъ ними и время промышлять. Теперь всѣ государи противъ нихъ вооружаются, а если мы въ этомъ союзѣ не будемъ, то будетъ стыдъ и ненависть отъ всѣхъ христіанъ, всѣ будутъ думать, что мы ближе къ бусурманамъ, чѣмъ къ христіанамъ.“

—„Зазору и стыда въ томъ ни отъ кого не будетъ, отвѣчалъ гетманъ; всякому своей цѣлости и прибыли вольно остерегать; больше зазору и стыда—имѣть миръ, да потерять его даромъ, безъ причины. Поляки лгутъ, будто имъ христіанскіе государи хотятъ помогать. Если они теперь помирятся съ Турками и встанутъ на насъ, то можно противъ нихъ Татаръ приговорить; если великимъ государямъ угодно, то я непремѣнно сдѣлаю, что Татары всегда будутъ при насъ.“

—„Не пожелаютъ великіе государи бусурманъ нанимать и наговаривать ихъ на разлитіе крови христіанской,“ сказалъ Украинцевъ.

—„Какой въ томъ грѣхъ, что призвать Татаръ на помощь? отвѣчалъ гетманъ. Для чего короли Польскіе ихъ призывали на войну противъ Московскаго государства? Татары подобны мечу острому или городу крѣпкому; христіане носятъ же при себѣ мечь для побѣды надъ непріятелемъ и обороны. Кто ни есть, толькобъ мнѣ былъ другъ и въ нуждѣ помощникъ.“

—„Государства у ихъ царскаго величества пространныя и многолюдныя, говорилъ Украинцевъ: теперь многіе люди ищутъ и желаютъ службы, безъ войны жить не привыкли, и прокормиться имъ нечѣмъ; Донскіе козаки безпрестанно бьютъ челомъ великимъ государямъ, что у нихъ рѣка улюднѣла, безпрестанно козаки думаютъ о войнѣ, безъ которой

прокормиться имъ нечѣмъ; если не послать ихъ на войну, то надобно давать большое жалованье. Если теперь службы не будетъ, то опасно отъ такого многолюдства, чтобъ ратные люди и Донскіе казаки не начали какого нибудь новаго дѣла; да и въ Малороссійскихъ городахъ большое многолюдство, охочіе и городовые полки желаютъ службы; чтобъ они не встали и надъ тобою какого зла не сдѣлали, подумай объ этомъ!"

—„У меня вездѣ остережено, отвѣчалъ гетманъ; вездѣ полковники вѣрные и надежные люди; если бы чернь на меня и зашевелилась, то у меня охочихъ конныхъ и пѣхотныхъ полковъ тысячи съ четыре готовы, да стрѣльцы Московскіе. Гораздо опаснѣе, когда Московскія и Малороссійскія войска будутъ въ соединеніи во время войны, тутъ пожалуй побьютъ бояръ и воеводъ и меня, тутъ и Польская какая-нибудь хитрость будетъ. Посмотрѣлъ я, когда былъ вмѣстѣ съ княземъ Ромодановскимъ: бывало велитъ бояринъ идти какому-нибудь полку на извѣстное мѣсто, куда необходимо, и отъ полковниковъ пачнутся такіе крики и непослушанія, что трудно и выговорить. У насъ въ полкахъ и не такіе люди, вольница, но если я прикажу идти — идутъ безъ отговорки. Въ Москвѣ не надобно много ратныхъ людей держать, надобно разсылать ихъ по порубежнымъ городамъ и занимать ихъ тамъ городовыми постройками; а въ Москвѣ держать полкъ, другой вѣрныхъ и пожалованныхъ людей; Донскихъ козаковъ чтобъ поубавить, послать противъ Черкесъ или Кумыковъ."

Думному дьяку не удалось переспорить гетмана, который стоялъ на одномъ, что не слѣдуетъ мѣнять золотой миръ на желѣзную войну. Украинцевъ кончилъ споры о войнѣ и занялся другимъ важнымъ дѣломъ. Въ Батуринѣ, въ Крупецкомъ монастырѣ жилъ епископъ Луцкій, князь Гедеонъ Святополкъ Четвертинскій, ушедшій изъ своей епархіи отъ католическаго гоненія. Думный дьякъ отправился къ епископу съ вопросами: о замыслахъ и поведеніи короля Польскаго? для чего онъ, епископъ, пріѣхалъ въ Малороссійскіе города? давноль посвященъ въ епископы, гдѣ и кѣмъ?

—„У короля и сенаторовъ, отвѣчалъ Гедеонъ, слыхалъ я

много разъ, что они, улучивъ время, хотятъ войну начать съ великими государями; а теперь какое у нихъ намѣреніе и поведеніе, того я не знаю. Пріѣхалъ я сюда потому, что отъ гоненія королевскаго мнѣ житья не было, все неволилъ меня принять Римскую вѣру или сдѣлаться уніатомъ; и теперь, идучи въ походъ, самъ король и королева сказали мнѣ, что когда король придетъ съ войны, а я римляниномъ или уніатомъ не сдѣлаюсь, то меня непремѣнно сошлютъ въ вѣчное заточеніе въ Маріенбургъ. Я испугался и прибѣжалъ сюда, желая здѣсь кончить жизнь въ благочестіи. При мнѣ еще держались благочестивые люди многіе, а теперь безъ меня конечно король всѣхъ приневолитъ въ Римскую вѣру, онъ притомъ сталъ упорно, чтобъ благочестивую вѣру въ Коронѣ и Литвѣ совершенно искоренить. Въ архіереи я посвященъ Діонисіемъ Балабаномъ, митрополитомъ Кіевскимъ."

Повидавшись съ епископомъ, Украинцевъ имѣлъ разговоръ съ гетманомъ объ избраніи митрополита въ Кіевъ. „Я всегда этого желалъ и хлопоталъ, сказалъ Самойловичъ, чтобъ въ Малой Россіи на Кіевскомъ престолѣ былъ пастырь; теперь Духъ Св. вліялъ въ сердца великихъ государей и сестры ихъ, что прислали они тебя съ указомъ объ этомъ дѣлѣ. Я стану около этого дѣла радѣть и промышлять, съ духовными и мірскими людьми совѣтовать, а думаю, что инымъ Малороссійскимъ духовнымъ будетъ это нелюбо. Прошу у великихъ государей милости, чтобъ изволили послать къ святѣйшему Цареградскому патріарху да подастъ благословеніе свое и уступитъ Малороссійское духовенство подъ благословеніе Московскихъ патріарховъ. Да чтобъ пожаловали великіе государи меня и весь Малороссійскій народъ, велѣли намъ и впередъ выбирать у себя въ митрополиты вольными голосами по нашимъ правамъ. Знаю я подлинно, что это дѣло нелюбо будетъ архіепископу Черниговскому (Лазарю Барановичу). Ему и то нелюбо, что епископъ Луцкій пріѣхалъ сюда въ Малороссію, говоритъ: „развѣ его митрополитомъ Кіевскимъ сдѣлать, а то другаго ему мѣста нѣтъ." А епископъ человѣкъ добрый и смирный, никакой власти не желаетъ."

—„Если у архіепископа Черниговскаго ненависть къ епи-

скопу Луцкому, сказалъ Украинцевъ, то ты бы, гетманъ, скоро его, епископа Луцкаго, въ Москву не отпускалъ; пусть прежде духовные и мірскіе люди выберутъ митрополита въ Кіевъ."

Отпуская Украинцева, гетманъ сдѣлалъ новое предложеніе: „указали бы великіе государи въ Кіевъ, Переяславль и Черниговъ перевести на вѣчное житье Русскихъ людей (Великороссіянъ) съ женами и дѣтьми, тысячь пять или шесть и этимъ Малороссійскій народъ обнадежился бы, что государи никому Малороссіи не уступятъ, а Поляки бы пришли въ отчаяніе."

Самойловичь не удовольствовался тѣмъ, что говорилъ Украинцеву противъ Польскаго союза; онъ послалъ съ нимъ въ Москву на письмѣ длинную перечень причинъ, почему опасно было вступать въ союзъ съ Польскимъ королемъ: „Подъ игомъ Турецкимъ, писалъ гетманъ, обрѣтаются народы православной Греческой вѣры, Валахи, Молдаване, Болгары, Сербы, за ними многочисленные Греки, которые всѣ отъ папина начальства укрываются и утѣшаются однимъ именемъ Россійскихъ царей, надѣясь когда-нибудь отъ нихъ получить отраду. Извѣстно, что папежаны усердно хлопочутъ въ Іерусалимѣ овладѣть Гробомъ Господнимъ. Если бы чрезъ вступленіе царскихъ величествъ въ союзъ, цесарю Римскому и королю Польскому посчастливилось овладѣть Турецкими областями и принудить тамошніе народы къ уніи и въ самомъ Іерусалимѣ возвысить Римскій Костелъ и понизить православіе, то отъ этого всѣ православные народы получили бы неутолимую жалость. Слѣдовательно надобно, предъ вступленіемъ въ союзъ, выговорить безопасность православія, ибо великимъ государямъ союзъ этотъ можетъ быть нуженъ только для сохраненія и умноженія православія, да для того, чтобъ здѣсь расширить границу нашу по Днѣстръ и по Случь, а безъ корысти для чего вступать въ союзъ? Да если бы Поляки и обязались уступить эти рубежи и не трогать православія, то никогда не сдержатъ обѣщанія, ибо папа разрѣшитъ отъ присяги. Царскихъ подданныхъ, Калмыковъ и козаковъ Донскихъ и Запорожскихъ тайными подсылками и прелестями Поляки къ себѣ перезываютъ; изъ всего видѣть можно, что Поляки преславному Россійскому царству враги; за одну

вѣру нашу Грекороссійскую, которую они уничтожаютъ и искореняютъ, надобно бы съ ними всѣмъ православнымъ христіанамъ побороться. Если великимъ государямъ угодно будетъ непремѣнно вступить въ союзъ, то неудобнѣе ли будетъ, по крайней мѣрѣ, отложить его, чтобъ дать войскамъ отдохнуть, и укрѣпить границу?

Въ январѣ 1685 года, пріѣхалъ въ Москву старшій канцеляристъ Василій Кочубей съ предложеніями отъ гетмана— удержать рѣку Сожь, ввести Запорожье въ исключительное владѣніе великихъ государей. „А такъ какъ вся тамошняя сторона Днѣпра, Подолія, Волынь, Подгорье, Подляшье и вся Красная Русь всегда къ монархіи Русской съ начала бытія здѣшнихъ народовъ принадлежали, то безгрѣшно бы было свое искони вѣчное хотя бы и потихоньку отыскивать, усматривая способное время.“ Кочубей подалъ перехваченную грамоту королевскую къ Бѣлоцерковскому протопопу съ увѣщаніемъ поднимать Малороссіянъ къ соединенію съ Польшею: „Нѣтъ такой цѣны и такого иждивенія, какого бы я пожалѣлъ на воздвигнутіе воинства козацкаго и всего народа Россійскаго,“ писалъ Собѣскій.

Касательно втораго дѣла, митрополичьяго избранія, гетманъ уже далъ знать объ немъ знатнѣйшему духовенству, и Кочубей привезъ въ Москву отвѣтныя грамоты къ Самойловичу отъ Черниговскаго архіепископа, также отъ Кіевопечерскаго архимандрита Варлаама Ясинскаго и другихъ игуменовъ Кіевскихъ монастырей: всѣ благословляли мысль великихъ государей дать пастыря первѣйшей русской митрополіи. Кочубей объявилъ объ епископѣ Луцкомъ, Гедеонѣ, что онъ былъ очень боленъ, едва не умеръ; болѣзнь приключилась ему съ того времени, какъ пріѣхалъ его священникъ изъ Москвы и привезъ ему царскую грамоту, въ которой епископъ не былъ названъ княземъ, тогда какъ король Польскій въ своихъ грамотахъ всегда называлъ его княземъ: епископъ человѣкъ мнительный, ему показалось, что на него за что-нибудь государскій гнѣвъ; если бы епископъ умеръ, то въ Польшѣ обрадовались бы, разгласили бы, что Богъ покаралъ его за покинутіе своей епархіи. Гетманъ велѣлъ Кочубею до-

ложить князю Голицыну, можно ли епископу пріѣхать въ Москву, поклониться великимъ государямъ?

Цари отвѣчали, что перемирія съ Польшею нарушить нельзя, и сколько остается лѣтъ этому перемирію, гетману и всему войску извѣстно, слѣдовательно, когда придетъ время, Поляки примутъ месть отъ Бога за гоненіе на православную вѣру, чего великіе государи усердно желаютъ и впредь желать будутъ. За труды по избранію митрополита великіе государи гетмана милостиво и премилостиво похваляютъ, пусть старается окончить это дѣло немедленно.

Гетманъ просилъ совершеннаго наставленія, какое чинить духовному чину предложеніе относительно избранія митрополичьяго? Съ отвѣтомъ поѣхалъ въ Батуринъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ окольничій Неплюевъ: „Совѣтовавъ съ духовными всѣхъ Малороссійскихъ городовъ, съ старшиною генеральною войсковою и со всѣми полковниками, выбирать мужа въ божественномъ писаніи искуснаго, тихаго и разумнаго изъ тамошнихъ природныхъ обывателей, а не изъ пріѣзжихъ; а какъ тому митрополиту поступать и какое послушаніе оказывать святѣйшему Киръ Іоакиму патріарху Московскому и всея Руси и его преемникамъ, какъ судить, по какимъ причинамъ и тягостямъ власть Константинопольскаго патріарха отложить, въ какомъ почитаніи гетмана, старшину и все войско Запорожское имѣть, и о всякихъ церковныхъ дѣлахъ писать къ св. патріарху московскому, а къ св. Константинопольскому патріарху ни о чемъ не писать и не посылать, причитанія никакого къ нему не имѣть, подъ послушаніемъ у него не быть и изъ подъ его паствы, за разстояніемъ дальняго пути, совершенно отстать, потому что прежнее отлученіе и благословенство Константинопольское нанесено было завистію и рвеніемъ непріятельскимъ, особенно въ нынѣшнія времена отъ богоотступника уніата епископа Львовскаго Іосифа Шумлянскаго и другихъ подобныхъ ему, на развращеніе церкви Божіей, отъ чего выросли многіе расколы и паденіе церкви въ Руси Красной и на Волыни, и въ другихъ мѣстахъ; Кіевскому митрополиту имѣть у себя въ области духовныхъ всѣхъ малороссійскихъ городовъ; по сте-

пени Кіевской митрополіи быть первою между Россійскими митрополіями:—обо всемъ этомъ написать статьи со всякою крѣпостію и осторожностію, подписать ихъ митрополиту и всему освященному собору, также гетману, старшинѣ, всѣмъ полковникамъ, ясауламъ и сотникамъ и печатями укрѣпить, и новоизбраннаго митрополита для архипастырскаго рукоположенія отпустить въ Москву.“

Кромѣ наказа о митрополитѣ гетманъ просилъ, чтобъ станицы Донскихъ Козаковъ не всегда пропускать въ Москву, но отправлять ихъ въ Курскъ. На это Неплюевъ долженъ былъ ему сказать: Донскимъ козакамъ дѣла свои надобно доносить въ Москвѣ въ государственномъ Посольскомъ приказѣ; да и потому Донскимъ козакамъ на Курскъ ѣздить непристойно, чтобъ украйны козаки совершенно не знали и ни съ кѣмъ бы согласія и совѣтовъ не имѣли; гетману самому извѣстно, что Донскіе козаки люди непостоянные и многіе отъ нихъ противные поступки являются. Наконецъ Неплюевъ долженъ былъ объявить гетману, что великіе государи жалуютъ ему въ потомственное владѣніе 52 крестьянскихъ двора въ Пронскомъ уѣздѣ, и въ даръ для потѣхи морскаго медвѣдя.

Гетманъ отвѣчалъ, что онъ отправилъ въ Кіевъ присутствовать на митрополичьемъ избраніи войсковаго есаула Ивана Мазепу и четверыхъ полковниковъ, что духовенство не будетъ противиться подчиненію митрополита Кіевскаго Московскому патріарху; но онъ, гетманъ со всѣмъ войскомъ и народомъ Малороссійскимъ бьетъ челомъ великимъ государямъ, чтобъ они послали поскорѣе грамоту къ патріарху Константинопольскому, иначе тотъ можетъ предать гетмана и лицъ, бывшихъ на избраніи, и митрополита проклятію: „извѣстно, что Греческія духовныя власти по малой винѣ склонны бываютъ къ недачѣ благословенія.“ Да и потому нужно поскорѣе послать, что изъ Польскихъ областей будутъ побуждать Константинопольскаго патріарха къ выдачѣ неблагословенія. Гетманъ при этомъ случаѣ прислалъ копіи съ грамоты Константинопольскаго патріарха Пареенія, соизволявшаго, чтобъ Московскій патріархъ посвятилъ въ Кіевъ митрополита. Гетманъ писалъ, что монаршеская благость

утѣшила его въ плачѣ глубокомъ: въ мартѣ умерла дочь его, боярыня Шереметева, которой мужу онъ успѣлъ наконецъ доставить Кіевское воеводство, а въ іюнѣ умеръ старшій сынъ Семенъ, полковникъ Стородубскій: „сынъ любимый, первородный, надежда старости,“ какъ писалъ старикъ. Царскій посолъ Неплюевъ, „будучи здраваго разума и разсужденія, увѣщательными словами въ то время горькой печали,“ много помогъ гетману, и ѣздилъ съ нимъ за 30 верстъ отъ Батурина въ Макошинскій монастырь, гдѣ старикъ прощался съ сыномъ, котораго тѣло везли въ Кіевъ на погребеніе.

Самойловичъ писалъ Голицыну, что, отправляя въ Кіевъ Мазепу съ товарищами, онъ далъ имъ наказъ ни подъ какимъ видомъ не объявлять, кого желаетъ гетманъ въ митрополиты, а только прислушиваться, къ кому будетъ духовенство желательно, и кого изберутъ — этого избранія не разорять. Но и безъ внушеніи Мазепы было извѣстно, что гетманъ желаетъ видѣть митрополитомъ Гедеона Четвертинскаго, а не Лазаря Барановича, съ которымъ у него были нелады. Лазарь самъ не поѣхалъ въ Кіевъ на митрополичьи выборы и не послалъ никого изъ знатнаго духовенства своей епархіи. Это обстоятельство сначала сильно мѣшало выборамъ; мѣшало и новое условіе, при которомъ совершались выборы—переходъ отъ Константинопольскаго патріарха къ Московскому, такъ что многіе „обрѣтались аки въ растерзаніи ума,“ по словамъ Самойловича; наконецъ избирателей смущали слухи изъ Бѣлгородской епархіи, разказывали, что тамъ митрополичьи чиновники сильно угнетаютъ бѣлое духовенство поборами, бьютъ священниковъ на правежѣ, наказываютъ тѣлесно, вводятся новые Московскіе обычаи, велятъ при крещеніи окунать, а не обливать, отъ чего непривыкшіе попы много младенцевъ потопили. Не смотря на эти помѣшки, дѣло сладилось и 8 іюля 1685 года былъ избранъ единогласно Гедеонъ, князь Святополкъ-Четвертинскій. Увѣдомляя объ этомъ счастливомъ событіи царей, гетманъ просилъ, чтобъ во 1) всѣ древнія права и вольности Малороссійскаго духовенства оставались неприкосновенными; 2) чтобъ Кіевская митрополія считалась первою между русски-

ми митрополіями; 3) уговорить Константинопольскаго патріарха, чтобъ уступилъ права свои на Кіевскую митрополію патріарху Московскому; 4) за Кіевскимъ митрополитомъ оставить званіе экзарха Константинопольскаго патріаршества, чтобъ православные епископы въ Польскихъ владѣніяхъ не избрали особаго митрополита съ титуломъ экзарха, что можетъ заставить весь народъ приклониться къ этому новому митрополиту; 5) чтобъ Московскій патріархъ поставлялъ и благословлялъ митрополита Кіевскаго, но въ суды его не вступался, какъ не вступался въ нихъ и патріархъ Константинопольскій; 6) чтобъ Кіевскій митрополитъ носилъ митру съ стоячимъ крестомъ, и чтобъ въ его епархіи передъ нимъ носили крестъ; 7) чтобъ въ Кіевопечерской Лаврѣ печатались книги по прежнему, а въ монастырѣ Братскомъ преподавались свободныя науки на языкахъ Латинскомъ и Греческомъ; 8) всѣ обычаи и отношенія духовныхъ властей къ митрополиту оставить по старинѣ; по смерти митрополита избраніе его преемника должно быть вольное. Въ Москвѣ согласились на всѣ эти пункты, кромѣ одного, чтобъ Кіевскій митрополитъ носилъ титутъ экзарха Константинопольскаго патріарха, ибо здѣсь заключалась явная несообразность: Кіевскій митрополитъ будетъ подчиненъ одному патріарху и въ то же время будетъ называться намѣстникомъ другаго! Осенью того же года новоизбранный митрополитъ пріѣхалъ въ Москву и былъ 8 ноября посвященъ патріархомъ Іоакимомъ.

Дѣло было кончено; но для многихъ оно могло казаться неконченнымъ; такимъ казалось оно и гетману Самойловичу, который боялся, что Константинопольскій патріархъ проклянетъ его и всѣхъ Малороссіянъ за отпаденіе отъ его вѣдомства, и не переставалъ упрашивать царей, чтобъ они выхлопотали въ Константинополѣ позволеніе Кіевскому митрополиту перейти въ вѣдомство Московскаго патріарха. Еще въ концѣ 1684 года Грекъ Захарій Софиръ былъ посланъ за этимъ въ Константинополь къ патріарху Іакову; но патріархъ отвѣчалъ, что теперь у нихъ смутное время, ничего нельзя сдѣлать: визирь при смерти, и неизвѣстно, кто будетъ на его мѣстѣ. Болѣзнь великаго визиря, разумѣется, не могла оста-

новить дѣла возсоединенія Русской церкви, и когда уже Гедеонъ былъ посвященъ въ Москвѣ, въ концѣ 1685 года отправились въ Турцію подъячій Никита Алексѣевъ и гетманскій посланецъ Лисица—къ султану съ жалобою на перезывъ людей съ восточной стороны Днѣпра на западную, къ патріарху по дѣлу о Кіевской митрополіи. Въ Адріанополѣ, гдѣ находился тогда султанъ, явился къ Алексѣеву Грекъ Юрій Мецевитъ и объявилъ: „Когда былъ у патріарха Грекъ Софиръ съ грамотою великихъ государей о Кіевской митрополіи, то я говорилъ святѣйшему, чтобъ послалъ отпустительную грамоту о переходѣ Кіевской митрополіи къ Московскому патріарху. Патріархъ мнѣ отвѣчалъ: безъ совѣта съ другими патріархами и безъ созванія своей епархіи митрополитовъ не могу этого сдѣлать, боюсь визиря; если стану собирать митрополитовъ и узнаетъ объ этомъ визирь и спроситъ, въ чѣмъ дѣло? то мнѣ какъ ему не объявить? А если мнѣ одному рѣшить это дѣло, то мое отпущеніе не будетъ имѣть никакой силы; да и визирь если объ этомъ узнаетъ, велитъ мнѣ голову отсѣчь, и я безъ визирскаго указа за это дѣло не примусь. — Я, продолжалъ Юрій, писалъ объ этомъ къ князю Вас. Вас. Голицину, и если у тебя есть указъ царскій, то домогайся у визиря, чтобъ онъ приказалъ патріарху начинать дѣло“.

— „Это дѣло можно патріарху сдѣлать и безъ визирскаго указа, отвѣчалъ Алексѣевъ: визирю объ этомъ дѣлѣ вовсе ненужно знать, и запрещенія патріарху отъ визиря никакого за это не будетъ“.

— „Нѣтъ, возражалъ Юрій, никакъ нельзя: надо созвать митрополитовъ, а изъ этихъ митрополитовъ одни патріарху друзья, а другіе недруги, и если патріархъ сдѣлаетъ дѣло безъ визирскаго указа, и какой-нибудь митрополитъ донесетъ, что патріархъ списывался съ Москвою, то патріарха сейчасъ казнятъ“.

Алексѣевъ началъ хлопотать, какъ бы повидаться въ Адріанополѣ съ Іерусалимскимъ патріархомъ Досифеемъ; но тотъ велѣлъ сказать ему, что прежде свиданія съ великимъ визиремъ этого сдѣлать нельзя. Алексѣевъ былъ у визиря и потомъ отправился къ патріарху. Досиѳей началъ прямо съ

того, что не будетъ совѣтовать Константинопольскому патріарху отказываться отъ Кіевской митрополіи въ пользу патріарха Московскаго, потому что подобные поступки запрещены въ правилахъ св. отецъ. „Мы не дадимъ своего благословенія: прежде митрополиты Кіевскіе пріѣзжали для поставленія въ Царь-градъ, и теперь бы изволили великіе государи писать къ намъ о поставленіи въ Кіевъ митрополита, и мы бы дали благословеніе, что вольно поставить его Московскому патріарху, а не вѣчно быть той епархіи за нимъ. А то прислали просить благословенія когда ужъ поставили! Это восточной церкви раздѣленіе. Я совѣтоваться объ этомъ съ Константинопольскимъ патріархомъ не буду, и отпустительнаго благословенія конечно не дамъ“.

Досиѳею отвѣчалъ Лисица рѣзко: „Гетманъ, все войско Запорожское и народъ Малороссійскій въ подданствѣ у великихъ государей; гетманъ желаетъ, чтобъ и духовный чинъ былъ весь подъ благословеніемъ Московскаго патріарха, да какъ уже то сдѣлано, тому такъ и быть“. Алексѣевъ уговаривалъ Досиѳея тихо и ласково, представлялъ, что Малороссіянамъ нельзя сноситься съ Константинопольскимъ патріархомъ по дальности пути, за бусурманскимъ гоненіемъ, за военными случаями, обѣщалъ государево жалованье. Досиѳей отвѣчалъ: „Я въ это дѣло вступаться не буду, какъ хочетъ Константинопольскій патріархъ, а я и за большую казну такого дѣла не сдѣлалъ бы, да Константинопольскому патріарху нельзя сдѣлать безъ визирскаго указа“.

— „Лучше было бы, говорилъ Алексѣевъ, если бы св. патріархи это святое дѣло сдѣлали не разглашая невѣрнымъ“. Но Досиѳей остался при своемъ.

Алексѣеву дали знать, что ему ненужно ѣздить въ Константинополь для свиданія съ патріархомъ; прежній патріархъ Діонисій былъ снова возведенъ на престолъ и пріѣхалъ по этому случаю въ Адріанополь. Алексѣевъ отправился къ визирю и объявилъ ему о желаніи царей на счетъ Кіевской митрополіи. Визирь обѣщалъ призвать къ себѣ патріарха и приказать ему исполнить царскую волю. Алексѣевъ

отправился съ этими вѣстями къ Досиѳею и нашелъ въ немъ совершенную перемѣну; „Я, сказалъ патріархъ, пріискалъ въ правилахъ, что вольно всякому архіерею отпустить изъ своей епархіи къ другому архіерею; я буду уговаривать патріарха Діонисія, чтобъ онъ исполнилъ волю царскую и самъ буду писать къ великимъ государямъ и къ патріарху Іоакиму и благословеніе отъ себя подамъ особо, а не вмѣстѣ съ Діонисіемъ“. Діонисій, съ своей стороны, не сдѣлалъ ни малѣйшаго возраженія, обѣщалъ во всемъ исполнить царскую волю, какъ только возвратится въ Константинополь и соберетъ митрополитовъ. Время было выбрано самое удобное: Турки, угрожаемые войною съ трехъ сторонъ, хотѣли поддержать миръ съ Москвою и спѣшили исполнить всѣ царскія желанія; визирь обѣщалъ Алексѣеву, что султанъ запретитъ перезывать людей съ восточной стороны на западную и строить здѣсь города; русскіе плѣнники были возвращены. Визирь говорилъ Алексѣеву: „Знаю подлинно, что Польскіе послы просили у царскаго величества помощи на насъ и уступали большую землю, но великіе государи ваши отвѣчали, что съ султановымъ величествомъ перемирныя лѣта не вышли. Объяви, когда будешь въ Москвѣ, чтобъ великіе государи теперь султанову величеству какой-нибудь препоны не сдѣлали, а впередъ у нихъ любовь и дружба еще болѣе будутъ множиться, знаемъ мы, что Московскіе великіе государи славные и сильные, нѣтъ подобнаго имъ царя изъ христіанскихъ царей“. По просьбѣ Алексѣева позволено было вновь построить въ Константинополѣ сгорѣвшую церковь Іоанна Предтечи. Изъ Адріанополя Алексѣевъ поѣхалъ въ Константинополь, гдѣ получилъ отъ патріарха Діонисія всѣ нужныя по Кіевскому дѣлу бумаги, и поднесъ ему 200 золотыхъ и три сорока соболей; Досиѳею Іерусалимскому дано было также 200 золотыхъ. Діонисій просилъ государей прислать жалованье и всѣмъ архіереямъ, подписавшимся на грамотѣ объ уступкѣ Кіевской митрополіи, по примѣру царя Ѳеодора Іоанновича, который прислалъ жалованье всѣмъ архіереямъ, подписавшимся на грамотѣ объ установленіи Московскаго патріаршества.

Такимъ образомъ скорымъ окончаніемъ своимъ въ Константинополѣ Кіевское дѣло было обязано желанію Турецкаго правительства угодить царямъ, чтобъ отвратить ихъ отъ союза съ Польшею и Австріею. Но эти угожденія и комплименты великаго визиря не могли обольстить Московское правительство, которое знало, что тонъ перемѣнится по окончаніи опасной войны. Не смотря на заключеніе мира при царѣ Θеодорѣ, Россія постоянно испытывала недружбу Турецкую. Въ 1680 году Юрій Хмельницкій посылалъ въ Украйну лазутчиковъ и зажигателей. Мирное условіе было нарушено, Заднѣпровскіе города заселены, и Турки перезывали туда людей съ восточной стороны. Чигиринъ заселился Волохами; здѣсь явился полковникомъ Петръ Уманецъ, который въ 1683 году нанялъ 8 зажигателей, послалъ ихъ на восточную сторону и пожары вспыхнули. Пойманные зажигатели разсказали, что цѣлію поджоговъ было принудить жителей восточной стороны Днѣпра переселяться на западную. Зажигатели эти объявили, что изъ Нѣжина Грекъ Митрофанъ ссылается съ Юріемъ Хмельницкимъ письмами, провѣдываетъ въ Москвѣ, въ Украинныхъ и Малороссійскихъ городахъ вѣстей и обо всѣмъ пишетъ вѣдомость [6]. Московское правительство впрочемъ спѣшило вооружиться не противъ Турокъ собственно, а противъ Крымскихъ разбойниковъ, старыя отношенія къ которымъ становились невыносимѣе, по мѣрѣ того, какъ въ Москвѣ становились болѣе чувствительными къ народной чести, болѣе привычными къ обращенію съ цивилизованными народами. Въ 1682 году царскій посланникъ Таракановъ далъ знать изъ Крыма, что нурадинъ, для полученія подарковъ, велѣлъ схватить его, привести къ себѣ въ конюшню, бить обухомъ, приводить къ огню и стращать всякими муками. Таракановъ объявилъ, что ничего лишняго, противъ прежнихъ дачь, не дастъ. Его отпустили въ станъ, на рѣку Альму, но пограбили всѣ вещи безъ остатка. Въ слѣдствіе этого правительница велѣла объявить хану, что Московскихъ посланниковъ онъ уже не увидитъ больше въ Крыму, и нужные переговоры и пріемъ даровъ будутъ производиться на границѣ. При этомъ цари требова-

ли, чтобъ ханъ прекратилъ войну съ Польшею; а ханъ, наоборотъ, приглашалъ Русскихъ къ нападенію за одно съ Татарами на Поляковъ. Но въ Москвѣ спѣшили воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобъ освободиться отъ Крымскихъ униженій, и не могли не раздражаться, когда гетманъ Самойловичъ продолжалъ толковать о необходимости сохранить миръ съ султаномъ и ханомъ. Окольничему Неплюеву велѣно было наконецъ сдѣлать Самойловичу выговоръ за его противенство. Гетманъ испугался и послалъ просить у царей милостиваго прощенія „чтобъ не быть ему въ нечаемой печали и приготовленіе на войну съ бусурманами чинить не печальнымъ, но веселымъ сердцемъ". Великіе государи въ октябрѣ 1686 года послали сказать ему, что прегрѣшеніе его милостиво отпускаютъ и предаютъ вѣчному забвенію, и потому онъ долженъ государское повелѣніе исполнять съ радостнымъ сердцемъ. Голицынъ увѣрялъ Самойловича „своего любезнѣйшаго брата и пріятеля", что великіе государи содержатъ его въ своей милости всегда неотмѣнно и никогда ихъ милость уменьшена не будетъ. Кромѣ гетмана войска Запорожскаго, явилось противенство еще съ другой стороны: Константинопольскій патріархъ Діонисій умолялъ царей не начинать войны съ Турками, потому что въ такомъ случаѣ Турки обратятъ свою ярость на единовѣрныхъ съ Русскими Греческихъ христіанъ. „Молимъ и просимъ ваше царское величество, писалъ Діонисій въ январѣ 1687 года, не становитесь виновниками пролитія крови такого множества христіанъ, не старайтесь помогать Французамъ и истреблять единовѣрныхъ христіанъ православныхъ; это не будетъ ни Богу угодно, ни передъ людьми похвально [7]".

Грамота опоздала. Еще осенью 1686 года былъ сказанъ ратнымъ людямъ походъ на Крымъ. Въ царской грамотѣ говорилось, что походъ предпринимается для избавленія Русской земли отъ нестерпимыхъ обидъ и униженія; ни откуда Татары не выводятъ столько плѣнныхъ какъ изъ нея, продаютъ христіанъ какъ скотъ, ругаются надъ вѣрою православною. Но этого мало: Русское царство платитъ бусурманамъ ежегодную дань, за что терпитъ стыдъ и укоризны отъ сосѣд-

нихъ государей, а границъ своихъ этою данью все же не охраняетъ: ханъ беретъ деньги и безчеститъ Русскихъ гонцовъ, разоряетъ Русскіе города; отъ Турецкаго султана управы на него нѣтъ никакой [8].

Въ челѣ стотысячнаго войска выступилъ въ походъ „большаго полка дворовый воевода, царственныя большія печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегатель“ и намѣстникъ Новгородскій, князь Вас. Вас. Голицынъ. Понятно, какъ Голицыну тяжело было уступать кому-нибудь другому честь завоеванія Крыма; понятно также, какъ должна была безпокоить его и правительницу мысль о возможности неудачи. Есть извѣстіе, что Голицынъ противъ воли принялъ начальство надъ войскомъ, потому что враждебные ему бояре требовали этого, зная, какія препятствія онъ встрѣтитъ [9]. Сборъ ратныхъ людей, по извѣстнымъ намъ причинамъ, былъ очень медленъ; по старому обычаю, употреблены были сильныя побудительныя средства, но и тутъ оказалось много помѣщиковъ въ „нѣтехъ“. Какъ только оберегатель удалился изъ Москвы на югъ, такъ уже начались ему непріятности отъ враговъ, особенно отъ главнаго изъ нихъ, князя Мих. Алегуковича Черкасскаго. „Друзей и недруговъ у меня было много“, говорилъ въ послѣдствіи самъ Голицынъ. Въ Москвѣ у него оставался вѣрный человѣкъ, не могшій измѣнить по единству интересовъ—Шакловитый. Къ нему то оберегатель обращался постоянно изъ похода съ просьбами слѣдить зорко за врагами, не давать имъ усиливаться, наоборотъ, давать имъ чувствовать силу Голицына, т. е. Софьи. Что сила эта не основывалась на правѣ—хорошо чувствовалъ Голицынъ; отсюда его желаніе пріобрѣсти право, отсюда робость предъ общественнымъ мнѣніемъ, робость которая заставляла его постоянно оглядываться и прислушиваться. Однажды во время похода у Голицына былъ обѣдъ, обѣдало человѣкъ 50 слишкомъ военныхъ; послѣ обѣда хозяинъ предложилъ чашу (тостъ) государеву, и рѣшился къ имени царей присоединить имя сестры ихъ, царевны Софьи. Рѣшившись на этотъ поступокъ, Голицынъ немедленно написалъ Шакловитому, чтобъ тотъ прислушался и отписалъ ему, ка-

кія будутъ въ Москвѣ рѣчи объ этомъ. Вѣсти изъ Москвы приходили нерадостныя: писали, что Черкасскій поднимается, займетъ мѣсто боярина Родіона Стрѣшнева: „Всегда намъ печаль, писалъ Голицынъ Шакловитому, а радости мало, не какъ инымъ, что̀ всегда въ радости и въ своевольствѣ пребываютъ. Я во всѣхъ своихъ дѣлахъ надежду имѣю на тебя; у меня только и надежды, что ты. Пожалуй, отпиши: нѣтъ ли какихъ дьявольскихъ препонъ отъ тѣхъ? Для Бога, смотри недреманнымъ окомъ Ч. (Черкаскаго), и чтобъ его въ то не допустить, (т. е. на мѣсто Стрѣшнева) хотя бъ патріархомъ или царевнами (тетками) отбивать". Голицынъ писалъ, чтобъ отбивать Черкаскаго патріархомъ; а ему изъ Москвы давали знать, что патріархъ вовсе не преданный ему человѣкъ, что и патріархъ противъ него, побралъ изъ церкви въ Барашахъ сдѣланныя Голицынымъ ризы и кафтаны и служить въ нихъ не велѣлъ: „О патріаршей дерзости подивляю, писалъ Голицынъ Шакловитому; отпиши, что порокъ на тѣхъ ризахъ? То дѣлаетъ все воля; какъ бы меньше имѣлъ входъ (на верхъ), тогда бъ лучше было". Сильную непріятность получилъ воевода и у себя въ полкахъ. Стольники, князь Борисъ Долгорукій и Юрій Щербатый пріѣхали на смотръ въ черномъ платьѣ, люди ихъ были также въ черномъ, лошади покрыты черными попонами Легко понять, какое сильное впечатлѣніе на войско могли они произвести этою выходкою, при тогдашнемъ суевѣріи. Голицынъ написалъ Шакловитому, требуя примѣрнаго наказанія виновнымъ: „Всемъ полкомъ дивилися и говорили: если имъ не будетъ указу, будутъ всѣ такъ дѣлать. Умилосердися, донеси добромъ: этимъ бунтовщикамъ учинить указъ доброй. Это пророчество и противность къ государеву лицу, а грамота объ указѣ прислать мочно: что вѣдомо государю учинилось, что они такъ ѣхали; то было не тайно, всѣми видимо; а если не будетъ указа, то дѣлать намъ съ ними нечего: чтобъ не потакнуто было; такъ бы разорить, чтобъ вѣчно въ старцы, и деревни неимущимъ того часу раздать; учиненъ бы былъ такой образецъ, чтобъ всѣ задрожали". Требованіе Голицына было исполнено: Долгорукій, Щербатовъ, и двое другихъ своевольниковъ, на кото-

рыхъ жаловался воевода, Мосальскій и Дмитріевъ, узнавши, что въ Москвѣ готовятъ на нихъ страшный указъ, испугались, пришли къ Голицыну со слезами и просили прощенія, клянясь, что впередъ уже не провинятся. Голицынъ „уступилъ имъ на ихъ слезы", не велѣлъ сказывать указа, и написалъ къ Шакловитому, чтобъ испросилъ для преступниковъ милость государскую: по его словамъ наказывать раскаявшихся было не ко времени и не къ дѣлу [10]".

Устроивъ окончательно войско на берегахъ рѣки Мерло, Голицынъ въ маѣ мѣсяцѣ выступилъ въ походъ, направляясь къ Конскимъ водамъ. На Самарѣ присоединился къ нему гетманъ Самойловичъ, подъ начальствомъ котораго было до 50,000 козаковъ. Соединенные войска продолжали походъ къ Конскимъ водамъ, перешли ихъ 13 Іюля, достигли урочища Большой Лугъ; о Татарахъ не было ни слуху, ни духу, но встрѣтился другой врагъ, болѣе страшный, котораго не было никакихъ средствъ побѣдить — степной пожаръ. Голицынъ собралъ совѣтъ, рѣшили продолжать походъ; но въ двое сутокъ прошли не больше 12 верстъ: лошади не двигались отъ устали и безкормицы, нигдѣ не было ни травы, ни воды, люди ослабѣли отъ зною и страшной копоти, которая мѣшала различать предметы. Проливной дождь далъ воду, наполнивъ пересохшія рѣки, но травы не было; Голицынъ опять собралъ совѣтъ на берегахъ Карачакрака: рѣшили возвратиться назадъ, отправивъ къ низовьямъ Днѣпра 30,000 войска, пополамъ Великороссійскаго и Малороссійскаго; московскіе полки пошли подъ начальствомъ окольничаго Неплюева, козаки подъ начальствомъ сына гетманскаго, Григорія.

Главное войско двинулось назадъ и остановилось отдохнуть у Конскихъ водъ, гдѣ было довольно лѣсу и травы. Донося правительству о своемъ походѣ, прикрывая, по возможности, его неудачу, Голицынъ писалъ, что Татары не смѣли выйти на встрѣчу къ царскому войску, а повредили ему, зажегши степи. Но въ станѣ у Конскихъ водъ, между русскими начальными людьми дѣло объяснялось иначе: „Распространился слухъ, пишетъ Гордонъ, что козаки по приказанію, или, по крайней мѣрѣ, съ допущенія гетманскаго, сами за-

жгли степи съ цѣлію помѣшать вторженію Русскихъ въ Крымъ, въ слѣдствіе чего между Русскими и козаками открылось взаимное недовѣріе. И дѣйствительно вѣроятность была на сторонѣ этого предположенія, потому что козакамъ было бы невыгодно, еслибы Русскіе опустошили или покорили Крымъ: тогда и имъ пришлось бы плохо, Москва могла бы безпрепятственно нарушать ихъ права и вольности [11].

Между тѣмъ правительница сильно испугалась неудачи похода, потому что враги Голицына торжествовали; она начала думать, какъ бы поправить неудачу, чтобъ оберегатель не возвратился съ позоромъ въ Москву; безпокойство увеличилось, когда пришла вѣсть, что степь жгли не Татары, а козаки. Софья рѣшилась отправить въ обозы Шакловитаго, который долженъ былъ предложить Голицыну: „Если возможно какъ ни есть, наготовя конскихъ кормовъ и озапасясь своими запасами, идти на Крымъ въ промыслъ, а къ Донскимъ козакамъ, которые на морѣ, послать, чтобъ они съ моря Крымъ тревожили и по возможности промышляли. Если того нынѣ учинить вскорѣ невозможно, велѣть наготовить судовъ и сверху, откуда пристойно, припровадить и Казикерменскіе (городки) взять и изъ нихъ велѣть окольничему Неплюеву и гетманскому сыну со всѣми ихъ полками идти плавною (ратью) на Крымъ, а въ то время отъ себя послать товарищей съ обозами, а съ ними конницы по разсмотрѣнію стройныхъ людей, да пѣхоты и пушекъ и гранатъ побольше, и промышлять, а запасы и пушки, и на конницу конскій кормъ вести на волахъ и назначить срокъ, чтобъ съ обоихъ сторонъ придти на Крымъ вмѣстѣ. Если того учинить нельзя, то построить на Самарѣ и на Орели города, и всякія тягости и запасы и ратныхъ людей по разсмотрѣнію оставить, чтобъ впредь было ратямъ надежное пристанище, а непріятелямъ страхъ.“ Шакловитый долженъ былъ ратнымъ людямъ сказать милость государскую пространно, а Самойловича похвалить за его радѣнье и сказать ему въ присутствіи Голицына: „Великимъ государямъ извѣстно, что въ степи, позади и по сторонамъ вашихъ обозовъ, жители Малороссійскихъ городовъ, ѣхавшіе съ харчами за обозомъ, сожгли конскіе кормы; ты

бы, гетманъ, про тотъ пожогъ велѣлъ розыскать со всякимъ радѣніемъ и виноватыхъ наказалъ немедленно, потому что то дѣло великое, чтобъ отъ такихъ поступковъ немногихъ воровъ дерзостныхъ и безстрашныхъ Малороссійскимъ жителямъ не нанеслось какого нибудь неудобнаго слова“ [12].

Но еще до пріѣзда Шакловитаго люди, ненавидѣвшіе Самойловича, а такихъ было много въ Малороссіи, воспользовались случаемъ, и начали хлопотать, чтобъ неудобное слово нанеслось одному гетману. За объясненіемъ причинъ ненависти къ Самойловичу обратимся къ Малороссійскому лѣтописцу: „Этотъ поповичь, говоритъ лѣтописецъ, сначала былъ очень покорнымъ и до людей ласковымъ; но когда разбогатѣлъ, сталъ очень гордъ, не только предъ козаками, но и предъ духовенствомъ. Старшина козацкая, пришедши къ нему, должна была стоять, никто не смѣлъ сѣсть, никто не смѣлъ войти на дворъ его съ палкою; также и священники, самые знатные, должны были стоять съ непокрытою головою; въ церкви никогда не ходилъ самъ дары брать, но священникъ къ нему носилъ. Также и сыновья его дѣлали. Если выѣзжалъ куда-нибудь, на охоту что ли, священникъ не попадайся на встрѣчу — будетъ несчастье, а самъ былъ поповичь! Ѣздилъ окруженный большою толпою, безъ кареты никуда, ни самъ, ни сыновья его, и при войскѣ все въ карстѣ; такъ былъ гордъ, какъ ни одинъ сенаторъ; и самъ гетманъ и сыновья его, будучи полковниками, вымышляли всякими способами, какъ бы побольше собрать денегъ съ народа. Людей военныхъ мало жаловалъ, для того, чтобы власть его, и сыновей, расширялась; сыновья его назывались не полковниками, но панами; не думали о перемѣнѣ панства своего, надѣялись на людей наемныхъ и на казну великую; козаковъ ни за что считали и на дворы къ себѣ не пускали, имѣя при дворахъ своихъ стражу сердюцкую, которой платили годовое жалованье; священникъ въ нѣсколько дней не могъ добиться, чтобъ его пустили на дворъ гетманскій, хотя бы была ему крайняя нужда. Вообще всѣхъ людей ни за что считали, позабывши низость своего рода“ [13].

Сначала ласковость Самойловича до людей, ласковость,

могшая происходить отъ того, что у гетмана былъ опасный соперникъ въ Дорошенкѣ, не подавала повода къ общему сильному неудовольствію; безукоризненная служба Самойловича царямъ не давала врагамъ его возможности обнести его въ Москвѣ. Но послѣ удаленія Дорошенка изъ Малороссіи, Самойловичъ и сыновья его, почуявъ просторъ, разнуздались; неудовольствіе стало рости между старшиною, духовенствомъ и козачествомъ, а тутъ размолвка гетмана съ правительствомъ по поводу Польскаго союза: на гетмана въ Москвѣ смотрятъ уже не по прежнему, ему уже присланъ разъ выговоръ за противенство. Значитъ можно воспользоваться степнымъ пожаромъ, обвинить гетмана въ измѣнѣ, и потребовать отъ правительства его смѣны: правительство не откажетъ, ибо не имѣетъ больше сильныхъ побужденій заступиться за гетмана; притомъ знали, что въ старину Самойловичъ не былъ въ ладахъ съ Голицынымъ. Когда въ 1677 году Голицынъ поссорился съ Ромодановскимъ, Самойловичъ стоялъ на сторонѣ послѣдняго. Но современникъ и очевидецъ событій, которому мы имѣемъ полное право вѣрить, Гордонъ, настаиваетъ, что главною причиною паденія Самойловича, была всеобщая ненависть, которую онъ возбудилъ въ Малороссіи; лѣтописецъ Малороссійскій подтверждаетъ слова Гордона: слѣдовательно для насъ вопросъ объ отношеніяхъ правительства и Голицына къ Самойловичу теряетъ свое значеніе; на первомъ планѣ является то обстоятельство, что Самойловичъ былъ дурной правитель, возбудившій всеобщую ненависть, что заступиться за него правительству было нельзя.

7 Іюля, въ обозѣ старшина войска Запорожскаго, обозный Василій Бурковскій, судья Михайла Воехѣевичъ, писари Савва Прокоповъ, Василій Кочубей, есаулъ Иванъ Мазепа, полковники—Константинъ Солонина, Яковъ Лизогубъ, Степанъ Забѣла, Григорій Гамалѣя подали Голицыну доносъ на Самойловича [14]: гетманъ старался препятствовать миру съ Поляками; узнавъ объ его заключеніи, сильно огорчился и говорилъ окольничему Неплюеву: „увидите, что не всѣ изъ вашихъ московскихъ чиновъ будутъ вамъ благодарны за то,

что разорвали миръ съ государствомъ Турскимъ и Крымскимъ хитростію Польскою;" при старшинѣ войсковой говорилъ: „Купила теперь Москва себѣ лихо за свои деньги, Ляхамъ данныя; увидите, что въ этомъ миру съ Поляками сыщутъ и что противъ хана сдѣлаютъ! пожалѣли малой дачи Татарамъ давать, а будутъ большую казну давать, что только Татары захотятъ." Гетманъ не велѣлъ служить по церквамъ благодарственныхъ молебновъ по случаю мира. Извѣстій о побѣдахъ союзниковъ не хотѣлъ слышать, пораженіямъ радовался. Жена гетмана однажды говорила женамъ особъ генеральныхъ: „сердитъ теперь и великія похвалки чинитъ Иванъ мой на Москву, пожалуй тоже сдѣлаетъ, что и Брюховецкій. Когда король Польскій въ прошломъ году отступилъ изъ Волошской земли, то бунчужный, послѣ разговора съ гетманомъ наединѣ, говорилъ: „радъ былъ бы господинъ гетманъ, еслибъ Поляки, утѣсненные Татарами въ Волошской землѣ, помирились съ ними; тогда Москва узнала бы насъ и стала бы уважать за то, что мы надежную дружбу съ государствомъ Крымскимъ имѣемъ." Указалъ царскимъ полкамъ дурное время для похода. Во время похода не старался добывать языковъ и не гасилъ горящихъ полей; изъ этого многіе заключаютъ, и мы знаемъ, что онъ приказалъ жечь степи. Терпя отъ солнечнаго зноя во время похода, говорилъ: „вотъ какъ намъ вредна эта безразсудная война Московская; отняла у меня здоровье! не лучшель было Москвѣ дома сидѣть и своихъ рубежей беречь, чѣмъ съ Крымомъ войну эту ненадобную заводить. Желая безчестья Московскимъ и козацкимъ войскамъ, совѣтовалъ возвратиться назадъ изъ похода; а возвратившись, говорилъ: „не говорилъ ли я, что Москва ничего Крыму не сдѣлаетъ? такъ и случилось, и теперь намъ надобно отъ Крыма защищаться. Смѣется надъ неудачею похода; веселъ; говорилъ передъ одною духовною почетною особою: „когда бы мнѣ далъ Богъ сына съ Низу въ добромъ здоровьи возвратить и въ Батуринъ придти, то знаю, что сдѣлаю!" Да будетъ великимъ государямъ и то извѣстно, продолжаетъ доносъ, что гетманъ самовластно владѣетъ и хочетъ владѣть Малоросcіею, граматы монаршескія у кого хочетъ отбираетъ и по-

жалованное граматами отписываетъ на себя или на дѣтей своихъ; въ Москву не только мірскимъ, но и духовнымъ людямъ ѣздить запрещаетъ, города Малороссійскіе не государственными, но своими называетъ и людямъ войсковымъ приказываетъ, чтобъ ему, а не монархамъ вѣрно служили. Говорилъ: „когда возвратимся изъ Крымскаго похода, то порадѣемъ Малую Россію лучше утвердить, а не такъ, какъ стоитъ въ прежнихъ статьяхъ. Сынъ его Григорій въ Черниговѣ бранилъ войта и мѣщанъ и грозилъ смертною казнію за то, что они хотѣли поставить на ратушѣ орла двуглаваго въ знакъ того, что городъ Черниговъ отчина царскаго величества; Григорій говорилъ такъ войту и мѣщанамъ: „не будете, мужики, жить на свѣтѣ, когда хотите выламываться изъ подданства господина отца моего и поддаться Москвѣ;“ и заказалъ, чтобъ не смѣли ставить орла. Гетманъ много разъ говорилъ старшинѣ: „Не послушала дурная Москва моего совѣта, помирилась съ Поляками: дождусь я того въ скоромъ времени, что будутъ снова меня просить, чтобъ я посредникомъ былъ къ перемирію съ государствомъ Крымскимъ; только я ужъ буду знать, какъ государство Крымское съ Москвою мирить; будутъ меня помнить, будутъ знать, какъ и насъ почитать.“ Онъ насмѣхался надъ царскою монетою; пересылался съ Польскимъ королемъ, предлагая ему свою службу; оставилъ только два моста для переправы царскаго войска. Говорилъ, что знаетъ о движеніи хана, который дастъ конечно Полякамъ добрую встрѣчу; пусть же бояре, такіе непочтивой матери дѣти, скачутъ и Полякамъ даютъ помощь, а нездорово дадутъ.“ Въ тотъ же день пришелъ къ нему войтъ Переяславскій и говорилъ: „жалуется Москва, что людей государевыхъ много померло и очень много больныхъ лежатъ;“ а гетманъ сказалъ на это: „хотя бы и всѣ пропали, то я бы не сталъ печалиться.“ Однажды гетманъ былъ съ полковниками Московскими и съ старшиною на обѣдѣ у Обознаго; послѣ обѣда полковникъ Петръ Борисовъ размолвилъ съ Гамалѣею, который, вѣрно въ надеждѣ на гетмана, сказалъ полковнику; „что ты на меня, полковникъ, нарекаешь? вѣдь вы не саблею насъ взяли!“ Гетманъ, слыша это, не сказалъ ни слова, только раз-

смѣялся, а, думалъ подобно, и похвалилъ. О земляхъ по той сторонѣ Днѣпра говорилъ жестоко: „Не такъ будетъ, какъ Москва и Поляки въ мирныхъ своихъ договорахъ постановили: сдѣлаемъ такъ, какъ намъ надобно.“ Все одинъ дѣлаетъ, никого къ думѣ не призываетъ; должности по своему гнѣву отнимаетъ, а не по пристойнымъ причинамъ, наказываетъ и безчеститъ, кого хочетъ, безъ суда и доводу, напрасно. За полковничьи мѣста беретъ большія взятки и чрезъ то позволяетъ утѣснять людей, чего при другихъ гетманахъ не бывало. Людей старинныхъ войсковыхъ заслуженныхъ всякими вымышленными способами тѣснитъ и слова добраго не говоритъ; а другихъ мелкихъ людей незаслуженныхъ съ собою запоставляя, тѣмъ даетъ знать, что можетъ дѣлать все, что захочетъ. Въ мельницахъ козацкихъ нѣтъ козакамъ воли, ни знатнымъ, ни заслуженнымъ, все на себя забираетъ. Что у кого полюбится, возьметъ, а что онъ самъ пропуститъ, то дѣти его возьмутъ; тому только у него доступъ, кто взятку даетъ, а кто не даетъ, хотя бы и годенъ былъ, отринутъ. Старшинѣ генеральной нѣтъ у него чести надлежащей и безопасности, отъ гнѣва и угрозъ его больше мертвы бываютъ, нежели покойно живутъ. Судейской должности уже четыре года никому не даетъ, потому что никого добрымъ человѣкомъ не считаетъ, хочетъ, чтобъ эта должность за большія деньги была куплена; государево жалованье, соболиное и объяринное, на двоихъ присланное, себѣ забралъ. Въ отсутствіе судей погасло право, обиженнымъ нѣтъ управы и отъ того плачутъ многіе. По всѣмъ этимъ причинамъ и по неспособности его нѣтъ надежды, чтобъ и впредь войско Запорожское на службѣ монаршеской что-нибудь похвальное оказало; желаетъ все войско и со слезами Господа Бога молитъ, чтобъ великіе государи, для лучшаго управленія монаршескихъ своихъ дѣлъ и для утоленія многихъ слезъ, изволили указать съ него должность гетманскую снять, а на ту должность, по правамъ войсковымъ, вольными голосами выбрать кого-нибудь бодрственнаго, вѣрнѣйшаго и исправнѣйшаго человѣка, который бы въ нынѣшней войнѣ не лѣниво, но радѣтельно и вѣрно съ войскомъ во всякихъ случаяхъ вѣрно великимъ го-

сударямъ служилъ. Съ перемѣною гетмана Крымъ можетъ быть запертъ и вскорѣ силами монаршескими и войска Запорожскаго повоеванъ. А если этого не будетъ, то при Самойловичѣ не можетъ ничего къ славѣ монаршеской оказаться, кромѣ бѣдъ; будетъ то, что отъ его притѣсненій всѣ разбредутся, или, избави Богъ, чтобъ въ добрыхъ не учинилось какой порухи. И о томъ все войско Запорожское бьетъ челомъ, чтобъ, по снятіи его съ гетманства, не жилъ онъ на Украйнѣ, но со всѣмъ домомъ взять бы его въ Москву и казнить какъ явнаго измѣнника ихъ царскимъ величествамъ и войску Запорожскому. Иныхъ многихъ безчисленныхъ его злыхъ поступковъ нельзя и выписать: только у превысочайшаго престола падши, просимъ о смѣнѣ гетмана, потому что если бы на это не было соизволенія царскаго величества, то войско Запорожское изъ меньшихъ чиновъ отнюдь его, какъ явнаго недоброхота, соблюдая къ великимъ государямъ свою вѣрную службу, не можетъ терпѣть и принуждено будетъ поступить съ нимъ въ скоромъ времени по своимъ войсковымъ правамъ и обычаямъ, за что просимъ царское величество на насъ не досадовать.“ Послѣ подписей именъ приписали еще: „И то потребуетъ высокаго разсужденія, что онъ по высокому о себѣ разумѣнію скрытымъ умысломъ своимъ не только въ народѣ Малороссійскомъ, среди котораго онъ между мелкими людьми родился, не полагаетъ никого себѣ равнаго происхожденіемъ и разумомъ, но и великороссійскаго православія всякими чинами гнушаясь, не захотѣлъ ни закого отдать своей дочери, но изъ зарубежа нарочно приманилъ для этого князя Четвертинскаго, въ чемъ полагаетъ средство когда-нибудь достигнуть въ Малороссіи удѣльнаго владѣнія; съ этимъ явнымъ намѣреніемъ и печать Юраса Хмельницкаго при себѣ задержалъ, не отсылая къ великимъ государямъ.“

Голицынъ отослалъ доносъ въ Москву и, до полученія царскаго указа, разумѣется, не могъ приступить ни къ чему, ни въ пользу гетмана, ни противъ него. Войско продолжало двигаться назадъ, теряя много офицеровъ и солдатъ. По переходѣ чрезъ рѣку Орель 12 іюля пріѣхалъ къ войску Шакло-

витый съ милостивымъ словомъ за службу, спрашивалъ о здоровьѣ всѣхъ отъ мала до велика. 14 собрали военный совѣтъ для рѣшенія вопроса, что дѣлать этимъ лѣтомъ для воспрепятствованія Татарамъ вторгаться въ Польшу или Украйну? Шакловитый предложилъ послѣднюю статью своего наказа — построить крѣпости на Самарѣ; вѣроятно Голицынъ убѣдилъ его въ невозможности исполненія первыхъ, особенно когда открылось гетманское дѣло. По окончаніи военнаго совѣта, Шакловитый спросилъ гетмана, зачѣмъ онъ, какъ узнано, позволилъ зажечь степи? Самойловичь отвѣчалъ, что онъ ничего не знаетъ о пожогѣ. Тѣмъ дѣло и кончилось; послѣ совѣта всѣ начальные люди пошли обѣдать къ гетману, и послѣ обѣда, по обычаю, гости дарили хозяина. 16 іюля уѣхалъ Шакловитый, 21 войска переправились чрезъ рѣку Коломакъ, недалеко отъ Полтавы, и раскинули станъ: сюда пригналъ гонецъ изъ Москвы къ Голицыну съ указомъ созвать старшину и сказать ей, что „великіе государи, по тому ихъ челобитью, Ивану Самойлову, буде онъ имъ старшинѣ и всему войску Малороссійскому негоденъ, быть гетманомъ не указали, и указали у него великихъ государей знамя и булаву и всякіе войсковые клейноты отобравъ, послать его въ великороссійскіе города за крѣпкою стражею, а на его мѣсто гетманомъ учинить, кого они старшина со всѣмъ войскомъ Малороссійскимъ излюбятъ; а сказавъ имъ указъ, о посылкѣ гетмана въ Великороссійскій который городъ пристойно, также и о дѣтяхъ и о свойственникахъ гетманскихъ по избраніи новаго гетмана учинить ближнему боярину по своему разсмотрѣнію, какъ Господь Богъ вразумитъ и наставитъ.“ Изъ этого указа ясно видно, что въ Москвѣ смотрѣли на дѣло Самойловича какъ на чисто Малороссійское, не убѣждались доносомъ въ его измѣнѣ, но не хотѣли оставлять гетманомъ человѣка, возбудившаго всеобщее неудовольствіе, боялись, „чтобъ отъ того, отъ чего Боже сохрани, во всей Малороссіи не учинилось какого замѣшанія, бунта и кровопролитія“ какъ сказано въ той же грамотѣ [15].

Получивши указъ, Голицынъ призвалъ къ себѣ русскихъ полковниковъ, находившихся постоянно при гетманѣ и при-

казалъ имъ какъ можно осторожнѣе, безъ шума сдвинуть и запереть обозъ около ставки Самойловича, изъ опасенія, чтобъ козаки не вздумали напасть на нелюбимаго гетмана. Бояринъ велѣлъ полковникамъ дать знать старшинѣ, что пришелъ указъ о сверженіи гетмана и объ избраніи новаго, и чтобъ они дали знать, когда у нихъ будетъ все готово. Вечеромъ полковники тихонько начали сдвигать обозъ; однако это движеніе не могло утаиться отъ слугъ гетманскихъ, которые сейчасъ же дали знать объ немъ Самойловичу. Тотъ догадался, что затѣвается что-то недоброе; боялся онъ насилія со стороны козаковъ и ночью написалъ къ полковникамъ письмо, въ которомъ выставлялъ свои заслуги правительству, объявлялъ свою невинность, требовалъ, чтобъ его выслушали. Отвѣта не было. Въ полночь явился къ Голицыну генеральный писарь Кочубей съ извѣстіемъ, что все въ безопасности и съ просьбою объ арестованіи гетмана. Бояринъ приказалъ, чтобъ на разсвѣтѣ гетманъ съ сыномъ были схвачены и приведены къ нему, также чтобъ отданы были подъ стражу люди подозрительные, находившіеся въ приближеніи у гетмана, наконецъ приказалъ разставить сторожей по всѣмъ дорогамъ изъ стана, чтобъ никто не смѣлъ уйти, дать знать сыну гетманскому Григорію о судьбѣ отцовской и возбудить мятежъ по городамъ и селамъ. Все было исполнено. На разсвѣтѣ пошли было схватить Самойловича, но не застали его въ шатрѣ, онъ былъ въ церкви и усердно молился. Когда служба кончилась и гетманъ вышелъ изъ церкви, подошелъ къ нему отставной Переяславскій полковникъ, Дмитрашка Райча, схватилъ его за руку и сказалъ: „пойдемъ со мной". Гетманъ посмотрѣлъ вокругъ и потребовалъ, чтобъ ему дали переговорить съ Русскими полковниками. Полковники не замедлили явиться, ведя захваченнаго ими сына гетманскаго Якова. Гетмана посадили на дрянную телѣгу, сына его верхомъ на клячу и повезли подъ прикрытіемъ стрѣльцовъ въ большой станъ къ Голицыну. Здѣсь на открытомъ воздухѣ сидѣли всѣ воеводы, генералы и полковники; явилась старшина и въ краткой рѣчи объявила, что она давно уже видѣла великія тягости отъ гетмана, а напослѣдокъ объ-

явились и измѣнническія дѣла, о которыхъ они и донесли, служа ихъ царскимъ величествамъ. Такъ какъ теперь гетманъ схваченъ и привезенъ въ станъ, то они, старшина, требуютъ, чтобъ съ нимъ поступлено было по войсковому праву. Голицынъ спросилъ, не обвиняютъ ли они гетмана, мстя ему какія-нибудь свои недружбы, и нельзя ли эти неудовольствія успокоить какимъ-нибудь другимъ образомъ? Старшины отвѣчали: „хотя оскорбленія, нанесенныя гетманомъ народу и большой части изъ насъ, и очень велики, однако мы не рѣшились бы поступить съ нимъ такимъ образомъ, еслибы къ тому же не присоединилась и измѣна, о которой, по нашей присягѣ, мы не можемъ умолчать; кромѣ того мы съ большимъ трудомъ могли удержать народъ, чтобъ онъ не растерзалъ гетмана: такъ онъ сталъ всѣмъ ненавистенъ. Тутъ входитъ старый гетманъ, опираясь на трость съ серебрянымъ набалдашникомъ, голова его обернута мокрымъ платкомъ, потому что онъ давно уже страдалъ глазами и головными болями. Голицынъ въ короткихъ словахъ пересчиталъ ему обвиненія; гетманъ отвергнулъ всѣ обвиненія и началъ оправдываться; поднялись споры между нимъ и тремя полковниками, Дмитрашкою Райчею, Солониною и Гамалеею. Голицынъ велѣлъ вывести Самойловича; козаки хотѣли было наложить на него руки, но Голицынъ сдержалъ ихъ и отдалъ гетмана съ сыномъ подъ охрану стрѣлецкимъ полковникамъ.

Послѣ этого козаки начали толковать о выборѣ новаго гетмана. Сочли нужнымъ послать за духовенствомъ и знатнѣйшими козаками въ ближайшіе полки; но въ тотъ же вечеръ и на другой день оказалось, что ждать долѣе нельзя: козаки Гадяцкаго полка подняли бунтъ, убили полковника и разныхъ другихъ людей, такъ что Голицынъ долженъ былъ послать русскихъ рейтаръ наблюдать за козацкимъ станомъ; также начали козаки толпами покидать лагерь: откладывать выбора стало нельзя.

24 Іюля собралась старшина у Голицына для выслушанія статей, на которыхъ присягали прежніе гетманы. Положили принять глуховскія статьи, съ прибавкою слѣдующихъ новыхъ: 1) при гетманѣ въ Батуринѣ для охраненія и цѣлости

его быть полку Московскому стрѣлецкому; 2) чтобъ гетману и старшинѣ, служа великимъ государямъ, народъ Малороссійскій всякими мѣрами и способами съ великороссійскимъ пародомъ соединять, въ неразрывное и крѣпкое согласіе приводить супружествомъ и инымъ поведеніемъ, чтобъ были подъ одною царскаго величества державою обще, какъ единой христіанской вѣры, и никтобы голосовъ такихъ не испускалъ, что Малороссійскій край гетманскаго регимента, а отзывались бы вездѣ единогласно ихъ царскаго величества самодержавной державы гетманъ и старшина и народъ Малороссійскій обще съ Великорусскимъ народомъ, и вольный переходъ жителямъ изъ Малороссійскихъ городовъ въ Великороссійскіе имѣть". Послѣ статей начали разговоръ объ имѣніи бывшаго гетмана, при чемъ Голицынъ объявилъ: „хотя по закону все принадлежавшее измѣннику должно принадлежать царямъ, однако я, съ опасностію навлечь на себя немилость царскую, беру на свою отвѣтственность и опредѣляю, что половина имѣнія пойдетъ войску Запорожскому, а другая въ казну царскую". Всѣ были довольны, и знатнѣйшіе начали тихонько освѣдомляться у Голицына, кого бы ему всего больше хотѣлось видѣть гетманомъ? Голицынъ намекнулъ имъ, что ему больше всего хотѣлось бы Мазепу, и въ тотъ же вечеръ у старшины положено было дѣйствовать въ пользу Мазепы, при чемъ положено было также отнять мѣста у всѣхъ креатуръ Самойловича и раздать ихъ членамъ новой Мазепинской партіи.

25 числа выборные полки и стрѣльцы окружили походную церковь, поставленную въ полѣ подлѣ козацкаго стана. Въ 10 часовъ утра пріѣхалъ Голицынъ съ начальными людьми, и велѣлъ позвать въ кругъ козаковъ, которыхъ было 800 конныхъ и 1200 пѣхоты; знатнѣйшіе изъ нихъ отправились съ бояриномъ въ церковь, куда понесли предъ ними знаки гетманскаго достоинства. Послѣ молебствія всѣ вышли изъ церкви, подлѣ которой поставленъ былъ небольшой столъ, покрытый богатымъ ковромъ: на немъ разложили булаву и другіе знаки гетманскаго достоинства. Голицынъ сталъ на скамью и сказалъ козакамъ, что ихъ царскія величества дозво-

ляютъ имъ, по ихъ старому войсковому обычаю, избрать гетмана, и что каждый можетъ свободно подать свой голосъ: такъ пусть же объявятъ, кто имъ любъ. На нѣсколько времени водворилось молчаніе, потомъ нѣсколько голосовъ по близости произнесли имя Мазепы, другіе подхватили и скоро по всей толпѣ раздались восклицанія: „Мазепу въ гетманы!" Слышалось и имя Борковскаго, но было заглушено. Голицынъ повторилъ вопросъ знатнѣйшимъ козакамъ: кого они хотятъ гетманомъ? всѣ отвѣчали единогласно: Мазепу! Новый гетманъ присягнулъ и подписалъ условія, послѣ чего получилъ изъ рукъ Голицына булаву, бунчукъ и знамя [16]. Голицынъ указалъ на Мазепу, какъ на человѣка, ему, слѣдовательно правительству угоднаго; это указаніе должно было имѣть важное вліяніе на выборъ, и Мазепа долженъ былъ не на однихъ словахъ поблагодарить боярина: онъ далъ ему десять тысячъ рублей [17].

На Украйнѣ дѣло уладилось; но мы видѣли, какъ чутко Голицынъ слѣдилъ за Московскими толками, за внушеніями своихъ недоброжелателей; и теперь онъ писалъ Шакловитому: „Что̀ про гетмана будетъ словъ, пожалуй отпиши подлинно". Шакловитый увѣдомилъ, что внушаютъ: зачѣмъ Самойловичъ свергнутъ безъ розыска? Голицынъ отвѣчалъ: „О гетманѣ, какъ учинилось, и о томъ писалъ я въ отпискахъ своихъ и въ грамотахъ, изъ которыхъ о всемъ можеш выразумѣть. А пристойнѣе того и больше учинить невозможно. А что про него розыскивать, и такого образцу николи небывало: извольте посмотрѣть въ старыхъ дѣлахъ. А что отъ котораго лица какое злословіе и то Богу вручаю: Онъ то можетъ разсудить, какая въ томъ наша правда. Мы чаяли, что тѣ лица воздадутъ хвалу Господу Богу и намъ милость, какъ то учинилось безъ всякой помѣшки и кровопролитія и замѣшанія. Коли ужь разсудить не могутъ, и онибъ взяли себѣ въ примѣръ Турскаго салтана, который то учинилъ назадъ тому два года: однимъ лѣтомъ перемѣнилъ двухъ хановъ по Татарскому челобитью, не розыскивая; только тому радъ былъ, что они были у него въ послушаніи и бунта никакого не учинили. Не мудробъ и намъ не перемѣнить, только посмотрѣлибъ, что изъ того родилось".

Московскіе пересуды не помѣшали встрѣтить и наградить Голицына какъ побѣдителя; дѣло на Коломакѣ было выставлено какъ особенная заслуга оберегателя. Голицынъ, по возвращеніи изъ похода былъ также могуществен, какъ и прежде, къ нему и къ сыну его Алексѣю обращались люди, желавшіе получить что-нибудь отъ правительства. Такъ обратился къ нимъ полумертвый отъ старости Лазарь Барановичь, который спѣшилъ воспользоваться паденіемъ Самойловича и прислалъ въ Москву жалобу на пріятеля падшаго гетмана, Кіевскаго митрополита Четвертинскаго. 30 марта 1688 года Черниговскій архидіаконъ Антоній привезъ царямъ грамоту: „забвенъ былъ яко мертвъ, писалъ старикъ; быхъ яко человѣкъ безъ помощи, еще живу мнѣ сущу погребохся. Я, смиренный богомолецъ вашъ, при старости моей и ослабѣвшихъ всесовершенно силахъ, возненавидѣнный бывшимъ гетманомъ, утѣсненъ былъ многими отъ него обидами, многими скорбями и неисповѣдимыми печалями, и утѣсненъ былъ не просто, но какъ мертвый забвенъ, и при жизни землею покровенъ явился; что могло быть тяжелѣ, когда гетманъ запрещалъ мнѣ посылать предъ вашъ царскій престолъ письменныя челобитья, дабы возмогъ пріять милость и обрѣсти благодать? Хотѣлъ онъ, да обрящуся, яко человѣкъ безъ помощи въ мертвыхъ свободь. Но Богъ, животворяй мертвыя, даровалъ такое улучить время, о которомъ могу сказать: се нынѣ время благопріятно, се нынѣ день спасенія. Изшедъ отъ забвенія гроба, прихожу предъ пресвѣтлѣйшій престолъ съ смиреннымъ челобитьемъ: не отвергните меня во время старости моей, призрите на озлобленіе мое! Когда преосвященный отецъ Гедеонъ Святополкъ принялъ престолъ Кіевскій, то я, презрѣвъ мою старость, встрѣтилъ святыню его въ Батуринѣ, преклонилъ предъ нимъ ослабѣвшія колѣна мои, надѣясь, что призритъ меня своею милостію за тридцатилѣтніе мои труды, въ архіерейскомъ санѣ подъятые. Я просилъ его подкрѣпить данную мнѣ митрополитомъ Діонисіемъ Балабаномъ грамоту на семь протопопій; желалъ я также видѣть данную ему вашимъ царскимъ величествомъ грамоту на митрополію Кіевскую. Но преосвященный митро-

политъ обиду великую старости моей нанесъ: прежде всего отнялъ у меня архіепископское имя, велѣлъ называть меня только епископомъ, тогда какъ это названіе далъ мнѣ отецъ вашъ, блаженной памяти царь Алексѣй Михайловичъ, по благословенію троихъ вселенскихъ патріарховъ. Потомъ отнялъ три протопопіи; въ укорительномъ письмѣ къ Воронежскому священнику Глуховской протопопіи назвалъ меня пастушкомъ и похитителемъ нѣкоторыхъ приходовъ, ему будто бы принадлежащихъ. Падаю предъ вашего царскаго величества лицемъ, примите прошеніе мое: да буду со всею епархіею моею прямо подъ благословеніемъ святѣйшаго патріарха Московскаго наравнѣ съ прочими великороссійскими архіереями, и пусть преемники мои поставляются въ Москвѣ, а не въ Кіевѣ". Архидіаконъ подалъ грамоту и отъ гетмана: „Покорственно прошу, писалъ Мазепа, дабы ваше царское пресвѣтлое величество изволили прошенія и желанія архіепископа милостиво выслушать и премилосердымъ удовольствовать призрѣніемъ". Въ то же время Лазарь и Мазепа писали объ этомъ дѣлѣ князю Вас. Вас. Голицыну и сыну его князю Алексѣю. Всѣ прошенія и желанія ихъ были исполнены. [18]

Оберегатель готовился ко второму походу на Крымъ, тѣмъ болѣе, что ханъ мстилъ за первый походъ вторженіями въ Украйну, а христіане Турецкихъ областей звали Русскія войска для спасенія православія—и не отъ Турокъ. Въ то время какъ Русскіе должны были безъ успѣха возвратиться изъ сожженной степи, и Поляки тщетно осаждали Каменецъ, другіе союзники Австрійцы и Венеціане торжествовали надъ Турками въ Венгріи, Далмаціи и Морeѣ. Къ пораженіямъ отъ христіанъ присоединился бунтъ войска, султанъ Магометъ IV былъ свергнутъ и на его мѣсто возведенъ братъ его Сулейманъ II. Никогда еще Турція не была въ такомъ печальномъ положеніи, и между христіанскими подданными султана естественно рождалась мысль, что приходитъ конецъ мусульманскому владычеству.

Въ сентябрѣ 1688 года пріѣхалъ въ Москву архимандритъ Аѳонскаго Павловскаго монастыря Исаія съ грамотою отъ

бывшаго Константинопольскаго патріарха Діонисія, сверженнаго, какъ онъ писалъ, за уступку царскому желанію въ дѣлѣ о Кіевской митрополіи. Діонисій извѣщалъ царей, что теперь самое удобное время для избавленія христіанства отъ Турокъ: „Всякія государства и власти благочестивыхъ королей и князей православныхъ всѣ вмѣстѣ возстали на Антихриста, воюютъ на него сухимъ путемъ и моремъ, а царство ваше дремлетъ. Всѣ благочестивые святаго вашего царствія ожидаютъ, Сербы и Болгары, Молдаване и Валахи; возстаните, не дремлите, придите спасти насъ." Исаія привезъ грамоту и отъ Валахскаго господаря Щербана Кантакузена, который тоже писалъ, что отъ Русскихъ царей православные ожидаютъ избавленія своего изъ рукъ видимаго Фараона. Третья грамота такого же содержанія была отъ Сербскаго нареченнаго патріарха Арсенія. Исаія объявилъ, что онъ посланъ отъ всѣхъ Грековъ и Славянъ умолять великихъ государей воспользоваться удобнымъ временемъ для нападенія на Турокъ. Это необходимо сдѣлать и для того, чтобы не отдать православныхъ изъ бусурманской неволи въ неволю худшую. Церковь Православно-Греческую ненавидятъ папежники: которые города въ Венгріи и Мореѣ цесарскія и Венеціанскія войска побрали у Турокъ, повсюду въ нихъ папежники начали обращать православныя церкви къ уніи, другіе превращать въ костелы. Если римлянамъ посчастливится впередъ, достанутъ подъ свою власть православно-христіанскія земли, если возьмутъ самый Царь-градъ, то православные христіане въ большую погибель придутъ и вѣра православная искоренится. Всѣ православные христіане ожидаютъ государскихъ войскъ съ радостію; да и Турки, которые между ними живутъ, лучше поддадутся великимъ государямъ, чѣмъ Нѣмцамъ, потому что всѣ они рождены отъ Сербовъ, Болгаръ и другихъ православныхъ народовъ.

Отъ имени Щербана Исаія говорилъ, чтобъ великіе государи послали войска свои въ Бѣлогородскую орду на Буджаки, и Дунаемъ въ судахъ прислали къ нему Щербану, который съ семидесятитысячнымъ войскомъ придетъ на помощь къ Русскимъ на Буджаки; для задержанія Крымцевъ можно

оставить часть войска въ Запорожьѣ, а Бѣлогородская орда противъ царскихъ войскъ не устоитъ. Въ тѣхъ странахъ водъ много, да и въ запасахъ скудости не будетъ. Какъ только государскія рати станутъ приближаться къ Бѣлогородчинѣ, а онъ, воевода пойдетъ къ нимъ на встрѣчу, тогда всѣ Сербы, Болгары и Молдаване пристанутъ къ нимъ же, и будетъ путь и до Царя-города безъ помѣшки, потому что за Бѣлогородчиною все живутъ христіане, да и крѣпостей до самаго Царягорода нѣтъ. Христіане ждутъ прихода царскихъ ратей съ радостію, и соберется Сербовъ и Болгаръ съ 300,000, все тамошнее христіанство встанетъ, а Нѣмцамъ тѣ народы во все не ради, и помогать имъ не будутъ, развѣ по великой неволѣ. Теперь воевода въ городѣ своемъ Бухарестѣ и войско его все въ сборѣ, а никому не помогаетъ, ни Турку, ни Цесарю, остерегаетъ свое владѣніе отъ Турокъ, Татаръ и Нѣмцевъ, и хотя къ нему отъ Цесаря и многія присылки были съ прошеніемъ, чтобъ всталъ на Турка, и воевода цесарю въ подданствѣ не отказалъ, однако еще не обѣщался поддаться, сказалъ, что когда цесарь совершенно Турка повоюетъ, тогда и онъ, воевода, его будетъ; воевода цесарю манитъ по причинѣ вѣры, чтобъ не быть подъ иновѣрцемъ, а быть подъ державою православныхъ государей. Турки и Татары землю его не разоряютъ, потому что онъ противъ нихъ не встаетъ и даетъ имъ, по силѣ, запасы, да и цесарскимъ войскамъ также запасы даетъ, чтобъ не наступали.

Государи отвѣчали Діонисію и Щербану, что имѣютъ о всѣхъ православныхъ христіанахъ, живущихъ подъ игомъ поганскимъ, попеченіе неотмѣнное и указали для того послать воеводъ своихъ со многими ратями на Крымскіе юрты, и пойдутъ войска самымъ раннимъ вешнимъ временемъ; а когда Крымъ будетъ разоренъ, тогда удобно будетъ идти и на ту сторону Днѣпра, на Бѣлогородскую орду и за Дунай. Пусть Валахскій господарь высылаетъ свои войска къ Турецкимъ городкамъ на Днѣпрѣ. Съ этимъ отвѣтомъ отправился въ Валахію Грекъ Ѳоминъ; онъ уже не засталъ стараго господаря въ живыхъ, подалъ царскую грамоту племяннику его Константину. Тотъ сказалъ ему, что у великихъ государей въ подданствѣ

быть всеусердно радъ, только теперь писать объ этомъ къ государямъ отъ великаго страха не станетъ; притомъ же надобно будетъ объ этомъ объявить многимъ людямъ, дѣло разгласится, услышатъ Нѣмцы и всѣхъ ихъ до конца разорятъ. Пусть великіе государи напишутъ, на какихъ статьяхъ быть ему у нихъ въ подданствѣ; тогда онъ на подданство листъ напишетъ и всѣ руки приложатъ; а когда онъ послышитъ, что царскія войска придутъ Крымъ добывать, тогда и онъ съ войсками своими пойдетъ въ сходъ къ царскимъ воеводамъ [19].

Въ сентябрѣ 1688 года объявлено было знатнымъ людямъ о новомъ походѣ на Крымъ; въ объявленіи было сказано: „Нынѣ къ великимъ государямъ писали св. вселенскіе патріархи, цесарское величество Римскій и королевское величество Польскій, также рѣчь посполитая Венецiйская, всѣ согласно, что въ настоящее время Турское государство отъ Господа Бога приняло великое наказаніе и приходитъ бусурманское владѣтельство къ самой конечной гибели, и какъ отъ войскъ христіанскихъ, такъ и отъ междоусобныя брани пришло въ великое безсиліе и безмочьство, какого на нихъ разоренія и погибели никогда не бывало и такого смятенія не слыхано, что и сами о себѣ говорятъ, что пришла имъ бусурманамъ всѣмъ совершенная погибель, только нѣкоторую надежду имѣютъ на Крымскаго хана съ ордами. И, будучи они бусурманы въ отчаяніи своемъ, въ Греческой Ромельской и Морейской и Сербской и Болгарской земляхъ православныхъ христіанъ, мужеска и женска пола и невинныхъ младенцевъ, послѣ многихъ и различныхъ мукъ и поругався скверным поруганіемъ мечу и огню предали больше трехъ сотъ тысячъ; и прочихъ христіанъ младыхъ и женска пола, неисчетное множество въ неволю свою бусурманскую побравъ, свезли за море“. [20]

Наученный опытомъ Голицынъ хотѣлъ предпринять походъ раннею весною, чтобъ не имѣть недостатка въ водѣ и травѣ и не бояться степныхъ пожаровъ. Ратнымъ людямъ велѣно собраться не позже февраля 1689 года. 8 Ноября былъ объявленъ сборъ съ посадскихъ и всѣхъ торговыхъ людей десятой деньги на войско [21]. Голицыну было необходимо по-

бѣдить Татаръ, чтобъ побѣдить внутреннихъ враговъ, которые не переставали ему напоминать о себѣ. Разсказываютъ, что убійца бросился къ нему въ сани, и едва былъ удержанъ слугами князя; убійцу казнили въ тюрьмѣ послѣ пытки, безъ огласки; незадолго передъ отправленіемъ въ походъ у воротъ Голицына найденъ былъ гробъ съ запискою, что если и этотъ походъ будетъ также неудаченъ какъ первый, то главнаго воеводу ожидаетъ гробъ. Сохранилось еще любопытное извѣстіе: Иванъ Бунаковъ былъ подвергнутъ пыткѣ за то, что вынималъ у Голицына слѣдъ. Бунаковъ объяснялъ дѣло такъ: „я взялъ землю въ платокъ и завернулъ для того, что ухватилъ меня утинъ; и прежде сего то бывало: гдѣ меня ухватитъ, тутъ землю и беру [22].

Къ этимъ враждебнымъ выходкамъ противъ оберегателя присоединялось подкапываніе подъ его кліента, новаго гетмана Малороссійскаго. Какіе то гультяи, по выраженію Мазепы, распустили въ Кіевѣ слухъ, что гетманъ сносится съ Поляками, покупаетъ въ Польшѣ имѣнія. Кіевскій воевода Бутурлинъ отправилъ разгласителей въ Москву, откуда ихъ отослали къ Мазепѣ въ Батуринъ. По этому случаю гетманъ писалъ къ Голицыну: „Прошу покорно благодѣтеля и заступника моего милостиваго; какъ рукою своею возвелъ меня на урядъ гетманскій и милостиво, отечески обѣщалъ быть моимъ заступникомъ и отъ напастей оборонителемъ, зная мою простую душу и простое сердце: такъ изволь по тому своему благодѣтельскому слову и впередъ заступать и оборонять меня отъ такихъ опасныхъ случаевъ. Никто не доведетъ, чтобъ я въ Польской сторонѣ хотѣлъ покупать маетности, этого мнѣ никогда и на умъ не приходило“. Мазепа проситъ Голицына, чтобъ позволено ему было пытать разгласителей этихъ слуховъ. Гетманъ догадывался, что Кіевскій митрополитъ Гедеонъ не очень къ нему расположенъ по своимъ пріятельскимъ отношеніямъ къ Самойловичу, зналъ, что сынъ митрополичій, молодой князь Четвертинскій, женихъ дочери Самойловича живетъ въ Москвѣ, — и потому старался удалить его изъ столицы, заподозривъ передъ правительствомъ: „Не безъ сожалѣнія слышу, писалъ Мазепа, что князь Чет-

вертинскій, живя въ Москвѣ, говоритъ многія непристойныя слова и безчеститъ весь царскаго величества высокій сенатъ, никого себѣ не только высшаго, но и равнаго не ставитъ и пакосными всякими словами укоряетъ, говоритъ и то, что онъ бывшаго Самойловича снова на урядъ его возстановитъ и всѣмъ его и своимъ непріятелямъ отмститъ, и сюда въ Малороссію къ бывшей своей невѣстѣ пишетъ. А митрополитъ человѣкъ мнительный и, какъ вижу, на меня досадуетъ, думая, что сынъ его по моему старанію, отосланъ въ Москву на всякое безчестье; по митрополичьей досадѣ, и Кіевскій воевода Ив. Вас. Бутурлинъ ко мнѣ непріязненъ, ни о чемъ ко мнѣ не пишетъ, на двѣ мои грамоты не отвѣчалъ ни слова. Четвертинскому въ Москвѣ, для избѣжанія всякихъ ссоръ, нельзя быть". Мазепа просилъ, чтобъ „для всякой осторожности и для страху своевольнымъ" государи позволили ему окружить себя наемными сердюками и драгунами [23].

При такихъ то неблагопріятныхъ для главныхъ вождей условіяхъ начался второй Крымскій походъ. Въ февралѣ 1689 года 112,000 войска двигались въ степь, подъ главнымъ начальствомъ оберегателя. 20 марта Голицынъ писалъ царямъ изъ Ахтырки, что „походу чинится замедленіе за великою стужею и за снѣгами, да и денежная казна по сіе время въ полкъ не присылана и ратнымъ людямъ, рейтарамъ и солдатамъ дать нечего". Стужа и снѣга не остановили гетмана Мазепу, и первымъ дѣломъ его при свиданіи съ Голицынымъ было челобитье, чтобъ великіе государи пожаловали его гетмана и все войско Малороссійское, повелѣли въ Малороссійскихъ городахъ на башняхъ и ратушахъ поставить государскій гербъ. Голицынъ, разумѣется, поспѣшилъ обнадежить Мазепу, что просьба его будетъ исполнена великими государями. Въ половинѣ апрѣля получены были вѣсти, что въ степяхъ нѣтъ пожаровъ, но что ханъ сбирается жечь траву въ то время, какъ Голицынъ будетъ приближаться къ Перекопи. Когда въ Москвѣ узнали объ этомъ, то отправили оберегателю грамоту, чтобъ онъ, посовѣтовавшись съ гетманомъ, послалъ знающихъ людей за Самару жечь степь вплоть до Перекопи и до Турецкихъ городковъ на Днѣпрѣ: къ

приходу Русскаго войска въ тѣ мѣста поспѣютъ новыя травы. Голицынъ шелъ къ Перекопи, и въ половинѣ мая встрѣтилъ хана съ ордами. Варвары, по своему обыкновенію, стремительно ударили на Русское войско, но, обданные изъ пушекъ, ушли и не возобновляли болѣе нападеній, только на краю горизонта, спереди и сзади, какъ тучи, виднѣлись ихъ толпы: хищники кружились надъ добычею, Скиѳы заманивали врага въ свои безвыходныя степи.

Отбивъ хана, Голицынъ поспѣшилъ послать извѣстіе въ Москву о своемъ торжествѣ, писалъ къ правительницѣ, чтобъ она помолилась о его благополучномъ возвращеніи. Софья отвѣчала: „Свѣтъ мой, братецъ Васенька! здравствуй, батюшка мой, на многія лѣта! И паки здравствуй, Божіею и Пресвятыя Богородицы милостію и твоимъ разумомъ и счастіемъ побѣдивъ Агаряне! Подай тебѣ, Господи, и впредь враги побѣждать! А мнѣ, свѣтъ мой, не вѣрится, что ты къ намъ возвратишься; тогда повѣрю, какъ увижу въ объятіяхъ своихъ тебя, свѣта моего. Что же, свѣтъ мой, пишешь, чтобы я помолилась: будто я вѣрно грѣшна предъ Богомъ и недостойна; однакожъ, хотя и грѣшная, дерзаю надѣяться на Его благоутробіе. Ей! всегда прошу, чтобы свѣта моего въ радости видѣть. Посемъ здравствуй, свѣтъ мой, на вѣки неисчетные“.

20 мая войска подошли къ знаменитой Перекопи, къ укрѣпленному замку, защищавшему ровъ, который прорѣзывалъ перешеекъ; за Перекопью завѣтный Крымъ, цѣль похода. Но что такое Крымъ? Люди лучшіе, опытнѣйшіе, какъ напримѣръ Гордонъ, давно уже толковали Голицыну, что завоевать Крымъ легко, только степная дорога къ нему нѣсколько трудновата. Голицынъ испыталъ эту трудность въ первомъ походѣ, избѣжалъ ее во второмъ, достигъ Крыма, и тутъ только увидалъ, что не рѣшенъ былъ заблаговременно главный вопросъ: что такое Крымъ? и какъ его завоевывать? Думали, что стоитъ только вторгнуться въ Крымъ съ большимъ войскомъ, Татары испугаются и отдадутся на волю побѣдителя; не подумали объ одномъ, что и за Перекопью та же безводная степь, какъ и на дорогѣ къ полуострову, что Татары могутъ истребить все и заморить врага голодомъ и

жаждою. Голицынъ стоялъ у Перекопи; надобно было брать крѣпость, а войско уже двое сутокъ было безъ воды; спѣшили къ Перекопи, думая, что тутъ то будетъ конецъ лишеніямъ, и что же увидѣли? съ одной стороны Черное море, съ другой Гнилое, вездѣ вода соленая, колодцевъ нѣтъ, лошади падаютъ, еще нѣсколько дней—и какъ будетъ отступать, на чемъ везти нарядъ? Чтобъ возвратиться съ чѣмъ-нибудь назадъ, Голицынъ завелъ мирные переговоры съ ханомъ, въ надеждѣ, что тотъ, испугавшись нашествія, согласится на выгодныя для Россіи условія; но переговоры затянулись, а Голицыну ждать было больше нельзя, и онъ повернулъ назадъ безъ мира; ради были одному, что въ степи, въ страшный зной, при мучительномъ томленіи жажды, Татары преслѣдовали легко, не всѣми своими силами [24]. Спустя два года слишкомъ послѣ похода вышелъ изъ Татарскаго плѣна Смоленскій шляхтичь Поплонскій и разказывалъ: „Когда государевы ратные люди пришли къ Перекопи, Нурадинъ салтанъ говорилъ отцу своему хану: для чего онъ противъ тѣхъ ратныхъ людей изъ Перекопи нейдетъ, а если онъ, ханъ идти не захочетъ, то онъ бы велѣлъ ему Нурадину выйдти; и ханъ сказалъ: присылалъ къ нему князь Василій Голицынъ для договору о мирѣ, и онъ для того противъ тѣхъ ратныхъ людей нейдетъ, а если это ихъ желаніе не исполнится, то они Татары его князя Василья и со всѣмъ войскомъ, если станетъ приступать, въ Перекопь пустятъ, и безъ бою всѣхъ переберутъ по рукамъ, а иные и сами отъ нужды перемрутъ, потому что въ Перекопи только три колодца воды прѣсной“ [25].

Когда Голицынъ далъ знать Софьѣ о своемъ возвращеніи отъ Перекопи, то получилъ отъ нея слѣдующее письмо: „Свѣтъ мой, батюшка, надежда моя, здравствуй на многія лѣта! Зѣло мнѣ сей день радостенъ, что Господь Богъ прославилъ имя свое святое, также и матери своея, пресвятыя Богородицы, надъ вами, свѣте мой! Чего отъ вѣка не слыхано, ни отцы наши повѣдаша намъ такого милосердія Божія. Не хуже Израильскихъ людей васъ Богъ извелъ изъ земли Египетскія: тогда чрезъ Моисея, угодника своего, а нынѣ чрезъ тебя, душа моя! Слава Богу нашему, помиловавшему насъ чрезъ те-

бя! Батюшка ты мой, чѣмъ платить за такіе твои труды неисчетные? Радость моя, свѣтъ очей моихъ! мнѣ не вѣрится, сердце мое! чтобы тебя, свѣтъ мой видѣть. Великъ бы мнѣ день тотъ былъ, когда ты, душа моя, ко мнѣ будешь. Если бы мнѣ возможно было, я бы единымъ днемъ тебя поставила предъ собою. Письма твои, врученныя Богу, къ намъ всѣ дошли въ цѣлости. Изъ подъ Перекопи пришли отписки въ пятокъ 11 числа. Я брела пѣша, изъ подъ Воздвиженскаго; только подхожу къ монастырю Сергія чудотворца, къ самымъ святымъ воротамъ, а отъ воротъ отписки о бояхъ. Я не помню, какъ взошла; чла, идучи! Не вѣдаю, чѣмъ Его, Свѣта, благодарить, за такую милость Его, и Матерь Его, и преподобнаго Сергія, чудотворца милостиваго! Что ты, батюшка мой, пишешь о посылкѣ въ монастыри, все то исполнила: по всѣмъ монастырямъ бродила сама, пѣша. А радѣнье твое, душа моя, дѣломъ оказуется. Что пишешь, батюшка мой, чтобъ я помолилась; Богъ, свѣтъ мой, вѣдаетъ, какъ желаю тебя, душа моя, видѣть, и надѣюся на милосердіе Божіе; велитъ мнѣ тебя видѣть, надежда моя. Какъ самъ пишешь о ратныхъ людяхъ, такъ и учини. А я, батюшка мой, здорова твоими молитвами и всѣ мы здоровы. Когда дастъ Богъ увижу тебя, свѣтъ мой, о всемъ своемъ житьѣ скажу. А вы свѣтъ мой, не стойте, подите по малу: и такъ вы утрудились. Чѣмъ вамъ платить за такую нужную службу, наипаче всѣхъ твои, свѣта моего, труды? Если бъ ты такъ не трудился, никто бъ такъ не сдѣлалъ". Оффиціально, отъ имени царей была послана Голицыну грамота: „Мы великіе государи тебя ближняго нашего боярина и оберегателя за твою къ намъ многую и радѣтельную службу, что такіе свирѣпые и исконные креста святаго и всего христіанства непріятели твоею службою не начаянно и никогда неслыхано отъ нашихъ царскихъ ратей въ жилищахъ ихъ поганскихъ поражены и побѣждены и прогнаны, и что объявились они сами своимъ жилищамъ разорителями: отложа свою обычную свирѣпую дерзость, пришедъ въ отчаяніе и въ ужасъ, въ Перекопи посады и села и деревни всѣ пожгли, и изъ Перекопи съ своими поганскими ордами тебѣ не показались и возвращающимся вамъ не

явились, и что ты со всѣми ратными людьми къ нашимъ границамъ съ вышеписанными славными во всѣмъ свѣтѣ побѣдами возвратились въ цѣлости — милостиво и премилостиво похваляемъ".

Ослѣпленная страстію Софья была въ восторгѣ, что „свѣтъ ея" избѣгъ страшной опасности, возвратился по здорову изъ степнаго похода, гдѣ могъ погибнуть со всѣмъ войскомъ. Голицынъ казался ей вторымъ Моисеемъ, проведшимъ людей своихъ по дну морскому; ей представлялись только его труды, его опасности, въ отбитіи хана она видѣла дѣйствительно великій подвигъ, великую побѣду. Но другіе, и многіе имѣли право смотрѣть иначе на дѣло, имѣли право оскорбляться прославленіями, наградами за походъ, не достигшій своей цѣли, и это уже былъ второй такой походъ. Современники не могли такъ снисходительно смотрѣть на эти походы Голицына, какъ можемъ смотрѣть теперь мы, отдаленные отъ событія болѣе чѣмъ на полтораста лѣтъ.

Таково было участіе Россіи въ священномъ союзѣ противъ Турокъ. Результаты движеній Русскаго войска были ничтожны въ сравненіи съ числомъ ратныхъ людей, приготовленіями, издержками; но нельзя было сказать, чтобы походы эти были совершенно безполезны, ибо они отвлекали Крымскаго хана отъ поданія помощи Туркамъ въ другихъ мѣстахъ.

Главное вниманіе правительства было обращено на югъ: здѣсь хотѣли закрѣпить Малороссію Кіевомъ и освободиться отъ позора дани Татарской. Разумѣется, что имѣя въ виду эти двѣ цѣли, хотѣли жить въ мирѣ съ Швеціею, и въ январѣ 1683 года были подтверждены условія Кардискаго договора. Изъ сношеній съ другими государствами замѣчательны сношенія съ Пруссіею; въ 1688 году позволена была свободная торговля Бранденбургскимъ подданымъ у Архангельска; въ слѣдующемъ году чрезъ посланника Чаплича заключенъ былъ договоръ съ Прусскимъ дворомъ о свободной торговлѣ между поддаными обоихъ государствъ; по ходатайству того же Чаплича дана была царская грамота о дозволеніи пріѣзжать въ Россію и селиться Французскимъ емигрантамъ евангелическаго исповѣданія, принужденнымъ оставить отечество въ

слѣдствіе уничтоженія Нантскаго едикта. Чапличъ „объявлялъ и на письмѣ предложилъ, что королевское величество Французской началъ въ государствѣ своемъ ближнихъ и иныхъ людей неволить въ вѣрѣ Евангелической, и многихъ мученіемъ изъ государства своего разогналъ и, принуждая въ неволю различными мученіями къ католической вѣрѣ, многихъ смерти предалъ, и, разлуча мужей съ женами и дѣтьми, держитъ въ крѣпяхъ, и которые, получа себѣ въ чемъ свободу, бѣгутъ въ разныя окрестныя государства, и къ его Курфирскому пресвѣтлѣйшеству въ державу прибѣжало тѣхъ изгнанныхъ многое число, и впредь чаетъ такихъ изъ Французскаго государства утеклецовъ многихъ же людей, а что за умноженіемъ для прокормленія и избавы отъ такого гоненія желаютъ иные быть въ подданствѣ у насъ, великихъ государей — и мы изволили выслушать и выразумѣть пріятно.“ Выслушивать это было тѣмъ пріятнѣе, что русскіе послы, князь Яковъ Долгорукій и князь Яковъ Мышецкій, отправленные во Францію въ 1687 году, встрѣтили тамъ не очень лестный пріемъ, потому что ѣздили съ не очень пріятнымъ для великаго короля дѣломъ, съ объявленіемъ о вступленіи царей въ священный союзъ противъ Турокъ и съ приглашеніемъ послѣдовать ихъ примѣру. Въ Дюнкирхенѣ явился къ нимъ приставъ съ вопросомъ отъ имени королевскаго: „не для упрямства ли какого пріѣхали, и не будутъ ли въ чемъ воли королевскаго величества противны?“ Послы отвѣчали: „Такое странное вопрошеніе зѣло насъ удивляетъ; мы присланы для любительныхъ дѣлъ, а не для какого-нибудь сопротивленія; прежнимъ посланникамъ такихъ необыкновенныхъ вопросовъ не задавали.“ Послѣ первыхъ переговоровъ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ Людовикъ велѣлъ сказать посламъ, что дальнѣйшіе переговоры ненужны, король понялъ въ чемъ дѣло и пришлетъ свою отвѣтную грамоту прямо къ нимъ посламъ, безъ дальнѣйшихъ церемоній. Долгорукій отвѣчалъ, что это неслыханное дѣло: всѣ государи отдаютъ отвѣтную грамоту сами посламъ, и они, послы царскіе, не примутъ грамоты иначе, какъ изъ рукъ королевскихъ. На это былъ отвѣтъ, что король велми яростенъ, обѣщаетъ посламъ

учинить великое безчестіе и указалъ ихъ отпустить назадъ до Французскаго рубежа, до города Дюнкерка. Долгорукій сказалъ на это, что не только королевскій гнѣвъ, но и самая смерть не можетъ ихъ принудить взять грамоту у себя на дворѣ. Людовикъ прислалъ подарки — послы ихъ не приняли. Мастеръ церемоній говорилъ посламъ, что если они не примутъ даровъ, то король велитъ покласть ихъ въ возы силою; послы отвѣчали, что они не только даровъ, но и возовъ тѣхъ при себѣ никогда имѣть не будутъ: „Королевскій гнѣвъ страшенъ намъ по винѣ, говорилъ Долгорукій, а безъ вины вовсе не страшенъ: должны мы прежде всего взирать на повелѣніе государей своихъ.“ Французы уступили, объявили посламъ, что министръ иностранныхъ дѣлъ опять будетъ имѣть съ ними разговоръ, только не въ Парижѣ, а въ С. Дени, и потомъ король приметъ ихъ въ Версали. Послы переѣхали въ С. Дени и здѣсь, 22 августа имѣли разговоръ съ министромъ. Послы предложили, чтобъ и Французскій король вступилъ въ союзъ противъ Турокъ, по призыву самого Спасителя: „Идѣже два или тріе во имя мое собрани, ту и азъ посредѣ.“

Министръ отвѣчалъ: „Государь мой съ ихъ царскимъ величествомъ въ братской дружбѣ и любви быть желаетъ, за союзъ противъ врага креста святаго благодарствуетъ, и желаетъ всѣмъ христіанскимъ союзникамъ побѣды: только приказалъ его королевское величество объявить вамъ свое намѣреніе, что ему теперь въ союзъ съ христіанскими государями вступить невозможно, ибо король знаетъ изъ газетъ, что христіанскія войска уже одержали побѣду надъ непріятелемъ, и если теперь королю вступить въ союзъ и войска противъ Турокъ послать, то ему послѣдняя будетъ слава. Государь нашъ монархъ великій, ищетъ коронѣ своей собственной славы, чтобъ его войска находились не подъ инымъ чьимъ регментомъ, только подъ его. Да и для того король не можетъ вступить въ союзъ: въ прежніе годы онъ посылалъ свои войска на помощь цесарю противъ Турокъ; только тѣмъ войскамъ отъ цесарскихъ войскъ было великое утѣсненіе, ставили его войска въ поляхъ въ худыхъ мѣстахъ, гдѣ не только жив-

пости, и хлѣба достать было нельзя, и къ непріятельскимъ саблямъ посылали ихъ прежде себя; потери Французскія войска потерпѣли страшныя, а славы не получили никакой, вся слава досталась цесарю, отъ котораго никакого воздаянія за то не было. Когда Турки приходили подъ Вѣну, король нашъ предлагалъ цесарю войска на помощь, но цесарь этой помощи принять не захотѣлъ, неизвѣстно по какой причинѣ. Венеціанамъ на помощь король посылалъ 8,000 войска, когда была война въ Кандіи и Мореѣ, но Венеціане эти войска въ битвахъ выдавали, и королю отъ того никакой славы не выросло. У Поляковъ войска мало, въ прошлую войну съ Турками много они своего войска потеряли; а у нашего короля войска много и можетъ онъ своею особою побѣду надъ Турками одержать. Между вашими государями и нашимъ разстояніе дальнее, войскомъ король никакъ имъ помочь не можетъ, да и безъ всякой помощи цари могутъ одержать побѣду.“ Наконецъ министръ объявилъ прямо; „королю нельзя приступить къ союзу, потому что между нимъ и цесаремъ исконная, всегдашняя недружба, а съ султаномъ всегдашній миръ и крѣпкая дружба, подданные королевскіе, торговые люди съ Турками имѣютъ великіе торговые промыслы, и если съ Турками разорвать, то Французской землѣ будетъ раззореніе. Какой бы разумъ и славу король оказалъ на весь свѣтъ, еслибъ сталъ помогать недругу на друга: этого король никогда не сдѣлаетъ.“

—„Что лучше, возразили послы: союзъ съ христіанами или миръ съ бусурманами? Королевскіе люди отъ войны съ Турками не разорятся, потому что подъ Турецкомъ игомъ не находится столько торговыхъ людей бусурманъ, сколько христіанъ Грековъ. Турки отъ союза всѣхъ христіанскихъ государей обратятся въ бѣгство, христіане получатъ свободу отъ ихъ ига и будутъ имѣть свои торговые промыслы, отъ чего Французы получатъ больше прибыли, чѣмъ теперь отъ бусурманъ.“

—„Государь мой, отвѣчалъ министръ, служилъ государству своему много лѣтъ со всякою славою высокоразумными поступками; а теперь поступилъ бы не такъ разумно, еслибъ безъ вся-

кой причины съ Турками миръ разорвалъ и помогъ тому, отъ кого впредь ожидаетъ государству своему всякой противности."

Послы говорили, что если король не хочетъ вступить въ союзъ, то, по крайней мѣрѣ, не мѣшалъ бы союзникамъ. Министръ это обѣщалъ.

Послѣ этихъ разговоровъ послы ѣздили въ Версаль къ королю на отпускъ; но здѣсь новое затрудненіе: въ грамотѣ королевской царямъ было пропущено; „великимъ государямъ." Послы требовали, чтобъ грамота была переписана, имъ отказали подъ предлогомъ, что король никому такого титула не даетъ и самъ себя такъ не называетъ; послы не взяли ни грамоты, ни даровъ королевскихъ. Мастеры церемоній говорили, что королевскому величеству ни отъ кого въ томъ такихъ досадительствъ прежде не бывало. Приставъ и всѣ королевскіе люди съ посольскаго двора съѣхали. Послы жили въ С. Дени на свои деньги, купили лошадей и сбирались ѣхать, какъ имъ было наказано, въ Испанію; послали къ министру, чтобъ выхлопоталъ у короля имъ пропускъ черезъ Францію. Пришелъ отвѣтъ: король отпускаетъ васъ на свои деньги въ Гавръ, а оттуда велитъ отвезти на военномъ кораблѣ до Испанскаго города Савостьяна (С. Себастіанъ), а сухимъ путемъ ѣхать не позволяетъ. По прибытіи въ Гавръ, послы узнали, зачѣмъ назначена была имъ эта дорога: имъ предложили принять дары королевскіе; если же не примутъ, то въ Испанію ихъ не повезутъ, а пусть остаются одни въ Гаврѣ какъ хотятъ. Послы приняли подарки.

Легко понять, какое впечатлѣніе произведено было на Московскій дворъ донесеніемъ Долгорукаго, и вотъ послѣ того являются въ Москву два Французскихъ іезуита, Авриль и Боволье съ грамотою отъ Людовика XIV-го, въ которой тотъ проситъ высочайшихъ, превосходительнѣйшихъ, державнѣйшихъ и великодушнѣйшихъ князей, Іоанна и Петра Алексѣевичей пропустить іезуитовъ чрезъ Россію въ Китай. Голицынъ принялъ іезуитовъ очень хорошо, далъ имъ понять, что еслибъ отъ него зависѣло, то желаніе великаго короля было бы исполнено, но... Въ слѣдствіе этого но, 31 января 1688 года іезуитовъ призвали въ Посольскій при-

казъ и объявили волю великихъ государей: „Королевское величество Французскій въ грамотѣ своей, которую вы объявили, писалъ противно и необыкновенно, и для того великіе государи этой грамоты принять у васъ и чрезъ города великороссійскаго царства въ Китай пропускать васъ не указали, а указали грамоту отдать вамъ назадъ и отпустить въ свою сторону тою же дорогою, какою вы пріѣхали. Да и для того великіе государи васъ пропустить не указали: когда у короля вашего были царскіе послы, тогда государь вашъ во время посольства ихъ показалъ многую противность съ безчестіемъ на сторону ихъ царскаго величества."

Въ Испаніи Долгорукій встрѣтилъ почетный пріемъ, увѣренія, что король находится въ постоянномъ союзѣ съ императоромъ, помогаетъ ему казною и войскомъ. — По незнанію состоянія Европейскихъ державъ и отношеній между ними, посламъ было наказано пригласить Французскаго короля къ союзу съ императоромъ противъ Турокъ, а у Испанскаго короля — попросить въ займы милліона два или три ефимковъ! Отвѣтъ былъ, что за великими расходами и оскудѣніемъ казны дать денегъ никакъ нельзя [26].

Сближаясь съ западомъ, вступая въ священный союзъ христіанскихъ державъ противъ невѣрныхъ, чтобъ окончательно стряхнуть позорные остатки Татарскаго ига, спѣшили, разумѣется, прекратить столкновенія на отдаленномъ востокѣ, столкновенія съ Китайцами, происшедшія въ слѣдствіе занятія козаками странъ приамурскихъ, которыя Богдыханъ считалъ своими. Прекратить эти столкновенія было необходимо и потому, что государство не имѣло никакой возможности посылать значительныя рати за Камень, въ невѣдомыя страны, а козацкіе отряды, способные принуждать къ ясаку малочисленные, разбросанно живущіе роды Сибирскихъ туземцевъ, оказывались несостоятельными предъ многочисленными ополченіями Срединнаго государства.

Албазинскіе козаки поставили городки по Амуру, ходили на промыслы, били Китайскихъ данниковъ, брали съ нихъ ясакъ. Китайцы писали къ Албазинскому воеводѣ Алексѣю Толбузину, чтобъ онъ вышелъ изъ Албазина въ свою землю,

въ Нерчинскъ, пусть Русскіе промышляютъ соболей и другихъ звѣрей въ своихъ мѣстахъ, около Нерчинска, а по Амуру внизъ не ходятъ. Толбузинъ, разумѣется, не послушался. Въ 1685 году 12 іюля явилось подъ Албазинъ большое Китайское войско и взяло городъ; Толбузинъ со всѣми людьми былъ отпущенъ по договору. Китайцы ушли, не снявши хлѣба; чтобъ снять его, Нерчинскій воевода Власовъ отправилъ опять Толбузина съ Албазинцами, велѣлъ имъ сдѣлать хотя малую крѣпость, гдѣ пристойно, и изъ за этой крѣпости снимать хлѣбъ съ полей, и снявши хлѣбъ, поставить въ удобномъ мѣстѣ новый острогъ или городъ ниже стараго Албазина, чтобъ непріятелю было не въ уступку. Толбузинъ снялъ хлѣбъ и возобновилъ старый Албазинъ. Въ іюнѣ 1686 года городъ былъ достроенъ, а въ іюлѣ уже опять пришли къ нему Китайцы, въ числѣ 5000 съ сорока пушками. Защитниковъ было не болѣе 1000 человѣкъ. Воевода Толбузинъ былъ раненъ пушечнымъ ядромъ и отъ раны умеръ. Въ это время шелъ туда изъ Москвы — окольничій Ѳедоръ Головинъ съ войскомъ, но вмѣстѣ и въ значеніи великаго полномочнаго посла. Въ Пекинъ отправлены были гонцы извѣстить Китайское правительство о приближеніи Головина. Узнавши объ этомъ, Богдыханъ послалъ своимъ воеводамъ приказъ не приступать болѣе къ Албазину, а весною 1687 года, боясь прихода Головина съ войскомъ, Китайцы отошли отъ Албазина внизъ по Амуру версты съ четыре, и Албазинскимъ сидѣльцамъ, которыми по смерти Толбузина начальствовалъ казачій голова Аѳанасій Байтонъ, открылась возможность ходить вверхъ по Амуру; тридцатаго же августа Китайцы отступили совершенно отъ Албазина къ устью рѣки Зіи.

10 октября Головинъ получилъ изъ Москвы статьи, по которымъ онъ долженъ былъ вести мирные переговоры съ Китайцами: 1) настаивать, чтобъ между Русскими и Китайскими владѣніями границею была написана рѣка Амуръ; если Китайцы не согласятся, то постановить границу рѣкою Амуромъ по рѣку Быструю или Зію. 2) Если и на это не согласятся, домогаться всячески, чтобъ быть границею Албазину.

3) Если и этого не захотятъ, согласится, чтобъ въ Албазинѣ острогу и поселенію съ обѣихъ сторонъ Русской и Китайской не быть, нынѣшнее строеніе снесть и ратныхъ людей вывесть, чтобъ впередъ у Албазинскихъ жителей съ Богдыханскими подданными ссоръ не было, но чтобъ Русскіе промышленные и служилые люди могли свободно промышлять въ Албазинскихъ мѣстахъ, также по рѣкамъ Быстрой и Зіи. Настаивать на эту статью, и если будетъ надобно, то дать Китайскимъ уполномоченнымъ государева жалованья, только тайно, съ прилежнымъ разсмотрѣніемъ, чтобъ не было къ умаленію чести великихъ государей. 4) Если и на это не согласятся, то отложить заключеніе міра до другаго времени, и постановить, чтобъ до окончанія переговоровъ Русскіе люди свободно промышляли въ означенныхъ мѣстахъ. 5) Говорить съ Китайскими уполномоченными пространными и любовными разговорами, приводя ихъ къ тому, чтобъ договоръ постановить по первой статьѣ, по нуждѣ по второй, а по самой конечной мѣрѣ по третьей, а войны и кровопролитія, кромѣ самой явной отъ нихъ недружбы и наглаго наступленія отнюдь не начинать. 6) Развѣдать подлинно и разсмотрѣть, каковы Китайскіе люди къ войнѣ, какой у нихъ бой, въ какомъ числѣ, какимъ ополченіемъ и строемъ ходятъ, и воинскіе промыслы чинятъ полевыми ль боями или водяными путями или приступами и осадами городовъ и крѣпостей, и къ чему больше охочи и привычны и на какой народъ въ воинскихъ поведеніяхъ похожи?

Только 9 августа 1689 года добрался Головинъ до Нерчинска, подъ которымъ уже стояли Китайскіе великіе послы. Для посольскихъ съѣздовъ разбиты были наметы въ полѣ: разбивалъ ихъ сынъ боярскій Демьянъ Многогрѣшный, бывшій гетманъ войска Запорожскаго! Для уговоровъ, какъ производить съѣзды явились къ Головину два посланца отъ Китайскихъ пословъ. Посланцы были въ китайскомъ платьѣ, китайскихъ шапкахъ, съ бритыми головами, съ косами, поклонились по Китайски, но стали спрашивать, нѣтъ ли при послѣ толмача, знающаго Латинскій языкъ: они бы стали говорить по латыни; переводчикъ нашелся. Оказалось, что

посланцы были отцы іезуиты, одинъ Испанецъ Перейра, другой Французъ Жербильонъ; они просили извиненія у Головина, что поклонились по Китайски, а не такъ какъ водится у Христіанскихъ народовъ: чтожъ дѣлать! находятся они въ Китайской службѣ, и теперь съ ними пріѣхалъ Китаецъ: чтобъ не возбудить подозрѣнія Европейскимъ поклономъ!

Въ одно время съ Китайскими послами подъѣхалъ Головинъ къ наметамъ, въ одно время съ ними вошелъ въ наметы: Русскіе сѣли въ кресла, Китайцы, поджавъ ноги, помѣстились на широкой скамьѣ, покрытой войлоками, іезуитовъ посадили поодаль на малой скамьѣ; переговоры велись на Латинскомъ языкѣ.

Головинъ началъ жалобою, что Китайское правительство, не обославшись, начало войну, требовалъ, чтобъ теперь все было успокоено, взятое возвращено. Китайцы отвѣчали, что Русскіе козаки, Хабаровъ съ товарищами, пришли въ Китайскую землю, построили Албазинъ, и впродолженіи многихъ лѣтъ дѣлали Китайскимъ ясачнымъ людямъ нестерпимое насиліе; Богдыханъ послалъ войско, которое взяло Албазинъ, но воеводу Толбузина отпустили, потому что онъ обѣщался назадъ не приходить, новаго города не строить, ссоръ и задоровъ не заводить. Обѣщаніе не было исполнено; Богдыханъ опять послалъ войско подъ Албазинъ, но какъ скоро узналъ о приближеніи великаго посла для мирныхъ переговоровъ, велѣлъ войску отойти отъ Албазина; а земля, на которой построенъ Албазинъ и вся Даурская страна принадлежитъ Китаю. Головинъ возражалъ, что если были какія-нибудь обиды со стороны Русскихъ людей, то Богдыхану слѣдовало дать знать объ нихъ великимъ государямъ, какъ ведется у всѣхъ народовъ, а не начинать прямо войны. Земля, гдѣ построены Нерчинскъ, Албазинъ и другіе острожки, никогда во владѣніи Богдыхана не бывали: жившіе на той землѣ ясачные люди платили ясакъ въ сторону царскаго величества; и если когда-нибудь въ древнія времена и платили они ясакъ Богдыхану, такъ дѣлали они это по неволѣ, потому что тѣ мѣста были тогда отъ Русскихъ городовъ въ дальнемъ разстояніи; а когда царскаго величества подданные постро-

или въ тѣхъ мѣстахъ Нерчинскъ, Албазинъ и другіе острожки, тогда Даурскіе жители по прежнему начали платить ясакъ въ сторону царскаго величества.

Китайцы утверждали, что по рѣку Амуръ Русскіе никогда не владѣли, что вся страна по сю сторону Байкала моря принадлежитъ Богдыхану, ибо она принадлежитъ Мунгальскому хану, а Мунгальцы всѣ издавне подданные Китайскіе. Наконецъ дѣло дошло до точнѣйшаго опредѣленія границъ. Головинъ объявилъ, что границею должна быть рѣка Амуръ до самаго моря: лѣвой сторонѣ быть подъ властію царскаго величества, а правой богдыханова. Китайцы возражали, что рѣка Амуръ во владѣніи Богдыхана отъ самыхъ временъ Александра Македонскаго. Головинъ отвѣчалъ, что объ этомъ хрониками разыскивать долго, а послѣ Александра Великаго многія земли раздѣлились подъ державы многихъ государствъ. Китайцы, оставя Александра Македонскаго, предлагали границу до Байкала, и упорно стояли при ней, грозя приходомъ своихъ ратныхъ людей подъ Албазинъ. Головинъ замѣтилъ имъ, что при посольскихъ съѣздахъ не обычай грозить войною, и если они хотятъ войны, то пусть объявятъ прямо. Это велѣлъ онъ перевести на Мунгальскій языкъ, заподозривъ іезуитовъ, что они, переводя съ Латинскаго на Китайскій, многія слова прибавляютъ отъ себя. Подозрѣніе подтвердилось, когда Китайцы отвѣчали, что они велѣли іезуитамъ говорить только о границѣ, а не о войскахъ. Но и на Мунгальскомъ языкѣ Китайцы стояли крѣпко за границу по Байкалъ; Головинъ долженъ былъ предложить имъ границу по рѣку Быструю; Китайцы предложили границу по Нерчинскъ: лѣвой сторонѣ, идя внизъ по рѣкѣ Шилкѣ къ Нерчинску, быть за царями, а правой сторонѣ до рѣки Онона и рѣкѣ Онону быть за богдыханомъ по рѣку Ингоду. Китайцы на этомъ остановились и начали толковать о прекращеніи переговоровъ. Головинъ предложилъ границу по рѣку Зію. Китайцы, посмѣявшись между собою, отвѣчали, что они на такую границу согласиться не могутъ. На переговоры было употреблено два съѣзда, послѣ чего Китайцы велѣли снять свои наметы съ съѣзжаго мѣста, объявляя, что больше съѣз-

жаться не станутъ, потому что больше уступить ничего не могутъ. Но это была только угроза: въ Нерчинскъ пріѣхали іезуиты съ вопросомъ, какая будетъ новая уступка со стороны Головина? тотъ отвѣчалъ, что никакой. Іезуиты тайно говорили толмачу Андрею Бѣлободскому, чтобъ Головинъ немедленно объявилъ о своей послѣдней мѣрѣ: „Мы, говорили іезуиты, приводимъ Китайцевъ ко всякой склонности, а то они обычаевъ политичныхъ государствъ не знаютъ и къ войнѣ склонность не малую имѣютъ, и поставить границу по рѣку Зію никогда не согласятся". Бѣлободскій отвѣчалъ, по приказу Головина, что за ихъ радѣніе милость великихъ государей имъ будетъ, а войны Русскіе не боятся.

Въ это время Головину дали знать, что Китайскіе послы сносятся съ окрестными Бурятами, и тѣ хотятъ измѣнить великимъ государямъ, согласясь съ Китайцами, учинить надъ Нерчинскомъ воинскій промыслъ. Пріѣхали опять іезуиты и предложили уступку со стороны Китайскихъ пословъ: быть рубежу внизъ по рѣкѣ Шилкѣ по рѣкѣ Черную, правая сторона останется за Китайцами, лѣвая за Русскими, а отъ Нерчинска до рѣки Черной ходу семь дней. Головинъ отвѣчалъ, что ниже Черной рѣки по обѣимъ берегамъ Шилки построены русскіе острожки, которыхъ уступить нельзя; Албазинъ стоитъ ниже Черной, отъ него до этой рѣки будетъ также дней семь или больше ходу. Іезуиты объявили, что Богдыханъ наказалъ своимъ посламъ никакъ не оставлять Албазина въ Русской сторонѣ, объ этомъ и помину быть не можетъ; есть тамъ еще Аргунскій острогъ, но въ немъ большаго поселенія нѣтъ и потому Русскимъ не трудно уступить его въ Богдыханову сторону. Головинъ отправилъ къ Китайскимъ посламъ Бѣлободскаго съ чертежемъ, чтобъ Китайцы показали на немъ границу, только не рѣку Черную. Китайцы отвѣчали, что кромѣ рѣки Черной другой границы они постановить не могутъ. Бѣлободскій, по возвращеніи, донесъ Головину, что Китайцы изъ обозу перебираются на суда. Но пріѣхали іезуиты съ новымъ предложеніемъ: быть границѣ по рѣкѣ Горбицѣ на пути между Нерчинскимъ и Албазинымъ. Іезуиты объявили тайно, что это уже послѣдняя мѣра.

Въ слѣдъ за тѣмъ Головину дали знать, что ясачные Буряты и Онкоты безпрестанно ссылаются съ Китайскими послами, чтобъ быть имъ подъ властiю богдыхана; Китайскiе послы объявили имъ, что въ то время, какъ Китайцы пойдутъ за Шилку къ Нерчинску, Буряты и Онкоты должны отогнать изъ подъ города конскiе табуны и рогатый скотъ. Головинъ, „видя соглашенiе Китайскихъ пословъ съ измѣнниками и великое упорство въ опредѣленiи границъ, боясь, чтобъ Китайцы по объявленiи войны, не побрали всѣхъ ясачныхъ иноземцевъ въ свое владѣнiе и не разорили Даурской земли", отправилъ къ Китайцамъ опять Бѣлободскаго съ предложенiемъ границы по Албазинъ, и промыслы имѣть въ Зiйскихъ мѣстахъ сообща. Китайцы не согласились, а предложили постановить границею рѣку Аргунь, Албазинъ долженъ отойти въ китайскую сторону, а люди изъ него съ оружiемъ и запасами выйдутъ свободно. Головину дали знать, что многiя бусы перешли отъ Китайскаго табора и начали ставиться на ключахъ ниже Нерчинска. Головинъ видя, что Китайцы начали дѣлать приготовленiя къ войнѣ, боясь, чтобъ не разорили съ измѣнниками Нерчинскаго уѣзда и не взяли въ свое владѣнiе всѣхъ ясачныхъ Тунгусовъ, юртъ съ 400, жившихъ вверхъ по рѣкѣ Нерчѣ, опять послалъ Бѣлободскаго объявить Китайцамъ, что соглашается постановить границу на томъ мѣстѣ, гдѣ построенъ Албазинъ, въ Албазинѣ городу и поселенiю никакому не быть съ обѣихъ сторонъ, нынѣшнее строенiе разорить и ратныхъ людей вывесть. Китайцы не согласились, говоря, что своевольники русскiе люди соберутся и построятъ хотя и не въ томъ самомъ мѣстѣ, но близъ Албазина другiя крѣпости и станутъ воровать попрежнему: и Албазинъ они построили своровавши, безъ царскаго указа. Когда Бѣлободскiй потребовалъ, чтобъ послы не переманивали къ себѣ ясачныхъ людей, то Китайцы со смѣхомъ отвѣчали, что они ихъ не переманиваютъ и пусть Головинъ самъ съ ними управится, велитъ своимъ ратнымъ людямъ смирить ихъ; Китайцы смѣялись, зная, что у Головина мало ратныхъ людей, а измѣнниковъ гораздо больше.

Въ слѣдъ за этимъ Китайскiе послы сѣли на бусы и поплы-

ли внизъ по рѣкѣ Шилкѣ; вокругъ Нерчинска по горамъ появилось тысячи съ три вооруженныхъ Китайцевъ, которые стали съ знаменами противъ самаго города и на горахъ въ полверстѣ отъ Нерчинска, поставили палатки и развели по полю караулы. Головинъ послалъ Бѣлободскаго спросить Китайцевъ — что это значитъ? а самъ съ стрѣлецкими полками вышелъ изъ города въ ожиданіи боя; засѣсть въ Нерчинскѣ было нельзя: острогъ былъ очень малъ и худъ, и къ воинскому промыслу безнадеженъ, многія бревна подгнили. Китайцы прислали съ Бѣлободскимъ послѣднюю мѣру: быть границею рѣкѣ Горбицѣ, которая впадаетъ въ рѣку Шилку близъ рѣки Черной, а съ другой стороны быть границѣ по рѣку Аргунь и вверхъ Аргуньи до рѣки Большаго Годзимура, которая впадаетъ съ лѣвой стороны; Аргунскій острогъ снесть и на Аргунѣ никакихъ крѣпостей и поселеній не имѣть, Албазинъ разорить, а съ Китайской стороны въ этомъ мѣстѣ никакого поселенія не будетъ. Бѣлободскій объявилъ Головину, что видѣлъ многихъ измѣнниковъ Буратъ и Онкотъ: стоятъ вооруженные вмѣстѣ съ Китайцами на караулахъ.

Между тѣмъ Буряты и Онкоты все продолжали переправляться за рѣку, къ Китайцамъ. Боярскій сынъ Демьянъ Многогрѣшный съ отрядомъ отправленъ былъ уговаривать ихъ возвратиться подъ царскую державу; но они ни въ какіе переговоры не вступили и начали стрѣлять; Демьянъ вступилъ съ ними въ бой и взялъ въ плѣнъ трехъ человѣкъ: большаго поиску надъ измѣнниками по малолюдству сдѣлать было нельзя; а между тѣмъ 2000 вооруженныхъ измѣнниковъ стали вверхъ по Нерчѣ рѣкѣ версты за полторы отъ города подлѣ Китайскихъ карауловъ, въ которыхъ число людей становилось все больше и больше, а Китайскіе послы толковали, что они посольскимъ переговорамъ никакого препятствія не дѣлаютъ, караулы ставятъ для своей безопасности, до измѣнниковъ имъ дѣла нѣтъ, пусть съ ними Головинъ какъ хочетъ перевѣдывается: послѣднее продолжали говорить пересмѣиваясь.

„Видя Китайскихъ пословъ многое упорство, измѣну Бу-

рятъ и Онкотъ; боясь, чтобъ по ихъ примѣру не измѣнили и Тунгусы и не разорили бы, по согласію съ Китайцами, всей Даурской земли, не побрали бы всѣхъ ясачныхъ иноземцевъ, кочующихъ у Байкальскаго моря; усмотря совершенно склонность Китайскихъ пословъ къ войнѣ, слыша отъ промышленныхъ и служилыхъ людей Даурскихъ острожковъ, что между Албазинымъ и рѣкою Горбицею мало годныхъ земель къ поселенію, а промысловъ соболиныхъ и другихъ никогда въ тѣхъ мѣстахъ не бывало; желая рудокопное мѣсто, гдѣ сыскана серебряная руда, удержать въ царской сторонѣ, также соленое озеро и многія пашенныя мѣста на той сторонѣ рѣки Аргуни", — Головинъ 23 Августа отправилъ Бѣлободскаго объявить Китайскимъ посламъ, что соглашается постановить границею рѣку Горбицу и городъ Албазинъ разорить до основанія съ тѣмъ, чтобъ на этомъ мѣстѣ не было никогда ни русскаго, ни китайскаго поселенія. А по правую сторону рѣки Шилки съ Аргунскаго устья идучи до вершины рѣкою Аргунею вверхъ—на правой сторонѣ землѣ содержаться въ сторонѣ царскаго величества; а лѣвой сторонѣ въ сторонѣ богдыхановой.

Китайцы согласились и прислали къ Головину іезуитовъ для окончательныхъ договоровъ; но тутъ открылись новыя затрудненія. Головинъ опредѣлялъ границу такимъ образомъ: отъ рѣки Горбицы съ вершины до самаго моря прямо Камнемъ, который лежитъ подлѣ рѣки Амура: изъ того камня покати къ рѣкѣ Амуру и рѣки, которыя впадаютъ въ Амуръ, отходятъ въ сторону богдыхана; а на другой сторонѣ тогоже камня покати и рѣки, которыя лежатъ къ полночной сторонѣ, отходятъ въ сторону царскаго величества. Іезуиты объявили, что Китайскіе послы на это никакъ не согласятся. Уѣзжая отъ Головина, іезуиты отдали тайно Бѣлободскому письмо на французскомъ языкѣ: они просили Головина прислать имъ соболей, горностаевъ, лисицъ черныхъ на шапки, вина добраго, куръ, масла коровья. Головинъ послалъ сорокъ соболей на 80 рублей, сто горностаевъ на 10 рублей, лисицу чернобурую въ 10 рублей — это изъ царской казны, да отъ себя Головинъ послалъ лисицу черную въ 15 рублей, сорокъ гор-

ностаевъ въ 4 рубли, полпуда масла коровья, 15 куръ, ведро вина горячаго. Іезуиты отдарили двумя готоваленками, въ которыхъ было по ножу, по ножницамъ и по размѣрцу, цѣною по 10 алтынъ, двумя портретами Французскаго короля на бумажныхъ листахъ и книгою (книгу Французскаго короля Вирсаліи напечатанную).

Головинъ настаивалъ, чтобъ написать границу по договору, а спорныя мѣста близъ моря у амурскаго устья оставить безъ опредѣленія по рѣку Удь до другаго болѣе удобнаго времени, ибо мѣстность у амурскихъ устьевъ ему неизвѣстна. Китайцы настаивали, чтобъ положить границу отъ вершины рѣки Горбицы прямо камнемъ до моря, до мѣста, называемаго Святой Носъ. Такъ же не хотѣли писать въ договорѣ, чтобъ въ Албазинѣ не было никакого строенія, на томъ основаніи, что это дѣло незначительное. Наконецъ Китайцы уступили въ первомъ пунктѣ, Русскіе во второмъ; написали договоръ, гдѣ опредѣлили границы такъ: „Рѣка, именемъ Горбица, которая впадаетъ идучи внизъ въ рѣку Шилку съ лѣвые стороны близъ рѣки Черной рубежъ между обоими государствы постановить такожде отъ вершины тое рѣки каменными горами, которые начинаются отъ той вершины рѣки и по самымъ тѣхъ горъ вершинамъ даже до моря протяженными обоихъ государствъ державу тако раздѣлить, яко всѣмъ рѣкамъ малымъ или великимъ, которые съ полдневые стороны съ сихъ горъ впадаютъ въ рѣку Амуръ быти подъ владѣніямъ Хинскаго государства такожде всѣмъ рѣкамъ которые съ другіе стороны тѣхъ горъ идутъ, тѣмъ быти подъ державою царскаго величества Россійскаго государства прочіежъ рѣки которые лежатъ врединѣ межъ рѣкою Удью подъ Россійскаго государства владѣніемъ и межъ ограниченными горами, которые содержатся близъ Амура владѣнія Хинскаго государства и впадаютъ въ морѣ и всякія земли посреди сущія межъ тою вышепомянутою рѣкою Удью и межъ горами, которые до границы подлежатъ неограничены нынѣ да пребываютъ понеже на оные земли разграниченіе великіе и полномочные послы не имѣюще указа царскаго величества отлагаютъ неограничены до иного благополучнаго времяни. Такожде

рѣка реченная Аргунь которая въ рѣку Амуръ впадаетъ границу постановить тако яко всѣмъ землямъ которые суть съ стороны лѣвые идучи тою рѣкою до самыхъ вершинъ подъ владѣніемъ Хинскаго хана да содержитца правая сторона такожде всѣ земли да содержатца въ сторонѣ царскаго величества Россійскаго государства и все строеніе съ полдневые стороны той рѣки Аргуни снесть на другую сторону тоежъ рѣки. Городъ Албазинъ которой построенъ былъ съ стороны царскаго величества разорить до основанія и тамо пребывающіе люди со всѣми при нихъ будущими воинскими и иными припасы да изведены будутъ въ сторону царскаго величества.“

Внутри государства важныя преобразованія, замышлявшіяся при царѣ Ѳеодорѣ, были остановлены смутою, начавшеюси тотчасъ послѣ его смерти. Мы видѣли, что въ концѣ царствованія Ѳеодора были вызваны въ Москву выборные со всего государства, два человѣка отъ каждаго города, для разборовъ и уравненія всякихъ службъ и податей. Тотчасъ по смерти Ѳеодора этихъ двойниковъ распустили по домамъ, и отъ имени царя Петра разослали грамоты къ воеводамъ: „Указали мы всѣхъ двойниковъ отпустить по домамъ; а имъ, пріѣхавъ, въ тѣхъ городахъ и пригородахъ, въ уѣздахъ, во всѣхъ слободахъ и въ волостяхъ и въ селахъ, съ земскими старостами и иныхъ чиновъ съ тамошними жилецкими людьми, въ таможни и на кружечные дворы и къ инымъ сборамъ нашей казны выбрать между собою въ головы и въ ларешные цѣловальники, изъ какихъ чиновъ напередъ сего у тѣхъ сборовъ бывали и нынѣ сбираютъ, самыхъ добрыхъ и правдивыхъ людей; а ты бы (воевода) въ тѣхъ выборахъ всякое имъ вспоможеніе чинилъ, а ни для чего въ тѣ выборы тебѣ не вступаться и помѣшки имъ не чинить [27].“ Къ чему повелъ вызовъ двойниковъ, съ какими наказами они возвратились, не знаемъ. Видимъ въ грамотахъ прибавку, чтобъ воевода не вступался въ выборы и не дѣлалъ имъ препятствій; но мы знаемъ, что уже давно воеводамъ запрещено было вступаться въ выборы; повтореніе запрета показываетъ, что воеводы не обращали на него надлежащаго вниманія. Жители Вятской

области выпросили у царя Алексѣя право во всѣхъ своихъ городахъ имѣть подъячихъ по мірскимъ выборамъ; но въ іюнѣ 1682 года прислали челобитную: „вопреки царскому повелѣнію сидятъ у насъ подъячіе безъ мірскихъ выборовъ, по подписнымъ челобитнымъ и по накупамъ, чинятъ намъ налоги и утѣсненіе, отъ письма берутъ лишнія взятки, и отъ тѣхъ ихъ налоговъ и лишнихъ взятокъ разорились мы въ конецъ напрасно и Вятскіе уѣзды пустѣютъ.“ Государи, разумѣется, велѣли быть подъячимъ по мірскимъ выборамъ. Дѣло о крестьянахъ, дворовыхъ людяхъ и закладчикахъ, которые поселились въ городахъ для промысловъ, тянулось. Мы видѣли, что по Уложенью всѣ они были закрѣплены за городами т я н у т ь вмѣстѣ съ посадскими людьми. Но послѣ Уложенья подобные люди, отбывая крѣпостной зависимости, уходятъ отъ помѣщиковъ и вотчинниковъ въ города, занимаются здѣсь промыслами и тянутъ вмѣстѣ съ посадскими людьми. Происходитъ новое столкновеніе интересовъ: помѣщики и вотчинники требуютъ бѣглецовъ назадъ; посадскіе люди бьютъ челомъ великому государю, чтобъ ихъ не отдавать, потому что безъ нихъ тяжело будетъ тянуть, подати не будутъ уплачиваемы. Страшная угроза для правительства, и правительство оттягиваетъ бѣглецовъ. Царь Алексѣй Михайловичъ указомъ 1655 года не велѣлъ отдавать ихъ прежнимъ владѣльцамъ. Правительница Софья 17 декабря 1684 года указала: тѣхъ людей, которые живутъ въ посадахъ и слободахъ по торговымъ и рукодѣльнымъ промысламъ и по женитьбамъ, женившись на посадскихъ тяглыхъ вдовахъ и дѣвкахъ, и по посадскимъ дворамъ и по градскому житью, и которые написаны въ переписныхъ книгахъ 1678 года, и которые въ тѣхъ книгахъ не написаны для отъѣздовъ торговыхъ и ремесленныхъ промысловъ, а иные пришли послѣ переписныхъ книгъ,—и тѣмъ пришлымъ людямъ жить въ посадахъ безповоротно и тягло всякое платить, службы служить съ посадскими людьми, а помѣщикамъ и вотчинникамъ и всякихъ чиновъ людямъ ихъ въ крестьянство и холопство не отдавать; а которые крестьяне придутъ послѣ указа 17 декабря 1684 года, тѣхъ искать судомъ [28].

Уѣзды не переставали пустѣть; въ Москву доносили:

„Мимо Верхотурья и Верхотурскаго и Тобольскаго уѣздовъ, черезъ слободы изъ Русскихъ и изъ поморскихъ городовъ бѣглыхъ крестьянъ съ женами и дѣтьми прошло многое число [39]." Бѣжитъ крестьянинъ по дальше за Камень, чтобъ не сыскали, потому что бѣгство единственное средство спасенія отъ насилій сильнаго; вступая въ крестьянство, онъ далъ на себя запись, гдѣ выговорены всѣ его обязанности и не выговорено никакого обезпеченія противъ обидъ господина; вотъ эта запись: „Я Иванъ Кондратьевъ сынъ Большаковъ далъ на себя сію ссудную запись стольнику Ив. Григор. Неронову, взялъ я Иванъ у него на ссуду денегъ 10 рублевъ, и на тѣ ссудныя деньги мнѣ завесть всякій крестьянскій заводъ, и съ тѣмъ заводомъ жить мнѣ за нимъ государемъ своимъ въ крестьянствѣ, гдѣ онъ государь укажетъ, а будетъ жить не стану и всякаго завода не заведу и изъ за него куда сбѣгу, и ему взять тѣ свои ссудныя деньги на мнѣ, а крестьянство и впредь крестьянство, и вольно ему меня продать и заложить и самому владѣть." Негодяи пользовались довѣрчивостію крестьянъ, чтобъ поднимать ихъ противъ крѣпостной зависимости. Въ сентябрѣ 1682 года, въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ, въ вотчинѣ митрополита Бѣлгородскаго, въ селѣ Новой Слободкѣ съ деревнями, крестьяне чинили между собою совѣты, и въ колокола на бунтъ били, и въ круги сходились и Бѣлгородскаго пристава, который посыланъ былъ за ними, били и вязали, и наказную память отняли, къ митрополичью двору приходили, посельскаго старца и домовыхъ людей побить хотѣли; изъ Бѣлагорода посыланы за ними начальные люди съ стрѣльцами, и они имъ взять не дались. Пятеро крестьянъ пріѣхали въ Москву съ челобитьемъ, чтобъ имъ за митрополитомъ въ крестьянствѣ не быть; ихъ здѣсь схватили и послали въ Курскъ для розыску. Оказалось, что Бѣлгородецъ Өедька Озеровъ, пріѣхавъ изъ Москвы, научалъ крестьянъ бить челомъ о свободѣ и просилъ съ нихъ 20 рублей, говорилъ: станетъ имъ всего небольшое, по гривнѣ съ двора, и нынѣ на Москвѣ время, отъ крестьянства васъ отставятъ; а у него Өедора въ Москвѣ, въ патріаршемъ разрядѣ дядя дьякъ Анисимъ Озеровъ, ту ихъ челобитную до-

несетъ до великихъ государей и то дѣло сдѣлаетъ. Озеровъ и митрополичій крестьянинъ Трошка Чепурный, болѣе другихъ принимавшій участія въ бунтѣ, повѣшены; другіе бунтовщики, всего 27 человѣкъ биты кнутомъ на козлѣ и въ проводку нещадно и отосланы къ митрополиту въ крестьянство по прежнему.

По старой печальной пословицѣ, когда волки дрались, съ овецъ шерсть летѣла. Бояринъ Петръ Васильевичъ Шереметевъ жилъ не въ ладахъ съ княземъ В. В. Голицынымъ, и управители дворцовыхъ волостей позволяли себѣ все съ крестьянами Шереметева: дворцоваго села Дупилова воевода Шишкинъ съ головою таможеннаго и кружечнаго двора, со всѣми крестьянами и солдатами, съ бердышами, топорками, дубинами и копьями, ворвался въ Шереметевское село Горицы на богомольную ярморку на праздникъ Рождества Богородицы: что̀ на боярскомъ дворѣ боярской сборной казны было, все грабежомъ побралъ безъ остатку, а крестьянъ били, увѣчили, что на комъ было денегъ и одежи, все взяли. Горицкіе крестьяне, разумѣется, били челомъ на насильниковъ; но по Россіи ходила также пословица, что „на Москвѣ дѣла даромъ не дѣлаютъ.“

Пріѣхалъ въ 1683 году въ Москву слуга Прилуцкаго монастыря по дѣламъ въ Стрѣлецкомъ приказѣ и внесъ въ роспись расходовъ: дьяку несено деньгами 10 рублевъ, пирогъ, голова сахару, семга, гребень рѣзной, полпуда свѣчь маковыхъ, два ведра рыжиковъ, людямъ его два алтына. Старому подъячему деньгами 28 рублевъ, пирогъ, ведро рыжиковъ, людямъ его четыре деньги. Молодому подъячему деньгами три рубли; да емужъ съ дьячьимъ племянникомъ въ погребѣ выпоено церковнаго вина на семь алтынъ. Въ приказѣ Большіе Казны старому подъячему отъ справы отъ памяти, что отпустилъ въ стрѣлецкій приказъ, несено пирогъ да семга. Молодому отъ письма отъ памяти десять денегъ [30].

Гдѣ дѣло идетъ объ отношеніяхъ между сильнымъ и слабымъ, встрѣтите тоже, что и въ крестьянской записи. Дѣвочка — сирота живетъ у замужней сестры, тяжело содержать лишняго человѣка, и вотъ старшая сестра и мужъ ея отдаютъ дѣвочку въ

услуженіе чужому человѣку, пишется запись, въ которой предусмотрительные и нѣжные родственники выговариваютъ, чтобъ чужой человѣкъ не только содержалъ дѣвочьку за ея работу, но и устроилъ ея судьбу съ ея согласія: „я такой то и жена моя отдали, я свою свояченицу, а она свою сестру дѣвицу такому-то жить во дворѣ его до возраста; а какъ она будетъ на возрастѣ, и ему дать ей приданаго по силѣ и выдать замужъ за вольнаго человѣка или за кого она похочетъ. А живя ей слушать и почитать и всякую работу работать домашнюю, вести себя хорошо, а ему ее кормить, одѣвать и обувать [31].“ Ей — вести себя хорошо, а ему только кормить, одѣвать и обувать, вести же себя хорошо въ отношеніи къ ней — этого не считали нужнымъ выговаривать.

Предъ нами продолжаетъ развертываться прежняя картина юнаго общества, не выработавшаго сдержекъ для сильныхъ людей. Сильные живутъ порознь, особѣ и ведутъ войну другъ съ другомъ; правительство ведетъ кровавую борьбу съ ними, но гидра растетъ подъ ударами, мечь притупляется, надобны другія средства.

Въ Калугѣ къ съѣзжей избѣ пріѣзжаетъ помѣщица Маѳа Кишкина, привозитъ мертвое тѣло мужа своего, бьетъ челомъ: въ деревню мою Чувашеву на огородъ пріѣхалъ сосѣдъ Иванъ Кондыревъ съ людьми своими и крестьянами, наряднымъ дѣломъ, и началъ ломать изгороду нашу и жечь; мужъ мой вышелъ и сталъ ему говорить, чтобъ не ломалъ и не жегъ, а онъ Иванъ убилъ его за это до смерти. Тѣло осмотрѣли и записали; воевода послалъ за убійцею, чтобъ ѣхалъ въ Калугу; но Кондыревъ не поѣхалъ; не было у воеводы мочи сладить съ сильнымъ человѣкомъ. Вдова подождала, видитъ, что въ Калугѣ добиться ничего нельзя, взяла мертвое тѣло и повезла въ Москву въ Сыскной приказъ. Здѣсь опять тѣло осмотрѣли, записали и дали управу. Свидѣтели показывали, что самъ Кондыревъ Кишкина не билъ, били люди его. Кондырева били кнутомъ нещадно и сослали въ Сибирь съ женою, но не съ дѣтьми, одно помѣстье его отдано вдовѣ Кишкиной, другія оставлены дѣтямъ преступника [32]. За этимъ дѣломъ другое въ томъ же родѣ: поссорились также за

землю два помѣщика Левашовъ и Пущинъ; Пущинъ пожегъ у Левашева скирды ржи и сѣна; Левашевъ разсердился и послалъ сыновей своихъ и крестьянъ убить Пущина, что и было исполнено. Преступникъ потерялъ за это голову [33]. Поссорившись за землю, помѣщики бьютъ другъ друга; понятно, что они не спустятъ межевщикамъ, когда имъ покажется, что тѣ межуютъ не къ ихъ выгодѣ. Въ 1686 году пришла жалоба отъ межевщиковъ, что дѣти боярскіе и козаки, помѣщичьи и вотчинниковы люди и крестьяне, скопясь многолюдствомъ, бунтомъ, со всякимъ оружіемъ на нихъ приходили, съ земли ихъ сбили, мѣрять не дали, верви поотнимали и разорвали, а иныхъ межевщиковъ и подъячихъ и людей ихъ били [34]. Правительство отправило дворянъ добрыхъ для розыску, виноватыхъ велѣно бить кнутомъ на козлѣ и въ проводку нещадно; по розыску наказанье чинено, и не смотря на то, жалобы межевщиковъ не прекращаются.

Священникамъ по прежнему не было пощады отъ сильныхъ людей. Въ 1688 году священникъ Іаковъ изъ Арзамасскаго уѣзда объявилъ, что Иванъ Ржевскій звалъ его къ себѣ въ домъ пѣть молебна и обѣдать съ попадьею его. Прилучился тутъ Петръ Шадринъ; послѣ обѣда попадья его пошла домой, и на улицѣ люди Шадрина, по приказу господина своего, попадью его били и увѣчили до полусмерти; онъ вышелъ попадьи своей отнимать, и его били же и увѣчили. И пришедши домой, попадья его отъ тѣхъ смертныхъ побой стала быть при смертномъ часѣ; онъ послалъ сына своего въ вотчину Михайла Аргамакова за попомъ Варѳоломеемъ, чтобъ онъ попадью его исповѣдалъ и причастилъ. Попъ Варѳоломей пріѣхалъ, а его попа Іакова въ то время дома не было, былъ у Петра Шадрина, и отъ него Петра пошелъ къ себѣ домой; и въ то время выбѣжалъ на улицу съ Петрова двора Шадрина сынъ Ивана Ржевскаго Аѳанасій съ людьми своими, и его, попа Іакова били и увѣчили и пошли къ нему на дворъ, а за ними пошелъ къ нему и Петръ Шадринъ съ людьми. Попъ Варѳоломей исповѣдывалъ въ клѣти попадью, и Аѳонасій Ржевскій, ухватя попа Ворѳоломея за епитрахиль, изъ клѣти вытащилъ и началъ его съ людьми своими и съ Петро-

выми бить и увѣчить, оставилъ чуть жива, и Тайну Христову всю пролилъ подъ ноги и ногами потопталъ, а билъ Варѳоломея, приговаривалъ: Ты попъ Михайла Аргамакова: почто къ намъ съ дарами въ приходъ ѣздишь? что было тебѣ, то будетъ и Петру Аргамакову съ сыномъ" [35].

Мы видѣли, какъ Русскіе люди страдали отъ разбойничества, для усиленія котораго было много благопріятныхъ условій; мы встрѣтили извѣстіе, что строитель пустыни участвовалъ въ разбойничествѣ: въ описываемое время встрѣчаемъ новое поразительное извѣстіе. Въ 1688 году князь Яковъ Лобановъ Ростовскій да Иванъ Микулинъ ѣздили на разбой по Троицкой дорогѣ разбивать государевыхъ мужиковъ съ царскою казною; мужиковъ они разбили и казну взяли себѣ, двухъ человѣкъ убили до смерти. Про то ихъ воровство розыскивано, и по розыску князь Яковъ Лобановъ взятъ съ двора, привезенъ къ Красному крыльцу въ простыхъ санишкахъ, и учинено ему наказаніе: битъ кнутомъ въ жилецкомъ подклѣтѣ, по упросу верховой боярыни и мамы княгини Анны Никифоровны Лобановой, да отнято у него безповоротно 400 дворовъ крестьянскихъ, а человѣка его Калмыка да казначея за то воровство повѣсили; Микулинъ битъ кнутомъ на площади нещадно, сосланъ въ Сибирь и отняты у него помѣстья и вотчины безповоротно.

Встрѣчаемъ цѣлый рядъ извѣстій о преступленіяхъ, совершенныхъ людьми изъ честныхъ родовъ; въ 1684 году учинено наказанье Петру Васильевичу Кикину: битъ кнутомъ передъ стрѣлецкимъ приказомъ за то, что дѣвку растлилъ; да и прежде онъ Петръ пытанъ на Вяткѣ за то, что подписался было подъ руку думнаго дьяка. Въ 1685 году битъ кнутомъ Хвощинскій за то, что на порожнемъ столбцѣ составилъ было запись. Князь Петръ Кропоткинъ битъ кнутомъ за то, что выскребъ и приписалъ своею рукою. Биты батогами Кутузовъ и Нарышкинъ за то, что они ручались по Касимовскомъ царевичѣ въ человѣкѣ [37].

Въ связи съ этими явленіями любопытно взглянуть на движеніе законодательства въ описываемое время. Въ началѣ правленія Софьи было постановлено: за одинъ разбой и

воровство безъ убійства и пожогу бить кнутомъ, отрѣзать лѣвое ухо, два пальца у лѣвой руки и сослать въ Сибирь на вѣчное житье съ женами и дѣтьми, которые не въ раздѣлѣ, за два воровства чинить указъ по уложенью, за три казнить смертью [38]. Но въ слѣдующемъ же году постановлено рѣзать у преступниковъ уши вмѣсто отсѣченія пальцевъ, и тогда же за произношеніе возмутительныхъ словъ запрещено было казнить смертію, велѣно бить кнутомъ и ссылать въ разные города [39]. Въ началѣ 1689 года постановлено было не окапывать въ землю женъ за убійство мужей, но отсѣкать имъ головы [40]. Въ частныхъ договорныхъ записяхъ не считали нужнымъ выговаривать, чтобъ хозяинъ обходился хорошо съ поступавшими къ нему въ услуженіе; но правительство старалось обезпечить несчастныхъ должниковъ отъ неистовства заимодавцевъ, къ которымъ они отдавались въ заживъ головою: въ 1688 году велѣно отдавать въ заживъ должниковъ мужеска пола съ женами, женска съ мужьями, работать имъ— мужчинамъ за годъ по пяти рублей, женщинамъ по два съ полтиною; по тѣхъ людяхъ, кому они будутъ отданы, брать поручныя записи, чтобъ имъ должниковъ не убить и не изувѣчить [41]. Въ томъ же году былъ изданъ указъ о невзысканіи со вдовъ и дѣтей долговъ, если послѣ умершихъ никакихъ пожитковъ не осталось [42].

Въ первыхъ годахъ правленія Софьи были изданы любопытные указы, которые рѣзко характеризуютъ общественные нравы. Есть явленія, повидимому мелкія, но которыя служатъ вѣрнымъ мѣриломъ общественнаго развитія. Такъ напримѣръ мы не можемъ допустить высокой степени этого развитія тамъ, гдѣ на многолюдной улицѣ большаго города человѣкъ, встрѣтивъ знакомаго, преспокойно останавливается поговорить съ нимъ на серединѣ дороги; или тамъ, гдѣ не умѣютъ держаться правой стороны, или тамъ, гдѣ позволяютъ себѣ ѣздить во всю прыть опять по многолюднымъ улицамъ большихъ городовъ. Всѣ эти явленія пахнутъ степью, показываютъ, что люди привыкли жить особѣ, какъ жили предки Дреговичи или Вятичи, не понимаютъ, что въ обществѣ прежде чѣмъ сдѣлать какое-нибудь движеніе надобно подумать;

а что будетъ отъ этого другимъ? Зная за собою и теперь много противуобщественныхъ привычекъ, мы не удивимся, встрѣтивъ указы, чтобъ не ѣздили по улицамъ на вожжахъ съ большими бичами и не били народъ своимъ небреженьемъ, не стрѣляли въ домахъ изъ ружей, не оставляли на улицахъ навозъ, мертвечину и всякій скаредный пометъ. Или такой указъ: „Стольники, стряпчіе и дворяне Московскіе и жильцы! Нынѣ люди ваши ставятся въ Кремлѣ съ лошадьми не въ указныхъ мѣстахъ, безъ разбора, и шумъ и крикъ чинятъ, и кулачный бой заводятъ, и прохожимъ людямъ дорогою пройти не даютъ, толкаютъ и подъ ноги подшибаютъ и подсвистываютъ; а какъ начнутъ ихъ караульные капитаны и стрѣльцы съ неуказныхъ мѣстъ ссылать и отъ крика и отъ дурна унимать, и тѣ ваши люди капитановъ и стрѣльцовъ бранятъ и грозятъ бить“ [43]. Это касалось слугъ; но еще прежде нужно было запретить господамъ безчинствовать въ самомъ дворцѣ [44].

Мѣстничаться явно не смѣли болѣе, т. е. не смѣли не пойти куда-нибудь по назначенію, выставляя, что быть съ такимъ-то невмѣстно; но бывали случаи, когда уклонялись отъ неприличныхъ по мѣстническимъ счетамъ назначеній подъ разными предлогами: такъ въ 1686 году бояринъ князь Владиміръ Дмитріевичъ Долгорукій не послалъ сыновей своихъ въ рынды вмѣстѣ съ Голицыными подъ предлогомъ, что они больны и уѣхали молиться къ Николѣ на Угрѣшу; двое другихъ Долгорукихъ Лука и Борисъ спрятались отъ того же назначенія. Правительница велѣла отнять за это у князя Владиміра боярство, сыновей его, и князей Луку и Бориса написать съ городомъ (городовыми дворянами), кромѣ того у Луки и Бориса отнять помѣстья и вотчины. Лука и Борисъ просили милости со слезами, что они не явились во дворецъ вовсе не потому, что не хотѣли быть вмѣстѣ съ Голицыными, но потому, что ждали какого-нибудь другаго великихъ государей гнѣва и опалы. Всѣхъ Долгорукихъ простили [45].

Въ то время когда государство боролось съ степными хищниками, желая избавиться отъ позорной дани, въ то время, когда внутри боролось оно съ противуобщественными привычками, высказывавшимися во всѣхъ слояхъ общества, въ

то же время церковь вела двойную борьбу. Побѣда надъ раскольниками въ Москвѣ послѣ 5 іюля 1682 года не сломила раскола, который безпрестанно давалъ знать о себѣ изъ областей, и это усиливало раздраженіе побѣдителей, заставляло ихъ принимать все болѣе и болѣе сильныя мѣры противъ упорнаго врага. Въ ноябрѣ 1682 года разосланы были грамоты ко всѣмъ архіереямъ о повсемѣстномъ сыскѣ и преданіи суду раскольниковъ. Въ 1683 году въ Печерскомъ Псковскомъ монастырѣ архимандриту и келарю съ братьею билъ челомъ печерскій посадскій бобыль Ульянъ Ивановъ: раскольники незнаемые люди, подговоря и совратя съ истиннаго пути отъ св. церкви, свели жену его Екатерину своимъ ученіемъ незнаемо куда; пристаютъ они въ Печерскомъ посадѣ у вдовы Агафьицы и людей учатъ своему расколу. — Закащикъ священникъ Иванъ Андреевъ раскольниковъ пришлыхъ людей и съ ними вдову Агаѳьицу поймалъ и привелъ въ Печерскій монастырь. Одинъ изъ раскольниковъ въ допросѣ сказалъ: породою онъ русскихъ людей, зовутъ его Мартынкомъ Кузьминъ сынъ, жилъ въ Псковѣ въ бобылкахъ своимъ дворомъ, а послѣ пожару у него двора своего нѣтъ, отняли дворовое мѣсто подъ церковь, и съ того числа онъ проживалъ гдѣ день, гдѣ ночь, въ Печерскій монастырь пришелъ къ празднику Успенія Богородицы и присталъ въ посадѣ у сестры своей, у вдовы Агаѳьицы; а на праздникѣ въ церкви не былъ, для того что нынѣ пѣніе въ церкви и служба новая, и обѣдню служатъ не надъ просфирами, надъ колобками; на исповѣди онъ былъ тому назадъ лѣтъ съ десять, и какъ онъ сталъ причащаться св. Таинъ нынѣшнихъ просвиръ, и изъ него пошли зміи и стало бить и трясти, и съ того числа онъ на исповѣди не бывалъ и не причащался. — При входѣ въ казенную келью, гдѣ его допрашивали, Мартынко не поклонился св. иконамъ, и на вопросъ, зачѣмъ не кланяется? отвѣчалъ: эти иконы не святыя, нынѣ вѣра христіанская изсякла и святыни въ иконахъ нѣтъ, нынѣ и литургію служатъ по Римски надъ колобками, вмѣсто креста на просвирахъ поставлены латинскіе крыжи и животворящій крестъ Христовъ казнили весь около. „Священники всѣ, про-

должалъ Мартынко, антихристовы предтечи; антихристъ въ мірѣ есть другой годъ, я его видѣлъ въ Печерскомъ монастырѣ, Маркеллъ митропилашка (Маркеллъ митрополитъ Псковскій). А какъ царь Алексѣй за вѣру Соловецкій монастырь велѣлъ казнить, то на третій день и умеръ. Нынѣ я посланъ отъ Бога учить и вѣру христіанскую проповѣдывать; верховные апостолы Петръ и Павелъ мнѣ сродичи. Чтобъ крестились христіане двумя перстами, а не тремя; въ томъ крестѣ сидитъ Кика бѣсъ съ преисподнею. А какъ антихристъ появился, и въ то время въ Псковѣ у Живоначальной Троицы и въ Печерскомъ монастырѣ престолъ рушился; и св. Троица и Пресвятая Богородица нынѣ на воздухѣ, а не въ церкви. На пыткѣ Мартынко объявилъ, что все имъ сказанное въ допросѣ онъ слышалъ въ Соловецкомъ монастырѣ и прибавилъ: когда царствовалъ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, то царсвовалъ не онъ, а Михаилъ Архангелъ. Послѣ крѣпкой пытки, огня, клещей, многихъ встрясокъ, Мартынко во всемъ повинился, объявилъ, что св. церкви во всемъ повинуется. Учителемъ Мартынки оказался пойманный съ нимъ товарищъ его Ивашка Меркульевъ, который крестилъ и исповѣдовалъ по старому. Бояре приговорили: Ивашку Меркульева сжечь и пепелъ его разметать и затоптать, а Мартынка и Агафьицу отослать подъ началъ къ митрополиту [46].

Мы видѣли, что въ царствованіе Ѳеодора монахъ Даніилъ завелъ пустынь въ Тобольскомъ уѣздѣ, на рѣчкѣ Березовкѣ и сожегся съ своими единомышленниками, почуявъ приближеніе царскаго войска: въ 1682 году дали знать правительству, что выѣзжаютъ изъ городовъ и слободъ многіе всякихъ чиновъ люди, покинувъ дворы, имѣніе, скотъ и хлѣбъ, на Тоболъ въ Утяцкую слободу къ слободчику Ѳедору Иноземцеву, и заводится пустынь такая же, что и прежде была на рѣкѣ Березовкѣ; велѣно было поставить заставы, чтобъ никого не пропускать въ Утяцкую слободу [47]. Въ 1685 году изданъ указъ: Которые прелестію своею простолюдиновъ и ихъ женъ и дѣтей приводили къ тому, чтобъ они сами себя жгли, такихъ воровъ, по розыску, жечь самихъ [48]. Отвѣтъ па эту мѣру не замедлилъ. Въ томъ же году человѣкъ съ тридцать рас-

кольниковъ сгорѣли въ овинѣ въ принадлежавшей Хутынскому монастырю деревнѣ Островѣ. Другіе заперлись въ Палеостровскомъ монастырѣ и, послыша о приближеніи полковника Мишенскаго, сами сожглись въ церкви; главный заводчикъ Повѣнчанинъ Емельянъ Ивановъ, подучившій къ самосожженію, не сгорѣлъ, но, пограбивъ монастырскую казну, бѣжалъ, и сталъ опять прельщать и собирать толпу; въ 1689 году опять засѣлъ онъ съ своими товарищами въ Палеостровскомъ монастырѣ; высланный противъ раскольниковъ отрядъ войска въ непроходимыхъ лѣсахъ отыскалъ три пристанища и сжегъ ихъ, но на возвратномъ пути долженъ былъ выдержать отъ раскольниковъ нападеніе впродолженіи двухъ ночей; запершіеся въ Палеостровскомъ монастырѣ раскольники зажгли его и сами сгорѣли [49].

Спасаясь отъ преслѣдованій, раскольники бѣжали за рубежи Шведскій и Польскій, бѣжали въ козацкія степи. Мы видѣли, что уже и прежде раскольники утверждались на Дону; теперь число ихъ тамъ становилось все больше и больше. Мы видѣли, что еще въ 1683 году козаки указывали, какъ на главнаго вора, на Кузьму Косаго; однако онъ остался нетронутымъ. Въ 1686 году въ Черкаскъ вдругъ нахлынуло 700 человѣкъ раскольниковъ и начали уговаривать козаковъ, чтобъ стояли за старую вѣру; православные выжили незванныхъ гостей, но дѣло не обошлось безъ ножей. Въ ноябрѣ того же года въ Острогожскѣ явился съ Дону козакъ Лобанъ, родомъ Малороссіянинъ и разсказывалъ, что жилъ онъ въ городкѣ Кагальникѣ 30 лѣтъ, но теперь принужденъ былъ уйти, потому что въ Донскихъ городкахъ по рѣчкѣ Медвѣдицѣ, Чиру и по запольнымъ рѣчкамъ стало много раскольниковъ, умышляютъ они и совѣтуютъ, чтобъ имъ идти на Москву, на патріарха, бояръ и архіереевъ, которые всѣ вѣру потеряли. Лобанъ требовалъ, чтобъ его отправили въ Москву, потому что есть за нимъ еще скрытыя рѣчи. Въ Москвѣ Лобанъ объявилъ, что на рѣчкѣ Медвѣдицѣ живетъ бѣлецъ, Куземкою зовутъ (Кузьма Косой), чинитъ всякіе расколы и называется папою.

Этотъ папа съ своими приверженцами основалъ на Мед-

вѣдицѣ новый городокъ, названный по его имени Кузьминымъ, откуда раскольники начали наступательное движенiе на другiе городки.

Въ концѣ сентября 1688 года, Донскiе козаки отправили противъ нихъ отрядъ подъ начальствомъ атамана Кутейникова, который, пришедши подъ Кузьминъ, построилъ городокъ съ раскатомъ и „чинилъ надъ раскольниками всякiе боевые и приступные земляные и деревянные промыслы,“ но все безуспѣшно; потомъ пошли козаки къ городку деревяннымъ валомъ, который валили цѣлый день, за этою валовою крѣпостью построили другой раскатъ, кололись съ него копьями съ раскольниками и кирпичемъ бились; но осажденные успѣли зажечь валъ и заставили козаковъ отступить. 1-го февраля 1689 года отправленъ былъ подъ Кузьминъ городокъ другой атаманъ Аверкiевъ на перемѣну Кутейникову; Аверкiевъ стоялъ подъ городкомъ до мая мѣсяца и наконецъ успѣлъ взять его и разорить, раскольники были побиты.

Кромѣ Косаго главами раскола на Дону были три попа— Досиѳей, Пафнутiй и Ѳеодосiй; когда въ 1688 году высланъ былъ противъ нихъ козацкiй отрядъ, то они съ своею толпою ушли за границу во владѣнiя Шевкала Тарковскаго и поселились на рѣкѣ Аграханѣ [50].

Въ Воронежскомъ уѣздѣ, въ селѣ Репномъ явился какой то гулящiй человѣкъ Василiй Желтовскiй, который не подошелъ къ священнику подъ благословенiе, крестъ на себя возлагалъ не по новоисправленному, церкви и православную вѣру и священный чинъ хулилъ: „какiя то церкви и попы? Богъ нашъ на небеси, а на земли Бога нѣтъ,“ и крестился, смотря на солнце, говорилъ: „Боже мой Боже! почто надо мною однимъ взыскалъ?“ Приведенный въ Воронежъ, въ духовный приказъ, по дѣйству дьявольскому безмолвствовалъ. Домовый архiерейскiй монахъ Сергiй донесъ, что онъ видѣлъ Ваську въ козачьемъ городкѣ Иловлѣ: здѣсь онъ церкви называлъ мечетями, тѣло и кровь Христовы ни во что вмѣнялъ, про великихъ государей говорилъ, будто ихъ и на Москвѣ нѣтъ и называлъ ихъ антихристами, патрiарха державникомъ, iереевъ посланниками. На пыткѣ Желтовскiй не повинился, объявилъ

только, что отецъ и братъ его на Дону. Желтовскаго сослали въ Свирскій монастырь, а Сергія въ Сійскій. Козаки ходили противъ раскольниковъ; но о томъ, что̀ дѣлалось въ самомъ Черкаскѣ, шелъ споръ въ Москвѣ между двумя монахами, Савватіемъ и Гавріиломъ. Савватій доносилъ, что въ Черкаскѣ сначала служили по новоисправнымъ служебникамъ, а когда Гавріилъ началъ въ соборной церкви служить, то выходилъ въ кругъ къ козакамъ и наговаривалъ, четвероконечный крестъ называлъ Латинскимъ; войско послушало, велѣли просвиры печатать по его волѣ осмиконечнымъ крестомъ, и велѣли служить по старому служебнику. Гавріилъ съ пытки въ расколѣ и ни въ какомъ воровствѣ не винился, только говорилъ, что виноватъ, служилъ на Дону въ соборной церкви по старому служебнику.

Тяжелъ былъ Донъ расколомъ; тяжелъ и козацкими притязаніями, которыхъ никакъ не могли допустить въ Москвѣ. Въ 1685 году Донское войско прислало царямъ челобитную такого содержанія: Били челомъ великимъ государямъ, а имъ козакамъ въ кругу подали челобитную Воронежскаго Покровскаго монастыря игуменья Ульяна съ сестрами: вотчину ихъ Фарасань Коротояцкіе жители обижаютъ и разоряютъ, вступиться за ихъ крестьянъ и постоять некому; и великіе государи пожаловали бы ихъ козаковъ, ради войсковаго прошенья велѣли вотчину Фарасань принять на себя и пожаловать старицъ ругою. Старицъ велѣли прислать въ Москву и игуменью сослали въ одинъ изъ сѣверныхъ монастырей, хотя она и говорила, что сама на Донъ не ѣздила, а посылала двухъ монахинь за милостынею, и челомъ бить козакамъ не приказывала. Къ козакамъ была послана грамота, чтобъ они впередъ въ такія дѣла не вступались, потому что такія дѣла имъ не належатъ. Но это не былъ единственный случай: Троицкаго-Борщова монастыря казначей Дороѳей съ осьмью монахами составилъ челобитную на игумена Корнилія отъ себя и отъ монастырскихъ работниковъ и послалъ на Донъ. Монахи, взятые въ Москву, оправдывались, что пріѣхали въ монастырь Донскіе козаки и съ угрозою велѣли старцамъ написать челобитную на игумена. Воронежскій епископъ Ми-

трофанъ жаловался, что ему отъ Донскихъ козаковъ нельзя вѣдать братію и крестьянъ Борщова монастыря: на кого будетъ челобитная, тѣхъ козаки не даютъ на епископскій судъ [51].

Въ Сибири и предѣлахъ Новгородскихъ, па Дону и въ Москвѣ раздавалась раскольничья проповѣдь, что патріархъ не патріархъ, потому что заразился Латынскою ересью, такъ что патріархъ Іоакимъ долженъ былъ писать царямъ и царевнѣ Софіи, чтобъ защитили церковь отъ ругателей. „Повелите, да не безчестится честь архіереевъ и всего духовнаго чина отъ невѣждъ и досадителей многихъ, отъ лихоимства же и отъ всякихъ обидъ избавите [52].“ И въ то же время этотъ самый патріархъ велъ упорную и опасную борьбу противъ людей, которыхъ онъ обвинялъ въ Латинскихъ новшествахъ, въ латинской ереси. Мы видѣли, какъ при царяхъ Алексѣѣ и Ѳеодорѣ проникло въ Москву Латино-Польское вліяніе вмѣстѣ съ языками Латинскимъ и Польскимъ, распространившимися во дворцѣ и между вельможами. Главнымъ проводникомъ этого вліянія считался наставникъ царевича Симеонъ Полоцкій, который не замедлилъ столкнуться съ старыми учителями, съ самимъ патріархомъ: Симеонъ не хотѣлъ преклоняться предъ высшими духовными Русскими, считая ихъ невѣждами сравнительно съ собою; Русскіе духовные естественно были оскорблены, подмѣчали въ его мнѣніяхъ разницу съ мнѣніями, утвержденными стариною, съ удовольствіемъ указывали на это, какъ на признакъ неправомыслія непріятнаго пришельца, при чемъ опирались на авторитетъ извѣстнаго своею обширною ученостью монаха, вызваннаго въ Москву изъ Кіева, Епифанія Славинецкаго, келейнаго труженника, по характеру своему неспособнаго пробиваться впередъ и толкать другихъ. Какъ патріархъ Іоакимъ и его единомышленники смотрѣли на Полоцкаго и какъ старались противопоставлять ему Славинецкаго, всего лучше видно изъ слѣдующаго современнаго извѣстія: „Призванъ былъ изъ Кіева въ Москву царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ для наученія дѣтей Славянороссійскаго народа Еллинской наукѣ нѣкто іеромонахъ Епифаній Славинецкій, мужъ многоученый не только граматикѣ и реторикѣ, но и философіи, и самыя ѳеологіи из-

вѣстный испытатель и искуснѣйшій разсудитель и опасный (осторожный) претолковникъ Греческаго, Латинскаго, Славянскаго и Польскаго языковъ. Былъ и другой іеромонахъ Симеонъ, по прозванію Полоцкій, и тотъ учился, но не столько, и зналъ только по латыни да по польски, а Греческаго писанія ничего не разумѣлъ. Однажды патріархъ Питиримъ пригласилъ обоихъ, Епифанія и Симеона къ себѣ въ Крестовую палату; они стали разговаривать и Симеонъ спросилъ Епифанія: „Какъ, отецъ, святыня твоя вѣруетъ о пресуществленіи?" Епифаній отвѣчалъ, что молитвою іерейскою: сотвори убо и проч. происходитъ пресуществленіе. Симеонъ сказалъ на это: „въ Кіевѣ наша Русь, ученые тоже, глаголютъ и мудрствуютъ, что только словами Христовыми: пріидите ядите и проч. пресуществляются дары." Епифаній отвѣчалъ: „наши Кіевляне учились и учатся только по Латыни и читаютъ книги только латинскія, по Гречески не учились, и потому истины объ этомъ не знаютъ." Патріархъ Іоакимъ отзывался о Полоцкомъ: „хотя онъ былъ человѣкъ ученый и добронравный, однако приготовленный іезуитами и прельщенный ими, по этому читалъ только ихъ латинскія книги." Вѣнецъ вѣры Полоцкаго патріархъ называлъ „Вѣнцомъ изъ тернія на западѣ прозябшаго сплетеннымъ," Обѣдъ духовный наполненнымъ тайно душевныхъ бѣдъ [53].

Два ученые монаха, призванные въ Москву для наученія дѣтей Славянороссійскаго народа, уже поднимаютъ знаменитый споръ о времени пресуществленія. Въ словахъ Полоцкаго заключалась хлѣбопоклонная ересь: онъ училъ покланяться хлѣбу, утверждая, что пресуществленіе совершается при произнесеніи священикомъ словъ Христовыхъ, т. е. ранѣе надлежащаго времени. Но не одинъ Полоцкій распространялъ эту ересь; по свидѣтельству патріарха Іоакима ересь пришла въ Москву отъ русской молодежи, которая ѣздила въ Польшу учиться по латыни; возвратившись, молодые люди передали латинскій обычай знакомымъ своимъ священноначальникамъ и благороднымъ мужамъ, имѣвшимъ великія достоинства въ царскихъ домахъ: и тѣмъ показалось, что дѣйствительно тайна совершается произнесеніемъ словъ Христовыхъ.

Знать, когда именно совершается великое таинственное дѣйствіе и съ этимъ сообразовать свою молитву было очень важно для Русскихъ людей, и споръ не могъ легко потухнуть. Полоцкій умеръ; но онъ оставилъ изъ Великороссіянъ ревностнаго ученика, готоваго и способнаго ратовать за мнѣнія учителя. Однимъ изъ подъячихъ въ приказѣ Тайныхъ дѣлъ, при царѣ Алексѣѣ былъ Семенъ Петровичъ Медвѣдевъ, подружившійся здѣсь съ товарищемъ своимъ Ѳедоромъ Шакловитымъ. Медвѣдевъ обратилъ на себя вниманіе своею смышленостію, и его отдали учиться латинскому языку къ Симеону Полоцкому; учился три года, но когда отправленъ былъ на посольство въ Курляндію Ординъ Нащокинъ, то Медвѣдеву съ товарищами велѣно было ѣхать на посольство для наученья[54]. Ученый подъячій не хотѣлъ оставаться въ Приказѣ, постригся въ монахи подъ именемъ Сильвестра, прослылъ чернецомъ великаго ума и остроты ученой, и сдѣланъ былъ строителемъ Заиконоспасскаго монастыря въ Москвѣ. Медвѣдевъ сталъ ревностнымъ защитникомъ мнѣній Полоцкаго, и слѣдовательно и хлѣбопоклонной ереси, а Медвѣдевъ былъ хорошъ при дворѣ правительницы по дружбѣ своей съ Шакловитымъ. Притомъ ученый Медвѣдевъ очень неуважительно отзывался объ учености патріарха Іоакима, и личная вражда разгорѣлась вмѣстѣ съ споромъ о времени пресуществленія и о другихъ ученіяхъ Полоцкаго, о другихъ латинскихъ новшествахъ. Самое сильное участіе въ спорѣ съ Медвѣдевымъ приняли справщикъ (корректоръ) Евфимій и ризничій Акинѳъ, которые, по словамъ Медвѣдева, возмущали душою патріарха. Евфимій и Акинѳъ скоро нашли себѣ сильныхъ союзниковъ. Еще въ 1682 году архидіаконъ Чудова монастыря Каріонъ Истоминъ подалъ царевнѣ Софіи вирши, въ которыхъ уговаривалъ ее привести въ исполненіе мысль брата Ѳеодора:

„Умоли убо самодержцевъ сущихъ.
Да государи они то изволятъ,
Обще Господа о томъ да помолятъ,
Наукамъ велятъ быти совершеннымъ
И учителемъ людемъ извѣщеннымъ.“

Извѣщенные люди пріѣхали въ 1685 году: то были ученые Греки, двое братьевъ Іоанникій и Софроній Лихуды, которые въ томъ же году открыли свои курсы — ученикамъ прежней типографской школы и разнаго званія и возраста людямъ, священникамъ, монахамъ, княжескимъ сыновьямъ, стольникамъ и т.д.[55] Науки стали совершенны: Лихуды преподавали грамматику, реторику, піитику, логику и физику: грамматику и піитику преподавали они на греческомъ, реторику, логику и физику на греческомъ и латинскомъ языкахъ.

Въ ученыхъ Грекахъ патріархъ Іоакимъ нашелъ себѣ сильныхъ защитниковъ противъ мнѣній Полоцкаго. Между ними и Медвѣдевымъ завязалась полемика. Медвѣдевъ написалъ сочиненіе подъ именемъ: Манна, гдѣ доказывалъ, что пресуществленіе совершается при произнесеніи словъ Христовыхъ. Лихуды доказывали противное въ книгѣ своей: Акосъ или врачеваніе противополагаемое ядовитымъ угрызеніямъ зміевымъ. Противъ Акоса дьяконъ Аѳанасій написалъ: Тетрадь на Іоанникія и Софронія Лихудовъ; Лихуды отвѣчали Діалогами Грека учителя къ нѣкоему Іисуиту. Споръ не ограничился одними учеными, сталъ общимъ дѣломъ: не только священники, но и миряне, даже женщины, при встрѣчѣ другъ съ другомъ, повсюду спорили о времени пресуществленія. Не всѣ архіереи держались мнѣнія патріарха; въ наставительной грамотѣ Рязанскаго митрополита Павла духовенству своей епархій читаемъ: „Въ божественной литургіи ума намѣреніе твердо имѣти. Ума же намѣреніе сіе есть, егда глаголетъ словеса сія: пріимите ядите, и пійте отъ нея, да иматъ умъ свой весь собранъ въ оны словеса, еже бы преложитися хлѣбу въ тѣло Христово и вину въ кровь Христову, си есть: еже глоголетъ во время оно, сія и мыслитъ, а не иная. Блюди, о іерее! аще во время оно умъ твой будетъ неподвижимъ, истинно божественную службу совершиши; аще жь въ то время уста твоя глаголютъ оне словеса, умъ же твой иная мыслитъ, вѣждь, яко смертію, сирѣчь непрощенно согрѣшаеши“.

Вмѣшались въ дѣло Поляки, іезуиты, находившіеся въ Москвѣ, по рукамъ ходили польскія книги, наполненныя латин-

скими мудрованіями, слышались голоса, что на Флорентійскомъ соборѣ Латины осилили Грековъ [56].

Что такое Флорентійскій соборъ? кто знаетъ? и гдѣ взять прочесть, чтобъ было что отвѣчать врагамъ? Іоакимъ пишетъ въ Кіевъ, къ митрополиту Гедеону: „Нынѣ, грѣхъ ради нашихъ, видимъ, что дышетъ на паству змѣй адскій: одни принимаютъ и хвалятъ соборъ Флоренскій, другіе его не принимаютъ и споръ идетъ въ томъ сильный, а вѣрныхъ писаній обѣ стороны показать не могутъ, потому что въ книгахъ нашихъ рѣдко гдѣ объ этомъ находимъ извѣстіе; и тебѣ бы, сынъ, постараться, извѣстить нашей мѣрности, для чего этотъ соборъ былъ, какъ начался и всѣми четырьмя патріархами принятъ ли? Хотимъ получить извѣстіе отъ вашихъ книгъ, потому что у васъ больше объ этомъ рукописныхъ и печатныхъ книгъ". Гедеонъ объяснилъ, въ чемъ дѣло, указалъ на печатныя книги, гдѣ заключаются извѣстія о Флорентійскомъ соборѣ, и, между прочимъ, указывалъ на книгу, отпечатанную въ Москвѣ въ 1648 году: „Книга о вѣрѣ единоистинной и православной и о св. восточной церкви". Въ концѣ письма Гедеонъ говоритъ: „Азъ твоему святѣйшеству яко отцу архипастырю и господинови моему исповѣдую, яко Флоренское соборище непріимую, паче же яко ересь противную отметаю".

На этомъ можно было успокоиться; но приверженцы Медвѣдева для подтвержденія своего мнѣнія указывали на изданную въ Малороссіи книгу „Выкладъ о церкви святой и о службѣ." Іоакимъ опять обращается въ Кіевъ къ митрополиту Гедеону и архимандриту Кіевопечерскому Варлааму Ясенскому, въ Черниговъ къ Лазарю Барановичу, указываетъ имъ на авторитетъ отцовъ Восточной церкви, возстаетъ противъ новыхъ Могилинскихъ книгъ (Великій требникъ и служебникъ, екзегезисъ Сильвестра Коссова, книжка о седми сакраментахъ, лиѳосъ) какъ не согласующихся съ православнымъ исповѣданіемъ; въ Кіевѣ отмалчиваются; патріархъ настоятельно требуетъ, чтобъ прислали согласіе свое съ Московскимъ опредѣленіемъ времени пресуществленія, грозитъ, что въ противномъ случаѣ пожалуется четыремъ патріар-

хамъ, требуетъ, чтобъ прислали для объясненій „мужа смиренномудра, пріискренно восточныя церкви сына, вѣдуща извѣстно писанія св. Отецъ, а не силлогизмами и аргументами токмо упражняющася.“ Нѣтъ отвѣта, потому что между Москвою и Кіевомъ идетъ другая пересылка: къ гетману Мазепѣ и Кіевскому знатному духовенству отослана Манна вмѣстѣ съ сочиненіями Лихудовъ; въ Кіевѣ на послѣднюю написали обличеніе и переслали въ Москву черезъ князя Вас. Вас. Голицына, когда онъ былъ во второмъ Крымскомъ походѣ [57].

Такимъ образомъ партія Медвѣдева находила себѣ сильную поддержку во дворцѣ; Манна была написана по приказанію Софьи, Голицынъ пересылалъ написанное въ Кіевѣ обличеніе на Лихудовъ. Мало того, Голицынъ считался покровителемъ іезуитовъ, которые, благодаря ему, явились въ Москвѣ. Французскій іезуитъ, который былъ въ это время въ Москвѣ, съ цѣлію пробраться черезъ Сибирь въ Китай, такъ отзывается о Голицынѣ. „Этотъ первый министръ, происходившій изъ знаменитаго рода Ягеллоновъ, безъ сомнѣнія былъ самый достойный и просвѣщенный вельможа при дворѣ Московскомъ: онъ любилъ иностранцевъ, и особенно Французовъ, потому что благородныя наклонности, которыя онъ въ нихъ замѣтилъ, совпадали съ его собственными; вотъ почему его упрекали, что у него и сердце такое же Французское, какъ и имя. Еслибъ дѣло зависѣло отъ него одного, то разумѣется всѣ наши желанія были бы исполнены; еслибъ онъ былъ полнымъ хозяиномъ, еслибъ онъ не долженъ былъ вести себя осторожно относительно другихъ бояръ, то съ удовольствіемъ открылъ бы намъ путь въ Сибирь и облегчилъ бы намъ доступъ въ Китай, изъ уваженія къ Людовику Великому, котораго онъ былъ страстный поклонникъ: меня увѣряли, что сынъ его носилъ портретъ его величества въ формѣ Мальтійскаго креста, что отецъ считалъ для себя великою честію“ [58]. Другой посланникъ, бывшій въ Москвѣ въ описываемое время, не иначе называетъ Голицына, какъ великимъ человѣкомъ. Описывая свой первый пріемъ у перваго министра, онъ говоритъ: „Я думалъ, что нахожусь при

дворѣ какого-нибудь Италіанскаго государя. Разговоръ шелъ на Латинскомъ языкѣ обо всемъ, что происходило важнаго тогда въ Европѣ; Голицынъ хотѣлъ знать мое мнѣніе о войнѣ, которую императоръ и столько другихъ государей вели противъ Франціи, и особенно объ Англійской революціи; онъ велѣлъ поднести мнѣ всякаго сорта водокъ и винъ, совѣтуя въ то же время не пить ихъ. — Голицынъ хотѣлъ населить пустыни, обогатить нищихъ, дикарей, сдѣлать ихъ людьми, трусовъ сдѣлать храбрыми, пастушескіе шалаши превратить въ каменныя палаты. Домъ Голицына былъ одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ въ Европѣ" [59]. До насъ дошло подробное описаніе этого великолѣпнѣйшаго дома, сдѣланное по приказанію правительства послѣ сверженія Голицына: [60] „Въ палатѣ подволока накатная, прикрыта холстами, въ серединѣ подволоки солнце съ лучами вызолочено сусальнымъ золотомъ, кругъ солнца бѣги небесные съ зодіями и съ планеты писаны живописью, отъ солнца на желѣзныхъ трехъ прутахъ паникадило бѣлое костяное о пяти поясахъ, въ поясѣ по осьми подсвѣчниковъ, цѣна паникадилу 100 рублей. А по другую сторону солнца мѣсяцъ въ лучахъ посеребренъ; кругъ подволоки въ 20 клеймахъ рѣзныхъ позолоченыхъ писаны пророческія и пророчицъ лица. Въ четырехъ рамахъ рѣзныхъ четыре листа нѣмецкихъ, за листъ по пяти рублей. Изъ портретовъ были у Голицына: В. К. Владиміра Кіевскаго, царей — Ивана IV, Өедора Ивановича, Михаила Өедоровича, Алексѣя Михайловича, Өеодора, Ивана и Петра Алексѣевичей; четыре персоны королевскихъ. На стѣнахъ палаты въ разныхъ мѣстахъ пять зеркалъ, одно въ черепаховой рамѣ. Въ той же палатѣ 46 оконъ съ оконницами стеклянными, въ нихъ стекла съ личинами. Въ спальнѣ въ рамахъ деревянныхъ золоченыхъ землемѣрные чертежи печатные нѣмецкіе на полотнѣ; четыре зеркала, двѣ личины человѣческихъ каменныхъ арапскія; кровать нѣмецкая орѣховая, рѣзная, рѣзь сквозная, личины человѣческія и птицы и травы, на кровати верхъ орѣховый же рѣзной, въ срединѣ зеркало круглое, цѣна 150 рублей [61]. Девять стульевъ обиты кожами золотными; кресла съ подножіемъ, обиты бархатомъ. Много было часовъ

боевыхъ и столовыхъ во влагалищахъ черепаховыхъ, оклееныхъ усомъ китовымъ, кожею красною; Нѣмчинъ на конѣ, а въ лошади часы. Шкатулки удивительныя со множествомъ выдвижныхъ ящиковъ, чернилицы янтарныя. Три фигуры Нѣмецкія орѣховыя, у нихъ въ срединахъ трубки стеклянныя, на нихъ по мишени мѣдной, на мишеняхъ вырѣзаны слова Нѣмецкія, а подъ трубками въ стеклянныхъ чашкахъ ртуть.

У перваго министра было много книгъ: Похвала благочестивымъ государемъ царемъ, сложеніе іеромонаха Антонія Русаковскаго. Книга печатная благодарственная къ В. Государемъ. Книга писанная — врученіе привиліе на академію. Книга писанная о гражданскомъ житіи или о поправленіи всѣхъ дѣлъ яже належатъ обще народу. Книга Тестаментъ или завѣтъ Василія царя Греческаго сыну его Льву Философу. Како царица Олунда близнятъ породи и како ихъ свекровь ея мать цесарева хотя погубити. Граматикъ печатной. Книга писанная на Польскомъ языкѣ. Книга Іова Лудольфа письменная. Книга письменная переводъ отъ Вселенскихъ патріарховъ Мелетія діакона. Книга переводъ съ Польскаго письма съ печатные книги, глаголемой алкоранъ Махметовъ. Книга съ Польского письма съ исторіи о Магилонѣ Кралевнѣ. Книга о послахъ, гдѣ кому въ которомъ государствѣ поклониться. Четыре книги Нѣмецкихъ. Четыре книги письменныя о строеніи комедіи. Восемь книгъ календарей разныхъ лѣтъ. Книга рукописнаго права или уставъ воинскій Голландской земли. Пѣвчая Нѣмецкаго языка. Граматикъ Польскаго и Латинскаго языка. Исторія письменная Польскаго языка. Конскій лѣчебникъ. Книга на Нѣмецкомъ языкѣ всякимъ рыбамъ и звѣрямъ въ лицахъ. Судебникъ. Родословная. Артикульная. Рукопись Юрія Сербенина. Лѣтописецъ Кіевскій. Соловецкая челобитная. Книга о ратномъ строю. Книга землемѣрная Нѣмецкая.

Въ 1689 году въ другой разъ эти великолѣпныя палаты увидали господина своего печально возвращавшагося изъ неудачнаго похода. Люди, искавшіе милостей любимца, по прежнему толпились въ изукрашенной залѣ, восхищаясь солнцемъ и мѣсяцемъ въ потолкѣ, превозносили удачи похо-

да, поздравляли съ милостями царскими. Но Голицынъ зналъ, сколько людей негодуетъ на эти милости, какъ незаслуженно полученныя. Правительство изо всѣхъ силъ поддерживало Голицына, превознося его подвиги; но это правительство само нуждалось въ поддержкѣ, и Голицыну нечѣмъ было поддержать его: онъ не пріобрѣлъ славы великаго полководца, разгромившаго поганые улусы Татарскіе, не пріобрѣлъ чрезъ это народной любви, которою могъ бы прикрыть Софью, держать враговъ ея въ почтительномъ разстояніи. Средства нравственныя спасенія были потеряны въ неудачныхъ Крымскихъ походахъ. Поддержать Софью могъ одинъ Шакловитый своими средствами, на которыя не былъ способенъ Голицынъ. Оберегатель находился въ тяжкомъ положеніи: ему оставалось не одобрять средствъ Шакловитаго, и въ то же время робко, затаясь отъ самого себя, желать имъ успѣха, который одинъ могъ спасти его. Медлить, откладывать, выжидать нельзя стало больше: дѣло быстро приближалось къ развязкѣ.

ГЛАВА II.

Паденіе Софіи; дѣятельность царя Петра до перваго Азовскаго похода.

Значеніе Петра и совершеннаго имъ переворота. — Воспитаніе Петра. — Учителя-иностранцы. — Строеніе судовъ. — Женитьба Петра. — Столкновеніе съ правительницею. — Намѣреніе Софьи вѣнчаться на царство. — Вражда Софьи къ царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ. — В. В. Голицынъ и Шакловитый. — Напрасное стараніе поднять стрѣльцовъ. — Неудовольствія со стороны Петра. — Сборъ стрѣльцовъ въ Кремлѣ 7-го августа. — Бѣгство Петра въ Троицкій монастырь. — Напрасныя попытки Софьи примириться съ братомъ. — Стрѣльцы принуждаютъ ее выдать Шакловитаго. — Розыскъ Шакловитаго; ссылка Голицыныхъ. — Распря между близкими къ Петру людьми по поводу Голицыныхъ. — Казнь Шакловитаго съ товарищами. — Новые доносы на князя В. В. Голицына и отягченіе его участи. — Розыскъ и казнь Медвѣдева. — Отстраненіе Софьи отъ правительства и заключеніе ея въ монастырь. — Продолженіе доносовъ. — Новое правительство. — Ссора князя Бориса Голицына съ Долгорукими. — Лефортъ. — Царскія потѣхи. — Компанія. — Состояніе общества. — Дѣла Малороссійскія. — Положеніе Русскихъ людей въ Польскихъ областяхъ. — Мазепа и Палѣй. — Дѣла объ откупѣ.

„Въ одномъ государствѣ царственный ребенокъ, вслѣдствіе семейной вражды, гоненія отъ родственниковъ подвергался страшнымъ опасностямъ, спасся чудеснымъ образомъ, воспитывался въ уединеніи, среди низкихъ людей, набралъ себѣ изъ среды этихъ людей новую храбрую дружину, одолѣлъ съ нею противниковъ, и сталъ основателемъ новаго общества, новаго могущественнаго государства, проводилъ всю свою жизнь въ борьбѣ и оставилъ по себѣ двойную память: одни благословляли его, другіе проклинали.“

— О комъ это идетъ рѣчь? что это хотятъ намъ повторять старую сказку о Кирѣ и Ромулѣ: кто ей теперь вѣритъ?

Сказывается не сказка, не о Кирѣ и Ромулѣ идетъ рѣчь, приводятся неоспоримыя извѣстія о русскомъ царѣ Петрѣ

Алексѣевичѣ, который жилъ въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка; пора оставить толки о сказкахъ, о миѳахъ, и подмѣчать общіе законы историческихъ явленій.

Мы видѣли, что во второй половинѣ XVII вѣка Русскій народъ явственно тронулся на новый путь; послѣ многовѣковаго движенія на востокъ, онъ началъ поворачивать на западъ, поворотъ, который долженъ былъ необходимо вести къ страшному перевороту, болѣзненному перелому въ жизни народной, въ существѣ народа, ибо здѣсь было сближеніе съ народами цивилизованными, у которыхъ надобно было учиться, которымъ надобно было подражать. Вопросъ о томъ, могло ли сближеніе съ Европейскими народами и воспринятіе ихъ цивилизаціи совершиться въ Россіи спокойно, постепенно, безъ увлеченій, рѣшается легко при внимательномъ наблюденіи общихъ законовъ историческихъ явленій. Когда мы говоримъ о просвѣщеніи, о цивилизаціи, то разумѣемъ громадную силу, которая безконечно поднимаетъ народъ, ею обладающій, надъ народомъ, у котораго ея нѣтъ: какъ же теперь съ понятіемъ о слабости соединить понятіе силы? Какъ предположить, что широта и ясность взгляда, сдержанность, самостоятельность, плоды цивилизаціи давней и крѣпкой, должны быть достояніемъ народа нецивилизованнаго? Съ другой стороны, въ жизни народовъ мы замѣчаемъ извѣстные періоды, въ которые они проводятъ извѣстное начало, живутъ имъ, подчиняются ему вполнѣ; наступаетъ другое время, на очереди становится новое начало, и народъ предается ему; новое начало начинаетъ господствовать на счетъ стараго, обнаруживается обыкновенно сильная вражда къ послѣднему, отрицаніе того, что̀ было при его господствѣ, дурные отзывы о времени этого господства; народы, въ этомъ отношеніи не любятъ, не могутъ работать двумъ господамъ: если одного возлюбятъ, другаго непремѣнно возненавидятъ. Здѣсь возможна только злая борьба между двумя началами, старымъ и новымъ, борьба, необходимо раздражающая, ведущая къ увлеченію, къ крайностямъ. Можно ли себѣ представить, чтобъ молодой, исполненный жизненныхъ силъ народъ, сблизившись съ другими, превосходящими его народами, поняв-

ши, чрезъ сравненіе, недостатки своего быта, не бросился вдругъ на все то, что казалось ему лучшимъ у другихъ? да и можно ли было медлить, когда несостоятельность во всемъ, несостоятельность матеріальная и нравственная были такъ явны? Когда нельзя было начать ни одного дѣла, не начавши вмѣстѣ съ тѣмъ и многихъ другихъ, этому дѣлу способствущихъ, для него необходимыхъ? Западные Европейскіе народы въ описываемое время, относительно цивилизаціи своей, стояли высоко надъ Русскимъ, который долженъ былъ идти къ нимъ въ ученье: но для этихъ самыхъ западныхъ народовъ не прошло еще тогда время рабства чужому, нерадѣнія о своемъ, презрѣнія къ нему; ослѣпленные блескомъ античной цивилизаціи, съ неодолимою силою потянулись они къ ней, доходя иногда въ началѣ до дикихъ увлеченій, отдались въ науку Грекамъ, Римлянамъ, даже Италіанцамъ, прежде другихъ познакомившимся съ Греками и Римлянами; свое было въ опалѣ, къ своему относились какъ къ варварскому, значенія, величія своей исторіи, въ сравненіи съ исторіею Грековъ и Римлянъ, не понимали. Очередь поработать чуждому началу дошла и до Русскаго народа, дошла, по извѣстнымъ условіямъ, позднѣе, чѣмъ до другихъ, и въ этомъ огромная невыгода, но причины этой невыгоды лежали въ условіяхъ хода всей предшествовавшей исторіи, въ условіяхъ, при которыхъ явился нашъ народъ, основалось наше государство. Долговременное пребываніе въ удаленіи отъ западной Европы и ея цивилизаціи, крайность, исключительность одного направленія необходимо условливали крайность противоположнаго направленія, необходимость удовлетворить вдругъ всему должна было неминуемо сообщить нашему такъ-называемому преобразованію характеръ революціонный. Наша революція начала XVIII вѣка уяснится чрезъ сравненіе ея съ политическою революціею, послѣдовавшею во Франціи въ концѣ этого вѣка. Какъ здѣсь, такъ и тамъ болѣзни накоплялись вслѣдствіе застоя, односторонности, исключительности одного извѣстнаго направленія; новыя начала не были переработаны народомъ на практической почвѣ; необходимость ихъ чувствовалась всѣми, но переработались они теоретиче-

ски въ головахъ передовыхъ людей, и вдругъ приступлено было къ преобразованiямъ; разумѣется слѣдствiемъ было страшное потрясенiе; во Францiи слабое правительство не устояло и произошли извѣстныя печальныя явленiя, которыя до сихъ поръ отзываются въ странѣ; въ Россiи одинъ человѣкъ, одаренный небывалою силою, взялъ въ свои руки направленiе революцiоннаго движенiя, и этотъ человѣкъ былъ прирожденный глава государства Французскiе историки считаютъ себя въ правѣ плакаться на такой ходъ дѣла у себя и съ завистiю посматриваютъ на сосѣднiй островъ, гдѣ фундаментъ зданiя складывался издавна, постепенно и прочно; но пусть же они плачутся на весь предшествовавшiй ходъ Французской исторiи, котораго революцiя была необходимымъ слѣдствiемъ; что не было сдѣлано исподоволь, постепенно, и потому легко и спокойно, то приходится дѣлать потомъ вдругъ, съ болѣзненными напряженiями, которыя мы называемъ революцiями. И мы имѣемъ право плакаться на нашу революцiю, но опять съ обязанностiю плакаться также на всю предшествовавшую исторiю, которая привела къ такой революцiи, ибо условiя здоровья не производятъ болѣзни.

Если таковъ общiй законъ, если наша революцiя въ началѣ XVIII вѣка была необходимымъ слѣдствiемъ всей предшествовавшей нашей исторiи, то изъ этого вполнѣ уясняется значенiе главнаго дѣятеля въ переворотѣ, Петра Великаго: онъ является вождемъ въ дѣлѣ, а не создателемъ дѣла, которое потому есть народное, а не личное, принадлежащее одному Петру. Великiй человѣкъ есть всегда и вездѣ представитель своего народа, удовлетворяющiй своею дѣятельностiю извѣстнымъ потребностямъ народа въ извѣстное время. Формы дѣятельности великаго человѣка условлены исторiею, бытомъ народа, среди котораго онъ дѣйствуетъ. Чингисъ-ханъ и Александръ Македонскiй оба завоеватели, но какая разница между ними! Эта разница происходитъ отъ различiя народовъ, которыхъ они были представителями. Дѣятельность великаго человѣка есть всегда результатъ всей предшествовавшей исторiи народа; великiй человѣкъ не насилуетъ свой народъ, не создаетъ того, что непотребно и невозможно для

народа. При настоящихъ успѣхахъ исторической науки великій человѣкъ теряетъ свое божественное значеніе, не является существомъ, разрушающимъ и создающимъ по своему произволу: но онъ получаетъ великое значеніе, какъ представитель народа въ извѣстное время, какъ произведеніе и повѣрка народной жизни, народной исторіи. Великій человѣкъ не утрачиваетъ своего значенія; народъ не низводится до степени стада, безсознательно идущаго туда, куда его гонитъ чуждая воля.

Но переворотъ сопровождался страшною борьбою, преобразователь встрѣтилъ сильное сопротивленіе въ народѣ, слѣдовательно дѣло преобразованія было дѣломъ насилія со стороны верховной власти. Иностранцы не безъ нѣкотораго, понятнаго впрочемъ удовольствія, повторяли и повторяютъ, что Петръ насильно и преждевременно цивилизовалъ Русскихъ, что и не могло повести и даже никогда не поведетъ ни къ какому толку [62]. Вооружаются вообще противъ преобразованій, идущихъ сверху. Мы не знаемъ будущаго и потому не станемъ говорить о немъ, не будемъ преждевременно говорить того, что должны будемъ сказать въ послѣдствіи, прослѣдивъ судьбы дѣлъ Петровыхъ по его смерти. Но для устраненія безплодныхъ толковъ опять обратимся къ сравненіямъ изъ прошедшаго. Въ настоящее время ни одинъ изъ Европейскихъ писателей, вѣрующій ли онъ или невѣрующій, не станетъ отрицать цивилизующаго значенія христіанства; каждый Европеецъ гордится тѣмъ, что христіанство пустило глубокіе корни преимущественно въ Европѣ, что доказываетъ высшее развитіе, бо́льшую зрѣлость племенъ, населяющихъ эту часть свѣта. Но пусть же припомнятъ исторію принятія христіанства Европейскими народами, пусть припомнятъ, что обыкновенно дѣло шло сверху, принимали христіанство князь и дружина его, ближніе люди, и потомъ уже новая вѣра распространялась въ массѣ, при чемъ не обходилось безъ ожесточенной борьбы, безъ страшнаго сопротивленія со стороны народа, отстаивавшаго свою старину, вѣру отцовскую; да и послѣ принятія крещенія, масса въ продолженіе вѣковъ, оставалась двувѣрною, не могла забыть старыхъ бо-

говъ своихъ. Что же изъ этого слѣдуетъ? то, что Европейскіе народы были обращены въ христіанство насильно своими правительствами! Еще примѣръ ближайшій: въ Англіи король Генрихъ VIII вздумалъ отложиться отъ Римской церкви: но извѣстно, какое сильное сопротивленіе встрѣтилъ онъ своему дѣлу, какія сильныя возстанія вельможъ и народа долженъ былъ онъ побороть: значитъ Англійскій народъ былъ насильственно отторгнутъ отъ папы, и реформа, которою такъ гордятся Англичане, была личнымъ дѣломъ Генриха VIII? Въ Римѣ будутъ очень довольны такимъ мнѣніемъ.

Петръ былъ представителемъ, вождемъ своего народа въ дѣлѣ народномъ: отсюда обязанность историка при описаніи великаго переворота не отрывать главнаго дѣятеля, вождя отъ народа, отъ общества, съ самаго начала слѣдить, какъ образовывалось его существо подъ вліяніемъ условій, приготовленныхъ исторіею народа, ибо явленія, повидимому самыя случайныя, имѣвшія вліяніе на характеръ историческаго дѣятеля, окрашиваются цвѣтами, господствующими въ обществѣ, и чрезъ это то окрашиваніе общество и проводитъ свое вліяніе на историческаго дѣятеля.

Мы видѣли, какъ, въ слѣдствіе извѣстныхъ условій, Русское общество къ концу XVII вѣка выработало мало своихъ силъ, сдерживающихъ личную силу, которой было такъ много простору. Вотъ почему дѣвственная страна представляла такое обширное поприще для богатырей всякаго рода, для людей, которымъ, по выраженію пѣсни, было грузно отъ силъ, которые стремились разминать свое плечо богатырское и, когда расходятся, не знали удержу. Богатырскій, геройскій періодъ прекращается въ народѣ вмѣстѣ съ цивилизаціею, съ развитіемъ общественныхъ силъ; цивилизованное, развитое общество сжимаетъ личную силу, вгоняетъ ее въ извѣстные предѣлы, ограничиваетъ спеціализированіемъ занятій: отсюда понятно, что въ обществѣ цивилизованномъ сильные люди являются не въ такихъ богатырскихъ размѣрахъ, какъ въ обществахъ юныхъ. Мы очень хорошо знаемъ, какъ упражненіе развиваетъ всякаго рода силы, и потому нечего удивляться, что старинные сильные люди были сильнѣе нашихъ,

ибо имѣли болѣе простору упражнять свои силы во всѣхъ направленіяхъ. Въ Россіи болѣе чѣмъ въ какомъ-нибудь другомъ Европейско-христіанскомъ государствѣ, общество, въ слѣдствіе своей исторіи, предоставило простора для дѣятельности верховной власти, и потому неудивительно, что въ Россіи XVIII вѣка мы встрѣчаемъ двоихъ государей съ неимовѣрною дѣятельностію—Петра I-го и Екатерину II-ю. Общество юное, неразвитое не допускаетъ раздѣленія занятій: отсюда сильному человѣку возможность и необходимость браться за все, упражнять свои силы въ многоразличныхъ родахъ занятій: отсюда многообразная дѣятельность Петра; въ слѣдствіе тѣхъ же общественныхъ условій увидимъ впослѣдствіи на другомъ поприщѣ многообразную дѣятельность Ломоносова.

Петръ съ своими сподвижниками заканчиваетъ, собственно говоря, древній, богатырскій отдѣлъ русской исторіи. Это послѣдній и величайшій изъ богатырей; только христіанство и близость къ нашему времени избавили насъ (и то не совсѣмъ) отъ культа этому полубогу и отъ миѳическихъ представленій о подвигахъ этого Геркулеса.

Общество юное, кипящее неустроенными силами, произвело исполина, какъ юная земля въ допотопное время производила громадныя существа, скелеты которыхъ приводятъ въ изумленіе нашъ мелкій родъ. Но становится страшно: куда будутъ направлены эти силы при такомъ отсутствіи умѣряющихъ, образовательныхъ началъ? Какія нравственныя пеленки приготовило общество для Петра, какъ оно воспитаетъ, образуетъ исполина?

Мы видѣли неудовлетворительность нравственнаго состоянія древняго Русскаго общества; но видѣли также, что движеніе, начавшееся въ обществѣ во второй половинѣ XVII вѣка, и борьба, въ слѣдствіе того происшедшая, могли только ухудшить нравственное состояніе. Какъ ни печально бываетъ нравственное состояніе въ извѣстномъ обществѣ, но если послѣднее живетъ, не рушится, значитъ существуютъ извѣстныя нравственныя сдержки и связи, которыя не даютъ ему окончательно распасться. Но если это общество двинется,

взволнуется въ сильномъ переворотѣ, то старыя связи необходимо ослабѣваютъ, иногда совершенно рушатся и общество подвергается сильному нравственному колебанію, шатости, смутѣ, пока нравственныя связи снова окрѣпнутъ или замѣнятся новыми. Поэтому справедливо говорятъ, что переходное время есть самое печальное для общественной нравственности. Прежде, до второй половины XVII вѣка, былъ неоспоримымъ авторитетъ отцовъ духовныхъ: теперь, съ одной стороны, раскольники, съ другой, новые учителя православные и неправославные, подкапываютъ этотъ авторитетъ, архіереи, священники оказываются несостоятельными, какъ учителя, молодое поколѣніе и вождь его воспитываются въ убѣжденіи, что этихъ учителей нечего слушать, говорятъ они Богъ знаетъ что, потому что невѣжды, учителей этихъ прежде всего надобно учить.

Древнее русское общество находило нравственныя сдержки въ родовомъ бытѣ; членъ рода чтилъ своего старшаго, находился подъ его надзоромъ и властію, которая, какъ знаемъ, была очень обширна и, при случаѣ, давала себя тяжело чувствовать ослушнику; членъ рода уважалъ мнѣніе рода, боялся своимъ поведеніемъ нанесть безчестіе ему. Теперь и родовая связь ослабѣла, а другихъ сдержекъ на ея мѣсто общество еще не выработало.

Древнее русское общество употребляло извѣстныя матеріяльныя сдержки въ помощь нравственнымъ: такъ люди знатные и достаточные держали своихъ женъ и дочерей взаперти, въ теремахъ. Теперь это затворничество начало прекращаться. Но какъ никакая тюрьма не воспитываетъ, не приготовляетъ для свободы, не развиваетъ и не укрѣпляетъ силъ, такъ и теремъ не воспиталъ русской женщины для ея новаго положенія, не укрѣпилъ ея нравственныхъ силъ; а съ другой стороны общество не приготовилось еще къ ея принятію, не могло представить ей чисто нравственныхъ сдержекъ, какъ не представляло ихъ и для мужчины. Примѣръ исторической женщины, освободившейся изъ терема, но не вынесшей изъ него нравственныхъ сдержекъ и не нашедшей ихъ въ обществѣ, представляетъ богатырь-царевна Софья Алексѣевна.

Какъ же воспитывался богатырь-царевичъ Петръ въ разшатавшемся обществѣ?

Трехъ лѣтъ остался Петръ по смерти отца и, съ восшествіемъ на престолъ старшаго брата, подвергся удаленію, гоненію вмѣстѣ съ матерью и ея родственниками. Спокойная, правильная обстановка во время младенчества способствуетъ правильности развитія, не ускоряетъ его въ ребенкѣ; напротивъ печальная доля въ младенчествѣ, гоненія, бури способствуютъ раннему развитію въ дѣтяхъ способныхъ. Передъ глазами постоянно печальная мать, толкующая съ ближними людьми о своей невзгодѣ, ссылкѣ братьевъ, благодѣтеля Матвѣева; ребенокъ пламенный, воспріимчивый питается, раздражается семейною враждою; то, что другіе дѣти узнаютъ только изъ нянькиныхъ сказокъ, какъ злые родственники гонятъ невинныхъ дѣтей, какъ послѣднія или гибнутъ, или торжествуютъ, то маленькій Петръ испытываетъ въ дѣйствительности, онъ уже герой драмы, дѣйствующее лице, онъ ненавидитъ гонителей настоящею, дѣйствительною ненавистію, и сочувствіе его къ героямъ посильнѣе, чѣмъ у другихъ дѣтей къ ихъ сказочнымъ героямъ, ибо эти герои онъ самъ, его мать, дядья. Царевича начали учить грамотѣ, призвали, по обычаю, дьяка, умѣвшаго хорошо читать и писать. Дьякъ былъ Никита Моисеевъ сынъ Зотовъ, знаменитый въ послѣдствіи Пресбургскій патріархъ.

Петру оканчивался десятый годъ, когда умеръ царь Θеодоръ. Петра выбираютъ въ цари; но этотъ выборъ ведетъ къ стрѣлецкому бунту. До сихъ поръ удаленіе, гоненіе раздражали ребенка; теперь страшныя, кровавыя сцены передъ глазами, мучительная смерть родныхъ, отчаяніе матери, власть похищается, переходитъ въ руки прежнихъ гонителей. Послѣ приближенные къ Петру люди разсказывали иностранцамъ, что во время стрѣлецкаго бунта маленькій Петръ сохранилъ удивительное спокойствіе, нисколько не измѣнился въ лицѣ, и указывали на это, какъ на признакъ будущаго величія [63]. Но какъ бы ни держалъ себя Петръ во время стрѣлецкаго бунта, кровавыя сцены не могли остаться безъ вліянія, и чувства, возбужденныя ими, должны были дѣйствовать разрушительно, хотя бы и сдержаны были на время.

Опять удаленіе и гоненіе, опять передъ глазами вѣчно печальная мать и вѣчныя жалобы, вѣчныя толки о томъ, что власть похищена и дѣлается Богъ знаетъ что въ государствѣ. Грустно и скучно! страшно скучно для ребенка, которому уже „начинаетъ быть грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго бремени". Ученье кончилось съ уходомъ Зотова; у старшихъ братьевъ Петра послѣ дьяка, выучившаго грамотѣ, былъ другой учитель, Симеонъ Полоцкій; Петру не дали такого учителя. Что же дѣлать огненному мальчику, который, когда и выросъ, не умѣлъ ходить, а только бѣгать? Оставалось одно занятіе — „ходить по улицѣ широкой, съ ребятами тѣшиться", какъ говорила старинная пѣсня. И Петръ выбѣгаетъ изъ дворца на улицу, чтобъ больше уже не возвращаться во дворецъ съ тѣмъ значеніемъ, съ какимъ сидѣли тамъ его предки. Въ потѣхахъ съ ребятами на улицѣ, въ воинскихъ играхъ, новый Ромулъ кличетъ кличъ по новую дружину, и дружина собирается, удалые потѣшные конюхи, будущіе образцовые полки. Молодой богатырь расправляетъ свои силы. Въ то время, когда Росія повернула на новый путь, какъ нарочно грусть и скука выгоняютъ молодаго царя изъ дворца на улицу, въ новую сферу, гдѣ онъ окруженъ новыми людьми, гдѣ онъ вождь новой дружины, разорвавшей съ прежнимъ бытомъ, съ прежними отношеніями. Безъ оглядки бѣжитъ онъ изъ скучнаго дворца, чистымъ и свѣжимъ, новымъ человѣкомъ, и потому способнымъ окружить себя новыми людьми; онъ убѣжалъ отъ царедворцовъ и ищетъ товарищей, беретъ всякаго, кто покажется ему годнымъ для его дѣла. Образуется новое общество, новое государство,—и, какъ обыкновенно бывало при этомъ, является дружина съ своимъ вождемъ, которая и движется, разрушая старое, созидая новое; царь по происхожденію (rex ex nobilitate) становится вождемъ дружины по личной доблести (dux ex virtute) и удерживаетъ за собою преимущественно этотъ характеръ. Въ немъ не было ничего, что старинные Русскіе люди привыкали соединять съ значеніемъ царя; это герой въ античномъ смыслѣ; это въ новое время единственная исполинская фигура, какихъ мы видимъ много въ туманной дали, при основаніи и устроеніи

человѣческихъ обществъ. Слѣдя за дѣятельностію Петра, мы не должны ни на минуту забывать, что имѣетъ дѣло не съ государемъ только, а съ начальникомъ новаго общества, съ вождемъ дружины, основывающей новое государство, съ человѣкомъ, проникнутымъ исключительно одною мыслію, служащимъ одному началу. Новыя отношенія не могли не высказаться въ новыхъ формахъ: отсюда перемѣна въ обращеніи у Петра съ своими, простой, совершенно товарищескій тонъ его переписки съ новыми людьми, на какихъ бы ступеняхъ они ни находились, какого бы происхожденія ни были, лишь бы только принадлежали къ новому обществу, были товарищами царя въ дѣлѣ преобразованія. Современное общество хорошо понимало эти отношенія: когда Русскіе люди раздѣлились и пошла борьба, тѣ которые стали за старину, обратили свою вражду на эту дружину, на этихъ новыхъ людей, окружавшихъ Петра.

Таково значеніе имѣло то обстоятельство, что молодой царь выгнанъ былъ грустію и скукою изъ дворца и выбѣжалъ на улицу, гдѣ въ потѣхахъ, столько соотвѣтствовавшихъ его натурѣ, онъ расправилъ свои силы и получилъ тѣ дружинныя привычки, которыя такъ соотвѣтствовали его дѣятельности, его историческому значенію. Но дружинная жизнь, если съ одной стороны предполагаетъ сильную дѣятельность, подвиги, то съ другой предполагаетъ веселую, разгульную жизнь, опять соотвѣтствующую природѣ людей, способныхъ къ дружинной жизни. Такъ жилось въ старой Руси, гдѣ князь прежде всего былъ вождемъ дружины; поработать и потомъ сѣсть пить съ дружиною — таковъ былъ день стараго русскаго князя, который не могъ принять магометанства, потому что „Руси есть веселіе пити". Слѣдовательно нечему удивляться, если и новая дружина Петровская не разнилась въ этомъ отношеніи отъ старыхъ дружинъ. Но здѣсь мы должны припомнить еще и другія условія, которыя намъ объяснятъ дѣло во всѣхъ подробностяхъ. Припомнимъ, что для Петровыхъ дѣда, отца и брата, кромѣ ихъ природы, недоступный, окруженный священнымъ величіемъ и страхомъ дворецъ служилъ тѣмъ же, чѣмъ теремъ для древней Русской женщины—охра-

нялъ нравственную чистоту, хотя мы знаемъ, что болѣе живой по природѣ царь Алексѣй Михайловичъ любилъ иногда попировать, напоить бояръ и духовника. Младшій сынъ его, съ пылкою, страстною природою выбѣжалъ изъ дворца на улицу, а мы видѣли, какъ грязна была Русская улица въ концѣ XVII вѣка; справимся съ извѣстіями о господствовавшихъ порокахъ тогдашняго общества, и намъ объяснятся привычки Петра, которыя такъ намъ въ немъ не нравятся [64].

Но неужели молодой Петръ былъ совершенно предоставленъ самому себѣ? неужели при немъ не было ни одного человѣка, могшаго силою своего характера и значенія удержать его отъ крайностей, къ которымъ влекла страстная, огненная природа. Самымъ вліятельнымъ человѣкомъ въ этомъ отношеніи могъ быть кравчій князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, двоюродный братъ знаменитаго князя Василья. Князь Борисъ, человѣкъ умный, энергическій, распорядительный, образованный не менѣе князя Василья, знавшій латинскій языкъ и любившій говорить на немъ, честно исполнилъ свои обязанности къ Петру въ томъ отношеніи, что оставался непоколебимо ему вѣренъ, берегъ его интересы, оказалъ важныя услуги въ борьбѣ съ Софьею и послѣ съ стрѣльцами, съ достоинствомъ относился къ своему воспитаннику, когда тотъ уже началъ свою славную дѣятельность; вотъ, напримѣръ, какъ онъ отвѣчалъ ему на письмо, извѣщавшее о побѣдѣ: „Милостивое письмо твое истинное и побѣдительное принялъ съ великимъ благодареніемъ, за что не по малу воздамъ хвалу Богу. Ласкать и манить не буду, только прошу у Бога всегда такое одолженіе и славу чтобъ всегда одержать“ [65]. Но этого самаго князя Бориса иностранцы и Русскіе не иначе называютъ какъ пьяницею. Одинъ изъ иностранцевъ разсказываетъ, что князь Борисъ и молодой Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ набились къ нему на обѣдъ и привели съ собою своихъ друзей, Датскаго Коммиссара и нѣсколько иностранныхъ купцовъ; они остались такъ довольны кушаньями, что нѣсколько блюдъ отослали къ своимъ женамъ и безъ церемоніи унесли съ собою конфекты [66].

Эти извѣстія очень важны для насъ, потому что лучше всего изображаютъ тогдашнее общество: вотъ передовые люди, одни изъ первыхъ повернувшіе на новую дорогу, сознавшіе необходимость образовании и преобразованія; но какъ они еще не далеко ушли! двувѣры, двуглавые Янусы: одна голова обращена впередъ, другая назадъ, говорятъ по латыни и пьянствуютъ, уносятъ съ собою конфекты съ чужаго обѣда! Вотъ еще любопытный разказъ о томъ же князѣ Борисѣ. Знатокъ латинскаго языка позвалъ къ себѣ иностранцевъ и изумилъ ихъ своимъ грубымъ обращеніемъ съ музыкантами-поляками, привелъ въ ужасъ выходкою противъ несчастнаго учителя дѣтей своихъ, также Поляка [67]. Князь Борисъ не любилъ, какъ видно, сдерживаться; онъ былъ также очень откровененъ и въ письмахъ своихъ къ Петру: онъ начинаетъ ихъ обыкновенно латинскими фразами, но одно оканчиваетъ такъ: „Бориско, хотя быть пьянъ“ [68].

Съ княземъ Борисомъ Голицынымъ соединяется въ разказахъ иностранцевъ молодой человѣкъ также очень близкій къ Петру, Андрей Матвѣевъ, сынъ знаменитаго Артамона. О двадцатидвухлѣтнемъ Матвѣевѣ говорятъ, что онъ былъ очень уменъ, хорошо говорилъ по латыни, любилъ читать и съ жадностію слушалъ повѣсти обо всемъ, что происходило въ Европѣ, имѣлъ особенное расположеніе къ иностранцамъ, жена его была единственная Русская женщина, которая не румянилась [69].

Люди самые приближенные къ Петру такъ тянутъ къ западу, такіе охотники до иностранцевъ; Петръ, сгаравшій неудовлетворяемою жаждою знанія и дѣятельности, не могъ долго оставаться въ удаленіи отъ людей, которые могли его койчему научить, могли о многомъ поразказать.

Однажды императрица Елизавета Петровна, вшедши въ комнату племянника своего Петра Ѳедоровича, который занимался черченіемъ, поцѣловала его и сказала со слезами: „Не могу на словахъ разсказать того удовольствія, какое я чувствую, когда вижу, что ты хорошо употребляешь свое время, и вспоминаю, какъ батюшка, заставъ однажды меня съ сестрою за уроками, сказалъ со вздохомъ: „Ахъ, еслибъ я въ моей молодости былъ выученъ какъ должно!“ [70]

Петра не учили какъ должно, по его собственному признанію; но онъ многое зналъ; какъ же онъ пріобрѣлъ эти знанія? Пусть разкажетъ самъ.

Князь Яковъ Долгорукій, передъ отъѣздомъ своимъ во Францію въ посольствѣ, разговорился съ четырнадцатилѣтнимъ Петромъ и между прочимъ сказалъ, что у него былъ важный инструментъ, да жаль, украли: можно было этимъ инструментомъ брать дистанціи, не доходя до того мѣста. Искра упала въ порохъ: „Купи мнѣ инструментъ во Франціи". Долгорукій купилъ, привезъ, астролябія въ рукахъ Петра, но что онъ съ нею станетъ дѣлать: не умѣетъ какъ взяться, а у кого спросить? Къ дохтуру Нѣмцу, не знаетъ ли? Дохтуръ самъ не знаетъ, но говоритъ, что сыщетъ знающаго человѣка, и дѣйствительно приводитъ Голландца Франца Тиммермана. Учитель нашелся, а ученикъ „гораздо присталъ съ охотою учиться геометріи и фортификаціи" [71].

— „И тако, говоритъ Петръ, сей Францъ, чрезъ сей случай, сталъ при дворѣ быть безпрестанно въ компаніяхъ съ нами".

Нашелся знающій человѣкъ и дѣло не ограничивается ученіемъ въ четырехъ стѣнахъ; ученикъ не умѣетъ ходить, а только бѣгаетъ. Огненный мальчикъ таскаетъ Тиммермана всюду, и при видѣ всякаго новаго предмета распросы: что это? зачѣмъ? Предметовъ новыхъ мало, и безпокойный мальчикъ всюду пробирается, заглядываетъ, нѣтъ ли гдѣ чего, все ему надобно, все отопри и покажи. Въ Измайловѣ забрался въ амбары, гдѣ лежали старыя негодныя вещи двоюроднаго дяди царскаго, Никиты Ивановича Романова, и вдругъ судно особаго рода, иностранное! запросъ Тиммерману: что это за судно? — Ботъ Англійскій. — Гдѣ его употребляютъ? — При корабляхъ для ѣзды и возки. — Чѣмъ лучше нашихъ? — Ходитъ на парусахъ не только что по вѣтру, но и противъ вѣтру. — Противъ вѣтру! быть не можетъ! надобно посмотрѣть: есть ли такой человѣкъ, который бы починилъ ботъ и ходъ его мнѣ показалъ? — Есть. Сейчасъ отыскали Голландца Карштенъ-Бранта, который при царѣ Алексѣѣ вызванъ былъ для постройки кораблей въ Дѣдиновѣ. Брантъ починилъ ботъ,

сдѣлалъ мачту и паруса и началъ лавировать на Яузѣ. „Это мнѣ паче удивительно и зѣло любо стало, говоритъ Петръ. Потомъ, когда я часто то употреблялъ съ нимъ, и ботъ не всегда хорошо ворочался, но болѣе упирался въ берега, я спросилъ его: для чего такъ? Онъ сказалъ, что узка вода. Тогда я перевезъ его на Просяной прудъ (въ Измайловѣ), но и тамъ немного авантажу сыскалъ, а охота стала отъ часу быть болѣе".

Разказывая, какъ возбуждена была въ немъ эта охота, Петръ разсуждаетъ: „Монархію Русскую дѣдъ нашъ очистилъ и успокоилъ, отмщеніе жъ (врагамъ) и распространеніе сыну своему оставилъ, который какое тщаніе къ тому прилагалъ, а особливо въ воинскихъ дѣлѣхъ, о томъ всѣмъ есть извѣстно, и не точію на землѣ, но и на морѣ покушался, (которое дѣло такъ у насъ странно было, что едва слыхали о немъ), какъ то изъ осады города Риги и изъ строенія двухъ кораблей въ Дединовѣ на Каспійское море видѣть возможно. Но чего ради тогда тому не исполниться и на насъ сіе бремя воля Вышняго Правителя возложить изволила, то оставляемъ непостижимымъ судьбамъ Его".

Что было тайною для Петра, то уже не тайна для потомства. Прежде него была сознана необходимость моря и флота для Россіи, царь Алексѣй Михайловичъ строилъ корабли въ Дѣдиновѣ, мало того, предлагалъ герцогу Курляндскому, нельзя ли строить русскіе корабли въ его гаваняхъ? но мы видѣли, какъ строили корабли въ Дѣдиновѣ, съ какою медленностію, съ какими остановками; одни приказывали, другіе исполняли, не умѣя и не хотя, и дѣло не пошло. Чтобы оно пошло, нельзя было сидѣть въ кремлевскомъ дворцѣ и слать указы; надобно было, чтобъ въ царѣ разгорѣлась страсть къ морскому дѣлу, чтобъ онъ самъ взялся за топоръ и началъ строить корабли, чтобъ ему печальныя болотистыя мѣста при устьяхъ Невы казались земнымъ раемъ, парадизомъ, потому только, что они были близки къ морю, что на нихъ можно было строить корабли. Необходимость преобразованій, новыхъ учрежденій была сознана до Петра; но привести въ исполненіе то, на что прежде только покушались, могъ одинъ Петръ.

„Охота стала отъ часу болѣе“. Началъ провѣдывать, гдѣ больше воды? Отвѣчали, что ближе нѣтъ большаго озера какъ Переяславское въ 120 верстахъ. Но какъ туда пробраться? Сказать прямо матери, что идетъ на большое озеро плавать и суда строить — не отпуститъ, надобно уѣхать обманомъ. Сказалъ, что далъ обѣщаніе съѣздить къ Троицѣ на богомолье, а отъ Троицы пробрался въ Переяславль. Видъ обширнаго красиваго озера, гдѣ ботъ уже не будетъ стукаться о берега, разумѣется еще болѣе разманилъ Петра; онъ сталъ просить у матери завести новую потѣху на озерѣ, царица согласилась и Брантъ съ мастеромъ Кортомъ отправились въ Переяславль строить корабли.

Молодой богатырь рвался изъ дому отъ матери—поразмять своего плеча богатырскаго, спробовать силы-удали молодецкія, только не въ чисто поле, а на широкое озеро; мать употребила сильное средство, чтобъ привязать его къ дому: Петру не минуло еще 19 лѣтъ, какъ его женили 27 января 1689 года на дочери окольничаго Лопухина, Евдокіи; отецъ царской невѣсты, по обычаю, перемѣнилъ старое имя Иларіона на новое Θедора.

Русская пословица: „женится — перемѣнится“, не исполнилась на Петрѣ: онъ по прежнему рвался изъ дому отъ матери и отъ молодой жены. Въ апрѣлѣ 1689 года онъ уже былъ на Переяславскомъ озерѣ, откуда писалъ матери: [72] „Вселюбезнѣйшей и паче живота тѣлеснаго дражайшей моей матушкѣ, государынѣ царицѣ и великой княгинѣ Наталіи Кириловнѣ. Сынишка твой, въ работѣ пребывающій, Петрушка, благословенія прошу, и о твоемъ здравіи слышать желаю; а у насъ молитвами твоими здорово все. А озеро все вскрылось сего 20 числа, и суды всѣ, кромѣ большаго корабля, въ отдѣлкѣ; только за канатами станетъ: и о томъ милости прошу, чтобы тѣ канаты, по семи сотъ сажень, изъ Пушкарскаго приказу, не мѣшкавъ, присланы были. А за ними дѣло станетъ и житье наше продолжится. По семъ паки благословенія прошу“. Любопытно видѣть, какъ Петръ хитритъ: чтобъ получить поскорѣе канаты, онъ стращаетъ мать, что иначе не скоро возвратится: „А за ними дѣло станетъ, и житье наше продолжится“.

Занятія съ Тиммерманомъ, потѣхи на сушѣ и на водѣ, обученіе солдатскихъ полковъ, сформированныхъ изъ старыхъ потѣшныхъ и новыхъ охочихъ людей, явившихся отовсюду, изъ знати и изъ простыхъ, преимущественно изъ придворныхъ конюховъ, строеніе крѣпости, которая носила уже иностранное названіе Пресбурга (на берегу Яузы), строеніе судовъ на Переяславскомъ озерѣ заняли все вниманіе Петра, ему былъ недосугъ ни до чего. Мать зоветъ его изъ Переяславля въ Москву на панихиды по братѣ Ѳеодорѣ: онъ отвѣчаетъ: „быть готовъ, только гей, гей, дѣло есть"; голова занята однимъ, объ одномъ твердилъ онъ матери; „о судахъ паки подтверждаю, что зѣло хороши всѣ". Но не кораблики были на умѣ у царицы Натальи; глухая борьба не переставала между нею и падчерицею, которая отняла у нея правительство. Положеніе похитительницы было не завидное: по инстинкту самосохраненія взялась она за отчаянное средство, подняла стрѣльцовъ, вырвала правленіе изъ рукъ мачихи, подставила старшаго неспособнаго брата въ цари; но на долго ли все это? сынъ Нарышкиной остался царемъ, возмужаетъ—и правительница будетъ болѣе ненужна, монастырь удаленъ на время, но постоянно въ виду. Положеніе Софьи было похоже на положеніе тѣхъ людей въ легендахъ, которые заключили договоръ съ злымъ духомъ—пользоваться до извѣстнаго времени всевозможными наслажденіями жизни, но по прошествіи срока сдѣлаться добычею ада. Понятно, что Софья должна была думать о средствахъ, какъ бы упрочить свою власть, понятно, что объ этомъ хлопотали люди, взысканные ею и которые лишались всего съ ея паденіемъ. Софья—правительница, благодаря неспособности одного брата и молодости другаго; возмужаетъ послѣдній и правительство Софьи должно окончиться; надобно сдѣлать, чтобъ оно не кончилось. Первый шагъ уже сдѣланъ; учреждено двоевластіе, оба брата вѣнчаны на царство, отъ чего не быть троевластію? отъ чего Софьѣ не вѣнчаться на царство? тогда помазанницу Божію никто не свергнетъ. Софья въ государственныхъ бумагахъ присоединила свое имя къ именамъ обоихъ братьевъ, вмѣстѣ съ ними называлась Самодержи-

цею всея Руси. Дьякъ Волковъ, отправленный посланникомъ въ Венецію, объявилъ тамъ, что съ великими государями соцарствуетъ сестра ихъ, великая государыня Софья Алексѣевна. Одинъ изъ сенаторовъ замѣтилъ: „Дожъ и весь сенатъ удивляются, какъ служатъ ихъ царскому величеству подданные ихъ, такимъ превысокимъ и славнымъ тремъ персонамъ государскимъ?“ Волковъ отвѣчалъ, что подданные всѣхъ трехъ персонъ вмѣстѣ повелѣніе исполняютъ [73]. Но всѣ эти провозглашенія не крѣпки, все это не помазаніе. А между тѣмъ страшный срокъ приближался: Петръ выросталъ, и вмѣстѣ съ нимъ росли надежды мачихи, и смѣлѣе, рѣзче становились ея слова; когда Софья присоединила свое имя къ именамъ братнимъ, царица прямо сказала царевнамъ Михайловнамъ и Алексѣевнамъ: „Для чего она стала писаться съ великими государями вмѣстѣ? У насъ люди есть и того дѣла не покинутъ“. [74] Двѣ постельницы царицы Натальи передавали Софьѣ все, что говорилось про нее нехорошаго, враждебнаго у мачихи, передавали, что сильнѣе всѣхъ бранятъ ее братъ царицы, Левъ Кириловичъ Нарышкинъ и князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ [75].

Левъ Нарышкинъ и князь Борисъ Голицынъ были самые приближенные люди къ царицѣ Натальѣ; князь Василій Голицынъ и Шакловитый были самые приближенные люди къ царевнѣ Софьѣ. Князь Василій былъ самъ неспособенъ на преступныя, кровавыя мѣры; но мы видѣли, въ какое затруднительное положеніе поставилъ онъ себя отношеніями къ Софьѣ. Въ этомъ положеніи ему приходили въ голову страшныя мысли, что хорошо было бы, если бы что-нибудь сдѣлалось, только отъ другихъ, а не отъ него, и проговорился онъ однажды: „Жаль, что въ стрѣлецкій бунтъ не уходили царицу Наталью вмѣстѣ съ братьями: теперь бы ничего и не было.“ Другая была природа Шакловитаго: онъ не дрожалъ ни передъ какими средствами, не довольствовался безплодными сожалѣніями о прошедшемъ: всѣмъ обязанный Софьѣ, онъ погибалъ съ ея паденіемъ, худороднаго подъячаго, произведеннаго милостію царевны въ окольничіе, не спасетъ знатный родъ, знатные родственники; обязанность быть вѣрнымъ

благодѣтельницѣ красила расчеты себялюбія. Софья или Наталья? Шакловитый съ страшною наивностію высказывалъ свой выборъ: „Чѣмъ тебѣ, государыня, не быть, лучше царицу извѣсть“ [76].

Понятно, что Шакловитый спѣшилъ наложить свою руку на кого могъ изъ людей, высказывавшихъ свою приверженность къ Петру; пыталъ и выслалъ изъ Москвы стольника Языкова, который говорилъ, что царь Петръ Алексѣевичъ царь только по имени, а бить челомъ ему никто не смѣетъ. Но поймать и сослать того или другаго неосторожнаго на слова ничего не значило. „У насъ люди есть“ говорила царица Наталья, и дѣйствительно у царя Петра были люди, которые, при случаѣ, не ограничутся одними словами, у царя Петра есть свое войско, эти ненавистные потѣшные конюхи, озорники, какъ величала ихъ Софья съ своими приверженцами. Отъ нихъ одно спасеніе въ стрѣльцахъ; надобно опять къ нимъ обратиться какъ въ 682 году. Но не притупилось ли это оружіе съ 682 года, и не сама ли Софья съ Шакловитымъ способствовали этому притупленію, вырвавши его изъ рукъ Хованскаго? Самые дерзкіе изъ стрѣльцовъ были удалены изъ Москвы по предложенію Шакловитаго; осталось большинство людей спокойныхъ, довольныхъ своимъ положеніемъ, которыхъ трудно поднять. Да и чѣмъ поднять, на какое дѣло? Въ августѣ 1687 года Шакловитый вдругъ предлагаетъ начальнымъ людямъ стрѣлецкимъ написать челобитную, чтобъ Софья вѣнчалась царскимъ вѣнцомъ.—„Мы челобитной писать не умѣемъ“, отвѣчали стрѣльцы. — „Челобитная будетъ написана,“ увѣряетъ Шакловитый. Челобитная будетъ написана, но кому ее подать? Царямъ? о старшемъ никто не думалъ, все дѣло было въ младшемъ.—„Послушаетъ ли насъ царь Петръ Алексѣевичъ?“ спрашиваютъ стрѣльцы. — „Если не послушаетъ, ступайте въ Верхъ, задержите боярина Льва Кирилловича и кравчаго Бориса Алексѣевича: тогда приметъ челобитье“. — „А патріархъ и бояре?“ опять спрашиваютъ стрѣльцы.—Патріарха можно перемѣнить, а бояре отпадшее, зяблое дерево, развѣ постоитъ до поры до времени одинъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ“.

Такъ вотъ въ чемъ дѣло! чтобъ исполнить желаніе царевны и Шакловитаго, надобно пойти въ Верхъ бунтомъ, задержать двоихъ самыхъ близкихъ къ царю людей, смѣнить патріарха! Прежде стрѣльцы были постепенно приготовляемы къ бунту раздраженіемъ и разнуздываніемъ, да и тутъ масса была поднята извѣстіемъ, что Нарышкины задушили царевича; а теперь велятъ бунтовать, чтобъ достигнуть небывалаго, страннаго дѣла, и это послѣ того, какъ употреблены были всѣ средства, чтобъ охладить стрѣльцовъ къ бунту, заставить ихъ бояться его.

Начальнымъ людямъ дали по пяти рублей съ наказомъ, чтобъ поговорили съ товарищами въ полкахъ. Но въ полкахъ предложеніе было принято также холодно, и Софья поспѣшила сама отказаться отъ него.

Надобно было, по крайней мѣрѣ, разогрѣть преданность стрѣльцовъ, упрочить себѣ ихъ защиту на всякій случай, выставить имъ опасность, которой подвергается Софья. Правительница призвала къ себѣ ночью нѣсколько стрѣльцовъ и начала имъ натолковывать, что царица Наталья съ братьями и Борисомъ Голицынымъ поднимаетъ бунтъ, и патріархъ противъ нея, Софьи, чѣмъ бы мирить, только мутитъ. Шакловитый, какъ будто обращаясь съ совѣтомъ къ царевнѣ, давалъ знать стрѣльцамъ, какія средства должно употребить, чтобъ успокоить Софью: „Отъ чего бы князя Бориса и Льва Нарышкина не принять? Да и царицу можно бы принять. Извѣстно тебѣ, государыня, каковъ ея родъ и какъ въ Смоленскѣ въ лаптяхъ ходила“. Софья отвѣчала на это. „Жаль мнѣ ихъ, и безъ того ихъ Богъ убилъ“. Стрѣльцы отвѣчали очень неопредѣленными словами: „Воля твоя, государыня, что изволишь, то и дѣлай.“

Неопредѣленными словами отвѣчали стрѣльцы на неопредѣленныя требованія, неопредѣленныя жалобы. Какой бунтъ поднимаетъ царица? Понятно, что Шакловитый могъ найдти изъ стрѣльцовъ только пять человѣкъ, готовыхъ на все; эти пятеро были: Петровъ, Стрижовъ, Кондратьевъ, Чермный и Гладкій, которыхъ интересы были тѣсно связаны съ интересами Софьи. Шакловитый говорилъ Чермному: „хотятъ насъ

перевесть, а мутитъ всѣмъ царица, меня хотятъ высадить изъ приказу, а васъ, которые ко мнѣ въ домъ вхожи, разослать всѣхъ по городамъ". И вотъ Чермный, чтобъ избыть бѣды, начинаетъ толковать товарищамъ: „Какъ быть? хотя и всѣхъ побить, а корня не выведешь, надобно уходить старую царицу, медвѣдицу." Ему возражали, что за мать вступится царь Петръ; Чермный не останавливался: Чего и ему спускать? за чѣмъ стало?" Гладкій толковалъ: „У царя Ивана Алексѣевича двери завалили дровами и полѣньемъ и царскій вѣнецъ изломали, а кому ломать только съ ту сторону."

Стрѣльцы оставались холодны къ этимъ разказамъ: полѣньемъ закидали, вѣнецъ изломали! прежде было сказано, что и совсѣмъ задушили, а что́ вышло? Придумали средство посильнѣе: ночью въ двухъ мѣстахъ подъѣзжала къ стрѣлецкимъ карауламъ вооруженная толпа, схватывала десятника, и начальникъ толпы приказывалъ его бить до смерти, несчастнаго начинали колотить, но слышался голосъ изъ толпы: „Левъ Кирилловичъ! за что его бить до смерти? душа христіанская?" Послѣ было узнано, что мнимый Нарышкинъ былъ подъячій приказа Большой Казны Шошинъ, довѣренный человѣкъ правительницы.

И это средство не раздражало. Не подавались и на обѣщанія грабежа, когда Гладкій прельщалъ, что станутъ стрѣльцы грабить домы бояръ и торговыхъ людей и дѣлить богатую добычу. Гладкій, свой человѣкъ у Шакловитаго, слѣдовательно и у Медвѣдева, затрогивалъ и интересъ религіозный, обвинялъ патріарха въ новомъ ученіи, по которому не велятъ кланяться, когда поютъ аминь (послѣ „пріимите, ядите"); стрѣльцы холодно слушали о винахъ патріарха: они помнили 5 іюля 1682 года. Не трогались и словами Гладкаго, когда онъ выставлялъ противоположность поведенія Софьи и Петра: „Наша государыня все Богу молится, а тамъ только на органахъ и на скрипицахъ играютъ."

Стрѣльцы не трогались, а между тѣмъ въ 1689 году стали обнаруживаться выходки Петра противъ Софьи; въ нихъ не было ничего очень важнаго, систематическаго: Петръ былъ еще молодъ и занятъ кораблями; не смотря на то, Софья не

могла не раздражиться и не обезпокоиться, увидавъ начало дѣла, въ концѣ котораго являлся—монастырь. 8 іюля, въ Казанскую, Петръ въ соборѣ сказалъ сестрѣ, чтобъ она не ходила въ крестный ходъ; Софья не послушалась, взяла образъ и пошла; Петръ разсердился, не пошелъ за крестами и уѣхалъ изъ Москвы. Съ его стороны все и кончилось этою вспышкою. Но положеніе Софьи было таково, что она сочла необходимымъ приготовиться къ защитѣ отъ потѣшныхъ конюховъ, которые придутъ вырывать власть изъ рукъ ея. 25 іюля, когда Петра ждали въ Москву по случаю имянинъ старшей царевны Анны Михайловны, 50 стрѣльцовъ было тайно поставлено у Краснаго крыльца съ наказомъ слушать набата, которымъ дастся знать, что надъ государынею „хитрость чинится“ [77].

Хитрости не учинилось никакой; но со стороны Петра новая выходка, сильно раздражившая Софью, ибо дѣло шло о славѣ ея правленія и о князѣ Васильѣ Васильевичѣ. Петръ не соглашался на назначеніе наградъ Голицыну и товарищамъ его за второй Крымскій походъ; потомъ позволилъ уговорить себя согласиться, но сорвалъ сердце, не допустивши къ себѣ Голицына и другихъ воеводъ и генераловъ съ благодарностію за награды [78]. Это было 27 іюля. Въ тотъ же день вечеромъ Софья пошла ко всенощной къ празднику въ Новодѣвичій монастырь, въ сопровожденіи пятисотныхъ и пятидесятниковъ, и послѣ службы стала жаловаться имъ на царицу Наталью, что опять начинаетъ бѣду: „Если мы вамъ годны, говорила Софья, то стойте за насъ, а если негодны, то мы оставимъ государство.“ Стрѣльцы отвѣчали, что готовы исполнять ея волю; Софья велѣла имъ ждать повѣстки. Но большинство стрѣльцовъ не хотѣло начинать дѣла по набату; если дѣйствительно грозитъ бѣда кому нибудь изъ членовъ царскаго дома, то пусть идетъ дѣло законнымъ порядкомъ: пусть думный дьякъ скажетъ царскій указъ, того они и возьмутъ, а безъ указа ничего дѣлать не станутъ, сколько бы ни били въ набатъ; надобно бить челомъ о розыскѣ [79]. Понапрасну приверженцы Шакловитаго старались противодѣйствовать такому расположенію большинства, понапрасну

толковалъ Стрижевъ, что изъ розыска ничего не выйдетъ, злодѣи царевны извѣстны, принять ихъ! а безъ царевны стрѣльцамъ будетъ плохо. Петръ присылаетъ за Стрижевымъ, Шакловитый не даетъ его; Петръ велитъ арестовать самого Шакловитаго въ Измайловѣ—но скоро выпускаетъ. Съ этой стороны дѣйствуютъ робко нерѣшительно, но все же дѣйствуютъ и этого довольно для другой стороны, чтобъ сильно безпокоиться и волноваться.

Къ Софьѣ водятъ стрѣльцовъ понадежнѣе, она даетъ имъ по 25 рублей, спрашиваетъ: „Можно ли на васъ надѣяться? Надобны ли мы вамъ? А если ненадобны, то пойдемъ съ братомъ гдѣ-нибудь себѣ кельи искать". Горько жалуется, что нѣтъ житья отъ Бориса Голицына и Льва Нарышкина: меньшаго брата съ ума споили, старшаго ни во во что ставятъ, комнату его дровами завалили, ее, Софью называютъ дѣвкою, какъ будто не дочь она царя Алексѣя Михайловича; хотятъ отрубить голову князю Василью Васильевичу который сдѣлалъ такъ много добра: съ Польшею заключилъ миръ вѣчный; съ Дону прежде бѣглыхъ не выдавали, а теперь выдаютъ его промысломъ!

7 августа на Верху толковали, что нашли подметное письмо: ночью придутъ Потѣшные Конюхи изъ Преображенскаго, чтобъ побить царя Ивана Алексѣевича и всѣхъ его сестеръ. Вечеромъ Шакловитый распоряжается, велитъ собрать въ Кремль 400 человѣкъ стрѣльцовъ съ заряженными ружьями, 300 другихъ собрать на Лубянкѣ, троихъ денщиковъ своихъ посылаетъ къ Преображенскому смотрѣть, куда пойдетъ царь Петръ. Но распоряженія плохо исполняются: денщики не идутъ къ Преображенскому на указныя мѣста, на Лубянкѣ нѣтъ сбора; сильно волнуются въ Кремлѣ Гладкій и Чермный, но ихъ задоръ не сообщается другимъ: никто не знаетъ, за чѣмъ ихъ собрали: защищать или нападать, въ томъ и другомъ случаѣ будетъ усобица, въ которой они не хотятъ участвовать. Въ это время всеобщаго тяжелаго, тревожнаго ожиданія пріѣзжаетъ въ Кремль изъ Преображенскаго спальникъ царя Петра, Плещеевъ. Гладкій, который давно уже ждетъ случая начать дѣло, бросается на Плещеева, стаскиваетъ его съ лоша-

ди, срываетъ саблю, бьетъ и ведетъ его въ Верхъ къ Шакловитому. Гладкій дѣйствительно начинаетъ дѣло.

Если масса стрѣльцовъ была недоступна внушеніямъ Шакловитаго съ товарищами, не хотѣла начинать бунта въ пользу Софьи, то не двигалась также и въ противоположномъ направленіи; изъ этой массы выдѣлились, какъ мы видѣли, не болѣе пяти человѣкъ, которые готовы были, какъ 15 мая 1682 года, принять на копья кого угодно въ пользу Софьи; но въ противоположность имъ образовался небольшой кружекъ изъ осьми человѣкъ, которые въ дѣйствіяхъ Шакловитаго, Чермнаго и Гладкаго видѣли преступленіе и безуміе и рѣшились прямо дѣйствовать на перекоръ имъ, въ пользу царя Петра, имѣющаго всѣ права на своей сторонѣ. Эти восемь человѣкъ были стремянные: пятисотный Елизарьевъ, пятидесятники Мельновъ, Ульфовъ, десятники Ладогинъ, Ѳеоктистовъ, Турка, Троицкій и Капрановъ. Въ ночь съ 7 на 8 августа, когда масса остается неподвижною, дѣйствія, разумѣется, должно ожидать въ этихъ обоихъ крайнихъ кружкахъ, ибо здѣсь самые рѣшительные люди, опредѣлившіе свои цѣли, люди не колеблющіеся, не шатающіеся. Елизарьевъ съ товарищами стояли на Лубянкѣ въ ночь на 8 число; одинъ изъ нихъ, Мельновъ, былъ посланъ ими въ Кремль для наблюденій, и возвратясь, объявилъ о поступкѣ Гладкаго съ Плещеевымъ. Въ этомъ поступкѣ они увидали начало дѣла, и рѣшились дѣйствовать съ своей стороны: Мелновъ и Ладогинъ посланы были въ Преображенское увѣдомить царя, что на него и на его мать умышляется смертное убійство [80].

Но не одни Мельновъ и Ладогинъ спѣшили въ Преображенское съ своимъ извѣтомъ. Вечеромъ вельможи узнали, что въ Кремль пускаютъ только самыхъ извѣстныхъ и довѣренныхъ лицъ къ правительницѣ. Это такъ встревожило людей, державшихъ сторону Петра, что они отправились немедленно въ Преображенское. Немного за полночь, когда Петръ спалъ уже крѣпкимъ сномъ, его будятъ и говорятъ: пріѣхали изъ Москвы стрѣльцы и другіе люди съ извѣстіемъ, что множество стрѣльцовъ собрано въ Кремлѣ, хотятъ приходить въ Преображенское бунтомъ. Испуганный царь вскочилъ съ по-

стели какъ былъ, и прямо на конюшню, сѣлъ на лошадь и въ ближній лѣсъ, куда уже ему принесли платье. Одѣвшись, поскакалъ съ всѣми своими, кто только былъ готовъ, къ Троицѣ, куда пріѣхалъ около 6 часовъ утра въ сильной усталости, и только что успѣлъ войти въ комнату, какъ бросился на постель, и, заливаясь слезами, разказалъ о своей бѣдѣ прибѣжавшему архимандриту Викентію и просилъ у него защиты [81]. Осьмаго же числа пріѣхали къ Троицѣ царица Наталья Кирилловна съ дочерью и невѣсткою, преданная Петру знать, потѣшные и стрѣльцы Сухарева полка. Главнымъ распорядителемъ здѣсь явился князь Борисъ Голицынъ.

Москва пришла въ ужасъ, когда 8 числа распространилась вѣсть объ отъѣздѣ царя изъ Преображенскаго. Усобица начиналась — чѣмъ то кончится? На Верху старались показывать видъ, что не обращаютъ на это происшествіе большаго вниманія. Шакловитый, узнавши объ немъ, сказалъ: „Вольно ему, взбѣсяся, бѣгать". Софья объявила стрѣльцамъ, что еслибъ они не остереглись, то всѣхъ бы ихъ передавили потѣшные конюхи. Но другое было объявлено царю Петру, когда 9 числа онъ прислалъ къ царю Ивану и Софьѣ спросить, за чѣмъ были собраны стрѣльцы въ такое необычное время? Ему отвѣчали, что стрѣльцы должны были провожать царевну въ монастырь на богомолье. Вслѣдъ за тѣмъ другая присылка отъ Петра — отпустить къ нему полковника Цыклера съ 50 стрѣльцами. Послѣ узнали, что это была хитрость Цыклера. Какъ мы видѣли, онъ былъ ревностнымъ приверженцемъ Софьи и участникомъ въ стрѣлецкомъ бунтѣ. Теперь онъ увидѣлъ, что, по всѣмъ вѣроятностямъ возьметъ верхъ Петръ, и далъ знать къ Троицѣ, чтобъ его вызвали туда и онъ откроетъ много нужныхъ вещей. Цыклера отпустили послѣ долгихъ совѣщаній и отговорокъ. [82] За Цыклеромъ отправились также съ извѣтами къ Троицѣ Елизарьевъ, Ѳеоктистовъ, Ульфовъ, Турка, Капрановъ, Троицкій.

Софьѣ нельзя было долго оставаться въ спокойномъ ожиданіи, что начнутъ у Троицы? Она не могла не понимать, какъ выгодно было положеніе Петра въ борьбѣ; она сама прежде, въ распрѣ съ Хованскимъ, указала эту дорогу къ Троицѣ,

какъ самую удобную. 13 числа отправленъ былъ къ Петру бояринъ князь Иванъ Борисовичъ Троекуровъ; 15 онъ возвратился и привезъ не очень любезный отвѣтъ, а на другой день явилась въ Москвѣ грамота отъ царя Петра въ солдатскіе и стрѣлецкіе полки, чтобъ начальные люди и по 10 человѣкъ рядовыхъ изъ каждаго полка были у Троицы къ 18 числу. Софья, посовѣтовавшись съ ближними людьми, велѣла позвать къ себѣ начальныхъ людей изъ каждаго полка, держала къ нимъ сильную рѣчь и на строго запретила, чтобъ не смѣли ходить къ Троицѣ и вмѣшиваться въ распрю ея съ братомъ, и когда стрѣлецкіе полковники обнаружили свое недоумѣніе, то Софья сказала имъ, что если кто нибудь изъ нихъ пойдетъ къ Троицѣ, то будетъ пойманъ и потеряетъ голову.

Надобно было спѣшить окончаніемъ дѣла, и въ тотъ же день дядька царя Ивана, князь Петръ Ивановичъ Прозоровскій вмѣстѣ съ духовникомъ Петра были отправлены къ Троицѣ съ извиненіемъ, что никакъ нельзя было исполнить требованіе царя и прислать къ нему требуемое войско; въ то же время Прозоровскій и духовникъ должны были употребить всѣ средства къ примиренію Петра съ сестрой, и для успокоенія стрѣльцовъ и солдатъ въ Москвѣ былъ распущенъ слухъ, что царская грамота была прислана безъ вѣдома Петра, умышленіемъ князя Бориса Голицына. 18 числа возвратились Прозоровскій и духовникъ—ни съ чѣмъ. Схватились за соломину, рѣшились послать патріарха, о которомъ сами прежде говорили, что вмѣсто уговариванія только мутитъ. Іоакимъ былъ радъ вырваться изъ Москвы, изъ рукъ враговъ своихъ, уѣхалъ къ Троицѣ и тамъ остался: Петръ пріобрѣлъ важнаго союзника. Прошло нѣсколько дней въ ожиданіяхъ; 27 августа новая царская грамота отъ Троицы въ стрѣлецкіе полки, въ гостинную сотню, въ дворцовыя слободы и черныя сотни, чтобъ всѣ полковники и начальные люди съ 10 рядовыми изъ каждаго полка, а изъ сотень и слободъ старосты съ 10 тяглецами явились немедленно къ Троицѣ, а кто не явится, тому быть въ смертной казни. Толпы стрѣльцовъ, повинуясь указу, двинулись изъ Москвы. У Троицы самъ царь вышелъ къ

нимъ передъ дворецъ съ матерью и патріархомъ и объявилъ объ умыслѣ Шакловитаго. Дьякъ прочелъ выписку изъ распросныхъ рѣчей и стрѣлецкихъ извѣтовъ, патріархъ сталъ увѣщевать, чтобъ пришедшіе стрѣльцы объявили всю правду, что̀ знаютъ, грозя, въ случаѣ несправедливаго показанія, архіерейскимъ неблагословеніемъ. Стрѣльцы завопили, что они Ѳедькина злаго умысла не знаютъ, великимъ государямъ служатъ и работаютъ, какъ служили и работали ихъ предкамъ, рады ловить воровъ и измѣнниковъ и во всемъ исполнять волю государскую. Но нѣкоторые поразсказали кой-что.

Софья рѣшилась ѣхать сама къ Троицѣ. Въ томъ самомъ селѣ Воздвиженскомъ, гдѣ, семь лѣтъ тому назадъ, она велѣла казнить Хованскаго, встрѣтилъ ее стольникъ Бутурлинъ и отъ имени великаго государя объявилъ, чтобъ она въ монастырь не ходила. „Непремѣнно пойду", отвѣчала Софья; но за Бутурлинымъ явился бояринъ князь Троекуровъ, съ объявленіемъ, что если она пойдетъ, то съ нею нечестно поступлено будетъ [83]; отрядъ вооруженныхъ людей уже показался въ Воздвиженскомъ.

Софья поспѣшно возвратилась, велѣла позвать къ себѣ стрѣльцовъ, с т а р ы х ъ, на которыхъ особенно полагалась, и стала имъ жаловаться, что̀ чуть ее не застрѣлили въ Воздвиженскомъ, насилу ушла; что Нарышкины съ Лопухиными хотятъ извести царя Ивана, добираются и до нея. „Не уходите къ Троицѣ," говорила Софья: „пожалуй и вы побѣжите? цѣлуйте крестъ!" И привела стрѣльцовъ къ присягѣ, что не побѣгутъ. Но это не помогло. Наступило 1-е сентября, праздникъ Новаго Года. Нерадостно встрѣтила его Софья и ея приверженцы: изъ Троицкаго монастыря пріѣхалъ полковникъ Нечаевъ съ стрѣльцами, привезъ къ царю Ивану и Софьѣ грамоту, въ которой Петръ извѣщалъ ихъ о заговорѣ и требовалъ присылки Ѳедьки Шакловитаго и старца Сильвестра Медвѣдева съ сообщниками для розыска къ Троицѣ. Это произвело сильное движеніе при дворѣ; народъ былъ пораженъ; большинство, по словамъ очевидца, [84] рѣшило оставаться спокойнымъ и ждать, чѣмъ кончится дѣло. Нечаева позвали на Верхъ и спросили, какъ онъ смѣлъ привезти грамоту?

Тотъ отвѣчалъ, что не смѣлъ ослушаться царскаго повелѣнія. Софья велѣла отрубить ему голову, но онъ спасся тѣмъ, что не могли или не хотѣли скоро сыскать палача, а между тѣмъ гнѣвъ Софьи прошелъ. Но отъ Троицы вмѣстѣ съ Нечаевымъ, пріѣхали также и стрѣльцы; Софья велѣла позвать ихъ къ Красному крыльцу, и, сошедши внизъ, начала говорить: „Для чего вы пріѣхали? и съ какимъ указомъ? чему вы тому вѣрите, что вамъ въ Троицкомъ монастырѣ прочитали, тѣ письма отъ воровъ составлены, и вы безъ указу съ Москвы въ Троицкой монастырь не ѣздите для того: братъ мой Петръ Алексѣевичъ меня къ себѣ въ монастырь не допустилъ. И для которыхъ людей вы присланы, и я ихъ вамъ не отдамъ, для того: будетъ отдать вамъ девять человѣкъ, а они оговорятъ и 900 человѣкъ, чему тому вѣрить? Довелось прислать тѣхъ къ Москвѣ для розыску, которые ихъ оговариваютъ, и я васъ не отпущу, и которые пойманы и сидятъ на съѣзжихъ избахъ — не дамъ и для того въ Троицкій монастырь пошлю боярина. Знатно то дѣло клонятъ, хотятъ меня извести [85]. Злые люди учинили между нами ссору и научили говорить объ умыслѣ противъ царя Петра Алексѣевича и другихъ. Завистію къ вѣрной службѣ и радѣнію Өедора Шакловитаго, назвали его заводчикомъ злаго умысла. Чтобъ развѣдать обо всѣмъ я сама пошла къ Троицѣ, но царь Петръ Алексѣевичъ велѣлъ меня остановить по наущенію злыхъ совѣтниковъ, и должна была я возвратиться съ великимъ срамомъ. Всѣмъ вамъ вѣдомо, какъ я въ эти семь лѣтъ правительствовала, а приняла правительство въ самое смутное время, учинила славный вѣчный миръ съ христіанскимъ сосѣднимъ государемъ, а враги креста Христова отъ оружія моего въ ужасѣ пребываютъ. Вы за ваши службы пожалованы нашимъ великимъ жалованьемъ, и милость нашу къ себѣ всегда видѣли. Ужели послѣ того вы намъ учинитесь невѣрны, повѣривши вымыслу злыхъ людей, которые всему христіанству добра не желаютъ, и смуту заводятъ. Не головы Өедора Шакловитаго ищутъ, ищутъ головы моей и брата моего, Ивана Алексѣевича“ [86].

Въ сильномъ волненіи Софья не чувствовала усталости; подозвала къ себѣ лучшихъ изъ торговыхъ и посадскихъ людей, и говорила имъ въ томъ же родѣ; наконецъ велѣла собрать весь народъ, бывшій въ Кремлѣ и держала передъ нимъ, по свидѣтельству очевидца, [87] длинную и прекрасную рѣчь.

А между тѣмъ въ Кремлѣ все было приготовлено къ празднованію Новаго Лѣта. Но патріарха нѣтъ: царь Иванъ нездоровъ, царевнѣ-правительницѣ не до праздника, — и приготовленія были отмѣнены. Стрѣльцовъ угостили водкою. Знать и служилые иноземцы получили свою чарку водки изъ рукъ самого царя Ивана Алексѣевича. Въ это время Шакловитый служилъ послѣднюю службу царевнѣ: писалъ сказку по всѣмъ чинамъ Московскаго государства съ изложеніемъ всего дѣла для оправданія Софьи, для обвиненія стороны противной, писалъ какъ царевна приняла правительство по челобитью всего народа, по благословенію патріарха, а теперь Нарышкины ее и брата ея, царя Ивана Алексѣевича безчестятъ, къ рукѣ не ходятъ, прибрали потѣшныхъ конюховъ, отъ которыхъ многимъ людямъ чинятся обиды и насилія; на челобитныя объ этомъ царю Петру нѣтъ отвѣта; комнату царя Ивана забросали полѣньями, изломали его вѣнецъ [88].

Шакловитый служилъ послѣднюю службу; но Голицынъ не принималъ никакого участія въ Московскихъ движеніяхъ. Шла переписка между родственниками: князь Борисъ писалъ князю Василью, чтобъ пріѣзжалъ къ Троицѣ, чтобъ заслужилъ этимъ расположеніе царя Петра; князь Василій отправилъ подъячаго къ Троицѣ уговаривать князя Бориса, чтобъ примирилъ обѣ стороны. Князь Борисъ велѣлъ отвѣчать, что лучше всего, если онъ, князь Василій, какъ можно скорѣе пріѣдетъ къ Троицѣ, что царь приметъ его отлично [89]. Между тѣмъ изъ Троицкаго монастыря новыя требованія о выдачѣ Шакловитаго; стрѣльцы начинали роптать, зачѣмъ такъ долго тянется дѣло; Софья велѣла повѣстить, что сама, вмѣстѣ съ старшимъ братомъ, отправится къ Троицѣ. Стрѣльцы роптали въ Москвѣ, что дѣло долго не оканчивается; ихъ братья у Троицы также теряли терпѣніе: въ Москвѣ у нихъ были же-

ны, дѣти, промыслы; они приступили съ просьбою, чтобъ имъ позволено было идти въ Москву и захватить Ѳедьку Шакловитаго съ товарищи; но молодой царь и совѣтники его не согласились на это, боясь усобицы. На счетъ дальнѣйшаго поведенія мнѣнія дѣлились у Троицы; одни хотѣли, чтобъ царь ускорилъ рѣшеніе дѣла, приблизившись къ Москвѣ, остановившись въ Алексѣевскомъ или Преображенскомъ. Но благоразумнѣйшіе противились этому, представляя, что тутъ можетъ произойти кровопролитіе, тогда какъ дѣло сдѣлается само собою.

Еще 2 сентября отправились къ Троицѣ нѣкоторые изъ Нѣмецкой слободы, и Гордонъ поручилъ имъ извинить его, что онъ нейдетъ, не зная, будетъ ли пріятенъ его приходъ или нѣтъ. 4 числа явилась въ слободѣ царская грамота (отъ 31 августа), призывавшая всѣхъ служилыхъ иноземцевъ къ Троицѣ. Иноземцы рѣшили, что должно показать грамоту князю Василью Васильевичу Голицыну, какъ главному своему начальнику. Гордонъ съ нѣсколькими полковниками отправился къ Оберегателю. Тотъ былъ сильно смущенъ, когда они подали ему грамоту, но поспѣшилъ оправиться и отвѣчалъ, что покажетъ грамоту старшему царю и царевнѣ и тогда скажетъ, что имъ дѣлать. Гордонъ замѣтилъ, что они бояться за свои головы, если не послушаются. Голицынъ обѣщалъ прислать отвѣтъ не позже вечера; но иноземцы не хотѣли дожидаться отвѣта, вечеромъ двинулись въ путь и въ 11 часовъ утра на другой день были у Троицы, цѣловали руку у царя, который каждому поднесъ по чаркѣ водки. Въ такое время натянутаго ожиданія и нерѣшительности всякое движенія въ ту или въ другую сторону чрезвычайно важно, сильно увлекаетъ: начали громко говорить въ пользу царя Петра, когда узнали, что и Нѣмцы ушли къ нему.

У Софьи все еще оставались стрѣльцы; но когда разнеслась вѣсть, что царевна не поѣдетъ къ Троицѣ, потому что ее туда не пустятъ, то стрѣльцы потеряли всякое терпѣніе, и вечеромъ 6 сентября явились большою толпою въ Кремль съ челобитьемъ къ царевнѣ, чтобъ выдала Ѳедьку Шакловитаго, котораго они поведутъ къ Троицѣ. Сначала Софья от-

вѣчала, что не выдастъ и чтобъ они жили спокойно, не вмѣшивались въ ссору ея съ братомъ. Въ толпѣ раздался шумъ, послышались голоса, что нечего дожидаться, надобно приниматься за набатный колоколъ. Это сильно поразило Софью. Сцена 682 года повторилась, только съ перемѣною лицъ: тогда стрѣльцы требовали у царицы Натальи выдачи брата ея, Ивана Нарышкина и перетрусившіеся бояре уговаривали царицу пожертвовать братомъ, чтобъ имъ всѣмъ не погибнуть изъ за одного: теперь стрѣльцы, грозя бунтомъ, требуютъ у Софьи выдачи Шакловитаго, и окружающіе царевну уговариваютъ ее исполнить требованіе, иначе многимъ придется поплатиться жизнію. Софья выдала Шакловитаго; но Медвѣдевъ успѣлъ скрыться. Въ тотъ же день бояре, остававшіеся въ Москвѣ, по вызову Петра, отправились къ Троицѣ; не поѣхалъ одинъ Голицынъ, онъ удалился съ своими приближенными въ подмосковное село Медвѣдково; вѣсть о выдачѣ Шакловитаго сильно поразила его [90].

7 сентября привезли Шакловитаго въ монастырь. На первой пыткѣ послѣ 15 ударовъ, онъ повинился во всемъ, что на него ни взводили; передъ второю онъ обѣщалъ объявить все безъ утайки и написалъ, что на жизнь царя Петра Алексѣевича никогда не умышлялъ; объ убійствѣ царицы были разговоры съ Кузьмою Чермнымъ, который первый началъ; князь В. В. Голицынъ жалѣлъ, что царицу не убили прежде въ 682 году; намѣревались произвести пожаръ въ Преображенскомъ; стрѣльцовъ собирали для собственной защиты, а не для бунта. Кто внушилъ царевнѣ мысль вѣнчаться на царство, онъ не знаетъ, ни онъ, ни Голицынъ ей этого не совѣтовали, и Голицынъ даже писалъ объ этомъ изъ похода съ ужасомъ; наконецъ онъ, Шакловитый писалъ послѣднюю сказку для народа объ обидахъ царевнѣ. Въ умыслѣ на жизнь Петра Шакловитый не повинился, хотя Филиппъ Сапоговъ объявлялъ, что Шакловитый подговаривалъ его — какъ пойдетъ царь Петръ въ походъ, бросить на дорогѣ ручныя гранаты или тайкомъ положить ихъ въ сани, также убить государя во время пожара въ Преображенскомъ. Въ послѣдствіи, въ 1699 году стрѣлецъ Петрушка Кривой показывалъ: „послѣ

1682 года я бывалъ въ домѣ у Ѳедьки Шакловитаго, и вмѣстѣ съ Ѳедькою у князя Ивана Засѣкина, и Ѳедька съ княземъ Иваномъ при мнѣ между собою говорили: ходитъ онъ (государь) на пожары не со многими людьми: убить бы его стрѣльцамъ" [91].

Шакловитый былъ такъ тѣсно связанъ съ Голицынымъ: участь обоихъ должна была рѣшиться вмѣстѣ. Въ тотъ же день, какъ привезли Шакловитаго, 7 сентября, около 5 часовъ пополудни явился къ Троицѣ и князь В. В. Голицынъ съ своими приближенными, извѣстными своею военною и приказною дѣятельностію, окольничимъ Леонтіемъ Неплюевымъ, Венедиктомъ Змѣевымъ, думнымъ дворяниномъ Григорьемъ Косоговымъ и думнымъ дьякомъ Емельяномъ Украинцевымъ. Ихъ не пустили въ монастырскіе ворота, велѣли стать на посадѣ и не съѣзжать безъ указа. Вечеромъ Гордонъ навѣстилъ Голицына и нашелъ его въ раздумьѣ. Вечеромъ 9 числа позвали Голицына съ сыномъ Алексѣемъ во дворецъ. Когда они поднялись на лѣстницу, на встрѣчу вышелъ думный дьякъ и прочелъ имъ указъ, что они лишаются чести боярства, ссылаются съ женами и дѣтьми въ Каргополь, имѣніе описывается на государя, за то что во 1) они сестрѣ великихъ государей о всякихъ дѣлахъ докладывали мимо великихъ государей и писали ее съ великими государями обще, и въ книгахъ и на деньгахъ общежъ съ великими государями ее печатать велѣли, безъ указа ихъ великихъ государей. Во 2) бывъ посланъ въ 1689 году на Крымскіе юрты, князь Василій Голицынъ, пришедъ къ Перекопу, промыслу никакого не чинилъ и отступилъ, каковымъ нерадѣніемъ царской казнѣ учинилъ великіе убытки, государству разореніе, а людямъ тягость.

За Голицына шла сильная распря между близкими къ Петру людьми. Уничтоженіе мѣстничества нанесло сильный ударъ родовому быту; но слѣдствія этого удара еще не могли обозначиться въ такое короткое время; всѣ еще были пропитаны понятіемъ о родовомъ единствѣ, въ слѣдствіе котораго честь одного члена рода поднимала цѣлый родъ, а безчестіе одного падало на всѣхъ родичей. Вотъ почему князь Борисъ Алексѣевичъ хлопоталъ изо всѣхъ силъ, чтобъ родичъ

его князь Василій не былъ обвиненъ въ измѣнѣ, чѣмъ запятнался бы весь родъ Голицыныхъ. Гордонъ разказываетъ за достовѣрное слѣдующее [92]: послѣ первой пытки и когда грозила вторая, Шакловитый обѣщалъ представить царю на письмѣ самое правдивое изложеніе дѣла. Самъ князь Борисъ пошелъ къ нему, понесъ перо и чернила. Шакловитый исписалъ отъ 8 до 9 листовъ бумаги; время было уже за полночь, когда онъ кончилъ, царь легъ спать, и князь Борисъ взялъ бумаги къ себѣ домой, чтобъ слѣдующимъ утромъ показать царю. Но люди, злобившіеся на князя Бориса за его желаніе спасти князя Василія отъ обвиненія въ измѣнѣ, (т. е. Нарышкинъ съ товарищами) слѣдили зорко за всѣми движеніями князя Бориса, поспѣшили донести царю, что князь взялъ себѣ признаніе Шакловитаго, вѣрно для того, чтобъ прочесть и вырвать то, что клонилось ко вреду князя Василья. Царь посылаетъ къ Шакловитому—написалъ ли онъ признаніе? тотъ отвѣчаетъ, что написалъ и отдалъ князю Борису. Но одинъ изъ пріятелей успѣлъ уже дать знать князю Борису о бѣдѣ, и тотъ спѣшитъ съ бумагами къ царю, который встрѣчаетъ его грознымъ вопросомъ: за чѣмъ не подалъ бумагъ сейчасъ же? Голицынъ отвѣчаетъ, что было уже очень поздно. Петръ удовлетворяется отвѣтомъ и продолжаетъ по прежнему держать князя Бориса въ приближеніи; но царица Наталья и друзья ея не мирятся съ нимъ.

По прочтеніи приговора князю Василью Голицыну, прочли приговоръ товарищу его Неплюеву: у него также отнято было окольничество, имѣніе, и назначена ссылка въ Пустозерскъ (послѣ въ Колу). Вина—жестокія притѣсненія находившимся въ его вѣдѣніи Комарицкимъ солдатамъ, которыхъ жалобамъ до сихъ поръ не давали ходу въ Москвѣ друзья Неплюева [93]. Змѣеву велѣно жить въ его Костромскомъ имѣніи, Косоговъ и Украинцевъ оставлены на прежнихъ мѣстахъ [94].

Шакловитаго съ главными сообщниками осудили на смерть. Сохранилось любопытное извѣстіе, что Петръ не соглашался на казнь ихъ, и только патріархъ уговорилъ его, и что когда разнеслась вѣсть, что Шакловитаго будутъ казнить безъ

вторичной пытки, то многіе изъ служилыхъ людей собрались въ монастырь „служа великому государю,“ какъ они говорили, и били челомъ, чтобъ велѣно было Шакловитаго пытать еще разъ: пусть объявитъ своихъ соумышленниковъ. Царь выслалъ сказать имъ, что онъ доволенъ показаніями Шакловитаго, и что имъ непригоже мѣшаться въ это дѣло [95].

11 сентября Шакловитый, Петровъ и Чермный были казнены смертію; пятисотнаго Муромцева, полковника Рязанцева и стрѣльца Лаврентьева били кнутомъ, и съ урѣзаніемъ языка сослали въ Сибирь. А за Голицына все еще продолжалась борьба. Враги его настояли, что ссылка въ Каргополь слишкомъ легкое наказаніе, и что надобно сослать его въ Пустозерскъ; но потомъ, какъ видно, князь Борисъ пересилилъ и назначенъ былъ Яренскъ мѣстомъ ссылки. Настояли, чтобъ Голицынымъ былъ сдѣланъ, по крайней мѣрѣ, допросъ, на основаніи показаній Шакловитаго. Ихъ допросили на дорогѣ, въ Ярославлѣ: и отецъ и сынъ клялись, что не принимали никакого участія въ умыслахъ Шакловитаго. Послѣ допроса они послали государямъ челобитную: „Вамъ, великимъ государямъ, приносимъ, аки самому Богу въ емверискомъ (емпирійскомъ?) небѣ предъ самымъ престоломъ его Спасителевымъ, что никогда Ѳедька Шакловитой мнѣ, Васькѣ, крайней другъ николи не бывалъ, а знакомство отдавали, какъ обычай и съ иными, просто.“ Голицыныхъ повезли далѣе. Когда они стояли въ Вологдѣ, неожиданно является передъ княземъ Васильемъ комнатный стольникъ князь Кропоткинъ, не съ новымъ допросомъ, а съ утѣшительнымъ письмомъ и съ деньгами отъ царевны Софьи Алексѣевны. Достигнувъ Яренска, Голицыны написали новое челобитье царямъ: „Страждемъ мы бѣдные близь конца живота своего; а оклеветаны вамъ, в. государямъ, невинно. Какъ насъ, холопей вашихъ, везли къ Тотмѣ, и, не доѣзжая города, на рѣкѣ Сухонѣ, возки женъ нашихъ и дѣтей и дворовыхъ людишекъ въ воду обломились, и женъ и дѣтишекъ нашихъ малыхъ насилу изъ рѣки вытаскали и лежали въ безпамятствѣ многое время.“ Билъ челомъ боярину Стрѣшневу и приставъ Голицыныхъ, который долженъ былъ вмѣстѣ и вѣдать городъ,

жаловался, что кормиться нечѣмъ: „Городишко здѣсь самое убогое: всего и съ цѣловальниками и съ подъячими и съ приставомъ 30 дворишковъ. А уѣздные люди въ городѣ мало бываютъ; всѣ сами промежъ собою судятся, а государскія всякія подати выбираютъ промежъ себя; лишь наша сухота!“

И въ Яренскѣ Голицыны не остались. Дѣло о сообщникахъ Шакловитаго тянулось, являлись новыя показанія, обвиняли Голицына въ сношеніяхъ съ колдунами; нашли переписку его съ Шакловитымъ во время перваго Крымскаго похода: изъ переписки оказывалось, что онъ былъ именно крайній другъ Шакловитому, а не простой знакомецъ; явился доносъ, что Голицынъ взялъ деньги съ хана, и потому отступилъ отъ Перекопи. Попался и Кропоткинъ; наконецъ явился самый опасный доносъ: монахъ Іосафъ извѣщалъ, что когда онъ былъ въ Яренскѣ, то князь Василій велѣлъ сказать князю Борису, чтобъ его, князя Василья, берегли, пригодится, потому что царю Петру только годъ жить. Доносъ оказался совершенною клеветою; монахъ никогда и не бывалъ въ Яренскѣ, а вздумалъ оклеветать князя Василья, чтобъ заслужить милость князя Бориса Алексѣевича! Остальныя обвиненія Голицынъ отвергнулъ. Не смотря на то, его перевели въ Пустозерскъ; съ дороги онъ писалъ царямъ: „Нынѣ въ пути мучимъ животъ свой и скитаемся Христовымъ именемъ, всякою потребою обнищали и послѣднія рубашки съ себя проѣли. А въ Пустоозерѣ хлѣбъ зѣло дорогъ и всякая живность, и померечь будетъ намъ томною и голодною смертію. Милосердые великіе государи! велите насъ бѣдныхъ и невинныхъ возвратить изъ такого злаго тартара.“ Голицыныхъ перевели въ Пинежскій волокъ—и здѣсь забыли: князь Борисъ, какъ увидимъ скоро, потерялъ свое первенствующее положеніе, которое перешло къ Нарышкинымъ.

Рѣшилась участь и третьяго близкаго къ Софьѣ человѣка, имя котораго неразлучно съ именами Голицына и Шакловитаго. Мы видѣли, что Лѣшій Медвѣдь, какъ называли Сильвестра Медвѣдева враги его, успѣлъ скрыться изъ Москвы и направлялъ путь къ западной, Польской границѣ, но Дорогобужскій воевода схватилъ его въ Бизюковѣ монастырѣ

вмѣстѣ съ извѣстнымъ пятидесятникомъ Гладкимъ, и отправилъ обоихъ въ Троицкій монастырь. „Шакловитый, говорилъ Сильвестръ при допросѣ, о государскомъ здоровьѣ и о убійствѣ никакихъ словъ мнѣ не говаривалъ, а сказывалъ мнѣ пятисотный Ларіонъ Елизарьевъ и, пришедъ ко мнѣ, плакалъ, говорилъ: „пришла на насъ бѣда великая, не знаемъ какъ быть, призывалъ насъ Ѳедоръ Шакловитый, меня, да Андрюшку Кондратьева, Алешку Стрижова, Оброску Петрова и говорилъ, чтобъ имъ тайно въ ночь побить боярина Льва Кирилловича Нарышкина да кравчаго князя Бориса Алексѣевича, и иныхъ; я имъ отвѣчалъ: если вы такъ сдѣлаете, то пропадете и съ Ѳедоромъ здѣсь и въ вѣчное душами; скажите ему Ѳедькѣ, что вамъ того дѣла учинить однимъ невозможно, а инымъ говорить вы о томъ не смѣете, говорилъ бы онъ самъ. И онъ Ларіонъ съ товарищи ему Ѳедькѣ отказали и того дѣлать не стали. Говорилъ Ѳедька дважды мнѣ Селиверстку наединѣ: какъ бы не было царицы Натальи Кирилловны, такъ бы у царевны съ царемъ Петромъ было совѣтно. Церкви святой я не смущалъ, а которыя тетрадки писалъ дьяконъ Аѳанасій, что былъ у Спаса на дворцѣ, о пресуществленіи, и ту тетрадку принесъ ко мнѣ показать онъ дьяконъ, и я съ той тетрадки списалъ себѣ двѣ тетрадки; на патріарха въ той тетрадкѣ ничего не написано, а писано на Грековъ; а книгу о Маннѣ я написалъ по приказу царевны, и та книга посылана была къ гетману Ивану Степановичу и къ Кіевскимъ властямъ къ свидѣтельству и съ нею другая Греческая книга, и въ Кіевѣ на обличеніе Греческой книги написана обличительная книга и прислана княземъ В. В. Голицынымъ, какъ въ 197 году былъ на службѣ. Извѣтъ Филиппа Сапогова, что умышлялъ я съ Шакловитымъ убить патріарха—ложный; а караулъ у меня былъ отъ Велика Дни для того, чтобъ патріархъ тайно меня не сослалъ. И была у меня написана книга лѣтописная, начата съ 90 года, о правленіи великой государыни, и что было съ того году, а писана та книга съ письма Каріонова, а чернилъ ту книгу я, а переписывалъ дьячекъ Ивашка.“

На очной ставкѣ съ Сапоговымъ Медвѣдевъ заперся. Его

разстригли и пытали, дали 15 ударовъ; не признался. Винился въ одномъ, что говорилъ стрѣльцамъ: „Не бойтесь! хотя царя Петра сторона и повезетъ, и много будетъ дней на десять, а то опять будетъ рука сильна стороны царевны.“ Это говорилъ ему Шакловитый, слыша отъ одного юродиваго. Повинился, что говорилъ про патріарха: учился мало и рѣчей богословскихъ не знаетъ; повинился, что подъ портретомъ царевны подписывалъ полный титулъ „вседержавнѣйшей самодержицы,“ семь добродѣтелей и вирши [96].

Растриженнаго, называвшагося теперь уже Сенькою, Медвѣдева отдали въ руки духовному начальству, которое приставило къ нему двоихъ увѣщателей, Новоспасскаго архимандрита Игнатія и Софронія Лихуда; Сенька принесъ покаяніе въ ереси, объявилъ свою манну обманною. Соборъ опредѣлилъ сжечь манну всенародно, Медвѣдева разрѣшить отъ церковной клятвы и сослать въ монастырь подъ началъ [97]. Но этимъ дѣло не кончилось. Послѣ долгаго укрывательства схваченъ былъ одинъ изъ главныхъ сообщниковъ Шакловитаго, Стрижовъ, который показалъ на Медвѣдева, что тотъ имѣлъ связь съ какимъ-то Полякомъ Силинымъ, занимавшимся чародѣйствомъ и вызваннымъ въ Москву лѣчить глаза царю Ивану Алексѣевичу. Силинъ долго жилъ у Медвѣдева, и тотъ говорилъ ему, что Софья хочетъ выйти замужъ за Голицына, и Медвѣдева возвести на патріаршество вмѣсто Іоакима. Медвѣдева подвергли новой страшной пыткѣ огнемъ и желѣзомъ, и потомъ казнили смертію, 11 февраля 1691 г. [98].

Что же дѣлала Софья въ то время, когда на пыткахъ и казняхъ лилась кровь ея приверженцевъ? Послѣ выдачи Шакловитаго, на которое настояли стрѣльцы—единственная надежда царевны, судьба ея была рѣшена. Петръ написалъ къ старшему брату отъ Троицы, что „милостію Божіею врученъ намъ, двумъ особамъ, скипетръ правленія, также и братіямъ нашимъ окрестнымъ государемъ о государствованіи нашемъ извѣстно; а о третьей особѣ, чтобъ быть съ нами въ равенственномъ правленіи, отнюдь не вспоминалось. А какъ сестра наша царевна Софья Алексѣевна государствомъ нашимъ учала владѣть своею волею, и въ томъ владѣніи что явилось

особамъ нашимъ противное, и народу тягости и наше терпѣніе, о томъ тебѣ, государь, извѣстно. А нынѣ злодѣи наши Ѳедька Шакловитый съ товарищи, не удовояся милостію нашею, преступя обѣщаніе свое, умышляли съ иными ворами о убивствѣ надъ нашимъ и матери нашей здоровьемъ, и въ томъ по розыску и съ пытки винились. А теперь, государь братецъ, настоитъ время нашимъ обоимъ особамъ Богомъ врученное намъ царствіе править самимъ, понеже пришли есми въ мѣру возраста своего, а третьему зазорному лицу, сестрѣ нашей съ нашими двумя мужескими особами въ титлахъ и въ расправѣ дѣлъ быти не изволяемъ; на тобъ и твоябъ, государя моего брата, воля склонилася, потому что учала она въ дѣла вступать и въ титла писаться собою безъ нашего изволенія; къ тому же еще и царскимъ вѣнцомъ, для конечной нашей обиды, хотѣла вѣнчаться. Срамно, государь, при нашемъ совершенномъ возрастѣ, тому зазорному лицу государствомъ владѣть мимо насъ! Тебѣ же, государю брату, объявляю и прошу: поволь, государь, мнѣ отеческимъ своимъ изволеніемъ, для лучшія пользы нашей и для народнаго успокоенія, не обсылаясь къ тебѣ, государю, учинить по приказамъ правдивыхъ судей, а неприличныхъ перемѣнить, чтобъ тѣмъ государство наше успокоить и обрадовать вскорѣ. А какъ, государь братецъ, случимся вмѣстѣ, и тогда поставимъ все на мѣрѣ; а я тебя, государя брата, яко отца, почитать готовъ" [99].

Въ этой грамотѣ ничего еще не говорится о будущей участи свергаемой правительницы. Но чрезъ нѣсколько времени пріѣхалъ отъ Троицы въ Москву бояринъ князь Иванъ Борисовичь Троекуровъ съ приказомъ Софьѣ идти въ монастырь; послѣ долгихъ отговорокъ она принуждена была повиноваться и переселилась въ Новодѣвичій монастырь.

Софья была въ монастырѣ, Голицынъ въ ссылкѣ, Шакловитый въ могилѣ, а все еще работали заплечные мастера, все еще продолжались доносы, пытки и казни, по тому же дѣлу. Неизвѣстно по какимъ причинамъ старый стольникъ Безобразовъ долженъ былъ, по неволѣ, отправиться воеводою на Терекъ. Когда онъ находился въ дорогѣ, явился извѣтъ отъ

холопей въ сношеніяхъ его съ Шакловитымъ и съ разными колдунами, которые брались, своими средствами, приворотить къ нему царя Петра и царицу Наталью, чтобъ были къ нему добры и возвратили его въ Москву. На пыткѣ и Безобразовъ и колдуны всѣ повинились: Безобразову отсѣкли голову, двоихъ колдуновъ сожгли въ срубѣ [100].

Уже четыре года спустя, на Бѣлѣозерѣ явились подметныя письма: въ нихъ монахи Кириллова Бѣлозерскаго монастыря обвинялись въ страшно безнравственномъ поведеніи, въ сношеніяхъ съ княземъ В. В. Голицынымъ, въ желаніи испортить царя Петра съ семействомъ. Въ началѣ 1694 года открылось, что составителемъ писемъ былъ монахъ Кириллова монастыря Іоанникій, въ мірѣ Ларіонъ Семеновичь Лопухинъ. Іоанникій повинился, что писалъ письма, желая освободиться изъ монастыря и разстричься. Его били кнутомъ и сослали въ Соловки [101].

Софья была въ монастырѣ; царь Иванъ Алексѣевичь оставался по прежнему царемъ только по имени, занималъ царское мѣсто въ церемоніяхъ, власть перешла къ одному царю Петру. Но семнадцатилѣтній Петръ былъ еще неспособенъ къ управленію государствомъ, онъ еще доучивался, довоспитывалъ себя тѣми средствами, какія самъ нашелъ и какія были по его характеру; у молодаго царя на умѣ были потѣхи, великій человѣкъ объявился послѣ, и тогда только въ потѣхахъ юноши оказались сѣмена великихъ дѣлъ.

Кто же правилъ государствомъ? кто, по крайней мѣрѣ, имѣлъ самое сильное вліяніе въ правительствѣ? Мы видѣли, что у Троицы всѣмъ завѣдывалъ князь Борисъ Голицынъ, потому что былъ умнѣе, энергичнѣе, смѣлѣе всѣхъ. „Князь Борисъ Алексѣевичь Голицынъ распоряжался всѣмъ у Троицы, говоритъ Гордонъ: потому что никто другой не смѣлъ вмѣшиваться въ такое щекотливое дѣло, какимъ оно сначала казалось" [102]. Но мы видѣли также, какое сильное негодованіе навлекъ на себя князь Борисъ со стороны царицы Натальи и ея родственниковъ, выгораживая князя Василья изъ измѣннаго дѣла. Эта ссора съ Нарышкинами повела къ тому, что когда опасность миновала, когда слѣдовательно прошла нужда въ человѣкѣ, способномъ управлять во время опасности,

то князь Борисъ, по возвращеніи двора въ Москву, потерялъ то значеніе, какое онъ имѣлъ у Троицы, и главнымъ лицемъ въ управленіи явился братъ царицы, бояринъ Левъ Кирилловичь съ своими родственниками [103]. Левъ Нарышкинъ сталъ завѣдывать первымъ по своей важности приказомъ-Посольскимъ, хотя и безъ титула оберегателя; князь Борисъ Голицынъ долженъ былъ удовольствоваться приказомъ Казанскаго дворца. Родственники молодой царицы получили свою долю въ лицѣ самаго виднаго изъ нихъ, боярина Петра Абрамовича Лопухина, которому достался приказъ Большаго дворца и Дворцовый судный; Стрѣлецкій приказъ былъ порученъ князю Ив. Бор. Троекурову; Разрядъ боярину Тихону Никитичу Стрѣшневу. Князь Борисъ, потерявши прежнее значеніе, сталъ подвергаться большимъ оскорбленіямъ въ самомъ дворцѣ. Сильно нападали на него Долгорукіе: однажды въ 1691 году князь Яковъ Ѳедоровичь Долгорукій, побранившись съ нимъ во дворцѣ, называлъ его измѣнничьимъ правнукомъ, потому что при Разстригѣ прадѣдъ его въ Яузскихъ воротахъ былъ проповѣдникомъ [104]. Вражда не утихала, и въ слѣдующемъ году, въ хоромахъ царя Петра, Долгорукіе— князь Яковъ и братъ его князь Григорій Ѳедоровичи напали на князя Бориса, обвиняя его, что онъ велѣлъ своему держальнику прибить брата ихъ, князя Бориса: „Ахъ ты пьяница! кричали Долгорукіе: да такихъ же собравъ пьяныхъ, водишь съ собою, и, напоя держальниковъ своихъ, велишь бить брата нашего, и возишь пьяную станицу не въ причинныя мѣста, куда и возить ненадобно, полно увернулся за сани, быть было въ тебѣ ножу, поди теперь, вонъ братъ князь Борисъ дожидается у Спаса вверху, подери его за волосы, такъ изъ тебя и оходы вырежетъ, а се подь сюда, мы скорѣе вырежемъ и выпустимъ кишки и годовалыя дрожжи выбьемъ изъ тебя, ты весь налитъ виномъ. Ты бы самъ, наливъ бѣлки, лучше объ уголъ ударился, чѣмъ брата нашего за волосы драть, ты бы отца своего за бороду дралъ! не дорожи дѣломъ, нынѣ не старая пора, съ мечами стоять не велите“. Съ Долгорукихъ велѣно было взыскать въ пользу обоихъ Голицыныхъ, отца и сына безчестье, 3000 рублей слишкомъ; но

князь Борисъ билъ челомъ, что отецъ его, при кончинѣ своей, приказалъ не брать безчестья, также и онъ, князь Борисъ о своемъ безчестьи на Долгорукихъ не челобитчикъ [105].

Гордонъ называетъ Льва Нарышкина новымъ любимцемъ или новымъ первымъ министромъ, противополагая его старому, т. е. князю Борису Голицыну. Второе названіе—первый министръ, разумѣется, единственно справедливое. Ни Голицынъ, ни Нарышкинъ не были любимцами Петра; любимцемъ его былъ служилый иноземецъ, знаменитый Лефортъ.

О Лефортѣ, его значеніи существуютъ у насъ различныя мнѣнія. Одни говорятъ, что онъ сдѣлался извѣстенъ Петру очень рано, очень рано пріобрѣлъ на него большое вліяніе; [106] другіе утверждаютъ, что Петръ сблизился съ Лефортомъ не ранѣе августа 1689 года, когда Лефортъ прежде другихъ иностранцевъ явился къ Троицѣ и тамъ заявилъ свою привязанность къ Петру [107]. Одни, сочувствующіе дѣлу преобразованія, величаютъ Лефорта благодѣтельнымъ наставникомъ Петра, пробудившимъ его геній; [108] другіе во встрѣчѣ и сближеніи Петра съ Лефортомъ видятъ несчастіе, потому что Лефортъ говорилъ Петру о Русскихъ обычаяхъ съ презрѣніемъ, а все Европейское возвышалъ до небесъ [109]; нѣкоторые наконецъ отвергаютъ всякое вліяніе Лефорта на Петра [110].

Вопросъ о времени, когда Лефортъ сблизился съ Петромъ, не имѣетъ важности: когда бы ни произошло сближеніе, важны только его слѣдствія. Всѣ согласны въ одномъ, что привязанность Петра къ Лефорту была самая сильная и этого довольно. Важный вопросъ состоитъ въ томъ, что за человѣкъ былъ Лефортъ? Мы видѣли, что Россія поворачивала къ западу, и при этомъ поворотѣ встрѣтилась съ западомъ у себя, въ Нѣмецкой слободѣ [111]. Молодой царь, сгарая неудовлетворенною жаждою знанія, уже начинаетъ создавать новое, и тутъ встрѣчается съ людьми, которые были именно призваны для того, чтобъ выучить Русскихъ необходимымъ вещамъ, завести то, что сами Русскіе не могли у себя устроить. Понятно, что царь долженъ былъ обратиться преимущественно къ этимъ людямъ. Но этого мало, что одинъ изъ нихъ выучилъ его разнымъ частямъ математики, другой строилъ

ему кораблики: между иностранцами онъ нашелъ человѣка, къ которому сильно привязался, съ которымъ сталъ неразлученъ: этотъ человѣкъ и былъ Лефортъ.

Лефортъ былъ полнымъ и блестящимъ представителемъ людей, населявшихъ Нѣмецкую слободу. Онъ не имѣлъ прочнаго образованія, не могъ быть учителемъ Петра ни въ какой наукѣ, не былъ мастеромъ никакого дѣла; но это былъ человѣкъ бывалый, необыкновенно живой, ловкій, веселый, открытый, симпатичный, душа общества, мастеръ устроивать пиры на славу. Иностранецъ, могшій выучить Петра геометріи, могшій показать ему употребленіе астролябіи и ограничившійся этимъ, не могъ имѣть вліянія на знаменитаго ученика; но могущественное вліяніе долженъ былъ имѣть человѣкъ съ характеромъ Лефорта, человѣкъ, умѣвшій сдѣлаться неразлучнымъ товарищемъ, другомъ молодаго государя. Это вліяніе не могло обнаружиться въ дѣлахъ внутренняго управленія; Лефортъ, по характеру своему, въ нихъ не вмѣшивался; вліяніе обнаруживалось въ другомъ: Лефортъ возбуждалъ Петра предпринять походъ на Азовъ, уговорилъ ѣхать за границу, по его внушенію царь позволилъ иностранцамъ свободный въѣздъ и выѣздъ [113]. Очевидно, что Петръ, какъ преобразователь въ извѣстномъ направленіи, окончательно опредѣлился въ тотъ періодъ времени, къ которому безспорно относится близкая связь его съ Лефортомъ, т. е. отъ 1690 года до возвращенія изъ-за границы: въ это время онъ ушелъ изъ Москвы въ Нѣмецкую слободу, изъ Нѣмецкой слободы въ западную Европу. И кромѣ неоспоримыхъ свидѣтельствъ, нельзя натягивать, что Петръ относился къ Лефорту только какъ къ веселому товарищу пріятельскихъ бесѣдъ, незамѣнимому въ искусствѣ устроить пиръ на славу: что Петръ ставилъ Лефорта высоко, свидѣтельствуетъ назначеніе его однимъ изъ главныхъ вождей Азовскаго похода, адмираломъ, главою посольства въ западную Европу; еслибъ Петръ смотрѣлъ на Лефорта какъ на веселаго товарища въ пирахъ только, то назначилъ бы его не адмираломъ и не посломъ, а Кокуйскимъ патріархомъ, какъ Зотова. Пусть говорятъ, что Петръ ошибся въ способностяхъ Лефорта, ко-

торый не былъ искуснымъ полководцемъ ни на сушѣ, ни на морѣ: но эта самая ошибка для насъ и важна, ибо показываетъ, какое преувеличенное мнѣніе имѣлъ Петръ о Лефортѣ, какъ слѣдовательно легко подчинялся его вліянію, и не удивительно, если обратимъ вниманіе на возрастъ Петра. Петръ въ 1690 году не былъ тѣмъ Петромъ Великимъ, какимъ онъ былъ въ 1709 или 21 годахъ. Молодой Петръ привязался къ иностранцу Лефорту и далъ ему такое важное значеніе въ государствѣ: возмужалый Петръ, Петръ Великій имѣлъ правиломъ не возводить иностранцевъ на первыя мѣста въ государствѣ.

Лефортъ не вмѣшивался въ дѣла внутренняго управленія, не вмѣшивался въ него и самъ царь, предоставивъ все Льву Нарышкину съ товарищи; молодаго Петра занимали прежнія потѣхи, за которыя иногда приходилось ему дорого платиться: такъ 2 іюня 1690 года, при штурмѣ Семеновскаго двора, ему опалило лице [113]. 4 Сентября подлѣ Преображенскаго происходила примѣрная битва: лучшій стрѣлецкій полкъ — стремянной, состоявшій изъ конныхъ и пѣшихъ стрѣльцовъ, долженъ былъ драться противъ потѣшныхъ, противъ Семеновской пѣхоты и конныхъ царедворцовъ; въ то же время два стрѣлецкихъ полка должны были драться другъ съ другомъ; дрались пока смерклось; много было раненыхъ и обожженныхъ порохомъ [114]. Въ октябрѣ 1691 года „былъ великій и страшный бой у генералиссимуса Фридриха Ромодановскаго, у котораго былъ стольный городъ Пресбургъ. Рейтары ротмистра Петра Алексѣева отличились; отличился и самъ ротмистръ, взявшій въ плѣнъ непріятельскаго генералиссимуса. „И тотъ бой равнялся судному дню [115]"; ближній стольникъ, князь Ив. Дмитр. Долгорукій „отъ тяжкія своея раны, паче же изволеніемъ Божіимъ, переселися въ вѣчные кровы, по чину Адамову, идѣже и всѣмъ намъ по времени быти", писалъ Петръ. Осенью 1694 года происходили бои въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, знаменитый Кожуховскій походъ (подлѣ деревни Кожухова, недалеко отъ Симонова монастыря) [116]. Русскою арміей командовалъ старый генералиссимусъ, князь Ѳедоръ Юрьевичъ Ромодановскій;

у него были потѣшные полки Преображенскій и Семеновскій, выборные полки солдатскіе — Лефортовъ и Бутырскій, три роты гранатчиковъ, восемь выборныхъ ротъ рейтарскихъ, двѣ роты даточныхъ людей, подъ именемъ Нахаловъ и Налетовъ и 20 ротъ стольничьихъ. Непріятельскою арміею командовалъ Польскій король, Ив. Ив. Бутурлинъ, у него были полки стрѣлецкіе, роты изъ дьяковъ и подъячихъ, всего 7,500 человѣкъ. Король защищалъ безъимянную крѣпость, Ромодановскій бралъ ее и, разумѣется, взялъ; бомбардиръ Петръ Алексѣевъ отличился и тутъ, взялъ въ плѣнъ стрѣлецкаго полковника; потерявъ крѣпость, Польскій король засѣлъ въ укрѣпленномъ лагерѣ и упорно отбивался, наконецъ долженъ былъ сдаться. Потѣха не обошлась безъ раненыхъ и даже безъ убитыхъ.

Рядомъ съ потѣхами на сушѣ, шли потѣхи на водѣ. Царь собственноручно построилъ яхту и спустилъ ее на Москву рѣку весною 1691 года [117]; на Переяславской верфи работы продолжались, и царь такъ былъ погруженъ въ нихъ, что въ февралѣ 1692 года Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ и князь Борисъ Алекс. Голицынъ сами ѣздили въ Переяславль уговаривать царя пріѣхать въ Москву для пріема Персидскаго посла [118]. 1 мая былъ спущенъ на озеро первый корабль; [119] въ іюлѣ весь дворъ отправился въ Переяславль и пробылъ тамъ до сентября: царица Наталья, не имѣя возможности удержать сына въ Москвѣ, должна была сама отправляться на мѣсто его любимыхъ потѣхъ.

Но матери трудно было слѣдовать за богатыремъ, который рвался на болѣе широкую воду „охотѣ его равную“. Переяславское озеро стало ему тѣсно; онъ посмотрѣлъ Кубенское— то было мелко. Неодолимая сила тянула его къ морю. Къ матери за благословеніемъ — не пускаетъ; наконецъ, „видя великое желаніе и неотмѣнную охоту“, пустила по неволѣ, взявши обѣщаніе не ходить самому по морю, а только посмотрѣть корабли. Въ іюлѣ 1693 года съ большою свитою царь отправился на сѣверъ къ Архангельску. Какъ только завидѣлъ море, обѣщаніе, данное матери, было забыто: поплылъ провожать иностранные корабли. А мать шлетъ письмо за

письмомъ, пишетъ о возвращеніи: „О томъ, свѣтъ мой, радость моя, сокрушаюсь, что тебя, свѣта моего, не вижу. Писала я къ тебѣ, къ надеждѣ своей, какъ мнѣ тебя, радость свою, ожидать: и ты, свѣтъ мой, опечалилъ меня, что о томъ не отписалъ. Прошу у тебя, свѣта моего, помилуй родшую тя, какъ тебѣ, радость моя, возможно, пріѣзжай къ намъ, не мѣшкавъ. Ей, свѣтъ мой, несносная мнѣ печаль, что ты радость, въ дальнемъ такомъ пути. Буди надъ тобою, свѣтъ мой, милость Божія, и вручаю тебя, радость свою, общей нашей надеждѣ Пресв. Богородицѣ: она тебя, надежда наша, да сохранитъ“.

„И нынѣ подлинно отписать не могу (о своемъ пріѣздѣ), для того что дожидаюсь кораблей, отвѣчаетъ Петръ: а какъ они будутъ, о томъ никто не вѣдаетъ, а ожидаютъ вскорѣ; а какъ они будутъ, и я, искупя что надобеть, поѣду тотчасъ день и ночь. Да о единомъ милости прошу: чего для изволишь печалиться обо мнѣ? Изволила ты писать, что предала меня въ паству матери Божіей; такого пастыря имѣючи, почто печаловать? Тоя бо молитвами и предстательствомъ не точію я единъ, но и міръ сохраняетъ Господь. За симъ благословенія прошу—недостойный Петрушка“.

Петръ пишетъ, что былъ на морѣ—обѣщаніе не сдержано. Новая причина матери безпокоиться, торопить сына, чтобъ возвратился: „Сотвори, свѣтъ мой, надо мною милость, пріѣзжай къ намъ, батюшка мой, не замѣшкавъ. Ей, ей, свѣтъ мой! велика мнѣ печаль, что тебя, свѣта моего—радости, не вижу. Писалъ ты, радость моя, ко мнѣ, что хочешь всѣхъ кораблей дожидаться: и ты, свѣтъ мой, видѣлъ, которые прежде пришли — чего тебѣ, радость моя, тѣхъ дожидаться? Не презри, батюшка мой свѣтъ, сего прошенія. Писалъ ты, радость моя, ко мнѣ, что былъ на морѣ: и ты свѣтъ мой, обѣщался мнѣ, что было не ходить“.

А у сына было на умѣ, какъ бы пойти подальше на будущій годъ. Онъ устроилъ верфь въ Архангельскѣ, заложилъ корабль, другой заказалъ въ Голландіи. По праздникамъ ходилъ въ церковь, самъ читалъ апостолъ и пѣлъ съ пѣвчими на крылосѣ; обѣдывалъ у архіепископа Аѳанасія, съ кото-

рымъ, между прочимъ, толковалъ о плаваніи по морямъ и рѣкамъ, кораблями и другими судами; обѣдывалъ и ужиналъ у иностранныхъ купцовъ и корабельныхъ капитановъ, которые могли поразказать ему такъ много любопытнаго.

Сжегши фейерверкъ, Петръ 19 сентября выѣхалъ изъ Архангельска въ Москву. Здѣсь всю осень работалъ надъ приготовленіями къ новому морскому походу, и принялъ званіе шкипера вмѣсто бомбардира. На этотъ разъ помѣхи быть не могло къ морскому походу: 25 января 1694 года умерла царица Наталья Кирилловна, на 42 году своей жизни, послѣ пятидневной болѣзни. Петръ оплакивалъ кончину матери чрезвычайно, записалъ очевидецъ [120]. Послѣ похоронъ (26 числа) вечеромъ явились къ царю братья и родственники покойницы, и приходъ ихъ причинилъ новую чрезмѣрную скорбь; черезъ день, 28 числа записано, что Петръ былъ на праздникѣ у Лефорта, на другой день тамъ же. Но не одни пиры Лефорта развлекали Петра въ его горѣ: „Ѳедоръ Матвѣевичь! писалъ онъ къ Двинскому воеводѣ Апраксину [121]: Бѣду свою и послѣднюю печаль глухо объявляю, о которой подробно писать рука моя не можетъ, купно же и сердце. По сихъ, яко Ной, отъ бѣды мало отдохнувъ и о невозвратномъ оставя, о живомъ пишу“. Это живое состояло въ томъ, чтобъ приготовлено было все нужное для строенія новаго корабля въ Архангельскѣ.

1 мая Петръ отправился во второй морской походъ, которому приданъ былъ такой же потѣшный характеръ, какъ и сухопутнымъ походамъ: адмираломъ былъ назначенъ извѣстный генералиссимусъ, князь Ѳ. Ю. Ромодановскій „человѣкъ зѣло смѣлый къ войнѣ, а паче къ водяному пути“, какъ въ шутку выражался объ немъ Петръ [122]; вице-адмираломъ бывшій Польскій король И. И. Бутурлинъ, контръ-адмираломъ (шаутбенахтомъ) Гордонъ. Первымъ дѣломъ Петра по пріѣздѣ въ Архангельскъ былъ спускъ на воду корабля, который заложилъ онъ прошлый годъ. Потомъ царь отправился на яхтѣ св. Петръ въ Соловки; на дорогѣ поднялась страшная буря; кораблекрушеніе казалось неминуемо, Петръ пріобщился уже св. Таинъ изъ рукъ сопровождавшаго его архіепископа

Аѳанасія; къ счастію нашелся искусный кормчій, Антонъ Тимоѳеевъ, который успѣлъ ввести яхту въ Унскую губу, и и они стали на якорѣ близь Пертоминскаго монастыря. Собственными руками Петръ сдѣлалъ крестъ въ полторы сажени вышиною и поставилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ вышелъ на берегъ: на крестѣ виднѣлась Голландская надпись: „Сей крестъ сдѣлалъ шкиперъ Петръ въ лѣто Христово 1694.“

Побывавъ въ Соловецкомъ монастырѣ, Петръ возвратился въ Архангельскъ, гдѣ спущенный передъ тѣмъ на воду корабль былъ оснащенъ, вооруженъ и названъ св. Павелъ; ждали съ нетерпѣніемъ корабля, заказаннаго въ Голландіи, наконецъ и онъ явился. то былъ сорокачетырехъпушечный фрегатъ Santa profeetie (св. Пророчество). Радость при полученіи этого сокровища ознаменовалась, по обычаю, большими пирами: „Что давно желали, нынѣ совершилось, писалъ Петръ въ Москву къ своимъ: пространнѣе писать буду въ настоящей почтѣ; а нынѣ обвеселяся, неудобно пространно писать, паче же и нельзя: понеже при такихъ случаяхъ всегда Бахусъ почитается, который своими листьями заслоняетъ очи хотящимъ пространно писати.“ Послѣ пировъ царь съ своимъ флотомъ, состоявшимъ изъ трехъ кораблей, отправился провожать иностранные корабли и доплылъ до Святаго Носа, крайняго пункта на Бѣломъ морѣ. Въ первыхъ числахъ сентября Петръ былъ уже въ Москвѣ [123].

Кромѣ этихъ потѣхъ было еще одно любимое удовольствіе молодаго Петра — приготовленіе и сожженіе фейерверковъ. Во всѣхъ потѣхахъ участвовала компанія, эта знаменитая дружина, собранная изъ людей разныхъ сословій, разнаго происхожденія, побратавшихся во имя своего вождя, бомбардира и шкипера. Петръ, не смотря на свою молодость и потѣшный характеръ своихъ занятій, успѣлъ уже изъ окружающаго общества притянуть къ себѣ лучшія силы, взять лучшихъ людей, отличавшихся тою или другою способностію. Относительно этихъ способностей насъ не должны смущать какія-нибудь иностранныя извѣстія, что тотъ или другой изъ сотрудниковъ Петра имѣлъ мало свѣдѣній въ томъ дѣлѣ, которое было ему ввѣрено: странно было бы предположить,

чтобъ Петръ могъ найти сонмъ геніальныхъ людей, которые вдругъ, какимъ-нибудь чудомъ, могли бы пріобрѣсти полное приготовленіе. Если бы Петръ хотѣлъ окружить себя только людьми вполнѣ приготовленными, то онъ долженъ былъ бы окружить себя одними иностранцами, отстранивъ всѣхъ Русскихъ; но этого то онъ именно и не хотѣлъ, и всѣ важнѣйшія должности поручалъ Русскимъ, хотя бы и недостаточно приготовленнымъ, но способнымъ людямъ, ибо ему ненужно было дѣлать новое дѣло чужими руками, что было бы легко для него, но не прибыльно для Россіи: ему нужно было пріучать русскія руки къ новому, необходимому дѣлу. Но понятно, что съ самаго же начала иностранцы, долженствовавшіе служить своими свѣдѣніями новому дѣлу, были необходимы, и подлѣ русскихъ мы встрѣчаемъ въ компаніи иностранцевъ, обрусѣлыхъ и необрусѣлыхъ еще, подлѣ Ромодановскаго, Плещеева, Стрѣшнева, Апраксина, Головкина, Трубецкаго, Куракина, Репнина, Бутурлина, Матвѣева, Головина, видимъ Виніуса, Вейде, Кревета, Брюса. Люди, владѣвшіе могущественнымъ средствомъ пріобрѣтенія знаній, иностранными языками, выдвинулись, и тѣ изъ нихъ, которые были способны воспользоваться своимъ знаніемъ, были способны къ многообразной и сильной дѣятельности, были притянуты Петромъ. Такъ однимъ изъ близкихъ къ нему людей сдѣлался думный дьякъ Андрей Андреевичь Виніусъ. Сынъ извѣстнаго намъ голландскаго выходца Андрея Денисова Виніуса, Андрей Андреевичь родился въ Россіи, обрусѣлъ, былъ православный, отъ Русскихъ отличался только своимъ образованіемъ, еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ былъ извѣстенъ какъ переводчикъ книгъ, составитель краткой географіи [124]. Теперь уже старикъ, Виніусъ откликнулся на зовъ молодаго преобразователя, и мы увидимъ многообразную, изумительную въ его годы дѣятельность. Подобною же дѣятельностію отличался и переводчикъ Англійскаго языка въ посольскомъ приказѣ—Креветъ; въ Посольскомъ приказѣ сидѣлъ еще переводчикъ—Шафировъ: это будущій вицеканцлеръ. Дѣла было много, рукъ мало, и члены дружины должны были заниматься многими дѣлами, по примѣру своего вождя-бомбардира, шкипера и корабельнаго плотника.

марсовыхъ и нептуновыхъ потѣхъ дружина отдыхала на веселыхъ пирахъ, въ сильной борьбѣ съ иностранцемъ Бахусомъ и своимъ доморощеннымъ Ивашкою Хмельницкимъ. Какъ на сухопутныхъ и морскихъ потѣхахъ генералиссимусомъ и адмираломъ былъ Ромодановскій, а Петръ ротмистромъ, бомбардиромъ или шкиперомъ, такъ и на пирахъ главою компаніи былъ Никита Зотовъ „Всешутѣйшій отецъ Іоаникитъ, Пресбургскій, Кокуйскій и всеяузскій патріархъ" [125]. Петръ былъ и здѣсь только дьякономъ. На святкахъ компанія ѣздила Христа славить; самъ царь ѣздилъ по всѣмъ боярамъ и палатнымъ людямъ, Зотовъ ѣздилъ къ купцамъ [126]. Въ генварѣ 1694 года было большое торжество: женился шутъ Яковъ Тургеневъ на дьячьей женѣ; а за нимъ въ поѣзду были бояре, окольничіе, думные и всѣхъ чиновъ палатные люди; а ѣхали они на быкахъ, на козлахъ, на свиньяхъ, на собакахъ, а въ платьяхъ были смѣшныхъ: въ куляхъ мочальныхъ, въ шляпахъ лычныхъ, въ крашенинныхъ кафтанахъ, опушенныхъ кошачьими лапами, въ сѣрыхъ разноцвѣтныхъ кафтанахъ, опушенныхъ бѣльими хвостами, въ соломенныхъ сапогахъ, въ мышьихъ рукавицахъ, въ лубочныхъ шапкахъ. А Тургеневъ самъ ѣхалъ съ женою въ государской лучшей бархатной каретѣ; а за нимъ шли Трубецкіе, Шереметевы, Голицыны, Гагины въ бархатныхъ кафтанахъ; женился онъ Яковъ въ шатрахъ на полѣ между Преображенскимъ и Семеновскимъ, и тутъ былъ банкетъ великій три дня [127].

Когда молодой царь съ своей компаніею потѣшался такимъ образомъ, въ остальномъ обществѣ происходили явленія, которыя съ одной стороны, объясняли поведеніе компаніи, съ другой показывали, какъ необходимо было обществу обновленіе, котораго собственными внутренними средствами оно достигнуть не могло. Вотъ печальная лѣтопись:

Въ 1693 году била челомъ казначея царевича Алексѣя Петровича, Татьяна, вдова стольника Всеволожскаго, что въ домѣ боярина Кондратья Ѳомича Нарышкина, при бояринѣ и другихъ свидѣтеляхъ стольникъ Аѳанасій Короваевъ называлъ ее воровкою. Свидѣтели показали: Короваевъ говорилъ, что Всеволожская воровка, и еслибъ такъ пріѣхала къ нему

Аөанасью, какъ пріѣзжала къ Степану Өефилатьев[illegible] бы ее срубилъ. „Уже и жонки ѣздятъ по разбоямъ!“ говорилъ Короваевъ, и когда Нарышкинъ спросилъ его: кто жонки? отвѣчалъ: Македонская княгиня [128] за воровство на площадь вывожена и на плаху кладена, а вдова Татьяна пріѣзжала къ Өефилатьеву двора зажигать. Короваевъ показалъ, что онъ былъ у Нарышкина бить челомъ о родственникѣ своемъ Степанѣ Өефилатьевѣ по дѣлу его съ Всеволожскою. Татьянѣ доправлено безчестье по уложенью [129].

Князь Александръ Крупскій битъ кнутомъ за то, что жену убилъ. Въ 1694 году явились въ воровствѣ по язычной молвкѣ, стольники Владиміръ съ братомъ Васильемъ Шереметевы; въ этомъ дѣлѣ пытаны князь Ив. Ухтомскій, Левъ и Григорій Ползиковы, Леонтій Шеншинъ; языки на нихъ съ пытки говорили, что на Москвѣ они пріѣзжали середи бѣла дня къ посадскимъ мужикамъ и домы ихъ грабили, смертныя убійства чинили и назывались большими. Шереметевы были освобождены на поруки и даны для береженья боярину Петру Вас. Шереметеву; и послѣ того языки ихъ казнены. Въ томъ же году измѣнилъ Өедоръ Дашковъ, поѣхалъ было служить къ Польскому королю; пойманъ на рубежѣ, распрашиванъ и повинился въ отъѣздѣ; изъ Смоленска присланъ скованный въ Москву, въ Посольскій приказъ, а изъ Посольскаго приказа освобожденъ, потому что далъ думному дьяку Емельяну Украинцеву двѣсти золотыхъ. Въ 1693 году послана была царская грамота Алатырскому воеводѣ о посылкѣ стрѣльцовъ въ Печерскую пустынь для обереженія богомольцевъ отъ разбойниковъ: „въ ту пустынь ежегодно, іюля къ 8 числу, къ чудотворному образу Казанской Богородицы бываетъ съѣздъ для богомолья, и въ то же время отъ воровскихъ людей и отъ разбойниковъ на пустынь, и на братію, и на богомольцевъ бываетъ всякое разореніе и разграбленіе, и въ прошлыхъ годахъ ту Печерскую пустынь разбойники разбивали не по одно время.“ Въ томъ же году, по указу великихъ государей, въ Сольвычегодскѣ, бывшему земскому всеуѣздному старостѣ Пачезерской волости крестьянину Степану Пустынникову велѣно учинить наказанье: на площади передъ приказной

избою бить батоги, снявъ рубаху, нещадно, для того что онъ, будучи въ малыхъ числахъ (короткое время) во всеуѣздныхъ старостахъ, по совѣту съ малыми людьми, безъ вѣдома Усольцевъ посадскихъ и уѣздныхъ людей, билъ челомъ великимъ государямъ, будто со всего мірскаго вѣдома, о Максимкѣ и Ѳедькѣ Пивоваровыхъ, чтобъ имъ быть по прежнему въ приказной избѣ въ подъячихъ, и къ той челобитной онъ Стенька дважды руку приложилъ: вверху подписался старостою Стенькою Пустынниковымъ, а въ другой разъ вмѣсто выборнаго Козырева и за себя подписался крестьяниномъ Пачезерской волости Стенькою Ѳедоровымъ; кромѣ того посылалъ челобитную, будто отъ всего міра, на именитаго человѣка Григорія Дмитріевича Строганова; писалъ челобитье, въ которомъ челобитье архимандрита Введенскаго монастыря называлъ ложнымъ, затѣйнымъ и своевольнымъ, писалъ, что отъ этого въ мірѣ учинилась смута; къ своему выбору и къ челобитнымъ велѣлъ прикладывать руки выборнымъ и посадскимъ и уѣзднымъ людямъ, а посадскіе люди и волостные крестьяне съ мірскаго совѣта его въ старосты не выбирали, и выборному посадскому и волостнымъ выборнымъ его выбирать не велѣли [130].

Понимали, что дѣла идутъ дурно, что такъ нельзя быть, но какъ помочь бѣдѣ?—мнѣнія дѣлились: одни говорили, что за моремъ лучше и надобно смотрѣть туда; другіе повторяли, что надобно прежде всего выгнать Нѣмцевъ, отъ которыхъ все зло. Послѣдняго мнѣнія держался, какъ мы видѣли, патріархъ Іоакимъ. Онъ торжествовалъ съ паденіемъ Софьи: врагъ его Медвѣдевъ былъ растриженъ, повинился въ ереси, казненъ какъ измѣнникъ, Малороссійскіе духовные спѣшили увѣреніями, что во всемъ согласны съ святѣйшимъ. Къ Барановичу, который отговаривался Малороссійскимъ обычаемъ, послана патріаршая грамота: „Писали мы къ тебѣ, желая вѣдать согласіе и единомысліе твое къ св. восточной церкви и къ намъ, архипастырю твоему; и твое боголюбіе, презирая и въ ничто полагая насъ, отца и архипастыря твоего, по прошествіи многаго времени едва отписалъ, и то не по твоей мудрости: мы тебя спрашивали объ одномъ, а ты отвѣчалъ о

другомъ. Мы тебѣ предложили отъ востока, а ты, отскочивши въ противную сторону, говоришь отъ запада; и простому человѣку стыдно такъ говорить; вмѣсто того, чтобъ противопоставить намъ обычай, преданный св. отцами, ты толкуешь о своемъ застарѣломъ обычаѣ и о новшествахъ, обрѣтающихся неосмотрѣнно въ новосочиняемыхъ вашихъ книгахъ. Изъяви намъ все искренно и немедленно, да не обнаружится передъ нами твое непокорство и презрѣніе. Или ты одинъ внѣ власти намъ данной? Митрополитъ Гедеонъ и архимандритъ Варлаамъ прислали намъ свое согласіе и единоуміе во всемъ. Коли ты намъ о себѣ не извѣстишь, не смѣй священнодѣйствовать до совершеннаго о тебѣ суда; да знаешь главу и отца твоего и да научишься не быть презорливъ и непослушливъ къ архипастырю своему и къ восточтой церкви святой. Если же будешь согласенъ съ св. восточною церковію и объявишь немедленно свое согласіе и единоуміе съ нами, то священнодѣйствуй невозбранно.“

В. В. Голицынъ, покровитель іезуитовъ, сосланъ, и патріархъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, бьетъ челомъ, что „Езувиты живутъ на Москвѣ многое время безъ дѣла, а прежде сего изстари при предкахъ государскихъ Римскіе Езувиты въ Московскомъ государствѣ никогда не были и не живали; а нынѣ живучи они Езувиты на Москвѣ, чинятъ многую св. соборной апостольской церкви и догматомъ ея противность печатными письмами и образами на полотнахъ и на роговой кости, также и иными прелестями, а у св. соборной апостольской восточной церкви съ западнымъ Римскимъ костеломъ многія несходства, и чтобъ великіе государи больше сего имъ Езувитамъ за такими вышепомянутыми препятствіями въ Московскомъ государствѣ жить не поволили.“ Великіе государи указали: „Езувитовъ (Давида и Товію) съ Москвы отпустить милостиво и дать имъ жалованье и подводы до Литовскаго рубежа.“ Іезуиты били челомъ, чтобъ позволено имъ было описаться объ отпускѣ своемъ къ цесарскому величеству, и дать бы имъ сроку до тѣхъ поръ, пока они продадутъ дворъ свой въ Нѣмецкой слободѣ, который купленъ изъ цесарской казны, и сами въ дорогу уберутся.

Пересылаться имъ съ цесаремъ не позволили и для сборовъ въ дорогу дали только два дня. Чтобъ впередъ іезуиты какъ нибудь не прокрались въ Россію, изданъ былъ указъ: „Великіе государи указали для братской дружбы съ его цесарскимъ величествомъ, быть на Москвѣ при одномъ ксендзѣ и другому, толькобъ тѣ ксендзы, живучи на Москвѣ, ни въ какія неподлежащія и не въ свои дѣла не вступались и вѣрѣ грекороссійской никакой противности не чинили и Русскихъ людей не отвращали, и въ домы къ Русскимъ людямъ не ходили, а службу отправляли въ домахъ у начальныхъ людей Римской вѣры, также бы и чрезъ почты какъ вѣстовыхъ, такъ и затѣйныхъ никакихъ писемъ въ иныя государства отнюдь не писали и не посылали, и подъ именемъ тѣхъ ксендзовъ въ ихъ ксендзовскомъ платьѣ не жилибъ на Москвѣ Езуиты, а былибъ тѣ ксендзы свѣтскіе плебаны, а не Езуиты; а буде вмѣсто тѣхъ плебановъ объявятся на Москвѣ Езуиты, и тѣ Езуиты, также и плебаны высланы будутъ съ Москвы вовсе и впредь имъ на Москвѣ жить будетъ не позволено“ [131].

Въ торжествѣ своемъ надъ Медвѣдевымъ и езуитами, Іоакимъ, разумѣется, не могъ стать ласковѣе къ служилымъ иноземцамъ, противъ которыхъ сильно вооружался и прежде. 28 февраля 1690 года, по случаю рожденія царевича Алексѣя Петровича, знатнѣйшіе изъ этихъ иноземцевъ должны были обѣдать за царскимъ столомъ: патріархъ настоялъ, чтобъ ихъ не было за столомъ [132], и это въ то время, когда молодой царь и вельможи его не могли обойтись безъ иностранцевъ, сами ѣздили къ нимъ и къ себѣ постоянно приглашали. Передъ смертію (въ мартѣ 1690 года) Іоакимъ составилъ завѣщаніе, въ которомъ увѣщевалъ государей не допускать православныхъ христіанъ дружиться съ еретиками иновѣрцами, Латинами, Лютерами, Калвинами и безбожными Татарами, не давать иновѣрцамъ строить свои мольбища, а которыя уже построены, разорить; чтобъ запретили въ полкахъ и во всемъ государствѣ проклятымъ еретикамъ быть начальниками: „какая отъ нихъ православному воинству можетъ быть помощь? только гнѣвъ Божій наводятъ. Когда православные молятся, тогда еретики спятъ; христіане просятъ помощи у Богороди-

цы и всѣхъ святыхъ — еретики надъ всѣмъ этимъ смѣются; христіане постятся—еретики никогда. Начальствуютъ волки надъ агнцами! Благодатію Божіею въ Русскомъ царствѣ людей благочестивыхъ, въ ратоборствѣ искусныхъ очень много. Опять напоминаю, чтобъ иновѣрцамъ еретикамъ костеловъ Римскихъ, кирокъ Нѣмецкихъ, Татарамъ мечетей не давать строить нигдѣ, новыхъ латинскихъ и иностранныхъ обычаевъ и въ платьѣ перемѣнъ по иноземски не вводить. Удивляюсь царскаго синклита совѣтникамъ палатнымъ и правителямъ, которые на посольствахъ въ иныхъ земляхъ бывали, видѣли, что всякое государство свои нравы и обычаи имѣетъ въ одеждахъ и поступкахъ, свое держатъ, чужаго не принимаютъ, чужихъ вѣръ людямъ никакихъ достоинствъ не даютъ, молитвенныхъ храмовъ имъ строить не позволяютъ: въ Нѣмецкихъ государствахъ есть ли гдѣ церковь благочестивой вѣры?“ [133].

Не ранѣе трехъ мѣсяцевъ по смерти Іоакима, въ іюлѣ 1690 года соборъ началъ разсуждать о выборѣ ему преемника: высшіе указывали на Маркелла, митрополита Псковскаго, человѣка ученаго и образованнаго, низшіе были противъ Маркелла, и указывали на Адріана, митрополита Казанскаго. Царь Петръ присталъ къ архіереямъ и хотѣлъ Маркелла, но царица Наталья Кирилловна съ архимандритами, игуменами и низшимъ духовенствомъ стояла за Адріана. Врагамъ Маркелла не нравилась его обширная ученость и они говорили, что ученый патріархъ будетъ благопріятствовать иновѣрцамъ; какой-то архимандритъ подалъ царицѣ сочиненіе, гдѣ обличалъ Маркелла въ ереси. Враги Маркелла пересилили, и Адріанъ былъ возведенъ на патріаршество [134].

Новый патріархъ не могъ не обратить вниманія на страшное зло, семейную неурядицу, происходившую отъ неправильныхъ отношеній двухъ половъ, отъ страннаго способа заключенія браковъ. Въ ноябрѣ 1693 года Адріанъ издалъ указъ: „Священницы сопружествующіе согласія жениха и невѣсты не истязуютъ и небрежно о семъ имутъ, множицею и не хотящe едино лице другому и не любящися между собою сопружествуютъ и по сицевому началу и прочее житіе тѣхъ

мужа и жены бываетъ бѣдно и другъ другу навѣтно и дѣтей безприжитно, и то творится велми грѣшно и пребеззаконно: и великій господинъ указалъ досматривать, чтобъ отнынѣ къ вѣнчанію приходящихъ жениха и невѣсту священникомъ поособно истязовати и накрѣпко допрашивати, по любви ли и согласію другъ другу сопружествуются, а не отъ насиліяли или неволи каковы, а будетъ женское лицо, а паче дѣвицы стыдятся сіе рещи, допрашивати родители ея, паче же матерь, или аще матери не имать, сестры ея допрашивать о томъ, и аще кое ихъ лице, паче же дѣвическое совершенно умолчитъ или иное каковое знаменіе появитъ, отвращеніе лица отъ сопружника, плеваніе или отрясеніе руками, и таковыхъ не сопружествовати, дондеже совершенное согласіе ко другъ другу появятъ“ [185]. Разумѣется, средства, предложенныя въ указѣ, не могли уничтожить или ослабить зло; странно было допрашивать отца и мать, когда браки заключались по ихъ единственно волѣ; но указъ этотъ очень важенъ для насъ въ томъ отношеніи, что служитъ введеніемъ къ послѣдующимъ мѣрамъ Петра на счетъ заключенія браковъ.

Правительство свѣтское должно было обратить вниманіе на безчинства, которыя позволяли себѣ безмѣстные монахи и монахини, попы и дьяконы. Въ мартѣ 1694 года состоялся именной указъ: „Буде безмѣстные чернецы и черницы въ Кремлѣ, Китаѣ, Земляномъ городѣ, и попы и дьяконы безмѣстные же, безчинно и неискусно, также которые гулящіе люди, подвязавъ руки или ноги, а иные глаза завѣся и зажмуря, будто слѣпы и хромы, притворнымъ лукавствомъ просятъ на Христово имя милостыни, а по осмотру они всѣмъ здоровы: и тѣхъ чернецовъ и черницъ, и поповъ и дьяконовъ имать и приводить ихъ въ Стрѣлецкій приказъ, а изъ Стрѣлецкаго приказа отсылать въ патріаршій приказъ, чтобъ отнюдь чернецы и черницы и безмѣстные попы и дьяконы по улицамъ нигдѣ не бродили и по кабакамъ не водились“ [186]. Еще прежде Новгородскій митрополитъ Корнилій велѣлъ своимъ подъячимъ и недѣльщикамъ хватать на Кружечныхъ дворахъ лица духовнаго званія, также и по улицамъ въ нетрезвомъ видѣ и

приводить въ митрополичій приказъ „и отъ того себѣ скуповъ и поминокъ не имать и ихъ не отпускать“ [137].

Борьба съ раскольниками продолжалась въ прежней силѣ.

Мы видѣли, что козаки-раскольники ушли съ Дону на рѣку Аграхань, во владѣнія шевкала Тарковскаго. Въ началѣ 1691 года былъ отправленъ къ нимъ съ призывною грамотою дворянинъ Басовъ. Когда въ половинѣ марта онъ пріѣхалъ на Донъ и потребовалъ у тамошнихъ козаковъ, чтобъ они дали ему провожатыхъ и отпустили на Аграхань, то козаки отвѣчали: „Отпустить намъ тебя нельзя, потому что мы уже разъ посылали къ раскольникамъ съ царскою же грамотою, и они одного посланнаго убили и двоихъ другихъ отпустили на Донъ и съ ними къ намъ приказали, чтобъ мы отнюдь впередъ съ государевыми грамотами и войсковыми письмами къ нимъ никого не присылали, а пришлемъ, то всѣхъ побьютъ“. Послали въ Москву къ великимъ государямъ за указомъ; указъ пришелъ: ѣхать Басову на Терекъ ко вдовѣ князя Алегука Сунгеневича Черкаскаго, княгинѣ Таукѣ Салтанобековнѣ, и какъ она велитъ ему поступать, такъ и дѣлать. Басовъ взялъ троихъ козаковъ съ Дону и поѣхалъ къ княгинѣ Таукѣ на Царицынъ, на Астрахань и на Терекъ, изъ Терека пріѣхалъ въ улусы къ княгинѣ Таукѣ. Выслушавъ, въ чемъ дѣло, княгиня послала въ улусы къ шевкалову брату Алибеку, чтобъ пріѣхалъ съ нею повидаться. Алибекъ пріѣхалъ и Таука говорила ему, чтобъ взялъ Басова съ козаками и отвезъ ихъ къ брату своему шевкалу и самъ уговаривалъ бы его, чтобъ отдалъ въ царскую сторону бѣглыхъ съ Дону козаковъ раскольниковъ. Поѣхали къ шевкалу; тотъ, выслушавши Басова, отвѣчалъ: „Козаки пришли ко мнѣ съ Дону волею, и живутъ въ моемъ владѣньи по воли же, я за ними не посылалъ и выслать мнѣ ихъ неволею нельзя, потому что у насъ такъ не водится, почитаю я ихъ у себя за гостей; а чтобъ они великимъ государямъ вины свои принесли и шли жить по прежнему на Донъ, о томъ я говорить имъ буду и милостію государскою обнадеживать, какъ возможно, но обратятся ли и пойдутъ ли на Донъ или нѣтъ, того не вѣдаю; если пойдутъ, то я ихъ держать не стану, отпущу тот-

часъ; а ты бы къ нимъ не ѣздилъ, если поѣдешь, то убьютъ они тебя до смерти, обошлюсь съ ними я".

Послалъ шевкалъ къ раскольникамъ въ первый разъ есаула; есаулъ возвратился съ отвѣтомъ, что козаки ѣздить къ себѣ Басову не велѣли, а пріѣдетъ, убьютъ. Послалъ шевкалъ въ другой разъ брата своего Алибека; тотъ привезъ отвѣтъ подробнѣе, раскольники говорили: „Чтобъ впередъ къ намъ изъ Москвы и съ Дону никого не присылали и людей попапрасну не теряли; намъ здѣсь жить хорошо и повольно, шевкалъ вѣры у насъ не отнимаетъ, живемъ какъ хотимъ, вѣру держимъ какъ кто знаетъ, нужды намъ никакой нѣтъ, идти намъ назадъ въ домы за какимъ добромъ? знаемъ что̀ намъ будетъ!"

Чрезъ нѣсколько времени пріѣхали къ шевкалу отъ раскольниковъ четыре человѣка, долго сидѣли у шевкала, а потомъ видѣлись и съ Басовымъ; тотъ ихъ всячески увѣщевалъ, царскою милостію обнадеживалъ и давалъ имъ государскую грамоту; но раскольники грамоты не приняли и говорили: „ваши цари солгали головѣ нашему шевкалу въ жалованьѣ, обѣщаннаго не прислали, а намъ и подавна солгутъ; а хотя и ратныхъ людей на насъ пошлютъ, то намъ вѣсть будетъ изъ Астрахани отъ иноземцевъ тотчасъ, и по вѣдомости пойдемъ мы къ хану въ Большую Кабарду, а тамъ намъ никто ничего не сдѣлаетъ." Басовъ узналъ навѣрное, что шевкалъ раскольниковъ не выдастъ, потому что съ ними вмѣстѣ воруетъ, посылаетъ людей своихъ съ ними на море грабить и половину добычи беретъ себѣ [138].

Въ началѣ 1693 года атаманъ козаковъ-раскольниковъ, Семенъ Саратовецъ съ семью товарищами явился къ Крымскому хану съ жалобою на Кумыковъ, ханскихъ подданныхъ, которые осенью напали на козаковъ и взяли въ плѣнъ 250 человѣкъ женъ и дѣтей, кромѣ того отбили всю добычу, которую взяли раскольники, разбивши два Персидскія судна. Козаки просили управы у хана, просили также указать мѣсто, гдѣ бы имъ поселиться на Кумѣ рѣкѣ особо, а между Кумыками и Черкесами жить больше не хотятъ. Въ думѣ у хана было приговорено исполнить всѣ просьбы козаковъ, при

чемъ ханъ обѣщалъ дать имъ двѣ пушки съ припасами. Въ это время въ Крыму жилъ русскій гонецъ Айтемировъ; толмачъ его, при встрѣчѣ съ Саратовцемъ, спросилъ его: „Для чего вы милость государскую къ себѣ забыли и, оставя христіанство, какого добра у бусурманъ себѣ ищете?“—Саратовецъ отвѣчалъ: „А какъ намъ на Дону жить? старую вѣру нынѣ выводятъ, а держатъ новую, и крестное сложеніе не такъ какъ прежде бывало, и для той новой вѣры съ Дону у насъ къ Москвѣ забрали людей добрыхъ и заслуженыхъ, Кирѣя Матвѣева съ товарищи и показнили невѣдомо за что, и намъ на Дону по этому жить нельзя. Увидимъ мы и здѣшнюю Татарскую правду, какъ они намъ все отдадутъ; а если Татары ничего добраго намъ не сдѣлаютъ, то мы знаемъ дорогу и на Донъ по прежнему, и надѣемся, что великіе государи принять насъ туда укажутъ“ [139].

Какъ видно раскольники были удовлетворены, потому что въ Іюнѣ 1693 года, Черноярскій воевода доносилъ Астраханскому, что 6 іюня прибѣжали безвѣстно сверху изъ стана воровскіе воинскіе люди, человѣкъ сотъ съ пять и болѣе и къ городу приступали, и съ тѣми воровскими воинскими людьми бой былъ долгое время, а знатно съ тѣми ворами были раскольщики козаки. Астраханскій воевода отвѣчалъ Черноярскому: писалъ съ Дону атаманъ Фролъ Минаевъ, что вышли къ нимъ въ войско изъ за Кубани два полоняника и сказали: воровскіе козаки раскольщики, которые живутъ за Кубанью, собираются идти, соединясь съ Крымскими и Едисанскими мурзами, большимъ собраніемъ, для воровства, подъ царицынскую заставу къ Волгѣ рѣкѣ, на рыбныя ватаги и къ Черному яру [140].

Съ сѣвера также неутѣшительныя вѣсти: въ мартѣ 1690 года въ Устюжскомъ уѣздѣ, вь Черевковской волости сожглось болѣе сотни раскольниковъ, мужчинъ, женщинъ и младенцевъ. 21 іюля 1693 года пришли силою въ Пудожскій погостъ раскольники, незнаемые люди и жители того же погоста, вошли въ церковь, били вполохъ въ церковные колокола, церковь у поповъ отняли и засѣли, самихъ поповъ били, домы ихъ разграбили и раззорили, а по сметѣ раскольни-

ковъ было ста два и больше, между ними монахъ и много дьячковъ, одинъ назывался Васильемъ Емельяновымъ, котораго другіе называли учителемъ. Раскольщики влезли на церковныя главы, и кресты на нихъ и внутри церкви иконы водою обмывали; при этомъ три женщины были будто внѣ ума, а какъ образумились, говорили, что въ церквахъ надобно дѣйствовать Василью Емельянову съ совѣтниками, а попамъ отказать. По царскому указу Олонецкіе воеводы послали на раскольниковъ сотника стрѣлецкаго и подъячаго. Посланные, узнавъ, что раскольники засѣли въ деревнѣ Строкиной въ четырехъ избахъ, отправились съ понятыми людьми ихъ уговаривать, чтобъ принесли покаяніе; но раскольники въ отвѣтъ говорили всякія богомерзкія слова; на церковь и на четвероконечный крестъ великую хулу износили; стрѣльцы обступили около дворовъ и хотѣли перехватать раскольниковъ живыми, но тѣ начали отстрѣливаться; стрѣльцы стали просѣкать стѣны, тогда раскольники зажгли избы и сгорѣли всѣ безъ остатка. Въ Оленецкихъ мѣстахъ образовался знаменитый Выговскій монастырь, о началѣ котораго разсказывалъ крестьянинъ Терентій Артемьевъ, изъ Шуйскаго погоста Мунозерской волости: „Приходилъ въ нашу деревню Екъ-наволокъ къ сестрѣ своей въ гости той же волости крестьянинъ Митрошка Терентьевъ, и, призвавши меня, началъ подговаривать въ расколъ на лѣса за Онѣжское озеро. Я его послушалъ и съ нимъ въ расколъ пошелъ; да съ нами же шли прежніе его Митрошкины товарищи, и пришли мы пять человѣкъ въ Шуйскій погостъ въ вотчину Тихвина монастыря къ празднику къ Благовѣщеньеву дню и жили въ деревнѣ на Хашозерѣ двѣ недѣли для распутнаго времени. Жили мы у Митрошкиныхъ совѣтниковъ, и приходили къ Митрошкѣ на совѣтъ для расколу крестьяне Шуйскаго погоста, совѣтовались, чтобъ въ расколъ на лѣса ходить. Проживши здѣсь двѣ недѣли прошли мы по льду черезъ Онѣжское озеро на лыжахъ на берегъ въ пристанище судовное и пошли на лѣса къ востоку, а дорога учинена пешеходная, верхомъ на лошади для болотъ, дрябей и лѣсовъ проѣхать съ нуждою можно. У Бѣлаго озера у Митрошки построена келья,

гдѣ съ Митрошкою живутъ раскольники человѣкъ съ десять изъ разныхъ мѣстъ. Отъ Митрошкиной кельи до Верхняго Выга рѣки дикими лѣсами, болотами и дрябями пѣшею дорогою 15 верстъ, а на лошадяхъ проѣхать нельзя. Подлѣ той рѣки построено келей съ десять, живутъ въ нихъ начальникъ раскольническій бѣглый Соловецкій чернецъ Корнышка (Корнилій) съ товарищами и совѣтниками своими; ростомъ онъ чернецъ не великъ, сѣдатъ и старъ; въ сборѣ у него раскольниковъ изъ разныхъ городовъ и мѣстъ, мужескаго пола, женокъ, дѣвокъ и старицъ человѣкъ со сто. Кельи стоятъ подлѣ Выга рѣки врознь, между иными кельями разстоянія полверсты и больше; да на рѣкѣ противъ тѣхъ келій построена мельница; ружья никакого мелкаго и припасовъ въ тѣхъ кельяхъ нѣтъ, а только у нихъ построены малыя хороминки на столбахъ и въ нихъ держатъ хлѣбъ, а пашутъ они безъ лошадей и землю размягчаютъ желѣзными кокотами. При мнѣ приходили къ чернецу изъ иныхъ келій на исповѣдь, и онъ ихъ исповѣдовалъ и причащалъ, а какъ онъ причастье строилъ, я видѣлъ: взявъ ягоды брусники и муку бѣлую ржаную или пшеничную смѣшавъ вмѣстѣ и тѣмъ ихъ причащалъ. Будучи въ тѣхъ пристанищахъ на лѣсахъ слышалъ я, что есть раскольническое пристанище на той же рѣкѣ Выгу выше, начальникъ въ немъ бывшій церковный дьячекъ Данило Никулинъ, и съ нимъ въ сборѣ многое число и безпрестанно множатся; келья у Данилы великая, и въ ней устроены окна, откуда отъ присыльныхъ людей борониться, три пушки мѣдныя, привезены отъ моря, пищалей, бердышей и пороху много, покупаютъ оружіе выѣзжая по ярмаркамъ, а хлѣбъ пашутъ на лошадяхъ, рыбу ловятъ на дикихъ озерахъ.

Кромѣ раскольниковъ у церкви были другіе враги, которые не бѣжали ни въ лѣса, ни въ степи, но открыто въ столицѣ объявляли свои взгляды, не подвергаясь впрочемъ за нихъ ни заточенію, ни сожженію. Отъ описываемаго времени дошла до насъ любопытная проповѣдь, говоренная патріархомъ въ день св. Алексія митрополита передъ однимъ изъ походовъ на Турокъ. Вооружаясь противъ стараго порока, пьянства, проповѣдникъ вооружается и противъ новыхъ грѣ-

ховъ: „Не только прочіе въ году узаконенные посты, но и великую четыредесятницу многіе презираютъ. Мужчины, женщины, юные отроки и священнаго чина люди всегда упиваются; и виномъ, и табакомъ и всякимъ питіемъ безъ сытости пьяны, и съѣдаютъ не только запрещенныя явствы, но рвеніемъ и завистію другъ друга съѣдаютъ, убиваютъ и грабятъ, неправдосудствуютъ и обижаютъ. Общая пословица носится: все то людямъ изъянъ, отъ чего кто пьянъ. Мѣра во всемъ человѣка въ доброе дѣло будитъ, безмѣрно же не токмо вредный и скаредный табакъ, но и ренское вино губитъ. Теперь и благородные и простые, даже юноши хвастаются пьянствомъ, говоря безстыдно другъ другу: тогда-то и тогда я былъ пьянъ и церковное торжество въ праздники господни проспалъ. Не только по пьянымъ и ночнымъ своимъ празнищамъ, но повсюду люди неученые, въ церкви святой нашихъ благопреданныхъ чинодѣйствъ незнающіе и другихъ о томъ не спрашивающіе, мнятся быть мудрыми, но отъ пипокъ табацкихъ и злоглагольствъ люторскихъ, кальвинскихъ и прочихъ еретиковъ объюродѣли. Совратясь отъ стезей отцовъ своихъ, говорятъ: для чего это въ церкви такъ дѣлается, нѣтъ никакой въ этомъ пользы, человѣкъ это выдумалъ, и безъ этого можно жить. Едва только святымъ книгамъ узнаетъ имя, или складъ словесный, и уже учитъ архіереевъ и священниковъ, монастыри правитъ, людямъ всѣмъ тщится повелѣвать, устроять чины церковные и гражданскіе. Еретики и раздорники говорятъ: на что эти посвященія, памяти по усопшихъ душахъ, молебны Богу, Богородицѣ, угодникамъ божіимъ? [141]

Призванные на защиту церкви ученые старцы Іоанникій и Софроній Лихуды преподавали въ Заиконоспасскомъ монастырѣ реторику на греческомъ и латинскомъ языкахъ и логику по системѣ Аристотеля. Но эти занятія были прерваны соблазнительнымъ происшествіемъ. У старца Іоанникія былъ сынъ Николай, который носилъ въ Москвѣ княжескій титулъ, хотя болѣе былъ извѣстенъ подъ именемъ учителева сына. Этотъ Николай завелъ связь съ дочерью задворнаго конюха Марьею Селифонтовою; онъ ее увезъ, одѣлъ въ муж-

ское платье, привезъ въ школы, заперъ въ чуланѣ. Потомъ нанялъ ей квартиру, гдѣ держалъ подъ надзоромъ своего холопа и жены его. Наконецъ сталъ ей говорить, что, одѣвши ее въ мужское платье, и убравши въ накладные волосы, будетъ водить ее въ школы, учить по гречески, подъ именемъ своего племянника. Это предложеніе пришлось не по нраву Марьѣ Селифонтовой; особенно не понравилось ей, когда Николай объявилъ, что увезетъ ее въ Венецію, или выдастъ замужъ за одного своего родственника, и, въ случаѣ сопротивленія, грозилъ смертію. Марьѣ удалось склонить на свою сторону караулившаго ее холопа, чрезъ котораго она дала знать обо всемъ отцу своему. Отецъ поспѣшилъ къ ней на помощь и „вынулъ ее съ стрѣльцами,“ хотя прежде смотрѣлъ благосклонно на поведеніе дочери. Когда Марья разсказала все въ Разрядѣ, то отсюда послали въ школы взять Николая Лихудія и привести его для допросу. На Никольскую отправились разрядные подъячіе и стрѣльцы. Подъячіе поставили стрѣльцовъ у воротъ, а сами пошли для повѣстки къ учителямъ; взявши Николая, они вели его по верхнимъ переходамъ, какъ вдругъ изъ школъ выбѣжали старцы и ученики, схватили подъячаго, начали его бить и за волосы таскать, подъячій кликнулъ стрѣльцовъ, чтобъ не подали; но и стрѣльцы на этотъ разъ не могли ничего сдѣлать; монахъ съ учениками гонялся за ними, бросалъ скамьею, кричалъ: „что вы приходите воровски!“ наконецъ подъячихъ и стрѣльцовъ согнали съ переходовъ и ворота заперли. Такое поведеніе стариковъ Лихудовъ, разумѣется, не могло заставить правительство благосклонно смотрѣть на князя Николая, хотя онъ и клялся, что не имѣлъ намѣренія уѣхать въ Венецію, будучи облагодѣтельствованъ царями, что дѣвка Манка особа извѣстная своимъ безнравственнымъ поведеніемъ и вѣрить ей нечего. Лихудамъ, какъ видно, не понравилось послѣ этого въ Москвѣ, и въ августѣ 1694 года пограничнымъ воеводамъ были разосланы указы, — ловить греческихъ монаховъ, братьевъ Іоанникія и Софронія и дѣтей послѣдняго, Николая и Анастасія, ушедшихъ изъ Москвы. Бѣглецы были пойманы, и понятно, что не могли остаться въ прежнемъ значеніи: ихъ со-

слали изъ академіи въ типографію, гдѣ они стали учить Италіянскому языку.

Отъ 1694 года дошла до насъ „роспись боярскихъ и иныхъ чиновъ дѣтямъ, которымъ по именному указу учиться Италіянскому языку у учителей Грековъ—Іоанникія и Софронія Лихудіевыхъ. Боярскіе дѣти: князя Петра Ив. Хованскаго два сына, Ѳедора Петр. Салтыкова два, Алексѣя Петр. Салтыкова два, Ив. Ѳед. Волынскаго два. Дѣти стольниковъ: князя Ѳед. Андр. Хилкова два сына, князя Ив. Мих. Черкаскаго шесть сыновей, Сем. Алексѣев. Языкова одинъ. Дьячьи дѣти: Волкова одинъ сынъ, Кондратова одинъ, Степанова одинъ, Иванова два, Верещагина два, Полянскаго одинъ, генеральнаго писаря Инехова одинъ. Изъ дворянъ: Палицына одинъ; уставщика одинъ. Гостей и гостиной сотни 23 человѣка [143].

Новости, начавшія вводиться въ описываемое время, корабли, фейерверки, возбуждая умственное движеніе въ однихъ, распаляли воображеніе въ другихъ, и повели къ слѣдующему явленію. Въ апрѣлѣ 1694 года закричалъ мужикъ караулъ и сказалъ за собою государево слово, приведенъ въ Стрѣлецкій приказъ и въ распросѣ сказалъ: сдѣлалъ онъ крылья, станетъ летать какъ журавль. По указу в. государей сдѣлалъ онъ себѣ крылья слюденныя, стали 18 рублей изъ государевой казны. Въ назначенный день бояринъ князь Ив. Бор. Троекуровъ вышелъ смотрѣть, какъ полетитъ журавль; мужикъ надѣлъ крылья, перекрестился и началъ подымать мѣхи, но никакъ не могъ подняться: „тяжелы сдѣлалъ крылья", говорилъ онъ, билъ челомъ, чтобъ ему сдѣлать другія крылья, станутъ всего въ пять рублей. Но бояринъ раскручинился, и вмѣсто крыльевъ учинено мужику наказаніе: бить батоги снявъ рубашку, и деньги 18 рублей велѣно доправить на немъ, продать все имѣніе [144].

Внѣшняя дѣятельность правительства въ описанные четыре года по сверженіи Софьи представляетъ немного замѣчательнаго. Завѣдываніе иностранными дѣлами послѣ В. В. Голицына принялъ на себя Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ. Онъ отличался важнымъ въ его положеніи качествомъ, спокойнымъ безпристрастіемъ; но вовсе не отличался предпріим-

чивостію; притомъ же неудачные походы въ Крымъ и холодность, даже враждебное расположеніе союзниковъ Поляковъ не могли дать большой охоты къ дѣятельному продолженію войны. А между тѣмъ въ Малороссіи и въ русскихъ областяхъ, находившихся подъ Польскимъ владычествомъ, происходили любопытныя явленія.

10 августа 1689 года, когда Москва, въ слѣдствіе удаленія царя Петра, была въ недоумѣніи и страхѣ, подъѣзжалъ къ столицѣ, къ Калужскимъ воротамъ, гетманъ обѣихъ сторонъ Днѣпра Иванъ Степановичъ Мазепа. По указу великихъ государей и великой государыни къ нему на встрѣчу отправился дьякъ Бобининъ съ каретою изъ царской конюшни. Мазепа, сѣвши въ карету, сказалъ: „Слава Господу Богу, что, по милости великихъ государей, благоволилъ Господь Богъ быть въ ихъ царскаго величества каретѣ. Какая это карета? видно, что стародавняго Нѣмецкаго дѣла.“—„Въ этой каретѣ всегда въѣзжаютъ великіе и полномочные послы иностранныхъ государей,“ отвѣчалъ дьякъ. Потомъ гетманъ завелъ рѣчь о Крымскомъ походѣ, о побѣдѣ великороссійскихъ и малороссійскихъ войскъ надъ Татарами: „никогда еще такой побѣды надъ Крымцами и такого страха имъ не бывало, какъ теперь промысломъ ближняго боярина князя Вас. Вас. Голицына. А что за безводными и безкормными мѣстами и за другими препятствіями Перекопскаго вала и башень не разорено, такъ сдѣлать это было трудно. Читалъ онъ гетманъ хронику, въ которой написано именно: въ древнихъ лѣтахъ приходилъ на Крымъ Дарій царь Персидскій со множествомъ войска и хотѣлъ Крымъ взять и разорить, а въ то время Крымъ еще и не такъ былъ укрѣпленъ: и за такими же безводными и безкормными мѣстами и иными трудностями Перекопи взять и Крыму разорить не могъ, только войска своего подъ Крымомъ потерялъ съ 80,000, и съ великимъ стыдомъ насилу отъ Перекопи отступилъ и впредь обѣщаніе положилъ — на Крымъ войною отнюдь не приходить. А нынѣ царскаго величества ратные люди бились съ Татарами подъ Перекопомъ, мужественно и поганскихъ труповъ положили множество, а сами отведены въ цѣлости.“

На встрѣчѣ во дворцѣ Ивану Степановичу говорили длинную рѣчь, что мужественною и храброю службою князя Вас. Вас. Голицына и его гетмана бусурманы нечаянно и никогда не слыханно отъ государскихъ ратей въ жилищахъ своихъ поражены и отъ страха сами своимъ жилищамъ явились разорители.

Дѣла пошли плохо для Софьи и Голицына, Шакловитый былъ выданъ, всѣ стремились къ побѣдителямъ къ Троицѣ, поѣхалъ туда и гетманъ въ большомъ страхѣ за свои прежнія отношенія къ падшему правительству. Дѣйствительно у Троицы были люди, которые совѣтовали отдѣлаться отъ Голицынскаго кліента; но другіе думали иначе: до сихъ поръ гетманы смѣнялись только въ слѣдствіе явной измѣны или желанія самихъ Малороссіянъ. А если не смѣнять гетмана, то надобно привлечь его на свою сторону милостями, и вотъ Мазепа былъ встрѣченъ и у Троицы также похвальною рѣчью за вѣрную и радѣтельную службу и за усердное въ воинскомъ дѣлѣ попеченіе. Гетманъ, жалуясь на болѣзнь, отвѣчалъ короткою рѣчью, что обѣщается служить великому государю до послѣдней капли крови. Мазепа, видя милостивый пріемъ, спѣшилъ разсѣять всякое подозрѣніе въ новомъ правительствѣ полнымъ разрывомъ съ старымъ: доносилъ, что угрозы Леонтія Неплюева заставили его давать Голицыну богатыя подарки деньгами и вещами, и потому билъ челомъ, чтобъ его вознаградили за это изъ имѣнія Голицына. Челобитье было принято какъ знакъ полной приверженности къ новому правительству, и всѣ просьбы Мазепы были исполнены. Онъ пріѣзжалъ въ Москву за жалованною грамотою, подтверждавшею всѣ прежнія права и вольности Малороссійскія: грамота была дана. Мазепа также билъ челомъ о прибавкѣ Великороссійскихъ ратныхъ людей въ Малороссійскіе города; о точной переписи козаковъ, чтобъ послѣ, смотря по обстоятельствамъ, нельзя было никому сказываться то козакомъ то мужикомъ; о пополненіи охочихъ полковъ; о томъ, чтобъ великороссійскіе посланцы не смѣли требовать подводъ безъ предъявленія царскихъ грамотъ — на все послѣдовало согласіе. Гетманъ поставилъ на видъ, что необходимо ограничить

винокуреніе, которое страшно истребляетъ лѣса, въ слѣдствіе чего большинство жителей терпитъ и еще болѣе будетъ терпѣть вреда, тогда какъ очень немногіе обогащаются; государи указали гетману сдѣлать по своему разсмотрѣнію, остерегая однако на крѣпко, чтобъ посполитымъ людямъ не было ни какой тягости и разоренія, потому что Малороссіяне пожалованы прежними ихъ правами и вольностями. Мазепа обѣщалъ посовѣтоваться объ этомъ съ старшиною. Слѣдовали частныя дѣла: гетманъ жаловался на бывшаго Переяславскаго полковника, Дмитрія Райчу, который постоянно бранитъ его заочно и безчеститъ при старшинѣ и полковникахъ; Мазепа объявилъ, что онъ будетъ жаловаться на Райчу на Рождественскомъ съѣздѣ старшинѣ и полковникамъ. Наконецъ Мазепа выхлопоталъ царскій указъ, которымъ велѣно было стольнику князю Юрію Четвертинскому выѣхать изъ Москвы въ Малороссію. Четвертинскій, пріѣхавъ въ Малороссію, женился на дочери Самойловича, и жилъ, по приказанію Мазепы, въ Глуховскомъ уѣздѣ, въ хуторѣ Дунаевскомъ вмѣстѣ съ тещею.

Такимъ образомъ паденіе Софьи и Голицына не нарушили добрыхъ отношеній гетмана къ правительству Русскому. Враги Мазепы сильно обманулись, но еще не думали отказаться отъ надежды повредить гетману въ Москвѣ. Польша была готовымъ къ тому орудіемъ. Къ Русскому резиденту въ Польшѣ, стольнику Волкову 16 декабря 1689 года пришелъ по знакомству шляхтичь благочестивой вѣры Подольскій, который при королѣ исправлялъ должность покоеваго (комнатнаго) дворянина. На этотъ разъ Подольскій принесъ важныя вѣсти. Недѣли съ три тому назадъ пріѣхалъ къ королю изъ Россіи черезъ Смоленскъ монахъ Соломонъ, который былъ съ образомъ Спаса въ Крымскомъ походѣ. Соломонъ привезъ къ королю письмо отъ гетмана Мазепы, написанное еще въ то время, какъ гетманъ шелъ отъ Перекопи въ Батуринъ. О чемъ писано въ письмѣ, Подольскій сказалъ, что не знаетъ, телько подпись не гетманской руки, а печать гетманская большая. Король велѣлъ монаху жить близь Жолквы въ монастырѣ, и не знаетъ, какъ отвѣчать на это письмо? ибо ему

извѣстно, что цари къ гетману и ко всей старшинѣ благоволятъ. Волковъ отвѣчалъ, что Мазепа служитъ царямъ вѣрно, и письмо должно быть составное, воровское, а не гетманское, составлено для того, чтобъ навести на гетмана царскую немилость; подлогъ ясенъ изъ того, что подпись не гетманской руки, а печать могли поддѣлать; король такимъ письмамъ вѣрить бы не изволилъ и приказалъ бы чернеца отослать въ Россію. Шляхтичь замѣтилъ, что выдать монаха нельзя, потому что ему и тѣмъ людямъ, которые писали письмо, придется плохо.

Въ то же время Волковъ узналъ, что пріѣхали къ королю изъ Запорожья полковники Лазука и Забіяка съ письмами отъ кошеваго Гусака. Запорожцы жаловались, что съ царской стороны имъ большое утѣсненіе, запасовъ въ Сѣчь не пропускаютъ, за добычею ѣздить внизъ Днѣпромъ нельзя, опасно отъ Татаръ. Для этого они съ ханомъ Крымскимъ помирились и бьютъ челомъ королю, чтобъ принялъ ихъ подъ оборону и прислалъ указъ, какъ имъ съ Русской стороны быть безопасными и держать ли миръ съ Крымскимъ ханомъ или воевать съ нимъ? Тотъ же шляхтичь Подольскій говорилъ Волкову, что король Запорожцевъ въ подданство не приметъ, развѣ прикажетъ имъ что тайно. Достовѣрно, что король имѣетъ дружбу съ Крымомъ и будетъ радъ всякой смутѣ между козаками городовыми и запорожскими, потому что нынѣшній вѣчный миръ королю не прибыленъ и не потребенъ, королю жаль городовъ и земель, уступленныхъ царямъ. Подольскій объявилъ также, что король послалъ на Украйну шляхтича Искрицкаго, неизвѣстно зачѣмъ, а дочь Искрицкаго за Миргородскимъ полковникомъ Апостоленкомъ.

Волковъ при первомъ свиданіи съ короннымъ гетманомъ Яблоновскимъ спросилъ у него, что̀ значитъ этотъ пріѣздъ Запорожцевъ къ королю? Яблоновскій отвѣчалъ, что король никогда не нарушитъ мирнаго договора, не приметъ Запорожья въ свое подданство; Запорожцы пріѣхали для вступленія въ службу королевскую подъ тѣмъ предлогомъ, что на Запорожьѣ большой голодъ въ слѣдствіе непропуска туда запасовъ изъ Россіи; но вступленіе нѣсколькихъ Запорожцевъ въ службу королевскую договора не нарушаетъ.

24 декабря опять пришелъ къ Волкову Подольскій съ вѣстями: 22 числа король отпустилъ монаха Соломона въ Украйну, письма никакого съ нимъ не послалъ, а велѣлъ на словахъ привлекать гетмана къ себѣ, обнадеживать его своею милостію и жалованьемъ. Подольскій подтвердилъ и о Запорожцахъ, что они дѣйствительно просятся въ оборону королевскую; король призывалъ къ себѣ Лазуку и Забіяку, послѣ чего при дворѣ разгласилось, что король хочетъ принять всѣхъ Запорожцевъ въ оборону тайными вымыслами; король старается всякими мѣрами, чтобъ и городовыхъ казаковъ помутить и къ себѣ привесть.

Въ началѣ 1690 года новыя вѣсти о непріязни Польской. Лубенскій козакъ Мозыра ѣздилъ по своимъ дѣламъ въ Польшу и, возвратясь въ Батуринъ, разказывалъ о своемъ разговорѣ съ гетманомъ Яблоновскимъ. Гетманъ, распросивъ его, что̀ дѣлается въ Украйнѣ, примолвилъ: „Мы знаемъ навѣрное, что взятъ въ Москву и съ старшиною гетманъ Мазепа и также сосланъ въ Сибирь, гдѣ и старый Самойленко; видишь хитрость и лживость Московскую: не хотятъ они распространять вольность войска Запорожскаго, хотятъ его ни на что свести, чего не дай Боже. Москва и насъ обманула: однако мы промышляемъ отплатить ей такимъ же способомъ.“

Въ мартѣ мѣсяцѣ монахъ Соломонъ возвратился изъ Украйны въ Польшу, и, не доѣзжая полмили до Варшавы, въ селѣ Солкѣ, нанялъ студента писать письма отъ имени гетмана Мазепы, одно къ королю, другое къ гетману Яблоновскому; въ обоихъ письмахъ говорилось, что онъ Мазепа со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ желаетъ быть въ подданствѣ у королевскаго величества; за работу студенту монахъ далъ два ефимка, имя гетманское написалъ самъ и запечаталъ поддѣльною печатью. Монахъ остался въ Солкѣ, а студентъ отправился въ Варшаву; пьянствуя съ товарищами въ корчмѣ, онъ расхвастался, какимъ способомъ заработалъ ефимки и въ доказательство прочелъ черновыя письма, оставшіяся при немъ. Донесли королю, тотъ призвалъ къ себѣ студента, и студентъ расказалъ ему дѣло, какъ было. Чрезъ нѣсколько времени пріѣзжаетъ въ Варшаву и самъ Соломонъ, прямо къ

королю и подаетъ письма отъ гетмана Мазепы; но тутъ сейчасъ же очная ставка съ студентомъ, который подаетъ и черновыя письма для окончательной улики. Соломонъ долженъ былъ повиниться, повинился, что и прежде пріѣзжалъ также съ воровскими письмами, а у гетмана Мазепы никогда не бывалъ. Король велѣлъ его посадить въ нижнія палаты дворца Яна Казимира и держать за крѣпкимъ карауломъ; а студенту велѣлъ выдать два сукна и нѣсколько ефимковъ. Все это Волковъ провѣдалъ отъ вѣрныхъ людей, отъ православныхъ священниковъ, которые знакомы съ ближними королевскими людьми.

Этимъ однако дѣло не могло кончиться, потому что король, когда въ первый разъ получилъ гетманское письмо отъ Соломона, и отослалъ послѣдняго съ устнымъ отвѣтомъ къ Мазепѣ, въ то же время поручилъ Львовскому епископу Іосифу Шумлянскому войти въ сношенія съ гетманомъ. Шумлянскій охотно принялъ порученіе, потому что въ отпаденіи Мазепы отъ Москвы увидалъ средство достигнуть завѣтной цѣли — Кіевской митрополіи. Онъ немедленно же отправилъ къ Мазепѣ довѣреннаго человѣка, шляхтича Доморацкаго съ такимъ письмомъ: „Молю вашу милость поскорѣе объявить, въ какія отношенія желаетъ вступить къ королю и республикѣ; теперь во время сейма самое удобное для тебя время отозваться съ своимъ желательствомъ къ королевскому величеству чрезъ меня, желательнаго тебѣ, республикѣ и королю слугу. Желаемъ одного: отпусти какъ можно скорѣе вручителя этого письма, объявивши ему, что хочешь сдѣлать для короля и республики. Въ Божіе время работайте, и промышляйте, какъ бы снять то иго съ вольной шеи своего народа. Когда увѣримся въ пріязни вашей милости, сейчасъ же начнемъ работать на счетъ обезпеченія, какое должны будутъ дать вашей милости король и республика.“ Изустно Доморацкій объявилъ, чтобъ гетманъ поскорѣе отзывался съ своимъ желательствомъ на сеймъ, который будутъ нарочно тянуть до того времени, пока получатъ этотъ отзывъ, и ему, Доморацкому велѣно какъ можно спѣшить, чтобъ непремѣнно возвратиться къ Свѣтлому Воскресенью по новому кален-

дарю. Двумъ полковникамъ, стоящимъ недалеко отъ границъ Малороссійскихъ, дано приказаніе быть на готовѣ и, по первой обсылкѣ гетмана, спѣшить безо всякой отговорки въ Малороссію. Если бы теперь гетманъ вскорѣ отозвался съ желательною склонностію къ Польской державѣ, то епископъ Шумлянскій, одѣвшись въ мірское купеческое платье, самъ пріѣхалъ бы тайно въ Батуринъ, чтобъ именемъ королевскимъ переговорить обо всемъ изъ устъ въ уста: о вольностяхъ и правахъ войсковыхъ и чести гетманской, какъ все это должно быть на будущее время.

Мазепа стоялъ съ войскомъ въ Лубнахъ, когда получилъ это страшное посольство· онъ велѣлъ отдать Доморацкаго подъ караулъ, подвергнуть его пыткѣ, а письмо Шумлянскаго отправилъ немедленно въ Москву, куда въ слѣдъ за тѣмъ присланъ былъ и Доморацкій, который былъ поставленъ предъ Польскимъ резидентомъ Доминикомъ Довмонтомъ и повторилъ предъ нимъ, отъ кого и зачѣмъ былъ присланъ къ Мазепѣ. Резиденту дано было выразумѣть, какая съ королевской стороны явная противность: какъ теперь послѣ этого поступать, чему вѣрить, гдѣ обнадеживаніе и обязательство союзное и правда?

Между тѣмъ въ мартѣ 1690 года въ Кіевѣ подкинуто было письмо на имя царей, въ которомъ говорилось: „Мы всѣ въ благочестіи живущіе въ сторонахъ Польскихъ благочестивымъ монархамъ доносимъ и остерегаемъ, дабы наше прибѣжище и оборона не была разорена отъ злаго и прелестнаго Мазепы, который прежде людей нашихъ Подольскихъ, Русскихъ (Галицкихъ) и Волынскихъ бусурманамъ продавалъ, изъ церквей Туркамъ серебро продавалъ вмѣстѣ съ образами; послѣ, отдавши господина своего въ вѣчное безславіе, имѣніе его забралъ и сестрѣ своей въ нашихъ краяхъ имѣнія покупилъ и покупаетъ, наконецъ, подговоривши Голицына, пріѣхалъ въ Москву, чтобъ васъ, благочестиваго царя Петра Алексѣевича не только съ престола, но и съ свѣта изгнать, а брата твоего Іоанна Алексѣевича покинуть въ забвеніи. Другіе осуждены, а Мазепу, источникъ и начатокъ вашей царской пагубы, до сихъ поръ вы держите на такомъ

мѣстѣ, на которомъ, если перваго своего намѣренія не исполнитъ, то отдастъ Малороссію въ Польскую сторону. Одни погублены, другіе поразсыланы, а ему дали понаровку, и онъ ждетъ, какъ бы свой злой умыслъ въ тайнѣ совершить. И Шумлянскій нашъ уніатъ, а на дѣлѣ Римлянинъ, поддается Московскому патріарху нарочно, чтобъ тамъ, вмѣстѣ съ Мазепою, могъ удобнѣе ковать пагубу престолу вашему царскому."

Кіевскій воевода, князь Михайла Ромодановскій переслалъ письмо въ Москву, откуда немедленно отправился въ Батуринъ подъячій Михайловъ, который долженъ былъ отдать письмо гетману, увѣрить его въ милости царской и спросить: „Какъ онъ гетманъ Иванъ Степановичъ разсуждаетъ, въ Польской ли сторонѣ это письмо писано и какое онъ въ Польшѣ имѣетъ подозрѣніе? Или подозрѣваетъ онъ кого нибудь изъ великороссійскихъ и малороссійскихъ жителей? не изъ Запорожья ли? Написаны такіе дѣла, о которыхъ въ Польшѣ и Литвѣ кажется и знать нельзя. Подумалъ бы гетманъ, какъ объ этомъ письмѣ розыскать?"

Принявъ письмо у посланнаго, Мазепа пять разъ поклонился до земли, благодаря за милость царскую; потомъ прочелъ письмо, осмотрѣлъ его со всѣхъ сторонъ, взглянулъ на образъ Богородицы, прослезился и сказалъ, воздѣвъ руки къ образу: „Ты, пресвятая Богородица, надежда моя, зришь на убогую и грѣшную мою душу, какъ денно, такъ и ночью непрестанно имѣю попеченіе, чтобъ помазанникамъ Божіимъ до кончины живота своего услужить, за ихъ государское здравіе кровь свою излить; а враги мои не спятъ, ищутъ, чѣмъ бы могли меня погубить".

На счетъ составителя письма гетманъ писалъ государямъ: „Не могу я вполнѣ, малымъ моимъ умомъ понять, отъ кого бы именно произошло это лукавое, плевелное и злоумышленное письмо. Подозрѣваю я Михайлу Гадяцкаго, который недавно еще обнаружилъ ко мнѣ непріязнь, старался навести на меня гнѣвъ царскій и домогался самъ быть гетманомъ, и при бывшемъ гетманѣ пасквиль на меня подкинулъ, будто я отравилъ гетманскаго сына Семена и дочь его, боярыню Ше

реметеву, а на самого гетмана напустилъ болѣзнь глазную, да и въ Москвѣ живучи, писалъ на меня пасквили. Неисцѣлимую онъ имѣетъ болѣзнь разсылать всюду письма — и на Запорожье, и на Донъ, и въ Бѣлую церковь, и въ Крымъ. Отъ полковничества Гадяцкаго онъ отставленъ, но ревность къ исканію славы и чести никогда въ немъ не угаснетъ. Покорно прошу перевести его изъ села, въ которомъ онъ живетъ въ Лебединскомъ уѣздѣ въ близости къ Малой Россіи, на другое какое-нибудь мѣсто. Да и то смѣю покорно донести: кто это письмо писалъ, тотъ долженъ знать и о чернецѣ Соломонѣ, котораго какой-то врагъ мой отправилъ въ Польшу съ воровскими письмами будто отъ моего имени, потому что въ нынѣшнемъ воровскомъ письмѣ написано, будто Шумлянскій во всемъ со мною соглашается; къ этому Шумлянскому и Соломонъ въ Польшѣ имѣлъ прибѣжище; еслибъ этотъ врагъ не надѣялся, что по наущенію Соломона Шумлянскій будетъ ко мнѣ писать, то для чего ему въ своемъ пасквилѣ поминать о Шумлянскомъ?“

Въ разговорѣ съ Михайловымъ Мазепа сказалъ, что вмѣстѣ съ Гадяцкимъ онъ подозрѣваетъ Райчу и Полуботка: въ письмѣ есть выраженіе: „Для милосердія Божія“, это выраженіе употребляетъ всегда Райча въ письмахъ, а Полуботокъ Гадяцкому свой и съ Райчею друзья. „Непріятности мнѣ большія еще отъ того, прибавилъ Мазепа, что живетъ въ Малороссіи сынъ митрополичій, зять Самойловича, князь Юрій Четвертинскій, безпрестанно разсѣваетъ онъ въ народѣ злыя слова, что быть Самойловичу опять гетманомъ; недавно Батуринскому попу Василью говорилъ, что гдѣ прежде была вода, тамъ и опять будетъ, къ тестю моему царская милость есть, будетъ здѣсь по прежнему, увидишь, что его злодѣямъ будетъ!“ Мазепа просилъ, чтобъ перевести Четвертинскаго съ женою въ Москву, а тещу его отослать къ мужу; князь Юрій стольникъ, и въ этомъ чинѣ ему далеко отъ Москвы быть не годится. — Когда на прощаніи Михайловъ потребовалъ у Мазепы назадъ подметное письмо для храненія въ Посольскомъ Приказѣ, то гетманъ перемѣнился въ лицѣ и, выславъ всѣхъ вонъ изъ хоромины, сказалъ: „Сперва я ми-

лостію царскою былъ обрадованъ, а теперь во сто разъ больше опечаленъ: думаю, что этому письму великіе государи изволили повѣрить и о головѣ моей будутъ мыслить". Тщетно Михайловъ увѣрялъ гетмана въ противномъ, говорилъ, что письмо нужно въ Москвѣ для розыска о злодѣѣ, кто его сложилъ, — Мазепа никакъ не согласился отдать письмо, и при этомъ сказалъ писарю Кочубею: „Еще мнѣ за сердце щепа влезла: просятъ письмо назадъ".

Прозьба Мазепы была исполнена; Михайлу Гадяцкаго велѣно взять изъ Лебединскаго уѣзда въ Москву; туда же велѣно выслать князя Юрія Четвертинскаго съ женою и тещею; Леонтія Полуботка отставить отъ Переяславскаго полковничества.

Но Мазепа этимъ неудовольствовался относительно Гадяцкаго и Полуботка; онъ писалъ царямъ, что послѣ смѣны Полуботка, новый Полтавкій полковникъ Лысенко и болѣе ста Полтавскихъ жителей били челомъ на Полуботка во многихъ обидахъ, разореніяхъ и ругательствахъ, и что необходимо казнить его за это смертію, иначе народъ малороссійскій вознегодуетъ на гетмана, старшину и полковниковъ, что такимъ мучителямъ потакаютъ.—Полуботокъ, послышавъ бѣду, бросился въ Москву, но отсюда его снова переслали въ Малороссію для суда по войсковому праву. Мазепа далъ знать въ Москву, что Полуботокъ, будучи въ Кіевѣ, клеветалъ на него тамошнему воеводѣ, князю Михайлѣ Ромодановскому, что онъ Мазепа хочетъ измѣнить, уѣхать въ Польшу, куда посылаетъ войсковую казну и покупаетъ себѣ имѣнія, и переписывается съ короннымъ гетманомъ. Воеводѣ сейчасъ запросъ изъ Москвы, правда ли это? Ромодановскій отвѣчалъ, что ничего этого Полуботокъ ему не говорилъ, говорилъ только, что Мазепа къ нему недобръ, ищетъ ему всякаго разоренья, и нынѣшняя бѣда сталась ему отъ гетмана, а самъ-то онъ хорошъ! посылаетъ въ Польшу къ сестрѣ своей чрезъ монахиню Липлицкую, которая живетъ у матери его въ Кіевскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, много денегъ и покупалъ тамъ сестрѣ своей имѣнія, и вообще Полуботокъ бранилъ Мазепу всячески. Когда сказка Ромодановскаго была отправлена къ Мазе-

пѣ, тотъ отвѣчалъ, что онъ „по своему простодушному незлобію", уже отпустилъ Полуботка въ домъ его въ Черниговъ на житье, причемъ Полуботокъ прислалъ ему письмо съ страшными клятвами, что никогда ничего не говорилъ такого, о чемъ писалъ Ромодановскій.

Выпроваживая изъ Малороссіи Гадяцкаго, Четвертинскаго, Мазепа въ то же самое время хлопоталъ о переводѣ въ Русское подданство человѣка, который потомъ оказался злымъ врагомъ его, и котораго имя въ народныхъ преданіяхъ тѣсно соединилось съ его именемъ. Козакъ Семенъ Палѣй, родомъ изъ Борзны, вышелъ сначала на Запорожье, а оттуда съ нѣсколькими товарищами вступилъ въ службу королевскую, прибралъ себѣ выходцевъ изъ Молдавіи и Поднѣстровья и засѣлъ съ ними въ городкѣ Хвастовѣ. Еще въ 1688 и 1689 годахъ присылалъ онъ къ Мазепѣ съ просьбою, чтобъ великіе государи приняли его со всѣми войсковыми и жилыми Хвастовскими людьми подъ свою державу, потому что Поляки ищутъ его смерти. На донесеніе объ этомъ гетмана изъ Москвы отвѣчали, что вслѣдствіе договора съ Польшею явно нельзя принять Палѣя, но пусть онъ со всѣми людьми идетъ сначала въ Запорожскую Сѣчь и, побывши тамъ нѣсколько времени, пусть переходитъ въ Малороссійскіе города. Провѣдали ли Поляки о желаніи Палѣя перейти на Русскую сторону, или по какимъ другимъ причинамъ, только они схватили его и посадили въ тюрьму въ Немировѣ, а потомъ перевели въ Каменный городокъ и держали цѣлую зиму. Пользуясь этимъ, въ Хвастовъ явились двое ксензовъ уніатовъ и объявили намѣреніе обратить православную церковь, построенную Палѣемъ, въ уніатскую; но козаки, не смотря на отсутствіе полковника, отстояли свою церковь. Весною Палѣй успѣлъ уйдти изъ заключенія, пришелъ въ Хвастовъ и прежде всего началъ высылать вонъ изъ города ксензовъ; тѣ не послушались, твердили, что надобно обратить церковь въ уніатскую и стали браниться съ Палѣемъ. тотъ разсердился и поговоря съ козаками, велѣлъ отрубить головы ксензамъ. Послѣ этого Палѣй, разумѣется, еще усерднѣе началъ просить Мазепу о переводѣ своемъ въ русское подданство, ука-

зывая на запустѣлый городъ Триполье въ царской сторонѣ, куда бы ему хотѣлось переселиться со всѣми людьми, а на Запорожье нельзя ему идти, потому что у людей его жены, дѣти и скотъ, да и Полякамъ жаловаться не на что, потому что Валахи, которыхъ онъ прибралъ, люди вольные. Опираясь на это, и Мазепа просилъ государей позволить Палѣю перейдти въ Триполье, гдѣ онъ пригодится для обороны Кіева и всей Малороссіи. Изъ Москвы вторично отвѣчали (въ апрѣлѣ 1790 года), что нельзя принять Палѣя безъ нарушенія мирнаго договора, пусть сначала идетъ на Запорожье. Палѣй остался въ королевской сторонѣ, но не долго нажилъ въ покоѣ. Въ 1691 году онъ ходилъ промышлять надъ Турками подъ Бѣлгородъ (Акерманъ); возвращаясь съ набѣга подъ Поволочью онъ встрѣтилъ Польскій отрядъ, высланный Хелмскимъ каштеляномъ Яномъ Друшкѣевичемъ схватить его; Палѣй пошелъ на непріятелей; но эти непріятели были Русскіе люди: они не захотѣли, въ угоду Поляку, сражаться съ своими, убили начальствовавшаго ими полковника Апостольца, и передались Палѣю. Послѣ этого Хвастовскій полковникъ, цѣлуя икону, объявилъ Мазепину посланцу, что онъ уже никакъ не хочетъ оставаться больше въ Польской державѣ, потому что Поляки дали ему себя знать; Татары уже трижды присылали къ нему звать его на свою сторону; но онъ кромѣ царскаго величества никуда не мыслитъ. Мазепа писалъ ко Льву Кириловичу Нарышкину, что Палѣя надобно монаршескою милостію обнадежить и жалованьемъ потѣшить, а онъ человѣкъ явственно рыцарскій и воинскихъ людей у него три тысячи. Ему отвѣчали: Палѣя не принимать; но чтобъ не отпустить его къ Татарамъ, царскія величества тайнымъ обычаемъ посылаютъ ему бархату добраго десять аршинъ, да два сорока соболей по 80 рублей сорокъ.

Въ Россіи остерегались нарушать договоръ съ Польшею; но въ Польшѣ не остерегались заводить смуту въ Малороссіи, не остерегались и явно сноситься съ Крымскимъ ханомъ объ отдѣльномъ мирѣ. Въ Вѣнѣ также мало думали о союзницѣ Россіи, только въ Варшавѣ Австрійскій резидентъ не упускалъ случая внушать Русскому резиденту, что царямъ нель-

зя ждать ничего добраго отъ Поляковъ. Это заставило и Русское правительство войти въ сношенія съ Крымомъ, сначала посредствомъ Мазепы, который отъ себя послалъ сказать хану Саадатъ-гирею, что если онъ хочетъ мира, то пусть отправляетъ пословъ въ Москву. Саадатъ прислалъ гонца съ объявленіемъ, что желаетъ мира на прежнихъ условіяхъ. Но въ Москвѣ и начали войну именно для того, чтобъ избавиться отъ этихъ прежнихъ условій, избавится отъ посылки размѣнной казны, попросту дани. Въ началѣ 1692 года въ Крымъ поѣхалъ гонецъ, подъячій Айтемировъ съ требованіемъ уничтоженія этого условія со стороны Крыма, и возвращенія св. мѣстъ Грекамъ со стороны Турціи. Ближніе люди новаго хана Сафатъ-Гирея, который смѣнилъ Саадата, спросили Айтемирова: „Гробъ Божій когда и кому отданъ? въ мирное ли время у Московскаго государства съ турскимъ, или послѣ разрыва?“ Айтемировъ отвѣчалъ, что Гробъ Господень года съ два какъ отданъ Французскимъ монахамъ. „Какъ же, возразили Татары, отнять у Французовъ за то, что Французскій король подалъ помощь султану противъ Цесаря? Взять у Французовъ и отдать Грекамъ, а Французы на Турокъ будутъ воевать: тогда Москва Турскому султану поможетъ ли? Прежде никогда съ Московской стороны въ договорѣ о Гробѣ Господнѣ не бывало; а теперь начато объ этомъ вновь, невѣдомо для чего“. Айтемировъ отвѣчалъ, что прежде объ этомъ никогда не говорилось, потому, что св. мѣста были изстари за Греками.

Но Татарамъ гораздо ближе къ сердцу были другія статьи: статья о возвращеніи плѣнныхъ съ обѣихъ сторонъ безъ выкупа и статья объ уничтоженіи присылки размѣнной казны. „У насъ въ Крыму, говорили Татары, московскаго и казацкаго народа сто тысячь человѣкъ а больше, а въ Москвѣ нашего полону тысячи двѣ или три: какъ же освобождать безъ выкупа?“ Но больше всего вооружились они противъ статьи о размѣнной казнѣ: „Для чего великіе государи изволили размѣнную казну отставить? Кто имъ такъ придумалъ, потому что они государи великіе, и разумныхъ бояръ при себѣ имѣютъ многихъ, которые Крымскія дѣла знаютъ изстари? Годовую размѣнную казну отставляютъ они напрасно, потому

что великіе государи отъ этого ужь не разорятся, а прежніе ханы, также наши дѣды и отцы государскимъ жалованьемъ довольствовались; а нынѣшній ханъ чѣмъ хуже прежнихъ хановъ и мы чѣмъ хуже прежнихъ ближнихъ людей? Мы знаемъ, что и прежде вся недружба съ Москвою ставалась изъ за казны: когда бывало ея не пришлютъ, Татары и пойдутъ на Русь воевать. А нынѣшній ханъ и весь Крымскій юртъ Москвы не боятся, и къ миру и къ бою готовы, потому что если Москва и пойдетъ воевать на Крымъ, то взять нечего: у каждаго Татарина только и пожитку — два коня да третья душа. За казну станутъ юртомъ и дружбы никогда не будетъ, потому что вы хотите казну отставить вовсе.“ Айтемировъ подлилъ масла въ огонь, замѣтивъ: „Можно съ обѣихъ сторонъ пересылаться поминками.“ — „Прежніе ханы къ Московскимъ государямъ никогда ничего не посылали, и нынѣшній ханъ ничего не пошлетъ“, отвѣчали Татары.

Переговоры прекратились, потому что Татары были обрадованы сильною смутою въ Малороссіи, откуда приглашали ихъ вмѣстѣ съ козаками воевать Москву.

Первымъ лицемъ послѣ гетмана въ Малороссіи былъ генеральный писарь Василій Кочубей. Кочубей былъ сначала канцеляристомъ у Дорошенка. Въ 1675 году онъ былъ отправленъ гетманомъ въ Турцію, но на возвратномъ пути, недалеко отъ Умани, челядникъ его, покравши визиревы грамоты и другія бумаги, убѣжалъ неизвѣстно куда; Кочубей, боясь возвратиться въ Чигиринъ съ пустыми руками, прямо изъ Умани переѣхалъ къ Самойловичу и здѣсь поднялся до званія генеральнаго писаря. Въ описываемое время канцеляристъ Петрикъ, женатый на племянницѣ Кочубея, ушелъ на Запорожье, покравши важныя бумаги изъ канцеляріи. Первымъ дѣломъ Петрика, по пріѣздѣ въ Сѣчь, было разгласить о сношеніяхъ Мазепы съ Крымомъ по приказу изъ Москвы; потомъ сталъ разглашать, что Мазепа согласился съ Москвою — хотятъ всю Сѣчь разорить и козаковъ порубить. Въ слѣдствіе этого когда весною 1691 года пріѣхалъ въ Запорожье стольникъ Чубаровъ, привезъ царское жалованье, 500 червонныхъ, соболи, сукна, то одинъ

изъ куреныхъ атамановъ закричалъ: „Это жалованье не въ жалованье! мы служимъ долго, а кромѣ этого ничего не выслужили побольше, такіе соболи мы и прежде видали!“ Взявши соболи, онъ бросилъ ихъ на землю и сказалъ: пришли къ намъ Москали, велятъ намъ съ Турками воевать, а сами мирятся.“ Другіе козаки кричали: „Если такъ, то надобно старшихъ Москалей побить или въ Чертомлынъ посажать, остальныхъ же отдать въ городки. Соболи присланы только четверымъ, а надобно присылать намъ всѣмъ, какъ Донскимъ козакамъ присылаютъ. Велико жалованье — прислали 500 золотыхъ червонныхъ! намъ надобно присылать по 5000“. Въ Переволочнѣ находился у Мазепы дозорцою преданный ему человѣкъ Рутковскій, который доносилъ ему обо всемъ, что дѣлалось вокругъ. 22 февраля 1692 года Рутковскій писалъ гетману: „Захаръ, сынъ Полтавскаго протопопа Луки вмѣстѣ съ Полтавскимъ жителемъ, Иваномъ Герасименкомъ, возвратясь изъ Перекопи, гдѣ покупали лошадей, разказывали слово въ слово разговоръ свой съ Казыкерменскимъ писаремъ Шабаномъ. Знаете ли вы, господа Полтавцы? спросилъ Шабанъ, каковъ человѣкъ у васъ Кочубей? Тѣ отвѣчали: не знаемъ, только слыхали, что писарь генеральный. Знаю я, что писарь, продолжалъ Шабанъ: писарь то онъ писарь, да гетманомъ хочетъ быть, и уже дважды писалъ въ Крымъ, призывая Орду, чтобъ пришла поставить его гетманомъ. Дѣло и сдѣлалось бы, да хана не было. Онъ, Кочубей и канцеляриста Петрика прислалъ въ Сѣчу“. Тотъ же Захаръ клялся и божился Рутковскому, что Петрикъ говорилъ ему тайно: „знаю, что гетманъ не будетъ живъ отъ моего пана писаря; писарь хотѣлъ, усмотря время, его заколоть, и я жду каждый день о томъ вѣдомости“. Мазепа передалъ эти извѣстія въ Москву и прибавилъ отъ себя, что смотритъ зорко за Кочубеемъ, и если тотъ дѣйствительно что-нибудь замышляетъ, то отпишетъ немедленно къ государямъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1792 года замыселъ Петрика обнаружился. Онъ вдругъ скрылся изъ Запорожья и очутился у Турокъ въ Казыкермени. Отсюда онъ прислалъ въ Сѣчь грамоту, которую читали на радѣ: Петрикъ благодарилъ Запорожцевъ за

хлѣбъ, за соль и за писарство, которымъ онъ у нихъ занимался; просилъ прощенія, что безъ войсковаго вѣдома ушелъ изъ Сѣчи: „Часто многимъ изъ васъ говорилъ я, писалъ Петрикъ, въ какомъ опасеніи отъ разныхъ непріятелей пребываетъ нашъ Малороссійскій край и до какого приходитъ упадка, благодаря ненавистнымъ владѣтелямъ; я говорилъ, чтобъ промыслили объ этомъ усердно; но такъ какъ никто не хотѣлъ приняться за дѣло, то я сталъ за войско Запорожское и за весь Малороссійскій народъ, для чего вышелъ въ государство Крымское; когда предки наши жили съ этимъ государствомъ въ союзѣ, то никто намъ не смѣялся, и теперь всѣ вы добрые молодцы будете довольны договоромъ, который я заключу съ Крымомъ". Выслушавши грамоту, старшина объявила, что не согласна на соединеніе съ Крымцами и на походъ подъ государевы украйные города; но большая половина войска закричала: „А мы съ Крымцами и Петрикомъ войною на украйные города пойдемъ". По украйнѣ пошли слухи, что Петрикъ поднимаетъ орду и хочетъ искоренить арендаторовъ, пановъ и всѣхъ богачей. Своевольники начали къ нему собираться. Рутковскій давалъ знать, что Петрикъ говоритъ въ Казыкермени: „Стану промышлять и сдѣлаю лучше, чѣмъ Хмельницкій; гетманъ Мазепа присылалъ за мною, чтобъ меня выдали, а я теперь самъ къ нему поѣду".

6 мая Петрикъ послалъ на Запорожье грамоту, въ которой извѣщалъ, что заключилъ съ ханомъ договоръ: войску Запорожскому на Днѣпрѣ и по всѣмъ рѣчкамъ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра вольно безо всякихъ податей добывать рыбу, звѣря и соль, Чигиринская сторона, какъ она была завоевана Хмельницкимъ у Ляховъ, будетъ подъ властію войска Запорожскаго. „Кто хочетъ, писалъ Петрикъ, добывай себѣ рыбу, соль, звѣря, а кто хочетъ добычи Московской, пусть идетъ съ нами, потому что мы скоро съ войскомъ Запорожскимъ и ордами пойдемъ отбирать у Москвы свою украйну". Рутковскій давалъ знать Мазепѣ: „Непремѣнно надобно городовое своевольство удержать, чтобъ туда не тѣснились, потому что не только полемъ, но и рѣкою начали бѣжать: по пяти, по шести человѣкъ въ липѣ плывутъ".

Изъ Запорожья давали знать, что лучшіе козаки о Петрушкинѣ воровствѣ имѣютъ великую печаль, но пьяницы и голутьба говорятъ между собою: „Пойдемъ съ Петрушкою арендаторовъ бить!“ Къ счастію взяли верхъ лучшіе козаки; они были недовольны кошевымъ Өедькою, и закричали на радѣ, чтобъ оставилъ чинъ, въ которомъ не умѣетъ исправляться. Өедька сначала не хотѣлъ было оставлять уряда, но когда бросились за полѣньями, то на его мѣсто выкрикнули Гусака, который сказалъ: „Теперь свѣтъ зажженъ, а вы меня въ этотъ огонь гоните, чтобъ я его гасилъ: кто то дѣло началъ, тотъ пусть и кончитъ“; но, дѣлать нечего, принялъ должность. Новый кошевой, получивъ увѣщательную грамоту отъ Мазепы, отвѣчалъ ему: „У войска запорожскаго злаго умысла нѣтъ и знать объ немъ не хотимъ; къ такому безумію склоннымъ можетъ быть только тотъ, кто Бога Единаго въ Троицѣ не знаетъ. Правда и Хмельницкій былъ въ союзѣ съ Татарами, но потомъ поддался пресвѣтлымъ монархамъ. Тогда въ посполитой радѣ такой приговоръ былъ, чтобъ никакихъ досадъ на Украйнѣ не было; а нынѣ видимъ, что бѣднымъ людямъ въ полкахъ великія утѣсненія чинятся. Ваша вельможность правду пишите, что при Ляхахъ великія утѣсненія войсковымъ вольностямъ были, за то Богданъ Хмельницкій и войну противъ нихъ поднялъ, чтобъ изъ подданства могъ высвободиться. Тогда мы думали, что во вѣки вѣковъ народъ Христіанскій не будетъ въ подданствѣ; а теперь видимъ, что бѣднымъ людямъ хуже, чѣмъ было при Ляхахъ, потому что кому и не слѣдуетъ держать подданныхъ, и тотъ держитъ, чтобъ ему сѣно или дрова возили, печи топили, конюшни чистили. Правда, если кто по милости войсковой въ старшинѣ генеральной обрѣтается, такому можно и подданыхъ имѣть, никому недосадно, такъ и при покойномъ Хмельницкомъ бывало; а какъ слышимъ о такихъ, у которыхъ и отцы подданныхъ не держали, а они держатъ и не знаютъ, что съ бѣдными подданными своими дѣлать. Такимъ людямъ подданныхъ держать не слѣдуетъ, но пусть, какъ отцы ихъ трудовой хлѣбъ ѣли, такъ и они ѣдятъ“.

Мазепа отправилъ въ Сѣчь козака Горбаченка съ подар-

ками кошевому, судьѣ, писарю, есаулу. Гусакъ взялъ Горбаченка къ себѣ въ чуланъ и говорилъ: „Пусть благодѣтель господинъ гетманъ ни въ чемъ не сомнѣвается, потому что я его милости во всемъ желателенъ; скажи отъ меня господину гетману: если не отсѣчетъ головъ троимъ тамошнимъ: первому Полуботку, другому Михайлѣ (Гадяцкому?), третьему, что всегда при немъ живетъ (Кочубей?) самъ додумается кто, то никогда ему не будетъ покоя въ гетманствѣ, да и добра не будетъ на Украйнѣ. Чтобъ гетманъ не думалъ, будто все отъ нашего войска низоваго бунты начинались, или отъ тѣхъ, которые изъ городовъ приходили на добычу: въ Лубенскомъ полку не хотятъ аренды и бунтуются, съ Петрикомъ хотятъ идти; Гадячане и Полтавцы говорятъ: много гетманъ старостъ въ городахъ и по селамъ поставилъ, и также бунтуютъ, Петрика дожидаются.“ Кошевой просилъ гетмана приготовить войско, тысячь пятнадцать для промысла надъ Петрикомъ; обѣщалъ приманить его въ Сѣчь и схватить; въ заключеніе просилъ гетмана, чтобъ Москва милостивѣе обходилась съ Малороссіянами, потому что пріѣзжіе изъ городовъ жалуются на Москалей, которые въ городахъ живутъ: людей бьютъ, крадутъ, насильствомъ отнимаютъ, дѣтей малыхъ крадутъ и увозятъ въ Москву.

Горбаченко привезъ договоръ, заключенный Петромъ Ивановичемъ (Петрикомъ) съ ханомъ: Княжество Кіевское и Черниговское со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ и народомъ Малороссійскимъ остается удѣльнымъ при всякихъ своихъ вольностяхъ; Крымъ обязанъ его защищать отъ Ляховъ, отъ Москвы и отъ всѣхъ непріятелей; Чигиринская сторона будетъ подъ властію княжества Малороссійскаго; полки Харьковскій и Рыбинскій будутъ переведены на Чигиринскую сторону; чтобъ Крымцамъ были отворены Муравскіе шляхи для походовъ на Москву: добыча Московская будетъ воздаяніемъ Крымцамъ за настоящую ихъ помочь народу Малороссійскому; когда княжеству Малороссійскому дастъ Богъ полное господство, то оно вольно установить у себя порядокъ, какой захочетъ; въ Крыму будетъ резидентъ Малороссійскій, въ Малороссіи Крымскій.

На Запорожье Петрикъ опять прислалъ длинное письмо, уговаривая добрыхъ молодцовъ соединиться съ ханомъ: „Будучи у васъ въ Сѣчи, не разъ я говорилъ вамъ, въ какой опасности обрѣтается нашъ Малороссійскій край, и до какого упадка приходитъ отчизна наша чрезъ ненавистныхъ монарховъ, среди которыхъ живемъ: какъ львы лютые, пасти свои разинувъ, хотятъ насъ поглотить, т. е. учинить своими невольниками. Не дивно, что поступаетъ такъ король Польскій, потому что издавна мы были его подданные, и, за Божіею помощію, выбились изъ подданства и такой ему причинили уронъ, отъ котораго онъ и по сіе время не можетъ оправиться. Ханъ Крымскій за то на насъ враждуетъ, что мы ему на полѣ и на водѣ чинимъ бѣду. Но удивительно, что Московскіе цари, которые не чрезъ мечь нами завладѣли, перевели нашъ край Чигиринскій на Заднѣпрскую сторону, обсадились нашими людьми со всѣхъ сторонъ, и откуда бы ни пришелъ непріятель, наши города и села горятъ, нашихъ людей въ неволю ведутъ, а Москва за нами какъ за стѣною цѣла, и всѣмъ этимъ недовольствуясь, старается всѣхъ насъ сдѣлать своими холопями и невольниками. Для этого первыхъ нашихъ гетмановъ, Многогрѣшнаго и Поповича, которые за насъ стояли, забрали совсѣмъ въ неволю, а потомъ и насъ всѣхъ хотѣли взять въ вѣчное подданство, но Богъ имъ не помогъ: не могли разорить Крымъ и осадить своими людьми Казыкерменскіе города, а потомъ прогнать насъ изъ Сѣчи и учинить по городамъ воеводъ. Не могши исполнить этого, позволили нынѣшнему гетману пораздавать старшинѣ маетности, а старшина, подѣлившись нашею братьею, позаписывали себѣ и дѣтямъ своимъ въ вѣчность, и только что въ плуги не запрягаютъ, а уже какъ хотятъ, такъ и поворачиваютъ точно невольниками своими. Москва для того нашимъ старшимъ это позволила, чтобъ наши люди такимъ тяжкимъ подданствомъ оплошились и въ замыслахъ ихъ имъ не противились: когда наши люди отъ такихъ тяжестей замужичаютъ, то Москва Днѣпръ и Самару осадитъ своими городами. Король Польскій, имѣя досаду на царей Московскихъ, за то, что не воевали Крыма, хотѣлъ съ ордами идти на Москву, но преж-

де отобрать въ свое подданство нашу украйну. Еслибы это ему удалось, то хорошо ли бы намъ было? Сами вы подлинно знаете, что дѣлалось при Чарнецкомъ и при другихъ панахъ ляцкихъ, которые приходили съ войсками на нашу украйну, какъ они насъ мучили? не бывали ли братья наши на колахъ, въ прорубяхъ, не принуждены ли были козацкія жены дѣтей своихъ въ вару варить? не поливали ли ляхи людей нашихъ водою на морозѣ? не сыпали ли огонь за голенища? не отнимали ли солдаты имѣнія? Ляхи этого не забыли, и теперь еще готовы то же самое надъ нами дѣлать. А еслибы Московскіе цари заключили миръ съ Крымскимъ ханомъ, то также взяли бы насъ въ вѣчную неволю, какъ подщипаную птицу. Еслибы король Польскій или цари Московскіе съ Крымскимъ ханомъ помирились, то къ кому бы намъ было приклониться, кто бы намъ въ такой бѣдѣ подалъ помощь? Много я объ этомъ съ вами говорилъ, но такъ какъ никто изъ васъ за своихъ людей стоять не захотѣлъ, то я взялся за это дѣло. Сами, разумныя головы, разсудите, лучше ли быть въ неволѣ, или на волѣ? лучше ли быть чужимъ слугою, или себѣ господиномъ? лучше ли быть у Москаля или Поляка невольникомъ мужикомъ, или вольнымъ козакомъ? Когда Богданъ Хмельницкій съ войскомъ Запорожскимъ и ордами изъ подъ Ляцкаго подданства выбился, то не добро ли нашей украйнѣ дѣлалось? развѣ не было тогда у козаковъ золота, серебра, суконъ добрыхъ и коней и разной скотины стадами; а когда стали мы холопями Русскихъ царей, то запустѣла наша Чигиринская сторона, и перегнали насъ на сю сторону Днѣпра, ни у кого не только имѣнія, и лаптей не стало; большая часть нашей братьи очутилась въ Московскихъ городахъ по неволѣ, и каждый годъ берутъ ихъ тамъ Татары въ полонъ. Объявляю вашимъ милостямъ и то, что господинъ гетманъ по совѣту всѣхъ полковниковъ, тайно прислалъ ко мнѣ человѣка съ такимъ словомъ: какъ только мы къ Самарѣ приблизимся, то они всѣ отъ Москвы отстанутъ и, соединясь съ нами, пойдутъ воевать Москву; этотъ человѣкъ гетманскій и теперь при мнѣ находится и я вамъ его покажу. Поэтому будьте во всемъ надежны и безопасны, идите съ нами“.

Въ началѣ іюля Татары подъ начальствомъ Калги-султана явились у Каменнаго Затона, Петрикъ былъ съ ними. Какъ скоро узнали объ этомъ въ Сѣчи, нѣсколько куренныхъ атамановъ и бывшій кошевой Григорій Сагайдачный отправились на свиданіе къ Калгѣ; Петрикъ говорилъ ему, что у него есть письма и отъ гетмана, только онъ имъ ихъ не покажетъ, развѣ пріѣдетъ самъ атаманъ кошевой. Кошевой съ куренными атаманами и товариществомъ въ числѣ 600 человѣкъ отправились на свиданіе. Кошевой сталъ требовать у Петрика гетманскихъ писемъ; Петрикъ отговаривался: „Не надобно вамъ требовать отъ меня писемъ, вѣрьте словамъ моимъ.“ Но кошевой не отставалъ: „покажи письма или присягни, что они у тебя есть.“ Тогда Петрикъ объявилъ прямо, что никакихъ писемъ у него нѣтъ и никто его на это дѣло не наговаривалъ, заключилъ онъ за все войско Запорожское договоры съ ханомъ своимъ разумомъ, сжалившись надъ притѣсненнымъ Малороссійскимъ простымъ народомъ. Калга сталъ требовать, чтобъ атаманы присягнули въ пріязни къ Крыму; атаманы согласились; но когда они присягнули, то Калга началъ требовать, чтобъ Запорожцы шли съ Татарами на Московскіе города; кошевой отвѣчалъ, что Запорожцы разошлись теперь въ разныя мѣста, и на кошу войско неденежное, нельзя его употребить туда, куда захочешь; кто за вами захочетъ идти, того мы удерживать не будемъ, а кто не захочетъ, того силою не будемъ высылать. Возвратившись къ своему отряду, кошевой началъ спрашивать, угодно ли сдѣлать по просьбѣ Калги? одни отвѣчали, что не доведется съ бусурманами ходить войною на христіанъ; но другіе говорили: „когда вы Калгѣ уже присягнули, то можно съ нимъ и на войну идти“.

Возвратясь въ Сѣчь, рано утромъ 28 іюля кошевой собралъ раду, сложилъ съ себя атаманство кошевое, судья, писарь, есаулъ также сложили свои уряды, говоря, что есть въ войскѣ крикуны, которые принуждаютъ ихъ своими криками идти съ бусурманами на православныхъ христіанъ, и мы не хотимъ, чтобъ при нашемъ старшинствѣ такое зло на кошу сдѣлалось. Цѣлый день Комышина (булава) атаманская въ

радѣ лежала, а между войскомъ разные голоса происходили: одни говорятъ добре, а другіе зле. На другой день рано опять рада: кончилось тѣмъ, что знатные товарищи, по общему согласію, отправились въ курень къ кошевому, и упросили его, чтобъ оставался въ урядѣ, упросили и всю старшину; кошевой пришелъ на раду и говорилъ: „кто хочетъ за плутомъ Петрикомъ идти, того я не удерживаю, а кто будетъ постоянно на кошу сидѣть, того высылать не буду". Къ Петрику пристали тысячи съ три козаковъ.

Мазепа, узнавши объ этихъ событіяхъ, послалъ въ Москву съ просьбою о немедленной высылкѣ Великороссійскихъ войскъ на помощь: самъ онъ стоитъ подъ Гадячемъ и дальше одинъ не пойдетъ, потому что не такъ боится орды, какъ внутренняго волненія въ Малороссіи. Въ слѣдствіе этого бояринъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ и окольничій князь Ѳедоръ Борятинскій получили приказъ выступить противъ непріятеля, первый изъ Бѣлгорода, второй изъ Сѣвска. 5 августа пріѣхалъ въ Москву пятисотенный стрѣлецкаго полка, находившагося при гетманѣ, и разказывалъ, что въ Малороссіи между черныю многія непристойныя рѣчи заносятся ко всякой малости, говорятъ явно: „когда придетъ Петрикъ съ войскомъ Запорожскимъ, то мы пристанемъ къ нему, побьемъ старшину, арендаторовъ и сдѣлаемъ по прежнему, чтобъ все было козачество, а пановъ бы не было". За которыми козаками гетманъ посылаетъ свои листы, чтобъ шли къ нему въ обозъ — изъ тѣхъ приходятъ немногіе, а за которыми не посылали, тѣ приходятъ, своевольники, голутьба, и вмѣщаютъ въ войско своевольныя, худыя слова. Мазепа сильно жаловался, что Шереметевъ и Борятинскій не спѣшатъ походомъ и пожаръ можетъ разгорѣться, а ему, гетману, съ войскомъ Малороссійскимъ противъ тѣхъ непріятелей идти ненадежно, потому что и на внутреннія поведенія принужденъ осматриваться. Жители городковъ Орельскихъ, Цариченки и Китай городка уже здались непріятелямъ. Гетманъ, не дожидаясь воеводы, принужденъ выступить изъ подъ Гадяча къ Полтавѣ.

Но Татары съ Петрикомъ не стали дожидаться гетмана:

Мазепа далъ знать въ Москву, что въ началѣ августа Татары осаждали городокъ Моячку; но услыхавъ, что нѣсколько Малороссійскихъ полковниковъ, по приказу гетмана, идутъ къ городку на выручку, бросили осаду и ушли. Въ Москвѣ очень обрадовались окончанію дѣла, грозившаго такою сильною смутою въ Малороссіи, и цари послали Мазепѣ шубу соболью въ 800 рублей. Но вслѣдъ за тѣмъ бояринъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ прислалъ въ Москву письмо съ объясненіями, почему онъ не соединился съ гетманомъ: Мазепа писалъ ему, чтобъ онъ шелъ для соединенія съ нимъ къ Рублевкѣ, и былъ тамъ непремѣнно 5 августа; Шереметевъ, по этому письму, пришелъ въ Рублевку 6 августа до полудня, но Мазепа, вмѣсто того чтобъ идти къ Рублевкѣ же, пошелъ къ Полтавскимъ мѣстамъ по Заворсклю крѣпкими мѣстами, прислалъ сказать боярину о своемъ походѣ подъ Полтаву и чтобъ шелъ для соединенія съ нимъ, но куда именно, не объявилъ. Шереметевъ пошелъ однако къ Полтавѣ, но 8 августа на дорогѣ получилъ вѣсть отъ посланныхъ имъ впередъ Сумскаго и Ахтырскаго полковниковъ, что Татары, узнавъ о походѣ боярина для соединенія съ гетманомъ и испугавшись приближенія передовыхъ полковъ, Сумскаго и Ахтырскаго, ударились бѣжать.

Какъ бы то ни было, Мазепа получилъ богатую шубу; а скоро послѣ того кончилось дѣло о Соломонѣ. Начиная съ 1690 года Русскій резидентъ Волковъ не переставалъ твердить панамъ, что король долженъ выслать вора Соломонка въ Москву для розыска и наказать Шумлянскаго. Въ октябрѣ 1690 года Соломона привезли въ Жолкву къ королю и объявили о домогательствѣ русскаго правительства; монахъ билъ челомъ, чтобъ его казнили въ Польшѣ, а въ царскую сторону не выдавали. Мазепа также съ своей стороны хлопоталъ объ отсылкѣ Соломона въ Москву: когда Волковъ былъ во Львовѣ, подъячій его Герасимовъ встрѣтилъ на рынкѣ козака, который сказалъ, что зовутъ его Александръ Ивановскій, служитъ при гетманѣ Мазепѣ и пріѣхалъ отъ него къ коронному гетману Яблоновскому съ просьбою выслать Соломона въ Смоленскъ. Ивановскій былъ и въ Жолквѣ,

видѣлъ тамъ Соломона, сидитъ не скованный; въ одно время съ нимъ приходили къ Соломону епископъ Львовскій и Перемышльскій и говорили ему: „Пора тебѣ повиниться и сказать правду.“ Монахъ говорилъ имъ прежнія рѣчи, а какія — о томъ козакъ не сказалъ подъячему. Волковъ обратился къ гетману Яблоновскому съ требованіемъ выдачи Соломона; Яблоновскій отвѣчалъ: „Король велитъ выдать монаха; а мнѣ извѣстно подлинно, что Соломонъ приносилъ письма составныя воровскія, а не подлинныя; я знаю письмо гетмана Ивана Степановича Мазепы, и подпись руки, и разумъ письменнаго слога, а въ Соломоновыхъ письмахъ и рука не гетманская, и разумъ не его“.

Послѣ этого Волковъ узналъ, что изъ Польши на украйну ходитъ еще одинъ монахъ Ираклій Русиновичъ и переноситъ вѣсти королю. Передаютъ ему эти вѣсти двое слугъ гетмана Мазепы, которые вышли изъ Польши и поженились на Русскихъ дѣвицахъ, оставшись католиками; оба они знали о воровствѣ Соломона и помогали ему въ поддѣлкѣ печати, Мазепа же самъ ничего не знаетъ, узнать ему не отъ кого.

Для объясненій по дѣлу Соломона въ августѣ 1691 года пріѣхалъ въ Москву Польскій посланникъ Янъ Окраса, и объявилъ бывшему съ нимъ въ отвѣтѣ окольничему Чаадаеву: „Королевское величество съ ихъ царскимъ величествомъ всегда желаетъ быть въ непремѣнной братской дружбѣ и любви, и никакимъ ссорамъ вѣрить не изволяетъ; а въ прошломъ году объявился у насъ въ Польшѣ чернецъ Соломонъ съ воровскими составными письмами и съ поддѣльными печатями и подалъ королевскому величеству отъ имени заднѣпровскаго гетмана листъ. Король, видя, что письма составныя и печати поддѣльныя, приказалъ чернеца держать за крѣпкимъ карауломъ, и теперь этотъ чернецъ присланъ въ Могилевъ и отданъ межевымъ судьямъ; а воровскія письма и двѣ поддѣльныя печати изволилъ королевское величество, для братской дружбы и любви, прислать къ ихъ царскому величеству со мною“. Окраса передалъ при этомъ три письма и двѣ печати. Приведемъ, для примѣра, одно письмо: Мазепа пишетъ къ королю: „Наияснѣйшій король и государь нашъ

милостивый, монарше непобѣдимый! Къ вашей государской милости въ третій разъ пишемъ, какъ отцу своему и монарху великому. Знатно, что ваша государская милость не изволяетъ насъ, слугъ своихъ подъ свои крылья принять, потому что ваша государская милость намъ никакой утѣхи не даете чрезъ нашего монаха, а своихъ присылаете, особенно Искрицкаго, съ зятемъ котораго я въ большой ссорѣ; а Домрацкому могъ бы я повѣрить, только по городамъ вездѣ Москва и чутко стерегутъ новопріѣзжаго человѣка, и по Днѣпру отъ самаго Кіева внизъ до Чернобыля. А Соломонъ знаетъ, гдѣ перейдти Днѣпръ и мало будетъ городами идти. Просимъ у вашей королевской милости надежной вѣдомости, потому что не могу ничего дѣлать. Пишетъ ко мнѣ полковникъ Полтавскій, чтобъ Москвы не пускать въ города, а по орду непремѣнно посылать; до пріѣзда Соломона отъ вашей королевской милости будемъ держать Шеленбея-мурзу, а другой Татаринъ пріѣхалъ изъ Крыма недавно, на третьей недѣлѣ поста, и говорилъ, что къ вашей королевской милости пошелъ Татарскій посолъ. И о томъ вашей королевской милости объявляю, что я слышалъ про гетмана короннаго, будто ваша королевская милость на него гнѣваетесь, и потому къ нему гетману не смѣлъ писать и къ пану подскарбію, только знаю хорошо, что и онъ не вѣдаетъ о тѣхъ секретахъ, потому что ваша королевская милость на то не соизволяетъ. Дайте же намъ подлинную вѣдомость черезъ нашего Соломона, и мы будемъ сами съ ордою бить Москву; мы начнемъ, а ваша королевская милость давайте помощь, присылайте своего войска нѣсколько тысячь на назначенное мѣсто, чрезъ Днѣпръ на Каневъ; а если ваша королевская милость своего вѣрнаго человѣка хотите прислать съ Соломономъ, то будемъ вѣрить ему, а такъ нельзя одному ему проѣхать чрезъ города и чрезъ Днѣпръ; не дай Богъ чего — сей часъ же погибнемъ отъ Москвы. Сами разсудите, ваша королевская милость, что страшное дѣло мы начали и будемъ его сколько можно доканчивать, на Божію милость надѣемся и на вашу королевскую милость, потому что мы уже совсѣмъ тайно прибрались, только ожидаемъ отъ вашей королевской

милости совѣту, и за тѣмъ кланяемся вашей королевской милости".

По разсмотрѣніи писемъ Чаадаевъ имѣлъ другой разговоръ съ Окрасою: „Ты объявилъ, говорилъ онъ посланнику, что король прислалъ письма и печати по братской дружбѣ къ царскому величеству; но въ этой братской дружбѣ есть сомнѣніе не малое. Король изволилъ прислать Соломонковы письма самыя послѣднія, которыя онъ составилъ подъ Варшавою въ третій разъ, писаны они коротко, безо всякаго объявленія о дѣлѣ, только упомянуто о первыхъ и вторыхъ письмахъ, которыя онъ же Соломонка подалъ королю и Шумлянскому, написавши въ нихъ пространно о пріемѣ гетмана Ивана Степановича подъ оборону королевскую; этимъ первымъ письмамъ при дворѣ королевскомъ повѣрили и послали къ гетману Доморацкаго. Съ этихъ первыхъ писемъ гетманъ коронный Яблоновскій, по королевскому указу, прислалъ гетману Мазепѣ списки, которые съ подданными тобою подлинными письмами ни въ чемъ не сходны". Тутъ Чаадаевъ показалъ Окрасѣ письмо Яблоновскаго къ Мазепѣ и списки съ прежнихъ Соломоновыхъ писемъ: все это Мазепа переслалъ въ Москву. „Доложи королевскому величеству, продолжалъ Чаадаевъ, что если онъ хочетъ правдивымъ сердцемъ съ царскимъ величествомъ по братски поступить, то изволилъ бы прислать и первыя, и вторыя Соломонковы письма подлинныя".

— „Первыя и вторыя письма Соломонко дѣйствительно королю подавалъ, отвѣчалъ Окраса: только имъ король ни въ чемъ тогда не повѣрилъ, поэтому ихъ бросили безъ вниманія, они затерялись и передъ моимъ отъѣздомъ отыскать ихъ никакъ не могли, сыскали только послѣдніе листы, которые я и привезъ. Посылка къ гетману Мазепѣ съ призывомъ въ Польское подданство никакой не бывало отъ короля; пусть великіе государи Соломонка на границѣ велятъ принять, а Доморацкаго съ письмомъ Шумлянскаго отдадутъ королю".

— „Теперь Доморацкаго отдать великіе государи не приказали, говорилъ Чаадаевъ: потому что доведется ему съ Со-

ломонкомъ дать очную ставку, а какъ дѣло кончится, то и Доморацкій будетъ отпущенъ. Ты говоришь, что король и первымъ письмамъ не повѣрилъ и не посылалъ къ Мазепѣ: но по чьему приказанію посылалъ Шумлянскій?" Окрасѣ показали подлинное письмо Шумлянскаго къ Мазепѣ, прочли и распросныя рѣчи Доморацкаго, въ которыхъ тотъ показалъ, что посланъ былъ Шумлянскимъ къ Мазепѣ по приказанію королевскому. Окраса вздумалъ оправдывать Шумлянскаго, говорилъ, что въ его письмѣ нѣтъ ничего, кромѣ призыва на войну противъ бусурманъ. — „Но о какомъ это игѣ говоритъ Шумлянскій, которое надобно свергнуть? спросилъ Чаадаевъ: на украинскихъ жителяхъ Татарскаго или Турецкаго ига нѣтъ!" Окраса замолчалъ.

Соломонъ былъ выданъ. Его привезли въ Москву, разстригли и, подъ прежнимъ его свѣтскимъ именемъ Семена Гродскаго, подвергли пыткѣ. Что онъ показалъ, неизвѣстно. Извѣстно только то, что въ Батуринъ поѣхали царскіе посланцы съ извѣстіемъ, что Михайла Гадяцкій сосланъ въ Сибирь, повезли къ гетману и Семена Гродскаго. Мазепа требовалъ его неотступно, жаловался, что думный дьякъ Украинцевъ, безъ царскаго указа и безъ приказа боярина Льва Кирилловича Нарышкина велѣлъ Кочубею надзирать за гетманскимъ поведеніемъ, отъ чего учинилось Кочубеево многое лукавственное коварство; гетманъ объ этомъ ничего не зналъ, потому его и ни во что ставятъ; а Кочубей въ дружбѣ съ Полуботкомъ. Полуботокъ бранилъ гетмана всячески въ Кіевѣ и доносилъ на него въ Москвѣ, но не могъ ничего доказать и отосланъ былъ къ гетману головою, однако въ царской грамотѣ велѣно ему жить въ своемъ имѣніи до указу: отъ этого гетману учинилась великая стыдная печаль. Петрикъ, племянникъ Кочубеевъ, по такому же воровскому вымыслу отпущенъ въ Крымъ, какъ Соломонка къ королю; гетманъ слезно молитъ Бога, чтобъ Богъ выдалъ врага Соломонка на обличеніе другихъ враговъ.

Но когда Гродскаго привезли въ Батуринъ, чтобъ тамъ казнить его смертію, то гетманъ, побивши челомъ за царскую милость, объявилъ, что онъ не можетъ казнить Грод-

скаго безъ полковниковъ, да и не желаетъ онъ его смерти, а гораздо лучше возить его по всѣмъ Малороссійскимъ городамъ и показывать народу для совершенной ему гетману, старшинѣ и всему войску Запорожскому очистки. Но въ Москвѣ смотрѣли иначе: къ Мазепѣ былъ посланъ указъ: чернеца Соломонка, государственнаго измѣнника и замутителя, во время съѣзду старшины въ Батуринъ, казнить смертію, а по городамъ не возить, потому что о его воровствѣ извѣстно всѣмъ. Когда старшина собралась, Мазепа велѣлъ генеральному писарю Кочубею прочесть передъ нею Московскій розыскъ Гродскаго и показать его воровскія письма и поддѣльныя печати. Старшина и полковники, посмотря на письма и печати, сказали, что это дѣло не одного вора Соломонка, ясно, что онъ призванъ и наученъ другими злыми людьми. Гетманъ сказалъ имъ, чтобъ они поставили передъ себя преступника и распросили, не было ли другаго предводителя съ нимъ въ этомъ зломъ дѣлѣ? Гродскій былъ приведенъ предъ старшину и говорилъ съ клятвою свои прежнія рѣчи, что кромѣ Мишки Васильева другихъ совѣтниковъ съ нимъ не было, а еслибъ были, то онъ и въ Москвѣ бы про нихъ сказалъ и такихъ жестокихъ пытокъ и огня не терпѣлъ. 7 октября Гродскаго казнили, и у казни онъ сказалъ прежнія же рѣчи. Мазепа былъ недоволенъ, что Соломонка казнили смертію, а Михайлу Гадяцкаго только сослали въ Сибирь: „Слѣдовало бы казнить смертію и Мишку, безъ пощады, писалъ онъ царямъ, потому что Соломонко передъ казнію показалъ на Мишку, какъ на человѣка, который его подучилъ на злобу; да будетъ монаршая воля; но мы просимъ покорнѣйше сына Мишкина не отпускать сюда на Украйну, потому что дерево злое плодъ злой творитъ“. Гетманское желаніе на счетъ Гадяцкаго исполнить было нельзя; ибо вотъ что говоритъ современное извѣстіе: „пытанъ Черкасскій полковникъ Михаилъ Гадяцкій въ государственномъ дѣлѣ; съ пытки онъ ни въ чемъ не винился, очистился кровью и сосланъ въ ссылку“.

Петрикъ въ своихъ возмутительныхъ грамотахъ указывалъ на двѣ тягости для Малороссіянъ, за которыя обвинялъ

Московское правительство: на аренду или винный откупъ и на обычай жаловать населенныя земли чиновникамъ, которые притѣсняютъ своихъ подданныхъ. Въ Москвѣ обратили на это вниманіе и послали сказать гетману, чтобъ онъ подумалъ хорошенько, нельзя ли отстранить оба обвиненія. Мазепа отвѣчалъ: „Аренда здѣсь въ Малороссійскихъ городахъ не такъ налогами своими тяжела, какъ самымъ именемъ изъ давныхъ временъ ненавистна, надобно думать отъ того, что при Польской державѣ жиды ею владѣли и много вымышленныхъ отягощеній дѣлали. Мы, посовѣтовавшись съ старшиною и полковниками, разослали по всѣмъ полкамъ и городамъ универсалы, въ которыхъ прежде всего увѣщеваемъ, чтобъ старшина наблюдала за арендою, не позволяя обижать людей, т. е. чтобъ каждому человѣку позволено было выкурить дома вина или купить гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ кромѣ арендовыхъ шинковъ, на свадьбу и на крестины; также разошлемъ универсалы съ обнадеживаніемъ народа, что гетманъ съ старшиною ищетъ способовъ отмѣнить аренду, а вмѣсто нея найти какія-нибудь другія средства достать денегъ на войсковые расходы; пусть и весь народъ, старшіе и меньшіе, посовѣтуются между собою и дадутъ намъ знать, какъ имъ лучше, платить ли, вмѣсто аренды, новую подать народомъ или наложить пошлину со всякихъ шинковъ? Касательно маетностей мы такъ разсудили съ старшиною: которыя особы въ войскѣ и народѣ считаются къ службѣ негодными, а въ силу нашихъ универсаловъ владѣютъ маетностями, у тѣхъ маетности отнять; у тѣхъ же, которые владѣютъ маетностями по царскимъ грамотамъ, отнять маетностей не смѣемъ, ибо это значило бы нарушеніе монаршеской воли. Объ этомъ просимъ милостиваго указа и докладываемъ: Запорожцы не разъ давали намъ знать и теперь чрезъ посланца нашего объявили, чтобъ маетности отъ меньшихъ особъ были отобраны: не такъ нелюба имъ аренда, какъ это владѣніе маетностями, и если мы ихъ не отберемъ, то между народомъ встанетъ смута. Мы уже давно разослали повсюду универсалы, чтобъ никто изъ владѣльцевъ не смѣлъ въ пожалованныхъ ему селахъ отягощать жителей большими ра-

ботами и поборами и дѣлать имъ какія-бы то ни было обиды, чтобы на владѣльцевъ притѣснителей крестьяне подавали намъ челобитья, по которымъ будетъ непремѣнно расправа.

Новая мѣра отобранія маетностей прежде всего приложена была къ Леонтію Полуботку. Миргородскій полковникъ Данила Апостолъ донесъ, что когда Мазепа былъ въ Москвѣ, то сынъ Полуботка говорилъ ему Апостолу о враждебныхъ намѣреніяхъ Михайлы Гадяцкаго: „Если, писалъ Мазепа, молодой Полуботокъ зналъ о замыслахъ Гадяцкаго, то долженъ былъ знать и о замыслахъ Соломона, долженъ былъ знать объ этомъ и отецъ его, тѣмъ болѣе, что старикъ, находясь на полковничествѣ Переяславскомъ, промышлялъ о гетманствѣ“. Въ слѣдствіе этого Полуботки, отецъ и сынъ были посажены подъ караулъ и маетности отобраны.

Въ то время, когда Мазепа преслѣдовалъ своихъ внутреннихъ враговъ, на западномъ берегу Палѣй все болѣе и болѣе пріобрѣталъ славы въ неутомимой борьбѣ съ Татарами. Тяжолъ пришелся онъ Крыму: тамъ сравнивали его съ Сѣркомъ и подсылали къ нему съ предложеніями, что ханъ сдѣлаетъ его лучше Хмельницкаго, если только онъ перейдетъ на Татарскую сторону. Положеніе Палѣя дѣйствительно стало похоже теперь на положеніе Хмельницкаго: въ Польской сторонѣ онъ оставаться не хотѣлъ, потому что козакъ не могъ ужиться въ ладу съ панами; билъ челомъ великимъ государямъ, но тѣ не принимали, боясь нарушить мирный договоръ съ Польшею, какъ изъ той же боязни не принималъ Хмельницкаго отецъ ихъ; но Хмельницкій сталъ пугать Москву тѣмъ, что если не приметъ его православный царь, то онъ поддастся бусурманамъ; и Палѣй теперь, въ слѣдствіе присылки изъ Крыма, получилъ возможность грозить тѣмъ же. При личномъ свиданіи съ Мазепою въ Барышевкѣ онъ сказалъ ему, чтобъ великіе государи приняли его безъ отлагательства, а если онъ на ихъ службу не надобенъ, то пусть ему объ этомъ объявятъ прямо, и онъ сыщетъ себѣ мѣсто: и Татары его къ себѣ примутъ; великіе государи напрасно такъ боятся нарушить мирный договоръ съ Польшею: Поляки хлопочутъ изо всѣхъ силъ, какъ бы только отыскать случай къ

войнѣ. Мазепа, сообщая объ этомъ разговорѣ въ Москву, прибавляетъ отъ себя, что если Палѣй перейдетъ къ Татарамъ, то и Запорожцы пойдутъ вмѣстѣ съ нимъ туда же, что̀ будетъ очень вредно для Россіи: хорошо было бы поэтому Палѣя принять, а передъ Поляками отговориться тѣмъ, что онъ родился въ Борзнѣ; и если великіе государи Палѣя примутъ, то онъ Мазепа сдѣлаетъ его полковникомъ Переяславскимъ. Но изъ Москвы прежній отвѣтъ: Палѣя принять нельзя; гетманъ долженъ его уговаривать, не допускать, чтобъ онъ, въ отчаяніи, перешелъ на бусурманскую сторону; а если учинится Палѣю совершенное утѣсненіе, то онъ бы отъ полка своего отлучился тайно на Переяславскую сторону. Но Мазепа этимъ не успокоился, и въ декабрѣ 1692 года снова писалъ царямъ о Палѣѣ: просилъ внушить Польскому правительству, какой вредъ будетъ христіанству, если Палѣй будетъ приведенъ въ отчаяніе Польскими притѣсненіями и отложится къ Татарамъ; но при этомъ гетманъ повторялъ прежнее: „лучше было бы принять Палѣя со всѣми людьми и съ городкомъ Хвастовымъ подъ царскую руку; если онъ, будучи Малороссіяномъ по происхожденію и пріобрѣтши такую знаменитость, перейдетъ къ непріятелю, то въ Малороссіи поднимется волненіе, прельщенные своеволіемъ и добычею, многіе люди потянутся отсюда къ нему. Цари отвѣчали, что въ случаи крайности Палѣй съ тѣми изъ своихъ полчанъ, которые изъ Запорожья и съ восточной стороны Днѣпра, можетъ перейти опять въ Запорожье и, побывши тамъ нѣсколько времени, пусть расходятся въ Малороссійскіе города, куда кому сручно, гдѣ у кого есть родственники: за этотъ переходъ выговоровъ и причитанья съ Польской стороны не будетъ, а Палѣю перейти на Запорожье вовсе не безчестно: какимъ путемъ онъ вышелъ изъ Запорожья въ Польшу, тѣмъ же самымъ возвратится изъ Польши на Запорожье.

И кромѣ Палѣя было много людей за Днѣпромъ, которые постоянно обращали свои взоры къ Москвѣ.

Шумлянскій спѣшилъ оправдаться передъ царями. Весною 1692 года русскій резидентъ стольникъ Михайловъ находил-

ся во Львовѣ. 30 апрѣля епископъ прислалъ къ нему своего архидіакона съ приглашеніемъ пріѣхать къ нему на другой день въ каѳедральный соборъ къ обѣднѣ, и смотрѣть комедіи, которая будетъ дѣйствоваться въ честь св. мученика Георгія, а послѣ комедіи обѣдать у него, епископа. Резидентъ не поѣхалъ, отговорившись нездоровьемъ. На другой день 1-го мая новый посолъ отъ Шумлянскаго, соборный священникъ, монахъ Красинскій, у котораго резидентъ великимъ постомъ исповѣдовался. Монахъ началъ говорить о сильномъ огорченіи епископа, что нигдѣ не можетъ видѣться съ резидентомъ; все это изъ за Соломона, но епископъ тутъ невиноватъ, ввязался онъ въ дѣло по неволѣ. Михайловъ отвѣчалъ, что онъ никакого дѣла не знаетъ, не видался съ епископомъ по болѣзни и за недосугами, и если Шумлянскій хочетъ непремѣнно съ нимъ видѣться, то пусть 4 мая, съ немногими провожатыми, пріѣзжаетъ въ загородную пустынь Іоанна Богослова: тамъ онъ резидентъ будетъ у обѣдни. Шумлянскій пріѣхалъ въ назначенное мѣсто, и удаливъ всѣхъ свидѣтелей, началъ говорить резиденту: „Въ нечаемую бѣду и въ гнѣвъ царскаго величества вшелъ я неволею, а неохотою.“ Тутъ взялъ онъ крестъ, поцѣловалъ и, прослезясь, продолжалъ: „Ей, самою истиною буду говорить: когда чернецъ Соломошко съ фальшивымъ письмомъ къ королю явился, то король сейчасъ же прислалъ за мною и говорилъ: „пане отче, приспѣло твое время намъ помогать, а кромѣ тебя дѣлать этого дѣла некѣмъ.“ И я по тому королевскому приказу писалъ къ гетману Мазепѣ письмо своею рукою, чтобъ онъ по желанію своему, приступалъ къ наслѣдственному государю. А кромѣ того ничего дурнаго я не писалъ. Прежній резидентъ Волковъ безчеловѣчно на меня наносилъ, будто я законопреступникъ и воръ, писалъ въ Украйну воровскія письма и съ архидіакономъ своимъ прислалъ будто какой то листъ за королевскою рукою. Этимъ я оклеветанъ и дѣло доходило уже до того, чтобъ и мнѣ такъ же поступить, какъ Перемышльскій епископъ. Скажи пожалуйста, какой это королевскій листъ и откуда онъ въ Москвѣ взялся?“

— „Не слыхалъ и не знаю ничего, что ты мнѣ говоришь,

отвѣчалъ Михайловъ: а по словамъ твоимъ разсуждаю, что и то письмо, которое ты писалъ къ гетману Мазепѣ, очень нехорошее письмо, и думаю, что ты это сдѣлалъ самъ собою, безъ королевскаго указа, и короля клеплешь, чтобъ себя оправдать."

Шумлянскій клянется и божится, что сдѣлалъ по королевскому указу: „У меня объ этомъ, говоритъ онъ, два королевскихъ письма за его подписью и печатью. Да и безъ этого каждому можно разсудить, могъ ли я это сдѣлать самъ собою: вѣдь Мазепа съ Украйною никогда мнѣ въ особое подданство не поддастся, да и мнѣ отъ себя призывать его нельзя. Царское величество требовалъ отъ короля, чтобъ онъ выдалъ меня въ Москву на казнь, и король отмалчивался; а еслибъ я писалъ къ Мазепѣ самъ собою, то король разсердился бы на меня и отстаивать меня не сталъ. Но слава Богу, что отъ этого ничего не сдѣлалось, все по прежнему, и впередъ будетъ въ науку; король не перестаетъ жалѣть объ этомъ и до сихъ поръ, хлопочетъ, какъ бы поскорѣе дѣло прекратилось, и Соломона отдалъ."

— „Такъ какъ я ни у кого объ этомъ, кромѣ тебя, не слыхалъ, то много разсуждать мнѣ и толковать нечего, говорилъ резидентъ: только и изъ немногихъ словъ твоихъ могу понять, что дѣло это не малое, и надобно тебѣ о себѣ порадѣть, какъ въ томъ исправиться, и душу свою отъ такого великаго грѣха избавить."

Шумлянскій, вздохнувши, сказалъ на это: „Сатана меня искусилъ; а король развѣ не умный человѣкъ, и другіе, которые въ то дѣло ввязались, развѣ не умные люди? однако были обмануты чернецомъ, безъ разсмотрѣнія поступили. Говорю тебѣ навѣрное, что Полякамъ отыскивать Украйны: въ срединѣ великаго поста вдругъ присылаетъ за мною король; я поѣхалъ; а онъ меня встрѣчаетъ словами: отецъ! прежнее то наше дѣло исполнилось, Мазепа ужъ нашъ, пріѣхалъ въ Бѣлую Церковь. Цѣлый тотъ день король былъ веселъ и напоилъ меня добрымъ виномъ, какого уже давно никто у него не пивалъ. Но потомъ, четыре дни спустя, опять прислалъ за мною и говорилъ, что дѣло отмѣнилось, еще не ис-

полнилось. Изъ этого можно видѣть, какую здѣсь имѣютъ надежду."

— „Слышу отъ тебя дѣла дивныя, говорилъ резидентъ: не ожидалъ я отъ твоей особы и отъ твоего чина, чтобъ ты впалъ въ такія тяжкія грѣхи своевольно. Но какими же способами ты хочешь исправиться и вину свою покрыть?"

— „Что было, то было, отвѣчалъ Шумлянскій, прогнѣвалъ я великихъ государей письмомъ къ Мазепѣ, очень жалѣю, да воротить нельзя; а хочу за ту вину заслужить великимъ государямъ вотъ чѣмъ: хотя у царскаго величества и заключенъ вѣчный миръ съ Поляками, только миръ этотъ очень не крѣпокъ; Поляки царскому величеству большіе недоброхоты, и ждутъ только случая, какъ бы Малороссійскіе города оторвать, для того мирный договоръ и въ конституціяхъ ихъ не напечатанъ, подкрѣпленъ онъ одною королевскою присягою, а рѣчью посполитою не подтвержденъ. Но дѣло извѣстное, что королевскія рѣшенія можетъ послѣдній шляхтичь оспорить. Какъ только Поляки соберутся съ силами и увидятъ удобный случай, такъ вѣчный миръ и нарушатъ. Союза съ ними имѣть невозможно, потому что все обманываютъ и всякими способами ищутъ зла: за вѣчнымъ миромъ мало не все благочестіе привели неволею въ унію, остался съ своею епархіею я одинъ. Прекратить это зло и подкрѣпить вѣчный миръ можно такъ: потребовать на сеймѣ, чтобъ мирный договоръ въ конституціяхъ своихъ напечатали, а если не напечатаютъ, то великіе государи не будутъ ставить этотъ миръ въ миръ. Не худо бы имъ и погрозить, да спросить, за чѣмъ Премышльскую епископію обратили въ унію? Станутъ говорить, что епископъ приступилъ къ уніи своею охотою, отвѣчать: пусть онъ одинъ и будетъ вашъ, а православнымъ его епархіи пусть будетъ воля выбрать другаго епископа; а съ челобитьемъ объ этомъ выборѣ много православныхъ на сеймъ прійдетъ и я челобитье изготовлю; Полякамъ отказать будетъ нельзя, епископія возстановится и благочестіе утвердится на долгія времена; потомъ пусть царскіе послы поднимутъ на сеймѣ дѣло обо мнѣ, потребуютъ мнѣ наказанія за письмо къ гетману Мазепѣ; я, будучи огражденъ конституціею, вы-

ступлю противъ короля смѣло, письма королевскія всѣмъ покажу. Думаю, что тутъ король станетъ утекать. А на сеймѣ надобно съ ними обходиться по французскому обычаю, нѣкоторыхъ сенаторовъ надобно подкупить; такъ войною Поляковъ не повоюешь, какъ подачкою; подарками царское величество можетъ сдѣлать на сеймѣ все что угодно. Если же великіе государи прежде подтвержденія договора конституціею начнутъ дѣло обо мнѣ, то я приступлю къ уніи или за границу уѣду. Совѣсть мою Богъ видитъ, что я писалъ письмо по крайней неволѣ, укрывая благочестіе, принужденъ я поступать подозрительно, ношу сапоги то красные, то желтые, шапку надѣваю вмѣсто клобука, угождая польскимъ политикамъ, какъ бы только епархію свою отъ гоненія избавить.“

15 мая, въ Троицынъ день Шумлянскій служилъ въ соборной церкви, молился усердно, торжественно за царей, за вселенскихъ и за московскаго патріарховъ, за царскую палату, за умноженіе благочестивой вѣры греческаго закона; резидентъ былъ въ церкви, и все Львовское братство „съ великимъ благочиніемъ и рацеями отдавало передъ нимъ великимъ государямъ свое доброжеланіе и рабскую уклонность.“

А между тѣмъ по прежнему шла церковная борьба у Русскихъ съ Поляками, по прежнему Поляки не переставали тѣснить православныхъ. Вотъ что доносилъ Русскій резидентъ Волковъ въ Москву. 14 мая 1690 года, въ Варшавѣ канцлеръ коронный Эрнстъ Денгофъ судилъ Владимірскихъ мѣщанъ съ епископомъ Владимірскимъ, отступникомъ отъ православія, уніатомъ. Епископъ хотѣлъ обратить въ унію двѣ благочестивыя церкви, построенныя Владимірскимъ братствомъ; онъ выставлялъ на видъ, что всѣ русскія церкви теперь въ уніи и находятся подъ его паствою; остались только двѣ эти церкви, и священники ихъ ходятъ по своей волѣ, а его, епископа не слушаютъ. Мѣщане доказывали, что церкви эти изстари благочестивыя, и потому не слѣдуетъ обращать ихъ въ унію, король при избраніи своемъ присягалъ, что вѣрѣ никакого утѣсненія не дѣлать. Канцлеръ произнесъ такое рѣшеніе: „хотя прежде эти церкви въ уніи и не были, такъ

теперь будутъ."—Но только что онъ выговорилъ эти слова, какъ всѣмъ показалось, что своды въ палатѣ начали трещать и стѣны колебаться. Всѣ бросились бѣжать; канцлеръ въ дверяхъ зацѣпился за что то своими широкими рукавами и упалъ, бѣжавшіе за нимъ попадали на него и чуть не задушили, вынесли его чуть живаго. Опомнившись въ сѣняхъ, канцлеръ послалъ вѣрныхъ людей осмотрѣть, нѣтъ ли кого на крышѣ и отъ чего своды грозили паденіемъ: на крышѣ никого не нашли и своды стояли безо всякаго поврежденія. Не смотря на то, канцлеръ не рѣшился досуживать суда, и больше уже не входилъ въ ту палату, а дѣло предоставилъ на королевское рѣшеніе: король рѣшилъ въ пользу уніатовъ. Сколько было тогда православныхъ въ Варшавѣ, при дворѣ, видно изъ слѣдующаго донесенія Волкова. На дворѣ у резидента была православная церковь, гдѣ служилъ священникъ изъ Перемышля. Въ церковь сходилось множество православнаго народа, покоевые дворяне королевскіе и шляхта, священникъ исправлялъ требы, исповѣдовалъ, пріобщалъ, крестилъ младенцевъ, вѣнчалъ свадьбы. Это сильно не нравилось Польскому духовенству, и 20 мая Познанскій бискупъ Витвицкій велѣлъ схватить священника на улицѣ и привести къ себѣ. Наговоривши ему о вѣрѣ благочестивой противныхъ вещей, бискупъ велѣлъ посадить его подъ караулъ у себя на дворѣ. Но на другой же день умеръ скоропостижно королевскій сокольникъ, русскій человѣкъ; товарищи его сокольники подали королю просьбу, чтобъ позволено было похоронить умершаго по православному обряду; король согласился, и по его указу освободили священника изъ подъ епископскаго караула. Осенью того же года уніатскій Перемышльскій епископъ Малаховскій захватилъ пять православныхъ церквей, причемъ уніаты отняли у православныхъ священниковъ дворы, разграбили имѣніе. По королевскому указу велѣно было дворы и пашенную землю священникамъ отдать; но уніаты не послушались, а вдова бывшаго коронпаго подскарбія Андрея Модрѣевскаго, Урсула, въ имѣніи которой находились захваченныя церкви, велѣла поймать одного священника и бить передъ собою дубьемъ: несчаст-

ный получилъ триста ударовъ, послѣ чего другіе православные священники привезли его въ Жолкву къ королю для осмотра, но не получили никакой управы. Сначала въ Львовѣ въ школахъ іезуитскихъ ученье русскимъ людямъ было свободное; но въ девяностыхъ годахъ іезуиты начали русскихъ принуждать къ уніи и присягѣ: кто изъ русскихъ учениковъ выучится у нихъ въ школахъ грамматикѣ и реторикѣ, того допускали они слушать философію только годъ, кто же хотѣлъ оставаться долѣе въ школахъ, тотъ долженъ былъ принять унію.

Въ 1691 году на смѣну Волкову отправился въ Польшу другой резидентъ, стольникъ Борисъ Михайловъ; въ Минскѣ явились къ нему православные мѣщане, Демьянъ Шишка съ товарищами и жаловались, что на нихъ отъ пановъ Литовскихъ, отъ гетмана Сапѣги и другихъ великое гоненіе, принуждаютъ ихъ къ уніи всякими мѣрами. Въ маѣ мѣсяцѣ уніатскій плебанъ Салганъ Юревичь, собравшись съ католиками и уніатами, пріѣзжалъ въ Минскій Петропавловскій монастырь многолюдствомъ и хотѣли насильно обратить монастырь въ унію. Архимандритъ монастыря, Петръ Пашковичь съ братіею поостерегся, далъ всѣмъ православнымъ знать заранѣе, и православные, собравшись, сидѣли въ монастырѣ съ оружіемъ и каменьями трое сутокъ, положивши оборонять монастырь до самой смерти, католиковъ и уніатовъ съ великою запальчивостію били и сказали имъ напослѣдокъ, что помрутъ въ монастырѣ всѣ, а кто останется въ живыхъ, побѣгутъ съ женами и дѣтьми въ Москву, и будутъ имъ мстить какъ смогутъ. Тогда осаждающіе отступили отъ монастыря. Гонятъ православныхъ и всякіе налоги и наѣзды чинятъ во всей Литвѣ уніатскій митрополитъ Кипріанъ Жуховскій, Виленскій епископъ Константинъ Брестовскій да плебанъ Юревичь. Татарамъ и Жидамъ, говорили мѣщане, больше уваженія отъ пановъ, нежели благочестивымъ христіанамъ: Татары могутъ строить новыя мечети, а Жиды кагалы, а православнымъ древнихъ церквей покрывать и починять не позволяютъ, ведутъ къ тому, чтобъ благочестіе до конца известь.

Лѣтомъ 1692 года, будучи во Львовѣ, резидентъ шелъ однажды предмѣстьемъ, и за іезуитскимъ костеломъ встрѣтилъ старика очень почтенной наружности, который подошелъ къ нему, объявилъ, что онъ шляхтичъ русской вѣры, именемъ Попара и попросилъ позволенія поговорить безъ свидѣтелей. Съ тяжелымъ вздохомъ началъ свою рѣчь Попара, что бывалъ онъ въ Москвѣ еще при царѣ Михаилѣ, не разъ цѣловалъ у него руку, а при державѣ царя Алексѣя Михайловича въ продолженіи многихъ лѣтъ ссылался обо всякихъ тайнахъ съ бояриномъ Матвѣевымъ и будто его службою Кіевъ остался въ царской сторонѣ. Въ тѣ годы всѣмъ православнымъ былъ покой большой, принужденія къ уніи ни отъ кого не было, во всемъ русскихъ людей Поляки почитали и ничѣмъ обидѣть не смѣли, опасаясь царскаго гнѣва. Но когда заключенъ былъ вѣчный миръ и іезуитамъ въ Москвѣ вѣру свою распространять позволено, то сейчасъ же въ Польшѣ началось гоненіе великое на церкви Божіи, больше семи сотъ церквей обратили въ унію, а теперь и послѣднюю Львовскую епископію принуждаютъ къ уніи. Поляки хвастаются, будто и въ Москвѣ ихъ вѣру больше любятъ, чѣмъ свою русскую. „Насъ православныхъ здѣсь, продолжалъ Попара, Поляки ни въ чемъ не слушаютъ и за скотовъ почитаютъ; нынче призывалъ меня къ себѣ епископъ Іосифъ Шумлянскій и говорилъ, что присланъ королевскій указъ о присоединеніи къ уніи. Я одинъ и безъ братства сказалъ епископу, чтобъ онъ объявилъ королю нашу русскую раду: никогда мы добровольно въ уніи быть не захотимъ, по милости Божіей у насъ вѣра добрая, и никогда мы о вѣрѣ королевскому величеству не докучали; изволилъ бы король оборонять насъ отъ Татаръ, а не отъ вѣры. Я въ преклонной старости и кончину свою вижу при дверяхъ, такъ объявляю для христіанской вѣры самую истину, что Львовская епископія въ благочестіи не устоитъ, если не въ этомъ году, такъ все же скоро будетъ въ уніи, потому что Шумлянскій на епископство возведенъ силою, обороною и желаніемъ нынѣшняго короля, когда тотъ былъ еще гетманомъ, а при поставленіи обѣщался непремѣнно приступить къ уніи; а Перемышльскаго епископа ставилъ

онъ Шумлянскій при такомъ же обѣщаніи, и прошлаго года Перемышльскій епископъ унію принялъ. И Шумлянскій втайнѣ уніатъ, а явно не присягаетъ, потому, что братство крѣпко стоитъ. А вся эта слабость сдѣлалась отъ того, что позволено быть католикамъ въ Москвѣ, все государство іезуиты вызнали, описали всѣ города и обычаи; и трое Французовъ были недавно въ Москвѣ для того же. У папы, цесаря, королей Французскаго и Польскаго положено: если война съ Турками и у цесаря съ Французомъ прекратится, то всѣмъ сообща войною и всякими вымыслами ввести въ Московское государство католическую вѣру; многіе іезуиты, которые въ Москвѣ были, предложили къ тому способы, и многіе охотники собираются о томъ радѣть и присягаютъ, что это дѣло могутъ въ Московскомъ государствѣ совершить въ короткое время. Намъ православнымъ отъ этого великое опасеніе". Резидентъ успокоивалъ старика, что все это нестаточное дѣло, говоритъ онъ о небывалыхъ вещахъ, не дознавшись подлинно; но Попара настаивалъ на своемъ: „Вѣрно знаю, что Поляки чрезъ іезуитовъ, папу, цесаря и Француза уговорили вводить въ Москву католическую вѣру". Русскихъ людей западной Россіи трудно было успокоить на счетъ іезуитовъ, которые являлись для нихъ постоянно главными двигателями гоненія, готовыми на все. Могилевское духовенство дало знать резиденту, что пріѣзжали въ Могилевъ изъ Вильны коммиссары, панъ Вербецкій, панъ Шпиловскій, Жембоцкій да Ильиничъ, и, по іезуитскому настоянію, съ великимъ наругательствомъ разорили церковь Петра и Павла въ селѣ Езерѣ, въ трехъ миляхъ отъ Могилева, позволили разорять ее близь живущимъ Татарамъ: побивши прихожанъ, которые защищали церковь, Татары влезли на крышу, столкнули ногами крестъ, а потомъ всю церковь до послѣдняго бревна разметали, иконы покололи ругательски. Мѣсто осталось пусто, православные христіане безъ церкви начали быть въ уразмышленіи и многіе стали клониться къ іезуитскому ученію. Когда Львовскіе жители являлись къ королю на визитъ съ поздравленіями и подарками, то впереди шли Поляки, потомъ Армяне, а уже за Армянами русскіе православные, то-

гда какъ прежде Русскіе стояли выше Армянъ. Перемышльскій епископъ Иннокентій Винницкій, принявъ унію, сталъ жестокимъ гонителемъ православія: по его наущенію шляхта напала на православную церковь св. Троицы въ мѣстечкѣ Коморнѣ, въ четырехъ миляхъ отъ Львова; въ церкви священникъ Иванъ Ревенецъ служилъ обѣдню, шляхта хотѣла вытащить его вонъ и убить, но прихожане заперлись въ церкви и оборонялись часа съ три; но потомъ видя, что отсидѣться никакъ нельзя, надѣли на священника женское платье, выпроводили его тайкомъ, и потомъ отперли церковь. Шляхта, не найдя священника, била прихожанъ на смерть, а церковь запечатала для отдачи уніатамъ.

Въ Москвѣ не могли быть равнодушны при полученіи подобныхъ извѣстій: резиденту было велѣно потребовать отъ Польскаго правительства, чтобъ по всѣмъ Русскимъ повѣтамъ посланы были универсалы съ строгимъ запрещеніемъ обращать православныхъ въ унію, чтобъ на мѣсто отпадшихъ епископовъ позволено было русскимъ людямъ избрать новыхъ, которымъ для постановленія ѣхать въ Кіевъ къ митрополиту. На это былъ отвѣтъ: „ни королю въ государство Московское, ни царямъ въ государство Польское заглядывать и въ тамошнія распоряженія вступаться не слѣдуетъ; смоленская шляхта вся приневолена и стала Русью: и мы объ этомъ не говоримъ, потому что въ обоихъ государствахъ вѣра христіанская одна и всякій государь въ своемъ государствѣ воленъ". Резидентъ возражалъ: „Дѣло идетъ не о заглядываніи въ государство; смоленская шляхта никакой въ вѣрѣ неволи не имѣла и не имѣетъ; дѣло идетъ о нарушеніи договоровъ, о нарушеніи присяги, данной королемъ и всею рѣчью Посполитою. Въ вѣрѣ неволя, въ присягѣ неправда—дѣла начальныя!" — „Въ добрѣ зла никакого нѣтъ, и иначе потому уже быть нельзя" — отвѣчали Поляки.

Насилія не прекратились: въ 1693 году воевода Полоцкій Красинскій въ своемъ имѣніи Соколовѣ отдалъ въ унію церковь Покрова Богородицы, застращавъ прихожанъ войскомъ: „Русскіе люди стонутъ и плачутъ, а пособить себѣ не могутъ и стали въ вѣчномъ помраченіи". Въ Каменцѣ Литовскомъ

подканцлеръ князь Радзивилъ обратилъ въ унію церковь Рождества Богородицы. На представленія резидента отвѣчали, что въ Каменцѣ было Руси только человѣкъ съ тридцать и сами просились въ унію; что же касается до Полоцкаго воеводы, то онъ распоряжался въ своей отчинѣ, запретить ему трудно, пусть резидентъ поговоритъ съ нимъ самъ: „Все вы толкуете о вѣчномъ мирѣ! говорили паны: этимъ вѣчнымъ миромъ великіе государи хотятъ распоряжаться въ нашихъ отчинахъ, какъ будто по вѣчному миру мы стали ихъ невольниками! По нашему праву всякій шляхтичъ въ своемъ имѣніи воленъ и безъ королевскаго вѣдома можетъ хлоповъ своихъ казнить какъ хочетъ; и неужели нельзя какого-нибудь негоднаго попа перемѣнить? Въ договорѣ съ царскимъ величествомъ идетъ дѣло объ однихъ королевскихъ имѣніяхъ, а не о панскихъ и шляхетскихъ маетностяхъ, потому что пану въ его имѣніи указывать нельзя. Изъ Москвы іезуитовъ выслали, Римской вѣрѣ неволя — но король молчитъ, потому что цари въ своемъ государствѣ вольны."

Дѣлать было болѣе нечего, потому что на плечахъ была опасная война: не русскія рати ходили на Крымъ, а Татары навѣщали Украйну.

Въ началѣ 1693 года 40000 Татаръ вмѣстѣ съ Петрикомъ явились на Украйнѣ, но не могли привлечь Запорожье на свою сторону, не могли взять ни одного города, и съ ничтожною добычею возвратились назадъ „только едва копытами своими погаными богохранимой вашей манаршеской державы коснулись", какъ извѣщалъ царей Мазепа. Петрику, который, по современному выраженію, продолжалъ „пялить душу на крюкъ адовой пропасти", оставалось писать на Запорожье грамоты, стращать козаковъ Москвою: „Разумныя головы разсудите, что не всегда Московскіе цари такое вамъ будутъ давать жалованье, какъ теперь часто присылаютъ червонные золотые: это Москва дѣлаетъ, потому что слышитъ въ лѣсу волка, а когда бѣда минется, то не только жалованья вамъ не дастъ Москва, но, помирившись съ Крымомъ, васъ изъ Сѣчи выгонитъ, вольности ваши войсковыя отниметъ, Украйны нашей часть Ордѣ отдастъ въ неволю, а остатокъ возьметъ въ

свою неволю вѣчную. И тогда къ кому прикинетесь, кто вамъ поможетъ и избавитъ васъ изъ неволи? Сами знаете сказку, что за кого стоитъ Крымскій ханъ, тотъ будетъ и панъ. Дивное дѣло, что прежде всѣ вы жаловались на неправды отъ Москвы и отъ своихъ господъ, жаловались, что нѣтъ такого человѣка, который бы началъ дѣло. А теперь, когда такіе люди нашлись, то вы не очень охотно позволили на свое освобожденіе: охочее войско на Русь пускали, а сами, лучшіе люди въ Сѣчѣ оставались. Я вашимъ милостямъ, добрымъ молодцамъ совѣтую: воспользуйтесь удобнымъ временемъ! а если это время упустите, то уже никогда другаго такого имѣть не будете, и когда свои вольности потеряете, то возьмете на свои души грѣхи всей Украйны, которая вами защищается и на васъ надѣется". Запорожцы отвѣчали „врагу воплощенному", что вся клятва падетъ на него, потому что онъ съ бусурманами приходитъ опустошать крайнее гнѣздо православной вѣры, Москву, и особенно Малую Россію.

Петрикъ жестоко ошибся, положившись на рѣчи недовольнаго меньшинства въ Запорожьѣ, и задумавъ сыграть роль Богдана Хмельницкаго. Огромное большинство въ Малороссіи крѣпко стояло за единство Русской земли, т. е. за союзъ съ Москвою во имя православія. Вотъ что доносилъ царскій посланецъ, дьякъ Андрей Виніусъ, бывшій въ Малороссіи въ началѣ 1693 года и внимательно наблюдавшій расположеніе умовъ: „По городамъ, селамъ и деревнямъ видѣлъ я въ народѣ совершенную твердость православной церкви, большую набожность и къ великимъ государямъ всесовершеную и постоянную вѣрность. Говорятъ: гдѣ намъ такого покрова, защиты и благополучнаго житія сыскать, какое получили подъ царскимъ правленіемъ? Живемъ при православной вѣрѣ, при правахъ и вольностяхъ своихъ по домамъ мирно, чего никогда не видали отъ Ляховъ, у которыхъ были въ такомъ же порабощеніи, какъ Израиль въ Египтѣ. Кому изъ насъ въ голову можетъ придти мысль соединиться опять съ Ляхами, которые, еслибъ могли, всѣхъ бы насъ отдали бусурманамъ, или подъ мечь положили, или въ душевредительную унію обратиться приневолили. А что дьявольской сосудъ Петрикъ дѣлаетъ, то ясно, что

христіанину съ бусурманомъ никогда въ союзѣ быть нельзя: примѣръ Молдавія и Валахія, запустошенныя бусурманами".

Уходъ врага далъ возможность заняться внутренними дѣлами. Надобно было порѣшить вопросъ объ арендѣ или винномъ откупѣ. Гетманъ велѣлъ полковникамъ съѣхаться въ Батуринъ и привезти съ собою всю полковую старшину, городскихъ урядниковъ, знатное войсковое товарищество и мѣщанъ, съ которыми можно было бы посовѣтоваться и рѣшить дѣло объ арендѣ. Собралось много людей всякихъ чиновъ, долго между собою говорили и совѣтовали, оставить ли аренду по прежнему, или уничтожить? многіе стояли на томъ, что аренду надобно удержать непремѣнно, потому что она никому, кромѣ шинкарей, не вредитъ, и въ городахъ отъ нея большая оказалась прибыль: всѣ свои нужды они исправили, благодаря арендѣ, а въ иныхъ городахъ и денегъ по тысячѣ и по другой золотыхъ положили себѣ въ запасъ. Но большинство оказалось противъ аренды: аренда, говорили они, издавна дѣло ненавистное, вѣчный поводъ безпокойнымъ людямъ къ порицанію, вѣчный предлогъ вредить общему добру; и теперь Запорожцы по ея поводу кричали и вопили. Порѣшили на томъ, что аренду уничтожить, а деньги, необходимыя на жалованье охотницкому войску и на всякіе полковые расходы, собирать съ тѣхъ людей, которые будутъ содержать шинки и съ винокуровъ, которые развозятъ свое вино по ярмаркамъ. Но согласились ввести этотъ новый порядокъ только на одинъ годъ, чтобъ посмотрѣть, что изъ него выйдетъ.

Петрикъ не приходилъ съ Татарами на Украйну: тѣмъ не менѣе гетману не было отъ него покоя. Козаки, бѣжавшіе отъ Петрика показали, что у него есть грамоты отъ Мазепы. Показаніе было такого рода, что въ Москвѣ не могли дать ему вѣры; но Мазепа сильно кручинился. Въ Глуховѣ на обѣдѣ у Стародубскаго полковника Миклашевскаго, Мазепа бросился на Кочубея, билъ его по щекамъ, топталъ пинками, кричалъ: „ты съ Петрикомъ писалъ листы моимъ именемъ, отъ чего я въ невинности моей сокрушаюсь и ношу такое нарѣканіе".—„Я ни въ чемъ тутъ не виноватъ, ничего не знаю,

отвѣчалъ Кочубей: развѣ Петрикъ захватилъ какія-нибудь старыя письма изъ моей канцеляріи, этого я не знаю". Послѣ этой сцены Мазепа сейчасъ же поѣхалъ изъ Глухова въ лагерь къ стольнику и полковнику Батурину, и началъ ему говорить: „что теперь дѣлать?" Батуринъ отвѣчалъ: „Одного опечалили, а другаго оскорбили; ступай опять въ Глуховъ къ Миклашевскому". Мазепа сейчасъ же поѣхалъ къ Миклашевскому, послалъ за Кочубеемъ и помирился съ нимъ.

Петрикъ не давалъ покоя Мазепѣ и тѣмъ, что не переставали приходить вѣсти объ его новыхъ замыслахъ. Петрикъ твердилъ хану, что въ Малороссіи непремѣнно будетъ бунтъ отъ черни на пановъ и откупщиковъ, особенно если ханъ пойдетъ къ Малороссійскимъ городамъ и гетманъ соберетъ всѣ полки въ одинъ обозъ: тутъ прежде всего чернь станетъ старшину бить, а потомъ въ городахъ чернь перебьетъ пановъ и откупщиковъ, и тогда весь Малороссійскій народъ соединится съ Крымцами и пойдетъ войною на Московское государство. Хану и Петрику прежде всего хотѣлось переманить на свою сторону Запорожье, въ которомъ постоянно были люди, готовые съ ними соединиться, постоянно по куренямъ слышались слова: „Если ханъ будетъ давать войску деньги и коней, то мы готовы служить хану и панству Крымскому: за кѣмъ ханъ, тотъ и панъ. Гетманскій посланецъ Горбаченко, возвратившись изъ Сѣчи, разказывалъ: „Множество тамъ легкихъ людей, голутьбы, безодежныхъ, безоружныхъ. Кошевой атаманъ Гусакъ говорилъ мнѣ: Видишь, сколько голутьбы прихожей изъ городовъ, а въ радѣ противъ всякаго нельзя говорить намъ; еслибы, по радѣнью гетманскому, отворилась война на бусурманъ, то вся бы эта голутьба пошла на войну, и всѣ бы пререкатели пропали на бояхъ." Мазепа сталъ хлопотать въ Москвѣ, чтобъ позволено было начать наступательную войну противъ Турокъ. Сильно обезпокоило гетмана извѣстіе, что козачество обратило свое вниманіе на Палѣя. Петрикъ захотѣлъ сыграть роль Богдана Хмельницкаго, много наобѣщалъ и ничего не сдѣлалъ; но передъ козаками былъ знаменитый полевой воинъ, который ничего не обѣщалъ, но много дѣлалъ, воюя постоянно и успѣш-

но съ Татарами; Палѣй многимъ изъ козаковъ представлялся желаннымъ вождемъ для всего козачества, храбрымъ и счастливымъ. Когда Палѣй шелъ подъ Турецкіе городки, въ Запорожьѣ говорили: „Дадимъ Палѣю гетманство, вручимъ ему всѣ клейноты; Палѣй пойдетъ уже не Петриковою дорогою, знаетъ онъ, какъ Украинскихъ пановъ прибрать къ рукамъ".

Скоро представился случай втянуть Палѣя въ дальнее и опасное предпріятіе, и Мазепѣ очень хотѣлось имъ воспользоваться. Господарь Молдавскій, враждуя съ господаремъ Волошскимъ, прислалъ къ Мазепѣ съ просьбою помочь ему схватить своего врага, а если гетманъ не согласится употребить для этого своихъ козаковъ, то нельзя ли поручить это дѣло Палѣю. Мазепа немедленно написалъ Льву Кириловичу Нарышкину: „Палѣй гнушается Поляками, а великіе государи наши не принимаютъ его по причинѣ договоровъ съ Польшею; одинъ перейти къ намъ съ семействомъ онъ не хочетъ, сластолюбствуя совершенною въ Хвастовѣ надъ многими людьми властію. Такъ было бы хорошо затянуть его въ такое дѣло, въ которомъ бы онъ не повредилъ своего христіанскаго правовѣрія, ибо, такъ какъ онъ пересылается съ начальниками Бѣлогородской орды, то надобно опасаться, чтобъ бусурманы не прельстили его; если же онъ предприметъ военное дѣло, потребное христіанству, то уже никакая вражья прелесть не будетъ имѣть надъ нимъ силы". Но великіе государи отвѣчали, что этотъ промыслъ должно отставить, потому что, по вѣстямъ, въ Валахію должны войти большія Турецкія силы, и Палѣю можетъ быть бѣда.

Въ концѣ іюня голутьба на Запорожьѣ взяла верхъ и возобновлено было перемиріе съ ханомъ; кошевой Гусакъ, не хотѣвшій мира съ бусурманами, сдалъ атаманство, и на его мѣсто былъ выбранъ Рубанъ.

Въ Москвѣ для успокоенія Запорожцевъ написали грамоту, въ которой говорилось, что нынѣшняго лѣта воинскаго похода подъ Турецкіе городки не будетъ, и чтобъ Запорожцы не обвиняли въ этомъ гетмана. Съ этою грамотою Мазепа отправилъ на Запорожье козака Кныша. Когда грамоту прочли въ Сѣчи на радѣ, то поднялся крикъ: „Ясно, что походъ

отложенъ по гетманскому желанію, гетманъ же исходатайствовалъ и у великихъ государей грамоту, чтобъ мы на него не жаловались! Когда мы узнали, что походу подъ городки не будетъ, то заключили съ ними перемиріе, а гетманъ, узнавши объ этомъ, послалъ стараго нашего кошеваго Ѳедка подъ Очаковъ; Ѳедка похваталъ Турокъ и Татаръ, ходившихъ за солью и многихъ побилъ, а Татары побрали за это нашихъ Запорожцевъ невинныхъ на соляной добычѣ 50 человѣкъ. Гетманъ долженъ намъ выдать всѣхъ плѣнныхъ, взятыхъ Ѳедкою и его самого, а если этого не сдѣлаетъ, то пусть ждетъ насъ съ ордами къ себѣ на зиму въ гости, увидитъ, что ему, его панамъ, арендарямъ и дозорцамъ будетъ. Бывшій гетманъ Иванъ Самойловичь такого подкопу надъ нами не дѣлалъ; однажды попробовалъ сдѣлать такой же подкопъ, но когда Сѣрко ему написалъ, что готовится на него сто тысячь сабель, то испугался и прислалъ тотчасъ къ намъ вина, ветчины и всякаго запасу. А этотъ гетманъ называетъ насъ пастухами, дозорца его Рутковскій ватагъ съ запасами на Запорожье не пропускаетъ: только мы Рутковскаго скоро возьмемъ въ руки, чтобъ намъ больше пакости не дѣлалъ. Пока Мазепа будетъ гетманомъ, намъ отъ него нечего добра чаять, потому что онъ всякаго добра желаетъ Москвѣ и къ Москвѣ смотритъ, а намъ никакого добра не желаетъ; только тотъ гетманъ будетъ намъ на руку, котораго мы поставимъ въ Черной Радѣ". Писарь Запорожскій говорилъ тайно Кнышу: „Какъ ханъ возвратится изъ войны Венгерской, то Запорожцы хотятъ тотчасъ утвердить съ нимъ миръ и идти войною на Великороссійскіе города, а въ Малой Россіи воевать имъ не для чего, потому что она сама въ себѣ кого надобно повоюетъ: винокурники, пастухи, овчары и голутьба всѣхъ своихъ начальниковъ и пановъ побьютъ. Хотятъ Запорожцы идти на Великороссійскіе города за то, что имъ присылается изъ Москвы жалованье не такое, какъ Донскимъ козакамъ. Запорожцы сердятся и за то, что на Самарѣ построены города и осажены людьми, что лѣсъ ихъ стародавный вырубленъ, въ Орлѣ сидитъ воевода съ воинскими людьми, тогда какъ въ статьяхъ Хмельницкаго написано, что Московскимъ ратнымъ

людямъ быть на Украйнѣ только въ трехъ городахъ. И то Запорожцамъ въ тягость, что гетмановъ, старшину и полковниковъ безъ ихъ вѣдома берутъ въ Москву и въ Сибирь ссылаютъ".

Отъ Палѣя приходили также непріятныя вѣсти. Посылалъ онъ своего козака къ королю и къ коронному гетману съ Татарскими языками. Коронный гетманъ призвалъ къ себѣ козака ночью и говорилъ ему: „Зачѣмъ Семенъ Палѣй мнѣ не довѣряетъ, я никого еще своимъ гетманскимъ словомъ не обманулъ. Лучше бы Палѣю было, когда бы онъ моихъ указовъ слушалъ и ходилъ туда куда я велю, чѣмъ самовольно ходить по Татарскимъ сакмамъ, изъ чего ему нѣтъ никакой выгоды. Оттого, что онъ не слушаетъ моихъ указовъ, и вамъ деньги изъ королевской казны не даются. А если Палѣй въ другую сторону оборачиваетъ свою службу, то тамъ пуще пропадетъ, вѣшаясь на двухъ голяхъ. Пусть онъ знаетъ, что если захочу, то сейчасъ же мнѣ его выдадутъ: пишутъ ко мнѣ полковники заднѣпровскіе, что всѣ они его ненавидятъ и щадить не будутъ. Еслибы вы, добрые молодцы, блюдя свою вѣрность королевскому величеству, другаго себѣ полковника выбрали, то очень бы хорошо сдѣлали, потому у васъ козаковъ не новость старшихъ перемѣнять; а еслибъ такъ сдѣлалось, то сейчасъ бы вамъ дана было изъ казны королевской достаточная плата".

Въ Москвѣ сочли нужнымъ отправить на Запорожье сто половинокъ сукна въ прибавку. Когда сукно привезли въ Батуринъ и стали осматривать, то нашли, что три половинки испачканы дегтемъ. Мазепу это обстоятельство очень опечалило; но дѣлать было нечего, послалъ сукно съ своимъ козакомъ Сидоромъ Горбаченкомъ. Не доѣзжая четыре мили до Сѣчи Горбаченко послалъ сказать о своемъ пріѣздѣ кошевому. Тотъ назначилъ раду и во всѣхъ куреняхъ велѣлъ запечатать вино, чтобъ пьяныхъ не было. Когда Горбаченко пріѣхалъ, атаманъ велѣлъ идти ему въ раду, собранную по обычаю подлѣ церкви. Горбаченко вошелъ въ раду, помолился на церковь, поклонился до земли на четыре стороны и подалъ кошевому листъ гетманскій. Писарь громко прочелъ листъ, и всѣ начали кланяться, благодарить великихъ госу-

дарей за жалованье. Стали смотрѣть сукна, хвалили, говорили, что прежде къ нимъ такихъ суконъ не присылали; запачканныхъ суконъ не успѣли осмотрѣть, потому что писарь и судья, замѣтивши ихъ, спрятали и сказали, чтобъ всѣ расходились по куренямъ, а сукна они и безъ нихъ примутъ.

27 Декабря ночью прискакалъ въ Малороссійскій приказъ капитанъ Ярышкинъ съ важными дѣлами. Мазепа наказалъ ему объявить Льву Кирилловичу Нарышкину и думному дьяку Украинцеву слѣдующее: „Если укажутъ великіе государи принять Семена Палѣя, то изволили бы прислать къ нему о томъ указъ вскорѣ. По принятіи Палѣя надобно прислать новыя войска на Украйну для защиты Палѣя и Украйны отъ Поляковъ, которые Палѣевъ пріемъ даромъ не оставятъ. Палѣй пишетъ и приказываетъ гетману словесно, что если ему обороны и помощи отъ гетмана не будетъ, то онъ обратится въ другую сторону, куда его давно зовутъ, потому что Поляки совершенно ему недоброхотствуютъ и ищутъ способу, какъ бы его схватить и казнить; если же такого удобнаго случая не найдутъ, то хотятъ убить его тайно чрезъ злохитрыхъ людей. Если Палѣй пристанетъ къ бусурманской сторонѣ, то вся Украйна разорится, потому что козаки пойдутъ всѣ къ Палѣю, и помѣшать тому никакъ будетъ нельзя, потому что Палѣй человѣкъ военный, имѣетъ въ воинскихъ дѣлахъ счастіе, за что козаки его очень любятъ, и такого другаго человѣка на Украйнѣ нѣтъ; и теперь, хотя подъ жестокимъ страхомъ было заказано, однако пошли къ нему изъ Кіевскаго полка много козаковъ“. Въ письмѣ своемъ къ Мазепѣ Палѣй увѣдомлялъ, что коронный гетманъ разослалъ универсалы къ козакамъ и мѣщанамъ съ увѣщаніями отстать отъ Палѣя. Въ слѣдъ за тѣмъ Польскія хоругви и козацкія толпы напали въ расплохъ на сотни Палѣева полка, убили много народа; Палѣй писалъ, что долженъ будетъ драться и просилъ у Мазепы наставленія, совѣта—и войска. Не дожидаясь совѣта и наставленія, Палѣй 29 декабря послалъ новое письмо къ Мазепѣ: „Прошу объ отвѣтѣ немедленномъ: если мнѣ нѣтъ надежды на милостивую помощь войскомъ, то позволь мнѣ съ моими людьми выйти изъ Хвастова и поселиться

въ Трепольѣ или Васильковѣ, потому что насилія мучительскаго отъ Поляковъ невозможно выдержать, кругомъ все ихъ крѣпости, подъ бокомъ Бѣлая церковь, отъ которой не разъ была уже пагуба Хвастову. Тысячекратно упадая къ ногамъ региментарскимъ, прошу плачевно: дай вѣдать — будетъ ли помощь, или мнѣ отъ тѣхъ враговъ сбрести?“ Изъ Москвы прежній отвѣтъ: нельзя принять Палѣя прямо и поселить въ Трепольѣ: это будетъ явное нарушеніе договора; пусть идетъ и съ полчанами своими сначала въ Запорожье, и оттуда переходитъ въ города царскаго величества.

Но Мазепа не переставалъ пѣть старую пѣсню, что надобно принять Палѣя, и прямо высказывалъ, что въ противномъ случаѣ онъ боится встрѣтить въ Палѣѣ опаснаго соперника, другаго гетмана, Хмельницкаго. „Теперь, писалъ Мазепа въ Москву, Палѣю уже нельзя прекратить ссоръ съ Поляками, потому что съ обѣихъ сторонъ побито человѣкъ съ двѣсти. Палѣй хочетъ оставить Хвастовъ и поселиться въ Умани; чтобъ онъ, поселясь тамъ, не призвалъ къ себѣ Татаръ на помощь противъ Поляковъ; призоветъ Татаръ, станетъ воевать и разорять Поляковъ — опасно, чтобъ и этой стороны не разорилъ, потому что захочетъ писаться гетманомъ, и съ этой стороны козаковъ переманивать; чтобъ не былъ онъ другой Хмельницкій; надобно заблаговременно размыслить, какъ съ нимъ поступить? Лучше малую искру загасить, чѣмъ большой огонь тушить, особенно для того, чтобъ не произвелъ онъ въ Малой Россіи мятежа и перезовомъ жителей опустошенія, удержать же ихъ будетъ тогда невозможно, потому что Малороссійскіе жители имѣютъ на той сторонѣ пасеки и всякія угодья“.

Палѣй отразилъ Поляковъ; но видя, что цари не согласны его принять, какъ бы ему хотѣлось, написалъ коронному гетману Яблоновскому, что готовъ смириться предъ королемъ. Яблоновскій отвѣчалъ ему: „Разсуди ваша милость накрѣпко, не всякая ли изъ нижеписанныхъ статей влечетъ за собою судъ, казнь и мечь? ты указовъ моихъ не слушалъ въ самыхъ важныхъ военныхъ обстоятельствахъ; въ отчинныхъ имѣніяхъ разныхъ лицъ своевольно раздавалъ стано-

вища людямъ непослушнымъ полка своего; шляхту, ихъ подстаростъ, товарищество и разныхъ людей многихъ билъ, убивалъ, мучилъ, доходы шляхтскіе побралъ, людей изъ деревень силою сгонялъ; край цѣлый Польскій себѣ въ послушаніе отобралъ; меды мои своевольно бралъ; въ имѣніяхъ моихъ людей разставлялъ; письма ко мнѣ посланныя, самыя нужныя, съ разными вѣдомостями и остерегательствами, по дорогамъ перехватывалъ; людей, ко мнѣ идущихъ за письмами, къ себѣ поворачивалъ и свои письма имъ давалъ; и кто перечтетъ всѣ твои насилія, преступленія, убійства, дѣла безсудныя, непослушанія, слова злыя? Все это понудило королевское величество и меня отправить войско въ Полѣсье, чтобъ заставить тебя одуматься; но ваша милость, прибавляя зло ко злу, посланнаго къ тебѣ Драгомира, вопреки обычаю самыхъ невѣжливѣйшихъ народовъ, велѣлъ бить на убой и въ колодку посадить; кромѣ того козаковъ Искрицкаго и Яремы велѣлъ бить и грабить и передъ собою, какъ невольниковъ, гнать. А я всегда посланныхъ вашей милости чествовалъ, всегда они были у меня свободны, ни въ чемъ не нуждались, уходили одарены и накормлены. Теперь ваша милость смиряешься, добиваешь челомъ, милосердія желаешь, исправленіе обѣщаешь, и въ то же время ротмистра Бландовскаго, шедшаго по моему указу въ Бѣлую Церковь, схватилъ и ограбилъ! Какъ же послѣ этого тебѣ вѣрить? Не смотря на то, я и теперь у королевскаго величества ходатайствую о милосердіи, и самъ готовъ всѣ вины вашей милости простить, только бы ты сдержалъ свои обѣщанія; а на свидѣтельство своего исправленія выпусти Бландовскаго и людей его, за что и мы освободимъ плѣнныхъ козаковъ полка твоего; пасынковъ своихъ и дочь пришли въ аманаты; принеси присягу королю и республикѣ, и тогда будешь оставленъ въ совершенномъ покоѣ; въ противномъ случаѣ велю кончить начатое съ тобою дѣло, кончить мечемъ и огнемъ. Если же примешься за вѣрность и послушаніе—не опасайся ничего, на мою вѣру и совѣсть полагайся и пріѣзжай самъ за королевскимъ жалованнымъ листомъ, пріѣзжай поклониться королевскому величеству и добить челомъ, не бойся: цѣлъ будешь и безопасенъ“.

Получивъ это посланіе, Палѣй поѣхалъ не къ королю, а въ Батуринъ къ Мазепѣ съ старымъ вопросомъ: „Можно перейти въ Трeполье?“—„Нельзя,“ отвѣчалъ гетманъ. Тогда Палѣй началъ говорить: „На Запорожье идти мнѣ не хочется; хотя войско и два раза меня туда звало и предлагало кошевое атаманство и даже высшій чинъ; однако я, привыкши къ городовому житью, въ Сѣчь идти не желаю; потому что, пришедши туда въ Низовое войско, долженъ буду дѣлать то, чего войско захочетъ. Лучше мнѣ еще въ Хвастовѣ до времени держаться, нежели вдругъ, невѣдомо куда оттуда уходить. Знаю, что Польскія войска всѣми своими силами наступать на меня не будутъ, потому что имъ и безъ меня есть что дѣлать при безконечной войнѣ съ Турками и Татарами, а отъ малыхъ войскъ всегда оборонюсь. Кромѣ того покажу кротость передъ Польскою стороною, ротмистра Бландовскаго и всѣхъ плѣнныхъ Поляковъ отпущу на волю; своихъ въ аманаты не дамъ, но присягу принесу, что на самого короля (а не на тѣхъ, которые будутъ на меня наступать) не подниму руки; часть своей пѣхоты на службу королевскую послать не откажусь, потому что эта пѣхота отъ меня не отстанетъ, но, одѣвшись у нихъ, возвратится назадъ. Такимъ образомъ могу еще нѣсколько времени подержаться въ Хвастовѣ. Жаль мнѣ сильно разстаться съ этимъ мѣстомъ, не только потому, что тамъ много домостройства моего, пространное поле хлѣбомъ насѣяно, но и потому, что я взялъ это мѣсто пустое и населилъ не Польскими подданными, но отъ рѣки Днѣстра, частію изъ войска Запорожскаго, частію изъ Волоховъ; церкви Божіи украшенныя устроилъ, чего непригоже покинуть.“

Мы видѣли, что для отстраненія причинъ къ неудовольствію, возбуждаемому постоянно изъ Запорожья, уничтоженъ былъ винный откупъ или аренда, но уничтоженъ на время, чтобъ попробовать, можно ли безъ него обойтись. Опытъ оказался неудаченъ: гетманъ отовсюду началъ получать донесенія, что при сборѣ денегъ съ торговъ и шинковъ великіе споры и вздоры чинятся, и въ деньгахъ противъ прежней аренды оказался большой недоборъ. Во время Рождественскаго съѣзда старшинъ и полковниковъ въ Батуринъ гетманъ объявилъ

имъ, что опытъ неудался и какъ быть? Старшина и полковники отвѣчали, чтобъ гетманъ билъ челомъ великимъ государямъ о присылкѣ денегъ на жалованье охотницкому войску и на другіе войсковые расходы, потому что и прежде, по челобитью гетмана Самойловича, царь Ѳеодоръ Алексѣевичь прислалъ десять тысячь золотыхъ червонныхъ. Мазепа написалъ объ этомъ боярину Льву Кирилловичу Нарышкину и думному дьяку Украинцеву. Письменнаго отвѣта онъ не получилъ, только словесно наказано посланнику: „прежде по многой докукѣ гетмана Самойлова посланы были деньги 30,000 золотыми червонными изъ имѣнія боярина Матвѣева; а теперь бить объ этомъ челомъ гетманъ не долженъ, потому что теперь такой нужды, какая была во время Чигиринскихъ походовъ, нѣтъ, особенно же потому, что всякіе доходы въ Малороссіи за гетманомъ, старшиною и полковниками, и бить еще челомъ о деньгахъ стыдно". Когда старшина и полковники съѣхались въ Батуринъ послѣ Свѣтлаго Воскресенья 1694 года, Мазепа объявилъ имъ отвѣтъ изъ Москвы. Старшина и полковники сказали, что когда такъ, то надобно опять ввести аренду, аренда выгоднѣе, а поборы черному народу тягостнѣе, потому что поборы берутъ и съ того человѣка, который однимъ хлѣбомъ безъ промысловъ довольствуется, отъ чего бѣдный человѣкъ до конца разоряется. Гетманъ возразилъ, что пойдутъ опять крики изъ Запорожья; ему отвѣчали на это, что Запорожцамъ отъ аренды никакой тягости нѣтъ, тягостнѣе народу ихъ Запорожская аренда, которая въ Сѣчи заведена: изо всякой куфы вина берутъ на старшину и на куреныхъ атамановъ третью долю, остальное же вино велятъ продавать по той цѣнѣ, какую они же наложатъ, а не вольною цѣною. Тогда гетманъ сказалъ полковникамъ и знатнымъ товарищамъ, чтобъ они, возвратясь домой, велѣли вездѣ, въ городахъ и селахъ собирать людей и совѣтоваться съ ними, поборамъ ли быть или арендѣ? Такъ и было сдѣлано во всѣхъ городахъ, городкахъ и селахъ, и повсюду единогласно приговорили — быть арендѣ. Гетманъ, получивши донесенія объ этомъ, отправилъ ихъ въ Москву съ просьбою о милостивомъ повелительномъ указѣ [145].

ГЛАВА III.

Окончаніе двоевластія. Царствованіе Петра I-го Алексѣевича.

Окончаніе потѣхъ. — Замыслы Петра относительно морскихъ предпріятій. — Роль Лефорта. — Греческое духовенство проситъ о дѣятельномъ продолженіи войны съ Турками. — Первый Азовскій походъ. — Воронежскій флотъ. — Кончина царя Іоанна Алексѣевича. — Второй походъ и взятіе Азова. — Впечатлѣніе, произведенное этимъ событіемъ въ Москвѣ и въ Польшѣ. — Торжественный входъ побѣдителей въ Москву. — Строеніе кораблей кумпанствами. — Посылка молодыхъ людей учиться за границу. — Намѣреніе Петра ѣхать самому за границу. — Неудовольствія. — Розыскъ монаха Авраміи. — Розыскъ Цыклера и Соковнина. — Отъѣздъ Петра за границу. — Неудовольствіе въ Ригѣ — Пребываніе въ Пруссіи. — Дѣла Польскія. — Свиданіе Петра съ двумя курфюрстинами; ихъ отзывъ объ немъ. — Петръ въ Голландіи; въ Англіи; въ Вѣнѣ. — Стрѣлецкій бунтъ. — Возвращеніе Петра въ Москву. — Брадобритіе. — Стрѣлецкій розыскъ и казни. — Постриженіе царевенъ и царицы Евдокіи. — Раздраженіе Петра. — Любимецъ Меншиковъ. — Поѣздка Петра въ Воронежъ — Новыя розыски и казни по возвращеніи въ Москву. — Разбои. — Злоупотребленія воеводъ. — Учрежденіе бурмистровъ — Алексѣй Курбатовъ. — Гербовая бумага. — Указъ о торговлѣ компаніями. — Мѣры для улучшенія положенія Сибири. — Дѣла на Украйнахъ. — Дѣло Петра Артемьева.

И Бѣлое море, какъ видно, показалось узко, печально и безцѣльно для Петра. Онъ мужалъ, и одна потѣха уже не удовлетворяла. Была мечта отыскать проходъ къ Китаю или Индіи чрезъ Сѣверный Океанъ; но недостатокъ средствъ и времени долженъ былъ скоро разсѣять юношескую мечту. Сильно прельщало Балтійское море, хотѣлось пробраться туда, но какъ? ключь къ морю былъ у Шведовъ. Оставалось Каспійское море, на которое уже давно указывали иностранцы, требуя свободнаго проѣзда на него для торговли съ богатою Азіею: развѣ не можетъ Россія сама овладѣть этимъ средствомъ къ обогащенію, заведши флотъ на Каспіи, овладѣвши торговлею съ прибрежными странами? Еще при царѣ Алексѣѣ строили корабль для Каспійскаго моря. Корабль

былъ сожженъ Разинымъ; но когда будетъ сильный флотъ на Каспійскомъ морѣ, то Разинъ будетъ невозможенъ. 4 іюля 1694 года Лефортъ писалъ изъ Архангельска въ Женеву: „Черезъ два года поговариваютъ о путешествіи въ Казань и Астрахань; но, быть можетъ, въ два года времени это пройдетъ. Впрочемъ я буду всегда готовъ исполнять приказанія. Есть намѣреніе выстроить насколько галіотовъ и идти къ Балтійскому морю.... *). Меня возводятъ въ адмиралы всѣхъ судовъ его величества; этого непремѣнно желаетъ самъ нашъ великій царь Петръ Алексѣевичъ.“ 13 сентября Лефортъ писалъ: „Будущимъ лѣтомъ выстроятъ пять большихъ кораблей и двѣ галеры, которые, ежели дастъ Богъ, черезъ два года отправятся въ Астрахань для заключенія важныхъ договоровъ съ Персіею“ [146].

Въ два года многое можетъ измѣниться, думалъ Лефортъ. Дѣйствительно многое измѣнилось, и на Лефорта указываютъ какъ на виновника этихъ измѣненій, на него указываютъ, какъ на человѣка, уговорившаго Петра предпринять походъ подъ Азовъ. Потѣхамъ пора была кончиться. Въ народѣ шелъ ропотъ: царь связался съ Нѣмцами, и какое же изъ этого добро? одни потѣхи, отъ которыхъ понапрасну гибнутъ и страдаютъ люди. Для собственной выгоды Лефортъ долженъ былъ настаивать на прекращеніе потѣхъ и на какое-нибудь важное предпріятіе, которое могло бы выставить въ выгодномъ свѣтѣ царя и компанію, иначе рождались очень непріятныя сравненія съ свергнутымъ правительствомъ: если при Софьѣ походы на Крымъ были неудачны, то все же Русскія рати искали враговъ въ ихъ жилищахъ, а теперь Татары приходятъ на Украйну. Союзники упрекаютъ въ бездѣйствіи, гетманъ Мазепа пишетъ, что необходимо начать наступательное движеніе: этого желаетъ народъ, это особенно нужно, чтобъ дать упражненіе безпокойнымъ силамъ, собраннымъ на Запорожьѣ. Лефортъ хотѣлъ, чтобъ Петръ предпринялъ путешествіе за границу въ Западную Европу; но какъ показаться въ Европѣ, не сдѣлавши ничего, не принявши дѣя-

*) Въ подлинникѣ стерто.

тѣльнаго участія въ священной войнѣ противъ Турокъ. Не забудемъ, что тотчасъ по взятіи Азова предпринимается путешествіе за границу: эти два событія состоятъ въ тѣсной связи.

Были увѣщанія къ дѣятельному продолженію войны и съ той стороны, съ которой, по прежнему опыту, трудно было ожидать ихъ. Въ сентябрѣ 1691 года была получена грамота отъ Іерусалимскаго патріарха Досиѳея отъ 18 марта: „Пришелъ въ Адріанополь посолъ Французскій, извѣщалъ патріархъ, принесъ отъ короля своего грамоту на счетъ св. мѣстъ, случился тогда тамъ и ханъ Крымскій; подарили Французы визирю 70,000 золотыхъ червонныхъ, а хану 10,000, и настаивали, что Турки должны отдать св. мѣста Французамъ, потому что Москали приходили воевать Крымъ; ханъ толковалъ о томъ же. Взяли у насъ св. гробъ и отдали служить въ немъ Французамъ, дали намъ только 24 лампады, взяли у насъ Французы половину Голгоѳы, всю церковь Виѳлеемскую, св. пещеру, разорили всѣ деисусы, раскопали всю трапезу, гдѣ роздаемъ св. свѣтъ, и хуже надѣлали въ Іерусалимѣ, чѣмъ Персы и Арабы, а какія бѣды старцамъ нашимъ тамошнимъ причинили—кто можетъ разказать? Кстати были и Синайскіе старцы и просили у визиря нѣкотораго повышенія чести, заступились за нихъ Французы, чтобъ насъ одолѣть, однако визирь не послушался; только упрямится, св. мѣстъ намъ не отдаетъ, народъ Турецкій кричитъ, что Москали были смирны, а теперь изъ за Іерусалима войну начнутъ, но визирь это ни во что ставитъ. Теперь просятъ Французы вновь указу, чтобъ обновить имъ въ Іерусалимѣ своды церковные и такимъ образомъ явиться старыми владѣтелями. Если вы, божественные самодержцы, оставите святую церковь, то какая вамъ похвала будетъ? Если вы отправите сюда посла, то прежде всего онъ долженъ стараться о нашемъ дѣлѣ, о возвращеніи намъ св. мѣстъ, и безъ этого не долженъ заключать мира; ибо если вы заключите миръ безъ этого, то лучше уже ничего не предлагайте о Іерусалимѣ, ибо иначе Турки поймутъ, что у васъ нѣтъ объ немъ попеченія, и тогда Французы завладѣютъ св. мѣстами на вѣки и намъ впе-

редъ нельзя будетъ подавать на нихъ челобитья. Такъ если хотите предлагать о Іерусалимѣ, то въ случаѣ отказа уже не заключайте мира, а начинайте войну. Теперь время очень удобное; возьмите прежде Украйну, потомъ требуйте Молдавіи и Валахіи, также Іерусалимъ возьмите и тогда заключайте миръ. Намъ лучше жить съ Турками, чѣмъ съ Французами, но вамъ не полезно, если Турки останутся жить на сѣверѣ отъ Дуная, или въ Подоліи, или на Украйнѣ, или если Іерусалимъ оставите въ ихъ рукахъ: худой это будетъ миръ! потому что ни одному государству Турки такъ не враждебны какъ вамъ. Тому 18 лѣтъ, какъ я писалъ письмецо изъ Адріанополя блаженной памяти отцу вашему государю царю Киръ Алексѣю Михайловичу и совѣтовалъ: покиньте Поляковъ и усмирите прежде Турокъ, потому что непремѣнно хотятъ придти къ Днѣпру: онъ не послушалъ, не повѣрилъ, а потомъ случилось все такъ какъ мы писали. И теперь совѣтую, если хотите мириться, такъ миритесь, чтобъ Украйна была освобождена, Іерусалимъ былъ отданъ и Турки отступили за Дунай, а не такъ, лучше воюйте вмѣстѣ съ сосѣдями, гоните и смиряйте нечестивыхъ, а о Полякахъ нечего заботиться: когда захотите смирить ихъ, тогда и смирите. Нынѣшній визирь человѣкъ достойный, взялъ Нису и Бѣлградъ, а причиною вы, потому что Татары были съ нимъ вмѣстѣ, а если бы Татары были вами сдержаны, то Турки ничего бы не сдѣлали. Однако они никакой благодарности вамъ не воздаютъ, потому что, думать надобно, доброта ваша отъ неразумія. Теперь визирь вмѣстѣ съ ханомъ хочетъ васъ обмануть; побѣдитъ Нѣмцевъ, а потомъ и за людей васъ не станетъ почитать, потому что очень онъ глубокъ и лукавъ. Побѣдивши Нѣмцевъ, станутъ васъ воевать съ великимъ гнѣвомъ по многимъ причинамъ. Поэтому опять пишу: если не будетъ освобождена Украйна и Іерусалимъ и если Турки не будутъ изгнаны изъ Подоліи, не заключайте мира съ ними, но стойте крѣпко. Будете заключать миръ и станете вначалѣ требовать Іерусалима, и если они его вамъ не отдадутъ, то не заключайте мира, Турки убьютъ визиря за напрасную войну. Если будутъ отдавать вамъ весь Іерусалимъ, а Украйны не по-

ступятся и изъ Подоліи не выйдутъ — не заключайте мира, потому что если засядутъ они въ Подоліи, то сыщутъ удобное время и не будутъ молчать. Помогайте Полякамъ и инымъ, пока здѣшніе погибнутъ. Если Татары погибнутъ, то и Турки съ ними и дойдетъ ваша власть до Дуная, а если Татары останутся цѣлы, то они васъ обманутъ. Впередъ такого времени не сыщете какъ теперь. Мы желаемъ взять Іерусалимъ отъ Французовъ чрезъ васъ, и не для Іерусалима только, мы хотимъ, чтобъ вы не позволили Туркамъ жить по сю сторону Дуная и за Дунаемъ, чтобъ вы разорили Татаръ, тогда и Іерусалимъ будетъ вашъ. Александръ Великій не ради Бога, но ради единоплеменныхъ своихъ на Персовъ великою войною ходилъ: а вы ради святыхъ мѣстъ и единаго православія для чего не бодрствуете, не трудитесь, не отгоняете отъ себя злыхъ сосѣдей? вы упросили у Бога, чтобъ у Турокъ была война съ Нѣмцами; теперь такое благополучное время, и вы не радѣете! Въ досаду вамъ Турки отдали Іерусалимъ Французамъ и васъ ни во что ставятъ; смотрите, какъ смѣются надъ вами: ко всѣмъ государямъ послали грамоты, что воцарился новый султанъ, а къ вамъ не пишутъ ничего. Татары — горсть людей, и хвалятся, что берутъ у васъ дань, а такъ какъ Татары подданные Турецкіе, то выходитъ, что и вы Турецкіе подданные. Много разъ вы хвалились, что хотите сдѣлать и то, и другое, и все оканчивалось одними словами, а дѣла не явилось никакого.“ Патріархъ счелъ за нужное приписать: „Чтобъ Греки, живущіе въ Москвѣ ничего не знали о моемъ письмѣ, кромѣ Николая Спафари.“

2 сентября 1691 года Досиѳей писалъ другую грамоту къ царямъ, которая дошла въ Москву не ранѣе начала 1693 года. Патріархъ былъ сильно озабоченъ тѣмъ, что Французы добыли себѣ позволеніе возобновить сводъ церковный въ Іерусалимѣ, и просилъ царей начать мирные переговоры съ Турками, причемъ требовать, чтобъ св. мѣста отданы были Грекамъ по прежнему, ибо Англичане и Голландцы хлопочутъ о мирѣ между Австріею и Турціею, и Австрійцы, по наущенію папы, могутъ внести въ договоръ, чтобъ св. мѣста остались за католиками: „Мы надѣемся, писалъ Досиѳей, что Тур-

ки исполнять вашу просьбу, потому что вы ничего новаго не будете просить; не просите, чтобъ вамъ самимъ владѣть св. мѣстами, но только чтобъ они были подъ властію Грековъ какъ прежде; такъ какъ Греки Турецкіе поддaнные, то султану отъ этого никакого безчестья не будетъ“ [147].

Кожуховскій походъ былъ послѣднею потѣхою. „Какъ осенью, писалъ Петръ [148], трудились мы подъ Кожуховымъ въ Марсовой потѣхѣ, ничего болѣе, кромѣ игры, на умѣ не было; однакожъ эта игра стала предвѣстникомъ настоящаго дѣла.“ Опытъ Голицына показывалъ, что степные походы не могутъ обѣщать успѣха, и потому рѣшено было направить походъ на Азовъ, путь къ которому облегчался Дономъ и близкими къ городу поселеніями Донскихъ козаковъ. Взятіе важной Турецкой крѣпости могло произвести сильнѣйшее впечатлѣніе въ Европѣ, чѣмъ война съ Татарами; Шкипера должна была прельщать мысль, что Азовъ былъ ключъ къ Азовскому морю. Хотѣли оплошить Турокъ, напасть нечаянно на Азовъ, и въ началѣ 1695 года объявленъ былъ походъ—только на Крымъ. И дѣйствительно огромное войско, старая дворянская конница, подъ начальствомъ боярина Бориса Петровича Шереметева, отправилось къ низовьямъ Днѣпра, взявши съ собой и Малороссійскихъ козаковъ; но войско новаго строя, полки Преображенскій, Семеновскій, Бутырскій и Лефортовъ, вмѣстѣ съ Московскими стрѣльцами, городовыми солдатами и царедворцами, всего 31,000, выступило подъ Азовъ подъ начальствомъ трехъ генераловъ—Автамона Головина, Лефорта и Гордона; бомбардирскую роту велъ бомбардиръ Петръ Алексѣевъ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ передовой Гордоновъ отрядъ собрался въ Тамбовѣ и отправился сухимъ путемъ черезъ Черкаскъ къ Азову. Войска Головина и Лефорта сѣли на суда въ Москвѣ и поплыли Москвою рѣкою, Окою и Волгою „Шутили подъ Кожуховымъ, а теперь подъ Азовъ играть идемъ,“ писалъ Бомбардиръ въ Архангельскъ къ Апраксину; дьяконъ Петръ приписывалъ: „Про твое здоровье пьемъ водку и ренское, а паче пиво.“ Походъ былъ не безъ препятствій. Бомбардиръ изъ Нижняго писалъ къ своему потѣшному генералиссимусу и королю,

Ромодановскому: „Min Her Kenich! письмо вашего превосходительства, государя моего милостиваго, въ стольномъ градѣ Прешбургѣ писанное, мнѣ отдано, за которую вашу государскую милость должны до послѣдней капли крови своей пролить, для чего и нынѣ посланы, и чаемъ за ваши многія и теплыя къ Богу молитвы, вашимъ посланіемъ, а нашими трудами и кровьми, оное совершить. А о здѣшнемъ возвѣщаю, что холопи ваши, генералы Автамонъ Михайловичъ и Францъ Яковлевичъ со всѣми войски далъ Богъ здорово, и намѣрены завтрашняго дня иттить въ путь, а мѣшкали для того, что иныя суды въ три дня насилу пришли, и изъ тѣхъ многія, небреженіемъ глупыхъ кормщиковъ, также и суды, которыя дѣлали гости, гораздо худы, иныя насилу и пришли.“ Къ Виніусу Bombordir Piter писалъ: „Min Her! Вѣтры насъ крѣпко держали въ Дединовѣ два дни, да въ Муромѣ три дни; а больше всѣхъ задержка была отъ глупыхъ кормщиковъ и работниковъ, которыя именемъ словутъ мастеры, а дѣло отъ нихъ, что земля отъ неба“ [149].

Войско плыло Волгою до Царицына; отсюда до казачьяго городка Паншина на Дону шло сухимъ путемъ съ большою нуждою, потому что ратные люди, и безъ того уставшие отъ гребли, должны были теперь тащить на себѣ орудія и пушечные припасы, по недостатку лошадей [150]. Въ Паншинѣ новая бѣда: подрядчики не поставили нужное количество съѣстныхъ припасовъ. Изъ Паншина войско поплыло Дономъ, отдохнуло три дня въ Черкаскѣ и 29 іюня приблизилось къ Азову, подъ которымъ уже стоялъ Гордонъ. „Min Her, писалъ Петръ Виніусу: „Въ день св. Апостолъ Петра и Павла пришли на рѣку Койсу, верстъ за 10 отъ Азова, и на молитвахъ св. апостолъ, яко на камени утвердясь, несумнѣнно вѣруемъ, яко сыны адскіе не одолѣютъ насъ.“ Между тѣмъ въ Москвѣ сильно безпокоились на счетъ судьбы царя и войска и начинали ходить разные зловѣщіе слухи; поэтому приведенное письмо къ Виніусу произвело большую радость; Виніусъ отвѣчалъ: „Та почта такую всѣмъ радость принесла, что мнозіи и въ церквахъ Божіихъ и въ домахъ своихъ тогожь часа молебствовали, пріявъ сію радостную почту, яже яко солнце

тму многіе лжи разогнала и повсюда, даже и въ стрѣлецкихъ слободахъ, великую радость принесла“ [151]. 8 іюля начали дѣйствовать русскія баттареи. На одной баттареѣ бомбардиръ Петръ Алексѣевъ самъ начинялъ гранаты и бомбы и самъ стрѣлялъ въ продолженіи двухъ недѣль, и потомъ записалъ о своей службѣ: „Зачалъ служить съ перваго Азовскаго походу бомбардиромъ“ [152].

Турки еще 6 числа получили подкрѣпленіе моремъ, а къ Русскимъ водою нельзя было доставлять съѣстныхъ припасовъ: препятствовали двѣ Турецкія каланчи, построенныя по обѣимъ берегамъ Дона, между каланчами протянуты были желѣзныя цѣпи и набиты сваи. Кликнули кличъ по охотникахъ изъ Донскихъ козаковъ—кто пойдетъ на каланчу? каждому обѣщано по 10 рублей. Козаки взяли одну каланчу. Осажденнымъ представился случай отомстить: къ нимъ перебѣжалъ вступившій въ Русскую службу и перекрестившійся Голландскій матросъ Яковъ Янсенъ и указалъ слабое мѣсто въ русскомъ станѣ, разсказалъ, что Русскіе спятъ въ полдень, во время самаго сильнаго зною. Турки вышли въ это время изъ Азова, пустивши передъ собою одного изъ Кубанскихъ или Аграханскихъ [153] раскольниковъ, который, окликнутый часовыми, сказался по Русски козакомъ и, высмотрѣвши, что Русскіе безпечно отдыхаютъ, далъ знакъ Туркамъ. Тѣ стремительно ворвались въ лагерь, побили сонныхъ, и хотя были выгнаны съ большимъ урономъ, однако успѣли увезти 9 полевыхъ орудій и перепортить всѣ осадныя. За то ночью Турки, сидѣвшіе въ другой каланчѣ, ушли изъ нея, покинувъ свои пушки, и утромъ козаки заняли каланчу. Это произвело большую радость въ Русскомъ войскѣ, Петръ писалъ: [154] „Теперь зѣло свободны стали, и разъѣздъ со всякими живностями въ обозы наши, и будары съ запасами воинскими съѣстными съ рѣки Койсы сюды пришли, которые прежь сего въ обозъ зѣло съ великою провожены были трудностію отъ Татаръ сухимъ путемъ. И слава Богу, по взятіи оныхъ, яко врата къ Азову счастія отворились“.

Надежды эти однако не исполнились; Петръ увидалъ, что подъ Азовомъ нельзя „играть“: „Пѣшіе наклонясь ходимъ,

писалъ онъ Кревету: [155] потому что подошли къ гнѣзду близко и шершней раздразнили, которые за досаду свою крѣпко кусаются, однако и гнѣздо ихъ по маленьку сыплется". Труды понадобились сильные, чтобъ разсыпать гнѣздо, а умѣнья и единства было мало. Въ Москвѣ стали безпокоиться, что письма изъ подъ Азова начали запаздывать; Петръ долженъ былъ ободрять: „Писать изволишь, отвѣчалъ онъ Ромодановскому, что почты урочнымъ днемъ не бывали: и тому учинися препоною недосужество, потому что многіе знатные въ воинскихъ трудахъ люди за оными писемъ своихъ писать не успѣли; также и отецъ вашъ государевъ и богомолецъ (Зотовъ) былъ въ непрестанныхъ же трудехъ письменныхъ распрашиваніемъ многихъ языковъ и иными дѣлами. А здѣсь, государь, милостію Божіею и вашими государскими молитвами и счастіемъ все, далъ Богъ, здорово.—Для Бога не сомнѣвайтеся о почтахъ, что замѣшкиваются; истинно за недосужествомъ, а не для того, храни Боже! чтобъ за какою бѣдою. И самъ можешь разсудить, что еслибъ что учинилось, какъ бы то утаить возможно? И сіе выразумѣвъ, донеси кому пристойно". — Къ Виніусу Петръ писалъ: „Въ Марсовомъ ярмѣ непрестанно труждаемся. — Здѣсь, слава Богу, все здорово и въ городѣ Марсовымъ плугомъ все испахано и насѣяно, и не токмо въ городѣ, но и во рву. И нынѣ ожидаемъ добраго рожденія, въ чемъ, Господи, помози намъ, въ славу имени Своего святаго".

На этотъ годъ ничего не взошло изъ насѣяннаго. Два штурма не удались. 27 сентября рѣшено отступить отъ Азова, занявши только каланчи. Съ бо́льшимъ успѣхомъ дѣйствовало войско, посланное на маленькіе Турецкіе городки въ низовьяхъ Днѣпра: Шереметевъ и Мазепа взяли приступомъ два изъ нихъ — Кази-Кермень и Таганъ, два другіе были оставлены Турками.

22 ноября царь вступилъ съ торжествомъ въ Москву [156]; но неудачу было трудно скрыть: тяжкій и дальній походъ съ самимъ царемъ, большія потери не окупались взятіемъ двухъ каланчей, которыя не могли получить большей важности отъ того, что ихъ окрестили громкимъ именемъ Новосергіевскаго города,

по примѣру царя Алексѣя Михайловича, который взятые въ Ливоніи города называлъ по именамъ Русскихъ святыхъ. Неудача страшная: первое дѣло молодаго царя не было благословлено успѣхомъ! Это видно не кораблики строить, не подъ Кожуховымъ потѣшаться, не съ Нѣмцами пировать! Но тутъ то, благодаря этой неудачѣ, и произошло явленіе великаго человѣка: Петръ не упалъ духомъ, но вдругъ выросъ отъ бѣды и обнаружилъ изумительную дѣятельность, чтобъ загладить неудачу, упрочить успѣхъ втораго похода. Съ неудачи Азовской начинается царствованіе Петра Великаго.

На молодаго царя роптали за то, что онъ сблизился съ иностранцами; многимъ, послѣ неудачи Азовской, должны были приходить на память слова покойнаго патріарха Іоакима, что не можетъ быть успѣха, Божьяго благословенія, если Русскими полками будутъ предводительствовать иностранцы — еретики. Что же царь? Тотчасъ по возвращеніи изъ похода хлопочетъ, чтобъ прислано было ему еще больше иностранцевъ, посылаетъ въ Австрію и Пруссію за инженерами и подкопными мастерами. До сихъ поръ царь строилъ кораблики съ иностранными мастерами для своей потѣхи: теперь вызываетъ еще изъ за границы новыхъ мастеровъ, вызываетъ изъ Архангельска иностранныхъ корабельныхъ плотниковъ [157], хочетъ строить суда, которыя должны плыть къ Азову и запереть его отъ Турецкихъ судовъ, чтобъ они не могли доставить осажденнымъ помощи. Корабли должны быть готовы къ веснѣ будущаго 1696 года; возможно ли это? мы знаемъ, какъ медленно строился корабль при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ; но сынъ царя Алексѣя самъ корабельный плотникъ, при немъ дѣло пойдетъ иначе.

Галера, которую строили въ Голландіи, предназначая ее для Волги и Каспійскаго моря, привезена была въ Москву, въ Преображенское, на лѣсопильную мѣльницу: здѣсь, по ея образцу, начали строить суда, и къ концу Февраля 1696 года срублены были изъ сыраго, мерзлаго лѣса части 22 галеръ и 4 брандеровъ; работали Преображенскіе и Семеновскіе солдаты, работали плотники, взятые изъ разныхъ мѣстъ, какъ обыкновенно въ старину сгоняли рабочихъ въ Москву

къ государеву дѣлу, работали иностранцы. Въ лѣсныхъ мѣстахъ, ближайшихъ къ Дону, въ Воронежѣ, Козловѣ, Добромъ и Сокольскѣ 26000 работниковъ должны были къ веснѣ срубить 1300 струговъ, 300 лодокъ, 100 плотовъ. Адмираломъ зачинавшагося флота былъ назначенъ Лефортъ. Шкиперъ и бомбардиръ Петръ Алексѣевъ носилъ теперь званіе капитана. 27 Ноября былъ сказанъ походъ и сухопутному войску, главнымъ начальникомъ котораго былъ назначенъ бояринъ Алексѣй Семеновичъ Шеинъ.

Среди этой небывалой дѣятельности, поднятой вторымъ царемъ, умеръ первый, Иванъ Алексѣевичъ, умеръ незамѣтно, какъ жилъ, 29 Января 1696 года. Первымъ дѣломъ единовластителя Петра было ѣхать въ Воронежъ, не смотря на больную ногу: надобно было къ вскрытію рѣкъ перевезти галеры въ Воронежъ, собрать ихъ и спустить на воду. Шкиперъ, бомбардиръ и капитанъ долженъ былъ самъ быть на мѣстѣ, чтобъ дѣло шло быстро и порядочно. А препятствій много къ быстротѣ и порядку. У главнаго заводчика дѣла больная нога, препятствующая скорому переѣзду изъ Москвы въ Воронежъ. Адмиралъ Лефортъ боленъ, остался въ Москвѣ, не можетъ ѣхать въ Воронежъ. Тысячи работниковъ не являются къ работѣ, на указныя мѣста, тысячи бѣгутъ съ работы; солдаты, отправленные въ Воронежъ для флота, такъ дуруютъ дорогою, что Лефортъ долженъ писать объ этомъ изъ Москвы въ Воронежъ къ государю: „Покладаюсь на твою милость, чтобъ ты пожаловалъ, приказалъ капитанамъ, чтобъ они учили солдатъ и надсматривали, чтобъ отъ нихъ дуровства не было, дорогою много они дуровали" [158]. Лефортъ не смотря на болѣзнь, спѣшилъ въ Воронежъ: „Путь такой, писалъ онъ къ царю отъ 20 Марта, что ни въ саняхъ, ни въ телегѣ, морозы и вѣтры великіе, однакоже на той недѣли поѣду. День мѣста, другой, приму лѣкарство и не буду мѣшкать, каковъ не будетъ путь, жить дале не стану. Лѣкарства всякаго кругъ себя наставлю, и морозы меня не проймутъ, такожде и лѣкаревъ со мною будетъ. По письму отъ милости твоей слышу, что тебѣ далъ Богъ лучше, и чаю, что мнѣ въ дорогѣ лучше будетъ. Сего числа князь Борисъ Алексѣевичъ

у меня будетъ кушать и про ваше здоровье станемъ пить, а съ Москвы мой первой ночлегъ будетъ въ Добровицахъ, и тамъ мы милость вашу не забудемъ. Чаю, что у милости вашей пива добраго нѣтъ на Воронежѣ, я къ милости твоей привезу съ собою и мушкателенвейнъ и пива добраго. Доски многія посланы къ милости вашей, самъ изволишь разсудить какой нужный путь, что по се число не бывали; а веревки готовыя есть, и посланы, а нынѣ дѣлать великая трудность въ такіе морозы. Изволишь отъ меня поклониться всѣмъ капитанамъ, которые каторги свои дѣлаютъ и готовятъ, а съ тѣми, которые не бывали съ каторгами, я съ ними справлюсь".

Эти люди, члены компаніи, всѣ тутъ въ своихъ письмахъ: болѣзнь и пиръ, управа съ нерадивыми капитанами, отсылка досокъ и веревокъ и мушкателенъ-вейнъ все вмѣстѣ. Чтобъ сохранить этихъ людей живыми въ исторіи, а не муміями, не должно представлять ихъ ни — только менторами, ни только собутыльниками.

Лефортъ выѣхалъ изъ Москвы и съ дороги изъ Ельца писалъ Петру: „На Ефремовѣ новопріѣзжіе лѣкари, которые три человѣка со мною идутъ, а достальные 9 человѣкъ особо, сошлися вмѣстѣ, стали пить, всякой сталъ свое вино хвалить; послѣ того учинился у нихъ споръ о лѣкарствахъ и дошло у нихъ до шпагъ и три человѣка изъ нихъ ранены, однакожь не тяжелыя раны".

Лѣкаря рѣжутъ другъ друга, подводчики бѣгутъ съ дороги, бросая перевозимыя вещи. Новая, страшная бѣда — лѣса горятъ именно тамъ, гдѣ рубятъ струги, и „струговому дѣлу чинится великое порушеніе и морскому воинскому походу остановка" [159]. Капитаны въ Воронежѣ жалуются и кричатъ, что въ кузницѣ уголья нѣтъ: „за тѣмъ дѣло наше стало!" Погода также чинитъ порушеніе и остановку. Капитанъ Питеръ пишетъ къ Стрѣшневу въ Москву отъ 23 марта: „Здѣсь, слава Богу, все здорово, а суды дѣлаются безъ мѣшкоты, только послѣ великаго дождя былъ великій морозъ такъ крѣпкій, что вновь рѣки стали, за которымъ морозомъ дней съ пять не работали". Въ другомъ письмѣ, отъ 7 апрѣля, къ Виніусу,

15*

пишетъ: „Здѣсь, слава Богу, все здорово, только сегодня поутру остъвинтъ великую стужу, снѣгъ и бурю принесъ“.

Не смотря на всѣ порушенія, все было, слава Богу, здорово, и дѣло шло съ поспѣшеніемъ, потому что „Мы, писалъ, Петръ Стрѣшневу, по приказу Божію къ прадѣду нашему Адаму, въ потѣ лица своего ѣдимъ хлѣбъ свой“. Этотъ хлѣбъ ѣлъ онъ въ маленькомъ домикѣ, состоявшемъ изъ двухъ горницъ съ сѣнями и крыльцомъ, бани и поварни.

Флотъ былъ построенъ: 2 корабля, 23 галеры и 4 брандера. Съ первыхъ чиселъ апрѣля начали спускать суда на воду; въ этомъ занятіи прошла Святая недѣля *) Петръ поздравилъ съ праздникомъ всѣхъ своихъ, оставшихся въ Москвѣ, въ одномъ письмѣ къ Виніусу „не для лѣни, но великихъ ради недосужекъ и праздника“. Король Ромодановскій прислалъ выговоръ капитану, что получилъ поздравленіе вмѣстѣ съ другими; Piter отвѣчалъ: „Изволишь писать про вину мою, что я ваши государскія лица вмѣстѣ написалъ съ иными, и въ томъ прошу прощенія, потому что корабельщики, наши братья въ чинахъ неискусны.“ Между тѣмъ еще въ мартѣ пришли одинъ за другимъ въ Воронежъ и полки, которые должны были садиться здѣсь на струга. 23 апрѣля суда съ войскомъ двинулись, 3 мая поплылъ и „морской караванъ“, какъ тогда называли флотъ; впереди, начальствуя осьмью галерами, плылъ капитанъ Петръ Алексѣевъ, на галерѣ Principium, которую самъ строилъ.

Труды, употребленные на постройку флота, были не напрасны: русскій флотъ загородилъ дорогу Турецкому въ устьяхъ Дона, и Азовъ остался безъ помощи. Большое нападеніе Татаръ на Русскій лагерь было отбито, послѣ чего происходили съ ними почти ежедневныя сшибки, удачныя для Русскихъ, кромѣ одного раза, когда, по словамъ Петра, Русскіе позабыли свою оборону — воинскій строй, и гнались, по прадѣдовскому обычаю, безъ порядка за непріятелемъ, вслѣдствіе чего и потеряли нѣсколько людей, но потомъ оправились. Начались осадныя работы. На увѣщанія сестры На-

*) Пасха была 12 апрѣля.

тальи, чтобъ былъ осторожнѣе, Петръ отвѣчалъ: „По письму твоему я къ ядрамъ и пулькамъ близко не хожу, а они ко мнѣ ходятъ. Прикажи имъ, чтобъ не ходили; однако хотя и ходятъ, только по ся поры вѣжливо. Турки на помочь пришли, да къ намъ нейдутъ, и чаю, что желаютъ насъ къ себѣ“. Обстрѣливаніе города началось 16 іюня съ большимъ успѣхомъ: осажденные не могли оставаться въ своихъ разбитыхъ домахъ, укрывались въ землянкахъ; но городскія укрѣпленія оставались нетронутыми, и осаждающіе не знали, что дѣлать? выписанные австрійскіе инженеры, артиллеристы, и минеры еще не пріѣзжали; по желанію войска приступили къ работѣ по прадѣдовскому обычаю, стали насыпать огромный валъ въ уровень съ валомъ непріятельскимъ и засыпать ровъ; пріѣхали наконецъ иностранные мастера, и городскія укрѣпленія тронулись отъ выстрѣловъ, направленныхъ искуснымъ артиллеристомъ Граге. 2000 Малороссійскихъ и Донскихъ козаковъ — первые подъ начальствомъ наказнаго гетмана Якова Лизогуба, вторые атамана своего Фрола Минаева, пошли на штурмъ, были выбиты изъ внутреннихъ укрѣпленій, но засѣли на валу, откуда Турки никакъ не могли сбить ихъ. Послѣ этого всѣмъ войскамъ велѣно было готовиться къ приступу; но Турки не стали дожидаться его, и 18 іюля объявили готовность сдаться, выговаривая себѣ позволеніе выйти изъ города въ полномъ вооруженіи, съ женами, дѣтьми и пожитками. Условіе было принято.

„Min Her Kenich, писалъ Петръ Ромодановскому: извѣстно вамъ государю буди, что благословилъ Господь Богъ оружіе ваше государское: понеже вчерашняго дня, молитвою и счастіемъ вашимъ государскимъ, Азовцы, видя конечную тѣсноту, сдались“. Къ Виніусу писалъ: „Нынѣ со святымъ Павломъ радуйтеся всегда о Господѣ, и паки реку: радуйтесь! Нынѣ же радость наша исполнися: понеже Господь Богъ двалѣтніе труды и крови наши милостію своею наградилъ: вчерашняго дня Азовцы, видя конечную свою бѣду, сдались. Измѣнника Якушку (Янсена) отдали жива въ руки наши“.

И въ Москвѣ сильно обрадовались. 31 іюля всѣ значительнѣйшіе люди въ управленіи сидѣли у „перваго министра“,

Льва Кирилловича Нарышкина, когда получено было извѣстіе о сдачи Азовѣ; Виніуса сейчасъ же послали къ патріарху, святѣйшій заплакалъ отъ радости и велѣлъ ударить въ большой колоколъ къ молебну, на который сошлось безчисленное множество народа; думный дьякъ Емельянъ Украинцевъ читалъ царскую грамоту къ патріарху: „По прежде писанному нашему извѣщенію вашему святѣйшеству о цѣлости здравія нашего и о военныхъ нашихъ трудѣхъ довольно предложено, а нынѣ извѣствуемъ: егда по повелѣнію нашему промысломъ и усердно радѣтельными трудами боярина нашего Алексѣя Семеновича Шеина Великороссійскія и Малороссійскія наши войска земляной валъ къ непріятельскому рву отвсюду равномѣрно привалили, и изъ-за того валу ровъ заметавъ и заровнявъ, тѣмъ же валомъ черезъ тотъ ровъ до непріятельскаго валу дошли, и валы сообщили толь близко, еже возможно было съ непріятели, кромѣ оружія, едиными руками терзатися; уже и земля за ихъ валъ метаніемъ въ городъ сыпалась. И сего же настоящаго іюля мѣсяца 17 числа, въ пятокъ, Малороссійскія наши войска, по жребію своему въ тѣхъ трудѣхъ пребывающія, при которыхъ неотступно пребывая мужъ въ добродѣтели и въ военныхъ трудѣхъ искусный гетманъ наказный Яковъ Лизогубъ, обще Донскаго нашего войска съ атаманомъ Фроломъ- Миняевымъ и съ Донскими козаки предварили непріятельской роскатъ подкопать, и на него мужески взойтить, и съ непріятели бившись довольно, и тѣмъ роскатомъ овладѣли, и дождався ночи, съ того роската четыре пушки стащили; а въ 18 числѣ, въ субботу, о полудни, непріятели, Азовскіе сидѣльцы, видя войскъ нашихъ крѣпкое на градъ наступленіе и промыслъ радѣтельной, а свою конечную погибель, замахали шапками и знамена приклонили и выслали для договора отъ себя двухъ человѣкъ знатныхъ людей, и били челомъ, чтобъ даровать животомъ и отпустить бы ихъ съ женами и съ дѣтьми, а на знакъ увѣренія въ твердости и въ правдѣ оставили двухъ человѣкъ аманатовъ и отдали Нѣмчина Якушку, который, измѣня, изъ войскъ нашихъ ушелъ къ нимъ въ Азовъ и обусурманился прошлаго году. А въ 19 числѣ Азовскіе сидѣльцы городъ Азовъ со всѣмъ что въ немъ было отдали“.

Взятіе Азова принадлежало къ числу тѣхъ немногихъ торжествъ, которыя должны сильно поражать народное воображеніе; это было первое торжество надъ страшными Турками, которые недавно еще разорили Чигиринъ въ глазахъ нашего войска; послѣ перваго Литовскаго похода царя Алексѣя Михайловича, похода, за которымъ слѣдовали такія неудачи и тягости, Русскіе люди впервые были порадованы блестящимъ дѣломъ Русскаго оружія; помнили, что когда то Азовъ былъ взятъ Донскими козаками, и въ Москвѣ хотѣлось сильно удержать его, но не посмѣли и отдали Туркамъ. Но, разумѣется, больше всѣхъ радовались люди близкіе къ Петру, компанія, потому что успѣхъ увѣнчалъ дѣло, показывалось ясно, что не даромъ употреблены были такія усилія для заведенія флота, не даромъ вызывали иностранцевъ; новое правительство съ его новизнами поднималось высоко надъ старымъ съ его—Крымскими походами: „Всѣмъ извѣстно, писалъ Виніусъ Петру, что единымъ промысломъ вашимъ и одержаніемъ помощи съ моря столь знаменитый въ свѣтѣ градъ къ ногамъ вашимъ преклонился". [160]

Теперь любопытно посмотрѣть, какое впечатлѣніе было произведено взятіемъ Азова въ Польшѣ, гдѣ уже не было болѣе Собѣскаго.

Еще прежде взятія Азова Французъ Фурни, провожавшій въ Россію иностранныхъ офицеровъ и возвращавшійся чрезъ Варшаву разказывалъ панамъ съ похвалою о дѣйствіяхъ русскихъ подъ Азовомъ, о дѣйствіяхъ молодаго царя. Сенаторы слушали, качали головами и говорили про Петра: „Какой отважный и безпечный человѣкъ! и что̀ отъ него впредь будетъ?" Воевода Русскій Матчинскій говорилъ: „Надобно Москалямъ поминать покойнаго короля Яна, что поднялъ ихъ и сдѣлалъ людьми военными; а еслибъ союза съ ними не заключилъ, то и до сей поры дань Крыму платили бы, и сами валялись бы дома, а теперь выполируются." Воевода Плоцкій замѣтилъ на это: „Лучшебъ было, чтобъ дома сидѣли, это бы намъ не вредило; а когда выполируются, и крови нанюхаются, увидишь, что изъ нихъ будетъ! до чего Господи Боже не допусти."

Резидентъ Никитинъ получилъ извѣстіе о взятіи Азова 29 августа, во время обѣдни и приказалъ священнику до отпуска литургіи начать благодарственный молебенъ, и какъ начали пѣть великому государю многолѣтіе, то одинъ шляхтичъ православной вѣры Иванъ Матковскій закричалъ что есть силы: „Виватъ царю его милости!" и весь народъ трижды прокричалъ: виватъ! а посланникъ велѣлъ въ то же время трижды выстрѣлить изъ двухъ пушекъ и изъ ружей, сколько ихъ набралось. На стрѣльбу прибѣжало множество народа, которому Никитинъ велѣлъ выкатить пять бочекъ пива и три бочки меду; народъ голосилъ: виватъ царю его милости! нехъ будетъ панъ Богъ благословенъ.

1-го сентября Никитинъ въ торжественномъ собраніи сената и земскихъ пословъ подалъ примасу царскую грамоту съ извѣстіемъ о взятіи Азова, при чемъ говорилъ слѣдующую рѣчь: „теперь ясновельможные господа сенаторы и вся рѣчь посполитая да знаете вашего милостиваго оборонителя, смѣло помогайте ему по союзному договору, ибо онъ, знаменемъ креста Господня, яко истинный Петръ, отпираетъ двери до потеряннаго и обѣщаннаго христіанамъ Іерусалима, въ которомъ Христосъ Господь нашъ на престолѣ крестомъ тріумфовалъ. Идетъ прямо его царское величество къ Татарскому Крыму, а къ союзникамъ шлетъ грамоты, чтобъ укрѣплялись на продолженіе войны, чтобъ вдругъ безопасно ударили на звѣря, локающего кровь христіанскую и пожирающаго отчизну вашу. По договорамъ царское величество зоветъ наияснѣйшую монархію Польскую съ такимъ желаніемъ, дабы та дорога, которую блаженной памяти король Янъ торилъ чрезъ Буджаки до Константинополя, была бы теперь докончена. Здѣсь должны за крестъ Господень соединиться ваши коронныхъ гетмановъ кресты; здѣсь должны соединиться вождей княжества Литовскаго стрѣлы и мечи, чтобъ отчизну свою отыскать и братію изъ неволи поганской высвободить; могли бы вы и самую богатую Арабію подбить свободному Польскому орлу; теперь хорошо бы гербовною косою на повалъ скосить непріятеля: подается жниво, когда крестъ Господень дѣйствуетъ; теперь время съ крестомъ идти вооруженною

ногою топтать непріятеля; теперь время шляхетнымъ подковамъ попрать наклоненнаго поганина и тылъ дающаго; теперь время владѣнія свои расширить тамъ, гдѣ только польская зайти можетъ подкова, и оттуда себѣ титулами наполнить хартіи, согласно договорамъ, вмѣсто того, чтобъ писаться такими титулами, какихъ договоры не позволяютъ.“ На третій день послѣ этой церемоніи пріѣзжалъ къ Никитину цесарскій резедентъ и разказывалъ, что сенаторы испугались и порѣшили, чтобъ впредь короли ихъ не писались лишними титулами —Кіевскимъ и Смоленскимъ; резидентъ говорилъ, что паны не очень рады взятію Азова, никакъ они этого не ожидали; но что простому народу очень любо. Никитинъ писалъ въ Москву: „11 сентября было въ Варшавѣ по всѣмъ костеламъ благодарное молебствіе за взятіе Азова, стрѣляли изъ пушекъ трижды по двѣнадцати выстрѣловъ, только для оказіи, будто совершенно тому радуются, и были съ поздравленіемъ у меня отъ всѣхъ гетмановъ и воеводъ трубачи, сиповщики и литаврщики, играли великому государю виватъ, а на сердцѣ не то. Слышалъ я отъ многихъ людей, что они хотятъ непремѣнно съ Крымомъ соединиться, и берегутъ себѣ Татаръ на оборону; изъ Крыму къ нимъ есть присылки, чтобъ они Москвѣ не вѣрили: когда Москва повоюетъ Крымъ, то и Польшу не оставитъ; а къ гетману Ивану Степановичу Мазепѣ безпрестанныя отъ Поляковъ подсылки.“

Въ сентябрѣ резидентъ былъ съ визитами у гетмановъ коронныхъ и литовскихъ и говорилъ имъ, что войска Польскія и Литовскія уже два года въ походы не выступаютъ и царскія войска выдаютъ. Гетманъ коронный Яблоновскій сказалъ на это: „я хлопочу постоянно, публично и приватно, всѣмъ сенаторамъ говорилъ и теперь говорю, что войску надобно заплатить жалованье и выполнить союзный договоръ съ царскимъ величествомъ; конвокаціонный сеймъ разорвался, такъ надобно ждать избирательнаго, какъ дастъ намъ Богъ государя новаго и добраго.“ Гетманъ польный Потоцкій говорилъ: „Что прошло, того ужь не вернуть; было время благопріятное для похода, да нашъ Польскій безпорядокъ не позволяетъ пользоваться временемъ; король давно уже сталъ слабъ здо-

ровьемъ, а тутъ и смерть закусила; сеймы уже сколько лѣтъ не оканчиваются порядкомъ, все рвутся, и войску отъ того жалованья нѣтъ. Виновные отдадутъ отвѣтъ Богу. И теперь войско заставили бунтовать, конвокаціонный сеймъ разорвали; за грѣхи наши такое несчастіе, бичь Божій. Коронный гетманъ оправдывается, что онъ ни въ чемъ не виноватъ: но обоимъ имъ, коронному и литовскому да королевѣ Богъ пошлетъ на душу и на тѣло язву. Неудовольствовавши войско, дѣлать намъ нечего; пока не выберутъ новаго короля, никакого дѣла не будетъ." Въ иномъ духѣ отвѣчалъ Литовскій гетманъ Сапѣга на жалобы Никитина: „Царскія войска хотя и рано вышли, однако никакого храбраго дѣла не показали, взяли Азовъ на договоръ, а не военнымъ промысломъ и на морѣ побрали чайки небольшія." Резидентъ возразилъ: „Всему свѣту и вамъ извѣстно, что царскія войска не спали подъ Азовомъ, но безпрестанно и храбро дрались съ непріятелемъ. А хотя бы Азовъ и на договоръ былъ взятъ, то развѣ можно въ этомъ упрекать? дай Господи великому государю взять на договоръ не только всю Турецкую землю, но и самое государство Польское и княжество Литовское въ вѣчное подданство привести, и тогда вы Поляки будете всегда жить въ покоѣ и тишинѣ, а не такъ какъ теперь въ вѣчной ссорѣ другъ съ другомъ отъ непорядка своего." Поляки стали смѣяться и говорить: „Ой помиритъ хоть кого Московскій долгій бичь," а одинъ шляхтичъ сказалъ: „Лучше гдѣ страхъ есть" [161].

Враги имѣли право безпокоиться, ибо въ Россіи былъ царь, не отдыхавшій послѣ подвиговъ. Тотчасъ по взятіи Азова онъ уже осмотрѣлъ ближнія приморскія мѣста и на мысу Таганрогъ рѣшилъ построить крѣпость и гавань. Азовъ былъ сильно укрѣпленъ и сдѣланъ русскимъ городомъ, мечети превращены въ церкви. Царь оставилъ Азовъ 15 августа и изъ Черкаска писалъ Виніусу: „Понеже писано есть: достоинъ есть дѣлатель мзды своея; того для мню, яко удобно къ воспріятію господина генералиссимуса и прочихъ господъ, чрезъ два времени въ толикихъ потахъ трудившихся, тріумфальными портами (воротами) почтити; мѣсто же мню къ сему удобное на мосту, чрезъ Москву рѣку устроенномъ,

или гдѣ лучше. Сіе же пишу, не яко уча, но яко помня вашей милости о семъ николи тамъ бываемымъ.“ Виніусъ отвѣчалъ, что „собравъ мастеровыхъ людей и всякія потребы, начали строить, и по признаванію мастеровъ Ивана Салтыкова съ товарищи тому дѣлу прежде сентября 18 поспѣть не мочно, понеже то дѣло не малое“ [162].

Времени дано было гораздо болѣе, потому что царь долго пробылъ на Тульскихъ желѣзныхъ заводахъ. Тріумфальныя порты были построены и украшены: надъ фронтономъ среди знаменъ и оружія сидѣлъ двуглавый орелъ подъ тремя коронами. На фронтонѣ виднѣлись надписи: „Богъ съ нами, никто же на ны. Никогда же бываемое.“ Слава въ одной рукѣ держала лавровый вѣнокъ, въ другой масличную вѣтвь; подъ славою надпись: „Достоинъ дѣлатель мзды своея.“ Фронтонъ поддерживали статуи Геркулеса и Марса. Подъ Геркулесомъ на пьедесталѣ изображенъ былъ Азовскій паша и двое скованныхъ Турокъ; подъ Марсомъ Татарскій мурза съ двумя скованными Татарами. Надъ пашею вирши: „Ахъ! Азовъ мы потеряли, и тѣмъ бѣдство себѣ достали.“ Надъ мурзою: „Прежде на степяхъ мы ратовались, нынѣ же отъ Москвы бѣгствомъ едва спасались.“ Подлѣ Геркулеса и Марса пирамиды съ надписями: на одной: „Въ похвалу прехрабрыхъ воевъ морскихъ;“ на другой: „Въ похвалу прехрабрыхъ воевъ полевыхъ.“ По обѣимъ сторонамъ воротъ картины на полотнѣ: на одной представлено морское сраженіе, и Нептунъ, глаголящій: „Се и азъ поздравляю взятіемъ Азова и вамъ покоряюсь.“ На другой картинѣ изображена была битва съ Татарами и приступъ къ Азову.

30 сентября былъ торжественный входъ побѣдителей—адмирала Лефорта и генералиссимуса Шеина со всѣми полками; за раззолоченными санями адмирала шелъ пѣшкомъ капитанъ Петръ Алексѣевъ. Везли и измѣнника Янсена въ чалмѣ подъ висѣлицею, на которой виднѣлась надпись: „Перемѣною четырехъ вѣръ Богу и измѣною возбуждаетъ ненависть Турокъ, Христіанамъ злодѣй.“ Главный устроитель торжества Виніусъ оставилъ и себѣ роль: съ верху тріумфальныхъ воротъ въ трубу говорилъ вирши побѣдителямъ [163]. На-

грады были розданы по прадѣдовскому обычаю: золотыя медали, кубки, шубы, прибавка денежнаго жалованья и крестьянскихъ дворовъ.

Прошло около мѣсяца послѣ этого торжества, и 20 октября у великаго государя было въ Преображенскомъ сидѣнье съ боярами о дѣлахъ. Великій государь предложилъ на письмѣ: „Понеже фортеція Азова разорена внутри и выжжена до основанія, также и жителей фундаментальныхъ нѣтъ, безъ чего содержаться не можетъ, и того для требуетъ указу, кого населить и много ли числомъ?" Приговорено: быть 3000 семьямъ изъ низовыхъ городовъ; конницѣ быть 400 съ Калмыками. „Егда же сія крѣпость, продолжалъ в. государь, въ сицевомъ благоустроится, тогда симъ ли только довольствоваться имѣемъ, и аще тако, то воистину двухъ временъ прошедшихъ труды, крови и убытки всуе положены, понеже ниже Татарамъ походы, ниже салтану тягости единымъ точію взятіемъ сей крѣпости учинить возможно, потому что изъ оной пѣшимъ людемъ Татаръ перенять и поиски чинить невозможно, а конницы толикое число, ежебы довольно было вышеписанному дѣлу, тамъ держать невозможно; что же по семъ, егда ниже конницею, ниже пѣхотою непріятеля воевать и держать возможно, а непріятель, видя пресѣченіе генеральныхъ промысловъ на себя, паки прежнею гордостью паче прежняго взнявся, воевати будетъ? тогда не точію о погибели его размышлять, но ниже желаемаго мира получити можемъ. Нынѣ же, аще воля есть, радѣти отъ всего сердца въ защищеніе единовѣрныхъ своихъ и себя къ безсмертной памяти просимъ, понеже время есть и фортуна сквозь насъ бѣжитъ, которая никогда къ намъ такъ близко на югъ не бывала: блаженъ, иже имется за власы ея. И аще потребна есть сія, то ничто же лучше мню быть еже воевать моремъ, тако же зѣло близко есть и удобно много кратъ паче нежели сухимъ путемъ, къ сему же потребенъ есть флотъ или караванъ морской, въ 40 или вяще судовъ состоящій, о чемъ надобно положить не испустя времени, сколько какихъ судовъ и со много ли дворовъ и торговъ, и гдѣ дѣлать?" Приговорено: „Морскимъ судамъ быть, а сколькимъ — о томъ спра-

виться о числѣ крестьянскихъ дворовъ, что за духовными и за всякихъ чиновъ людьми, о томъ выписать и доложить не замотчавъ (не замѣшкавъ), и положить суды по дворамъ сколько пристойно, а о торговыхъ людяхъ выписать изъ таможенныхъ книгъ, что съ нихъ взято въ 694—5 и 6 годахъ пятыя и десятыя деньги и съ какихъ промысловъ.

Для окончательнаго рѣшенія дѣла по справкахъ, 4 ноября было другое сидѣнье не по прадѣдовскому обычаю: въ немъ присутствовали иностранцы [164]. Было приговорено: корабли сдѣлать со всею готовностію, и съ пушками, и съ мелкимъ ружьемъ, какъ имъ быть въ войнѣ, къ 1698 году или прежде, а дѣлать ихъ такъ: св. патріарху и властямъ и монастырямъ съ 8,000 крестьянскихъ дворовъ корабль. Съ бояръ и со всѣхъ чиновъ служилыхъ людей съ 10,000 крестьянскихъ дворовъ корабль; гостямъ и гостиной сотнѣ, черныхъ сотенъ и слободъ, бѣломѣсцамъ и городамъ вмѣсто десятой деньги, которая съ нихъ сбиралась въ прошлыхъ годахъ, сдѣлать 12 кораблей со всѣми припасами. Тогда же, 4 ноября было приговорено, что къ 3,000 семей жилыхъ быть всегда въ Азовѣ Московскимъ стрѣльцамъ и городовымъ солдатамъ 3,000 человѣкъ. Вслѣдствіе постановленія о постройкѣ кораблей землевладѣльцы духовные составили 17 отдѣльныхъ кумпанствъ (компаній), а свѣтскіе 18. Для составленія этихъ кумпанствъ помѣщики и вотчинники, имѣвшіе сто дворовъ и больше, должны были пріѣхать въ Москву, въ помѣстный приказъ къ 25 декабрю 1696 года, подъ страхомъ отписки помѣстій и вотчинъ на государя; мелкопомѣстные должны были внести по полтинѣ съ двора. Всѣ дѣла по кораблестроенію отданы въ вѣдѣніе Владимірскаго суднаго приказа, которымъ управлялъ окольничій Протасьевъ; по новымъ занятіямъ своимъ Протасьевъ получилъ званіе адмиралтейца. Приказъ разослалъ во всѣ кумпанства росписи предметовъ, нужныхъ для постройки и вооруженія судовъ, съ показаніемъ ихъ размѣровъ и съ приложеніемъ чертежей корабельныхъ частей. Кромѣ русскихъ плотниковъ каждое кумпанство обязано было содержать на свой счетъ мастеровъ и плотниковъ иностранныхъ, переводчиковъ, кузне-

цовъ, рѣзчика, столяра, живописца, лѣкаря съ аптекою. Заготовлять матеріалы должны были въ лѣсахъ, находившихся къ сѣверу отъ Воронежа, въ уѣздахъ Воронежскомъ, Усманьскомъ, Бѣлоколодскомъ, Романовскомъ, Сокольскомъ, Добренскомъ и Козловскомъ. Иностранные мастера были вызваны правительствомъ изъ Венеціи, Голландіи, Даніи и Швеціи, и распредѣлены по кумпанствамъ [165]. Тогда же предположено соединить Волгу съ Дономъ каналомъ между рѣками Иловлею и Камышинкою [166].

Чѣмъ болѣе новаго, необходимаго дѣла, тѣмъ бо́льше нужды въ иностранцахъ, которыхъ надобно вызывать толпами. Долго ли же такъ будетъ? неужели надобно оставаться во всегдашней зависимости отъ иностранцевъ? Необходимо, чтобъ Русскіе выучились; но какъ это сдѣлать? иностраннымъ мастерамъ некогда учить, они для другаго дѣла призваны, а главное, учителя остались въ своихъ земляхъ, не могли заморскія страны выслать въ Россію лучшихъ своихъ людей; надобно было слѣдовательно послать русскихъ за границу учиться; дѣло не новое, бывшее уже при Годуновѣ; тогда опытъ не удался, посланные не захотѣли возвратиться на родину, но теперь другія условія, теперь возвратятся. „Началось новое въ Россіи дѣло: строеніе великимъ иждивеніемъ кораблей, галеръ и прочихъ судовъ. И дабы то вѣчно утвердилось въ Россіи, умыслилъ государь искусство дѣла того ввесть въ народъ свой, и того ради многое число благородныхъ послалъ въ Голландію и иныя государства учиться архитектуры и управленія корабельнаго“ [167]. Пятьдесятъ комнатныхъ стольниковъ и спальниковъ отправлены были съ этою цѣлію за границу: 28 въ Италію, преимущественно въ Венецію, 22 въ Англію и Голландію [168].

Молодые придворные были посланы учиться за границу: но какъ они тамъ будутъ учиться и у кого? и какъ потомъ узнать, хорошо ли они выучились и къ чему способны? Надобно, чтобъ кто-нибудь прежде нихъ тамъ выучился, все узналъ, и ктожъ могъ быть этотъ человѣкъ, какъ не самъ шкиперъ, бомбардиръ и капитанъ Петръ Алексѣевъ? При поворотѣ народа на новый путь самодержавный царь, ода-

ренный необыкновенными силами духа, взялъ на себя руководительство. Выучиться у иностранцевъ тому, чѣмъ они превосходили русскихъ — сдѣлалось главною цѣлію, ясно сознанною, и Петръ началъ дѣло уже въ Россіи: его шкиперство, бомбардирство и капитанство показываютъ это прямо; выучиться въ Россіи нельзя, надобно ѣхать за границу — и Петръ поѣдетъ туда, поѣдетъ не какъ царь, но какъ ученикъ, какъ корабельный плотникъ, ибо его посланничество другое: онъ великій человѣкъ, начальникъ новаго общества, начальникъ новой исторіи своего народа. Надпись на печати писемъ Петровыхъ, присылаемыхъ изъ за границы, говорила: „Азъ бо есмь въ чину учимыхъ и учащихъ мя требую". Чему же будетъ Петръ особенно учиться за границею? Корабельному искусству, ибо это была его страсть, которая оправдывалась тѣмъ, что достиженіе моря было завѣтною цѣлію Россіи XVI и XVII вѣка, было царственнымъ преданіемъ для Петра; кромѣ того въ настоящую минуту Петръ сознавалъ, что только моремъ можно съ успѣхомъ воевать Турокъ. Таинственный голосъ, который нашептывалъ вождямъ германскихъ варваровъ: „Римъ Римъ"! и неудержимо влекъ ихъ къ столицѣ образованнаго міра, путешествіе въ Константинополь русской Ольги, мудрѣйшей изъ женъ, и путешествіе на западъ Петра — суть явленія одинаковыя, въ которыхъ выражается неодолимое стремленіе нецивилизованныхъ, но историческихъ, благородныхъ народовъ къ цивилизаціи. Что относительно Петра таинственный голосъ замѣнялся явнымъ голосомъ Лефорта — это нисколько не измѣняетъ дѣла: Петръ поѣхалъ бы за границу и безъ Лефорта, точно также какъ сдѣлался бы мореплавателемъ и устроителемъ флота безъ нахожденія ботика боярина Никиты Романова; но и Лефортъ съ его увѣщаніями къ заграничной поѣздкѣ и къ Азовскому походу вмѣсто путешествія на Каспійское море, и ботикъ, послужившій первымъ побужденіемъ къ кораблестроенію суть явленія засвидѣтельствованныя, и мы не станемъ отстранять ихъ, ибо повсюду отмѣчаемъ въ исторіи общія движенія и стремленія, и частныя побужденія, одинаковыя для великихъ и невеликихъ людей.

Неизвѣстно, кѣмъ придумана была форма поѣздки царя за границу: онъ отправлялся въ свитѣ великаго посольства, назначеннаго къ цесарю, королямъ Англійскому и Датскому, къ папѣ Римскому, къ Голандскимъ штатамъ, къ курфирсту Бранденбургскому и въ Венецію. Тутъ достигались двѣ цѣли: Петръ могъ сохранять инкогнито и учиться, а гдѣ нужно направлять переговоры о союзѣ противъ Турціи, объ условіяхъ войны или мира съ нею, и лично объясняться съ государями и министрами. Цѣлію посольства было прямо объявлено „подтвержденіе древней дружбы и любви, ослабленіе враговъ креста Господня, салтана Турскаго, хана Крымскаго и всѣхъ бусурманскихъ ордъ:“ слѣдовательно посольство должно было прежде всего направиться въ Вѣну, гдѣ долженъ былъ рѣшиться вопросъ Турецкій; но царскій посланникъ въ Вѣнѣ Нефимоновъ донесъ, что вопросъ рѣшенъ, съ цесаремъ и Венеціею заключенъ имъ наступательный и оборонительный союзъ противъ Турокъ на три года; это позволяло перемѣнить направленіе пути и отправиться прямо въ западныя поморскія государства для изученія корабельнаго дѣла [169].

Великими и полномочными послами были назначены: генералъ и адмиралъ, намѣстникъ Новгородскій Францъ Яковлевичъ Лефортъ, генералъ и воинскій коммиссарій, намѣстникъ Сибирскій Өедоръ Алексѣевичъ Головинъ и думный дьякъ, намѣстникъ Бѣлевской Прокофій Богдановичъ Возницынъ; при нихъ болѣе 20 дворянъ и до 35 волонтеровъ; между которыми былъ Преображенскаго полка урядникъ Петръ Михайловъ. Правительство въ отсутствіе царя оставалось какъ было при немъ: на старыхъ мѣстахъ прежнія лица; кто былъ прежде вліятельнѣе другихъ, тотъ оставался и теперь съ тѣмъ же вліяніемъ; это было тѣмъ легче, что и до заграничной поѣздки царь былъ почти въ постоянномъ отсутствіи, и къ боярскому управленію привыкли съ 1689 года. Со всѣми дѣлами относились на царское имя какъ будто Петръ и не выѣзжалъ изъ Москвы.

Въ февралѣ 1697 года назначенъ былъ отъѣздъ великаго посольства изъ Москвы, когда было донесено о заговорѣ на жизнь государя.

Чѣмъ яснѣе обозначались стремленія Петра, тѣмъ сильнѣе становился ропотъ въ толпѣ, и роптали не одни тѣ люди, которые уперлись противъ естественнаго и необходимаго движенія Россіи на новый путь; роптали и люди, которые признавали несостоятельность старины, необходимость преобразованій, но которые не могли понять, что преобразованія должны совершаться именно тѣмъ путемъ, по которому шелъ молодой царь. Имъ бы хотѣлось, чтобъ Петръ вдругъ явился на престолѣ Русскомъ новымъ Соломономъ во всей премудрости и славѣ, чтобъ вдругъ всѣ правители изъ кормленщиковъ сдѣлались строжайшими и безкорыстнѣйшими блюстителями правосудія, чтобъ вдругъ бѣдная страна закипѣла млекомъ и медомъ; эти люди хотѣли, считали возможнымъ внезапное облегченіе и улучшеніе, видѣли, на оборотъ, требованіе страшнаго напряженія силъ, требованіе пожертвованій — и роптали, при чемъ нѣкоторыя стороны поведенія молодаго царя давали оправданіе ропоту. Оскорблялись, что царь убѣжалъ изъ дворца, изъ Кремля, изъ Москвы, пренебрегаетъ обязанностями семейными; проводитъ время въ потѣхахъ, привязался къ иностранцамъ, нерадитъ о дѣлахъ правительственныхъ, и бояре ближніе дѣлаютъ что хотятъ; между родственниками царскими, съ материнской и женниной стороны, Нарышкиными и Лопухиными, встала распря; Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ осилилъ Лопухиныхъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, благодаря холодности Петра къ женѣ; самый видный изъ Лопухиныхъ, бояринъ Петръ Абрамовичъ, управлявшій приказомъ Большаго дворца, подвергся страшной опалѣ, и разнеслась вѣсть, что самъ царь пыталъ дядю жены своей. Милославскіе и другіе недовольные, разумѣется, пользовались этимъ и съ злорадствомъ распространяли подобныя вѣсти, указывая, какъ мало выиграно отстраненіемъ правительницы.

Неизвѣстно, откуда взялся и распространился слухъ, будто царь Иванъ Алексѣевичь извѣщалъ всему народу: „братъ мой живетъ не по церкви, ѣздитъ въ Нѣмецкую слободу и знается съ Нѣмцами“. На кружечномъ дворѣ потѣшный хвастаетъ, что государь непрестанно бываетъ у нихъ въ слобо-

дѣ; бывшый тутъ иконникъ отвѣчаетъ: „Не честь онъ государь дѣлаетъ, безчестье себѣ“.

Въ концѣ 1696 или началѣ 1697 года монахъ Аврамій, бывшій прежде Келаремъ въ Троицкомъ Сергіевѣ, а потомъ строителемъ въ Московскомъ Андреевскомъ монастырѣ, подалъ царю тетради, въ которыхъ указывалось, что именно въ поведеніи Петра соблазняетъ народъ: „Въ народѣ тужатъ многіе и болѣзнуютъ о томъ: на кого было надѣялися и ждали, какъ великой государь возмужаетъ и сочетается законнымъ бракомъ, тогда, оставя младыхъ лѣтъ дѣла, все исправитъ на лучшее; но возмужавъ и женясь, уклонился въ потѣхи, оставя лучшее, началъ творити всѣмъ печальное и плачевное“. Аврамія пытали, чтобъ сказалъ подлинно про людей, которые къ нему прихаживали. Монахъ показалъ, что друзья ему и хлѣбоядцы давные — Владимірскаго суднаго приказа подъячій Никифоръ Креневъ, Преображенской приказной избы подъячій Игнатій Бубновъ, Троицкаго монастыря стряпчій Кузьма Рудневъ, да села Покровскаго крестьяне Ивашка да Ромашка Посошковы, и тѣ всѣ, бывая у него въ Андреевскомъ монастырѣ, такія слова, что въ тетрадяхъ написано, говаривали. Аврамій прибавилъ, что когда онъ былъ въ келаряхъ у Троицы, пріѣзжалъ туда молиться бояринъ Матвѣй Богдановичь Милославскій и говорилъ: „Петръ Лопухинъ былъ человѣкъ добрый и много прибыли въ приказѣ учинилъ, а запытанъ онъ напрасно по наносу Льва Кирилловича Нарышкина“.

Взяли Никифора Кренева; онъ сказалъ, что слышалъ написанное въ тетрадяхъ, будучи на потѣхахъ, отъ разныхъ чиновъ людей, какъ были потѣхи подъ Семеновскимъ и подъ Кожуховымъ; про судей, что безъ мзды дѣлъ не дѣлаютъ, со старцемъ Авраміемъ говаривали отъ себя и слыша отъ народа; Креневъ признался, что говорилъ: еслибъ посажены были судьи и данобъ имъ было жалованье, чѣмъ имъ сытымъ быть, а мзды не брать, и тобъ было добро; а такихъ словъ не говорилъ, что, покинувъ всякое правленіе, царь приказалъ государство править похотникамъ мздоимцамъ, неимущимъ страха Божія, и будто государь про тѣхъ судей, что они по-

чести берутъ и для того въ приказы посажены, чтобъ имъ покормиться, самъ вѣдаетъ; а про дьяковъ и подъячихъ, что ихъ много предъ прежнимъ, говаривали.

Рудневъ показалъ, что говорили: государь не изволитъ жить въ своихъ государскихъ чертогахъ на Москвѣ и мнится имъ, что отъ того на Москвѣ небытія у него въ законномъ супружествѣ чадородіе престало быть, и о томъ въ народѣ велми тужатъ.

Бубновъ показалъ, что говорили о потѣхахъ непотребныхъ подъ Семеновскимъ и подъ Кожуховымъ для того, что многіе были биты, а иные и ограблены, да въ тѣхъ же потѣхахъ князь Иванъ Долгоруковъ застрѣленъ, и тѣ потѣхи людямъ не въ радость; а слова смѣхотворныя и шутки и дѣла Богу неугодныя, о которыхъ говорится въ тетрадяхъ, это то, что чинилось пророчествомъ Василья Соковнина и въ комедіяхъ въ Измайловѣ. Говорили про дьяковъ и подъячихъ, что ихъ умножилось, и дьячества добиваются и подъяческой справы докупаются куплею, и что священники и чернослободцы дѣтей своихъ въ приказы сажаютъ въ подъячіе. Говорили и про упрямство великаго государя, что не изволитъ никого слушать, и про нововзысканныхъ и непородныхъ людей, и что великій государь въ Преображенскомъ у розыскныхъ дѣлъ самъ пытаетъ и казнитъ.

Не нравились и морскіе ѣзды. Аврамій считалъ непригожимъ, что въ тріумфальномъ входѣ въ Москву, послѣ взятія Азова, царь шелъ пѣшкомъ, а Шеинъ и Лефортъ ѣхали.

Села Покровскаго оброчный крестьянинъ Иванъ Посошковъ сказалъ, что Аврамій знакомцемъ ему учинился третій годъ: призвалъ онъ его Ивашку къ себѣ для дѣла денежнаго стану, который дѣлалъ на образецъ въ подносъ къ великому государю; а онъ, Ивашка никакихъ словъ, что въ тетрадяхъ написано, не говаривалъ. Аврамій объявилъ, что Посошковъ дѣйствительно ничего не говорилъ.

Бубновъ, Креневъ и Рудневъ биты кнутомъ и сосланы въ Азовъ, чтобъ быть имъ тамъ подъячими. Аврамій сосланъ въ Голутвинъ монастырь [170].

Монахъ Аврамій рѣшился сдѣлать себя органомъ народна-

го мнѣнія, народнаго неудовольствія и прямо сказать царю правду, обличить его поведеніе. Но были люди, которые въ слѣдствіе личныхъ побужденій старались отдѣлаться отъ Петра, и отдѣлаться — чужими руками. Мы видѣли, что въ 1682 году въ числѣ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ Софьи былъ обрусѣвшій иноземецъ, стрѣлецкій полковникъ Иванъ Цыклеръ, человѣкъ съ самымъ сильнымъ, безпокойнымъ честолюбіемъ. Онъ ошибся въ своихъ расчетахъ: на первомъ планѣ послѣ торжества Софьи сталъ Голицынъ, да Шакловитый, а о Цыклерѣ не слыхать. Вотъ почему, когда въ 1689 году разгорѣлась борьба между сестрою и братомъ и было ясно, на чьей сторонѣ останется побѣда, Цыклеръ одинъ изъ первыхъ перешелъ на сторону Петра. Но и тутъ ошибся въ расчетѣ: Петръ не сближался съ людьми, которые принимали участіе въ событіяхъ 1682 года; молодой царь со всѣми обращался просто, ѣздилъ въ гости, но постоянно объѣзжалъ домъ Цыклера; мало того, въ описываемое время Цыклера назначили строителемъ новой крѣпости — Таганрога, а эти назначенія въ отдаленныя мѣста считались тогда почетною ссылкою. Цыклеръ былъ въ ярости и отчаяніи, которыя напомнили ему 1682 годъ и кровавыя стрѣлецкія копья: нельзя ли сдѣлать того же и теперь, а если нельзя уговорить стрѣльцовъ, то можно будетъ поднять казаковъ изъ Таганрога. Стремленія кормоваго иноземца Цыклера раздѣлили двое родовитыхъ русскихъ вельможъ Алексѣй Соковнинъ и Ѳедоръ Пушкинъ. Соковнинъ былъ извѣстный старовѣръ, родной братъ знаменитыхъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича раскольницъ, Ѳедоры Морозовой и княгини Авдотьи Урусовой. Понятно, какъ тяжело было ему видѣть Петровскія новшества, посылку дѣтей своихъ въ еретическія страны, поѣздку туда самаго государя; а тутъ еще и бѣда ближайшая: сватъ его, бояринъ Матвѣй Пушкинъ, назначенный воеводою въ Азовъ, возбудилъ противъ себя гнѣвъ государя все за то же сопротивленіе посылкѣ дѣтей своихъ за границу. И вотъ тестю съ зятемъ приходитъ на мысль, какъ бы хорошо было отдѣлаться отъ Петра — чужими руками; они знаютъ, какъ недоволенъ Цыклеръ и подбиваютъ его

къ преступленію, Соковнинъ даже манитъ честолюбца, указываетъ ему на возможность стать самому царемъ по смерти Петра. Цыклеръ подбиваетъ стрѣльцовъ, но тѣ спѣшатъ съ доносомъ.

23 февраля 1687 года бояринъ Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ прислалъ въ Преображенское стремяннаго полка Конищева пятидесятника Ларіона Елизарьева, который извѣстилъ о разговорѣ своемъ съ Цыклеромъ: Цыклеръ: Смирно ли у васъ въ полкахъ? Елизарьевъ: Смирно. Цыклеръ: Нынѣ великій государь идетъ за море, и какъ надъ нимъ что сдѣлается, кто у насъ государь будетъ? Елизарьевъ: у насъ есть государь царевичь. Цыклеръ: Въ то время кого Богъ изберетъ, а тщится и государыня, что въ Дѣвичьемъ монастырѣ.—Елизарьевъ сослался на другаго пятидесятника своего полка, Григорія Силина, который показалъ. „Цыклеръ сказалъ ему про государя, что можно его изрѣзать ножей въ пять; извѣстно государю, прибавилъ Цыклеръ, что у него, Ивана жена и дочь хороши, и хотѣлъ государь къ нему быть и надъ женою его и надъ дочерью учинить блудное дѣло, и въ то число онъ Иванъ надъ нимъ государемъ знаетъ что сдѣлать.“

Цыклеръ въ распросѣ и на очной ставкѣ заперся; на пыткѣ указалъ на Соковнина: „Былъ я въ домѣ у Алешки Соковнина для лошадиной покупки, и онъ Алешка меня спрашивалъ: каково стрѣльцамъ? Я сказалъ, что у нихъ не слыхать ничего. Алешка къ моимъ словамъ молвилъ: гдѣ они б..... дѣти передѣвались? знать спятъ! гдѣ они пропали? можно имъ государя убить, потому что ѣздитъ онъ одинъ, и на пожарѣ бываетъ малолюдствомъ и около посольскаго двора ѣздитъ одиночествомъ. Что они спятъ, по се число ничего не учинятъ? Я сказалъ: въ нихъ малолюдство, и чаю, что опасаются потѣшныхъ. Алешка отвѣчалъ: чаю въ стрѣльцахъ разсужденіе о царевичѣ — для того они того учинить и не хотятъ. Я сказалъ: и я въ нихъ тожъ разсужденіе чаю; самъ ты объ себѣ разсуди, что и тебѣ самому каково, сказываешь, тошно, что съ дѣтьми своими разлучаешься. И Алешка сказалъ: не одинъ я о томъ сокрушаюсь. Послѣ того въ два мои пріѣзда

Алешка говорилъ мнѣ про государево убійство и про стрѣльцовъ: вѣдь они даромъ погибаютъ и впредь имъ погибнуть же. Я ему Алешкѣ говорилъ: если то учинится, кому быть на царствѣ? Алешка сказалъ: Шеинъ у насъ безроденъ, одинъ у него сынъ и человѣкъ онъ добрый. Я ему сказалъ: счастье Борису Петровичу Шереметеву, стрѣльцы его любятъ; и Алешка говорилъ: чаю они стрѣльцы возьмутъ по прежнему царевну, а царевна возьметъ царевича, и какъ она войдетъ, и она возьметъ князя Василья Голицына, а князь Василій по прежнему станетъ орать. И я ему говорилъ: въ нихъ стрѣльцахъ я того не чаю, что возьмутъ царевну. Алешка мнѣ молвилъ: если то учинится надъ государемъ, мы и тебя на царство выберемъ. Я ему говорилъ: пѣняешь ты на стрѣльцовъ, а самъ того дѣлать не хочешь, чтобъ впредь роду твоему въ порокѣ не быть. И Алексѣй сказалъ: намъ въ порокѣ никому быть не хочется, а стрѣльцамъ сдѣлать можно, даромъ они пропадаютъ же. Князь Петръ Голицынъ человѣкъ прыткій и шибкій, мы чаяли отъ него, что то все учинитъ надъ государемъ. Князь Борисъ Алексѣевичь самъ пьянъ и государя пить научилъ."

Соковнину было 10 ударовъ: повинился и оговорилъ зятя своего Θедора Пушкина: „Послѣ Цыклерова пріѣзда пріѣзжалъ ко мнѣ зять мой Θедька Пушкинъ и говорилъ про государя: погубилъ онъ насъ всѣхъ, можно его за то убить, да для того, что на отца его, государевъ гнѣвъ, что за море ихъ посылалъ." Соковнинъ показалъ также, что сынъ его Василій говорилъ ему: „Посылаютъ насъ за море учиться невѣдомо чему." Послѣ пяти ударовъ Пушкинъ повинился и прибавилъ: „Наканунѣ Рождества Христова былъ я у Алексѣя Соковнина въ домѣ, и Алексѣй мнѣ говорилъ: хочетъ государь на святкахъ отца моего Θедькина ругать и убить до смерти и домъ нашъ разорить; и я ему говорилъ: если такъ надъ отцемъ моимъ учинится, и я государя съѣхався убью."

Цыклеръ оговорилъ пятидесятника Конищева полка Василья Филиппова: „Былъ у меня Васька Филипповъ, и я его спрашивалъ: пріѣхали нынѣ козаки, а тебѣ они знакомцы, что они благодарны ли милости государевой? и онъ Васька говорилъ,

что ему въ казакахъ знакомцы есть и говорилъ съ казакомъ, Демкою зовутъ, а говорилъ казакъ, что они не благодарны, за что имъ благодарнымъ быть? Я говорилъ Васькѣ: дано имъ нынѣ 1000 золотыхъ; и Васька говорилъ: то они ни во что ставятъ для того, что имъ на войско дѣлить нечего. И я спросилъ: чего у нихъ чаешь! и онъ Васька сказалъ: козакъ Демка говорилъ ему: дай намъ сроку, поворотимся мы какъ государь пойдетъ, и учинимъ по своему, полно что и прежъ сего вы намъ мѣшали, какъ Стенька былъ Разинъ, а нынѣ мѣшать некому. И я говорилъ Васькѣ: будетъ отъ того разоренье великое, и крестьяне наши и люди всѣ пристанутъ къ нимъ. Васька же Филипповъ говорилъ мнѣ, что казаковъ прельщаетъ Турецкій султанъ, чаю и письмо прислалъ." Цыклеръ признался, что говорилъ Филиппову: какъ государь поѣдетъ съ Посольскаго двора, и въ то время можно вамъ его подстеречь и убить. И велѣлъ ему о томъ убійствѣ и стрѣльцамъ говорить. Цыклеръ объявилъ: „Научалъ я государя убить за то, что называлъ онъ меня бунтовщикомъ и собесѣдникомъ Ивана Милославскаго, и что меня онъ никогда въ домѣ не посѣтилъ." Признался, что говорилъ: „какъ буду на Дону у городоваго дѣла Таганрога, то, оставя ту службу, съ Донскими козаками пойду къ Москвѣ для ея разоренія и буду дѣлать тоже, что и Стенька Разинъ".

Филипповъ объявилъ, что говорилъ съ казакомъ Петромъ Лукьяновымъ, а не съ Демкою, и Лукьяновъ ему говорилъ: дано 1000 золотыхъ, чего то на войско дѣлить? служи да не тужи, намъ и по копѣйкѣ не достанется; какъ вы стрѣльцы пойдете съ Москвы на службу, и въ то число наши козаки зашевелятся и учинятъ по своему. И Цыклеръ къ этому разказу примолвилъ: какъ они козаки зашевелятся, и онъ Иванъ съ ними пойдетъ вмѣстѣ, зоветъ же его государь бунтовщикомъ. Потомъ казакъ говорилъ: „казаки отпишутъ Турецкому султану о помощи для Московскаго разоренья, и онъ къ нимъ пришлетъ въ помощь Кубанцевъ, такъ они великое разоренье учинятъ." Цыклеръ, по показанію Филиппова, говорилъ: „въ государствѣ нынѣ многое нестроеніе для того, что государь ѣдетъ за море, и посылаетъ посломъ Лефорта, и

въ ту посылку тощитъ казну многую, и иное многое нестроеніе есть, можно вамъ за то постоять." Филиповъ оговарилъ стрѣльца Тимошку Скорняка, которому при немъ Өедоръ Пушкинъ говорилъ про государя, что живетъ небреженіемъ, не христіански и казну тощитъ.

Козакъ Петрушка Лукьяновъ сначала запирался, не подѣйствовали и 25 ударовъ; потомъ признался, что говорилъ, съ пьяна, а мысли на Московское разоренье у нихъ никакой не было; а если милости государевой къ нимъ не будетъ, развѣ имъ воровать, а про тотъ бунтъ слышалъ онъ верхнихъ городковъ отъ голыхъ козаковъ. Потомъ сказалъ, что верхнія станицы смѣшались отъ козаковъ Трушки да Илюшки Иванова бурлака, а говорили ему тѣ слова на кабакѣ, въ то время какъ онъ государя провожалъ, говорили ему Трушка и Илюшка: „чаю и наша голутьба заворуетъ для того, что жалованье даютъ имъ малое." И къ Московскому разоренью онъ Петрушка съ Ваською Филипповымъ говорилъ: „какъ бы вы съ конца, а мы съ другаго;" а бунта учинить не хотѣлъ и ни съ кѣмъ не умышлялъ, а говорили они тѣ слова въ пьянствѣ.

Оговоренъ былъ также пятидесятникъ Рожинъ, которому Цыклеръ говорилъ: „службы вашей много, можно вамъ себя и поберечь, а то и корень вашъ не помянется." Совѣтовалъ бить челомъ боярамъ и своей братьѣ на государя и убить его.

Передъ казнью Цыклеръ сказалъ: въ 1682 году, послѣ побіенія бояръ и ближнихъ людей стрѣльцами, призывала его царевна и говорила ему, чтобъ онъ стрѣльцамъ говорилъ, чтобъ они отъ смущенія унялись, и по тѣмъ ея словамъ онъ стрѣльцамъ говаривалъ. А передъ Крымскимъ первымъ походомъ царевна его призывала и говаривала почасту, чтобъ онъ съ Өедькою Шакловитымъ надъ государемъ учинилъ убійство. Да и въ Хорошовѣ, въ нижнихъ хоромахъ, призвавъ его къ хоромамъ царевна, въ окно говорила ему про тожъ, чтобъ съ Шакловитымъ надъ государемъ убійство учинилъ, а онъ въ томъ ей отказалъ, что того дѣлать не будетъ и говорилъ ей царевнѣ: если государя не будетъ, и за тобою ходить никто не станетъ, можно тебѣ его государя любить;

и царевна ему сказала: я бы его и любила, да мать не допустит; и онъ Иванъ ей говорилъ: мать рада, хотя бы и Татаринъ его государя любилъ. И за то она на него гнѣвалась: знать ты передался на другую сторону. И въ то время у ней въ хоромахъ была княгиня Анна Лобанова. И за то его Ивана царевна послала въ Крымскій походъ; а какъ онъ изъ Крымскаго похода пришелъ, и она ему о томъ же говаривала и сулила Дмитровскую деревню Ивана Милославскаго, Кузнецово, которая была за Мелетійскимъ (Имеретійскимъ) царевичемъ, и онъ ей также отказалъ, и за то она его и въ другой Крымскій походъ послала; а пришедъ изъ Крымскаго похода о томъ она ему не говорила. А Иванъ Милославскій къ нему Ивану былъ добръ и женатъ онъ былъ у него Ивана" [171].

Цыклеръ напомнилъ о своемъ собесѣдничествѣ съ Иваномъ Милославскимъ, разказалъ, какъ подучала его Софья на убійство: у Петра отуманилась голова; ему захотѣлось достать Ивана Милославскаго, хотя мертваго; ему захотѣлось угостить сестру, дочь Милославской......

Великій государь указалъ Соковнина, Цыклера, Пушкина, стрѣльцовъ Филиппова и Рожина, козака Лукьянова казнить смертію. И на Красной площади зачали строить столбъ каменный. И марта въ 4 день тотъ столпъ каменный додѣланъ, и на томъ столпу пять рожновъ желѣзныхъ вдѣланы въ камень. И того числа казнены въ Преображенскомъ вѣдомые воры и измѣнники, и въ то время къ казни изъ могилы выкопанъ мертвый бояринъ Иванъ Мих. Милославскій и привезенъ въ Преображенское на свиньяхъ, и гробъ его поставленъ былъ у плахъ измѣнничьихъ, и какъ головы имъ сѣкли, и кровь точила въ гробъ на него Ивана Милославскаго. Головы измѣнничьи были воткнуты на рожны столпа, который былъ построенъ на Красной площади.

Черезъ пять дней, 10 марта великое посольство выѣхало изъ Москвы. Первыя впечатлѣнія по выѣздѣ за Шведскій Лифляндскій рубежъ были неблагопріятны. Ѣхали медленно не столько отъ распутицы, сколько отъ недостатка подводъ и кормовъ, потому что въ странѣ былъ голодъ. Въ Ригѣ по-

сольству сдѣлана была почетная встрѣча; но губернаторъ Дальбергъ счелъ своею обязанностію не нарушать строгаго инкогнито царя, такъ какъ Русскіе увѣряли, что вѣсть о царскомъ путешествіи есть дѣтское разглашеніе, что царь ѣдетъ въ Воронежъ для корабельнаго строенія. Съ другой стороны желаніе Петра осмотрѣть Рижскія укрѣпленія не могло не возбудить подозрительности губернатора. Отецъ этого самаго царя стоялъ съ войскомъ подъ Ригою, а сынъ безъ устали строитъ корабли и вмѣсто того, чтобъ сражаться съ Турками, предпринимаетъ таинственное путешествіе на западъ! Но легко понять, какъ эта подозрительность и недопущеніе осмотрѣть городъ должны были раздражить Петра при его нетерпѣливости все сейчасъ осмотрѣть, при его непривычкѣ къ бездѣйствію, при его непривычкѣ встрѣчать препятствія своимъ желаніямъ. Враждебное чувство глубоко залегло въ его сердцѣ. Тремя днями прежде посольства онъ переправился въ лодкѣ черезъ Двину въ Курляндію. Въ какомъ онъ былъ расположеніи духа при отъѣздѣ, всего лучше видно изъ письма его къ Виніусу отъ 8 Апрѣля: „Сегодня поѣхали отсель въ Митау. Здѣсь мы рабскимъ обычаемъ жили и сыты были только зрѣніемъ. Торговые люди здѣсь ходятъ въ мантеляхъ и кажется, что зѣло правдивые, а съ ямщиками нашими за копейку м...... лаются и клянутся, а продаютъ втрое“. Не смотря однако на то, что сытъ былъ только зрѣніемъ, Петръ кой что успѣлъ смекнуть, и пишетъ къ Виніусу: „Мы ѣхали чрезъ городъ и замокъ, гдѣ солдаты стояли на 5 мѣстахъ, которые были меньше 1000 человѣкъ, а сказываютъ, что всѣ были. Городъ укрѣпленъ гораздо, только не додѣланъ. Зѣло здѣсь боятся, и въ городъ въ иныя мѣста и съ карауломъ не пускаютъ, и мало пріятны“. Въ слѣдствіе этой малой пріятности Рига осталась въ памяти Петра какъ „проклятое“ мѣсто.

За Двиною въ Курляндіи другой пріемъ: съ герцогами Курляндскими у русскихъ царей были всегда дружественныя сношенія. Изъ Митавы Петръ поѣхалъ въ Либаву, гдѣ въ первый разъ увидался—съ Балтійскимъ моремъ. Изъ Либавы Петръ одинъ, безъ великихъ пословъ, отправился моремъ въ

Пруссію и былъ отлично принятъ въ Кенигсбергѣ курфюрстомъ Бранденбургскимъ, Фридрихомъ III. Въ ожиданіи великихъ пословъ, ѣхавшихъ сухимъ путемъ, Петръ не терялъ времени, и сталъ учиться артиллеріи; учитель, подполковникъ фонъ Штернфельдъ далъ благопомянутому господину Петру Михайлову свидѣтельство, что онъ въ непродожительное время, къ общему изумленію, такіе оказалъ успѣхи и такія пріобрѣлъ свѣдѣнія, что вездѣ за исправнаго, осторожнаго, благоискуснаго, мужественнаго и безстрашнаго огнестрѣльнаго мастера и художника признаваемъ и почитаемъ быть можетъ" [172]. Пріѣхали великіе послы и были приняты великолѣпно. Курфюрстъ хотѣлъ воспользоваться случаемъ и заключить съ Россіею оборонительный союзъ; но Петръ отклонилъ предложеніе, боясь перемѣнить существующія отношенія Россіи къ Европейскимъ державамъ до окончанія Турецкой войны. Былъ заключенъ съ Бранденбургомъ не союзный, но дружественный договоръ, въ которомъ было постановлено о свободной торговлѣ съ обѣихъ сторонъ, о непринимaніи бунтовщиковъ и непріятелей, о позволеніи, со стороны курфюрста, ѣздить чрезъ его земли Русскимъ людямъ для наукъ въ Германію.

Петръ зажился въ Пруссіи долѣе, чѣмъ сколько было ему нужно, зажился по Польскимъ дѣламъ. Мы упоминали о междуцарствіи въ Польшѣ по смерти Яна Собѣскаго. Кандидатовъ на престолъ было много: сынъ покойнаго короля Яна, Іаковъ Собѣскій, пфальцграфъ Карлъ, герцогъ Лотарингскій Леопольдъ, маркграфъ Баденскій Людовикъ, внукъ папы Одескальки, Французскій принцъ Конти, курфюрстъ Саксонскій Фридрихъ Августъ и нѣсколько пястовъ, т. е. польскихъ вельможъ; напослѣдокъ виднѣе всѣхъ явились два кандидата—Конти и Августъ. Отношенія Россіи къ этому избранію были просты: кто бы ни былъ на Польскомъ престолѣ — все равно, лишь бы до заключенія общаго мира съ Турками Польша не выходила изъ священнаго союза четырехъ державъ; поэтому Россія должна была противиться только одному кандидату — принцу Конти, потому что Франція находилась въ дружественныхъ отношеніяхъ къ Турціи, и враждеб-

ныхъ къ Австріи. Польша съ королемъ Французомъ легко могла подчиниться Французской политикѣ, и дѣйствительно Французскій посланникъ заявилъ Польскимъ вельможамъ обѣщаніе султана заключить съ Польшею отдѣльный миръ и возвратить ей Каменецъ, если королемъ будетъ избранъ Французскій принцъ [173]. Такъ какъ это заявленіе очень усиливало Французскую партію, то Петръ изъ Кенигсберга послалъ панамъ раднымъ грамоту, что до сихъ поръ онъ не вмѣшивался въ выборы: но теперь объявляетъ, что если Французская факція возьметъ верхъ, то не только союзъ на общаго непріятеля, но и вѣчный миръ зѣло крѣпко будетъ поврежденъ: Французскій король, имѣя дружбу съ Турецкимъ султаномъ, во всемъ ему помогаетъ во вредъ союзнымъ христіанскимъ государямъ; какой же послѣ того будетъ христіанскій союзъ, когда Французъ сядетъ на престолъ Польскій? Конти предлагаютъ султанъ Турецкій и ханъ Крымскій: можетъ ли онъ воевать съ Турками и Татарами? Мы, заключалъ Петръ, такого короля Французской и Турецкой стороны видѣть въ Польшѣ не хотимъ; хотимъ, чтобъ вы выбрали изъ какого ни есть народа, только бъ онъ былъ въ дружбѣ и союзѣ съ нами и цесаремъ Римскимъ противъ общихъ непріятелей Креста Святаго.

17 Іюня совершились выборы — двойные: одна партія провозгласила Конти, другая курфюрста Саксонскаго. Члены противныхъ партій рубились саблями. Приверженцы Августа сильно опирались на царскую грамоту, для подкрѣпленія которой Петръ прислалъ еще другую того же содержанія; Саксонская партія начала брать явный перевѣсъ. Виніусъ, увѣдомляя Петра объ избраніи Августа, писалъ ему: „Я съ тѣмъ новымъ королемъ вашу милость господина моего, яко кавалера больше къ Нѣмецкому народу неже къ пѣтуховому (Французскому) склонному, отъ всего сердца поздравляю.“ Царь послалъ поздравительную грамоту Августу и велѣлъ объявить панамъ-радѣ, что для защиты республики отъ Конти и его партіи придвинуто къ Литовской границѣ Русское войско подъ начальствомъ князя Ромодановскаго. Августъ вступилъ въ Польшу съ Саксонскимъ войскомъ и присяг-

нулъ, что принялъ католическую вѣру. Получивъ царскую поздравительную грамоту, онъ объявилъ русскому резиденту Никитину, что даетъ честное слово быть съ царемъ заодно противъ враговъ Креста святаго, и что изъявленный ему Петромъ аффектъ никогда не изгладится изъ его памяти. Посылая поклонъ царю, король поклонился гораздо низко.

Между тѣмъ въ слѣдствіе благопріятныхъ извѣстій изъ Польши Петръ рѣшился оставить Пруссію и ѣхать далѣе на западъ. Къ нему на встрѣчу спѣшили двѣ образованнѣйшія женщины Германіи: курфюрстина Ганноверская Софія, и дочь ея, курфюрстина Бранденбургская Софія Шарлотта. Петръ выбрался за границу, чтобъ посмотрѣть на диковины цивилизаціи, понаучиться многому; цивилизованная Европа выслала двухъ своихъ представительницъ съ своей стороны посмотрѣть на Петра, на эту диковину, высылаемую нецивилизованною восточною Европою. Курфюрстины записали впечатлѣнія, произведенныя на нихъ Петромъ, свидѣтельство драгоцѣнное для насъ, потому что обѣ женщины взглянули на удивительное существо прямо и ясно; ихъ поразила двойственность его натуры: онѣ увидали необыкновеннаго человѣка, поражавшаго своими блестящими способностями и въ то же время своими недостатками, показывавшими, изъ какого общества вышелъ онъ, какое воспитаніе получилъ. Ихъ поразила эта двойственность, это противорѣчіе, но онѣ не постарались сгладить его, не мудрствовали лукаво, остались вѣрны своему впечатлѣнію и произнесли самый вѣрный приговоръ о Петрѣ: „Это человѣкъ очень хорошій и вмѣстѣ очень дурной“.

Будучи одиннадцатилѣтнимъ ребенкомъ, Петръ поражалъ своею необыкновенною красотою и живостію [175]. Современники находили, что онъ лицемъ былъ въ материнскую родню, и особенно былъ похожъ на дядю Ѳедора Кирилловича Нарышкина [176]. Красота и живость остались; но преждевременное развитіе, страшныя потрясенія, неумѣренность въ трудахъ и потѣхахъ, потрясли крѣпкую натуру Петра и оставили слѣды на прекрасномъ лицѣ его: голова тряслась [177] и на лицѣ являлись конвульсивныя движенія [178]. Быстрый и пронзите-

льный взглядъ его производилъ непріятное впечатлѣніе на людей непривычныхъ [179]. Новгородскій архіепископъ Θеодосій Яновскій разказывалъ, что когда онъ представлялся обоимъ царямъ, Ивану и Петру, то къ рукѣ перваго подошелъ безо всякаго страха, „а какъ пришелъ до руки царя Петра Алексѣевича, тогда таковъ на меня страхъ напалъ, что мало не упалъ и колѣни потряслися, и отъ того времени всегда разсуждалъ, что мнѣ отъ тоя руки и смерть будетъ [180].

Свиданіе Петра съ курфюрстинами происходило въ герцогствѣ Цельскомъ, въ мѣстечкѣ Коппенбрюггѣ. Сначала царь не хотѣлъ идти къ нимъ, долго отговаривался, наконецъ пошелъ съ условіемъ, чтобъ не было никого посторонних. Онъ вошелъ какъ застѣнчивый ребенокъ, закрылъ лице рукою и на всѣ любезности отвѣчалъ: „Не могу говорить", потомъ однако разговорился, особенно за ужиномъ, застѣнчивость пропала, и онъ позволилъ войти въ залу придворнымъ курфюрстинъ, поилъ мужчинъ виномъ изъ большихъ стакановъ, танцовалъ; веселье пошло далеко за полночь. Царь съ удовольствіемъ слушалъ Италіанскихъ пѣвицъ, но сказалъ при этомъ, что музыку не очень уважаетъ. На вопросъ старой курфюрстины, любитъ ли онъ охоту? отвѣчалъ: „Отецъ мой былъ страстный охотникъ, но я не чувствую къ этой забавѣ никакой склонности, очень люблю кораблеплаваніе и фейерверки". При этомъ онъ показалъ свои руки, ставшіе жесткими отъ работы. Софія Шарлота, описывая Петра, говоритъ: „Я представляла себѣ его гримасы хуже, чѣмъ онѣ на самомъ дѣлѣ, и удержаться отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ не въ его власти. Видно также, что его не выучили ѣсть опрятно, но мнѣ понравились его естественность и непринужденность". Курфюрстина мать пишетъ: „Царь высокъ ростомъ, у него прекрасныя черты лица и благородная осанка; онъ обладаетъ большою живостію ума, отвѣты его быстры и вѣрны. Но при всѣхъ достоинствахъ, которыми одарила его природа, желательно было бы, чтобъ въ немъ было поменьше грубости. Это государь очень хорошій и вмѣстѣ очень дурной; въ нравственномъ отношеніи онъ полный представитель своей страны. Еслибъ онъ получилъ лучшее воспитаніе, то изъ него

вышелъ бы человѣкъ совершенный, потому что у него много достоинствъ и необыкновенный умъ [181]."

Изъ Коппенбрюгге Петръ направился къ Рейну, оставилъ посольство, и съ десятью человѣками спустился Рейномъ и каналами до Амстердама. Такъ какъ посольство еще не пріѣзжало, то въ ожиданіи его, Петръ занялся по своему: въ мѣстечкѣ Сардамъ или Заандамъ, извѣстномъ по обширному кораблестроенію, на верфи Рогге появился молодой, высокій, красивый плотникъ изъ Россіи, Петръ Михайловъ; жилъ онъ въ каморкѣ у бѣднаго кузнеца, посѣщалъ семейства плотниковъ, которые находились въ Россіи, выдавалъ себя за ихъ товарища, простаго плотника. Въ свободное отъ работы время русскій плотникъ ходилъ по фабрикамъ и заводамъ, все ему нужно было видѣть, обо всемъ узнать, какъ дѣлается; однажды на бумажной фабрикѣ не утерпѣлъ, взялъ у работника форму, зачерпнулъ изъ чана массы — и вышелъ отличный листъ; любимая забава его была катанье на яликѣ, который купилъ на другой же день по пріѣздѣ въ Сардамъ.

Своимъ поведеніемъ и видомъ, нейдущими къ простому плотнику (хотя своею красною фризовою курткою и бѣлыми холстинными штанами онъ нисколько не отличался отъ обыкновенныхъ работниковъ) Петръ сейчасъ же выдалъ себя: заговорили, что это не простой плотникъ, и вдругъ разносится слухъ, что это самъ царь Московскій. Старый плотникъ зашелъ въ цирюльню и прочелъ тамъ письмо, полученное отъ сына изъ Россіи: въ письмѣ разказывались чудеса: въ Голландію идетъ большое Русское посольство и при немъ самъ царь, который вѣрно будетъ въ Сардамѣ; плотникъ написалъ и примѣты царя — и тутъ, какъ нарочно отворяется дверь и входятъ въ цирюльню русскіе плотники; у одного точь въ точь тѣ примѣты: и головою трясетъ, и рукою размахиваетъ и бородавка на щекѣ. Цирюльникъ, разумѣется, не замедлилъ разгласить объ удивительномъ явленіи. Скоро слухъ подтвердился: Петръ раздразнилъ уличныхъ мальчишекъ, которые попотчивали его пескомъ и камнями—и бургомистръ издалъ объявленіе, чтобъ никто не смѣлъ оскорблять знатныхъ иностранцевъ, которые хотятъ быть неизвѣ-

стными. Напрасно послѣ того царь старался сохранить свое инкогнито, отказывался отъ почетныхъ приглашеній, отъ удобнаго помѣщенія, говоря: „Мы не знатные господа, а простые люди, намъ довольно и нашей коморки.“ Жилъ въ коморкѣ, а купилъ буеръ за 450 гульденовъ! Толпа преслѣдовала Петра, что̀ приводило его въ ярость, сдерживать которую онъ не выучился въ Преображенскомъ съ потѣшными конюхами. Однажды, проталкиваясь сквозь неотвязную толпу, онъ былъ особенно раздраженъ глупою фигурою какого-то Марцена и далъ ему пощечину; „Марценъ пожалованъ въ рыцыри!“ закричала толпа, и прозваніе „рыцарь“ осталось за Марценомъ навсегда [182].

Изъ Амстердама дали знать о приближеніи Русскаго посольства, и Петръ поѣхалъ туда, проживъ въ Сардамѣ 8 дней. 16 августа Лефортъ съ товарищами торжественно въѣхалъ въ Амстердамъ. Пріемъ былъ великолѣпный; Петръ участвовалъ въ празднествахъ, которыя давали посольству Генеральные Штаты, зная о присутствіи самого царя. Въ Амстердамѣ знакомѣе всѣхъ другихъ именъ Петру было имя бургомистра Николая Витзена. Еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ Витзенъ былъ въ Россіи, проѣхалъ и до Каспійскаго моря, былъ извѣстенъ какъ авторъ знаменитаго сочиненія: „Татарія восточная и южная,“ какъ издатель Избрандидесова путешествія въ Китай. Витзенъ сохранялъ постоянную связь съ Россіею; его изданія были посвящены царямъ, онъ исполнялъ порученія Русскаго правительства по заказу судовъ въ Голландіи, находился въ перепискѣ съ Лефортомъ. Къ Витзену обратился Петръ съ просьбою доставить ему возможность заняться кораблестроеніемъ въ Амстердамскихъ верфяхъ, и Витзенъ помѣстилъ его на верфи Остъ Индской компаніи, гдѣ нарочно для него заложенъ былъ фрегатъ. Получивъ объ этомъ извѣстіе, Петръ ночью поѣхалъ въ Сардамъ, забралъ тамъ свои плотничьи инструменты и къ утру возвратился въ Амстердамъ, чтобъ немедленно же приняться за работу; волонтеры, пріѣхавшіе съ посольствомъ, были также размѣщены по работамъ. Петръ откликался только когда ему кричали: „плотникъ Петръ Сардамскій!“ или: „ма-

стеръ Петръ!" но когда обращались къ нему съ словами: „Ваше Величество!" или: „Милостивый Государь!" поворачивался спиною. Но не однимъ кораблестроеніемъ занимался Петръ въ Голландіи: онъ ѣздилъ съ Витзеномъ и Лефортомъ въ Утрехтъ для свиданія съ знаменитымъ штатгалтеромъ Голландскимъ и королемъ Англійскимъ, Вильгельмомъ Оранскимъ. Витзенъ долженъ былъ водить его всюду, все показывать—китовый флотъ, госпитали, воспитательные дома, фабрики, мастерскія; особенно понравилось ему въ анатомическомъ кабинетѣ профессора Рюйша; онъ познакомился съ профессоромъ, слушалъ его лекціи, ходилъ съ нимъ въ госпиталь. Въ кабинетѣ Рюйша онъ такъ увлекся, что поцѣловалъ отлично приготовленный трупъ ребенка, который улыбался какъ живой. Въ Лейденѣ, въ анатомическомъ театрѣ знаменитаго Боергава, замѣтивъ отвращеніе своихъ Русскихъ спутниковъ къ трупамъ, заставилъ ихъ зубами разрывать мускулы трупа. Разумѣется Петръ долженъ былъ наблюдать большую экономію во времени: такъ во время поѣздки въ Лейденъ, на яхтѣ часа два занимался съ натуралистомъ Леувенгокомъ, который показывалъ ему свои лучшіе аппараты и микроскопъ. Ненасытимая жадность все видѣть и знать приводила въ отчаяніе голландскихъ провожатыхъ; никакія отговорки не помогали; только и слышалось: „Это я долженъ видѣть!" и надобно было вести, не смотря ни накакія затрудненія. И ночью онъ не давалъ имъ покоя; вдругъ экипажъ получитъ сильный толчокъ:—„Стой! что это такое?" надобно зажигать фонари и показывать. Геніальный царь былъ полнымъ представителемъ народа, который такъ долго голодалъ безъ научной пищи, и теперь вдругъ дорвался до нея. Корабельный плотникъ занимался и гравированіемъ въ Амстердамѣ: оставшаяся послѣ него гравюра изображаетъ предметъ, соотвѣтствующій положенію Петра, его тогдашней главной думѣ: она представляетъ торжество христіанской религіи надъ музульманскою въ видѣ ангела, который съ крестомъ и пальмою въ рукахъ попираетъ полулуніе и Турецкіе бунчуки [183]. Предметъ гравюры объясняется и письмомъ Петра къ патріарху Адріану въ Москву: „Мы въ Нидерлан-

дахъ, въ городѣ Амстердамѣ, благодатію Божіею и вашими молитвами, при добромъ состояніи живы, и послѣдуя Божію слову, бывшему къ праотцу Адаму, трудимся, что чинимъ не отъ нужды, но добраго ради пріобрѣтенія морскаго пути, дабы искусясь совершенно, могли, возвратясь, противъ враговъ имени Іисуса Христа побѣдителями, а христіанъ, тамо будущихъ, свободителями благодатію Его, быть. Чего до послѣдняго издыханія желать не престану [184].

Кромѣ патріарха, Петръ постоянно переписывался и съ другими правительственными лицами, которыя извѣщали его о томъ, что́ дѣлалось въ Россіи. Около Азова возводились укрѣпленія: крѣпости Алексѣевская и Петровская, Троицкая на Таганрогѣ и подлѣ нея Павловская; при Таганрогѣ устраивалась гавань. Татары были отражены отъ Азова. На Днѣпрѣ Турки и Татары были отбиты отъ занятыхъ русскими крѣпостей — Казыкерменя и Тавани, въ Польшѣ окончательно утвердился королемъ Августъ; кумпанства усердно строили корабли, Шведскій король прислалъ 300 пушекъ для войны съ невѣрными. Охотнѣе, чѣмъ съ другими, переписывался Петръ съ Виніусомъ, какъ съ человѣкомъ, болѣе другихъ образованнымъ и неутомимымъ въ своей дѣятельности. Виніусъ въ своихъ письмахъ постоянно требовалъ присылки оружейныхъ мастеровъ, потому что желѣзо есть доброе, а мастеровъ нѣтъ: „Наипаче болитъ сердце, что иноземцы высокою цѣною продавъ Свейское желѣзо и побравъ деньги, за рубежъ поѣхали, а наше Сибирское многимъ Свейскаго лучше [185].“ Никто больше Петра не могъ сочувствовать этой сердечной боли Виніуса. Онъ отвѣчалъ ему: „Пишешь ваша милость о мастерахъ: изъ тѣхъ мастеровъ, которые дѣлаютъ ружья и замки зѣло доброе, сыскали и пошлемъ, не мѣшкавъ; а мастеровъ же, которые льютъ пушки, бомбы и прочее, еще не сыскали; а какъ сыщемъ пришлемъ, не мѣшкавъ; а ради поспѣшенія изъ тѣхъ же мѣстъ, гдѣ Бутманъ на Олонецкіе заводы сыскалъ, добыть возможно. Однакоже мы здѣся сыщемъ такихъ, за что взялся бургомистръ Витценъ, только мню не вскорѣ.“ Извѣстія о мастерахъ перемѣшивались съ извѣстіями политическими: „Что

пишешь о мастерахъ желѣзныхъ, что въ томъ дѣлѣ бургомистръ Вицынъ можетъ радѣніе показать и сыскать, о чемъ я ему непрестанно говорю, а онъ только манитъ день за день, а прямой отповѣди по ся поры не скажетъ; и если нынѣ онъ не промыслитъ, то надѣюсь у короля Польскаго чрезъ его посла добыть не только желѣзныхъ, но и мѣдныхъ. Миръ съ Французомъ учиненъ, и здѣсь дураки зѣло рады, а умные не рады, для того, что Французъ обманулъ, и чаютъ вскорѣ опять войны.“ Въ другомъ письмѣ Петръ опять пишетъ о Витзенѣ: „О желѣзныхъ мастерахъ многажды говорилъ Витзену: только онъ отъ меня отходилъ Московскимъ часомъ.“ Между дѣломъ Виніусъ доносилъ и о пирахъ оставленныхъ въ Москвѣ членахъ компаніи: „Въ царскія имянины князь Ѳеодоръ Юрьевичъ Ромодановскій великую намъ трапезу и богатую даровалъ въ столовой генеральской въ Преображенскомъ: сидѣли за разными столами больше ста человѣкъ, и съ такимъ усердіемъ и милостію насъ трактовалъ, и стрѣльба мелкая и крупная такъ была сильна, что едва столовая устояла и стѣна одна гораздо повыдалась; даже до 4 и до 5 часа ночи, что въ три дни кажды насилу могъ оправиться.“ Описывая другой пиръ, Виніусъ пишетъ: „Ивашко съ дядею своимъ (Бахусомъ) изъ своихъ великихъ мокрыхъ сребреныхъ и цкляныхъ можеровъ въ желудки бросали.“ Ивашку не забывали и въ Голландіи: извиняясь, что не ко всѣмъ отправилъ письма, Петръ писалъ Виніусу: „иное за недосугомъ, а иное за отлучкою, а иное за хмельницкимъ не исправишь.“

Четыре мѣсяца съ половиною жилъ Петръ въ Голландіи; фрегатъ, заложенный имъ былъ спущенъ. „На Остъиндской верфи, вдавъ себя съ прочими волонтерами въ наученіе корабельной архитектуры, государь въ краткое время совершился въ томъ, что подобало доброму плотнику знать, и своими трудами и мастерствомъ новый корабль построилъ и на воду спустилъ. Потомъ просилъ той верфи баса (мастера) Яна Поля, дабы училъ его препорціи корабельной, который ему чрезъ четыре дня показалъ. Но понеже въ Голландіи нѣтъ на сіе мастерство совершенства геометрическимъ образомъ, но точію нѣкоторыя принципіи, прочее же съ долговременной

практики, о чемъ и вышерѣченный басъ сказалъ, и что всего на чертежѣ показать не умѣетъ, тогда зѣло ему стало противно, что такой дальній путь для сего воспріялъ, а желаемаго конца не достигъ. И по нѣсколькихъ дняхъ прилучилось быть Его Величеству на загородномъ дворѣ купца Яна Тесинга въ компаніи, гдѣ сидѣлъ гораздо невеселъ ради вышеописанной причины; но когда, между разговоровъ, спрошенъ былъ: для чего такъ печаленъ? тогда оную причину объявилъ. Въ той компаніи былъ одинъ Англичанинъ, который, слыша сіе, сказалъ, что у нихъ въ Англіи сія архитектура такъ въ совершенствѣ, какъ и другія, и что краткимъ времемъ научиться можно. Сіе слово Его Величество зѣло обрадовало, по которому немедленно въ Англію поѣхалъ и тамъ, чрезъ 4 мѣсяца, оную науку окончилъ“ [186].

Въ генварѣ 1698 года Петръ переѣхалъ изъ Голландіи въ Англію, и скоро изъ Лондона перебрался въ городокъ Дептфордъ, гдѣ на королевской верфи занялся окончаніемъ науки. Здѣсь онъ приговорилъ до 60 человѣкъ иностранцевъ, мастеровъ золотыхъ дѣлъ, въ то же время послы въ Голландіи приговорили болѣе 100 человѣкъ, для флота много нанялъ принятый въ Голландіи въ Русскую службу капитанъ Корнелій Крѣйсъ: онъ былъ принятъ прямо вице-адмираломъ.

Проведя три мѣсяца въ Англіи, Петръ переѣхалъ въ Голландію, но не остановился здѣсь, а направилъ путь на юговостокъ — въ Вѣну. Переговоры посольства съ генеральными штатами на счетъ помощи царю въ войнѣ съ Турками, не удались: штаты, подъ тѣмъ предлогомъ, что страна ихъ истощена Французскою войною, отказались ссудить царя мореходцами, оружіемъ, снарядами, и скоро Петръ узналъ, что штаты вмѣстѣ съ Англійскимъ королемъ хлопочутъ о посредничествѣ къ заключенію мира между Австріей и Турціею. Этотъ миръ былъ необходимъ для Голландіи и Англіи, чтобъ дать императору возможность свободно дѣйствовать противъ Франціи: предстояла страшная война за наслѣдство Испанскаго престола, т. е. для сокрушенія опаснаго для всей Европы могущества Франціи. Но во сколько для Англіи и Голландіи было выгодно заключеніе мира между Австріею и Тур-

ціею, во столько же имъ было выгодно продолженіе войны между Россіею и Турціею, чтобъ послѣдняя была занята и не могла, по наущенію Франціи, снова отвлечь силы Австріи отъ войны за общеевропейскіе интересы. Но эти интересы находились въ противоположности съ интересами Россіи: Петръ трудился изо всѣхъ силъ, чтобъ окончить съ успѣхомъ войну съ Турціею, пріобрѣсти выгодный миръ: но могъ ли онъ надѣяться съ успѣхомъ вести войну и окончить ее одинъ безъ Австріи и Венеціи? Слѣдовательно главною заботою Петра теперь было — или уговорить императора къ продолженію войны съ Турками, или, по крайней мѣрѣ, настоять, чтобъ мирные переговоры были ведены сообща, и всѣ союзники были одинаково удовлетворены.

16 іюня посольство въѣхало торжественно въ Вѣну: царь, по обыкновенію опередилъ его и пріѣхалъ просто на почтовыхъ. Онъ спѣшилъ приступить къ дѣлу, и въ разговорѣ съ канцлеромъ, графомъ Кинскимъ, объявилъ, что недоволенъ рѣшеніемъ императора заключить миръ на основаніи uti possidetis (да владѣетъ каждый тѣмъ, чѣмъ владѣетъ во время мирныхъ переговоровъ), объявилъ, что для Россіи необходимо обезпечить себя со стороны Крыма, овладѣть здѣсь хорошею крѣпостію; Россія для императора разорвала миръ съ Турками; надобно, чтобъ всѣ союзники получили желаемыя ими выгоды; Англичанъ и Голландцевъ слушать нечего: они заботятся только о своихъ барышахъ; императоръ спѣшитъ помириться съ Турками для войны съ Французами за Испанское наслѣдство, и покидаетъ своихъ союзниковъ: но какъ скоро начнется Французская война, то султанъ немедленно поднимется на императора; войска выйдутъ изъ Венгріи для Французской войны, и Венгры забунтуютъ. Царь требовалъ, кромѣ удержанія всѣхъ своихъ завоеваній, еще крѣпости Керчи въ Крыму, безъ которой никакой пользы ему отъ мира не будетъ: Татары по прежнему будутъ нападать на Россію. Петръ не досказалъ: съ Азовомъ и Таганрогомъ безъ Керчи онъ былъ запертъ въ Азовскомъ морѣ. Если Турки не согласятся на уступку Керчи Россіи, то союзники должны продолжать войну. Императоръ отвѣчалъ, что требо-

ванія царя справедливы, но чтобъ заставить Турокъ исполнить ихъ, лучше всего, если Русскіе поспѣшатъ взять Керчь оружіемъ, обѣщалъ поддерживать на конгрессѣ требованія Русскихъ уполномоченныхъ и не приступать ни къ чему безъ согласія съ царемъ [187].

Переговоры этимъ должны были прекратиться; Петръ, осмотрѣлъ все замѣчательное въ Вѣнѣ; съѣздивъ въ мѣстечко Баденъ и въ Пресбургъ, собрался уже въ Венецію, какъ почта привезла письма изъ Москвы: Ромодановскій писалъ, что стрѣльцы взбунтовались и идутъ къ Москвѣ. Вмѣсто Венеціи Петръ отправился въ Россію.

Мы видѣли, что въ 1689 году очень немногіе изъ стрѣльцовъ участвовали въ замыслахъ Софьи и Шакловитаго; большинство сначала отстранялось отъ вмѣшательства въ ссору между братомъ и сестрою, а потомъ явно приняло сторону Петра, принудивъ Софью исполнить его требованіе, выдать Шакловитаго. Повидимому такое поведеніе должно было совершенно примирить новое правительство съ стрѣльцами; но вышло напротивъ. Еще прежде 1689 года образовались потѣшные полки, которые вмѣстѣ съ старыми солдатами, стали въ противоположность стрѣльцамъ; привыкли смотрѣть такъ, что потѣшные—войско Петра, стрѣльцы—войско Софьи. Помирить потѣшныхъ и вождей ихъ съ стрѣльцами нельзя было не по однимъ этимъ отношеніямъ: потѣшные были представителями новаго, имѣющаго жить, стрѣльцы—представители отжившей старины. Новое получило торжество въ торжествѣ Петра надъ Софьею, стрѣльцамъ предстояло—перестать быть стрѣльцами, превратиться въ солдатъ; эта перемѣна была для нихъ страшно тяжела, они не согласятся на нее добровольно, прежде попытаются, нельзя ли удержаться въ прежнемъ положеніи, удержать старину. При такомъ положеніи дѣлъ въ причинахъ къ раздраженію не могло быть недостатка. Вспомнимъ потѣхи: дерутся два войска; русское войско, на сторонѣ котораго самъ царь — это потѣшные, солдаты; войско враждебное, которымъ предводительствуетъ Польскій король — это стрѣльцы, которые побѣждаются, и этимъ выказывается ихъ несостоятельность передъ новымъ войскомъ. Униженіе

и раздраженіе сильныя. Причины къ раздраженію были и на сторонѣ противной: мы не имѣемъ никакого права отвергнуть извѣстіе, что стрѣльцы подкопались подъ Дѣвичій монастырь, проломали полъ въ покояхъ царевны Софьи и вывели было ее подземнымъ ходомъ, но послѣ сильной схватки съ сторожившими монастырь солдатами, были переловлены и казнены [188]. Какъ близкіе къ царю люди смотрѣли на стрѣльцовъ, на ихъ отношенія къ правительству, всего лучше видно изъ приведеннаго выше письма Виніуса къ Петру, что по полученіи благопріятныхъ извѣстій изъ подъ Азова даже и въ стрѣлецкихъ слободахъ радовались. Азовскіе походы были очень тяжелы для стрѣльцовъ: два года сряду они должны были ходить такъ далеко, покидать семейства и выгодные промыслы въ Москвѣ; царь былъ ими недоволенъ, дѣлалъ выговоры [189]. Кто же виноватъ? разумѣется иностранцы, и больше всѣхъ самый близкій изъ нихъ къ царю, Лефортъ, и между стрѣльцами сильное раздраженіе противъ Лефорта. Обстоятельства становились все хуже и хуже для стрѣльцовъ. По взятіи Азова ихъ задержали тамъ для охраны города, потомъ заставили работать надъ его укрѣпленіями. Люди, недовольные царемъ, желающіе отъ него избавиться какимъ бы то нибыло средствомъ, обращаются къ стрѣльцамъ, какъ болѣе другихъ недовольнымъ, обреченнымъ на погибель: „Что они спятъ? говоритъ Соковнинъ: имъ бы можно было убить государя, все равно имъ пропадать же“. Легко понять чувства людей, которымъ все равно пропадать же, и легко понять отношенія Петра и его приверженцевъ къ людямъ недовольнымъ, раздраженнымъ, въ которыхъ враги видятъ вѣрное, готовое орудіе: Цыклеръ обращается къ стрѣльцамъ, а Петру все живѣе и живѣе представляется 15 мая 1682 года и стрѣлецкія копья, обагренныя кровью Матвѣева и Нарышкиныхъ; все враждебное связано для него съ стрѣльцами, и все враждебное и стрѣлецкое относится, какъ къ своему началу, къ замыслу Ивана Милославскаго, все враждебное и стрѣлецкое есть въ его глазахъ сѣмя Милославскаго: этотъ взглядъ уже высказался въ страшномъ зрѣлищѣ казни Цыклера съ товарищами, когда кровь ихъ стекала въ гробъ Ми-

лославскаго; тутъ же высказалось и сильное ожесточеніе, высказалось, какъ впечатлѣніе отрочества оживлялось и укоренялось при каждомъ удобномъ случаѣ.

А стрѣльцовъ въ Азовѣ мучила тоска по Москвѣ, по привольной, спокойной, семейной жизни въ столицѣ. Была еще надежда, что Азовская служба скоро кончится, и послѣдуетъ переводъ въ Москву; но вдругъ указъ — передвинуть четыре стрѣлецкихъ полка — Чубарова, Колзакова, Чернаго и Гундертмарка изъ Азова къ Литовской границѣ, въ войско князя Михайла Григорьевича Ромодановскаго, который съ полками дворянскими, рейтарскими и солдатскими стоялъ въ ожиданіи, какъ разыграется борьба Саксонской и Французской партіи въ Польшѣ. Стрѣльцы пришли изъ Азова въ Великія-Луки. Имъ на смѣну въ Азовъ отправлены другіе шесть полковъ стрѣлецкихъ, остальные размѣщены по югозападной границѣ; Москва очищена отъ стрѣльцовъ, тамъ одни солдаты. Всего тягостнѣе четыремъ полкамъ стрѣлецкимъ которые, вмѣсто возвращенія въ Москву, должны были пропутешествовать изъ Азова въ Великія-Луки. Многіе изъ стрѣльцовъ рѣшились во чтобы то ни стало побывать въ Москвѣ! Въ мартѣ мѣсяцѣ больше полутораста человѣкъ убѣжали изъ полковъ и явились въ Москвѣ въ челобитчикахъ; на спросъ правительства, за чемъ ушли изъ полковъ? отвѣчали, что „ихъ братья стрѣльцы съ службы отъ безкормицы идутъ многіе“. Имъ назначили срокъ—3 апрѣля, къ которому они должны оставить Москву, причемъ велѣно имъ выдать изъ стрѣлецкаго приказа кормовыя мѣсячныя деньги сполна. Но бѣглецы узнали въ Москвѣ любопытныя вещи.

Русскіе люди переживали небывалое время, и многимъ представлялся вопросъ: не послѣднее ли это время? Царь явно сложился съ Нѣмцами и уѣхалъ къ нимъ за границу. Что тамъ съ нимъ дѣлается — неизвѣстно; правятъ бояре; а тутъ повсюду идутъ толки о старой и новой вѣрѣ; сойдутся гдѣ нибудь двое, станутъ разговаривать о божествѣ, и первый вопросъ: какъ ты въ перстномъ сложеніи крестное знаменіе на себѣ воображаешь? Бѣглые стрѣльцы встрѣтили на Ивановской площади своихъ знакомыхъ, стрѣльцовъ же, которые

сидѣли въ площадныхъ подъячихъ; завязались разговоры; первое слово: „Государь нашъ залетѣлъ на чужую сторону!“ Государь-то на чужой сторонѣ, а что безъ него въ Москвѣ дѣлается? подъячіе разсказали, что бояре хотятъ царевича удушить, хочетъ удушить бояринъ Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ и самъ на Москвѣ властителемъ быть. „А вамъ уже на Москвѣ не бывать!“ говорили подъячіе стрѣльцамъ.

Легко понять, съ какимъ чувствомъ слушали стрѣльцы послѣднія слова. Надобно какъ-нибудь промыслить, чтобъ быть въ Москвѣ, а тутъ еще и приглашеніе. Бывшая правительница, царевна Софья живетъ въ заточеніи въ Дѣвичьемъ монастырѣ; сестры ея отъ Милославской на свободѣ во дворцѣ, но и всѣмъ имъ тяжело послѣ 1689 года; вмѣстѣ съ Софьею и онѣ правительствовали; понадобятся деньги—пошлютъ въ любой приказъ и возьмутъ сколько хотятъ [190]; а теперь уже не то, теперь онѣ царевны опальныя, беззаступныя. У нихъ, разумѣется, сильное желаніе, чтобъ дѣла перемѣнились—хотя бы стрѣльцы опять помогли! у нихъ средоточіе всѣхъ сплетенъ, всѣхъ неблагопріятныхъ для правительства слуховъ, между ними и Дѣвичьимъ монастыремъ тайныя пересылки, недовольныя стрѣльчихи тутъ, служатъ службы недовольнымъ царевнамъ. Стрѣльцы, прибѣжавшіе въ Москву, не могли не обратиться къ царевнамъ, которыя на Верху однѣ могли принять въ нихъ участіе, не могли не выражать желанія видѣть опять царевну Софью въ державствѣ; хотя царевенъ и заперли на Верху на это смутное время, однако стрѣльцы нашли средство войти съ ними въ сношенія; двое изъ бѣглыхъ стрѣльцовъ, Проскуряковъ и Тума составили челобитную о стрѣлецкихъ нуждахъ и отдали вхожей на Верхъ стрѣльчихѣ, чтобъ передала которой-нибудь царевнѣ. Дѣятельнѣе другихъ была царевна Мароа, и къ ней пошла стрѣлецкая челобитная, ея же постельница отдала грамотку стрѣльчихѣ, чтобъ та передала ее Тумѣ. Мароа говорила постельницѣ о грамоткѣ: „Смотри, я тебѣ вѣрю; а если пронесется, то тебя распытаютъ, а мнѣ кромѣ монастыря ничего не будетъ“. Той же постельницѣ Мароѣ велѣла сказать стрѣльчихѣ: „Унасъ на Верху позамялось: хотѣли было бояре

царевича удушить; хорошо, еслибъ и стрѣльцы подошли". Съ Верху же шли слухи: „Бояре хотѣли было царевича удушить, но его подмѣнили и платье его на другаго надѣли; царица узнала, что не царевичъ; а царевича сыскали въ другой комнатѣ, и бояре царицу по щекамъ били; а государь невѣдомо живъ, невѣдомо мертвъ, и по стрѣльцовъ указъ посланъ". На Арбатѣ, у ограды церкви Николы Явленнаго стояла толпа стрѣльцовъ, и одинъ изъ нихъ, Василій Тума читалъ грамоту — изъ Дѣвичья монастыря, отъ царевны Софьи Алексѣевны, зоветъ всѣ четыре полка, чтобъ шли къ Москвѣ, становились таборомъ подъ Дѣвичьимъ монастыремъ и подавали ей, царевнѣ челобитье, чтобъ шла по прежнему на державство.

Если всѣ должны приходить къ Москвѣ, то за чѣмъ же уходить изъ нея челобитчикамъ? Въ срочный день, 3 апрѣля, толпа стрѣльцовъ пришла къ дому начальника стрѣлецкаго приказа, князя Ив. Бор. Троекурова и просила, чтобъ бояринъ выслушалъ ихъ. Троекуровъ велѣлъ имъ выбрать четверыхъ лучшихъ людей для разговора съ нимъ. Выборные явились и начали говорить, что они на службу до просухи нейдутъ, били челомъ объ отсрочкѣ, представляли свою нужду, что доведены до крайняго упадку. Бояринъ прервалъ ихъ и велѣлъ сей часъ же идти на службу. Выборные отвѣчали, что не пойдутъ; тогда Троекуровъ велѣлъ ихъ схватить и посадить въ тюрьму; но на дорогѣ товарищи отбили ихъ. Вѣсть объ этомъ навела страхъ на бояръ, помнившихъ хорошо стрѣлецкій бунтъ; при томъ же въ апрѣлѣ 1697 года и между солдатами Лефортова полка шла рѣчь, чтобъ подать челобитную царевнѣ въ Дѣвичьемъ монастырѣ о дачѣ имъ сухарей, потому что какой то солдатъ расказывалъ: стоялъ онъ на караулѣ въ Верху, выходила государыня и говорила: что де вы голы? берете по 30 алтынъ на мѣсяцъ, только на васъ, что красные кафтаны. И солдатъ ей говорилъ, что берутъ по алтыну на день, а сходится по 4 деньги на день, вывороты (вычеты) большіе. Безпокойство бояръ увеличивалось еще тѣмъ, что давно уже не было вѣстей изъ за границы отъ царя. Противъ стрѣльцовъ надобно было приготовить

другую вооруженную силу, солдатъ, и князь Ромодановскій послалъ за генераломъ Гордономъ, разказалъ ему, въ чемъ дѣло. Гордону показалось, что князь преувеличиваетъ опасность, и онъ замѣтилъ ему, что дѣло не важное: стрѣльцы слабы и предводителя у нихъ нѣтъ. Отъ Ромодановскаго Гордонъ отправился на Бутырки, гдѣ жили его солдаты, чтобъ приготовиться на всякій случай и былъ успокоенъ тѣмъ, что всѣ солдаты были на лице въ слободѣ, кромѣ занимавшихъ караулы въ разныхъ мѣстахъ. На другой день стрѣльцы по прежнему оставались въ Москвѣ, но спокойно, побушевали только двое пьяныхъ въ стрѣлецкомъ Приказѣ. Между тѣмъ на Верху сидѣли бояре, совѣтовались какъ быть. Рѣшили — выслать отрядъ солдатъ и выбить стрѣльцовъ силою изъ Москвы. Вечеромъ сотня Семеновцевъ, при помощи посадскихъ, выбили незванныхъ гостей за заставу, буянили только двое: одного прибили такъ, что скоро умеръ, другаго вмѣстѣ съ буянившими прежде въ Приказѣ, сослали въ Сибирь [191].

Въ письмѣ отъ 8 апрѣля Ромодановскій далъ знать Петру о приходѣ бѣглыхъ стрѣльцовъ, и о томъ, что они выпровожены солдатами. Петръ получилъ письмо въ Амстердамѣ, сбираясь въ Вѣну, и отвѣчалъ: „Письмо ваше государское я принялъ и, выразумѣвъ, благодарствую, и впредь прошу, дабы не былъ оставленъ. Въ томъ же письмѣ объявлено бунтъ отъ стрѣльцовъ, и что вашимъ правительствомъ и службою солдатъ усмиренъ. Зѣло радуемся; только зѣло мнѣ печально и досадно на тебя, для чего ты сего дѣла въ розыскъ не вступилъ. Богъ тебя судитъ! Не такъ было говорено на загородномъ дворѣ въ сѣняхъ. Для чего и Автамона (Головина, командира Преображенскаго полка) взялъ, что не для этого? А буде думаете, что мы пропали, для того, что почты задержались, и для того, боясь, и въ дѣло не вступаешь: воистину, скоряе бы почты вѣсть была; только, слава Богу, ни одинъ не умеръ: всѣ живы. Я не знаю, откуды на васъ такой страхъ бабій! Мало ль живетъ, что почты пропадаютъ? А се въ ту пору была и половодь. Неколи ничего ожидать съ такою трусостью! Пожалуй, не осердись: воисти-

ну отъ болѣзни сердца писалъ“ [192]. Чрезъ нѣсколько дней Петръ написалъ къ Виніусу съ упрекомъ за опасенія по поводу неприхода почтъ: „Зѣло дивлюсь и суду Божію предаю тебя, что ты такъ сумнѣнно пишешь о замедленіи почтъ, а самъ въ конецъ извѣстенъ симъ странамъ. Не диво, кто не бывалъ. Я было надѣялся, что ты станешь всѣмъ разсуждать бывалостью своею и отъ мнѣнія отводить; а ты самъ предводитель имъ въ яму. Потому всѣ думаютъ, что коли де кто бывалъ, такъ боится того, то уже конечно такъ. Воистину не отъ радости пишу“. Виніусъ спѣшилъ просить прощенія, и царь отвѣчалъ ему: „Господь Богъ да оставитъ всѣмъ намъ наши долги, милосердія своего ради. А что я такъ къ вамъ писалъ, о томъ самъ разсудишь, каково мнѣ то дѣло“.

Дѣло было дѣйствительно важное. Стрѣльцовъ выгнали изъ Москвы, и они понесли въ Торопецъ, гдѣ стояли теперь ихъ полки съ Ромодановскимъ, разныя вѣсти и призывъ изъ Дѣвичья монастыря. На дорогѣ нагнала ихъ стрѣльчиха и отдала новую грамотку отъ царевны Софьи: „Теперь вамъ худо, а впредь будетъ еще хуже. Ступайте къ Москвѣ, чего вы стали? про государя ничего не слышно.“ Въ доказательство, что впередъ стрѣльцамъ будетъ еще хуже, пришелъ указъ изъ Москвы отъ 28 мая: Ромодановскій долженъ былъ распустить по домамъ своихъ полчанъ, пѣшихъ и конныхъ, самъ пріѣхать въ Москву, а стрѣльцы должны были оставаться до указа въ городахъ Вязьмѣ, Бѣлой, Ржевѣ, Володимировой и Дорогобужѣ; бѣгавшихъ въ Москву стрѣльцовъ всего 155 человѣкъ, велѣно было сослать въ Малороссійскіе города— Черниговъ, Переяславль, Новобогородицкій, на вѣчное житье съ женами и дѣтьми, а пятидесятникамъ, десятникамъ и стрѣльцамъ, которые со службы не сходили, за ихъ вѣрную службу, и за то, что ворамъ не потакали и подали на нихъ заручныя челобитныя, сказать государево милостивое слово. Значитъ правду говорили подъячіе на Ивановской площади: стрѣльцамъ Москвы не видать! Когда этотъ указъ, присланный отъ царскаго имени, былъ объявленъ, то полковники Чубаровъ, Черный и Тихонъ Гундертмаркъ представили Ромодановскому бѣглыхъ стрѣльцовъ изъ своихъ полковъ, че-

ловѣкъ съ 50, и Ромодановскій велѣлъ отвести ихъ въ городъ (крѣпость) и сдать Торопецкимъ воеводамъ; но ясаулы, провожавшіе бѣглыхъ, встрѣтили на дорогѣ толпы стрѣльцовъ, которые отбили товарищей, гонялись за ясаулами и бросали палками. Ромодановскій отправилъ было противъ нихъ Новгородскихъ стрѣльцовъ, но тѣ, по малолюдству, не могли сладить съ мятежниками. Тогда Ромодановскій, по прозьбѣ полковниковъ, послалъ вычитать подлинный указъ на съѣзжихъ дворахъ по полкамъ порознь, а къ разрядному шатру для сказки указа Московскихъ стрѣльцовъ призывать не велѣлъ за такою ихъ воровскою шатостію, опасаясь отъ нихъ всякаго дурна. Въ полкахъ Чубарова и Колзакова стрѣльцы грамоту слушали, и Колзакова полка стрѣльцы били челомъ на милости и сказали, что за воровъ, если они явятся, стоять не станутъ; а Чубаровскіе стрѣльцы сказали, что у нихъ воровъ нѣтъ, а которые изъ нихъ ходили въ Москву, тѣ ходили отъ голоду. Колзаковъ изъ своего полка привелъ воровъ 15 человѣкъ къ разрядному шатру, а оттуда повелъ въ Торопецъ и отдалъ воеводѣ; но стрѣльцы, собравшись, отняли ихъ у воеводы отбоемъ, а за полковникомъ Колзаковымъ гонялись и палками за нимъ въ слѣдъ бросали, и ушелъ онъ отъ нихъ, покинувъ лошадь, за рѣку Торопу, по мостовинамъ. А стрѣльцы полковъ Чернаго и Гундертмарка слушать царской грамоты къ съѣзжимъ избамъ не пошли, и по улицамъ, близь разряднаго шатра и двора, гдѣ стоялъ Ромодановскій, начали ломать изгороди, и съ кольемъ собравшись многолюдствомъ, стояли великими толпами. Ромодановскій, испугавшись, съ конными дворянскими полками выступилъ изъ города въ поле и сталъ въ ополченіи по Московской дорогѣ; Чубаровъ, Гундертмаркъ и Колзаковъ были съ нимъ; князь велѣлъ имъ ѣхать въ свои полки и выводить ихъ порознь изъ слободъ въ поле и идти въ указные города. Полкъ Чубарова выступилъ и пошелъ сквозь конныя роты и полки. Ромодановскій, подъѣхавши къ нему, велѣлъ остановиться, и сталъ уговаривать, чтобъ выдали бѣгавшихъ въ Москву. Стрѣльцы отвѣчали, что за бѣглыхъ не стоятъ, только взять ихъ и выдать мочи нѣтъ. Ромодановскій

сказалъ имъ на это: „бѣглецовъ малое число, а васъ 500 человѣкъ слишкомъ!“ Стрѣльцы пошли въ полкъ; прошелъ часъ времени—никакого движенія; Ромодановскій посылаетъ сказать имъ, чтобъ не медлили выдачею: прежній отвѣтъ: „мочи нашей нѣтъ!“ Въ слѣдъ за этимъ полкъ пошелъ дальше, а бѣглые отстали и повернули къ Торопцу; Ромодановскій послалъ копейщиковъ и рейтаръ ловить ихъ, тѣ стали ловить, но тутъ выступаетъ полкъ Гундертмарка, и воры скрылись въ него, пробравшись болотными мѣстами и кустарниками. Полковникъ и начальные люди кричали, чтобъ воровъ въ полкъ не пускать; но рядовые стрѣльцы не послушались и хотѣли биться съ конницею, ловившею воровъ; они кричали: „У насъ въ полкахъ воровъ нѣтъ, а ходили въ Москву отъ нужды и безкормицы!“ Всѣ стрѣльцы пошли въ указные города, и Ромодановскій отослалъ имъ жалованье на два мѣсяца, чтобъ не было никакого предлога къ продолженію смуты [193].

Но стрѣльцамъ нужно было не одно жалованье, имъ нужна была Москва, въ которую ихъ не пускали; притомъ же дѣло было уже начато: царскому указу учинились ослушны, бѣгуновъ не выдали; семь бѣдъ одинъ отвѣтъ! Разумѣется бѣгуны, по инстинкту самосохраненія, должны были изо всѣхъ силъ бунтовать остальныхъ. Стрѣльцы шли медленно, нехотя, дѣлали верстъ по пяти въ день, и 6 іюня, на берегу Двины, бунтъ вспыхнулъ. На телѣгѣ, передъ четырьмя полками, стоялъ стрѣлецъ Масловъ и читалъ призывное письмо отъ царевны Софьи: „Вѣстно мнѣ учинилось, что вашихъ полковъ стрѣльцовъ приходило къ Москвѣ малое число: и вамъ бы быть къ Москвѣ всѣмъ четыремъ полкамъ, и стать подъ Дѣвичьемъ монастыремъ таборомъ, и бить челомъ мнѣ иттить къ Москвѣ противъ прежняго на державство; а если бы солдаты, кои стоятъ у монастыря, къ Москвѣ пускать не стали, и съ ними бы управиться, ихъ побить и къ Москвѣ быть; а ктобъ не сталъ пускать съ людьми своими или съ солдаты, и вамъ бы чинить съ ними бой.“

Толпы зашумѣли. „Идти къ Москвѣ! Нѣмецкую слободу разорить и Нѣмцевъ побить за то, что отъ нихъ православіе

закоснѣло; бояръ побить, а имъ, стрѣльцамъ жить въ домахъ своихъ. Послать и въ иные полки, чтобъ и тѣ полки шли къ Москвѣ для того, что стрѣльцы отъ бояръ и отъ иноземцевъ погибаютъ и Москвы не знаютъ, непремѣнно идти къ Москвѣ, хотя бъ умереть, а одинъ предѣлъ учинить. И къ Донскимъ козакамъ вѣдомость послать. Если царевна въ правительство не вступится, и по коихъ мѣстъ возмужаетъ царевичь, можно взять и князя Василья Голицына: онъ къ стрѣльцамъ и въ Крымскихъ походахъ и на Москвѣ милосердъ былъ, а по коихъ мѣстъ государь здравствуетъ, и намъ Москвы не видать; государя въ Москву не пустить и убить за то, что началъ вѣровать въ Нѣмцевъ, сложился съ Нѣмцами. Всѣ царевны стрѣльцовъ къ Москвѣ желаютъ; царевна Софья Торопецкимъ козакамъ дала денегъ по полтинѣ, чтобъ шли къ Москвѣ.“ Собрались круги, отставили прежнихъ полковниковъ и капитановъ, а на ихъ мѣсто выбрали новыхъ, и пошли къ Москвѣ.

Но въ Москвѣ солдаты, и потому у стрѣльцовъ дорогою такая рѣчь была, чтобъ имъ побывать на Бутыркахъ, провѣдать у солдатъ, что у нихъ дѣлается? Стрѣлецъ Пузанъ отправился на Бутырки къ знакомымъ солдатамъ Салениковымъ, и съ однимъ изъ нихъ видѣлся; но тотъ ему отказалъ: „намъ объ васъ заказъ крѣпкій, и съ вами нейдемъ, дѣла до васъ намъ нѣтъ, и вы какъ хотите [194]. У стрѣльцовъ была и другая рѣчь; съ солдатами не биться, по малолюдству (всего 2200 человѣкъ), а обойти Москву, и засѣсть въ Серпуховѣ или Тулѣ и писать въ Бѣлгородъ, Азовъ, Сѣвскъ и другіе города къ тамошнимъ стрѣльцамъ, чтобъ шли къ нимъ немедленно; всѣмъ вмѣстѣ идти къ Москвѣ и бить бояръ. Страхъ напалъ на жителей Москвы, когда узнали о приближеніи стрѣльцовъ. Зажиточные люди начали со всѣмъ имѣніемъ разъѣзжаться въ дальнія деревни. Между боярами начались споры о мѣрахъ; наконецъ мнѣніе князя Бориса Алексѣевича Голицына восторжествовало, и положено было выслать противъ мятежниковъ боярина Шеина съ генералами Гордономъ и княземъ Кольцовымъ-Масальскимъ; войска у нихъ было около 4,000 и 25 пушекъ. 17 іюня царское войско встрѣ-

тило стрѣльцовъ подъ Воскресенскимъ монастыремъ при переправѣ черезъ рѣку Истру. Стрѣльцы прислали къ Шеину письмо, въ которомъ жаловались, что въ Азовѣ терпѣли всякую нужду, зимою и лѣтомъ трудились надъ городовыми крѣпостями, потомъ изъ Азова перешли въ полкъ къ князю Ромодановскому, голодъ, холодъ и всякую нужду терпѣли: человѣкъ по полтораста ихъ стояло на одномъ дворѣ, мѣсячныхъ кормовыхъ денегъ не ставало и на двѣ недѣли; тѣхъ, которые ходили по міру, били батогами. Изъ Торопца Ромодановскій велѣлъ вывесть ихъ на разныя дороги по полку, отобрать ружье, знамена и всякую полковую казну, и велѣлъ конницѣ, обступя ихъ вокругъ, рубить. Испугавшись этого, они не пошли въ указныя мѣста, идутъ къ Москвѣ, чтобъ напрасно не умереть, а не для бунту; пусть дадутъ имъ хотя немножко повидаться съ женами и дѣтьми, а тамъ, какъ представится случай, и они опять рады идти на службу.

Шеинъ отправилъ Гордона въ станъ къ стрѣльцамъ объявить, что если они возвратятся въ указныя мѣста, и выдадутъ бѣгавшихъ въ Москву, также заводчиковъ настоящаго бунта, то государь проститъ ихъ и жалованье будетъ имъ выдано въ указныхъ мѣстахъ по тамошнимъ цѣнамъ. Гордонъ понапрасну истощалъ всю свою реторику[195], какъ самъ выражается, уговаривая стрѣльцовъ: они отвѣчали, что или помрутъ, или будутъ на Москвѣ, хотя бы на малое время, а тамъ пойдутъ всюду, куда великій государь укажетъ; на дальнѣйшую реторику Гордона отвѣчали, что зажмутъ ему ротъ. Иноземцу не удалось, Шеинъ отправилъ Русскаго, князя Кольцова-Масальскаго уговаривать стрѣльцовъ; къ нему вышелъ одинъ изъ заводчиковъ, десятникъ Зоринъ съ черновою, неоконченною челобитною, въ которой говорилось: „Бьютъ челомъ многоскорбне и великими слезами Московскіе стрѣлецкіе полки: служили они, и прежде ихъ прародители и дѣды и отцы ихъ, великимъ государямъ во всякой обыкновенной христіанской вѣрѣ; и обѣщались до кончины жизни ихъ благочестіе хранити, якоже содержитъ св. апостольская церковь. И въ 190 году стремленіе безчинства, радѣя о благочестіи, удержали, и по ихъ великихъ государей указу

въ премѣненіи того времени, ихъ измѣнниками и бунтовщиками звать не велѣно, и по обѣщанію, какъ цѣловали крестъ, о благочестіи непремѣнно служатъ. И въ 203 году сказано имъ служить въ городахъ погодно; а въ томъ же году, будучи подъ Азовомъ, умышленіемъ еретика, иноземца Францка Лефорта, чтобы благочестію великое препятіе учинить, чинъ ихъ Московскихъ стрѣльцовъ подвелъ онъ, Францко, подъ стѣну безвременно, и ставя въ самыхъ нужныхъ въ крови мѣстахъ, побито ихъ множество; его жь умышленіемъ дѣланъ подкопъ подъ ихъ шанцы, и тѣмъ подкопомъ онъ ихъ же побилъ человѣкъ съ 300 и больше; его же умысломъ на приступѣ подъ Азовомъ посулено по 10 рублевъ рядовому, а кто послужитъ, тому повышеніе чести: и на томъ приступѣ, съ которую сторону они были, побито премножество лучшихъ; а что они, радѣя ему великому государю и всему христіанству, Азовъ говорили взять приваломъ, и то онъ оставилъ; онъ же не хотя наслѣдія христіанскаго видѣть, самыхъ послѣднихъ изъ нихъ удержалъ подъ Азовомъ октября до 3 числа; а изъ Черкасскаго 14 числа пошелъ степью, чтобъ ихъ и до конца всѣхъ погубить, и идучи, ѣли мертвечину и премножество ихъ пропало. И въ 206 году Азовъ приваломъ взяли и оставлены городъ строить, и работали денно и нощно во весь годъ пресовершенною трудностью. И изъ Азова сказано имъ идти къ Москвѣ: и по вѣстямъ были они въ Зміевѣ, въ Изюмѣ, въ Царевѣ-Борисовѣ, на Моякѣ, въ самой послѣдней скудости; и изъ тѣхъ мѣстъ велѣно имъ идти въ полкъ къ боярину и воеводѣ, къ князю М. Г. Ромодановскому въ Пустую Ржеву на зимовье, не займуя Москвы: и они, радѣя ему, великому государю, въ тотъ полкъ шли денно и нощно, въ самую послѣднюю нужду осеннимъ путемъ, и пришли чуть живы; и будучи на Польскомъ рубежѣ, въ зимнее время, въ лѣсу, въ самыхъ нужныхъ мѣстахъ, мразомъ и всякими нуждами утѣсненны, служили, надѣясь на его великаго государя милость. И по указу велѣно всѣ полки Новгородскаго разряду распустить; а бояринъ и воевода Ромодановскій, выведчи ихъ изъ Торопца по полкамъ, велѣлъ рубить, а за что не вѣдаютъ. Они же, слыша, что въ Москвѣ чинится ве-

ликое страхованіе и отъ того городъ затворяютъ рано, а отворяютъ часу въ другомъ дня или и въ третьемъ, и всему народу чинится наглость; имъ слышно же, что идутъ къ Москвѣ Нѣмцы, и то знатно послѣдуя брадобритію и табаку во всесовершеное благочестія испровержение".

Зоринъ требовалъ, чтобъ челобитная была прочтена передъ всѣмъ царскимъ войскомъ. Разумѣется, это требованіе не было исполнено, и Шеинъ могъ ясно видѣть изъ челобитной, куда заходитъ дѣло, когда съ одной стороны было выставлено православіе, а съ другой еретикъ Францко Лефортъ; подъ скромнымъ именемъ челобитной это была злая выходка противъ царя, прикрытая выходкою противъ его любимца. Шеинъ могъ ясно видѣть, что переговоры, увѣщанія усилили только дерзость стрѣльцовъ, тогда какъ успѣхъ противъ нихъ не могъ быть сомнителенъ: это была нестройная толпа, не имѣвшая предводителя, при недостаточной артиллеріи. Начали приготовляться къ битвѣ; въ обѣихъ ратяхъ служили молебны; стрѣльцы исповѣдались и дали клятву помереть другъ за друга безо всякой измѣны. Въ послѣдній разъ послано имъ сказать, чтобъ положили оружіе и въ винахъ своихъ добили челомъ государю, въ противномъ случаѣ начнется стрѣльба изъ пушекъ; стрѣльцы отвѣчали: „мы того не боимся, видали мы пушки и не такія"! Но Шеинъ и тутъ шелъ постепенно: увидавши неуспѣшность переговоровъ, увѣщаній и угрозъ на словахъ, онъ попробовалъ постращать посильнѣе, велѣлъ выстрѣлить, но такъ, что ядра перелетѣли черезъ головы стрѣльцовъ. Это еще болѣе ихъ ободрило: они стали распускать знамена, бросать вверхъ шапки и готовиться къ бою. Но другой залпъ — и стрѣльцы замялись, не смотря на то, что нѣкоторые кричали: „Пойдемъ противъ большаго полка грудью на проломъ, и хотябъ умереть, а быть на Москвѣ"! Еще два залпа — и немного ихъ осталось въ обозѣ, который немедленно былъ занятъ царскими войсками. Битва продолжалась не болѣе часу. Въ царскомъ войскѣ было ранено только 4 человѣка, одинъ смертельно; у стрѣльцовъ убито 15 человѣкъ, и ранено, большею частію смертельно, 37 [196]. Разбѣжавшіеся изъ обоза были переловлены; Шеинъ

„разбиралъ и смотрѣлъ у нихъ, кто воры и кто добрые люди, и которые въ Москвѣ бунтъ заводили? и послѣ того были розыски великіе и пытки имъ стрѣльцамъ жестокія и по тѣмъ розыскамъ многіе казнены и повѣшены въ ихъ стрѣлецкомъ обозѣ, а иные вѣшаны по дорогѣ; остальныхъ разослали въ тюрьмы и монастыри подъ стражу". Съ пытки винились въ томъ, что было сдѣлано въ Торопцѣ и по выходѣ изъ него на Двинѣ; но никто не сказалъ о письмѣ отъ царевны.

Получивъ отъ Ромодановскаго — короля извѣстіе о бунтѣ стрѣльцовъ и движеніи ихъ къ Москвѣ, Петръ отвѣчалъ ему: „Пишетъ ваша милость, что сѣмя Ивана Михайловича ростетъ: въ чемъ прошу васъ быть крѣпкимъ; а кромѣ сего ничѣмъ сей огнь угасить не можно. Хотя зѣло намъ жаль нынѣшняго полезнаго дѣла (поѣздки въ Венецію), однако сей ради причины, будемъ къ вамъ такъ, какъ вы не чаете". Ромодановскій пишетъ о возмущеніи стрѣльцовъ, а Петру представляется, что ростетъ сѣмя Милославскаго! Остальныя слова, что „только крѣпостію можно угасить сей огнь" уже показываютъ сильное раздраженіе, которое внушало убѣжденіе въ необходимости крайнихъ мѣръ для уничтоженія зла. Привести въ ужасъ противниковъ, кровью залить сопротивленіе — эта мысль обыкновенно приходитъ въ голову революціоннымъ дѣятелямъ въ разгарѣ борьбы, при сильномъ ожесточеніи отъ сопротивленія, при опасеніи за будущность свою и за будущность проводимаго начала. Зловѣщій отвѣтъ Ромодановскому обѣщалъ Москвѣ — терроръ.

На дорогѣ изъ Вѣны въ Россію Петръ получилъ извѣстія о прекращеніи бунта побѣдою Шеина. Между прочимъ Виніусъ писалъ: „Ни единъ не ушелъ; по розыску пущіе изъ нихъ посланы въ путь иной темной жизни съ возвѣщеніемъ своей братьи такимъ же, которые, мню, и въ адъ посажены въ особыхъ мѣстахъ для того, что, чаю, и сатана боится, чтобъ въ адѣ не учинили бунту и его самого не выгнали изъ его державы"[197].

26 августа по Москвѣ разнеслась вѣсть, что наканунѣ пріѣхалъ царь; побывалъ кой гдѣ, былъ у дѣвицы Монсъ; не былъ во дворцѣ, не видался съ женою; вечеръ провелъ у Ле-

форта, ночевать уѣхалъ въ Преображенское. Въ этотъ вечеръ или въ эту ночь рѣшено было дѣло, которое на другой день должно было изумить Москву, и многихъ поразить ужасомъ.

Петръ возвратился въ Москву въ сильномъ раздраженіи: сѣмя Ивана Милославскаго, стрѣльцы пошли опять ему на перекоръ; передъ отъѣздомъ Соковнинъ, Цыклеръ, стрѣльцы; только что отдохнулъ за границею, занявшись любимыми дѣлами, какъ опять стрѣльцы не даютъ продолжать путешествія. Но стрѣльцы — это только застрѣльщики, это только вооруженная сила, за которою стоитъ масса людей, противныхъ преобразованію, противныхъ всему тому, чѣмъ уже заявилъ Петръ свою дѣятельность, съ чѣмъ связалъ себя невозвратно, безъ чего не можетъ существовать. Петръ хорошо зналъ, какъ смотрѣли эти люди на его дѣятельность; онъ не откажется, въ угоду имъ, отъ этой дѣятельности, напротивъ онъ ее усилитъ, и слѣдовательно возбудитъ противъ себя еще большую ненависть, большее ожесточеніе; сознаніе этого ожесточенія въ другихъ страшно ожесточаетъ его самого; онъ готовъ къ борьбѣ на жизнь и на смерть, онъ возбужденъ, онъ кипитъ, первый пойдетъ на проломъ, онъ бросится на знамя противниковъ, вырветъ и потопчетъ его: это знамя — борода, это знамя — старинное длинное платье.

Но мы не можемъ остановиться здѣсь на однихъ личныхъ побужденіяхъ Петра и выпустить изъ вниманія общій ходъ народнаго дѣла. До Петра народъ повернулъ къ западу, до Петра началъ работать новому началу, и это должно было непремѣнно высказаться въ одеждѣ и волосахъ. Удивляться нечего этому явленію, которое повторяется безпрерывно въ глазахъ нашихъ: человѣкъ прежде всего въ своей наружности, въ одеждѣ и уборкѣ волосъ старается выразить состояніе своего духа, свои чувства, свои взгляды и стремленія. Какъ только признано превосходство иностранца, обязанность учиться у него, такъ сейчасъ же является подражаніе, которое естественно и необходимо начинается со внѣшняго, съ одежды, съ убранства волосъ, а тутъ еще твердили, что въ покроѣ платья выказывается разумъ народа: русское пла-

тье некрасиво и неудобно, за него иностранцы зовутъ насъ варварами, особенно нерасчесанные волосы дѣлаютъ насъ мерзкими, смѣшными, какими-то лѣсовиками [198]. Уже при Борисѣ Годуновѣ, при первомъ движеніи къ западу, начинается между русскими подраженіе иностранцамъ въ наружности, начинается бритье бородъ, и тутъ же начинаются противъ этого сильныя выходки хранителей старины. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, съ усиленіемъ движенія къ западу, усиливается и брадобритіе: мы видѣли, какъ ревностный блюститель отеческихъ преданій, Аввакумъ не хотѣлъ благословить сына боярина Шереметева, потому что тотъ явился къ нему въ блудоносномъ образѣ, т. е. съ бритою бородою [199]. Ревнители отеческихъ преданій употребили всѣ свои усилія, чтобъ искоренить „еллинскіе, блудническіе, гнусные обычаи", и достигли, повидимому, своей цѣли, когда правительство, въ угоду имъ, начало отнимать чины за подрѣзываніе волосъ [200]. Но эта ревность была вредна только ревнителямъ, которые были не въ состояніи остановить роковаго движенія, и только раздражали противниковъ, заставляли ихъ относиться къ бородѣ и старому длинному платью также враждебно, какъ ревнители относились къ блудоносному образу: борода стала знаменемъ въ борьбѣ двухъ сторонъ, и понятно, что когда побѣдитъ сторона новаго, то первымъ ея дѣломъ будетъ низложить враждебное знамя. Движеніе, долженствовавшее привести къ этой побѣдѣ, шло безостановочно: въ 1681 году царь Ѳедоръ Алексѣевичъ издалъ указъ всему синклиту и всѣмъ дворянамъ и приказнымъ людямъ носить короткіе кафтаны вмѣсто прежнихъ длинныхъ охабней и однорядокъ: въ охабнѣ или однорядкѣ никто не смѣлъ являться не только во дворецъ, но и въ Кремль [201]. Патріархъ Іоакимъ съ отчаяніемъ увидѣлъ, что еллинскій, блудническій, гнусный обычай брадобритія явился съ новою силою; опять загремѣлъ противъ него патріархъ: „Еллинскій, блудническій, гнусный обычай, древле многащи возбраняемый, во днехъ царя Алексѣя Михайловича всесовершенно искорененный, паки нынѣ юнонеистовніи начаша образъ, отъ Бога мужу дарованный губити". Патріархъ отлучаетъ за брадобритіе отъ церкви,

отлучаетъ и тѣхъ, которые съ брадобрійцами общеніе имѣютъ [202] — тщетныя усилія, обращающіяся только во вредъ авторитету церкви и духовенства. Преемникъ Іоакима, Адріанъ издалъ также сильное посланіе противъ брадобритія, еретическаго безобразія, уподобляющаго человѣка котамъ и псамъ; патріархъ стращалъ русскихъ людей вопросомъ: если они обрѣютъ бороды, то гдѣ станутъ на страшномъ судѣ: съ праведниками ли, украшенными брадою, или съ обритыми еретиками?" [203]

Эти выходки служатъ для насъ лучшимъ мѣриломъ силы стремленія, противъ котораго онѣ дѣлались, лучшимъ мѣриломъ силы раздраженія, какое должны были возбуждать въ людяхъ „юнонеистовныхъ". Замѣтимъ также, что способъ употребленный Петромъ противъ бородъ и русскаго платья былъ завѣщанъ ему предшественниками, и другой способъ былъ тогда немыслимъ: указомъ царь Алексѣй Михайловичъ вооружился противъ брадобритія, наказывая ослушниковъ пониженіемъ въ чинахъ; указомъ царь Ѳедоръ Алексѣевичъ велѣлъ носить короткіе кафтаны вмѣсто длинныхъ охабней и однорядокъ; патріархъ, съ своей стороны, отлученіемъ отъ церкви наказывалъ за еллинскій обычай: Петръ точно такимъ же насильственнымъ образомъ выводитъ бороды и русское платье. Наконецъ замѣтимъ еще одно обстоятельство: безъ сомнѣнія первымъ дѣломъ Петра, по пріѣздѣ въ Москву, было потребовать розыскное дѣло о стрѣльцахъ, и легко понять, съ какимъ чувствомъ читалъ онъ челобитную ихъ, наполненную злыми выходками противъ Францка Лефорта, (т. е. противъ самого Петра), противъ Нѣмцевъ послѣдующихъ брадобритію. — Я Нѣмецъ, послѣдующій брадобритію: такъ вотъ же вамъ ваши бороды!

Утромъ 26 августа толпа всякаго рода людей наполняла деревянный Преображенскій дворецъ, гдѣ Петръ жилъ запросто, принимая вмѣстѣ съ знатью людей самыхъ простыхъ. Тутъ, разговаривая съ вельможами, онъ собственноручно обрѣзывалъ имъ бороды, начиная съ Шеина и Ромодановскаго; не дотронулся только до самыхъ почтенныхъ стариковъ, которымъ вовсе не къ лицу была новая мода: до Тихона Ни-

китича Стрѣшнева и князя Михаила Алегуковича Черкаскаго [204]; они одни и остались съ бородами; другіе догадались, въ чемъ дѣло, и начали бриться; недогадливымъ было сдѣлано еще внушеніе: 1 сентября, въ тогдашній новый годъ, былъ большой обѣдъ у Шеина, нѣкоторые явились съ бородами, но теперь уже не самъ царь, а царскій шутъ упражнялся въ обрѣзываніи бородъ [205]. Кто послѣ того не хотѣлъ бриться, долженъ былъ платить извѣстную пошлину.

Дѣло было начато, вызовъ брошенъ людямъ, провозглашавшимъ брадобритіе блудною, еретическою новостію; но Петръ не далъ имъ опомниться отъ этого удара, сразилъ новымъ ужасомъ, начавши кровавый розыскъ противъ стрѣльцовъ, которые осмѣлились съ оружіемъ въ рукахъ пойти противъ Нѣмцевъ, послѣдующихъ брадобритію. Съ половины сентября начали привозить въ Москву стрѣльцовъ, оставшихся въ живыхъ послѣ перваго Шеиновскаго розыска, и наполнили ими окрестные монастыри и села; всего было болѣе 1700 человѣкъ. Въ Преображенскомъ, въ 14 застѣнкахъ начались пытки съ 17 сентября—печальный день имянинъ Софьи, когда 16 лѣтъ тому назадъ, безъ суда, казнены были Хованскіе. Пытки отличались неслыханною жестокостію [106]. Добыто было признаніе, что стрѣльцы хотѣли стать подъ Дѣвичьимъ монастыремъ и звать Софью въ управительство; наконецъ одинъ стрѣлецъ, съ третьяго огня, признался, что было къ нимъ отъ царевны Софьи письмо, которое Тума принесъ изъ Москвы въ Великія Луки; тоже показано было и нѣкоторыми другими стрѣльцами; дѣло дошло до стрѣльчихъ, оговоренныхъ въ передачѣ письма, до женщинъ, жившихъ при Софьѣ въ монастырѣ, при сестрѣ ея Марѳѣ, женщины были пытаны, и показали уже извѣстное намъ о сношеніяхъ двухъ сестеръ и о передачѣ письма стрѣльцу [107].

Между тѣмъ дѣлались страшныя приготовленія къ казнямъ: ставили висѣлицы по Бѣлому и Земляному городамъ, у воротъ подъ Новодѣвичьимъ монастыремъ и у четырехъ съѣзжихъ избъ возмутившихся полковъ. Патріархъ вспомнилъ, что его предшественники въ подобныхъ случаяхъ становились между царемъ и жертвами его гнѣва, печалова-

лись за опальныхъ, утоляли кровь: Адріанъ поднялъ икону Богородицы и отправился въ Преображенское къ Петру. Но богатырь расходился, никто и ничто его не удержитъ; завидѣвъ патріарха, онъ закричалъ ему: „Къ чему это икона? развѣ твое дѣло приходить сюда? убирайся скорѣе и поставь икону на свое мѣсто. Быть можетъ я побольше тебя почитаю Бога и пресвятую Его Матерь. Я исполняю свою обязанность и дѣлаю богоугодное дѣло, когда защищаю народъ и казню злодѣевъ, противъ него умышлявшихъ“ [208].

Петръ самъ допросилъ обѣихъ сестеръ, замѣшанныхъ въ дѣло, Мароу и Софью. Мароа призналась, что говорила Софьѣ о приходѣ стрѣльцовъ, о ихъ желаніи видѣть ее, Софью на царствѣ; но отреклась, что никакого письма не передавала стрѣльчихѣ. Софья, спрошенная про письмо, переданное стрѣльцами отъ ея имени, отвѣчала: „Такова письма, которое къ розыску явилось, отъ ней въ стрѣлецкіе полки не посылывано. А что тѣ стрѣльцы говорятъ, что пришедъ было имъ къ Москвѣ, звать ее царевну по прежнему въ правительство, и то не по письму отъ нея, а знатно потому, что она со 190 года была въ правительствѣ“.

30 сентября была первая казнь: стрѣльцовъ, числомъ 201 человѣкъ, повезли изъ Преображенскаго въ тѣлегахъ къ Покровскимъ воротамъ; въ каждой телѣгѣ сидѣло по двое и держали въ рукѣ по зажженной свѣчѣ; за телѣгами бѣжали жены, матери, дѣти съ страшными криками. У Покровскихъ воротъ, въ присутствіи самого царя, прочитана была сказка: „Въ распросѣ и съ пытокъ всѣ сказали, что было приттить къ Москвѣ, и на Москвѣ, учиня бунтъ, бояръ побить, и Нѣмецкую слободу разорить, и Нѣмцевъ побить, и чернь возмутить, всѣми четыре полки вѣдали и умышляли. И за то ваше воровство великій государь указалъ казнить смертію.“ По прочтеніи сказки осужденныхъ развезли вершить на указныя мѣста; но пятерымъ, сказано въ дѣлѣ, отсѣчены головы въ Преображенскомъ; свидѣтели достовѣрные [209] объясняютъ намъ эту странность: самъ Петръ собственноручно отрубилъ головы этимъ пятерымъ стрѣльцамъ. 11 октября новыя казни: вершено 144 человѣка; на другой день—205, на третій—

141; семнадцатаго октября 109; осьмнадцатаго — 65, девятнадцатаго—106, двадцать перваго—2. 195 стрѣльцовъ повѣшено подъ Новодѣвичьимъ монастыремъ, передъ кельею царевны Софьи, трое изъ нихъ, повѣшенные подлѣ самыхъ оконъ, держали въ рукахъ челобитныя „а въ тѣхъ челобитныхъ написано противъ ихъ повинки" [210]. Въ Преображенскомъ происходили кровавыя упражненія: здѣсь 17 октября приближенные царя рубили головы стрѣльцамъ: князь Ромодановскій отсѣкъ четыре головы; Голицынъ, по неумѣнью рубить, увеличилъ муки доставшагося ему несчастнаго; любимецъ Петра, Алексашка (Меншиковъ) хвалился, что обезглавилъ 20 человѣкъ; полковникъ Преображенскаго полка Блюмбергъ и Лефортъ отказались отъ упражненій, говоря, что въ ихъ земляхъ этого не водится. Петръ смотрѣлъ на зрѣлище, сидя на лошади, и сердился, что нѣкоторые бояре принимались за дѣло трепетными руками [211]. „А у пущихъ воровъ и заводчиковъ ломаны руки и ноги колесами; и тѣ колеса воткнуты были на Красной площади на колья; и тѣ стрѣльцы, за ихъ воровство, ломаны живые, положены были на тѣ колеса и живы были на тѣхъ колесахъ не много не сутки, и на тѣхъ колесахъ стонали и охали; и по указу великаго государя одинъ изъ нихъ застрѣленъ изъ фузеи, а застрѣлилъ его Преображенскій сержантъ Александръ Меншиковъ. А попы, которые съ тѣми стрѣльцами были у нихъ въ полкахъ, одинъ передъ тіунскою избою повѣшенъ, а другому отсѣчена голова и воткнута на колъ, и тѣло его положено на колесо" [212]. Цѣлые пять мѣсяцевъ трупы не убирались съ мѣстъ казни, цѣлые пять мѣсяцевъ стрѣльцы держали свои челобитныя передъ окнами Софьи.

Кромѣ розыска стрѣльцами, взятыми подъ Воскресенскимъ монастыремъ, шелъ еще розыскъ по Азовскому дѣлу. Когда узнали въ Черкаскѣ на Дону о пораженіи стрѣльцовъ подъ Воскресенскимъ монастыремъ, то козаки говорили писарю, пріѣхавшему изъ Воронежа: „Знать ты потѣшный, дай только намъ сроку, перерубимъ мы и самихъ васъ, какъ вы стрѣльцовъ перерубили. Если великій государь къ заговѣнью къ Москвѣ не будетъ, и вѣстей никакихъ не будетъ, то нече-

го государя и ждать! а боярамъ мы не будемъ служить и царствомъ имъ не владѣть, и атаманъ насъ Фролъ (Минаевъ) не одержитъ, и Москву намъ очищать. Мы Азова не покинемъ; а какъ будетъ то время, что идти намъ къ Москвѣ, и у насъ молодцы съ рѣки не всѣ пойдутъ, и рѣка у насъ впустѣ не будетъ, пойдемъ хотя половиною рѣкою, а до Москвы города будемъ брать и городовыхъ людей съ собою брать, и воеводъ будемъ рубить или въ воду сажать." Когда въ Азовѣ узнали о событіяхъ подъ Воскресенскимъ монастыремъ, то стрѣльцы начали говорить: „Отцовъ нашихъ и братьевъ и сродичевъ порубили, а мы въ Азовѣ зачтемъ, начальныхъ людей побьемъ. Монахи распустили слухъ, что четыре полка стрѣльцовъ и солдатъ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ, которые были посланы противъ стрѣльцовъ, но съ ними не бились, порублены всѣ, а царевичъ окопался на Бутыркахъ. Монахи говорили стрѣльцамъ: „Дураки вы б...... дѣти, что за свои головы не умѣете стоять, васъ и остальпыхъ всѣхъ Нѣмцы порубятъ, а Донскіе козаки давно готовы." Стрѣлецъ Парѳенъ Тимоѳеевъ говорилъ: „Когда бунтовалъ Разинъ и я ходилъ съ нимъ же: еще я на старости тряхну!" а другой стрѣлецъ Бугаевъ толковалъ: „Стрѣльцамъ ни въ Москвѣ, ни въ Азовѣ житья нигдѣ нѣтъ: на Москвѣ отъ бояръ, что у нихъ жалованье отняли безъ указу; въ Азовѣ отъ Нѣмецъ, что ихъ на работѣ бьютъ и заставливаютъ работать безвременно. На Москвѣ бояре, въ Азовѣ Нѣмцы, въ землѣ черви, въ водѣ черти." — Кромѣ Азовскаго еще новый розыскъ: Стрѣлецкій полковой попъ донесъ, что въ Зміевѣ въ шинкѣ стрѣльцы толковали о своей бѣдѣ, сбирались со всѣми своими полками, стоявшими въ Малороссіи, идти къ Москвѣ; первые должны были попасть на ихъ копья — бояринъ Тихонъ Стрѣшневъ за то, что у нихъ хлѣба убавилъ, Шеинъ за то, что ходилъ подъ Воскресенскій монастырь. А какъ будутъ брать нарядъ въ Бѣлгородѣ, убить прежде всего боярина князя Якова Ѳед. Долгорукаго, если наряда не дастъ. Въ походахъ говорили: бояринъ князь Яковъ Ѳед. Долгорукій выбилъ насъ въ дождь и въ слякоть; чѣмъ было намъ Татаръ рубить, пойдемъ къ Москвѣ бояръ рубить" [213].

11 Октября, во второй день казней Петръ созвалъ соборъ изъ всѣхъ чиновъ людей, [214] которому поручилъ изслѣдовать злоумышленіе царевны Софьи и опредѣлить, какому наказанію она должна быть подвергнута. Рѣшеніе собора неизвѣстно; царевну можно было сильно подозрѣвать; но для прямого доказательства ея вины розыскъ не могъ ничего представить. Мы видѣли, что отвѣчала Софья брату: „Письма я никакого не посылала, но стрѣльцы могли желать меня на правительство, потому что прежде я была правительницею". Чтобъ уничтожить связь между этимъ прошедшимъ и будущимъ, чтобъ впредь никто не могъ желать ея на правительство, лучшимъ средствомъ было постриженіе. Софья была пострижена подъ именемъ Сусанны и оставлена на житье въ томъ же Ново-дѣвичьемъ монастырѣ, подъ постоянною стражею изъ сотни солдатъ. Сестры ея могли ѣздить въ монастырь только на Свѣтлой недѣлѣ и въ монастырскій праздникъ Смоленской иконы (28 іюля), да еще въ случаѣ болѣзни монахини Сусанны; Петръ самъ назначилъ довѣренныхъ людей, которыхъ можно было посылать съ спросомъ о ея здоровьѣ, и приписалъ: „А пѣвчихъ въ монастырь не пускать: поютъ и старицы хорошо, лишь бы вѣра была, а не такъ, что въ церкви поютъ Спаси отъ бѣдъ, а въ паперти деньги на убійство даютъ" [215].

Софья была оставлена въ подмосковномъ монастырѣ; гораздо виновнѣе по слѣдствію являлась сестра ея Мароа, которая сама призналась, что сообщила сестрѣ о приходѣ стрѣльцовъ и желаніе ихъ видѣть ея, Софью правительницею, а постельница Мароы утверждала, что царевна получила челобитную отъ стрѣльцовъ, и отъ нея шло письмо къ Тумѣ. Мароу постригли подъ именемъ Маргариты въ Успенскомъ монастырѣ Александровской слободы (теперь города Александрова Владимірской губерніи) [216]. Сильно встревожилась во время розысковъ и третья царевна Екатерина Алексѣевна, которая знала за собою грѣхъ: она имѣла сношенія съ какимъ-то Костромскимъ попомъ Григорьемъ Елисеевымъ, на котораго донесли, что у него бывала многая дворцовая посуда за орломъ. Екатерина призналась, что во время розысковъ

попъ приказывалъ къ ней, чтобъ она „сидѣла ничего не боясь: ничего де тебѣ не будетъ, я знаю по планетамъ, что будетъ худо или добро". Старыхъ постельницъ царевны, черезъ которыхъ она сносилась съ попомъ, забрали; испуганная Екатерина посылала говорить имъ: „Для Бога, не торопись, молись Богу. А хотя и про иное про што спросятъ, такъ бы нѣтъ доводчика, такъ можно въ томъ словѣ умереть. Пуще всего писемъ чтобъ не поминала. Либо спросятъ про то, не видала ли попа въ Верху? такъ бы сказала, что одно, что хочу умереть—ни знаю, ни вѣдаю. Пожалуй, для Бога, прикажи всѣмъ имъ, которыя сидятъ, чтобъ ни себя, ни меня, ни людей не погубили. Молились бы Богу, да Пресвятой Богородицѣ, да Николаю Чудотворцу; обѣщались бы что сдѣлать. Авось ли Господь Богъ всѣхъ насъ избавитъ отъ бѣды сея!—Распроси хорошенько про старицу и про то, что она доводитъ въ чемъ на попа, и на царицу, и на меня?—Призови къ себѣ Агаѳью Измайловскую и ей молвь: что де ты хоронишься? отъ чего? До тебя де и дѣла нѣтъ. А коли бы де дѣло было, гдѣ де ухоронишься отъ воли Божіей? Помилуй де Богъ отъ того! А какъ бы де взяли, такъ бы де вы, чаю, все выболтали, какъ хаживали, и какъ что, и какъ царевенъ видали. Не умори де, для Бога! хоть бы де взяли, и вамъ бы де должно за нихъ, государынь, и умереть! Ономедни съ нею посылали денегъ два рубли на подворье зашито въ мешкѣ къ нему. И про это бъ не сказывали: нѣту на это свидѣтелей.—И Дарьѣ про то молвь, чтобъ не сказывала тѣхъ вракъ, что про старца Агаѳья ей сказывала, и куда де она Васку посылала; о чомъ не спрашиваютъ, не вели того врать; о чомъ и спрашиваютъ, такъ въ чомъ нѣтъ свидѣтелей, такъ нечего и говорить. Чтобъ моего имени не поминали, И такъ намъ горько и безъ этого"[217]! Екатерина напрасно безпокоилась; участія ея въ стрѣлецкомъ дѣлѣ не оказалось.

Еще прежде сестры, Софьи и Марѳы, Петръ постригъ жену свою, царицу Евдокію Ѳеодоровну. Изъ извѣстнаго намъ образа жизни Петра съ его компаніею, Петра—плотника, шкипера, бомбардира, вождя новой дружины, бросившаго дворецъ, столицу для безпрерывнаго движенія, — изъ такого об-

раза жизни легко догадаться, что Петръ не могъ быть хорошимъ семьяниномъ. Петръ женился, т. е. Петра женили 17 лѣтъ, женили по старому обычаю, на молодой, красивой женщинѣ, которая могла сначала нравиться. Но теремная воспитанница не имѣла никакого нравственнаго вліянія на молодаго богатыря, который рвался въ совершенно иной міръ; Евдокія Өедоровна не могла за нимъ слѣдовать — и была постоянно покидаема для любимыхъ потѣхъ. Отлучка производила охлажденіе, жалобы на разлуку раздражали. Но этого мало; Петръ повадился въ Нѣмецкую слободу, гдѣ увидалъ другаго рода женщинъ, гдѣ увидалъ первую красавицу слободы, очаровательную Анну Монсъ, дочь виноторговца. Легко понять, какъ должна была проигрывать въ глазахъ Петра бѣдная Евдокія Өедоровна въ сравненіи съ развязною Нѣмкою, привыкшую къ обществу мужчинъ, какъ претили ему привѣтствія въ родѣ: „Лапушка мой Петръ Алексѣевичъ“ [218]! въ сравненіи съ любезностями цивилизованной мѣщанки. Но легко понять также, какъ должна была смотрѣть Евдокія Өеодоровна на эти потѣхи мужа, какъ раздражали Петра справедливыя жалобы жены и какъ сильно становилось стремленіе не видать жены, чтобъ не слыхать ея жалобъ. Опостылѣла жена; должны были опостылѣть и ея родственники, Лопухины, и Льву Кирилловичу Нарышкину легко было избавиться отъ соперниковъ: мы видѣли, какіе страшные слухи ходили по Москвѣ объ участи самаго виднаго изъ Лопухиныхъ. А всему виною проклятые Нѣмцы, проклятый Лефортъ, которому, вмѣстѣ съ Плещеевымъ, приписывали доставленіе Петру развлеченій, особенно непріятныхъ царицѣ [219]. И вотъ у Лопухиныхъ къ Лефорту ненависть страшная. Разказываютъ, что однажды за обѣдомъ у Лефорта, одинъ изъ Лопухиныхъ побранился съ хозяиномъ, кинулся на него и помялъ прическу, а Петръ за это надавалъ пощечинъ Лопухину. Передъ отъѣздомъ Петра за границу, когда удаляли изъ Москвы всѣхъ ненадежныхъ людей [221], удалены были и отецъ царицы съ двумя братьями: „Марта въ 23 день великій государь указалъ быть въ городахъ на воеводствахъ: на Тотмѣ боярину. Өедору Авраамовичу, на Чарондѣ боярину Василью

Авраамовичу да съ нимъ племяннику его стольнику Алексѣю Андрееву сыну, въ Вязьмѣ стольнику Сергѣю Авраамову сыну Лопухинымъ, и съ Москвы въ тѣ городы ѣхать имъ вскорѣ" [222]. Послѣ всего этого Петру, разумѣется, не хотѣлось возвратиться изъ за границы въ Москву и застать здѣсь подлѣ сына — постылую Евдокію. Женившись по старинѣ, Петръ задумалъ и избавиться отъ жены по старому русскому обычаю: уговорить нелюбимую постричься, а не согласится — постричь и насильно. Изъ Лондона онъ писалъ Нарышкину, Стрѣшневу и духовнику Евдокіи, чтобъ они уговорили ее добровольно постричься. Стрѣшневъ отвѣчалъ, что она упрямится, а духовникъ человѣкъ малословный, и что надобно ему письмомъ подновить [223].

Ничто не подѣйствовало, и Петръ, по возвращеніи въ Москву рѣшился принудить Евдокію постричься. 23 сентября [224] Евдокію отправили въ Суздальскій Покровскій дѣвичій монастырь, гдѣ и была пострижена подъ именемъ Елены — въ іюнѣ слѣдующаго 1699 года [225]. Причина этой медленности неизвѣстна; сохранилось только любопытное извѣстіе отъ сентября 1698 года, что царь разсердился на патріарха, зачѣмъ не исполнено его повелѣніе и Евдокія еще не пострижена, патріархъ сложилъ всю вину на архимандрита и четырехъ священниковъ, которые не соглашались на постриженіе, какъ на дѣло незаконное, и отвезены были за это ночью въ Преображенское. Малолѣтнаго царевича Алексѣя, по отъѣздѣ матери, перевезли къ теткѣ, царевнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ.

Въ древней лѣтописи Русской находится любопытный разсказъ, какъ великій князь Владимиръ разлюбилъ жену свою Рогнеду, какъ та хотѣла его за это убить, не успѣла и приговорена была мужемъ къ смерти; но когда Владиміръ вошелъ въ комнату Рогнеды, чтобъ убить ее, то къ нему на встрѣчу вышелъ маленькій сынъ ихъ Изяславъ, и, подавая мечь Владиміру, сказалъ: „Развѣ ты думаешь, что ты здѣсь одинъ?" Владиміръ понялъ смыслъ словъ сына и отказался отъ намѣренія убить жену. Но обыкновенно, мужья и жены, когда ссорятся, забываютъ, что они не одни; и Петръ, по-

стригая жену, забылъ, что онъ не одинъ, что у него оставался сынъ отъ нея.

Печальныя событія лѣта и осени 1698 года держали Петра въ сильномъ раздраженіи, которое въ нѣкоторыхъ случаяхъ выражалось порывами бѣшенства. 14 сентября, на пиру у Лефорта Петръ началъ браниться съ Шеинымъ и выбѣжалъ вонъ, чтобъ справиться, сколько Шеинъ за деньги надѣлалъ полковниковъ и другихъ офицеровъ. Возвратился въ страшной ярости, выхвативъ шпагу, ударилъ ею по столу и сказалъ Шеину: „вотъ точно такъ я разобью и твой полкъ, и съ тебя сдеру кожу". Ярость еще больше была усилена, когда князь Ромодановскій и Зотовъ стали защищать Шеина; Петръ бросился на нихъ, ударилъ Зотова по головѣ, Ромодановскаго по рукѣ, такъ что едва не отсѣкъ пальцевъ; Шеинъ былъ бы убитъ, еслибъ Лефортъ не удержалъ Петра, получивши и самъ порядочный ударъ. Всѣ были въ ужасѣ, но молодой фаворитъ умѣлъ успокоить Петра, который потомъ весело пропировалъ до утра [227].

Этотъ молодой фаворитъ былъ сержантъ Преображенскаго полка Александръ Даниловичъ Меншиковъ, извѣстный въ описываемое время больше подъ именемъ Алексашки. Относительно происхожденія знаменитаго впослѣдствіи свѣтлѣйшаго князя нѣтъ никакихъ противорѣчій въ источникахъ: современники иностранцы единогласно говорятъ, что Меншиковъ былъ очень незнатнаго происхожденія; по Русскимъ извѣстіямъ онъ родился близъ Владиміра и былъ сыномъ придворнаго конюха [228]. Извѣстно, какое значеніе получили при Петрѣ потѣшные конюхи, какъ изъ нихъ преимущественно сформировались потѣшные полки Преображенскій и Семеновскій; отсюда понятно, какимъ образомъ отецъ Меншикова попалъ въ капралы Преображенскаго полка [229]. Слѣдовательно оффиціальный актъ, жалованная грамота на княжеское достоинство Меншикову говоритъ совершенно справедливо, что родитель Александра Даниловича служилъ въ гвардіи. Но при этомъ мы не имѣемъ никакого права не допускать извѣстія, что сынъ потѣшнаго конюха, который долго не назывался иначе, какъ Алексашка, торговалъ пирогами, ибо всѣ

эти мелкіе служилые люди и сами, какъ только могли, и дѣти ихъ промышляли разными промыслами; не имѣемъ никакого права отвергать слѣдующій разказъ очевидца [230]: Петръ, разсердившись однажды сильно на князя Меншикова, сказалъ ему: „Знаешь ли ты, что я разомъ поворочу тебя въ прежнее состояніе, чѣмъ ты былъ? Тотчасъ возьми кузовъ свой съ пирогами, скитайся по лагерю, и по улицамъ кричи: пироги подовые! какъ дѣлывалъ прежде. Вонъ!"—и вытолкалъ его изъ комнаты. Меншиковъ обратился къ императрицѣ Екатеринѣ, которая успѣла развеселить мужа, а между тѣмъ Меншиковъ добылъ себѣ кузовъ съ пирогами и явился съ нимъ къ Петру. Государь разсмѣялся и сказалъ: „Слушай, Александръ! перестань бездѣльничать, или хуже будешь пирожника." Гнѣвъ прошелъ совершенно. Меншиковъ пошелъ за императрицею и кричалъ: пироги подовые! а государь вслѣдъ ему смѣялся и говорилъ: „Помни, Александръ!"—Помню, ваше величество, и не забуду. Пироги подовые!" [231].

Алексашка, вслѣдствіе фавора, уже и въ описываемое время, выдавался впередъ между приближенными къ царю и, по смерти Лефорта, займетъ его мѣсто, никого не будетъ ближе его къ Петру, но вмѣстѣ съ тѣмъ отъ Лефорта перейдетъ къ нему печальное наслѣдство — ненависть людей, которые будутъ противъ Петра и дѣлъ его. Наружность фаворита была очень замѣчательна: онъ былъ высокаго роста, хорошо сложенъ, худощавъ, съ пріятными чертами лица, съ очень живыми глазами; любилъ одѣваться великолѣпно и главное, что особенно поражало иностранцевъ, былъ очень опрятенъ, качество, рѣдкое еще тогда между Русскими. Но не одною наружностью могъ онъ держаться въ приближеніи: люди внимательные и безпристрастные признали въ немъ большую проницательность, удивлялись необыкновенной ясности рѣчи, отражавшей ясность мысли, ловкости, съ какою умѣлъ обдѣлать всякое дѣло, искусству выбирать людей. Такъ являлся Меншиковъ своею свѣтлою стороной; обратимся къ темной. Это была необыкновенно сильная природа: но мы уже говорили, какъ становится страшно передъ сильны-

ми природами въ обществѣ, подобномъ русскому въ описываемое время. Все, что было сказано о Петрѣ, прилагается къ его птенцамъ, его сподвижникамъ; все это силы, для которыхъ общество выработало такъ мало сдержекъ. Въ обществѣ подобнаго рода, какъ въ широкомъ степномъ пространствѣ, гдѣ нѣтъ опредѣленныхъ, искусственно проложенныхъ дорогъ, каждый можетъ раскатываться во всѣхъ направленіяхъ. Вездѣ и всегда одинъ и тотъ же законъ: сила не остановленная будетъ развиваться до безконечности; не направленная будетъ идти вкось и вкривь. У Меншикова и товарищей его была большая сила: потому они и оставили имена свои въ исторіи; но гдѣ они могли найти сдержку своимъ силамъ?—въ силѣ сильнѣйшаго? этой силы было недостаточно: лучшимъ доказательствомъ служитъ то, что этотъ сильнѣйшій долженъ былъ употреблять пощечины и палку для сдерживанія своихъ сподвижниковъ, а употребленіе такихъ средствъ — лучшее доказательство слабости того, кто ихъ употребляетъ, лучшее доказательство слабости общества, гдѣ они употребляются. Силенъ былъ, кажется, Петръ Великій лично, силенъ былъ и неограниченною властію своею, а между тѣмъ мы знаемъ, какъ онъ былъ слабъ, какъ не могъ достигнуть непосредственно, при жизни своей, самыхъ благодѣтельныхъ цѣлей, ибо не можетъ быть крѣпкой власти въ слабомъ, незрѣломъ обществѣ; власть выростаетъ изъ общества, и крѣпка, если держится на твердомъ основаніи; на рыхлой почвѣ, на болотѣ ничего утвердить нельзя.

Выхваченный снизу вверхъ, Меншиковъ расправилъ свои силы на широкомъ просторѣ; силы эти, разумѣется, выказались въ захватѣ почестей, богатства; разнузданіе, при тогдашнихъ общественныхъ условіяхъ, при этомъ кружившемъ голову переворотѣ, при этомъ сильномъ движеніи, произошло быстро. Мы увидимъ, что Меншиковъ ни передъ чѣмъ не остановится. И въ описываемое время сержантъ Алексашка уже показывалъ страшное честолюбіе. Петръ не питалъ слѣпой привязанности къ своему любимцу: когда кто-то просилъ царя, чтобъ пожаловалъ Алексашку въ стольники, то Петръ отвѣчалъ, что Алексашка и безъ того употребля-

етъ во зло свое значеніе, и что надобно уменьшать въ немъ честолюбіе, а не увеличивать [252]. Послѣ Петръ не пожалѣетъ никакихъ почестей для Меншикова, когда заслуги послѣдняго станутъ явны передъ всѣми.

Въ своемъ раздраженіи Петръ не щадилъ ни стараго, ни новаго любимца: заставши однажды Меншикова пляшущаго въ шпагѣ, онъ такъ ударилъ его, что у того полилась кровь изъ ноздрей; а потомъ, на пиру у полковника Чамберса, онъ схватилъ Лефорта, бросилъ на землю и топталъ ногами [233]. Тяжелая мысль давила Петра и увеличивала раздраженіе; при сравненіи того, что онъ видѣлъ за границею и того, что нашелъ въ Россіи, страшное сомнѣніе западало въ душу: можно ли что-нибудь сдѣлать? не будетъ ли все сдѣланное съ громадными усиліями, жалкимъ и ничтожнымъ въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ видѣлъ на западѣ? Ограничиться бѣдными начатками, не видать важныхъ результатовъ своей дѣятельности—было тяжело для богатыря, кипѣвшаго такими силами. Особенно, какъ видно, приводило его въ отчаяніе любимое дѣло, кораблестроеніе, при воспоминаніи о томъ, что онъ видѣлъ въ Голландіи и Англіи и о томъ, что оставилъ въ Воронежѣ. Черезъ два дни послѣ осеннихъ стрѣлецкихъ казней, вечеромъ 23 октября Петръ поѣхалъ въ Воронежъ, и оттуда писалъ Виніусу: „Мы, слава Богу, зѣло въ изрядномъ состояніи нашли флотъ и магазен обрѣли. Только еще облакъ сумнѣнія закрываетъ мысль нашу, да не укоснѣетъ сей плодъ, яко финиковъ, котораго насаждающи не получаютъ видѣть. Обаче надѣемся на Бога съ блаженнымъ Павломъ: подобаетъ дѣлателю отъ плода вкусити.“—„Только еще облакъ сомнѣнія закрываетъ мысль нашу:“ значитъ сомнѣніе тяготило въ Москвѣ и найденное изрядное состояніе флота и магазеевъ не могли прогнать его. Въ другомъ письмѣ пишетъ: „А здѣсь, при помощи Божіей, препораторіумъ великій; только ожидаемъ благого утра, дабы мракъ сумнѣнія нашего прогнанъ былъ. Мы здѣсь зачали корабль, который можетъ носить 60 пушекъ.“ Тяжкое сомнѣніе, которое отняло бы руки у другаго, не привело однако Петра къ бездѣйствію; онъ

роботалъ также неутомимо, какъ и до поѣздки за границу. А между тѣмъ происходили любопытныя явленія, характеризующія время. Лучшимъ изъ учениковъ морскаго дѣла, посланныхъ Петромъ за границу, оказался Скляевъ, находившійся съ царемъ въ постоянной перепискѣ. Онъ въ описываемое время возвратился изъ за границы и долженъ былъ ѣхать къ царю въ Воронежъ. Петръ ждетъ съ нетерпѣніемъ нужнаго человѣка — нѣтъ Скляева! Наконецъ приходитъ вѣсть, что онъ вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Верещагинымъ, въ рукахъ страшнаго Пресбургскаго короля. Петръ пишетъ Ромодановскому: „Въ чемъ держатъ нашихъ товарищей, Скляева и Лукьяна (Верещагина)? Зѣло мнѣ печально. Я зѣло ждалъ паче всѣхъ Скляева, потому что онъ лучшій въ семъ мастерствѣ, а ты изволилъ задержать. Богъ тебѣ судитъ! Истинно никого мнѣ нѣтъ здѣсь помощника. А чаю дѣло не государственное. Для Бога, свободи (а какое до нихъ дѣло, я порука по нихъ) и пришли сюды.“ Ромодановскій отвѣчалъ: „Что ты изволишь ко мнѣ писать о Лукьянѣ Верещагинѣ и о Скляевѣ, будто я ихъ задержалъ, — я ихъ не задержалъ, только у меня сутки ночевали. Вина ихъ такая: ѣхали Покровскою слободою пьяны и задрались съ солдаты Преображенскаго полку, изрубили двухъ человѣкъ солдатъ и по розыску явилось на обѣ стороны неправы; и я, розыскавъ, высѣкъ Скляева за его дурость, также и челобитчиковъ, съ кѣмъ ссора учинилась, и того часу отослалъ къ Ѳедору Алексѣевичу (Головину). Въ томъ на меня не прогнѣвись: не обыкъ въ дуростяхъ спускать, хотя бъ и не такова чину были“ [234].

Ромодановскій въ отсутствіе царя долженъ былъ заниматься не однимъ разборомъ ссоры Скляева съ Преображанскими солдатами. Тотчасъ по отъѣздѣ Петра въ Воронежъ по Москвѣ пошли слухи, что начались тайныя сборища недовольныхъ; гонецъ, отправленный ночью къ царю съ письмами и дорогими инструментами, былъ схваченъ на Каменномъ мосту и ограбленъ; письма нашли на другой день разбросанными по мосту, но инструменты и самъ гонецъ пропали [235]. Въ концѣ 1698 года царь возвратился въ Москву, и на Рожде-

ствѣ тѣшился одною изъ любимыхъ своихъ забавъ: переряженный съ большою свитою, на 80 саняхъ ѣздилъ славить Христа; хозяева домовъ, куда пріѣзжали славельщики, должны были давать имъ деньги; богачь князь Черкаскій былъ щедрѣе всѣхъ; но одинъ купецъ далъ на всю компанію только 12 рублей; Петръ разсердился, набралъ на улицѣ сотню мужиковъ и привелъ къ скупому купцу, который долженъ былъ теперь дать каждому мужику по рублю [236]. Въ генварѣ опять 10 застѣнковъ въ Преображенскомъ для остававшихся стрѣльцовъ; въ февралѣ снова казни сотнями, и опять упражненія самого царя съ помощію Плещеева [237]. Въ концѣ февраля начали вывозить трупы изъ Москвы: болѣе тысячи было вывезено за заставы и тамъ нѣсколько времени лежали кучами, пока наконецъ зарыты въ землю [238].

За нѣсколько дней предъ казнями былъ пиръ у Адама Вейде, но царь сидѣлъ погруженный въ мрачную думу [239]. Лефортъ истощалъ свою изобрѣтательность, чтобъ развлечь его. Великолѣпный домъ, построенный для адмирала на казенныя деньги, былъ отстроенъ; назначено было большое торжество для открытія или посвященія этого храма Бахусу; шутовская процессія тянулась въ Лефортовъ дворецъ изъ дома полковника Лимы: шествовалъ всешутѣйшій Зотовъ, украшенный изображеніями Бахуса, Купидона и Венеры, за нимъ вся компанія: одни несли чаши, наполненныя хмѣльными напитками, другіе несли сосуды съ курящимися табачными листьями [240].

Стрѣльцы, бунтовавшіе въ Торопцѣ и Азовѣ, были переказнены; всѣ остальные Московскіе и Азовскіе стрѣльцы были распущены: ихъ было запрещено принимать въ солдаты, запрещено жить въ Москвѣ имъ и женамъ ихъ [241]. Но дѣло не было исключительно стрѣлецкое; борьба разгоралась все болѣе и болѣе, и кровь вызывала на новую кровь, Пресбургскій король въ Преображенскомъ не могъ оставаться въ бездѣйствіи. Когда стрѣльцовъ толпами начали свозить въ Москву для розысковъ, то въ народѣ пошелъ слухъ, что по нихъ будутъ стрѣлять изъ пушекъ; возбудилось сочувствіе и въ Преображенское былъ поданъ доносъ на жену стряпчаго конюха Аксинью, которая говорила своему крѣпостному чело-

вѣку Гаврилѣ: „Видишь, онъ стрѣльцовъ не любитъ, сталъ ихъ переводить, ужъ онъ всѣхъ ихъ переведетъ"; а Гаврила говорилъ „чего хотѣть отъ бусурмана, онъ обусурманился, въ среду и пятницу мясо ѣстъ; коли сталъ стрѣльцовъ переводить, переведетъ и всѣхъ, ужъ ожидовѣлъ и безъ того жить не можетъ, чтобъ въ который день крови не пить". Аксинья прибавила съ ругательствомъ: „Кодашевцевъ отъ Покровскихъ воротъ до Яузкихъ велѣлъ бить кнутомъ, и какъ ихъ били и онъ за ними самъ шелъ". Аксинью и Гаврилу казнили смертію [242]. Стрѣлецъ Петрушка Кривой въ Вологодской тюрьмѣ кричалъ: „Нынѣ нашу братью стрѣльцовъ прирубили, а остальныхъ посылаютъ въ Сибирь: только нашей братьи во всѣхъ сторонахъ и въ Сибири осталось много; а кто ихъ заставилъ рубить, и у того голова его чуть на ниткѣ держится; собрався всѣ будемъ на Москвѣ, и самому ему торчать у насъ на колѣ; на Москвѣ зубы у насъ есть, будетъ у насъ и тотъ въ рукахъ, кто насъ пыталъ и вѣшалъ". Въ Преображенскомъ Кривой не запирался и говорилъ: „Какъ я изъ Сибири ушелъ и мнѣ было съ своею братьею ссылочными и бѣглыми, и съ тѣми, которые въ полкахъ, и которые стрѣльцы изъ полковъ написались въ города, въ посады, съ иными видѣться, а съ иными списываться, за ту свою обиду и за стрѣлецкую казнь идти къ Москвѣ и, учиня бунтъ, государя и бояръ побить" [243]. Какъ обыкновенно бываетъ, недовольные настоящимъ искали утѣшенія въ будущемъ; недовольные Петромъ обращались съ надеждою къ наслѣднику, царевичу Алексѣю, который не будетъ похожъ на отца. Когда одна партія стрѣльцовъ сидѣла за карауломъ въ Симоновѣ монастырѣ, то монастырскій конюхъ Никита Кузьминъ говорилъ имъ: „Стрѣльцы, которые были въ Новоспасскомъ монастырѣ и которые монастырскіе служки и крестьяне везли ихъ на пушечный дворъ, говорили: не одни стрѣльцы пропадаютъ, плачутъ и царскія сѣмена, и стрѣлецкія жены говорили: царевна Татьяна Михайловна жаловалась царевичу на боярина Тихона Никитича Стрѣшнева, что онъ ихъ (царевенъ) поморилъ съ голоду, еслибъ де не монастыри насъ кормили, мы бы давно съ голоду померли, и царевичь ей сказалъ: дай де мнѣ сро-

ку, я де ихъ переберу. Стрѣльчихи говорили: государь свою царицу послалъ въ Суздаль и везли ее одну, только съ постельницею да съ дѣвицею мимо ихъ стрѣлецкихъ слободъ въ худой кареткѣ и на худыхъ лошадяхъ. Какъ постельница изъ Суздаля пріѣхала, и царевичь хватился матери и сталъ тосковать и плакать, и царевича государь уговаривалъ, чтобъ не плакалъ. И послѣ государя царевичь изъ хоромѣ своихъ вышелъ на перила, а за нимъ вышелъ Левъ Кирилловичь Нарышкинъ, и царевичь ему говорилъ: для чего ты за мною гоняешься, никуда неуйду. Намутила на царицу царевна Наталья Алексѣевна; государь царицѣ говорилъ: моли ты Бога за того, кто меня отъ тебя остудилъ. Государь Нѣмецъ любитъ, а царевичь Нѣмецъ не любитъ; приходилъ къ нему Нѣмчинъ и говорилъ невѣдомо какія слова, и царевичь на томъ Нѣмчинѣ платье сжегъ и его опалилъ. Нѣмчинъ жаловался государю, и тотъ сказалъ: для чего ты къ нему ходишь, покамѣсть я живъ, потамѣсть и вы". — Кузьминъ объявилъ, что все это онъ слышалъ отъ Хлѣбеннаго дворца стряпчаго Василья Костюрина [244]. Стрѣлецкія казни произвели особенно сильное впечатлѣніе на женщинъ, которыя говорили: „Государь съ молодыхъ лѣтъ бараны рубилъ, и нынѣ руку ту натвердилъ надъ стрѣльцами. — Котораго дня государь и князь Ѳедоръ Юрьевичь Ромодановскій крови изопьютъ, того дня въ тѣ часы они веселы, а котораго дня не изопьютъ, и того дня имъ и хлѣбъ не ѣстся" [245].

Какъ скоро начало ослабѣвать впечатлѣніе стрѣлецкаго розыска, начались выходки противъ бритья бородъ. Духовенство и въ челѣ его патріархъ находились теперь въ самомъ затруднительномъ положеніи: они провозглашали, что брадобритіе есть богоненавистное дѣло, и вдругъ царь своимъ примѣромъ и приказомъ вводитъ это богоненавистное дѣло; оставалось или продолжать высказывать прежнее мнѣніе, т. е. идти противъ верховной власти или замолчать; предпочли, разумѣется, послѣднее—и навлекли на себя сильные укоры со стороны ревнителей отеческихъ преданій. Въ іюлѣ 1699 года знаменскій архимандритъ Іоасафъ подалъ слѣдующее извѣщеніе: „Былъ я на погребеніи у посадскаго человѣка, у

церкви Зачатія въ Углу, и на томъ погребеніи видя соблазнъ Нагаго Ивашки и съ нимъ другихъ въ волосяницахъ, съ которыми онъ по рядамъ и по церквамъ ходилъ и деньги обманомъ сбиралъ, велѣлъ его Ивашка Нагаго и волосяничника Ивашка Калинина и старца своего Герасима Босаго взять за тотъ соблазнъ и посадить въ цѣпь, а Ивашка Нагаго велѣлъ взять къ себѣ въ келью, потому что онъ безмолвствовалъ и ни съ кѣмъ не говорилъ при многихъ людяхъ, и сталъ я ему говорить, что онъ по рядамъ и по погребеніямъ ходитъ и деньги сбираетъ; и онъ сказалъ: въ томъ де вины нѣтъ, а даютъ мнѣ ради моей святости, и въ томъ мнѣ будетъ мзда отъ Бога, что я бравъ и раздаю нищимъ же, а иному бы и не дали, и я де хочу и не то дѣлать, идти въ Преображенское царя обличать, что бороды брѣетъ и съ Нѣмцами водится и вѣра стала Нѣмецкая. — Я ему сказалъ: проклятый сатана нагой бѣсъ! что ты видѣлъ или отъ ума отошелъ? у насъ св. патріархъ глава и образъ Божій носитъ на себѣ, а никакого соблазну отъ него государя не слыхалъ. — Нагой отвѣчалъ: а какой де онъ патріархъ? живетъ изъ куска, спать бы ему да ѣсть, да бережетъ де мантіи да клобука бѣлова, за тѣмъ де онъ и не обличаетъ, а вы де власти всѣ накупныя". — Нагой въ Преображенскомъ признался, что его зовутъ не Иваномъ, а Парамономъ; на пыткѣ объявилъ, что про царя слышалъ, какъ читали въ прологѣ въ церквахъ, о патріархѣ сказалъ съ проста ума, дьяволъ научилъ. Сженъ огнемъ и съ огня говорилъ прежнія рѣчи: приговоренъ къ кнуту и ссылкѣ въ Азовъ на каторги [246].

Мы видѣли [247], что при царѣ Михаилѣ табакъ былъ запрещенъ, а въ началѣ царствованія Алексѣя былъ въ употребленіи и продавался отъ казны; но табакъ, испытавшій повсюду такое сильное сопротивленіе при своемъ введеніи, испыталъ его и въ Россіи: ревнители отеческихъ преданій опять вооружились противъ проклятой неизвѣстно кѣмъ травы и вынудили у правительства самыя строгія противъ нея мѣры. Петръ, еще до поѣздки за границу, позволилъ продажу табака; сборъ пошлинъ съ этой продажи былъ отданъ торговому человѣку гостиной сотни Мартыну Орленку; а потомъ, будучи въ Ан-

гліи, царь предоставилъ право исключительной торговли табакомъ въ Россіи маркизу Кармартену за 20,000 фунтовъ стерлинговъ (48,000 рублей) съ уплатою всей суммы впередъ [248]. Это позволеніе употреблять табакъ, разумѣется, усилило негодованіе ревнителей отеческихъ преданій: „Какой то нынѣ государь, что пустилъ такую проклятую табаку въ міръ, говорили они: нынѣшніе попы волки и церкви Божіей обругатели, а антидоръ противъ нынѣшней табаки, потому что попы и иныхъ чиновъ люди табакъ пьютъ и принимаютъ антидоръ“ [249].

Усиливалась борьба, раздраженіе съ обѣихъ сторонъ, усиливались выраженія неудовольствія на царя и его дѣла, усиливались доносы и розыски въ Преображенскомъ. Но кромѣ того нашлись люди, которые хотѣли воспользоваться обстоятельствами, и начали являться ложные доносы. Монахи, напившись, поѣхали ночью по Москвѣ, крича встрѣчнымъ: „дай дорогу, убьемъ!“ На встрѣчу попался царь, который не обратилъ на нихъ никакого вниманія, сказавши: „это пьяные“. Но чрезъ нѣсколько времени явился доносъ, что монахи хотѣли убить государя: доносъ шелъ отъ монаховъ же. Нельзя стало строгому игумену смирить безнравственно живущаго монаха: сейчасъ доносъ на игумена въ непристойныхъ словахъ или замыслахъ [250]. Ложныхъ доносчиковъ наказывали жестоко, но это мало помогало.

Дѣло Авдотьи Нелидовой служитъ лучшимъ доказательствомъ, какъ изобрѣтательны были люди, рѣшавшіеся для собственнаго спасенія тянуть другихъ въ Преображенское.

Въ маѣ 1698 года стольникъ Петръ Волынскій билъ челомъ, чтобъ взять къ розыску и наказать дворовую жены его Авдотью Нелидову, обвиненную въ порчѣ. Авдотья въ застѣнкѣ сказала за собою великаго государя слово: „До Азовскаго похода, о святой недѣлѣ и послѣ, къ женѣ Волынскаго Авдотьѣ Ѳедоровнѣ, когда она еще была вдовою послѣ князя Ив. Никитича Засѣкина, пріѣзжала въ домъ съ Верху комнатная дѣвка Жукова, да съ нею пріѣзжалъ пѣвчій Василій Ивановъ: присылала Анну изъ Дѣвичья монастыря царевна Софья Алексѣевна говорить вдовѣ Авдотьѣ: о чемъ тебѣ ца-

ревна прежде приказывала сходить въ Преображенское—ходила-ли ты или нѣтъ? и Авдотья Аннѣ сказала: была я въ Преображенскомъ и вынула землю изъ подъ слѣда государева и эту землю отдала для составу крестьянской женкѣ Өедора Петровича Салтыкова, Өіонѣ Семеновой, чтобъ сдѣлала отраву у себя въ домѣ, чѣмъ известь государя на смерть. Спустя дня съ три пріѣхала опять Жукова и спрашивала Авдотью: куда ты дѣла отравное зелье? Та отвѣчала: „ходила я въ Марьину рощу съ этимъ составомъ и не улучила времени, чтобъ вылить его изъ кувшина въ ступню государеву.“ Составъ этотъ Авдотья Нелидовой показывала: красенъ точно кровь, при чемъ говорила: если бъ мнѣ удалось вылить его въ ступню, то государь не жилъ бы и трехъ часовъ. Она же вдова Авдотья была въ гостяхъ у дьяка Лукина и, возвратясь, говорила Нелидовой: „Не знала я, что государь будетъ у дьяка, а если бъ знала, то взяла бы зелье съ собою.“ Нелидова стала ей говорить: „За что ты на великаго государя такое злое дѣло помышляешь?“ и когда пріѣхали ко вдовѣ братья Воейковы, также родной братъ ея Василій Головленковъ, то Нелидова всѣмъ имъ троимъ разказала про замыслы боярыни, и Головленковъ послѣ того не ѣздилъ недѣль съ 30 къ сестрѣ. Боярыня разсердилась на Нелидову и сослала ее въ Ряскую вотчину, приказавъ утопить въ рѣкѣ.

Женка Өіона, взятая въ Преображенское, объявила, что лѣчитъ разныя болѣзни разными зѣльями, но лѣчитъ простотою своею, безъ наговоровъ, бывала и у княгини Авдотьи Засѣкиной, лѣчила ее отъ лихорадки, а отравнаго зелья для него никакого не составляла — „Я человѣкъ добрый, говорила Өіона: за худымъ дѣломъ не хожу; а Дунька Нелидова вѣдомая воровка, испортила кликотною болѣзнію двухъ женокъ, да двухъ дѣвокъ изъ дворни княгини Засѣкиной, да ученицу свою, которая выучилась шить лучше ея, хотѣла и боярыну свою испортить, въ чемъ и винилась, и сослана въ дальнюю вотчину.“

Нелидова говорила прежнія рѣчи, прибавила, что люди Засѣкиной, которымъ велѣно было посадить ее въ воду, пожалѣли и присовѣтовали бѣжать; она бѣжала, была поймана и отдана къ розыску въ порчѣ.

Всѣ оговоренные Нелидовою показали, что она ихъ поклепала; Авдотья Волынская объявила только, что Жукова ѣзжала къ ней часто, потому что она ей своя. Но Нелидова и на пыткѣ говорила прежнія рѣчи и прибавила, что Ѳіона сдѣлала еще составъ для Головленкова, чтобъ ему любиться съ царевною Марѳою Алексѣевною. Ѳіона съ пытки не признавалась; наконецъ Нелидова со втораго подъема, объявила, что всѣхъ поклепала.

Не обошлось въ описываемое время и безъ самозванства: въ Псковскихъ мѣстахъ ѣздилъ человѣкъ, который называлъ себя Преображенскаго полка капитаномъ Петромъ Алексѣевымъ и обиралъ легковѣрныхъ [251].

Дѣла увеличивались въ Преображенскомъ; но кромѣ розыска этихъ политическихъ преступленій, Пресбургскій король упражнялся постоянно въ розыскахъ по разбойнымъ дѣламъ. Не должно забывать, что мы имѣемъ дѣло съ юнымъ обществомъ, гдѣ правительство ведетъ войну съ разбойниками, отъ которыхъ нѣтъ житья мирнымъ гражданамъ; въ такихъ обществахъ герои-истребители разбойниковъ ставятся высоко, и на счетъ этой дѣятельности князя Ѳедора Юрьевича Ромодановскаго нѣтъ упрековъ, и самъ онъ гордится своею кровавою дѣятельностію. Въ Голландію къ Петру пріѣхалъ изъ Москвы одинъ изъ компаніи, знаменитый Яковъ Брюсъ съ ранами отъ обжоги, и сказалъ, что князь Ромодановскій обжогъ его на пиру подъ вліяніемъ Хмельницкаго. Царь по этому случаю написалъ Ромодановскому: „Звѣрь! Долголь тебѣ людей жечь? И сюда раненые отъ васъ пріѣхали. Перестань знаться съ Ивашкою. Быть отъ него рожѣ драной". Ромодановскій отвѣчалъ: „Въ твоемъ письмѣ написано ко мнѣ, будто я знаюсь съ Ивашкою Хмельницкимъ, и то, господине, не правда: нѣкто къ вамъ пріѣхалъ прямой Московской пьяной, да сказалъ въ безпамятствѣ своемъ. Нѣколи мнѣ съ Ивашкою знаться — всегда въ кровяхъ омываемся. Ваше то дѣло на досугѣ стало знакомство держать съ Ивашкою, а намъ недосугъ! А что Яковъ Брюсъ донесъ, будто отъ меня руку обжогъ, и то сдѣлалось пьянствомъ его, а не отъ меня" [252]. Петръ отписалъ на это: „Писано, что Яковъ Брюсъ съ пьян-

ства своего то сдѣлалъ: и то правда, только на чьемъ дворѣ и при комъ? А что въ кровяхъ, и отъ того, чаю, и больше пьете для страху. А намъ подлинно нельзя, потому что непрестанно въ ученьи".

Разбои производились въ обширныхъ размѣрахъ въ самой Москвѣ. Для примѣра приведемъ два письма Ромодановскаго къ царю: „Которые воры разбивали Алмазниковыхъ, Брагина, въ Новонѣмецкой слободѣ, и тѣхъ воровъ поймано семь человѣкъ, и въ тѣхъ разбояхъ они винилися, и многое платье, и серебряная посуда и иная рухлядь въ разныхъ мѣстахъ вынята, и которыхъ разбивали, и тѣ многіе свои животы познавали; а пущихъ воровъ, на которыхъ они на товарищевъ своихъ говорятъ, сыскать не можемъ, ухоранпваются на Москвѣ: Васька Звѣревъ бывалъ дворовый человѣкъ, другой Якушка Калачниковъ, третій Васька Цвякунъ, четвертый Сидорка Алексѣевъ, пятый Левка Левугинъ; да изъ вышеписанныхъ воровъ князь Петровъ человѣкъ Голицына, Ивашкою зовутъ, Ваганъ оговорилъ въ тѣхъ же разбояхъ князь Григорьевыхъ людей Долгоруково дву человѣкъ, и тѣ лица нынѣ на службѣ съ нимъ князь Григорьемъ у васъ въ полку. А которые воры въ тѣхъ разбояхъ винились и на товарыщевъ говорятъ, и тѣ воры изъ посацкихъ торговыхъ людей, изъ мясниковъ, изъ извощиковъ и изъ боярскихъ людей". Въ другомъ письмѣ: „Тойже шайки воровъ поймано 8 человѣкъ: Аѳонка Попугай, Алешка Заходовъ, Куска Зайка, Митка Пичюга, Галичанинъ сынъ боярскій Петрушка Кадниковъ, Петрушка Селезень съ братьями самъ третей. И изъ тѣхъ воровъ два человѣка — Алешка Заходовъ, Петрушка Кадниковъ винились, что они съ прежними разбойниками Калашниковымъ и Левугинымъ, и Миткою Пичюгою вновь разбили за Тверскими вороты иноземца кормоваго Опаева и избили его и изрѣзали" [253]. Изъ этихъ писемъ видно, что и теперь, какъ прежде, разбойничали преимущественно дворовые люди. 29 іюня 1699 года, въ вечерню, люди князя Никиты Репнина и другіе напали на караульныхъ солдатъ у Воскресенскихъ воротъ, били ихъ и начальнаго человѣка, наругались надъ нимъ [254]. Разбои усиливаются вслѣдствіе легко-

сти находить притоны: въ началѣ 1699 года пойманные разбойники объявили, что они сговаривались ѣздить на разбои человѣкъ по 20, 30, 40 и больше, съ луками, пищалями, копьями и бердышами, а пристанища, станы и дуваны разбойной рухляди были у нихъ за Тверскими воротами въ разныхъ слободахъ у посадскихъ людей [255].

Но были разбойники другаго рода, которымъ ненужно было приставать въ слободахъ за Тверскими воротами. Воженъ былъ въ застѣнокъ Аѳанасій Зубовъ съ людьми, съ очныхъ ставокъ пытанъ въ смертномъ убійствѣ посадскихъ людей Алаторцевъ, что убили люди его; и онъ съ пытки сказалъ, что людей на разбой посылалъ и самъ былъ, только до смерти бить не велѣлъ, также и въ иныхъ разбояхъ винился. Въ тоже время казненъ на болотѣ за разбой и смертное убійство князь Иванъ Шейдяковъ. Билъ челомъ Тарбѣевъ на Василья Толстаго да на Семена Карандѣева въ томъ, что они стояли подъ дорогою и его рѣзали. Юрій Дохтуровъ, Василій Долгій, Семенъ Карандѣевъ да Тарбѣевъ были у Страстной Богородицы, побранились и ножами порѣзались. Били челомъ великому государю стольники Василій Желябужскій съ сыномъ Семеномъ на Андрея Апраксина въ бою своемъ и увѣчьѣ, что Андрей озорничествомъ билъ ихъ въ калмыцкомъ табунѣ подъ Филями. Андрей принесъ государю вину свою, что онъ Желябужскихъ билъ не помня, пьянымъ дѣломъ. Государь приказалъ: Желябужскому и сыну его доправить на Андреѣ денегъ вдвое противъ ихъ окладовъ, а за лживую сказку и за озорничество его указалъ было государь учинить ему наказанье, бить кнутомъ нещадно. И по упрошенію царицы Марѳы Матвѣевны (урожденной Апраксиной), наказывать его государь не указалъ, также и по заступленію генерала Лефорта, которому Апраксинъ далъ денегъ 3000 рублей за его заступленіе; а люди Андреевы биты кнутомъ. Съ этого дѣла Желябужскаго учрежденъ былъ правый судъ, велѣно чинить во всякихъ дѣлахъ розыски, а суды и очныя ставки съ тѣхъ поръ оставлены [256].

Какъ трудно было рѣшать дѣла подобныхъ господъ, видно изъ письма Ромодановскаго къ царю: „Что ты, господине,

писалъ ко мнѣ о дѣлѣ Хилкова съ бояриномъ Кондратьемъ Ѳомичемъ Нарышкинымъ, чтобъ его по прежней подписной челобитной отдать, и я за то дѣло не стою, только мнѣ впредь никакихъ дѣлъ по твоей воли имать нельзя, потому что мнѣ всегда въ ругательствѣ и лаѣ быть; и въ нынѣшнемъ дѣлѣ, какъ ты мнѣ приказалъ взять сперва, и я и въ тѣ поры тебѣ многажды доносилъ, что того дѣла взять было мнѣ невозможно за однородствомъ моимъ (съ Хилковыми), что станутъ на меня бить челомъ, и ты мнѣ, господине, въ тѣ поры то дѣло велѣлъ взять и говорилъ мнѣ: хотя и однородство, однако же и Левъ Кирилловичъ тебѣ свой же; и я по тому твоему изволенію то дѣло и взялъ; а впредь, какъ воля твоя, только дѣлъ мнѣ никакихъ имать невозможно; истинно къ тебѣ, господине, пишу не для свойства къ себѣ Хилкова, потому что мнѣ стало о себѣ" [257].

Наконецъ общество требовало отъ правительства преслѣдованія особаго рода вредныхъ людей — волшебниковъ. Въ 1696 году, по челобитью всѣхъ крестьянъ одной изъ волостей Яренскаго уѣзда воръ Васька Алексѣевъ въ волшебномъ дѣлѣ распрашиванъ и пытанъ, и винился: испортилъ онъ дьявольскими словами 10 человѣкъ и сказалъ ихъ всѣхъ по имянамъ; отъ Христа Бога и отъ животворящаго Его Креста отрекся, вѣруетъ дьяволу, а учился онъ тому воровству у дяди своего роднаго Напалкова, а дядя его Парѳеновъ тому волшебству умѣетъ же.—Другой, Мишка Алексѣевъ винился: испортилъ онъ воровскимъ словомъ четверыхъ, напустилъ на нихъ икотъ; а учился онъ Мишка тому воровству у Сергушки Шелепанова. И Сергушка сысканъ же и распрашиванъ и повинился, что они православной христіанской вѣры чужи, отъ Христа Бога и животворящаго Креста Господня отреклись, вѣруютъ сатанѣ и надъ Крестомъ Господнимъ ругаются; а носятъ они крестъ на себѣ будто они христіане для людей, чтобъ не догадались, и испортилъ онъ Сергушка Акилинку Игнашкину жену до смерти. Да Сергушка и Мишка сказали у пытки: у порченыхъ людей икоты напрасно на неповинныхъ людей не говорятъ; кто кого испортилъ, на того и говорятъ, и межъ себя другъ на друга отводить не могутъ же".

Мы видѣли, что имущество мирныхъ гражданъ одинаково страдало какъ отъ разбойниковъ, такъ и отъ воеводъ; дѣла по воеводскимъ злоупотребленіямъ не прекращались въ описываемое время, что̀ должно было вызвать преобразователя къ рѣшительной мѣрѣ. Прежде признано было хорошимъ средствомъ противъ воеводъ не держать ихъ въ городахъ болѣе двухъ лѣтъ, послѣ же этого срока оставлять на прежнихъ мѣстахъ только по челобитной гражданъ. Нѣкоторые воеводы начали хлопотать, какъ бы вынудить у горожанъ челобитную: въ концѣ 1695 года пришла челобитная изъ Стараго Оскола, что нѣкоторые изъ тамошнихъ торговыхъ людей составили воровскую челобитную, будто отъ всѣхъ городскихъ людей, чтобъ старооскольскому воеводѣ Матвѣю Афросимову быть воеводою третій годъ, тогда какъ остальные Старооскольцы и уѣздные люди про челобитную не вѣдаютъ. По сыску сынъ боярскій Сукинъ сказалъ: „Зазвалъ меня къ себѣ въ хоромы воевода, и я къ составной челобитной руку приложилъ по неволѣ, для того, что воевода хотѣлъ было меня бить до смерти“. Приказной Избы подъячій объявилъ, что приложилъ руку вмѣсто Старооскольца Сорокина заочно, потому что воевода угрожалъ разореньемъ и боемъ, и т. д. Во Мценскѣ воевода Тутолминъ ямскаго прикащика Петра Смирнаго своими руками тростью билъ и, раздѣвъ, батогами билъ же, за то, что прикащикъ разрядному подъячему безъ подорожной подводъ не далъ, и дать было ему не почему; и отъ того боя прикащикъ умеръ. — Юрій Салтыковъ жаловался: билъ я челомъ на Вяземскихъ драгунъ, рейтаръ, стрѣльцовъ и посадскихъ людей въ денномъ ихъ приходѣ и пріѣздѣ и разореньи Вяземской моей вотчины деревни Бородиной. Вяземскому воеводѣ велѣно тѣхъ приходчиковъ и пріѣзжиковъ отослать въ Можайскъ къ розыску; въ Можайскъ взято четыре человѣка посадскихъ людей, и тѣ люди въ распросѣ во всемъ винились и говорили на своихъ товарищей 12 человѣкъ, которыхъ Вяземскій воевода захватилъ; но, взявъ съ нихъ великія взятки, изъ приказной избы освободилъ. Въ слѣдствіе жалобъ Кунгурскихъ жителей на воеводу своего Степана Сухотина наряжено было слѣдствіе

въ 1697 году. Передъ слѣдователемъ Гаврилою Дубасовымъ Кунгурскій земскій староста прошлаго 1695 года, села Ильинскаго крестьянинъ Панкратій Никитинъ допрашиванъ, а въ допросѣ сказалъ по святой непорочной Евангельской заповѣди Господни, еже ей, ей въ правду: въ прошломъ 1695 году о Степанѣ Сухотинѣ заручную челобитную, чтобъ ему у нихъ на Кунгурѣ воеводою быть третій годъ онъ Панкрашка съ посадскими людьми и съ уѣздными крестьянами не писывалъ и руки прикладывать никому не веливалъ, а подъячій Максимъ Богомоловъ къ такой челобитной вмѣсто его Панкрашки руку приложилъ безъ его Панкрашкина велѣнья заочно. И будучи на Кунгурѣ воеводою Степанъ Сухотинъ и сынъ его Никита Кунгурскимъ посадскимъ людямъ и уѣзднымъ крестьянамъ обиды и налоги и разоренья чинилъ и приметками своими великія съ нихъ взятки напрасно бралъ. Ѣздилъ онъ Степанъ въ Кунгурскій уѣздъ для переписки уѣздныхъ крестьянъ, и въ то число взялъ у него Панкрашки изъ Земской избы мірскихъ денегъ 220 рублевъ, кромѣ того, что бралъ со всякаго двора по два алтына; а послѣ того взялъ у него же Панкрашки мірскихъ денегъ 80 рублевъ, чтобъ на него Степана имъ Кунгурцамъ не варить пивъ; да съ негожь Панкрашки нападками своими взялъ рубль денегъ; и въ Кунгурскомъ уѣздѣ на заставахъ Кунгурскихъ крестьянъ, которые ѣздили съ Кунгура къ Соликамской и въ Чусовскіе острожки съ хлѣбомъ для продажи, онъ задерживалъ и безъ печатей своихъ не пропускалъ, и отъ того пропуску и отъ печатей зимнимъ путемъ по осьми денегъ съ воза, а лѣтомъ со стругового отпуску съ четверти по алтыну бралъ. — Тогожъ числа земскій староста нынѣшняго года Никита Посохинъ допрашиванъ и сказалъ: будучи онъ Степанъ Сухотинъ на Кунгурѣ, посадскихъ людей держалъ въ Приказной избѣ и въ тюрьмѣ безвинно, билъ батогами и кнутомъ и бралъ деньги (слѣдуетъ длинное перечисленіе); а иныхъ Кунгурскихъ крестьянъ нападками своими разорялъ, и отъ того его воеводскаго разоренья Кунгурскіе крестьяне въ Сибирскіе города бѣжали (слѣдуетъ перечисленіе, кто бѣжалъ); и Кунгурскаго посадскаго человѣка Якушка Заганова въ Приказ-

ной избѣ тростью онъ Степанъ билъ безвинно и умеръ онъ Якушка отъ тѣхъ его побой; и Кунгурскаго земскаго старосту Ѳедьку Гладкаго на воеводскомъ дворѣ билъ безвинно; а Приказной избы подъячаго Красильникова пыталъ и велѣлъ ему на Кунгурцевъ говорить, будто они хотятъ его Степана убить. — Посадскіе люди сказали: въ 1692 году Кунгурскій стрѣлецъ Аѳонка въ Сибирскіе города для сыску бѣглыхъ людей посыланъ, и воеводы Сухотина сынъ Никита съ женою Афонкиною Устюшкою насильно жилъ и младенца мужска пола съ нею прижилъ; и Степанъ Сухотинъ ту Аѳонкину жену да сына его Мишку девяти лѣтъ къ себѣ во дворъ сильно взялъ и за человѣка своего за Ѳедьку отдалъ. А какъ Аѳонка пріѣхалъ изъ Сибири, то, недопустя его до Кунгура, двухъ стрѣльцовъ по него Степанъ Сухотинъ посылалъ, и въ Приказной избѣ его Аѳонку держалъ и нападками своими въ то время у него трехъ лошадей, да двѣ пищали винтовальныхъ, да саадакъ съ лубьемъ и съ стрѣлами, да двѣ порошницы, да два арчака башкирскихъ, да денегъ пять рублевъ взялъ, да въ тоже время въ неволю письмо, чтобъ о своей женѣ ему Аѳонкѣ на него воеводу не бить челомъ, вымучилъ и закладную кабалу на сына его Мишку на имя подъячаго Калашникова, будто въ заемныхъ деньгахъ, взялъ.—Крестьяне сказали: воевода Сухотинъ въ Кунгурскій уѣздъ посадскихъ людей, площадныхъ подъячихъ и стрѣльцовъ съ весны въ студеную пору посылалъ, въ городѣ, въ селахъ и во всѣхъ деревняхъ печатать избы и бани велѣлъ, и отъ того со всякаго двора по два алтына и по осьми копѣекъ и по гривнѣ себѣ бралъ, и въ ту студеную пору отъ его разоренья роженицы и которые въ скорбяхъ младенцы отъ оспы безвременно помирали [258].

Преслѣдованіе раскольниковъ давали воеводамъ возможность поживиться. Въ 1697 году Романовецъ посадскій человѣкъ Пастуховъ повинился: „Въ прошломъ году били на меня по крѣпостямъ челобитчики, и воевода Иванъ Гринковъ суда и правежей на меня не давалъ и меня укрывалъ, потому что я у него собакъ кормилъ и медвѣдей, и призывалъ меня къ себѣ и научалъ на Романовцевъ посадскихъ людей, что было

съ кого взять большія взятки. Въ нынѣшнемъ году взялъ онъ меня въ Приказную избу и распрашивалъ на крѣпко и велѣлъ мнѣ говорить въ раскольствѣ на себя и на Романовцевъ (слѣдуютъ имена мужскія и женскія), будто они перекрещиваются и перевѣнчиваются; воевода обѣщалъ мнѣ треть того, что возьметъ съ раскольниковъ. Я на нихъ говорилъ, и по моему ложному оговору посылалъ воевода, будто въ раскольствѣ, взять оговоренныхъ въ Приказную избу и просилъ съ нихъ 50 рублей денегъ, но посадскіе люди сказали ему: „пиши про насъ къ Москвѣ,“ и Гринковъ отпустилъ ихъ на роспиcку, а меня въ Приказной избѣ держалъ многое время, кормилъ и поилъ пивомъ и виномъ до пьяна. А какъ пріѣхалъ на Романовъ съ приписью подъячій Карелинъ, то Гринковъ изъ Приказной избы меня съ Романовцемъ Трусовымъ взялъ къ себѣ на дворъ и держалъ въ хоромахъ за замкомъ многое время, приставилъ къ намъ сторожей, запиралъ въ сундукъ и закладывалъ платьемъ. И мы ему говорили, что въ сундукѣ лежать душно, и онъ прислалъ человѣка и вертѣли они на сундукѣ дыры, чтобъ намъ лежать было недушно. И какъ противъ челобитья головы съ товарищами присланъ былъ сыщикъ про насъ разыскивать, и мы къ розыску просились, но Гринковъ насъ не отдалъ: „что де вамъ живымъ не быть“, и послалъ человѣка въ усадьбу своего роднаго брата Ѳедора, чтобъ пріѣхалъ съ людьми; и какъ братъ его пріѣхалъ со многими людьми, и онъ послалъ насъ съ братомъ своимъ ночною порою къ Москвѣ, и къ Москвѣ пріѣхали мы ночною порою къ брату его Никифору Гринкову; Никифоръ далъ намъ денегъ и велѣлъ намъ говорить противъ братнихъ отписокъ, чтобъ не рознились и брата его не погубили. А какъ я привезенъ былъ опять на Романовъ, то Иванъ Гринковъ прислалъ ко мнѣ денегъ и велѣлъ говорить о раскольствѣ противъ распроса, на кого я въ распросѣ говорилъ по его наученью, и съ очныхъ ставокъ чтобъ слался на кожу свою и на ихъ“ (т. е. чтобъ требовалъ пытки для себя и для отвѣтчиковъ).

Старосты Московскихъ слободъ обыкновенно выбирались жителями этихъ слободъ. Отъ 1695 года дошелъ до насъ вы-

боръ въ старосты Мѣщанской слободы: „По указу великихъ государей мѣщанской слободы староста Юрья Самойловъ да мѣщане (слѣдуютъ имена) выбрали мѣщане лучшіе и середніе и меньшіе статьи въ старосты въ нынѣшній въ 104 годъ мѣщанина добраго человѣка и пожиточнаго Филиппа Олферьева: и будучи ему Филиппу въ старостахъ великихъ государей и за всякими мірскими дѣлами ходить и радѣть и съ мірскими людьми о государевыхъ и о мірскихъ дѣлахъ во всемъ спрашиваться на совѣтѣ, а сбирать ему старостѣ Филиппу вь мірскіе расходы противъ прошлаго году". — Но въ описываемое же время встрѣчаемъ любопытный случай: староста билъ челомъ, чтобъ великіе государи указали ему быть старостою еще на извѣстное время, за то, что онъ приносилъ казнѣ прибыль и челобитій на него отъ мірскихъ людей не было. Просьбу исполнили: „быть въ старостахъ, денежные доходы и хлѣбные запасы сбирать по окладу сполна и межъ крестьянъ расправу чинить вправду безволокитно, чтобъ отъ мірскихъ людей въ томъ никакого на него челобитья не было"[259].

Имѣя въ виду важныя и дорогія учрежденія, большіе военные расходы; желая какъ можно скорѣе увеличить государственные доходы и зная очень хорошо, что они могутъ быть увеличены только поднятіемъ благосостоянія податныхъ людей, Петръ не могъ долѣе оставлять торговыхъ и промышленныхъ людей во власти воеводъ — кормленщиковъ. Какъ же освободить ихъ? форма была готова: кромѣ видѣннаго на западѣ, въ Малороссіи, которая уже давно входила въ составъ государства, существовало искони городовое самоуправленіе или такъ называемое Магдебургское право; подобную же форму Петръ рѣшился ввести и въ Великорусскіе города. 30 января 1699 года вышелъ указъ объ учрежденіи Бурмистрской палаты: „Извѣстно великому государю учинилось, что гостямъ и гостиныя сотни, и всѣмъ посадскимъ, и купецкимъ, и промышленнымъ людямъ, во многихъ ихъ приказныхъ волокитахъ, отъ приказныхъ и отъ разныхъ чиновъ людей, въ торгахъ ихъ и во всякихъ промыслахъ, чинятся большіе убытки и разоренье; а иные отъ того торговъ своихъ и промы-

словъ отбыли, и его великаго государя съ нихъ окладные многіе доходы учинились въ доимкѣ, а пошлиннымъ сборамъ и инымъ поборамъ большіе недоборы: и милосердуя онъ великій государь объ нихъ, указалъ во всякихъ ихъ расправныхъ и челобитчиковыхъ и купецкихъ дѣлахъ и въ сборахъ государственныхъ доходовъ вѣдать бурмистрамъ ихъ, и въ бурмистры выбирать имъ межъ себя погодно добрыхъ и правдивыхъ людей, кого они межъ себя и по скольку человѣкъ похотятъ; а изъ нихъ по одному человѣку быть въ первыхъ, сидѣть по мѣсяцу президентомъ" [260]. Для другихъ городовъ, кромѣ Москвы, постановлено: „Во всѣхъ городахъ посадскимъ и всякихъ чиновъ купецкимъ и его, великаго государя волостей, селъ и деревень промышленнымъ и уѣзднымъ людямъ сказать указъ: буде они похотятъ, для многихъ къ нимъ воеводскихъ и приказныхъ людей обидъ и налоговъ, поборовъ и взятокъ, въ городахъ воеводамъ и приказнымъ людямъ ихъ во всякихъ дѣлахъ не вѣдать, а вѣдать ихъ во всякихъ мірскихъ расправныхъ и челобитчиковыхъ дѣлахъ и въ сборахъ доходовъ ихъ мірскимъ выборнымъ людямъ въ земскихъ избахъ" [261]. Всѣ эти выборные люди должны были находиться въ вѣдѣніи Московской Бурмистрской палаты (или ратуши), которая входила съ докладами прямо къ государю: сюда входили всѣ собранныя по городамъ суммы, отсюда выдавались деньги на расходы, но не иначе, какъ по именному царскому указу. За освобожденіе отъ воеводъ и приказныхъ людей торговые и промышленные люди должны были платить двойной противъ прежняго окладъ податей.

Учрежденіемъ Бурмистрской палаты начинается рядъ преобразовательныхъ мѣръ, которыя должны были пробуждать общественныя силы, пріучать гражданъ къ дѣятельности сообща, къ охраненію общихъ интересовъ соединенными силами, отучать отъ жизни особѣ, при которой каждый слабѣйшій предавался безоружнымъ въ руки каждаго сильнѣйшаго. Но дѣло только что начиналось, и потому легко себѣ представить, какъ неловко бралось за него общество, какія странныя привычки принесли мірскіе люди въ свою новую дѣятельность. Мірскіе люди освобождены были отъ воеводъ и

приказныхъ людей; но по отсутствію привычки къ общей дѣятельности, привычки отражать силу сильнаго соединенными силами слабыхъ, они сейчасъ же между своими нажили себѣ насильниковъ въ родѣ воеводъ и приказныхъ людей. Въ Веневѣ, напримѣръ, земскій староста съ товарищами отставили отъ сборовъ выборныхъ своихъ таможенныхъ и кабацкихъ бурмистровъ за то, что они имъ не дали денегъ, и выбрали другихъ, которые дали имъ 120 рублей. Для предотвращенія впередъ подобныхъ явленій, Петръ велѣлъ какъ взявшихъ деньги, такъ и давшихъ положить на плаху, и отъ плахи поднявъ, бить кнутомъ безъ пощады и сослать на каторги въ Азовъ съ женами и дѣтьми, и объявить во всѣ города, села и волости: кто сдѣлаетъ это впередъ, тѣмъ быть въ смертной казни безъ пощады [262]. Но одни жестокія наказанія и угрозы, какъ вездѣ, такъ и тутъ, не помогли; преобразователь счелъ необходимымъ, прежде чѣмъ новое учрежденіе окрѣпнетъ, приставить къ нему довѣреннаго и способнаго человѣка, который бы направлялъ неопытныхъ и охранялъ ихъ отъ сильныхъ людей. Такимъ воспитателемъ молодаго учрежденія явился первый изъ прибыльщиковъ, Алексѣй Александровичъ Курбатовъ „оберъ-инспекторъ ратушнаго правленія.“

Курбатовъ былъ дворецкій или маршалокъ извѣстнаго западника, боярина Бор. Петровича Шереметева, путешествовалъ вмѣстѣ съ своимъ господиномъ за границею [263], и это путешествіе, разумѣется, не осталось безплодно для развитія богатаго способностями Русскаго человѣка. Въ Ямскомъ приказѣ поднято было письмо съ надписью: „поднести великому государю, не распечатавъ“. Великій государь, вмѣсто извѣта о какомъ-нибудь зломъ умыслѣ или непристойныхъ словахъ, нашелъ въ подкинутомъ письмѣ проектъ о гербовой или орленой бумагѣ. Гербовая бумага, какъ важный источникъ дохода, была немедленно введена [264], а изобрѣтатель, которымъ оказался Курбатовъ, пожалованъ въ дьяки, награжденъ домомъ, деревнями, и сдѣлался прибыльщикомъ, сталъ искать во всемъ прибыли государству, получилъ возможность уже не подметными, но явными письмами сообщать царю

свои мнѣнія обо всемъ. Въ послѣдствіи мы познакомимся близко съ его дѣятельностію, особенно въ званіи оберъ-инспектора ратушнаго правленія.

Давно уже руские торговые люди признавались [265], что имъ съ иностранными купцами не стянуть, потому что тѣ торгуютъ сообща. Мы видѣли также [266], что Ординъ-Нащокинъ предлагалъ для освобожденія отъ зависимости иностранныхъ купцовъ русскимъ небогатымъ торговцамъ соединяться съ богатыми. Теперь Петръ предписываетъ: „Московскаго государства и городовымъ всякихъ чиновъ купецкимъ людямъ торговать такъ же, какъ торгуютъ иныхъ государствъ торговые люди, компаніями, и чинить отпускъ товарамъ въ компаніяхъ къ городу Архангельскому, въ Астрахань, также и черезъ Новгородъ, и имѣть о томъ всѣмъ купецкимъ людямъ межъ собою съ общаго совѣта установленіе, какъ пристойно бы было къ распространенію торговъ ихъ, отъ чего надлежитъ быть въ сборахъ великаго государя казны пополненію. Учинить провинціи, къ Великому Новгороду, къ Пскову, къ Астрахани и къ инымъ такимъ городамъ малые города и уѣзды приписать, которые къ которымъ надлежатъ, и велѣть въ тѣхъ провинціяхъ настоящихъ городовъ земскимъ бурмистрамъ приписныхъ земскихъ бурмистровъ, также таможенныхъ и кабацкихъ бурмистровъ во всякихъ дѣлахъ вѣдать и въ сборахъ надсматривать.“

Перемѣнъ въ бытѣ крестьянъ не было: по прежнему громадная страна была мало населена, по прежнему отъ того рабочіе были прикрѣплены къ землѣ, по прежнему бѣгали отъ крѣпостной зависимости, и гоньба за человѣкомъ составляла одно изъ важныхъ занятій правительства и частныхъ людей. Нѣсколько крестьянскихъ семействъ убѣжало изъ Звенигородскаго уѣзда съ земель Саввино-Сторожевскаго монастыря. Черезъ четыре года они были сысканы (въ 1696 г.) и поразказали любопытныя подробности о своихъ бѣгахъ. Они ушли въ Данковъ и стали жить въ крестьянствѣ за тамошнимъ подъячимъ Яковлевымъ. Черезъ годъ подъячій началъ ихъ изъ крестьянства отсылать для того, что у нихъ отпускной никакой не было, далъ имъ рубль денегъ и

велѣлъ имъ отъ себя идти: „гдѣ-нибудь напишите отпускную властелинскимъ именемъ, и мнѣ та отпускная будетъ въ оправданіе." Крестьяне отправились куда глаза глядятъ, и въ Тульскомъ уѣздѣ нашли благодѣтеля, какого то дьячка, который имъ написалъ отпускную, подписалъ имена архимандрита, келаря, все какъ слѣдуетъ, и взялъ за трудъ двадцать алтынъ. Крестьяне сейчасъ же возвратились въ Данковъ и подали отпускную подъячему; тотъ былъ очень доволенъ: „Эта ваша отпускная, сказалъ онъ, мнѣ въ поправку, мнѣ теперь за васъ пожилыхъ денегъ не платить." Подъячій сталъ спокойно распоряжаться крестьянами, и дочь одного изъ нихъ выдалъ за мужъ за сына боярскаго, взявши съ жениха выводу двѣнадцать копенъ ржи [267].

Сибирь, гдѣ было такое раздолье воеводамъ и всякимъ сильнымъ людямъ вдали отъ правительственнаго надзора, обратила на себя особенное вниманіе, потому что тамошніе безпорядки вредно дѣйствовали на казну, получавшую такой большой доходъ отъ Сибирскихъ товаровъ. Въ апрѣлѣ 1695 года для Сибири, кромѣ ближайшаго Тобольска, сдѣлано было исключеніе: не велѣно перемѣнять воеводъ черезъ два года, „для того, что отъ такихъ частыхъ перемѣнъ казнѣ начали быть великіе недоборы и всякимъ доходамъ оскудѣніе, потому что воеводы, забывъ крестное цѣлованіе и презря жестокіе указы, вино и всякіе товары въ Сибирь провозятъ и сверхъ того въ Сибири вино курятъ и тамъ виномъ многую корысть себѣ чинятъ; а на кружечныхъ дворахъ государева вина въ продажу записываютъ малое число, въ годъ индѣ по 20 и по 10, а индѣ написано въ продажѣ всего одно ведро, а въ иной годъ ни одного ведра продать не дали." Отправлявшіеся въ Сибирь воеводы имѣли право провозить безпошлино съ собою извѣстное количество вина и другихъ товаровъ: каждые два года воеводы отправлялись въ Сибирскіе города, каждые два года везли съ собою всѣ эти запасы, брали казенные струга, прогонныя деньги, требовали по ямамъ и городамъ подводы, при чемъ, по обычаю, всякаго чина людямъ чинили многія обиды, налоги и разоренія: чѣмъ слѣдовательно рѣже ѣздили воеводы, тѣмъ лучше. Далѣе говорится въ указѣ, что воеводы для сбора

ясачной казны отпускали служилыхъ людей и брали съ нихъ себѣ великія взятки и посулы, лучшіе соболи выбирали себѣ, а худые отдавали въ государеву казну, себѣ въ малые годы великія богатства наживали, а служилымъ и ясачнымъ людямъ впредь не проча, великія обиды, налоги и грабежи чинили и для челобитья къ Москвѣ ихъ не пропускали: отъ того многіе служилые люди по зимовьямъ побиты, а другіе отъ воеводскихъ притѣсненій измѣнили и въ Китайское государство отъѣхали, и Мунгалы измѣнники, мстя за обиды свои, многихъ служилыхъ и ясачныхъ людей грабятъ и побиваютъ"[268]. Въ концѣ того же года опять указъ Сибирскому приказу: „Прежніе воеводы воровали, многихъ людей пытали и смертію казнили, и ясачные сборщики у ясачныхъ людей и у иноземцевъ женъ и дѣтей отнимали силою, и по ихъ иноземскому челобитью суда и управы у воеводъ не было; такъ впредь воеводамъ, кромѣ дѣлъ, подлежащихъ по уложенію пыткѣ, никакихъ Рускихъ людей и ясачныхъ иноземцевъ ни въ какихъ дѣлахъ, не описався съ великимъ государемъ, не пытать и не казнить; для ясачнаго сбора посылать людей добрыхъ, за выборомъ градскихъ людей. Если же воеводы станутъ красть или умалять государеву казну или станутъ кого казнить смертію, то будутъ сами казнены смертію и вотчины ихъ всѣ и дворы и помѣстья и имѣніе будутъ взяты на великаго государя безповоротно"[269].

Истощая всѣ средства противъ злоупотребленій, какія позволяли себѣ чиновники въ Сибири, царь въ октябрѣ 1697 года издалъ указъ[270], запрещавшій въ Сибири служилымъ и всякихъ чиновъ людямъ, женамъ и дѣтямъ ихъ носить богатое платье „чего имъ по чину своему носить не довелось; и знатно, что тѣ служилые люди, у которыхъ такое излишнее дорогое платье есть, дѣлаютъ его не отъ праваго своего пожитку, кражею нашего великаго государя казны, или съ иноземцевъ грабежемъ тѣ богатства себѣ наживаютъ; а буде у кого, какимъ промысломъ правымъ, нажитокъ лишній сверхъ его нужныхъ расходовъ явится, и тѣ пожитки ему довелось держать на покупку добраго себѣ ружья и панцырей и платья нужнаго, чтобъ къ нашей службѣ былъ всегда готовъ и къ бо-

ямъ съ непріятелями потребенъ, или держалъ въ домовое каменное себѣ прочное строеніе, въ которомъ бы пожитокъ его отъ случая пожарнаго былъ всегда въ цѣлости."

Дѣти боярскіе Сибирскаго митрополита, посылаемые имъ въ десятильникахъ по дѣламъ подлежащимъ суду церковному, поступили не лучше, если не хуже служилыхъ людей, посылаемыхъ воеводами. Это видно изъ царской грамоты воеводѣ Глѣбову 1697 года: „Десятильники градскимъ и уѣзднымъ людямъ нападками своими ложными многое чинятъ разореніе и обиды и налоги, побоями заставляютъ по неволѣ дѣвицъ и вдовъ говорить ложно на градскихъ и уѣздныхъ всякихъ добрыхъ людей блудное воровство, и по тѣмъ ложнымъ наговорамъ съ тѣхъ людей берутъ себѣ взятки великія, а иныхъ дѣвицъ раздѣваютъ до нога и груди давятъ до крови и всякое ругательство чинятъ; а которыя дѣвицы и вдовы и при такомъ мучительствѣ не винятся, тѣхъ они продаютъ такимъ людямъ, за которыхъ никто бы дочери своей не далъ, а деньги берутъ себѣ" [271].

Установленіе бурмистровъ, какъ видно изъ указа 1699 года, не могло быть приложено къ Сибири: „Въ Сибирскихъ городахъ бурмистрамъ не быть, а быть по прежнему у всякихъ сборовъ изъ Русскихъ и изъ Сибирскихъ городовъ таможеннымъ и кабацкимъ головамъ и цѣловальникамъ добрымъ людямъ и надъ ними надзирать воеводамъ со всякимъ крайнимъ радѣніемъ; а бурмистрамъ не быть для того, что въ Сибирскихъ нѣкоторыхъ городахъ посадскихъ людей нѣтъ, а въ которыхъ есть, и тѣ людишки худые, скудные и ссыльные, и за тѣмъ въ бурмистры выбрать не кого; а въ которыхъ городахъ торговые люди есть, и тѣмъ въ сборѣ денежной казны ясачной и ни въ какихъ сборахъ вѣрить некому, для того, что они люди скудные" [272].

Не щадя наказаній и угрозъ для воеводъ недобросовѣстныхъ, Петръ не отступалъ ни предъ какою мѣрою, когда нужно было наградить хорошаго воеводу. Вотъ любопытная царская грамота, посланная въ 1698 году къ Иркутскому воеводѣ Ивану Николеву: „По нашему указу отпущенъ въ Сибирь въ Нерчинскъ воеводою братъ твой стольникъ нашъ

Самойла Николевъ, и, будучи въ Нерчинску, намъ служилъ со всякою вѣрностію, и радѣтельною своею правою службою передъ прежними Нерчинскими воеводами собралъ въ нашу казну многую прибыль, и тамошнихъ жителей Русскихъ и Сибирскихъ городовъ различныхъ торговыхъ людей свидѣтелями своего христіанскаго благочестія учинилъ, и никакой жалобы ни отъ кого на себя не оставилъ, и тамошней нашей дальней странѣ, для такихъ своихъ добрыхъ плодовъ, намъ великому государю зѣло былъ надобенъ и прибыточенъ. И въ нынѣшнемъ году явился въ Сибирскомъ приказѣ брата твоего Самойлы человѣкъ и сказалъ: въ прошломъ году братъ твой Самойла Николевъ въ Нерчинскѣ умеръ, а послѣ него остались дѣти стольники Иванъ да Михайла. И мы, великій государь, пожаловали племянника твоего Ивана Самойлова сына Николева, за службы отца его, не взирая на его несовершенныя лѣта, велѣли ему быть на мѣстѣ отца своего въ Нерчинскомъ воеводою; а для его молодыхъ лѣтъ съ нимъ быть съ приписью подьячимъ Нерчинскому сыну боярскому, Лукѣ Кочмарову, для того что братъ твой объ немъ Лукѣ, что онъ человѣкъ добрый и радѣтельный, свидѣтельствовалъ“ [273].

И въ Европейской Россіи въ описываемое время монастыри не представляли много назидательнаго; тѣмъ болѣе можно было опасаться соблазна отсюда въ безнарядной Сибири: въ 1698 году Петръ запретилъ Енисейскаго уѣзда ссыльнымъ и пришлымъ монахамъ строить вновь монастыри, запретилъ давать имъ земли безъ указа, „для того, что въ Сибири мужскихъ и женскихъ монастырей, гдѣ всякаго чина православнымъ христіанамъ постригаться и спасаться, довольное число есть“ [274].

Мы видѣли, что и при прежнихъ великихъ государяхъ много писалось указовъ о прекращеніи воеводскихъ и другихъ злоупотребленій въ Сибири; но указы эти мало помогали; теперь, какъ видно, повѣялъ новый духъ отъ живыхъ людей и оживилась мертвая буква указа. Виніусъ, вѣдѣнію котораго порученъ былъ Сибирскій приказъ, счелъ возможнымъ въ началѣ 1698 года порадовать царя хорошими вѣстями изъ Сибири; Петръ отвѣчалъ: „Пишешь о Сибирскомъ поведеніи,

что отъ воеводъ чинится лучше, нежели прежде, и то слава Богу!“ Нельзя думать, что Виніусъ похвастался, потому что въ слѣдъ за тѣмъ онъ увѣдомилъ государя о новой бѣдѣ для несчастной Сибири отъ табачнаго откупщика Орленка. Петръ отписалъ Ромодановскому: „Писалъ ко мнѣ Виніусъ, жалуясь на Орленка и товарищей его во всякихъ насильствахъ и убійствахъ въ Сибири: и то изволь своимъ премудрымъ разумомъ розыскать, чтобъ тамошніе дикіе краи къ какому расмущенію не пришли.“ Эта внимательность и быстрота распоряженій, исходившихъ отъ людей сильныхъ, всего лучше объясняютъ намъ, почему отъ воеводъ въ Сибири стало чиниться лучше, чѣмъ прежде.

Неослабная внимательность правительства нужна была и относительно козацкихъ Украйнъ Европейской Россіи на Дону и на Днѣпрѣ.

Мы видѣли, что козаки раскольники ушли съ Дону къ Шевкалу и враждебно дѣйствовали противъ своей родины. Осенью 1696 года 27 изъ нихъ встосковались по ней, тайкомъ ночью ушли отъ Шевкала на Терекъ, откуда воевода отправилъ ихъ въ Астрахань; въ числѣ ихъ было шесть человѣкъ съ женами и дѣтьми, два монаха и двѣ монахини. Государь велѣлъ сказать имъ указъ: „Вы, забывъ Бога, великому государю измѣнили, ушли съ Дону къ Шевкалу, выходили на море для воровства и подъ Терекомъ всякихъ людей разбивали, грабили и убивали; за такое воровство и измѣну довелись вы смертной казни: но великій государь вины ваши велѣлъ вамъ отдать и отпустить всѣхъ съ женами и дѣтьми на Донъ по прежнему.“

Но главная бѣда была не отъ тѣхъ, которые бѣжали съ Дону, а отъ тѣхъ, которые бѣжали на Донъ.

Еще въ 1690 году стольники, стряпчіе, дворяне Московскіе, жильцы, Рязанскіе, Шацкіе, Ряскіе помѣщики, и дворяне городовые, Рязанцы, Мещеряне, Ряшане, копейщики, рейторы и дѣти боярскіе, мурзы, Татары и солдаты выборныхъ полковъ подали подписную челобитную: „Бѣгаютъ отъ насъ люди и крестьяне, съ женами и съ дѣтьми на Донъ и на Хоперъ и на Медвѣдицу безпрестанно, многія села и деревни

запустошили, домы, животы, лошадей и всякую рухлядь безъ насъ, какъ мы бываемъ на службахъ и въ отъѣздахъ, грабятъ, остальныхъ людей и крестьянъ нашихъ подговариваютъ, женъ и дѣтей нашихъ въ избахъ и хоромахъ заваливаютъ колодами, дѣтей нашихъ рѣжутъ и побиваютъ до смерти и въ воду, ругаясь, сажаютъ. Теперь мы отъ этого побѣгу разорены безъ остатка, а государевой службы отбыли, и за этихъ бѣглыхъ задворныхъ людей и крестьянъ платимъ ямскія и рублевыя деньги и стрѣлецкій хлѣбъ и дѣлаемъ городовыя подѣлки." Въ томъ же году Алексѣй Мосаловъ билъ челомъ, что когда былъ онъ въ Крымскомъ походѣ, бѣглые его люди, пришедши съ Дону, разрѣзали на куски шестилѣтняго сына его и бросили въ воду, имѣнье раззорили безъ остатка.

Вслѣдствіе этихъ челобитенъ сдѣланъ былъ допросъ атаманамъ; тѣ отвѣчали: „Бѣглые люди изъ дворцовыхъ волостей и помѣщичьи и посадскіе изъ украинныхъ городовъ приходятъ съ женами и дѣтьми на Донъ, на Хоперъ и на Медвѣдицу и живутъ по своей волѣ, а пропускаютъ ихъ изъ украинскихъ городовъ воеводы и приказные люди изъ взятокъ, а еслибъ они не пропускали, то не только съ женами и дѣтьми и одному пройти было бы нельзя. — Пошли къ украинскимъ воеводамъ и приказнымъ людямъ государевы грамоты съ великимъ подкрѣпленіемъ, чтобъ бѣглыхъ людей не пропускали за черту, подѣлали заставы; на Донъ пошла грамота, чтобъ козаки впередъ къ себѣ бѣглыхъ людей на рѣку не принимали, и старыхъ посельщиковъ велѣно имъ сбить и выслать на прежнее жилище; воровъ и убійцъ крестьянъ Мосолова велѣно сыскать и выслать на Коротоякъ.

Но какъ готовы были козаки выдавать бѣглыхъ видно изъ слѣдующаго: въ концѣ 1697 года Калмыцкій тайша Мункотемиръ далъ знать Царицынскому воеводѣ, что отъ него бѣжали на Донъ въ Паншинъ городокъ улусники его 25 кибитокъ. Воевода послалъ сказать паншинскому атаману, чтобъ выдалъ бѣглыхъ по прежнему царскому указу, которымъ подъ смертною казнію запрещено было принимать Калмыковъ, чтобъ не было никакихъ задоровъ и ссоръ съ тайшами.

Козаки отвѣчали воеводскому посланцу: „Калмыцкихъ выходцевъ не отдадимъ и отдать намъ ихъ нельзя, и впередъ ихъ принимать станемъ; къ намъ писано изъ войсковаго Черкаскаго городка, чтобъ такихъ уходцевъ принимать, отъ погонщиковъ и отъ всякихъ людей оберегать и въ обиду никому не давать; царскій указъ присланъ на Царицынъ къ воеводѣ, а не къ намъ, у насъ такого указа нѣтъ, а царицынскому воеводѣ мы непослушны; и если Калмыки придутъ къ намъ за своими уходцами войною, то мы ихъ не отдадимъ и драться за нихъ станемъ.“

Начиналась усиленная работа, усиленная служба; но многіе не хотѣли усиленно работать и служить, и побѣги на Донъ усиливаются. Въ продолженіе 95, 96, 97, 98 и 99 года воеводы и приказные люди Бѣлгородскаго и Сѣвскаго полковъ доносятъ, что полковые, городовые, всякихъ чиновъ служилые и жилецкіе люди, ихъ дѣти, свойственники и крѣпостные люди и крестьяне, не хотя служить государевой службы и податей платить, не хотя быть у строенья морскихъ судовъ, у струговаго дѣла, у лѣсной работы, въ кормщикахъ, гребцахъ, на плотахъ, бѣгутъ въ Донецкіе козачьи городки; въ 1699 году изъ одного Воронежскаго уѣзда бѣжало около 330 дворовъ. Опять грамота на Донъ бѣглыхъ не принимать, а старыхъ уходцевъ сыскать и доставить на прежнія мѣста жительства на своихъ козачьихъ подводахъ, потому что „вы тѣхъ бѣглецовъ принимали безъ нашего указа.“

Но мало того, что царь требуетъ нарушенія основнаго козацкаго обычая, требуетъ, чтобъ не принимали новыхъ бѣглецовъ и высылали назадъ старыхъ, онъ заставляетъ самихъ козаковъ работать для общаго дѣла; Петръ взялъ Азовъ, закрѣпилъ этимъ рѣку Донъ за Россіею; но съ Азовомъ нужны частыя и безпрепятственныя сообщенія, нужно доставлять туда всякаго рода запасы для ратныхъ людей, и вотъ Петръ посылаетъ дворянина Шетнева осмотрѣть рѣку Донъ отъ Коротояка внизъ до Азова и водяной ходъ очистить жителями козачьихъ Донскихъ городковъ, чтобъ тою рѣкою корабельному ходу никакой остановки не было. Остановки бывали разнаго рода: такъ напримѣръ въ 1698 году корм-

щики и гребцы, шедшіе Воронежомъ и Дономъ на судахъ въ Азовъ съ хлѣбными запасами, бросили суда въ козачьихъ городкахъ и разбѣжались, а козаки и разныхъ чиновъ жители развезли хлѣбъ по себѣ [275].

Государь, и такой государь, какъ Петръ, разумѣется, не могъ равнодушно смотрѣть на подобныя явленія, и неудовольствія на Великой рѣкѣ увеличивались: мы увидимъ слѣдствія, когда недовольные получатъ вождя.

Съ Днѣпра приходили также тревожныя извѣстія.

Въ Августѣ 1696 года Кіевскій воевода князь Борятинскій отправилъ къ Русскому резиденту въ Польшѣ, дьяку Никитину Стародубца Суслова съ двумя рейтарами для вѣстей. Этотъ Сусловъ привезъ Никитину свои вѣсти: „У Поляковъ намѣреніе совершенное, чтобъ Украйну къ себѣ превратить и посылки у нихъ къ гетману Мазепѣ частыя: такъ нынѣшнею весною проѣхалъ къ гетману отъ короля посланникъ вмѣстѣ съ Греками, будто купецъ. Начальные люди теперь въ войскѣ Малороссійскомъ все Поляки, при Обидовскомъ племянникѣ Мазепы, нѣтъ ни одного слуги козака. У козаковъ жалоба великая на гетмана, полковниковъ и сотниковъ, что для искорененія старыхъ козаковъ прежнія ихъ вольности всѣ отняли, обратили ихъ къ себѣ въ подданство, земли всѣ по себѣ разобрали: изъ котораго села прежде выходило на службу козаковъ по полтораста, теперь выходитъ только человѣкъ по пяти или по шести. Гетманъ держитъ у себя въ милости и призрѣніи только полки охотницкіе, компанейскій и сердюцкіе, надѣясь на ихъ вѣрность, и въ этихъ полкахъ нѣтъ ни одного человѣка природнаго козака, все Поляки. Прошлаго лѣта Кіевскаго полка козаки въ Запорожьѣ полковника своего Мокѣевскаго, за его къ нимъ налоги, чуть не убили. Гетманъ въ нынѣшнемъ походѣ стоялъ полками порознь, опасаясь отъ козаковъ бунту; а если бъ всѣ полки были въ одномъ мѣстѣ, то у козаковъ было совершенное намѣреніе старшину всю побить. Козаки говорятъ, что еслибъ у нихъ были старыя вольности, то они бы одни Крымъ взяли; а если нынѣшняго гетмана и урядниковъ Поляковъ не отмѣнятъ, то не только что Крымъ брать, придется быть въ

порабощеніи отъ Крыма и отъ Польши. Кіевскаго Кирилловскаго монастыря игуменъ Иннокентій тайно пересылается съ Шумлянскимъ, а въ Батуринъ ѣздитъ мало не каждую недѣлю; изъ Кіевской приказной избы ходятъ къ игумену двое подъячихъ, Налетовъ и Фатѣевъ безпрестанно, а игуменъ присылаетъ къ нимъ запасы, пиво и вино бочками.“ Сусловъ покончилъ свои вѣсти словами, что объ иномъ онъ и говорить не смѣетъ, развѣ самому великому государю изустно донесетъ.

Когда Никитинъ далъ знать объ этомъ великому государю, то Суслова съ двумя Кіевскими подъячими привезли въ Москву для допроса. Сусловъ объявилъ, что Львовскій шляхтичъ Попара говорилъ ему: Поляки очень жалѣютъ объ Украйнѣ, говорятъ, что если малая какая смута на Москвѣ сдѣлается, то они пойдутъ на Украйну и по прежнему ее къ себѣ присоединятъ. Другой шляхтичъ Буйновскій говорилъ то же; въ примѣръ ставятъ Поляки Пруссію: хотя много лѣтъ была за Шведами, однако опять перешла къ Польшѣ. Попара говорилъ: очень худо, что на Украйнѣ начальные люди Поляки; еслибъ были Русскіе, то Украйна была бы надежнѣе. Жалобы на гетмана и начальныхъ людей слышалъ онъ въ Кіевскомъ полку, да отъ Палѣевыхъ козаковъ. Извѣстія, которыя Сусловъ обѣщалъ объявить только одному государю, касались того, что въ Кіевѣ можно собирать гораздо больше торговыхъ пошлинъ, чѣмъ обыкновенно дѣлается. О намѣреніи козаковъ побить старшину Сусловъ слышалъ отъ Попары и Палѣевыхъ козаковъ, перешедшихъ съ Переяславской стороны. О сношеніяхъ Шумлянскаго съ Кирилловскимъ игуменомъ слышалъ во Львовѣ.

Подъячіе объявили, что они бывали у Кирилловскаго игумена очень рѣдко и то по воеводскимъ дѣламъ; въ то же время узнали, что игуменъ Иннокентій умеръ. Государь велѣлъ послать къ Мазепѣ списокъ съ рѣчей Суслова, а подъячихъ отпустить назадъ въ Кіевъ съ строгимъ наказомъ, чтобъ впередъ къ иноземцамъ не ходили и вѣстей не разсказывали. Мазепѣ написали при этомъ, что великій государь всѣмъ этимъ слухамъ повѣрить не изволилъ и никакого сомнѣнія

не имѣетъ, потому что онъ гетманъ, старшина и все войско служатъ вѣрно, не щадя здоровья и головъ своихъ; потомъ, по просьбѣ гетмана, отправили въ Батуринъ и самого Суслова, давши Мазепѣ позволеніе пытать его. Въ октябрѣ 1697 года Мазепа писалъ государю о вѣстяхъ, что у Семена Палѣя бываютъ частыя присылки отъ гетмана Литовскаго Сапѣги, чего прежде не бывало; Сапѣга словесно наказывалъ Палѣю, чтобъ онъ остерегался Мазепы и не ѣздилъ къ нему въ Батуринъ: „Послалъ я въ Хвастовъ тайкомъ человѣка моего, писалъ Мазепа царю: посланный долженъ провѣдать о тамошнемъ поведеніи, созываетъ ли Палей войсковыхъ людей на какую службу; особенно приказалъ я Кіевскому полковнику и сотнику, чтобъ постоянно держали въ Хвастовѣ тайно людей своихъ для надзора за Палѣемъ, ибо удивительно мнѣ стало, что онъ теперь не такъ сердечно со мною поступаетъ, какъ прежде, не присылаетъ ко мнѣ писемъ, которыя получаетъ отъ гетмановъ короннаго и Литовскаго, въ чемъ усматриваю нѣкоторую перемѣну и хитрость. Смѣю предложить вамъ, великому государю, чтобъ бояринъ, въ Кіевѣ воеводствущій, не велѣлъ пускать Палѣя въ Кіевъ со многими людьми, а онъ привыкъ часто туда пріѣзжать, у него тамъ въ нижнемъ городѣ и дворъ свой, который я, пріохочивая его къ вашей монаршеской услугѣ, купилъ ему у чернецовъ Межигорскихъ за 400 золотыхъ на свои собственныя деньги". Мазепа узналъ также, что новый король Польскій прислалъ Палѣю 4000 золотыхъ червонныхъ на наемъ козаковъ: по этой вѣсти гетманъ разослалъ грамоты по всѣмъ полкамъ, чтобъ никто не смѣлъ переходить въ Польскую сторону. Черезъ мѣсяцъ Мазепа писалъ, что приказалъ Кіевскому полковнику Мокѣевскому посылать въ Хвастовъ дѣльныхъ людей для наблюденія, что тамъ дѣлается. Одинъ изъ такихъ наблюдателей, возвратясь изъ Хвастова, доносилъ полковнику, что полчане Палѣя, пѣшіе люди, пришедшіе изъ подъ Каменца Подольскаго, говорятъ: „Нехорошо Палѣй дѣлаетъ, что на двѣ стороны службою своею оказывается; теперь въ Польшѣ король новый, богатъ деньгами, надобно бъ ему одному вѣрно служить, отъ него и Палѣю, и всѣмъ намъ добрая

можетъ быть награда. А если Палѣй на двѣ стороны колебаться будетъ, то и ему придетъ такая же кончина, какая и другимъ отъ него была". Добрые люди говорятъ: „Лучше намъ, будучи восточной православной вѣры, держаться православнаго Христіанскаго монарха"; но такихъ людей немного; самъ Палѣй каждый день пьянъ, и когда пьетъ, то иногда поминаетъ царское имя, а въ другой разъ пьетъ за здоровье Польскаго короля. Въ началѣ 1699 года Мазепа извѣщалъ, что вопреки статьямъ мирнаго договора — не засѣлять запустѣлыхъ за Днѣпромъ городовъ—въ прошломъ году заведена слобода въ Мошнахъ, куда осадчики подговариваютъ и переманиваютъ людей съ лѣвой стороны Днѣпра; тяжесть отъ кормленія ратныхъ людей заставляетъ многихъ бѣжать за Днѣпръ, и такимъ образомъ кромѣ Мошенской слободы, заселились еще слободы въ Драбовцѣ, Корсуни и Богуславѣ; устеречь бѣглецовъ трудно, потому что нельзя по всему Днѣпру разставить карауловъ. Кромѣ того побережнымъ жителямъ восточной стороны нельзя пробыть безъ лѣсовъ западной стороны, но когда они придутъ туда по дрова, то тамошніе осадчики ихъ грабятъ, отбираютъ лошадей, возы, топоры, снимаютъ платье. Мазепа просилъ у государя позволенія разорить Мошенскую слободу и перевести поселенцевъ назадъ, такъ какъ слобода заселена вопреки договору.

Въ Сибирской Украйнѣ, со стороны Китая было покойно. Русскіе выгодно торговали въ Пекинѣ, и въ 1698 году Виніусъ писалъ Петру за границу, что въ Пекинѣ построена русская церковь и многіе Китайцы крестились. Петръ отвѣчалъ ему: „То дѣло зѣло изрядно. Только для Бога, поступайте въ томъ опасно и не шибко, дабы Китайскихъ начальниковъ не привесть въ злобу, также и езувитовъ, которые уже тамъ отъ многихъ временъ гнѣздо свое имѣютъ; къ чему тамъ надобны попы не такъ ученые, какъ разумные и подкладные, дабы чрезъ нѣкоторое киченіе оное святое дѣло не произошло въ злѣйшее паденіе, какъ учинилось въ Епаніи". Вслѣдствіе этого Виніусъ велѣлъ въ Нерчинскѣ у торговыхъ людей, которые пріѣдутъ изъ Китайскаго государства, спрашивать и всячески довѣдываться о новопостроенной часовнѣ въ

Китайскомъ государствѣ, въ какомъ мѣстѣ и межъ какими домами или особно, отъ домовъ ихъ Китайскихъ въ дальнемъ разстояніи, и Китайцы къ той церкви для смотрѣнія или слушанія приходятъ ли, и что говорятъ, хвалятъ ли? и нѣтъ ли какого отъ нихъ посмѣянія и поруганія? и къ которымъ церквамъ, Греческаго ль закона или къ Езувитскому костелу они склоннѣе, и каковы у той церкви попы и причетники и въ какомъ искусствѣ живутъ, и сколько ихъ, также и народу Русскаго, и какое у той церкви украшеніе и книгъ довольство, и умершихъ христіанъ гдѣ погребаютъ, при той ли часовнѣ или гдѣ въ полѣ, и какимъ служеніемъ, явно ли или со опасеніемъ тайно, и есть ли кто изъ Китайцевъ крестились?"

Въ то время какъ Петръ и Виніусъ такъ заботились о православной церкви въ Пекинѣ и объ отношеніяхъ ея къ езувитскому костелу, въ Москвѣ вскрылись слѣдствія іезуитскаго вліянія. Въ 1697 году священникъ Петропавловской (Адріана и Натальи) церкви въ Мѣщанской слободѣ донесъ патріарху Адріану на своего дьякона Петра Артемьева, который послѣ евангелія читалъ поученіе, похвалялъ въ вѣрѣ Поляки, Ляхи, Литву; прочиталъ молитву Отче нашъ на амвонѣ поримски, приклякнувъ на колѣни, и иныя некія молитвы прилагая Римскія; носитъ онъ на себѣ вмѣстѣ животворящаго креста мошонку, а въ ней образокъ Латынина Антонія Падвіянина (Падуанскаго), еретика суща; глаголетъ исхожденіе Духа св. отъ Отца и Сына, исповѣдовался и пріобщался у іезуитовъ, а съ иными іезуитами, изъ Москвы изгнанными, зѣло слезно разлучился; освященный соборъ называетъ заборомъ, который перескочить хвалится; патріарховъ называетъ потеряхами, потому что истинную православную вѣру потеряли. Боляръ и судей безымянно лаетъ и безчествуетъ, по поводу пытокъ раскольникамъ: называетъ этихъ боляръ и судей, стоящихъ у дыбы въ Константиновской башнѣ, нѣмыми учителями, которые вмѣсто Евангелія просвѣщаютъ огнемъ, и вмѣсто Апостола учатъ кнутомъ.

Петръ Артемьевъ былъ сынъ одного Суздальскаго священника. Съ молоду въ немъ уже виденъ былъ человѣкъ нервный, съ болѣзненною впечатлительностію, разстроеннымъ

воображеніемъ; эти качества должны были усиливаться еще отъ разврата, какъ видно изъ собственныхъ его признаній. Такой-то юноша поступилъ въ школы къ Греческимъ учителямъ Лихудамъ, и съ старшимъ изъ нихъ Іоанникіемъ отправился въ 1688 году въ Венецію. За границей овладѣли имъ іезуиты и обратили въ католицизмъ. Какъ ловко велось дѣло при этомъ обращеніи, видно изъ разказовъ Артемьева: когда онъ спрашавалъ у Латынянъ, чѣмъ ихъ Римская церковь лучше Греческой? ему отвѣчали, что ничѣмъ, Римская и Греческая церковь равны, только развѣ въ Римской церкви люди ученѣйшіе. Молодой человѣкъ успокоивался, что все равно, и стремился къ ученѣйшимъ людямъ, къ книгамъ, написаннымъ ученѣйшими людьми; восторженность, страстность и мистицизмъ нѣкоторыхъ католическихъ писателей какъ нельзя больше пришлись по душѣ Артемьеву.

По возвращеніи въ Россію Артемьевъ былъ посвященъ въ дьяконы къ Петропавловской церкви и тутъ то обратилъ на себя вниманіе своими проповѣдями и выходками. Патріархъ Адріанъ, человѣкъ больной, нѣкоторое время оставилъ безъ слѣдствій доносъ священника, а дьяконъ между тѣмъ пріобрѣталъ послѣдователей, что было нетрудно въ тогдашнее смутное время: „и мнози въ слѣдъ его прелести уклонишася". Между прочими Артемьевъ былъ очень вхожъ въ домы строителей Успенской церкви на Покровкѣ, Гурьева и Сверчкова, у которыхъ бывали и Латинскіе священники. Гурьевъ и Свѣрчковъ стали хлопотать у патріарха о переводѣ отца Артемьева изъ Суздаля въ Москву, именно къ ихъ Успенской церкви. Патріархъ сначала и слышать не хотѣлъ, судя объ отцѣ по сыну: „Какого этого дьякона Петра отецъ? говорилъ патріархъ: не того ли, что за кальвиновъ, лютеровъ и папежниковъ стоитъ? Полно мнѣ принемогается, а тобы онъ давно былъ отправленъ; да такъ то ему не пройдетъ у меня, пощусь для него нарочито соборъ собрать; если таковъ и отецъ-то, каковъ сынъ, то обоихъ доведется сжечь". Но потомъ Адріанъ смягчился, и говорилъ: „по отца его давно я думалъ и самъ послать для него же дьяконишка, для того, что добрый человѣкъ, сказываютъ, отецъ у него".

Добрый человѣкъ долженъ былъ придти въ отчаяніе, получивши въ это время писульку отъ сына: „Батюшка! батюшка! писалъ Петръ: лазилъ я лазилъ въ мысленную Христа бездны язву на небо, а нынѣ лезу лезу и въ Круцификсъ Его, писанный тобою: лезу въ ребреную Его язву сердцемъ, гвожжю къ рукамъ Его мои руки, и отнявъ у Него уста Его, дѣлаю въ нихъ своя уста и говорю съ нимъ такъ по Бернарду: не хощу, Господи мой, безъ язвъ жити, когда вижу Тебя всего въ язвахъ; остави съ собою, Господи, мнѣ хотя одинъ уголокъ на крестѣ, да распнусь съ тобою! Слыхалъ у тебе, что того ради меня нареклъ еси Петромъ, да Петровы теплоты причастникъ буду, и се не погрѣшилъ еси воистину. Яко свѣжій калъ теплехонекъ есмь, чего ради и явленно проповѣдахся Петровъ и каѳедры его исповѣдникъ“.

Пріѣхавъ въ Москву, отецъ едва не далъ заушины сыну „про ту писульку“. А между тѣмъ священникъ Петропавловскій подалъ вторичный доносъ. Патріархъ отослалъ Петра въ Новоспасскій монастырь; но Адріана начали торопить окончаніемъ дѣла, писали ему: „Аще нынѣ отъ малыхъ, паче же отъ единаго сына погибели тако явлено внушаемо злочестіе латиномыслимое многія въ пропасть западную низрѣяетъ: а егда малый недугъ сей латинства разширится и отъ многихъ размножится и растлитъ все тѣло, православія глаголю, тогда что будетъ, разумѣвай!“ Патріархъ въ іюнѣ 1698 года созвалъ соборъ, который приговорилъ растричь Петра и сослать въ Важскій монастырь къ Холмогорскому архіепископу Аѳанасію. Увѣщанія послѣдняго нисколько не подѣйствовали на заточника, и Аѳанасій донесъ патріарху: „цѣлихомъ Вавилона и не исцѣлѣ, но паче едва сами избавихомся богохранимо отъ сѣтей его“.

Въ показаніяхъ Петра Артемьева находимъ любопытныя извѣстія о поведеніи знаменитыхъ учителей его, братьевъ Лихудовъ: „Учитель мой большой Іоанникій, пріѣхавъ изъ Италіи, пріѣзжалъ по много кратъ къ священникамъ Римскимъ на цесарскій дворъ въ слободу, и хвалился имъ быти ихъ мудрованія, но прикровенъ здѣ за страхъ, чему они и вѣрили; я же взялъ книжицу учителеву Мечецъ всю противну Римля-

намъ, показалъ имъ цесарянамъ; они же, пришедшу учителю къ нимъ, показали и лицемѣрство его обличили; учитель отвѣчалъ имъ, что ту книгу братъ его Софроній писалъ безъ него, когда онъ Іоанникій былъ въ Италіи, что можетъ быть и правда, потому что онъ Іоанникій брата своего Софронія гораздо ко всякой правдѣ склоннѣе и къ Богу вѣрою теплѣе“ [246].

ГЛАВА IV.

Продолженіе царствованія Петра 1-го Алексѣевича.

Новое лѣтосчисленіе. — Причины сѣверной войны. — Свиданіе Петра съ Польскимъ королемъ Августомъ и дружба съ нимъ. — Возницынъ на Карловицкомъ конгрессѣ. — Украинцевъ въ Константинополѣ. — Перемиріе съ Турками. — Союзъ трехъ державъ противъ Швеціи. — Карлъ XII. — Травендальскій миръ. — Осада Нарвы Русскими. — Пораженіе Русскаго войска Карломъ XII. Побѣдитель и побѣжденный. — Дѣятельность Виніуса. — Движеніе Шереметева. — Свиданіе Петра съ королемъ Августомъ въ Биржахъ. — Русское войско и Саксонскій генералъ — Пораженіе Саксонцевъ и Русскихъ на Двинѣ; его слѣдствія. — Эрестферская побѣда Шереметева. — Неудовольствія малороссійскаго войска. — Хлопоты съ Запорожьемъ. — Совѣтъ короля Августа опустошить Ливонію. — Исполненіе совѣта. — Дѣйствія Апраксина въ Ингріи. — Петръ въ Архангельскѣ. — Появленіе его и дѣйствія въ Ингріи. — Море. — Основаніе Петербурга.

---

20 декабря 1699 года въ Москвѣ узнали еще новость: приказано вести лѣтосчисленіе не отъ сотворенія міра, какъ прежде, а отъ Рождества Христова, и новый годъ считать не съ 1-го сентября, а съ 1-го января: „Извѣстно великому государю, что не только во многихъ Европейскихъ христіанскихъ странахъ, но и въ народахъ Славянскихъ, которые съ восточною православною нашею церковью во всемъ согласны, какъ: Волохи, Молдавы, Сербы, Далматы, Болгары, и самые великаго государя подданные Черкасы и всѣ Греки, отъ которыхъ вѣра наша православная принята, — всѣ тѣ народы согласно лѣта свои счисляютъ отъ Рождества Христова осьмь дней спустя“ [277]. Въ знакъ добраго начинанія и новаго столѣтія, послѣ молебновъ въ церквахъ всѣ должны были поздравлять другъ друга съ новымъ годомъ; значительные домовладѣльцы должны были передъ воротами поставить украшенія отъ древъ и вѣтвей сосновыхъ, еловыхъ и можжеве-

ловыхъ и сохранять эти украшенія до 7-го января; предписано было, во время фейерверка и пушечной пальбы на Красной площади, въ домахъ палатныхъ, воинскихъ и купеческихъ людей стрѣлять изъ небольшихъ собственныхъ пушекъ или мелкаго ружья трижды и пускать ракеты; по ночамъ отъ 1-го до 7-го числа зажигать костры и смоляныя бочки.

Такъ начали въ Москвѣ 1700-й годъ, знаменитый въ исторіи Европы началомъ двухъ сильныхъ и богатыхъ послѣдствіями войнъ: за наслѣдство Испанскаго престола на западѣ, и великой сѣверной войны на востокѣ: въ слѣдствіе первой почти на цѣлый вѣкъ поникло значеніе Франціи; въ слѣдствіе второй потеряла свое прежнее значеніе Швеція и среди Европейскихъ державъ явилась новая могущественная держава — Россія.

Мы видѣли, съ какимъ неудовольствіемъ узналъ Петръ о намѣреніи союзниковъ своихъ прекратить войну съ Турками: онъ долженъ былъ или одинъ взять на свои плечи войну, или заключить миръ, который останавливалъ его на половинѣ дороги. Понятно, что тутъ же должна была въ головѣ Петра родиться мысль: не удалось на Черномъ морѣ — надобно утвердиться на Балтійскомъ, что гораздо выгоднѣе: ближе и къ настоящей Россіи, и къ настоящей Европѣ. Но если нельзя было продолжать войны Турецкой безъ союзниковъ, то тѣмъ болѣе нельзя было начать безъ нихъ войну съ Швеціею, слѣдовательно и новая война была возможна только при образованіи новаго союза. Союзъ былъ возможенъ: Швеція, во время своей первенствующей роли на сѣверовостокѣ, вооружила противъ себя всѣхъ сосѣдей: Данія, Польша и Россія были обобраны Швеціею при ея воинственныхъ короляхъ — Густавѣ Адольфѣ и Карлѣ X Густавѣ; ставши, въ слѣдствіе дѣятельности Густава Адольфа, покровительницею сѣверной протестантской Германіи, Швеція измѣнила этой обязанности противоестественнымъ союзомъ своимъ съ Франціею противъ Германіи, и тѣмъ самымъ проиграла здѣсь свое значеніе, которое переходитъ къ Бранденбургу; Бранденбургъ долженъ вступить въ борьбу съ Швеціею и за свои и за общегерманскіе интересы. Во все время пребыванія Петра въ

Пруссіи курфюрстъ Бранденбургскій приглашалъ его усильно къ союзу противъ Швеціи; но царь, разумѣется, не могъ согласиться на это, имѣя на плечахъ Турецкую войну. Теперь же обстоятельства перемѣнились, и Петръ, отбитый отъ Чернаго моря миромъ союзниковъ съ Портою, самъ будетъ искать союзниковъ для войны Шведской, для утвержденія на Балтійскомъ морѣ.

Возвращаясь, по вѣстямъ о стрѣлецкомъ бунтѣ, изъ за границы, Петръ въ Галиціи, близь мѣстечка Равы, встрѣтился съ новымъ королемъ Польскимъ Августомъ II-мъ, и, между прочими разговорами была рѣчь у нихъ о взаимной помощи: „Король Августъ говорилъ, что много Поляковъ противныхъ имѣетъ, и примолвилъ, что ежели надъ нимъ что учинятъ, то не оставь меня. Противъ чего Петръ отвѣтствовалъ, что онъ готовъ то чинить, но не чаетъ отъ Поляковъ тому быть, ибо у нихъ такихъ примѣровъ не было; но просилъ его, дабы отъ своей стороны помогъ отмстить обиду, которую учинилъ ему Рижскій губернаторъ Далбергъ въ Ригѣ, что едва животъ спасся; что король обѣщалъ“ [278]. Но понятно, что отъ этого летучаго разговора до союза было еще очень далеко: „И такъ другъ другу обязались крѣпкими словами о дружбѣ, безъ письменнаго обязательства, и разъѣхались“.

Петръ во время трехдневнаго пребыванія въ Равѣ былъ вполнѣ очарованъ Августомъ, какъ часто молодой, невоспитанный для свѣта человѣкъ бываетъ очарованъ свѣтскими пріемами франта, хотя бы этотъ франтъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніи былъ безконечно ниже дикаго юноши Петръ любилъ повеселиться, Августъ умѣлъ повеселить— и тѣсная дружба была заключена между двумя сосѣдями, дружба, продолжавшаяся до тѣхъ поръ, пока Петръ, сильно выросшій въ бѣдѣ, разошелся слишкомъ далеко съ Августомъ, сильно понизившимся въ бѣдѣ. По возвращеніи въ Москву Петръ, щеголяя въ кафтанѣ и шпагѣ Августа, не находилъ словъ для восхваленія своего несравненнаго друга. Но сколько понравился ему король, столько же не понравилось безнарядное и бѣдное королевство Польское. Вскорѣ послѣ возвращенія, на пиру у Лефорта, Петръ говорилъ: „Я было потол-

стѣлъ въ Вѣнѣ отъ жирной пищи; но нищая Польша сняла опять весь жиръ". Польскій посланникъ заступился за отчизну: „Удивляюсь, сказалъ онъ, отъ чего это такъ случилось съ вашимъ величествомъ: я родился и воспитанъ въ Польшѣ, однако отжирѣлъ". — „Ты отжирѣлъ не въ Польшѣ, а здѣсь въ Москвѣ", отвѣчалъ царь [279].

Какія бы мысли ни занимали Петра о новомъ союзѣ, о новой войнѣ, прежде всего нужно было кончить старую войну какъ можно повыгоднѣе. Русскимъ уполномоченнымъ на конгрессъ, имѣвшій окончить Турецкую войну, былъ назначенъ думный дьякъ, теперь уже называвшійся думнымъ совѣтникомъ, Прокофій Возницынъ. Уполномоченный долженъ былъ объявить первую мѣру — уступку Керчи, потомъ, если Турки не согласятся, ограничиться общепринятымъ основаніемъ, уступкою того, что уже находилось въ рукахъ. Конгрессъ открылся въ Карловичѣ въ октябрѣ 1698 года. Турки всего больше были напуганы Нѣмцами, побѣдами императорскихъ генераловъ и потому желали какъ можно скорѣе заключить миръ съ императоромъ; посредники—послы Англійскій и Голландскій желали того же самого, потому что императорское войско нужно было имъ противъ Франціи въ предстоящей войнѣ за Испанское наслѣдство: поэтому неудивительно, что Турецкіе уполномоченные скорѣе всего пришли къ соглашенію съ Австрійскими. Возницынъ думалъ помѣшать этому, внушая драгоману порты, Александру Маврокордато, что Турціи стоитъ только повременить миромъ до начала неминуемой войны за Испанское наслѣдство, и тогда можно будетъ съ успѣхомъ бороться съ отвлеченною на западъ Австріею. Хитрость была слишкомъ простовата: странно было, что Русскій уполномоченный хлопочетъ въ интересахъ Турціи; западная война могла задержаться въ слѣдствіе продленія войны Турецкой, а Турціи было не въ мочь противиться, и она спѣшила воспользоваться предстоящею западною войною для прекращенія тяжкой войны. Въ Константинополѣ боялись оружія императорскаго, но въ то же время очень боялись связи, которая существовала между русскимъ царемъ и единовѣрными ему подданными Порты, на эту связь прямо

указывала мирная партія въ Константинополѣ, какъ на побужденіе къ скорѣйшему заключенію мира. Дѣйствительно шли сношенія между Валахіею и Москвою при посредствѣ гетмана Мазепы. Поставленный между двумя огнями, между требованіями Турокъ и не менѣе ненавистныхъ Нѣмцевъ — католиковъ, господарь искалъ спасенія у православнаго царя, просилъ о принятіи въ подданство, и присылкѣ войска въ Бессарабію: „Со слезами молимъ спасти насъ отъ папистовъ и іезуитовъ, которые бѣснуются на православныхъ больше, чѣмъ на Турокъ и Жидовъ. Война мірская можетъ когда нибудь кончиться; а война іезуитская никогда“.

Маврокордато, обыкновенно клявшійся Русскимъ посламъ, что по единовѣрію радѣетъ великому государю, бралъ подарки отъ Возницына — и не препятствовалъ заключенію мира между Турціею и Австріею; посредники взяли у Возницына по шубѣ и также не препятствовали заключенію этого мира. Удовлетворивши императора, Турецкіе уполномоченные хотѣли вознаградить себя на счетъ остальныхъ противниковъ, и не думали уступать ихъ требованіямъ: „Трудность съ Турской стороны неначаемая къ намъ простерта, также не легко и съ нашей къ нимъ“, писалъ Возницынъ государю. „Богъ вѣдаетъ—за тѣмъ за всѣмъ состоится ли у насъ съ ними миръ, а на краткое перемирье отнюдь позволити не хотятъ; а союзные послы повседневно съ ними съѣзды имѣютъ; и цесарскіе и венецейскіе говорятъ, что они дѣла свои на мѣрѣ поставили, также и Поляки удовольствованы будутъ и еще ожидаютъ меня, и, буде я въ таковомъ же намѣреніи пребуду, оставить хотятъ. Буде Туркамъ Азовъ и Поднѣпрскіе города отдать, а хану казна (т. е. продолжать посылать ежегодную казну или дань), то тотъ миръ всегда не ушелъ. Еслибъ дойтить до Дуная, не только тысячи—тьмы нашего народа, нашего языка, нашей вѣры, и всѣ миру не желаютъ“.

Не имѣя возможности заключить миръ, Возницынъ предложилъ перемиріе. Турки не согласились, и стали грозить. Тогда Возницынъ перемѣнилъ поведеніе: вмѣсто внушеній и подарковъ употребилъ твердость, высказалъ, что не боится войны, и достигъ цѣли: Турки заключили перемиріе на два

года. „Я, писалъ Возницынъ, учинилъ только армистицыумъ, или на время унятіе оружія; и то по самой нуждѣ, видя, что ты, государь, отъ Турковъ къ миру не удовольствованъ, а они всѣ (союзники) удовольствованы и тебя оставили. А прежде я ихъ въ тотъ армистиціумъ звалъ и совѣтовалъ, чтобъ учинили то нынѣ, а не миръ: которые Нѣмцы словами, а Полякъ и письмомъ въ томъ мнѣ отказали. Не дивно, государь, на Нѣмецъ, потому что они краткимъ союзомъ обязаны; дивно на Поляка, что онъ смѣлъ то учинить, а всего будучи на дву съѣздахъ, дѣло свое окончилъ, а на чемъ, то еще паче надивняе: оставя съ тобою, государемъ, вѣчный союзъ, и натрутя тѣмъ и вѣчный миръ, помирился ни на чемъ: Турки посулили отдать ему Каменецъ пустой. Впровадили его и обманули Нѣмцы для того, что имъ нуженъ и надобенъ и пожиточенъ миръ; и помирились они безъ всякаго себѣ отягченія и безъ уступки всего, и заткнули Туркамъ горло другими своими союзники. А съ Венеты у Нѣмецъ я чаялъ крайней дружбы, ажно, у нихъ есть тайная антипатія: Нѣмцы не хотятъ того слышать, чтобъ Венетъ бралъ силу. По правдѣ, государь, Нѣмцы знаютъ, какъ свои дѣла весть, и сей миръ сильною рукою и въ потребное себѣ время сдѣлали. Я сіе покорно донесши, паки твоей государевой милости молю: помилуй грѣшнаго убогаго своего сироту, а лучше я сдѣлать сего дѣла не умѣлъ“.[280].

Перемиріемъ надобно было воспользоваться или для заключенія прочнаго мира или для приготовленія къ успѣшной войнѣ, которую теперь нужно было вести одинъ на одинъ. Для перваго былъ назначенъ посланникомъ въ Константинополь думный дьякъ, теперь также совѣтникъ, Емельянъ Украинцевъ съ дьякомъ Чередеевымъ; но чтобъ помочь Украинцеву въ заключеніи выгоднаго мира, чтобъ показать Туркамъ всю опасность войны съ Россіею, Петръ отправилъ своего посланника моремъ на Русскомъ военномъ кораблѣ; нужно было также показать Туркамъ и Крымцамъ весь русскій флотъ, и при этомъ извѣдать, на всякій случай, путь къ завѣтной Керчи: съ этою цѣлію царь хотѣлъ со всѣмъ своимъ флотомъ отправиться изъ Воронежа провожать Украинцева

до Керчи. Перваго адмирала русскаго флота, Лефорта, уже не было болѣе: онъ умеръ въ мартѣ 1699 года. На его мѣсто генералъ-адмираломъ былъ назначенъ извѣстный намъ по Нерчинскому договору бояринъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ, который вмѣстѣ съ этимъ званіемъ получилъ въ завѣдываніе иностранныя дѣла; Головинъ же былъ первымъ кавалеромъ ордена Андрея Первозваннаго, учрежденнаго 10 марта 1699 года [281]. Такимъ образомъ Головинъ получилъ первенствующее значеніе между правительственными лицами, значеніе перваго министра, какъ величаютъ его иностранцы, т. е. значеніе, бывшее прежде у Льва Кирилловича Нарышкина.

Въ апрѣлѣ 1699 года чрезвычайные посланники, Украинцевъ и Чередеевъ отправились въ Константинополь. Они ѣхали туда не съ пустыми руками, повезли мѣховъ на пять тысячъ рублей, полтора пуда чаю, десять пудовъ рыбья зуба—на раздачу отъ государевыхъ дѣлъ. Ѣхали на Воронежъ, гдѣ были у государевой руки, съ Воронежа водою до Азова, ѣхали мимо городовъ Костенска, Урыву, Коротояка и Дивьихъ горъ; а за Коротоякомъ, по обѣимъ сторонамъ Дона тринадцать вотчинъ, гдѣ городковъ, селъ и деревень жилыхъ нѣтъ, только юрты промышленыхъ людей, наѣзжающихъ временно для рыбной и звѣриной ловли, человѣкъ по сороку, а владѣютъ они по отдачѣ изъ оброку, нанимая у епископа Воронежскаго и въ монастыряхъ. Отъ этихъ вотчинъ внизъ ѣхали мимо пятидесяти козачьихъ городковъ: когда равнялись съ городкомъ, выѣзжали на встрѣчу станичные атаманы и козаки и для почтенія въ городкахъ была пальба изъ пушекъ и мелкаго ружья. Когда поровнялись съ главнымъ городомъ Черкаскомъ, то посланники велѣли провожавшимъ ихъ солдатамъ выстрѣлить первымъ изъ ружей и на этотъ выстрѣлъ отвѣчали пушки со всего города; посланники вышли изъ судовъ и пошли въ соборную церковь, оттуда къ атаману Фролу Минаеву; атаманъ отдалъ имъ визитъ на бударѣ. Изъ Черкаска поѣхали въ Азовъ, изъ Азова въ Таганрогъ, гдѣ въ двухъ верстахъ отъ города дожидался ихъ военный сорокашестипушечный корабль „Крѣпость“, капитанъ

Голландецъ Петръ фонъ Памбургъ. Отъ Таганрога до Керчи посланники шли Азовскимъ моремъ въ государевомъ морскомъ корабельномъ и галерномъ караванѣ, надъ которымъ былъ предводителемъ и правителемъ ближнiй бояринъ и славнаго чина св. Апостола Андрея кавалеръ и каравана воинскаго морскаго генералъ адмиралъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ; командоромъ на кораблѣ: „Апостолъ Петръ“ былъ самъ государь; въ караванѣ кромѣ Крѣпости, было девять кораблей, двѣ галеры, яхта, два галiота, три бригантира. Въ томъ же караванѣ, въ четырехъ морскихъ стругахъ шелъ Донской атаманъ Фролъ Минаевъ съ пятью стами выборныхъ козаковъ.

Когда караванъ явился у Керчи, то здѣшнiй паша видимо испугался, спрашивалъ, зачѣмъ пришелъ такой большой караванъ? и присланный изъ Царяграда приставъ настаивалъ, чтобъ посланники ѣхали въ Константинополь сухимъ путемъ, черезъ Крымъ и Буджаки; но Украинцевъ отвѣчалъ: „по указу великаго государя велѣно намъ ѣхать моремъ на кораблѣ царскаго величества, а сухимъ путемъ ѣхать намъ не велѣно, да и не для чего, потому что тотъ путь въ дальнемъ разстоянiи; видно ты, приставъ хочешь вести насъ черезъ Крымъ для какого-нибудь вымысла; только намъ черезъ Крымъ ѣхать не для чего, и до хана Крымскаго никакого дѣла намъ нѣтъ, говорить съ нимъ не о чемъ.“ Приставъ стращалъ посланниковъ: „Видно вы Чернаго моря не знаете, каково оно бываетъ съ 15 августа, не напрасно дано ему имя Черное: бываютъ на немъ во время нужды черны сердца человѣческiя.“—„Полагаемся на волю Божiю, а сухимъ путемъ не поѣдемъ,“ отвѣчалъ Украинцевъ и закончилъ споръ.

28 августа посланники вышли въ море и благополучно достигли Царяграда; невиданное диво—русскiй корабль торжественно, при пушечной пальбѣ, вошелъ въ Константинопольскую гавань и сталъ на якорѣ противъ сераля. Первымъ дѣломъ посланниковъ было отправить капитана Памбурга съ поздравленiемъ къ Французскому, Англiйскому и Голландскому посламъ; Французъ и Голландецъ приняли Памбурга любовно и за поздравленiе благодарили; Англичанинъ же къ

себѣ не пустилъ, выслалъ на крыльцо человѣка и велѣлъ сказать, что видаться ему съ Памбургомъ не для чего, и сѣлъ онъ теперь за столъ обѣдать. Начали пріѣзжать смотрѣть диковину; пріѣзжали Французы изъ посольской свиты, пріѣзжалъ великій визирь и долго ѣздилъ около корабля, хвалилъ и дивился, что корабль такъ скоро пришелъ изъ Керчи въ Царьградъ, наконецъ пріѣзжалъ самъ султанъ.

Переговоры начались только въ ноябрѣ; посланники предложили статьи: 1) Вѣчный миръ или продолжительное перемиріе съ тѣмъ, чтобъ каждая сторона удержала то, чѣмъ владѣла въ минуту переговоровъ, слѣдовательно Россія удерживала за собою всѣ завоеванія. 2) Татары не должны тревожить Русскія области. 3) Когда Азовъ, Казыкермень и другія крѣпости будутъ въ Русскомъ владѣніи, то своевольные люди обоихъ государствъ уймутся; эти крѣпости великій государь не для какой нибудь себѣ славы въ своей сторонѣ держать изволяетъ, но только для унятія съ обѣихъ сторонъ своевольныхъ людей. 4) Если во время мира козаки пойдутъ войною на Турецкія или Крымскія мѣста, то вольно ихъ побивать какъ злодѣевъ; а когда изъ походу возвратятся, то по царскому указу учинена имъ будетъ смертная казнь; также будетъ поступлено взаимно съ Турецкой и Крымской стороны. 5) Дачу, которая прежде бывала Крымскому хану и начальнымъ людямъ, великій государь за многія ихъ неправды велѣлъ отставить и впредь имъ той дачи не будетъ. 6) Полонъ весь освобождается на условномъ мѣстѣ размѣною. 7) Свободная торговля съ обѣихъ сторонъ. 8) Запорожцамъ вольно промышлять звѣремъ и рыбою вплоть до Днѣпровскаго устья. 9) Порубежныя ссоры успокоиваются чрезъ пословъ. 10) Русскіе люди свободно ходятъ на поклоненіе св. мѣстамъ, не платя никакихъ податей. 11) Св. мѣста возвращаются Грекамъ. 12) Православные въ Турецкихъ областяхъ свободно отправляютъ свое богослуженіе.

Рейсъ эфенди отвѣчалъ, что первая статья самая трудная и не ожидали они ея, потому что всѣ другіе государи въ Карловичахъ возвратили султану что-нибудь изъ завоеваннаго, одинъ Русскій царь не хочетъ ничего возвратить. Рейсъ-эфен-

ди потребовалъ возвращенія Казыкерменя и другихъ приднѣпровскихъ городковъ — для удержанія хана Крымскаго и всякихъ Татаръ отъ своевольничества и для принужденія ихъ къ пашнѣ. Посланники отвѣчали, что эти городки не сдерживаютъ своевольныхъ Татаръ, а на оборотъ, укрываютъ разбойниковъ: до взятія Казыкерменскаго жили въ томъ городѣ беи, у которыхъ былъ промыселъ, что загонъ за загономъ отпускали, и за то великіе подарки у Татаръ брали.

Переговоры затянулись; въ три мѣсяца дѣло не подвинулось ни насколько. 24 февраля 1700 года, на одиннадцатой конференціи посланники объявили Рейсъ-эфенди медіумъ или средокъ, что государь изволяетъ Казыкермень и иные городки разорить до основанія, а землю пустую уступить султану, чтобъ впредь отъ тѣхъ городковъ недружбы и войны не было. 2 Марта на 12-й конференціи Рейсъ-эфенди отвѣчалъ, что такую малую уступку султанъ не вмѣняетъ въ дружбу и въ уступку, надобно городки уступить султану въ цѣлости, построилъ ихъ отецъ нынѣшняго султана для удержанія Запорожскихъ козаковъ, которые выходили на Черное море и разоряли приморскіе города Турецкіе. Посланники отвѣчали, что прежде козаки были у Поляковъ, жили въ своевольствѣ и непослушаніи и на море хаживали своевольствомъ, а теперь гетманы козацкіе и козаки всѣ у государя въ вѣрномъ послушаніи. „Отъ пословъ, доносилъ Украинцевъ, отъ цесарскаго, Венеціанскаго, Англійскаго и Голландскаго не видимъ мы никакой себѣ помощи, всѣ они лицемѣры и навѣтники". Іерусалимскій патріархъ присылалъ говорить посланникамъ, что изъ за Казыкерменя не стоитъ начинать войны, и чтобъ они изъ за такого малаго дѣла не препятствовали миру. Ханъ присылалъ къ султану нѣсколько разъ, чтобъ Казыкерменя не уступалъ Россіи, въ противномъ случаѣ будетъ онъ Татарамъ вреденъ: Москвичи и козаки могутъ изъ него приходить къ Перекопи объ одну ночь. Сербъ Савва Рагузинскій давалъ знать Украинцеву, что „послы христіанскіе, которые въ Царѣ-градѣ, всѣ противны миру нашему, и потому не доведется имъ ни въ чемъ вѣрить; у всѣхъ у нихъ то намѣреніе, чтобъ Москвичей въ дальнюю съ Турками войну вплесть".

Іерусалимскій патріархъ утверждалъ также, что „конечно Римляне, Люторы и Кальвины не желаютъ, чтобъ былъ миръ у великаго государя съ султаномъ, и православнымъ христінамъ они естественные враги“.

На слѣдующихъ конференціяхъ, послѣ долгихъ споровъ и выторговыванія съ Турецкой стороны, Рейсъ-ефенди наконецъ объявилъ, что султанъ соглашается на срытіе Днѣпровскихъ городковъ и заключеніе перемирія на 30 лѣтъ. Начались новыя трудности: Турки не хотѣли писать въ договорѣ новыхъ городковъ, построенныхъ Петромъ—Таганрога, Павловскаго и Міюса: „Поступаютъ они въ договорахъ весьма лукаво, съ великимъ вымысломъ и продолженіемъ, а я отъ такого ихъ продолжительнаго и лукаваго поступка въ безпрестанной пребываю печали и слезахъ“, доносилъ Украинцевъ. „Съ послами цесарскимъ, Англійскимъ, Венеціанскимъ по сіе время я не видался, потому что Порта не допускаетъ, и пересылку черезъ дворянъ съ ними имѣю, только помощи мнѣ отъ нихъ никакой нѣтъ, и не только помощи, и вѣдомостей никакихъ, и никакой осторожности мнѣ не чинятъ, а у нихъ на Галатѣ многія есть вѣдомости: потому что они живутъ тамъ во всякой повольности, между себя и съ Турками безпрестанныя имѣютъ конверсаціи, а ко мнѣ ни съ чѣмъ не отзываются; только когда я къ нимъ пошлю съ здоровьемъ, тогда и они ко мнѣ противъ того присылаютъ же, а сами отъ себя отнюдь ни въ чемъ меня не посѣщаютъ, и у Порты того, чтобъ имъ со мною видаться, съ своей стороны не домогаются, отговариваяся мнѣ тѣмъ, что если имъ того у Порты просить, а она имъ откажетъ, и въ томъ имъ учинится только стыдъ и безчестье. Послы Англійскій и Голландскій во всѣмъ держатъ крѣпко Турскую сторону, и больше хотятъ имъ всякаго добра, нежели тебѣ, великому государю. Торговля Англійская и Голландская корабельная въ Турскомъ государствѣ изстари премногая и пребогатая, и что у тебя, государя завелось морское корабельное строеніе и плаваніе подъ Азовомъ и у Архангельскаго города, и тому они завидуютъ, и того ненавидятъ, чая себѣ отъ того въ морской своей торговлѣ великой помѣшки“.

Въ Апрѣлѣ, послѣ четырехъ конференцій согласились написать такъ: Поднѣпрскіе городки всѣ разорить, и мѣстамъ, на которыхъ они стояли, быть въ султановой сторонѣ пустымъ, да и всѣмъ землямъ по Днѣпру отъ Сѣчи Запорожской до Очакова быть пустыми же, только на половинѣ между Очаковомъ и Казыкерменемъ быть поселенію для перевоза черезъ Днѣпръ всякихъ проѣзжихъ и торговыхъ людей, и быть около того поселенія окруженію съ ровикомъ и крѣпостцою, селу приличному, а вида городовой крѣпости и никакой обороны то окруженіе въ себѣ не имѣло бы. Азову городу со всѣми старыми и новыми городками и межъ тѣми городками лежащими землями и водами быть всѣмъ въ державѣ царскаго величества, а отъ Перекопи и отъ края моря Перекопскаго до перваго новаго Азовскаго городка (Міюскаго) землямъ быть празднымъ. Отъ Кубанской стороны къ Азову Турки уступили земли на 10 часовъ ѣзды: „больше того мы у нихъ вытянуть не могли", писалъ Украинцевъ государю.

Слѣдовала статья о Татарахъ. Турки объявили, чтобъ поминки продолжалъ царь давать хану по милости своей государской, а не по принужденію, а безъ этой дачи миръ заключенъ быть не можетъ, султанъ въ такомъ безчестіи хана не поставитъ. Относительно статьи о возвращеніи святыхъ Іерусалимскихъ мѣстъ Грекамъ, Турки объявили, что это къ государственнымъ дѣламъ не принадлежитъ, во всѣхъ дѣлахъ въ своемъ государствѣ султанъ воленъ, никогда одинъ государь другому въ его дѣлахъ не указываетъ, а если потомъ царь будетъ просить объ этомъ султана, то вѣроятно султанъ исполнитъ царское желаніе. 28 мая, по многихъ разговорахъ и спорахъ ханскую дачу Турки отставили, а статью о святыхъ мѣстахъ Русскіе посланники отложили до будущаго времени. Дѣло приближалось къ окончанію, какъ вдругъ въ іюнѣ мѣсяцѣ Турки опять заговорили о необходимости срыть новые Азовскіе городки — Таганрогъ, Павловскъ, Міусскій; посланники имъ отказали на отрѣзъ и объявили, что даютъ только мѣсяцъ сроку для переговоровъ, послѣ чего Іерусалимскій патріархъ прислалъ имъ письмецо: „Рѣхъ и глаголю, что сіи яко лукавые искушаютъ либо что исправятъ себѣ

угодное, однакожь не вѣрю, чтобъ мира не учинили, я такъ чаю, и мню, что не ошибусь". Дѣйствительно 28 іюня Турки дали знать, что отказываются отъ своего требованія относительно срытія новыхъ Азовскихъ кастелей. 3 іюля происходила размѣна статьями, а чрезъ нѣсколько дней пришелъ къ Украинцеву Сербъ Савва Владиславичь Рагузинскій и разказывалъ, что Польскій посолъ Лещинскій просилъ прилежно у Турокъ именемъ всего сената и всей рѣчи посполитой, чтобъ они съ Русскимъ царемъ не мирились, а заключили союзъ съ Поляками и помогли имъ отыскивать Кіевъ и всю Малороссійскую украйну; а на короля своего Лещинскій жаловался, что онъ великій другъ Русскому царю, и Поляки его ни въ чемъ слушать не будутъ и съ королевства его скинутъ. Но Турки ни въ чемъ не послушали Лещинскаго [282].

Въ то время, какъ Украинцевъ въ Константинополѣ хлопоталъ о прекращеніи войны на югѣ, въ Москвѣ велись дѣятельные переговоры о начатіи новой войны, которая должна была обхватить сѣверовостокъ Европы. Мы видѣли, что Швеція успѣла нажить себѣ враговъ во всѣхъ своихъ сосѣдяхъ. Привести ихъ въ союзъ противъ общаго врага было нетрудно: стоило только явиться энергическому человѣку, который изъ самыхъ сильныхъ личныхъ побужденій рѣшился бы дѣйствовать въ пользу этого союза, соглашая интересы всѣхъ державъ. Такой человѣкъ явился среди Шведскихъ подданныхъ вслѣдствіе стремленія Шведскаго правительства усилить свои внутреннія средства, чтобъ поддержать свое первенствующее значеніе на сѣверовостокѣ Европы, чтобъ не бояться враждебныхъ сосѣдей. Средства Швеціи были вовсе не въ уровень съ тѣмъ значеніемъ, какое она пріобрѣла случайно со временъ Густава Адольфа, и потому естественно раждалось стремленіе увеличить ихъ какимъ бы то ни было способомъ. Исторія Швеціи представляетъ одну выпуклую сторону — постоянную и упорную борьбу королей съ сильною аристократіею, при чемъ короли опираются на другія сословія. Король Карлъ XI, умный и бережливый деспотъ, умѣлъ повести дѣло такъ, что сеймъ отдалъ ему неограниченную власть и право распорядиться судь-

бою низложеной аристократіи. Карлъ XI воспользовался своимъ торжествомъ, и посредствомъ знаменитой редукціи аристократія была обобрана, лишилась всѣхъ земель, которыя когда-то были коронными и потомъ разными способами перешли въ частное владѣніе. Редукціонная коммисія явилась и въ Лифляндіи: у здѣшняго рыцарства отобрали не только земли, пожалованныя Шведскими королями, но и всѣ тѣ земли, которыя когда-то, во время самобытнаго существованія Ливоніи, принадлежали орденскому капитулу, магистрамъ и высшему духовенству. Не довольствуясь тѣмъ, что у Лифляндскаго рыцарства изъ 5000 участковъ осталась только тысяча, Карлъ XI потребовалъ, чтобъ оно представило несомнѣнныя доказательства своихъ правъ на владѣніе и оставшеюся у него землею. Въ этой бѣдѣ изъ рядовъ рыцарства выдался самый сильный по своей природѣ человѣкъ, капитанъ Іоганъ Рейнгольдъ фонъ Паткуль. Даровитый, энергическій, неразборчивый въ средствахъ, пылкій до бѣшенства, мстительный, жестокій,—Паткуль въ Лифляндіи и Стокгольмѣ говорилъ громче всѣхъ и лучше всѣхъ противъ обидъ и притѣсненій, волновалъ рыцарство, заставлялъ его соединять силы для отпора бѣдѣ, писалъ отъ его имени просьбы къ королю. Легко понять, какое раздраженіе этотъ „безпокойный человѣкъ“ производилъ въ Стокгольмѣ при дворѣ королевскомъ, и въ Ригѣ у генералъ-губернатора, графа Гастфера, который былъ ревностнымъ исполнителемъ королевской воли въ Лифляндіи. Паткуль былъ вызванъ въ Стокгольмъ, обвиненъ въ государственной измѣнѣ; видя, что дѣло должно кончиться для него дурно, онъ убѣжалъ въ Курляндію, а въ Стокгольмѣ заочно приговорили его къ смертной казни. Изъ Курляндіи Паткуль ушелъ въ Бранденбургъ, оттуда въ Швейцарію, былъ во Франціи, Италіи, на досугѣ занялся наукою; но кипучая натура Паткуля не долго позволяла ему эти мирныя занятія. Паткуль не хотѣлъ оставаться изгнанникомъ; такъ или иначе онъ долженъ былъ возвратиться въ Лифляндію; но это было для него невозможно, пока Лифляндія оставалась Шведскою провинціею, слѣдовательно надобно было вырвать ее у Швеціи. Говорить о патріотизмѣ

Паткуля мы должны съ большою осторожностію: Паткуль дѣйствовалъ исключительно въ интересахъ своего сословія, тѣсно соединенныхъ съ его личными интересами. О возстановленіи самостоятельности Лифляндіи онъ не могъ думать; ему нужно было слѣдовательно, вырвавши ее у Шведовъ, передать кому-нибудь изъ другихъ сосѣднихъ державъ. Паткуль остановился на Польшѣ: члена Лифляндскаго рыцарства привлекала форма шляхетской республики, въ которой нельзя было ожидать Шведской редукціи; Нѣмца привлекало то, что королемъ Польскимъ былъ теперь одинъ изъ Нѣмецкихъ курфюрстовъ. Паткуль явился при дворѣ Августа II и въ концѣ 1698 и началѣ 1699 года подалъ одинъ за другимъ нѣсколько меморіаловъ, въ которыхъ указывалъ, какъ и съ кѣмъ должно заключить союзъ для успѣшнаго нападенія на Швецію и завоеванія Ливоніи. Паткуль указывалъ на необходимость и возможность заключенія союза съ Даніею, Россіею, Бранденбургомъ. При раздѣлѣ добычи онъ больше всего боялся Россіи: „Надобно опасаться, писалъ Паткуль, чтобъ этотъ могущественный союзникъ не выхватилъ у насъ изъ подъ носа жаркое, которое мы воткнемъ на вертелъ; надобно ему доказать исторіею и географіею, что онъ долженъ ограничиться одною Ингерманландіею и Кареліею. Надобно договориться съ царемъ, чтобъ онъ не шелъ дальше Наровы и Пейпуса; если онъ захватитъ Нарву, то ему легко будетъ потомъ овладѣть Эстляндіею и Лифляндіею. Надобно также уговориться съ царемъ, чтобъ, при завоеваніи Ингерманландіи и Кареліи, Москвитяне не предавались своей обычной жестокости, не били, не жгли и не грабили. Надобно выговорить у царя деньги и войско, особенно пѣхоту, которая очень способна работать въ траншеяхъ подъ непріятельскими выстрѣлами“. Паткуль совѣтуетъ дѣйствовать въ глубочайшей тайнѣ: „да невѣдаетъ лѣвая рука, что́ дѣлаетъ правая“; совѣтуетъ остерегаться Поляковъ, которые будутъ противодѣйствовать завоеванію Лифляндіи, какъ средству къ усиленію королевской власти; сеймъ зашумитъ, и если даже согласится на войну, то въ Швеціи узнаютъ и примутъ свои мѣры; надобно напасть въ расплохъ на Швецію и овладѣть Ригою [283].

Совѣты Паткуля были приняты Усыпляя Швецію дружественными увѣреніями, Августъ велъ переговоры о союзѣ съ Датскимъ королемъ Христіаномъ V, который охотно согласился дѣйствовать противъ Швеціи по враждѣ своей съ герцогомъ Голштейнъ-Готторпскимъ Фридрихомъ VI, другомъ и зятемъ молодаго Шведскаго короля Карла XII. Въ Польшѣ за 100,000 рейхсталеровъ былъ подкупленъ первый человѣкъ послѣ короля въ государствѣ, кардиналъ-примасъ Радзеевскій, обѣщавшій выхлопотать у сейма позволеніе подъ предлогомъ устройства гавани въ Полангенѣ, оставить въ Курляндіи саксонскія войска, которыя должны были идти подъ Ригу. Радзеевскому показали договоръ, заключенный королемъ съ Паткулемъ, какъ уполномоченнымъ отъ Лифляндскаго рыцарства: по этому договору Лифляндія присоединялась на вѣки къ Польшѣ, съ правомъ присылать депутатовъ на сеймы, имѣть свое войско, свое внутреннее управленіе, свои законы и учрежденія. Но въ секретныхъ пунктахъ рыцарство обязывалось признавать верховную власть Августа и его потомковъ даже и въ томъ случаѣ, еслибы они не были королями Польскими, и всѣ доходы отправлять прямо къ нимъ [284].

Въ Москву уговаривать царя къ начатію войны съ Швеціею былъ посланъ генералъ Карловичь, съ которымъ вмѣстѣ подъ чужимъ именемъ пріѣхалъ и Паткуль [285]. Они пріѣхали въ Москву въ сентябрѣ 1699 года и нашли здѣсь Шведскихъ пословъ, которые пріѣхали отъ принявшаго правленіе молодаго короля Карла XII за подтвержденіемъ Кардискаго договора. Петръ былъ готовъ для пріобрѣтенія моря воевать со Шведами въ союзѣ съ Польшею и Даніею, но не могъ начать новой войны прежде заключенія мира съ Турками. Карловичь напомнилъ Петру о его предложеніи, сдѣланномъ Августу еще въ Равѣ воевать вмѣстѣ съ нимъ Шведовъ: теперь время благопріятное для царя утвердиться на Балтійскомъ морѣ, завести торговлю со всѣми странами міра и получить такія выгоды, какихъ не получалъ никогда ни одинъ потентатъ, захватить монополію торговли между востокомъ и западомъ, не говоря уже о томъ, что пріобрѣтется средство войти въ ближайшія сношенія съ важнѣйшими государствами христіан-

скаго міра, пріобрѣсти вліяніе на Европейскія дѣла, завести на Балтійскомъ морѣ страшный флотъ, образовать здѣсь третье могущество, выбить у Франціи мысль о всемірной монархіи и пріобрѣсть чрезъ это большую славу, чѣмъ отъ покоренія Турокъ и Татаръ. Царское величество пріобрѣтетъ возможность сдѣлаться еще болѣе необходимымъ для Англіи и Голландіи, когда въ случаѣ войны ихъ съ Франціею за Испанію или за что нибудь другое, пошлетъ имъ на помощь войско и флотъ; чрезъ это Московская нація на чужой счетъ выучится военному искусству и съ успѣхомъ будетъ вести войну съ Турками и Татарами, не нуждаясь въ помощи иностранныхъ офицеровъ. Для достиженія всего этого его королевское величество Польскій отъ вѣрнаго и праваго сердца предлагаетъ къ услугамъ не только свою Нѣмецкую армію, но и свою собственную высокую особу, обязуется учинить на Шведскую сторону такую сильную диверсію, что царскому величеству нечего будетъ опасаться оттуда нападенія, ибо королевское величество займетъ большую часть Шведскихъ силъ, нападши на такое мѣсто, куда Шведы сосредоточатъ лучшія свои войска. При этомъ король въ особенности рекомендуетъ двѣ вещи: 1) чтобъ царское величество для такого великаго дѣла какъ можно скорѣе развязалъ себѣ руки, чтобъ не было развлеченія ни съ какой другой стороны; 2) чтобъ всѣ переговоры и сношенія сохранялись въ глубочайшей тайнѣ. Все это, изложенное въ общихъ чертахъ, можетъ быть объяснено гораздо обстоятельнѣе, и царское величество удостовѣрится, что король руководится здѣсь побужденіями чистой любви и вѣрной дружбы.

Тайна была соблюдена: никто не догадался, о чемъ Головинъ толковалъ съ Карловичемъ въ Преображенскомъ; къ совѣщаніямъ допущены были только Датскій посланникъ Гейнсъ по единству интересовъ, да переводчикъ Шафировъ. Чтобъ не узнали ни о чемъ въ Стокгольмѣ, Шведскіе послы были приняты царемъ по обычаю и отпущены съ увѣреніемъ, что великій государь будетъ соблюдать мирные договоры; только при этомъ царь отказался подтверждать договоры крестнымъ цѣлованіемъ, потому что они были старые, и царь уже разъ

присягалъ на нихъ покойнику королю Карлу XI. Непріятнаго было одно: послы повезли въ Стокгольмъ требованіе съ Русской стороны удовлетворенія за оскорбленія, нанесенныя въ Ригѣ великому посольству, при которомъ находился самъ царь.

А между тѣмъ, 11 ноября 1699 года въ Преображенскомъ заключенъ былъ тайный договоръ о наступательномъ союзѣ противъ Швеціи: Августъ обязывался начать войну вступленіемъ своихъ войскъ въ Ливонію, обѣщалъ склонить и Польскую рѣчь посполитую къ разрыву съ Швеціею; царь обязывался двинуть войска въ Ингрію и Карелію тотчасъ по заключеніи мира съ Турціею, не позже апрѣля 1700 года, а до того времени, если понадобится, пошлетъ королю вспомогательное войско подъ видомъ наемнаго. Если съ Турціею нельзя будетъ заключить мира, и Августъ не захочетъ одинъ вести войны съ Швеціею, то царь обязывался всѣми способами помирить его съ Карломъ XII [286].

Августъ исполнилъ свои обязательства. Въ началѣ 1700 Саксонскія войска вступили неожиданно въ Ливонію, но, кромѣ взятія Динамюнде, ничего не могли сдѣлать, Рига не сдавалась. Головинъ доносилъ Петру въ Воронежъ: „Во всѣхъ письмахъ пишутъ отъ Свейскаго рубежа, что въ Ригѣ есть великая осторожность отъ Польскихъ войскъ, а наипаче отъ Саксонскихъ. Ахъ, неростропное къ лучшему и безъ разсужденія Венусово веселіе, иже легкомыслительствомъ неоцѣненное ко многихъ пользѣ время потеряли“ [287]. Успѣшнѣе на первый разъ повелъ свои дѣла другой союзникъ король Датскій, заставившій герцога Шлезвигъ-Голштинскаго уѣхать въ Швецію. Третій союзникъ — Русскій царь, не двигался, ожидая вѣстей съ юга изъ Константинополя. Успокоительныхъ вѣстей не было, и Петръ, не видя возможности разорвать съ Швеціею, вмѣсто войска въ Ингрію назначилъ великое посольство въ Стокгольмъ — ближняго боярина князя Якова Долгорукаго и окольничаго князя Ѳедора Шаховскаго, и съ извѣстіемъ о ихъ отправленіи послалъ на резиденцію ближняго стольника князя Андрея Хилкова. Для успокоенія Шведскаго резидента въ Москвѣ Книперкрона употреблялись всевозможныя средства. Резидентъ доносилъ въ Стокгольмъ,

что когда его дочь расплакалась, испугавшись вѣстей о разрывѣ Россіи съ Швеціею, то самъ Петръ сталъ утѣшать ее, говоря, что не начнетъ несправедливой войны, не разорветъ мира, только что подтвержденнаго; по словамъ Книперкрона, царь сказалъ ему, что если Польскій король и овладѣетъ Ригою, то онъ, царь отниметъ ее у него [288].

Между тѣмъ самъ Августъ II явился въ Ливоніи, овладѣлъ Кокенгаузеномъ; но Ригѣ не могъ ничего сдѣлать по малочисленности войска и по недостатку осадныхъ орудій; онъ отправилъ въ Москву барона Лангена требовать у Петра условленной помощи, условленнаго нападенія на Ингрію. Но Петръ хорошо помнилъ другое, главное условіе—не начинать Шведской войны до окончанія Турецкой; на всѣ убѣжденія Лангена онъ отвѣчалъ: „Если сегодня получу извѣстіе о мирѣ, то завтра двину свои войска на Шведовъ“ [289]. Слово было сдержано: 8 августа получилъ Петръ донесеніе отъ Украинцева о заключеніи мира, 9-го велѣлъ двинуть войска къ Шведскимъ границамъ, о чемъ въ тотъ же день увѣдомилъ Августа: „Любезнѣйшій братъ, государь и сосѣдъ! Никакоже сомнѣнію доселѣ медленіе наше подлежитъ въ начатомъ семъ дѣлѣ; ибо трудныя ради причины сіе удержано было. Нынѣ же, при помощи Божіей, получа миръ съ Портою на 30 лѣтъ (слава Богу, съ нарочитымъ удовольствованіемъ), къ сему подвигу приступили есмы, о чемъ сегодня къ Новгородскому воеводѣ указъ послали, дабы какъ наискорѣе, объявя войну, вступилъ въ непріятельскую землю и удобныя мѣста занялъ; такожде и прочимъ войскамъ немедленно иттить повелѣлъ, гдѣ при оныхъ въ концѣ сего мѣсяца и мы тамъ обретатися будемъ, и надѣемся въ помощи Божіей, что ваше величество инако, развѣ пользы, не увидите.“

Но его величество Польскій увидалъ инако; еще прежде него инако увидалъ его величество Датскій. Мы упоминали уже, что послѣдній съ успѣхомъ вступилъ въ Голштинію и заставилъ герцога удалиться въ Швецію къ родственнику и другу, Карлу XII, съ которымъ мы должны поближе познакомиться.

Карлъ родился въ 1682 году, слѣдовательно былъ ровно

десятью годами моложе нашего Петра. Сильная натура рано начала давать себя чувствовать въ ребенкѣ; но съ самаго же начала сила обнаруживалась односторонне; въ удали, безразсудномъ исканіи опасностей уже высказывался исключительно герой-завоеватель, тогда какъ въ Русскомъ Петрѣ съ малолѣтства было видна геніальная многосторонность, геніальная чуткость ко всему, виденъ былъ преобразователь, а несолдатъ, не завоеватель. И въ молодомъ Карлѣ, какъ въ Петрѣ, богатырскія силы высказывались часто очень непріятнымъ образомъ для окружающихъ; особенно непріятный характеръ приняли королевскія потѣхи, когда весною 1698 года въ Стокгольмъ пріѣхалъ Фридрихъ III, герцогъ Голштейнъ-Готторпскій, чтобъ жениться на старшей сестрѣ Карла XII. Фридрихъ и Карлъ стали неразлучными друзьями, и продѣлкамъ этихъ друзей не было конца: то въ сеймовой залѣ устроятъ охоту за зайцемъ, то днемъ въѣдутъ вмѣстѣ торжественно въ Стокгольмъ, при чемъ герцогъ и вся свита въ однѣхъ рубашкахъ съ саблями на голо, съ крикомъ и гамомъ; то пойдутъ вечеромъ гулять по городу и бить стекла; потѣшались и тѣмъ, что срывали парики, шляпы, выбивали миски изъ рукъ пажей, разносившихъ кушанье, колотили мебель и выбрасывали за окна, однажды переломали всѣ лавки въ церкви и заставили всѣхъ молиться стоя; нѣсколько дней сряду друзья забавлялись тѣмъ, что отсѣкали саблями головы баранамъ и телятамъ, пригнаннымъ для этой потѣхи во дворецъ; полъ и стѣны королевскихъ комнатъ были улиты кровью. Во время этихъ потѣхъ шестнадцатилѣтняго Карла нельзя было занять ничѣмъ важнымъ; сановники, которые рѣшались пытаться на это, были выталкиваемы за двери. Народъ роптал; говорили, что герцогъ Голштинскій нарочно развращаетъ короля, чтобъ погубить его и самому занять Шведскій престолъ, за неимѣніемъ наслѣдниковъ мужескаго пола. Но и общество показало свою силу: представленія за представленіями съ разныхъ сторонъ являлись къ королю на счетъ его поведенія; въ одно воскресенье три проповѣдника въ трехъ разныхъ церквахъ говорили проповѣдь на одинъ текстъ: „Горе странѣ, въ которой царь юнъ!“ Все это сильно раздражало Карла и по-

видимому не вело никъ чему, но только по видимому; молодой богатырь поутихъ, и когда герцогъ уѣхалъ изъ Швеціи, Карлъ явился совсѣмъ другимъ человѣкомъ, серіознымъ и дѣятельнымъ; теперь уже не могли уговорить его хотя немного разсѣяться. Потомъ вдругъ опять съ жадностію предался удовольствіямъ, баламъ, маскерадамъ, театру. Силы кипѣли и не находили выхода.

Между тѣмъ герцогъ Фридрихъ, въ надеждѣ на помощь Швеціи, сталъ задирать Данію, строить крѣпости и вводить Шведскіе отряды, тогда какъ Данія, по стариннымъ леннымъ отношеніямъ, отрицала у него право на это. Датское войско вступило въ Шлезвигъ и срыло укрѣпленія Тённинга; но какъ скоро оно удалилось, герцогъ возобновилъ укрѣпленія. Вражда разгоралась, и Данія была рада случаю утвердить свою власть въ Голштиніи: Швеціи она не боялась, она вошла въ тайныя сношенія съ Августомъ II-мъ и Россіею. Изгнанный Датскими войсками герцогъ Фридрихъ, пріѣхавши въ Швецію, объявилъ Карлу XII, что отдаетъ себя и свою страну въ его покровительство. „Я буду вашимъ покровителемъ, отвѣчалъ Карлъ, хотя бы это мнѣ стоило короны". Шведскія войска получили приказъ двинуться изъ Помераніи въ Голштинію. Тщетно большинство членовъ Шведскаго государственнаго совѣта было противъ войны; тщетно хотѣли помѣшать ей Англія и Голландія: искра была брошена въ порохъ; господствующая страсть молодаго короля вспыхнула и не потухнетъ. „Король мечтаетъ только объ одной войнѣ, писалъ Французскій посланникъ: ему слишкомъ много насказали о подвигахъ и походахъ его предковъ. Сердце и голова наполнены этимъ, и онъ считаетъ себя непобѣдимымъ въ челѣ своихъ Шведовъ". Скоро упала и другая искра: пришло извѣстіе, что Августъ II Польскій вторгнулся въ Ливонію. Король получилъ это извѣстіе на охотѣ: безъ всякаго волненія, съ улыбающимся лицемъ обратился онъ къ Французскому посланнику и сказалъ: „Скоро мы заставимъ короля Августа убраться во свояси". По возвращеніи въ Стокгольмъ онъ объявилъ, что никогда не начнетъ несправедливой войны, но справедливую кончитъ только совершеннымъ низложеніемъ врага. „Сперва

я покончу съ однимъ, сказалъ онъ, а потомъ поговорю и съ другимъ".

Вечеромъ 13 апрѣля 1700 года Карлъ простился съ бабушкою и двумя сестрами, чтобъ ѣхать въ увеселительный дворецъ Кунгсеръ. Ночью король дѣйствительно выѣхалъ изъ Стокгольма, только не въ Кунгсеръ. Никогда не возвратится онъ болѣе въ Стокгольмъ, никогда не увидитъ бабушки и сестеръ [290].

Совершенно неожиданно 15,000 Шведскаго войска подъ предводительствомъ самого короля переплыли Зундъ и явились предъ Копенгагеномъ, не имѣвшимъ средствъ защищаться. Боясь разрушенія своей столицы, король Фридрихъ IV поспѣшилъ заключить съ Карломъ миръ, утверждая совершенную самостоятельность Голштиніи и обязуясь заплатить герцогу Фридриху 260,000 талеровъ. Договоръ былъ подписанъ въ Травендалѣ 8 августа, въ тотъ самый день, когда Петръ получилъ извѣстіе о заключеніи мира съ Турками, чѣмъ условливалось движеніе Русскихъ войскъ къ Шведскимъ границамъ.

Мы видѣли, какъ Паткуль боялся, чтобъ Петръ не овладѣлъ Нарвою; а Петръ именно хотѣлъ начать войну покореніемъ двухъ важныхъ крѣпостей—Нарвы и Нотебурга (Орѣшка), чтобъ получивши эти двѣ опоры, съ успѣхомъ продолжать войну, занимать и всю страну, между ними лежащую, страну, неимѣвшую другихъ значительныхъ крѣпостей, страну пустынную, гдѣ еще нужно было укрѣпляться — надосугѣ. При этомъ Нарва была важнѣе Нотебурга, ибо ближе къ Ригѣ, гдѣ долженъ былъ дѣйствовать Августъ. 2 марта 1700 года, отвѣчая Головину изъ Воронежа на извѣстіе о неудачѣ Саксонцевъ въ Ливоніи, Петръ писалъ: „Жаль, жаль, да нечѣмъ пособить! Пришло мнѣ на мысль: сказывалъ мнѣ Брантъ, что есть въ Ругодевѣ (Нарвѣ) пушки продажныя корабельныя, и я съ нимъ говорилъ, чтобъ купить. И нынѣ для тѣхъ пушекъ пошли ты Корчмина (стольника, выученнаго за границею инженерному искусству), чтобъ онъ ихъ пробовалъ и купилъ нѣсколько: а межъ тѣмъ накажи ему, чтобъ присмотрѣлъ города и мѣста кругомъ; также, если возможно

ему дѣла сыскать, чтобъ побывалъ и въ Орѣшекъ; а буде въ него нельзя, хоть возлѣ его. А мѣсто тутъ зѣло нужно; протокъ изъ Ладожкаго озера въ море (посмотри въ картахъ), и зѣло нужно ради задержанія выручки; а дѣтина, кажется, не глупъ и секретъ можетъ снесть. Зѣло нужно, чтобъ Книперъ того не вѣдалъ, потому что онъ знаетъ, что онъ (Корчминъ) ученъ" [291].

„Мы здѣсь въ 18 день объявили миръ съ Турками зѣло съ преизряднымъ фейерверкомъ, въ 19 день объявили войну противъ Шведовъ", писалъ Петръ Өедору Матвѣевичу Апраксину [292], завѣдывавшему флотомъ въ Воронежѣ. Война объявлялась за многія неправды Шведскаго короля и особенно за то, что во время государева шествія чрезъ Ригу, отъ Рижскихъ жителей чинились ему многія противности и непріятства [293]. Войска двинулись къ Нарвѣ. Посланникъ Августа, Лангенъ былъ въ отчаяніи, что вмѣстѣ съ Датскимъ посланникомъ никакъ не могъ удержать царя отъ похода на Нарву, онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что современемъ этотъ городъ не уйдетъ изъ ихъ рукъ. Паткуль пришелъ въ восторгъ, при извѣстіи, что Петръ наконецъ объявилъ войну Швеціи; но этотъ восторгъ былъ сейчасъ же охлажденъ тревожною мыслію, куда двинетъ царь свои войска? что если къ Нарвѣ? Паткуль безпокоился тѣмъ болѣе, что уже познакомился съ Петромъ, увидѣлъ, какого опаснаго союзника пріобрѣлъ себѣ его Августъ. Въ этомъ безпокойствѣ Паткуль писалъ Лангену: „Вопросъ въ томъ, куда обратилъ царь свое оружіе? Вы знаете хорошо, какъ хлопотали мы о томъ, чтобъ отвратить его отъ Нарвы; мы руководились при этомъ важными соображеніями, между которыми главное, что не въ нашихъ выгодахъ допустить царя въ сердце Ливоніи, позволивъ ему взять Нарву. Въ Нарвѣ онъ получитъ такое мѣсто, откуда можетъ захватить Ревель, Дерптъ и Пернау прежде чѣмъ узнаютъ объ этомъ въ Варшавѣ, а потомъ покорить Ригу и всю Ливонію. Поневолѣ станешь бояться, имѣя дѣло съ такимъ государемъ, вспомнивъ объ его силахъ и о всѣхъ его движеніяхъ, которыя вы очень хорошо проникли, какъ видно изъ вашего донесенія королю. Наконецъ благоразуміе требуетъ

взять всѣ возможныя мѣры предосторожности, чтобъ Ливонія не зависѣла отъ произвола этого могущественнаго друга и союзника королевскаго. Съ другой стороны не должно забывать, что мы слабы, что намъ необходима помощь царя и его дружба, если мы хотимъ что нибудь сдѣлать, и что мы нанесемъ немалый ударъ Швеціи, когда она такъ рано потеряетъ Нарву. Вотъ почему намъ нельзя очень торговаться съ царемъ изъ опасенія, чтобъ не раздражить его, и я думаю, что ненадобно спорить съ нимъ о Нарвѣ; однако надобно очень искуснымъ образомъ подать царю записки, съ которыхъ взять копіи изъ царской канцеляріи и такимъ образомъ охранить право короля, которое онъ имѣетъ въ силу послѣдняго договора, чтобъ можно было дѣйствовать въ послѣдствіи, когда не будетъ болѣе причинъ такъ осторожно обходиться съ царемъ, какъ принуждены мы теперь. Наблюдайте внимательно за поведеніемъ Датскаго посланника: не онъ ли внушаетъ царю желаніе взять и удержать за собою Нарву? Побуждайте царя хлопотать, чтобъ республика Польская также объявила войну Швеціи. Вывѣдайте у царя, не можетъ ли онъ уступить чего-нибудь Полякамъ со стороны Кіева; внушайте ему, что пріобрѣтеніе Ингріи и Кареліи, утвержденіе на берегу Балтійскаго моря сторицею вознаградитъ его за уступку“ [294].

9 сентября писалъ это Паткуль Лангену, а еще 22 августа Русскія войска начали выступать въ походъ подъ Нарву. Старый нашъ знакомый, капитанъ Бомбардирской роты, Петръ Михайловъ шелъ съ Преображенскимъ полкомъ до Твери. Здѣсь получилъ онъ извѣстіе отъ Польскаго короля, что Карлъ XII скоро будетъ въ Ливоніи съ 18,000 войска, и высадится въ Пернау. Петръ былъ въ сильномъ недоумѣніи, какъ видно изъ письма его къ Головину: „И о томъ я многократно думалъ, истиналь, или подлогъ? И буде истина, то конечно Датскій осиленъ. Мы пойдемъ отсель завтра до Новогорода, не мѣшкавъ. Къ Якову Брюсу я послалъ, чтобъ остановился, если за рубежъ не вышелъ. Извольте управляться, также и прочимъ приказать; а мы пойдемъ и будемъ дѣлать, какъ Богъ наставитъ“ [295].

Въ Новгородѣ Петръ рѣшился продолжать походъ къ Нарвѣ: о прибытіи Карла XII слуховъ не было, а были вѣсти, что Нарва плохо укрѣплена и войска въ ней мало [296]. 23 сентября Петръ сталъ подъ Нарвою, и немедленно занялся приготовленіями къ осадѣ, вмѣстѣ съ саксонскимъ инженернымъ генераломъ Галлартомъ, котораго прислалъ король Августъ. Затрудненія обнаружились сейчасъ же: военныхъ запасовъ было заготовлено гораздо меньше, чѣмъ сколько нужно было по мнѣнію Галларта [297]. Другая бѣда: войска по причинѣ дурной осенней дороги и недостатка подводъ двигались очень медленно, и дорогое время уходило. Всего войска собралось подъ Нарвою отъ 35 до 40000 [295], изнуреннаго тяжелымъ походомъ и недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ; пушки оказывались негодными. Наконецъ 20 октября открылся огонь по городу со всѣхъ Русскихъ баттарей; надѣялись, что городъ, при его малыхъ средствахъ, не долго продержится, какъ пришло извѣстіе, что Карлъ XII высадился въ Пернау съ большимъ, какъ говорили, войскомъ. Послѣ военнаго совѣта Русскіе укрѣпили свой лагерь. Стрѣльба по городу продолжалась, пока наконецъ недостатокъ въ ядрахъ, бомбахъ и порохѣ не заставилъ прекратить огонь. Надобно было дожидаться ихъ подвоза. Первая осада Нарвы, какъ и первая осада Азова, ознаменовалась измѣною: одинъ изъ служивыхъ иностранцевъ, Гуммертъ, пользовавшійся особеннымъ расположеніемъ царя, ушелъ въ Нарву, оставя въ Москвѣ жену и дѣтей. Петръ послѣ велѣлъ передъ его Московскимъ домомъ повѣсить его куклу; но Гуммертъ изъ Нарвы опять завелъ съ нимъ сношенія, давалъ совѣты, какъ вести войну, какъ снова дѣйствовать противъ Нарвы, объяснялъ причины неудачи первой осады: „Когда прямое учрежденіе и ученіе между солдатами учинено не будетъ, невозможно во вѣкъ войну совершенную весть, понеже сіе болѣе къ своему собственному погубленію, нежели къ непріятельскому убытку учинено будетъ. Вашего Величества сила есть неописанна, егдабъ право и къ пользѣ только бъ употреблена была, такожъ люди сами такъ добрые, какъ возможно въ свѣтѣ найти; но лучшаго нѣсть, а именно: прямаго порядка и ученія“. Осада, по

словамъ Гуммерта, не удалась отъ того, что „мы имѣли лазутчиковъ и вѣдомцевъ и обо всемъ хорошо вѣдали, но руками никто не хотѣлъ приняться: ходили какъ кошки около горячей каши и никто не хотѣлъ пальцевъ ожечь. Надобно было прежде шанцы построить, для сохраненія своихъ винныхъ флягъ и хлѣбныхъ мѣшковъ, хотя нечего было опасаться, и отложили то до послѣдняго, что сперва дѣлать надлежало. Люди наши сначала были весьма бодры къ наступленію; но что пользы, когда псы зѣло добры, а ловцы неудобны, или на оборотъ: ловцы гораздо добры, да псы неудобны—плохая ловля будетъ!" Письма Гуммерта сохранились [299]; но отвѣтовъ никакихъ нѣтъ; есть только извѣстіе, что Шведы повѣсили Гуммерта [300].

17 ноября бояринъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, посланный къ Везенбергу наблюдать за Шведскимъ войскомъ, отступилъ къ Нарвѣ съ вѣстію о приближеніи непріятеля; въ ту же ночь Петръ оставилъ лагерь. Понятно, что это подало поводъ къ обвиненіямъ и оправданіямъ. Но въ чемъ обвинять Петра? въ трусости? И прежде и послѣ Петръ доказалъ, что онъ не трусилъ при встрѣчѣ съ непріятелемъ; но безразсудная удаль, стремленіе подвергаться опасности безполезной было совершенно не въ характерѣ Петра, чѣмъ онъ такъ отличался отъ Карла XII. Петръ могъ уѣхать изъ лагеря при вѣсти о приближеніи Карла, убѣдившись, что оставаться опасно и безполезно, что присутствіе его можетъ быть полезно въ другомъ мѣстѣ. Это былъ человѣкъ, который менѣе всего былъ способенъ руководиться ложнымъ стыдомъ. Петръ провелъ свои войска подъ Нарву, какъ провелъ ихъ подъ Азовъ, расчитавъ, что двое союзниковъ занимаютъ непріятеля. Искусныхъ генераловъ у него не было, война еще не успѣла образовать ихъ; въ походѣ, который имѣлъ цѣлію занятіе крѣпости, можно было обойтись и безъ нихъ; у Петра былъ искусный инженеръ Галлартъ, съ которымъ онъ и намѣревался распоряжать всѣмъ самъ. Но обстоятельства перемѣнились: на выручку Нарвы приближался Шведскій король съ отличнымъ, и, по слухамъ, съ большимъ войскомъ, ободреннымъ блистательнымъ успѣхомъ въ Датскомъ походѣ. Въ

военномъ искусствѣ, какъ и во всѣхъ другихъ искусствахъ, Петръ смотрѣлъ на себя и на своихъ какъ на новичковъ, только что начавшихъ учиться; и вотъ этимъ новичкамъ пришлось помѣряться съ мастерами. По всѣмъ вѣроятностямъ Петръ поспѣшно бы отступилъ предъ Карломъ отъ Нарвы, еслибъ оставался одинъ съ адмираломъ Головинымъ, котораго, для сохраненія видимаго единства, назвалъ фельдмаршаломъ; но еще въ Новгородъ къ нему пріѣхалъ отлично рекомендованный генералъ цесарской службы герцогъ фонъ Круи. При вѣсти о приближеніи Карла Петръ предложилъ ему принять начальство надъ Русскимъ войскомъ; герцогъ долго отказывался, наконецъ принялъ предложеніе. Войско въ надежныхъ рукахъ мастера; царю съ прежнимъ фельдмаршаломъ оставаться долѣе, значило только вредить единству распоряженій, развлекать вниманіе подчиненныхъ. И опасно, и вредно. Петръ уѣхалъ вмѣстѣ съ Головинымъ въ Новгородъ „для того, чтобы идущіе достальные полки побудить къ скорѣйшему приходу подъ Нарву, а особливо, чтобъ имѣть свиданіе съ королемъ Польскимъ“ [301].

Карлъ быстро шелъ къ Нарвѣ по пятамъ Шереметева и утромъ 19 ноября явился предъ Русскимъ лагеремъ, имѣя около 8500 человѣкъ войска [302]. Но кромѣ искусства, опытности и бодрости на Шведской сторонѣ главнымъ условіемъ успѣха для Карла было то, что русскія войска были растянуты на огромномъ протяженіи своего лагеря и прорваться чрезъ ихъ несомкнутые ряды было легко; кромѣ того, сильная вьюга била прямо въ лице голоднымъ и холоднымъ Русскимъ солдатамъ и въ 20 шагахъ нельзя было ничего различить; наконецъ къ печальному состоянію физическому присоединялся упадокъ нравственныхъ силъ, произведенный сознаніемъ своего неискусства, неопытности предъ страшнымъ этими качествами непріятелемъ; сюда же присоединялась подозрительность: предводители Нѣмцы будутъ ли усердно сражаться противъ своихъ? Вотъ почему, когда Шведы ворвались въ лагерь, въ рядахъ испуганныхъ Русскихъ солдатъ раздались крики: „Нѣмцы измѣнили!“ Эти страшные крики отняли послѣднія силы, и все бросилось бѣжать. Побѣжала

конница Шереметева вплавь черезъ Нарову, при чемъ потонуло 1000 человѣкъ. Бѣгство Шереметева освободило Карла отъ большаго страха, потому что онъ больше всего боялся, чтобъ конница не напала на него съ тыла. Пѣхота бросилась черезъ мостъ, мостъ обрушился и много народа потонуло въ Наровѣ. Дисциплина исчезла; въ страшномъ озлобленіи Русскіе начали кидаться на иностранцевъ и бить ихъ. Видя это, фонъ Круи закричалъ: „пусть самъ чертъ дерется съ такими солдатами!“ бросился бѣжать вмѣстѣ съ другими иностранцами и отдался въ плѣнъ Шведамъ. При этомъ всеобщемъ смятеніи и бѣгствѣ не смялись и не побѣжали два полка Преображенскій и Семеновскій: огородясь рогатками и артиллерійскими повозками, они до самой ночи отбивались отъ Шведовъ. Между тѣмъ король, увязивъ лошадь въ болотѣ, самъ насилу изъ него выбрался, и пересѣлъ на другую лошадь; та была убита, король пересѣлъ на третью, говоря со смѣхомъ: „Видно непріятель хочетъ упражнять меня въ верховой ѣздѣ.“ Когда совершенно стемнѣло, король велѣлъ прекратить огонь, а самъ въ мокромъ платьѣ прилегъ на плащѣ у сторожеваго огня.

Побѣда Шведовъ еще далеко не была рѣшительною. Преображенцы и Семеновцы пугали своимъ отчаяніемъ; кромѣ нихъ стоялъ твердо отрядъ, бывшій подъ начальствомъ генерала Вейде. Между Шведами было мало порядка; два отряда ихъ, опознавшись, вступили другъ съ другомъ въ бой, при чемъ погибло не мало людей. Ночью солдаты забрались въ покинутыя Русскія палатки, нашли тамъ много вина и перепились такъ, что сдѣлались неспособными сторожить плѣнныхъ, и если бы Русскіе воспользовались этимъ, то исходъ Нарвской битвы могъ бы быть совершенно иной. Но Русскіе генералы—князь Як. Ѳед. Долгорукій, царевичъ имеретійскій Александръ, Автамонъ Головинъ, Бутурлинъ Ив. Ив., не имѣя сообщенія съ Вейде, и ничего не зная, въ какомъ положеніи дѣла, опасаясь печальнаго для себя исхода битвы на другой день, вошли въ переговоры съ королемъ и согласились отступить, отдавши Шведамъ артиллерію. Вейде, получивъ извѣстіе объ этой капитуляціи, послѣдовалъ примѣру

Русскихъ генераловъ: „Я позволяю Русскимъ солдатамъ сохранить оружіе за храбрость, съ какою они защищались,“ сказалъ Карлъ. Шведы были рады спровадить Русскихъ какъ можно скорѣе за рѣку, принялись ночью за работу и далеко до разсвѣта успѣли навести мостъ, по которому Русскіе и переправились; но генералы были захвачены въ плѣнъ подъ предлогомъ, что Русскіе нарушили договоръ, вывезши денежную казну, тогда какъ о казнѣ не было ничего въ договорѣ [303].

21 Нобря Карлъ съ торжествомъ вступилъ въ освобожденную Нарву, куда были отправлены и 79 человѣкъ знатныхъ Русскихъ плѣнныхъ, въ томъ числѣ 10 генераловъ.

Блистательная побѣда была выиграна: какъ же воспользуется ею побѣдитель? Надобно было выбирать изъ двухъ дорогъ, изъ двухъ враговъ, и мнѣнія раздѣлились. Пиперъ, Вреде, Веллингъ, Штенбокъ, и другіе совѣтовали принять мирныя предложенія короля Августа и всѣ силы обратить на преслѣдованіе бѣгущихъ, испуганныхъ Русскихъ; стать у нихъ на зимнія квартиры, кормить армію на ихъ счетъ и поддерживать неудовольствія на царя между стрѣльцами, между приверженцами Софьи, между чернью, недовольною введеніемъ европейскихъ обычаевъ. Замутится Русское царство, и Швеціи можно будетъ, какъ нѣкогда при самозванцахъ, пріобрѣсти выгоды, еще болѣе обезопасить свои владѣнія съ этой стороны, заставить Русское правительство исключительно обратить свое вниманіе на Черное море. Сначала Карлъ былъ за этотъ планъ: въ спальнѣ у него висѣла карта, гдѣ обозначена была дорога въ Москву; онъ запретилъ своимъ солдатамъ забѣгать для фуражировки за русскую границу: иначе, говорилъ онъ, Шведское войско не найдетъ здѣсь пропитанія. Но скоро планъ былъ оставленъ. Со стороны Карла главными побужденіями къ этому были — ненависть къ Августу и презрѣніе къ Русскимъ: этихъ враговъ, думалъ онъ, всегда легко низложить, а чтобъ сдержать ихъ на время— для этого немного нужно войска. Такимъ расположеніемъ Карла спѣшили пользоваться, потому что война въ Россіи мало прельщала шведскихъ солдатъ и офицеровъ: холодная и

бѣдная страна не обѣщала богатой добычи. Карлъ отошелъ отъ Нарвы къ крѣпкому замку Лаису (въ 50 верстахъ отъ Дерпта), чтобъ дожидаться здѣсь подкрѣпленій изъ Швеціи, съ которыми хотѣлъ выступить весною противъ Августа [304].

Между тѣмъ слухъ о Нарвской битвѣ разнесся по всей Европѣ и возбудилъ сильное удивленіе къ осьмнадцатилѣтнему побѣдителю: поэты настроили свои лиры; выбивались медали въ честь Карла: на одной Нарвскій побѣдитель былъ изображенъ съ надписью „истина превосходитъ вѣроятіе (superant superata fidem"); на другой Карлъ низлагаетъ троихъ непріятелей, и надпись: „Наконецъ правое дѣло торжествуетъ!" Кромѣ медалей въ честь Карла была медаль, выбитая въ насмѣшку надъ Петромъ, съ кощунскими сближеніями изъ исторіи апостола Петра: на одной сторонѣ медали былъ изображенъ царь Петръ, грѣющійся при огнѣ своихъ пушекъ, изъ которыхъ летятъ бомбы на Нарву; надпись: „Бѣ же Петръ стоя и грѣяся". На другой сторонѣ изображены были Русскіе, бѣгущіе отъ Нарвы, въ ихъ челѣ Петръ: царская шапка валится съ его головы, шпага брошена, онъ утираетъ слезы платкомъ, и надпись говоритъ: „Изшедъ вонъ, плакася горько" [305].

Но смѣется тотъ, кто послѣдній смѣется. Люди, близкіе къ Карлу сейчасъ же могли замѣтить вредное вліяніе, произведенное на него необыкновеннымъ успѣхомъ. Съ этихъ поръ страсть къ войнѣ разгорѣлась въ немъ во всей силѣ. Война для войны стала цѣлію его жизни; сюда присоединилось мнѣніе о своей непобѣдимости и непогрѣшительности, о своемъ посланничествѣ свыше. Вѣра въ собственную непобѣдимость соединилась естественно съ презрѣніемъ къ разъ побѣжденному непріятелю: „Нѣтъ никакого удовольствія, говорилъ онъ, биться съ Русскими, потому что они не сопротивляются какъ другіе, а бѣгутъ; если бы Нарова была покрыта льдомъ, то намъ едва ли бы удалось убить хотя одного человѣка. Лучшее зрѣлище было, когда Русскіе взбѣжали на мостъ, и мостъ подъ ними подломился: точно Фараонъ поглощенъ былъ въ Чермномъ морѣ; повсюду высовывались изъ воды головы людскія и конскія, руки и ноги: наши солдаты стрѣляли ихъ

какъ дикихъ утокъ". Знаменитый въ послѣдствіи фельдцейгмейстеръ Кронстедтъ писалъ въ Швецію послѣ Нарвской битвы: „Нашъ король такъ крѣпко надѣется на помощь Божію, что не боится съ 4000 человѣкъ броситься на 60,000". Генералъ Стенбокъ писалъ: „Король ни о чемъ больше не думаетъ, какъ только о войнѣ; онъ ужь больше не слушаетъ чужихъ совѣтовъ; онъ принимаетъ такой видъ, что какъ будто-бы Богъ непосредственно внушаетъ ему, чтó онъ долженъ дѣлать. Полковникъ королевской гвардіи Поссе отзывался: „Не смотря на холодъ и голодъ король еще не хочетъ отпустить насъ на зимнія квартиры. Думаю, что если у него останется только 800 человѣкъ, то онъ съ ними вторгнется въ Россію, не заботясь, чѣмъ будутъ солдаты питаться. Если кого-нибудь изъ нашихъ убиваютъ, то это его нисколько не трогаетъ" [306].

Отъ побѣдителя обратимся къ побѣжденному. Петръ не бросалъ оружія и не плакалъ, какъ враги представляли его на медаляхъ. И послѣ Нарвы онъ явился также великъ, какъ великъ былъ послѣ перваго неудачнаго похода Азовскаго, обнаружилъ такую же изумительную дѣятельность, не останавливаясь ни передъ чѣмъ. Князь Аникита Репнинъ получилъ приказаніе привести въ исправность полки, шедшіе отъ Нарвы, „въ конфузіи" [307]. Работы надъ укрѣпленіями закипѣли въ Новгородѣ, Псковѣ, Печерскомъ монастырѣ (близь Пскова): „Рвы копали и церкви ломали, палисады ставили съ бойницами, а около палисадъ окладывали съ обѣихъ сторонъ дерномъ; также и раскаты дѣлали, а кругомъ окладывали дерномъ; а на работѣ были драгуны и солдаты, и всякихъ чиновъ люди, и священники, и всякаго церковнаго чина, мужескаго и женскаго пола; а башни насыпали землею, а сверху дернъ клали, работа была насыпная; а верхи съ башенъ деревянные и съ города кровлю деревянную всю сломали, и въ то время у приходскихъ церквей, кромѣ соборной церкви, служебъ не было". И горе тѣмъ, кто въ это время не хотѣлъ работать, или думалъ, какъ бы поживиться отъ общаго дѣла. Пришедши въ Печерскій монастырь, Петръ при себѣ велѣлъ заложить первый раскатъ у святыхъ воротъ и назначилъ

быть на работѣ полуполковнику Шеншину. Пришедши потомъ на работу и не заставши тамъ Шеншина, онъ велѣлъ бить его плетьми нещадно у раската и послать въ Смоленскъ въ солдаты. Въ Москвѣ передъ Помѣстнымъ приказомъ повѣшенъ Леонтій Кокошкинъ за то, что былъ онъ у пріема подводъ въ Твери и взялъ пять рублей денегъ; въ Новгородѣ повѣшенъ Елисей Поскочинъ за то, что бралъ деньги за подводы [308].

23,000 войска сохранилось отъ Нарвскаго пораженія. Князю Бор. Алекс. Голицыну поручено было набирать новые полки, и набрано десять драгунскихъ полковъ, въ полку 1000 человѣкъ; весною они уже отправились въ Псковъ [309]. Солдатъ набирали изъ вольницы [310]. Люди явились; но надобно было создать новую артиллерію, потому что старую отдали подъ Нарвою Шведамъ. Петръ велѣлъ „со всего государства, съ знатныхъ городовъ отъ церквей и монастырей, собрать часть колоколовъ на пушки и мортиры“ [311]. Приготовленіе орудій поручено было Виніусу, „Надзирателю Артиллеріи“. Бодрый, неутомимый и знающій старикъ былъ способенъ выполнить важное и трудное порученіе; но онъ не составлялъ исключенія относительно безкорыстія; и, дѣлая Виніуса надзирателемъ артиллеріи, Петръ счелъ за нужное взять у него завѣдываніе почтою. Виніусъ спрашивалъ: нѣтъ ли какого гнѣва? Петръ отвѣчалъ: „Письма ваши я принялъ, въ которыхъ пишите о готовости артиллеріи и что трудитеся въ томъ: и то зѣло доброе дѣло и надобно, ибо время яко смерть. Тутъ же пишешь, нѣтъ ли какого гнѣву за нечаямое будто отнятіе почты: и тутъ не сама ли васъ совѣсть обличитъ? Понеже я уже давно о томъ говорилъ, и вы такъ тому свѣдомы были, что многимъ о томъ говорили и нѣчто давали. А взята оная отъ васъ не за иное что, только что оная у васъ была ни въ какую пользу государству, но только вамъ, ибо коль кратъ я говорилъ тебѣ о кореспонденціи въ иныя мѣста, но тѣ мои слова тщетны; того ради и отдана иному, гдѣ если такова жъ будетъ тщетна, и тамъ можетъ отняться“ [312].

Виніусъ отлично исполнилъ новое порученіе, но жаловался на мастеровъ и бурмистровъ: „Пущая остановка, государь,

отъ пьянства мастеровъ, которыхъ ни ласкою, ни битьемъ отъ той страсти отучить невозможно. Прилежно молю объ указѣ бургомистрамъ, чтобъ радѣтельнѣе исполняли по памятямъ Пушкарскаго приказа: отъ нихъ остановка многая" [313]. Петръ отвѣчалъ: „зѣло насъ увеселило вашей милости письмо, въ которомъ видимъ, при помощи Божіей и вашемъ прилежаніи, артиллерію въ немалой готовости. Бурмистрамъ скажи и сіе покажи, что если не будутъ за ихъ удержкою станки готовы, то не только деньгами, но и головами платить будутъ" [314]. Не знаемъ, во сколько Виніусъ преувеличивалъ трудности, чтобъ тѣмъ рѣзче выставить собственныя заслуги; по крайней мѣрѣ онъ писалъ, что добрыхъ мастеровъ только двое: одинъ Нѣмецъ, другой Русскій; изъ остальныхъ Русскій одинъ хорошъ да пьянъ, другіе два спились съ круга и не боятся никакого наказанія. Какъ бы то ни было, въ Ноябрѣ 1701 года Виніусъ хвалился, что такой хорошей артиллеріи въ такое короткое время и такими мастерами нигдѣ не дѣлали; меньше чѣмъ въ годъ приготовлено больше 300 орудій, въ которыхъ нѣтъ никакого недостатка, да сбережено, противъ прежнихъ подрядныхъ цѣнъ, 10,000 рублей. Собрано въ школы 250 ребятъ, изъ которыхъ выйдутъ хорошіе инженеры, артиллеристы и мастера [315].

Петръ, послѣ Нарвы, не хотѣлъ ограничиваться однѣми оборонительными мѣрами. Наступательное движеніе было необходимо во первыхъ для ободренія своихъ, страшно упавшихъ духомъ; потомъ для показанія друзьямъ и недругамъ, что Нарвское пораженіе не отняло всего, что остался духъ и силы. Какъ свои упали духомъ, и какими средствами надобно было возбуждать ихъ къ дѣятельности, видно изъ письма Петра къ Бор. Петр. Шереметеву двѣ недѣли спустя послѣ Нарвской битвы, 5 октября 1700 года: „Нег! Понеже не лѣть есть (нельзя) при несчастіи всего лишатися, того ради вамъ повелѣваемъ при взятомъ и начатомъ дѣлѣ быть, т. е. надъ конницею Новгородскою и Черкасскою, съ которыми, какъ мы и прежде наказывали (но въ ту пору мало было людей), ближнихъ мѣстъ беречь (для послѣдующаго времени), и иттить въ даль, для лучшаго вреда непріятелю. Да и отговари-

ваться нечѣмъ: понеже людей довольно, также рѣки и болота замерзли, непріятелю невозможно захватить. О чемъ паки пишу: не чини отговорки ничѣмъ; а буде болѣзнію, и та получена межъ бѣглецами, которыхъ товарищъ майоръ Л.... на смерть осужденъ" [316].

Шереметевъ послалъ отрядъ къ замку Маріенбургу; но полковникъ Шлиппенбахъ отбилъ Русскихъ, укрѣпилъ замокъ [319] и въ январѣ 1701 года вошелъ въ Русскіе предѣлы съ тремя ротами конницы и тремя ротами пѣхоты. Въ 15 верстахъ отъ Печерскаго монастыря былъ у Шведовъ бой съ Русскими, которые побили у Шведовъ 60 человѣкъ и взяли 15 плѣнниковъ [318]; Шлиппенбахъ ушелъ назадъ. Этимъ надолго ограничились непріятельскія дѣйствія съ обѣихъ сторонъ: Русскіе не рѣшались искать Шведовъ далеко внутри ихъ владѣній, а у Шлиппенбаха было очень мало войска для сколько-нибудь значительнаго предпріятія. Сильно потерпѣли только пограничные жители: казаки вывели въ Малороссію около 4000 плѣнныхъ изъ Ливоніи. Между тѣмъ Петру нужно было скрѣпить союзъ съ королемъ Августомъ, не допустить его до отдѣльнаго мира съ Карломъ, и попытаться, нельзя ли склонить и Польшу къ войнѣ противъ Шведовъ. Лучшимъ средствомъ для этого Петръ считалъ личное свиданіе съ Августомъ, личные переговоры съ польскими вельможами. Это свиданіе государей произошло въ февралѣ 1701 года, въ мѣстечкѣ Биржахъ (Динабургскаго уѣзда). Государи веселились за длинными обѣдами и занимались важными дѣлами. Однажды Августъ, послѣ пирушки, проспалъ обѣдню; но Петръ явился въ церковь и, по своему обычаю, внимательно приглядывался къ католическому богослуженію, расспрашивалъ, что значитъ то и другое дѣйствіе. Одинъ изъ Польскихъ сенаторовъ замѣтилъ ему, что въ его власти соединить церковь Греческую съ Латинскою. Царь отвѣчалъ: „Господь дѣйствительно далъ царямъ власть надъ народами; но надъ совѣстію людей властенъ одинъ Христосъ, и соединеніе церквей можетъ совершиться только съ Божіей воли."

Петръ пріѣхалъ улаживать не соединеніе церкви, а соединеніе Польши съ своимъ королемъ и съ Россіею противъ

Шведовъ. Онъ представлялъ Литовскому подканцлеру Щукѣ, что Польша должна теперь воспользоваться соединеніемъ Русскихъ и Саксонскихъ войскъ, чтобъ присоединить къ нимъ свои войска и отнять у Шведовъ Лифляндію. Щука отвѣчалъ, что Польша истощена только что оконченными войнами, и гораздо выгоднѣе для нея пользоваться миромъ, чѣмъ искать новыхъ пріобрѣтеній; что, разумѣется, ее можно побудить къ войнѣ, но для этого нужно посулить ей выгоды посущественнѣе. — „Что такое, что такое?" сталъ спрашивать царь. „Все дѣло въ рукахъ вашего величества," отвѣчалъ подканцлеръ. Петръ началъ настаивать, чтобъ Щука объяснился, и тотъ сказалъ: „По послѣднему договору съ Россіею Польша лишилась своихъ прежнихъ границъ: такъ неугодно ли будетъ вашему величеству возвратить ей хотя половину уступленнаго, напримѣръ Кіевъ съ округомъ." Царь объявилъ, что это невозможно, что для Польши довольно и Лифляндіи. Переговоры продолжалъ Головинъ, пріѣхавшій съ царемъ: онъ объявилъ, что уступка Кіева невозможна безъ согласія думы и козацкаго гетмана, что она можетъ произвести внутреннія волненія въ Россіи. „Если это трудно для Россіи, то еще труднѣе побудить къ войнѣ Рѣчь посполитую," отвѣчалъ Щука: возвратите, по крайней мѣрѣ, намъ заднѣпрскіе городки: Терехтемировъ, Стайки, Триполье, также нѣкоторыя села отъ Стародубскаго полка и не запрещайте населять Чигиринъ и другія окрестныя мѣста."—„Ничего этого нельзя уступить безъ совѣта съ гетманомъ, потому что царское величество ничего силою отъ украйны не отниметъ," сказалъ Головинъ.

Разговоры съ Щукою этимъ и кончились; но съ Августомъ заключенъ былъ новый договоръ. Союзники обязались продолжать войну всѣми силами и не оканчивать ея безъ взаимнаго согласія; царь обѣщалъ королю прислать отъ 15 до 20,000 пѣхоты хорошо вооруженной въ полное его распоряженіе съ обязательствомъ выдать деньги на учрежденіе провіантскихъ магазиновъ, выставить въ Витепскъ 100,000 фунтовъ пороху и выплачивать въ продолженіе трехъ лѣтъ по 100,000 рублей; король будетъ употреблять свои войска противъ Шведовъ въ Лифляндіи и Эстляндіи, дабы, отвлекая общаго не-

пріятеля, обезопасить Россію и дать царю возможность съ успѣхомъ дѣйствовать въ Ижерской и Карельской земляхъ, а Лифляндію и Эстляндію царь оставляетъ королю и Рѣчи посполитой, безъ всякаго притязанія. Такъ какъ исходъ войны невѣренъ и такъ какъ въ слѣдствіе войны за Испанское наслѣдство Нѣмецкія владѣнія короля могутъ подвергнуться большой опасности: то союзники условились принять посредство Цесарское, Французское, Англійское, Бранденбургское и Голландское и мирныя предложенія посредниковъ выслушивать, что однако нисколько не должно вредить нынѣшнему и прежнему договорамъ. О новомъ договорѣ дать знать королю Датскому. Въ тайной статьѣ царь обязался прислать королю 20,000 рублей „дабы нѣкоторое награжденіе и милость показать тѣмъ изъ Польскихъ сенаторовъ, которые способы сыщутъ привести въ постановленные союзы и Рѣчь посполитую.“

По отзыву видѣвшихъ Петра въ Биржахъ, онъ очень основательно разсуждалъ о своихъ и чужихъ морскихъ силахъ, говорилъ, что у него будетъ до осьмидесяти кораблей 80-ти и 60-ти пушечныхъ, и въ числѣ ихъ одинъ, построенный по собственному его чертежу подъ названіемъ „Божіе Предвидѣніе.“ На этомъ кораблѣ изображенъ св. Петръ, а внизу представлена лодка, на которой дѣти пускаются плавать по морю. (Царь хотѣлъ этимъ выразить, что въ Россіи мореплаваніе находится еще въ младенчествѣ). Весь девизъ сочиненъ царемъ. Царь очень свѣдущъ въ географіи, черченіи и рисованіи, и прилежно занимается этими предметами[319].

Въ началѣ марта Петръ возвратился въ Москву и въ слѣдъ за нимъ явился отъ Августа генералъ-адъютантъ за деньгами. Взяли въ Приказахъ, въ Ратушѣ — недостало, взяли въ Троицкомъ монастырѣ 1000 золотыхъ; Преображенскаго полка поручикъ Меншиковъ далъ 420 золотыхъ, богатый гость Филатьевъ далъ 10,000 рублей[320]. Исполнено было и другое обязательство: князь Репнинъ повелъ 20,000 пѣхоты для соединенія съ Саксонскими войсками Августа, находившимися подъ начальствомъ генералъ-фельдмаршала Штейнау. 21 іюня Репнинъ достигъ Кокенгаузена, и войско его заслужило по-

хвалы Штейнау: „Люди вообще хороши, писалъ фельдмаршалъ: не больше 50 человѣкъ придется забраковать; у нихъ хорошія Маастрихтскія и Люттихскія ружья, у нѣкоторыхъ полковъ шпаги вмѣсто штыковъ. Они идутъ такъ хорошо, что нѣтъ на нихъ ни одной жалобы, работаютъ прилежно и скоро, безпрекословно исполняютъ всѣ приказанія. Особенно похвально то, что при цѣломъ войскѣ нѣтъ ни одной женщины и ни одной собаки; въ военномъ совѣтѣ Московскій генералъ сильно жаловался и просилъ, чтобъ женамъ Саксонскихъ мушкетеровъ запрещено было утромъ и вечеромъ ходить въ Русскій лагерь и продавать водку, потому что чрезъ это его люди пріучаются къ пьянству и разнаго рода дебоширству. Генералъ Репнинъ человѣкъ лѣтъ сорока; въ войнѣ онъ немного смыслитъ, но онъ очень любитъ учиться и очень почтителенъ; полковники все Нѣмцы, старые, неспособные люди и остальные офицеры люди малоопытные“ [231].

Но многоопытные учителя дурно себя показали предъ любознательными учениками. Карлъ XII также неожиданно напалъ и на Саксонцевъ при Ригѣ, какъ на Русскихъ при Нарвѣ. 9 іюля онъ благополучно переправился черезъ Двину въ виду непріятельскаго войска и послѣ двухчасовой битвы въ пухъ разбилъ Штейнау. Саксонцы потеряли всю артиллерію, весь лагерь и 2000 человѣкъ войска, тогда какъ изъ Шведскихъ рядовъ выбыло только 500 человѣкъ. Русскихъ у Штейнау было только 4000; остальные съ Репнинымъ находились въ осьми миляхъ отъ Риги. Паткуль приписывалъ неудачу тому, что Саксонцы вмѣсто наступательной ограничились оборонительною войною: „Я настоялъ на личное свиданіе короля съ царемъ, чтобъ они условились на счетъ будущаго похода,“ писалъ Паткуль къ Саксонскому резиденту въ Копенгагенъ. „Я представлялъ каждому изъ нихъ, какъ необходимо приготовиться къ походу заранѣе, соединить оба войска и нагрянуть на непріятеля, прежде чѣмъ онъ успѣетъ получить подкрѣпленіе изъ Швеціи и Помераніи. На томъ и порѣшили въ Биржахъ. По моимъ представленіямъ, царь далъ намъ все нужное, коротко сказать, онъ поступилъ какъ честный государь. Но только что мы пріѣхали въ Варшаву, какъ начали

уговаривать короля къ оборонительной войнѣ. Я всѣми силами противился этому плану, хуже котораго нельзя было придумать: самъ непріятель не могъ найти ничего лучше для себя, потому что мы дали ему время воспрепятствовать соединенію союзныхъ войскъ“ [322]. Здѣсь надобно замѣтить, что Паткуль, желая прежде всего выставить непогрѣшительность своихъ совѣтовъ, перепутываетъ дѣло. Конечно слѣдовало бы союзникамъ какъ можно скорѣе послѣ Нарвы соединить свои войска и вмѣстѣ ударить на ничтожное войско Карла, но этого не было сдѣлано; относительно военныхъ дѣйствій было постановлено въ Биржахъ, что неранѣе августа мѣсяца королевскимъ войскамъ съ вспомогательными Русскими осадить Ригу; царь пошлетъ Калмыковъ въ Финляндію, а главная Русская армія будетъ дѣйствовать со стороны Печерскаго монастыря или Нарвы, не покушаясь ни накакія осады и большія сраженія; если Рига будетъ взята, то король поможетъ царю овладѣть Нарвою [323]. Нельзя складывать всю вину на совѣтниковъ Августа, которые въ Варшавѣ предлагали оборонительную войну; надобно прежде всего обратить вниманіе на то обстоятельство, что корпусъ Репнина соединился съ Штейнау только 26 іюня, именно потому, что въ Биржахъ срокъ начатію Рижской осады былъ положенъ въ августѣ мѣсяцѣ, и еще изъ Биржъ царь прислалъ въ Москву приказаніе остановить войска, выступавшія въ походъ. Такимъ образомъ распоряженіями въ Биржахъ, а не перемѣною плана въ Варшавѣ тратилось время и давалась Карлу возможность получить подкрѣпленія изъ Швеціи и Помераніи; Карлъ могъ ударить на Саксонцевъ, не подкрѣпленныхъ всѣмъ корпусомъ Репнина, потому что Штейнау послалъ къ Ригѣ только четыре русскихъ полка, а остальныхъ Русскихъ заставилъ работать надъ траншаментомъ на Двинѣ [324], обрадовавшись, что Русскіе прилежно и скоро работаютъ, а Репнинъ почтителенъ. Мы сочли нужнымъ войти въ эти объясненія, чтобъ показать, какъ осторожно надобно обходиться съ показаніями Паткуля.

Какъ бы то ни было, Карлъ одержалъ вторую блистательную побѣду, и теперь не надъ Русскими, извѣстными своею

неопытностію въ военномъ дѣлѣ, но надъ Саксонцами. Опять побѣдителю предстоялъ выборъ — преслѣдовать ли Августа, или обратиться на Русскихъ? И тутъ сначала онъ имѣлъ въ виду послѣднее, велѣлъ Шлиппенбаху отъ Дерпта приблизиться ко Пскову и ждать его пріѣзда [325]. Но скоро Карлъ перемѣнилъ намѣреніе, и не слѣдуетъ уже слишкомъ упрекать девятнадцатилѣтняго короля за упорство, съ какимъ онъ теперь началъ стараться о низложеніи Августа съ Польскаго престола. Постоянно бросаться изъ одной стороны въ другую, побѣдивъ Русскихъ, идти на Саксонцевъ, побѣдивъ Саксонцевъ, оборачиваться на Русскихъ — было не очень удобно. Главный вопросъ состоялъ въ томъ, кто опаснѣе? Саксонцы или Русскіе? противъ болѣе опасныхъ враговъ и нужно было Карлу съ главными силами дѣйствовать самому. Карлъ имѣлъ полное право считать Саксонцевъ болѣе опасными, чѣмъ Русскихъ. Правда, Карлу совѣтовали заключить миръ съ Августомъ и обратиться со всѣми силами противъ Петра; но Карлъ питалъ самое глубокое презрѣніе и недовѣріе къ Августу, нисколько не полагался на его клятвы при заключеніи мирнаго договора, считалъ себя въ правѣ опасаться, что какъ скоро онъ углубится въ Россію, Августъ снова начнетъ дѣйствовать враждебно противъ Швеціи. Отсюда и стремленіе свергнуть прежде всего Августа, пріобрѣсти въ новомъ Польскомъ королѣ себѣ союзника и безопасно дѣйствовать противъ Россіи. Положимъ, что Карлъ былъ раздраженъ противъ Августа болѣе, чѣмъ противъ другихъ враговъ своихъ: король Датскій имѣлъ право враждовать противъ Швеціи вслѣдствіе вражды своей съ герцогомъ Голштинскимъ; Русскій царь добивался моря и отыскивалъ старыхъ Русскихъ владѣній, захваченныхъ Шведами не очень честнымъ образомъ въ смутное время; но курфюрстъ Саксонскій не имѣлъ подобныхъ побужденій, и онъ то былъ главнымъ заводчикомъ союза противъ Швеціи, онъ первый началъ дѣйствовать по внушеніямъ Паткуля; — положимъ, что Карлъ увлекался своимъ раздраженіемъ противъ Августа, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не признать, что и безъ этого раздраженія онъ имѣлъ основаніе прежде всего добиваться сверженія Ав-

густа съ Польскаго престола. Въ одномъ письмѣ къ Французскому королю Карлъ выразился такимъ образомъ объ Августа: „Поведеніе его такъ позорно и гнусно, что заслуживаетъ мщенія отъ Бога и презрѣнія всѣхъ благомыслящихъ людей.“ Въ письмѣ Карла къ Шведскому Государственному Совѣту находимъ выраженія того же убѣжденія, что съ такимъ человѣкомъ какъ Августъ нельзя входить ни въ какія сношенія: „Если король Августъ, пишетъ Карлъ, позволилъ себѣ разъ такой обманъ, то нельзя имѣть никакого довѣрія къ его слову; войти въ сношенія съ человѣкомъ, который такъ себя обезчестилъ, значитъ причинить ущербъ собственной чести“ [326].

Такимъ образомъ Августъ былъ драгоцѣнный союзникъ для Петра, не силою оружія, но тѣмъ, что возбудилъ къ себѣ такую ненависть и такое недовѣріе Шведскаго короля; онъ отвлекъ этого страшнаго въ то время врага отъ Русскихъ границъ и далъ царю время ободрить свои войска и выучить ихъ побѣждать Шведовъ. Успѣхи Русскихъ начались на дальнемъ сѣверѣ, гдѣ въ іюнѣ 1701 года, семь Шведскихъ судовъ, тайкомъ, подъ Англійскими и Голландскими флагами, хотѣли пробраться къ Архангельску, но были отражены и оставили въ добычу Русскимъ два судна, сѣвшія на мель. Петръ былъ очень доволенъ: „Зѣло чудесно!“ писалъ онъ къ Апраксину и поздравлялъ съ „нечаемымъ счастіемъ“, что отразили „злобнѣйшихъ Шведовъ“.

Въ концѣ 1701 года Шереметевъ предпринялъ наступательное движеніе на Шлиппенбаха въ Ливоніи и, пользуясь превосходствомъ своихъ силъ, поразилъ Шведовъ при мызѣ Эрестферъ 29 декабря: 3000 Шведовъ полегло въ битвѣ, 350 было взято въ плѣнъ, Русскіе потеряли около 1000 человѣкъ. Петръ былъ въ восторгѣ отъ первой побѣды надъ Шведами, Меншиковъ поскакалъ къ побѣдителю съ орденомъ св. Андрея Первозваннаго, съ царскимъ портретомъ, осыпанномъ бриллiантами, съ указомъ о возведеніи въ генералъ-фельдмаршалы. Въ Москвѣ великое торжество: благодарственные молебны, цѣлый день колокольный звонъ, цѣлый день гремятъ сто пушекъ, на башняхъ и стѣнахъ Кремлевскихъ развѣваются знамена, отнятыя у Шведовъ [327]. Нарва отмщена.

Послѣ побѣды Шереметевъ пошелъ разорять Шведскую землю, разорилъ весь Юрьевскій (Дерптскій) уѣздъ; но усталость лошадей и глубокіе снѣга заставили фельдмаршала прекратить опустошительный походъ. Шереметевъ считалъ большимъ счастіемъ для себя, что непріятель невоспользовался глубокими снѣгами и не напалъ на лыжахъ изъ лѣсовъ. Было взято 140 языковъ; Чухну разобрали по себѣ Черкасы (Малороссійскіе козаки); Шереметевъ доносилъ, что онъ не велѣлъ отнимать Чухну у Черкасъ, „чтобъ охочее были" [328].

Но Черкасы не были довольны. Еще въ началѣ года, не смотря на то, что, по словамъ самого гетмана, вывели изъ Ливоніи въ Малороссію до 4000 плѣнныхъ, они сильно жаловались.

3 го марта Мазепа, (Андреевскій кавалеръ съ 8 февраля 1700 г.) писалъ государю: „Возвратившись со службы вашей монаршеской, съ границъ Ливонскихъ, полковники съ старшиною и товариществомъ стали на меня чинить великое между собою нареканіе и роптаніе, хотя и за глаза, вопервыхъ за то, что понесли такіе труды и въ хозяйствѣ своемъ ущербъ отъ дальняго похода; во вторыхъ, что за сѣно не мало ихъ товарищества побито и потоплено, оружіе и кони на сѣнахъ отниманы, и, не смотря на ихъ жалобы, управы имъ не дано въ тѣхъ селахъ, гдѣ ихъ грабили и убивали. Особенно же ропщутъ они за то, что во Псковѣ при отпускѣ взяли у нихъ пушки полковыя. Эти возвратившіеся войсковые люди поднимаютъ на ропотъ остававшихся въ Малороссіи, всѣ въ одинъ говоръ ропщутъ на меня, будто я за ихъ права и вольности не стою и вамъ, великому государю, за нихъ не бью челомъ, что такія новыя дѣла надъ ними дѣлаются. Не зная, за что взяты пушки, я не умѣю имъ отвѣчать и утолить ихъ ропотъ. Покорственно бью челомъ о извѣстительномъ и наставительномъ указѣ на счетъ пушекъ. Получивъ указъ, я тотчасъ бы обослалъ по всѣмъ полкамъ универсалами, дабы утолить ропотъ. Особенно буду писать къ Запорожцамъ, у которыхъ городовые козаки тѣ же сплетни и плевелы посѣяли, а тамъ издавна и безъ всякихъ случаевъ нетрудно быть переговорамъ и лишнимъ словамъ".

Посланному къ нему стольнику Лутавинову Мазепа говорилъ подробнѣе: козаки, стоя во Псковѣ, ѣздили покупать конскій кормъ на чехи, но тамошніе жители на чехи имъ не продавали, а у козаковъ кромѣ чеховъ другихъ денегъ нѣтъ, и они ѣздили по уѣздамъ и брали конскій кормъ, но тутъ у нихъ коней и оружіе поотнимали и самихъ человѣкъ съ 40 въ воду побросали, а иныхъ до смерти побили. Били они челомъ объ управѣ боярину Бор. Петр. Шереметеву, но онъ ничего не сдѣлалъ. Козаки говорятъ, что гетманъ ѣздилъ въ Москву и получилъ кавалерство, а объ нихъ и объ нуждахъ ихъ великому государю не доноситъ и не бьетъ челомъ, а они въ этихъ службахъ вконецъ разорились. Говорятъ тайно между собою: если гетманъ о ихъ обидахъ не будетъ бить челомъ великому государю, то они пойдутъ служить къ королю Польскому или Шведскому. „Я, говорилъ Мазепа, и самъ ихъ боюсь, потому что надежные сердюки всѣ разосланы во Псковъ, а при мнѣ надежныхъ людей моего регименту теперь малое число, а Московскихъ стрѣльцовъ только триста человѣкъ; прошу стрѣльцовъ прибавить и сдѣлать тысячный полкъ, для моего обереганія. Великій государь указалъ бы мнѣ на свою службу идти: надобно мнѣ выбрать войска добраго съ 30,000 или, по крайней мѣрѣ 20,000 и идти Литвою, потому что этотъ путь близкій и кормный“.

Въ слѣдъ за тѣмъ гетманъ далъ знать государю, что въ генварѣ онъ отпустилъ на службу во Псковъ низовое войско Запорожское, и что Запорожцы, не имѣя въ очахъ своихъ ни страху, ни стыда, такъ буйно и лѣниво шли, что едва на масляницѣ вышли на Смоленскій рубежъ, и сколько на походѣ своемъ причинили неправдъ, грабежей и обидъ людямъ малороссійскимъ и великороссійскимъ, того и пересказать нельзя, едва и непріятель можетъ хуже поступить; за это, прибавлялъ Мазепа, надобно ихъ поставить на такомъ мѣстѣ, гдѣ бы лучше отслужили.

Петръ велѣлъ сейчасъ же отдать пушки Черкасамъ и нарядить слѣдствіе о томъ, какъ съ ними поступали на сѣнахъ. Шереметевъ отвѣчалъ, что Черкасы сами пушекъ не взяли, потому что везти не на чемъ; что будучи во Псковѣ и

во многихъ городахъ въ походѣ, русскія села и деревни они разорили, людей побивали, топили и грабили. Мазепѣ дано было знать, что такое поведеніе служилыхъ людей его регимента только для него презрѣно и прикрыто милостиво, но пусть впередъ закажетъ имъ накрѣпко, чтобъ вмѣсто непріятеля надъ своими такого разоренія не чинили.

Мазепа самъ писалъ о буйствѣ Запорожцевъ во время похода; но и отъ тѣхъ, которые оставались въ Сѣчи, не было покоя. Въ началѣ 1701 года Запорожцы прислали Мазепѣ жалобу, что селитреники, которые выдѣлываютъ селитру около рѣки Самары, обѣщали имъ платить съ котла по 100 золотыхъ и обѣщанія не исполнили. Донеся объ этой жалобѣ государю, гетманъ писалъ: Запорожцы, кромѣ того, что берутъ по сту золотыхъ съ котла, притѣсняютъ селитрениковъ всячески: и деньги, и напитки, и харчи берутъ съ селитряныхъ майдановъ безпрестанно, почему селитра дешево продаваться не можетъ. Запорожцы упорно называютъ рѣчку Самару отъ устья до верху и лѣса, по ея берегамъ растущіе и дальніе буераки лѣсовые, и могилы, изъ которыхъ селитра дѣлается—своими; грозили майданы селитряные разорить, селитрениковъ съ работниками отогнать, и не только на селитреное дѣло, ни на какую потребу лѣсовъ Самарскихъ никому не давать, какъ паствы скотинѣ тамъ не даютъ. И если при рѣкѣ Самарѣ селитры не дѣлать, то нигдѣ болѣе способныхъ мѣстъ нѣтъ.

Въ апрѣлѣ новое донесеніе отъ гетмана; войско Запорожское низовое, собравшись въ числѣ трехъ тысячъ, приготовя четыре пушки, поставивъ себѣ полковниковъ, хотѣло идти на Ногайскую орду на помощь Крымскому хану. Гетманъ послалъ имъ выговоръ, какъ они смѣли самовольно сноситься съ Крымскимъ ханомъ и идти на Ногайскую орду. Кошевой отвѣчалъ: „Трудно было намъ посылать въ Москву и дожидаться монаршескаго указа или докладывать вашей вельможности, потому что ханъ позвалъ насъ вдругъ, уже вышедши на поле; онъ обѣщалъ намъ своихъ коней и уступку всей добычи. Дѣло не сдѣлалось по непостоянству зимы; нѣкоторые изъ нашихъ хотѣли идти на ханскій призывъ, а не

всѣмъ кошемъ мы поднимались, и не на православныхъ какихъ хотѣли идти. Здѣсь исконная вольность: кто куда хочетъ пойдетъ и гдѣ хочетъ добычу беретъ, удерживать войско отъ корыстей невозможно. Да и о томъ докладываемъ, что теперь низовое войско часъ отъ часу стѣсняется людьми городовыми, звѣря и рыбы козакамъ добыть негдѣ, а монаршескимъ жалованьемъ цѣлый годъ прожить нельзя, и потому поневолѣ принуждено наше товарищество идти въ помощь хану на орду Ногайскую. Намъ кажется за это гнѣваться на насъ не слѣдовало, напротивъ, надобно было радоваться, что бусурманы, бранясь между собою, насъ призываютъ. Мы о томъ промышляемъ, чтобъ они не только низовое, но и городовое войско призывали себѣ на пагубу.“

Гетманъ самъ вызывался идти въ Ливонскій походъ и именно Литвою; желаніе его было исполнено, онъ получилъ указъ выступать. Но въ это же время Мазепа бьетъ челомъ, что отъ тяжкихъ походовъ козаки и поселяне очень злобятся и переговариваютъ между собою, что имъ приходитъ пропадать до конца, скоро изгубятъ ихъ Москали частыми и трудными походами, у каждаго мысль—уходить за Днѣпръ. И для всякаго опасенія, чтобъ надъ нимъ гетманомъ не сдѣлали какаго зла внезапно, указалъ бы государь быть при немъ тысячѣ человѣкъ стрѣльцовъ, а жить имъ попеременно: 500 при гетманѣ, а другіе 500 въ Путивлѣ; женъ ихъ и дѣтей привесть къ нимъ въ Путивль, потому что теперь живутъ въ Батуринѣ стрѣльцы седьмой годъ безъ женъ, и, впавши въ отчаяніе, дѣлаютъ такія неистовства, что и выговорить стыдно; а въ Батуринѣ жить имъ съ женами неприлично, потому что дѣлаются отъ нихъ Батуринскимъ жителямъ великія обиды, кражи безпрестанныя. Но этого мало: въ іюлѣ 1701 года Мазепа далъ знать Головину о прелестяхъ Татарскихъ. Ханскій визирь, зазвавши къ себѣ гетманскаго посланца, говорилъ ему: „Гдѣ вашъ царь? на Воронежѣ корабли строитъ? понапрасну трудится! Для чего вашъ царь пренебрегаетъ ханомъ и всѣмъ государствомъ Крымскимъ? Для чего не хочетъ намъ казны давать по прежнему? Если надѣется на силу, такъ и ханъ также силенъ: какъ сядетъ на коня, то бу-

детъ съ нимъ двѣсти тысячъ сабель. Если надѣется на Калмыковъ, то и та надежда даровая: это цыгане, только бъ имъ казну отъ царя брать, а съ нами никогда по правдѣ не будутъ биться. Скажи гетману, что если онъ словамъ моимъ не вѣритъ, то пусть созоветъ раду, и мои слова объявитъ старшинѣ и черни: увидитъ, что всѣ возмутятся за нашу любовь, только пусть обнадежитъ всякаго, что вольно все говорить. Знаемъ мы хорошо, что́ у васъ на Украйнѣ дѣлается, знаемъ, что всѣ козаки обнищали; а когда будутъ съ нами по прежнему въ братствѣ, то въ нѣсколько лѣтъ станутъ также богаты, какъ при Хмельницкомъ были; я говорю именемъ хана и всего Крымскаго государства; жаль намъ васъ, какъ людей воинскихъ, скоро пропадете, держась того народу Московскаго."

Послѣ такихъ донесеній отъ Мазепы понятно, почему онъ получилъ указъ возвратиться назадъ въ Батуринъ. Гетманъ обидѣлся или, по крайней мѣрѣ, показалъ видъ, что обидѣлся, и 20 іюля 1701 года писалъ Головину: „Монаршескій его царскаго пресвѣтлаго величества имянной указъ — дабы я возвратился въ Батуринъ, пославъ на свое мѣсто съ нѣсколько надесять числомъ войска наказнаго гетмана, засталъ меня въ Литовскихъ краяхъ, въ 12 миляхъ отъ Могилева: и съ какою моею жалостію и стыдомъ отъ тутошнихъ жителей возвращаюся вспять, самъ Богъ, испытуя сердца и утробы человѣческія, лучше знаетъ. Не такъ для поднятыхъ трудовъ чрезъ толь долгую непотребную дорогу, какъ для того, что по должному моему намѣренію не сталося, когда жъ такъ себя было выбралъ въ ту военную дорогу съ сердечною охотою и не малымъ моимъ коштомъ, чтобы я то показалъ бы по себѣ не на словахъ, не на бумагѣ, но самымъ дѣломъ, предъ всѣмъ свѣтомъ въ его монаршескихъ очахъ, что есть вѣрный подданный." Мазепа отправилъ ко Пскову четырехъ полковниковъ, Миргородскаго, Переяславскаго, Полтавскаго и Лубенскаго, да наказнаго Нѣжинскаго съ семнадцатью тысячами войска, и наказнымъ гетманомъ назначилъ полковника Миргородскаго (Данилу Апостола).

Послѣ Ерестферской битвы этотъ наказной гетманъ при-

слалъ Мазепѣ жалобу: „Генералъ сталъ въ мызѣ Ерестферъ и войска великороссійскія около себя поставилъ неподалеку по всѣмъ дорогамъ и малымъ путямъ, и всему войску далъ позволеніе, чтобъ охочіе шли на всѣ стороны въ загоны, разоряли и жгли; наши Малороссіяне, какъ большіе охотники до добычи, едва не до самаго Юрьева Ливонскаго ѣздили загонами и много добычи привозили въ свои таборы. Но войска великороссійскія, вѣрно наученные нарочно, по всѣмъ дорогамъ у козаковъ отнимали силою добычу и самихъ нещадно побивали, отъ чего бѣдному нашему войску безчестіе и ругательство; а теперь, какъ слышимъ, въ нашихъ перьяхъ щеголяетъ, нашею добычею корыстуется самъ региментующій (Шереметевъ), а нашу усердную и вѣрную службу предъ монархомъ осуждаетъ и ругается. Еще во Псковщинѣ будучи слышали мы въ народѣ слова, будто отъ насъ никакого не было дѣла и службы, но терпѣли, видя недоброхотство региментующаго ко всему краю нашему. Слыша отъ насъ, какія тамъ нестерпимыя недоброхотства, едва ли кто впередъ изъ Украйны нашей туда на службу царскую пойти захочетъ, хотя бы съ великимъ насильствомъ и принужденіемъ.“ Но оказалось, что великороссійскія войска немного отняли добычи у козаковъ, потому что Апостолъ привезъ въ Малороссію 4 знамени, 5 пушекъ, до двадцати плѣнныхъ офицеровъ, а у простыхъ козаковъ оказалось плѣнныхъ чухновъ, лошадей и другихъ пожитковъ многое число. Знамена, пушки и офицеры были отобраны, вся другая добыча оставлена.

Между тѣмъ Запорожцы не переставали дѣлать непріятности: въ октябрѣ 1701 года они разорили селитряные заводы по обоимъ берегамъ Самары; размежовывать земли по рѣкѣ не дали; наконецъ ограбили Греческихъ купцовъ, шедшихъ изъ Турціи въ Россію. Султанъ прислалъ въ Батуринъ съ требованіемъ, чтобъ немедленно были отданы его подданнымъ пограбленные у нихъ товары; а раздражать султана въ это опасное время было нельзя, чтобъ къ войнѣ Шведской не прибавить еще Турецкую.

Головинъ просилъ у Мазепы совѣта, что̀ дѣлать съ Запо-

рожцами? Мазепа отвѣчалъ: „Имѣешь ваша вельможность высокій разумъ, которымъ великія монаршескія исправляешь дѣла: такъ можешь свободно безъ моего совѣта то разсудить, какого Запорожцы наказанія годны. Я бы имъ давно притеръ носы и унялъ ихъ отъ сумазброднаго своевольства, и за нынѣшній проступокъ умѣлъ бы покарать, еслибъ не боялся привести ихъ въ послѣднее отчаяніе и отогнать отъ милости монаршеской. Издавна не разъ бывало, что они, усмотря съ этой стороны какое-нибудь неудовольствіе, ставили кого-нибудь себѣ наказнымъ гетманомъ и уходили въ сосѣднія области, ища заступленія, что и теперь сдѣлать имъ не трудно". Головинъ писалъ, чтобъ гетманъ зазвалъ къ себѣ въ Батуринъ лучшихъ Запорожцевъ и прислалъ ихъ въ Москву. Мазепа отвѣчалъ: „Старинная пословица говоритъ: мужикъ черенъ какъ ворона, а хитеръ какъ чертъ; я уже говорилъ съ Запорожцами, которые ѣхали въ Москву за жалованьемъ, пыталъ ихъ о разбоѣ надъ Греками, представлялъ, что это дѣло не можетъ успокоиться, пока не выдадутъ заводчиковъ; но у нихъ одинъ отвѣтъ: у насъ нѣтъ никакихъ заводчиковъ, мы всѣ это сдѣлали, все войско Запорожское Низовое на то позволило. Есть у нихъ писарь Зеленецкій, воръ и давный измѣнникъ, который былъ первымъ совѣтникомъ Петрику, и вмѣстѣ съ нимъ въ Крымъ ушелъ, навелъ на Украйну Татаръ и Запорожцевъ; разбитый подъ Царичёнкою, убѣжалъ въ Запорожье и до сего времени тамъ живетъ, остася въ Полтавѣ отца, мать и жену. Говорятъ о немъ, что великую имѣетъ силу между Запорожцами: въ радѣ молчитъ, а по куренямъ тайно что хочетъ то дѣлаетъ. Еслибъ далъ Богъ прибрать его къ рукамъ, то тайны Запорожскія открылись бы, ибо нестаточное дѣло, чтобъ Запорожцы поступали такъ дерзко, не будучи обнадежены либо отъ хана, либо отъ Поляковъ.

Головинъ разсердился, что вмѣсто совѣта, какъ наказать Запорожцевъ, Мазепа отдѣлался комплементомъ. Мазепа отвѣчалъ: „Богъ свидѣтель, что я сдѣлалъ такъ для того только, чтобъ не подать на себя большаго подозрѣнія, будто я дѣйствую изъ приватной моей къ Запорожцамъ какой нибудь

злости, а не для общаго добра и вѣрной службы, потому что и первое мое донесеніе о грабительствѣ Запорожцевъ, шедшихъ въ Псковъ на службу, ни во что вмѣнено, а они, возвратясь, своими песьими губами лаютъ: гетманъ то насъ хотѣлъ запровадить въ Сибирь или къ Архангельску въ вѣчную неволю, привелъ на то государя, чтобъ намъ ни суконъ, ни по пяти рублей за наши работы не дали.—Хотя я ихъ собачьихъ голосовъ не боюсь, однако отъ такихъ плутовъ терпѣть тяжело". Мазепа высказалъ неудовольствіе, что по его донесенію Запорожцы не были наказаны; и въ томъ же письмѣ, на вопросъ Головина: наказаніемъ Запорожцевъ не повредить бы Украйнѣ? отвѣчалъ: „Не дай Боже, чтобъ явилось отъ Запорожцевъ какое нибудь новое зло: нѣтъ сомнѣнія, что многіе изъ городовыхъ къ нимъ пристанутъ".

Когда Запорожцы, Герасимъ Крыса съ товарищами пріѣхали въ Москву за жалованьемъ, то ихъ посадили за караулъ и распрашивали: когда разбивали Грековъ и селитренниковъ— они, Крыса съ товарищами, были ли у этого грабежа?

Крыса отвѣчалъ: „Надъ Греками учинили мы грабежъ всѣмъ войскомъ Запорожскимъ съ общаго совѣта, и какъ ихъ пожитки въ Сѣчѣ были разграблены, въ то время мы тутъ были и пожитки дѣлили. А пограбили мы ихъ за то, что они Сѣчу нашу миновали, ругаясь надъ нами, ставя войско запорожское ни во что, а прежде Греки и другіе купцы мимо насъ никуда не проѣзжали и нанимали насъ въ проводники; такъ эти Греки, по нашему обыкновенію, учинились въ арештъ и за арештъ, и мы ихъ пограбили. Какъ селитренники разорены — не знаемъ; услыхали мы объ этомъ на дорогѣ; только и тутъ войско Запорожское не виновато, потому что селитреники торговые мужики завладѣли нашими угодьями".

Это было въ концѣ 1701 года; въ началѣ 1702 посланъ былъ къ кошевому царскій указъ — отдать Грекамъ все пограбленное сполна, въ противномъ случаѣ Крыса съ товарищами будутъ казнены смертію и присылка жалованья и запасовъ прекратится. Когда эта грамота пришла на Запорожье и была прочтена въ радѣ, то войско крикнуло на ко-

шеваго атамана Петра Сорочинскаго: „Ты былъ этому дѣлу початокъ, ты говорилъ, чтобъ дѣлить взятые у Грековъ товары по куренямъ, а мы хотѣли, чтобъ они были сложены въ казнѣ войсковой до поры до времени: такъ теперь самъ и отвѣчай!“ Сорочинскій сложилъ съ себя урядъ кошевства, и на его мѣсто выбрали кошевымъ Константина Гордѣенка. Запорожцы, по выраженію Мазепы, повѣсили носы и начали въ чувство приходить отъ того, что изъ Крыма пришли недобрыя вѣсти: ханъ отказался дать имъ помощь противъ Россіи, указывая на мирные договоры съ царемъ. Дѣлать нечего — Запорожцы написали челобитную великому государю, что подѣлили кумачи красные съ иными недорогими вещами, взять ихъ негдѣ, а дорогіе товары, жемчугъ и прочее уже возвратили Грекамъ: „Умилосердись, великій государь, надъ нами, рабами своими, изволь гнѣвъ свой монаршескій утолить и посланцевъ нашихъ отпустить“.

Съ гетманомъ войска Запорожскаго шли также сношенія по поводу Польскихъ требованій, Польскаго союза. Возвратившись изъ Биржъ, Головинъ далъ знать Мазепѣ о разговорѣ своемъ съ Щукою и требовалъ его мнѣнія. Мазепа отвѣчалъ: „Три мѣстечка за Днѣпромъ — Терехтемировъ, Стайки и Триполь уступить можно, никакого вреда сторонѣ царскаго величества отъ этого не будетъ, только уступить съ условіемъ, чтобъ вѣчный миръ былъ подтвержденъ подлинно и напечатано было о немъ въ конституціи; а Чигиринъ, Каневъ, Черкасы, Крыловъ и другія мѣста уступать никакъ нельзя: если ихъ уступить, то въ державѣ царскаго величества на той сторонѣ Днѣпра останется одинъ Кіевъ, и будетъ не безопасенъ, потому что въ Чигиринскія мѣста перейдутъ на житье съ этой стороны Днѣпра, въ одно лѣто переселится множество народа; Запорожскіе козаки будутъ тянуть къ той сторонѣ. Отъ Стародубскаго полка въ Польскую сторону нельзя ничего уступить, потому что Стародубскій полкъ отъ Поляковъ раздѣлила рѣка Сожь, и за тою рѣкою моего гетманскаго владѣнія никакого нѣтъ, а сюда за рѣку Полякамъ вселяться непристойно. Отъ Поляковъ добраго дѣла не чаять: договора вѣчнаго мира они до сихъ поръ не подтвердили и

въ конституцію не напечатали, говорятъ, что миръ заключенъ королемъ, а не Рѣчью посполитою; многія церкви Божіи обратили на унію; въ прошломъ году начальную Русскую соборную Львовскую церковь у благочестивыхъ отняли и отдали уніатамъ. Король, вызвавъ царскія рати подъ Нарву, выдалъ ихъ Шведамъ, а самъ отъ Риги отступилъ. Съ Поляками надобно поступать осторожно; кроникары пишутъ: какъ святъ святомъ, то Полякъ Русину не будетъ братомъ, и донынѣ то все исполняется отъ нихъ самымъ явнымъ дѣломъ" [319].

Но скоро дѣла приняли такой оборотъ, что объ уступкахъ въ Польскую сторону ненужно стало болѣе толковать.

Еще въ августѣ 1701 года князь Григорій Долгорукій, находившійся при королѣ Августѣ, доносилъ Петру: „Королевское величество изволилъ мнѣ сказывать: вѣдомость получилъ, что король Шведскій съ войсками идетъ въ Польшу: только онъ о томъ печали никакой не имѣетъ, а когда Шведы большими войсками въ Польшу вступятъ, то могутъ Поляковъ на себя озлобить; а въ нынѣшнемъ также дальнемъ разстояніи Шведскихъ войскъ отъ Московской границы въ Лифлянты войскомъ В. В-ства потребно нападеніе учинить, что и помогать скоро Шведскимъ войскомъ будетъ невозможно; а болши бы учинить плѣнъ и разореніе, дабы войска Шведскія не имѣли въ Лифлянтахъ довольства, отъ чего могутъ идти на зиму къ себѣ черезъ море" [320]. Совѣтъ былъ принятъ: плѣнъ и разореніе сопровождали движенія Шереметева въ Лифлянтахъ. Послѣ Эрестферской побѣды фельдмаршалу хотѣлось отдохнуть; но Петръ не любилъ давать отдыха ни себѣ, ни другимъ, особенно въ такое время, когда ни на минуту нельзя было ослаблять напряженіе силъ. Въ началѣ генваря 1702 года Шереметевъ сталъ проситься въ Москву: „Жена живетъ на чужомъ подворьѣ: надобно ей домъ сыскать, гдѣ бы голову приклонить". Предлогъ былъ слишкомъ страненъ. Шереметевъ поправился и написалъ, что ему необходимо быть въ Москвѣ для донесенія о нужныхъ дѣлахъ. „Полагаемъ то на ваше разсужденіе, отвѣчалъ Петръ: а хотя и быть, чтобъ на страстной или на шестой пріѣхать, а на святой паки назадъ" [321].

Не давая отдыха Шереметеву, Петръ не давалъ его и человѣку, который былъ постарше Шереметева, надзирателю артиллеріи Виніусу. Отъ 21 февраля Виніусъ писалъ царю [322]: „Нынѣ пріѣхавъ къ Москвѣ господинъ Тайный Совѣтникъ Тихонъ Никитичь (Стрѣшневъ) мнѣ рабу вашему вашимъ великаго государя указомъ сказалъ, что вы изволили потребовать отъ меня переводу уставу судебныхъ воинскихъ правъ, и я, государь, въ прошломъ году былъ на вашей службѣ въ полкахъ съ гетманомъ, а пріѣхавъ въ Глуховъ, сначала мѣсяца іюля лежалъ нѣсколько недѣль въ разслабленьѣ, а которые дни было мнѣ отраднѣе, въ тѣ трудился надъ Лексиканомъ Галанскимъ, а надъ воинскими правами не работалъ, понеже чаялъ иные люди то исправятъ; а нынѣ къ Москвѣ пріѣхавъ, въ домикѣ моемъ обрѣлъ поставлены Шведы во всѣхъ житьяхъ и донынѣ не сводятъ, а было ихъ сначала болши 200 человѣкъ, и въ домъ меня не пустили, и жилъ въ чужомъ дворѣ недѣли съ три. Оттого, государь тому дѣлу учинилась остановка и мнѣ не малое отъ постою разореніе. А нынѣ, государь, началъ въ воинскихъ правахъ трудитися и, поелико смогу, буду работать; однакожъ рукою правою въ письмѣ мнѣ зѣло тяжко, едва имя свое подписываю, но уповаю симъ великимъ постомъ Галанскіе артикулы совершить, а прочее потомъ. Не прогнѣвись, мой милостивѣйшій государь, на мя нижайшаго раба своего: воистинно сталъ быть дряхлъ, едва брожу, ужь семидесятый годъ доходитъ; желаніе, вѣсть Богъ, есть, да сила по вся дни скудѣетъ“. Весною дряхлый, разслабленный старикъ поѣхалъ въ Новгородъ и Псковъ по артиллерійскимъ дѣламъ; возвратился въ Москву, и сталъ сбираться — въ Сибирь! Надобно было посмотрѣть тамошніе рудники и заводы. Изъ Тобольска Виніусъ писалъ: „Съ Москвы я въ путь сей дался іюля въ 28 и, пріѣхавъ чрезъ Казанскіе предѣлы зѣло дальними и трудными мѣстами, достигъ въ Сибирь на желѣзные заводы, что построилъ князь Михайла Яковлевичь (Черкаскій) на рѣкѣ Каменкѣ, идеже и въ иныхъ мѣстѣхъ толикое обрѣлъ множество рудъ желѣзныхъ, что мню до скончанія міра не выкопаются, а чаю, что прежде лѣса выдутъ, нежели руда“ [323].

Въ концѣ мая Петръ началъ торопить Шереметева къ выступленiю изо Пскова въ Лифлянты: „Есть вѣдомость, писалъ онъ ему, что непрiятель готовитъ въ Лифлянты транспортъ изъ Померанiи въ 10,000 человѣкъ, а самъ конечно пошелъ къ Варшавѣ: теперь истинный часъ (прося у Господа силъ помощи), пока транспортъ не учиненъ, поискомъ предварить“ [324].

Шереметевъ двинулся съ тридцатитысячною армiею противъ Шлиппенбаха, у котораго было 8000. 18 iюля армiи встрѣтились при Гуммельсгофѣ и Шведы потерпѣли страшное пораженiе, потеряли около 5500 убитыми, 300 плѣнными, всю артиллерiю; Русскiе потеряли около 400 убитыми и столько же ранеными. Петръ, узнавши о побѣдѣ, писалъ Шереметеву, чтобъ разорилъ Ливонiю, „чтобъ непрiятелю пристанища (найти) и сикурсу своимъ городамъ подать было невозможно“ [325]. Приказанiе было исполнено. Шереметевъ взялъ два значительныхъ города (Волмаръ и Марiенбургъ), шесть малыхъ и страшно опустошилъ всю страну: „Чиню тебѣ извѣстно, писалъ онъ Петру, что всесильный Богъ и пресвятая Богоматерь желанiе твое исполнили: больше того непрiятельской земли разорять нечего, все разорили и запустошили безъ остатку; и отъ Риги возвратились загонные люди въ 25 верстахъ, и до самой границы Польской; и только осталось цѣлаго мѣста Перновъ и Колывань (Ревель), и межь ими сколько осталось около моря, и отъ Колывани къ Ригѣ около моря же, да Рига: а то все запустошено и разорено въ конецъ. Пошлю въ разныя стороны отряды Калмыковъ и козаковъ для конфузiи непрiятеля. Прибыло мнѣ печали: гдѣ мнѣ дѣть взятый полонъ? тюрмы полны, и по начальнымъ людямъ вездѣ; опасно того, что люди какiе сердитые (т. е. плѣнники)! Тебѣ извѣстно, сколько ужь они причинъ сдѣлали, себя не жалѣя; чтобы какiя хитрости не учинили: пороху въ погребахъ бы не зажгли? также отъ тѣсноты не почали бы мереть? также и денегъ на кормъ много исходитъ; а провожатыхъ до Москвы одного полку мало. Вели мнѣ объ нихъ указъ учинить. А Чухны, выбравъ лучшихъ людей 100 семей, которыя умѣютъ овые топоромъ, овые иные художники, а въ тѣхъ се-

мьяхъ будетъ больше 400 душъ, для Азовской посылки, и тѣхъ тотчасъ за тепло велю гнать къ Москвѣ и отдать Тихону Никитичу Стрѣшневу, какъ онъ съ ними ни изволитъ. Августа 31 числа пойду ко Пскову; больше того быть стало невозможно: въ конецъ изнужились крайне, и обезхлѣбѣли, и обезлошадѣли, и отяготились по премногу какъ ясыремъ (полономъ) и скотомъ, и пушки везть стало не на чемъ, и новыхъ подводъ взять стало неоткули, а во Псковѣ нѣтъ" [326].

„Борисъ Петровичъ въ Лифляндахъ гостилъ изрядно довольно", писалъ Петръ Ѳед. Матв. Апраксину [327]. Въ то же самое время въ Ингріи гостилъ такимъ же образомъ окольничій Петръ Апраксинъ, который рѣкою Невою до Тосны и самой Ижорской земли прошелъ, все разорилъ и развоевалъ, прогнавши Шведскій отрядъ отъ Тосны къ Канцамъ (Ніеншанцъ, Невская крѣпость); посланный Апраксинымъ на судахъ въ Ладожское озеро полковникъ Тыртовъ нѣсколько разъ дрался со Шведами и принудилъ ихъ удалиться подъ Орѣшекъ (Нотебургъ). Но Петру было „не зѣло пріятно, что Апраксинъ не исполнилъ наказа и развоевалъ страну, которую Петръ считалъ Русскою и въ которой, какъ ближайшей къ завѣтному морю, хотѣлъ утвердиться. Апраксинъ оправдывался, что жегъ селенія по берегамъ Невы съ цѣлію утѣснить непріятеля въ подвозѣ съѣстныхъ припасовъ [328]. Самъ Петръ прогостилъ все лѣто 1702 года въ Архангельскѣ, ибо весною получено было извѣстіе, что Шведы въ другой разъ намѣрены пробраться къ этому городу. Въ ожиданіи непріятельскаго прихода Петръ занимался строеніемъ кораблей. Лѣто проходило, Шведы не показывались, и въ сентябрѣ Петръ явился въ Ладогу, чтобъ лично распоряжаться завоеваніемъ Ингріи, завоеваніемъ морскаго берега. „Если не намѣренъ ваша милость еще чего главнаго (сдѣлать въ Лифляндіи) изволь не мѣшкавъ быть къ намъ, писалъ Петръ къ Шереметеву: зѣло зѣло время благополучно, не надобно упустить; а безъ васъ не такъ у насъ будетъ какъ надобно". Черезъ пять дней другое письмо къ тому же: „Изволь ваша милость немедленно быть самъ неотложно къ намъ въ Ладогу: зѣло нужно, и безъ того инако быть и не можетъ; о прочемъ же, какъ о приба-

вочныхъ войскахъ, такъ и о артиллерійскихъ служителяхъ изволь учинить по своему разсужденію, чтобъ сего Богомъ даннаго времени не потерять“ [329].

По прибытіи Шереметева, Петръ повелъ войско къ Нотебургу, древнему Новгородскому Орѣшку на Невскомъ протокѣ. То была маленькая крѣпость, обнесенная высокими каменными стѣнами; Шведскаго гарнизона въ ней было не болѣе 450 человѣкъ, но около полутораста орудій; у осаждающихъ было тысячъ десять войска. Послѣ отчаяннаго сопротивленія, 11 октября коммендантъ принужденъ былъ сдать городъ. Нотебургъ былъ переименованъ въ Шлюссельбургъ (Ключь городъ). Петръ былъ въ восторгѣ, добывши этотъ Ключъ къ морю, тѣмъ болѣе, что предпріятіе было чрезвычайно трудное. Пошли отъ царя радостныя письма къ членамъ компаніи. Къ Апраксину писалъ: „Объявляю вашей милости, что помощію побѣдыдавца Бога, крѣпость сія, по жестокомъ и чрезвычайномъ, трудномъ и кровавомъ приступѣ (который начался въ 4 часа по полуночи, а кончился по четырехъ часахъ по полудни), сдалась на акордъ, по которомъ коммендантъ Шлиппенбахъ со всѣмъ гарнизономъ выпущенъ. Истинно вашей милости объявляю, что чрезъ всякое мнѣніе человѣческое сіе учинено и только единому Богу въ честь и чуду приписать.“ Петръ извѣстилъ и надзирателя артиллеріи, находившагося въ Сибири, приписавъ: „Правда, что зѣло жестокъ сей орѣхъ былъ, однакожъ, слава Богу, счастливо разгрызенъ. Артиллерія наша зѣло чудесно дѣло свое исправила.“ Виніусъ отвѣчалъ своимъ обычнымъ высокопарнымъ слогомъ: „Въ дальнѣйшемъ, государь, во странахъ сихъ Сибирскихъ, отъ вашей пресвѣтлѣйшей государской особы разстояніи шествуя, на отлеглыя страны по пустынямъ во мрачныхъ облакахъ многихъ суетствъ и попеченій о порядномъ уставѣ новопостроенныхъ желѣзныхъ заводехъ и во искорененіи злобы присланныхъ съ Москвы пушечныхъ мастеровъ, нечаянно абіе яко лучею свѣтлаго солнца мя веліею радостію просвѣтило ваше письмо изъ Нотенбурга, его же всекрѣпкій Господь яко истинному того крѣпкаго орѣха наслѣднику, вамъ великому государю предати

изволилъ, и даровалъ нашей новой слезами окропленной артиллеріи и порохамъ побѣдительную силу“ [330].

На слѣдующій (1703-й) годъ, въ апрѣлѣ отъ Шлюссельбурга внизъ по правому берегу Невы шли Русскія войска подъ начальствомъ фельдмаршала Шереметева; шли они лѣсами большими и малыми, и завидѣли наконецъ, при устьѣ Охты въ Неву, маленькій земляной городокъ, занимавшій не болѣе десятины земли: то были Канцы или Ніеншанцъ, сторожившій устье Невы. Противъ городка, за Охтою посадъ изъ 400 деревянныхъ домиковъ. Къ Русскому войску пріѣхалъ бомбардирскій капитанъ Петръ Михайловъ и съѣздилъ на 60 лодкахъ осмотрѣть Невское устье. Вечеромъ 30 апрѣля началось бомбардированіе, утромъ 1-го мая Канцы сдались и переименованы въ Шлотбургъ. Но на другой же день вечеромъ караульные донесли, что на взморьѣ показались непріятельскіе корабли. 5 мая два Шведскихъ судна, шнява и большой ботъ подошли къ устью Невы; бомбардирскій капитанъ Петръ Михайловъ и поручикъ Меншиковъ съ обоими гвардейскими полками на тридцати лодкахъ подкрались къ непріятельскимъ судамъ, окружили и взяли ихъ, не смотря на то, что у Шведовъ были пушки, а у Русскихъ ихъ не было. Людей на обоихъ судахъ было около 80; „но, писалъ Петръ Апраксину, понеже непріятели пардонъ зѣло поздно закричали, того для солдатъ унять трудно было, которые, ворвався, едва не всѣхъ покололи, только осталось 13 живыхъ. Смѣю и то писать, что истинно съ 8 лодокъ только въ самомъ дѣлѣ было. И сею, никогда бываемою викторіею вашу милость поздравляю“ [331].

Петръ и компанія были въ восторгѣ, какъ дѣти при первомъ успѣхѣ въ чемъ нибудь или при первой наградѣ: „два непріятельскихъ корабля взяли! небывалая викторія!“ За эту викторію бомбардирскаго капитана Петра Михайлова и поручика Меншикова пожаловали Андреевскими кавалерами. Въ Воронежѣ на радостяхъ начались бои съ Ивашкою Хмельницкимъ, и Ивашка пошибъ.

Петръ стоялъ у моря. Поздравляя его со взятіемъ Ніеншанца или Шлотбурга, Виніусъ писалъ, что этимъ городомъ

„отверзошася пространная порта безчисленныхъ вамъ прибытковъ“ [332].

Въ IX-мъ вѣкѣ по Р. Х. устьемъ Невы начинался великій путь изъ Варягъ въ Греки; этимъ путемъ въ половинѣ вѣка началась Россія. Въ продолженіи осьми съ половиною вѣковъ шла она все на востокъ; дошла вплоть до Восточнаго океана, но сильно наконецъ встосковалась по западномъ морѣ, у котораго родилась, и снова пришла къ нему за средствами къ возрожденію.

16 мая 1703 года, на одномъ изъ островковъ Невскаго устья стучалъ топоръ, рубили деревянный городокъ. Этотъ городокъ былъ Питербурхъ, столица Россійской Имперіи.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Дѣла Малоросс. означ. года въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.
2) Приказныя дѣла 1683 года въ Арх. Мин. Ин. Д.
3) Zinkeisen — Geschichte des osmanischen Reiches, V, 87; Rogalskiego — Dzieje Jana III Sobieskiego, 126.
4) Дѣла Польскія и Цесарскія означенаго года въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.
5) Тамъ же, дѣла 1686 года; Zaluski — Epistolae, I, 2, p. 989, 1135.
6) Дѣла Малороссійскія и Турецкія означенныхъ лѣтъ въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.; Архивъ Мин. Юстиціи, столбецъ Приказн. стола, № 2055.
7) Сборникъ Синодал. библіотеки, № IV.
8) Полное Собр. законовъ II, № 1224.
9) De la Neuville — Relation curieuse et nouvelle de Moscovie, p. 65.
10) Розыскное дѣло о Шакловитомъ въ Археогр. Коммиссіи.
11) Gordon's Tagebuch, II, 179.
12) Дѣла Крымскія 1687 года въ Моск. Архивѣ Мин. Ин. Д.; Архивъ Мин. Юстиціи, столбецъ Москов. стола, № 703.
13) Лѣтопись Самовидца въ Чтеніяхъ Москов. Истор. Общ.
14) Собр. гос. гр. и дог. IV, № 186.
15) Тамъ же.
16) Гордонъ II, 184 и слѣд. Самойловичь сосланъ въ Сибирь.
17) Записка Мазепы Голицыну объ этомъ въ Государств. Архивѣ.
18) Дѣла Малоросс. означеннаго года въ Москов. Арх. Мин. Ин. Д.
19) Архивъ Мин. Ин. Д., дѣла Греческія означ. года.
20) Собр. гос. гр. и дог. IV. № 193.
21) Приказныя дѣла Москов. Арх. Мин. Ин. Д. означеннаго года.
22) Voyage en divers etats d'Europe et d'Asie, entrepris pour decouvrir un nouveau chemin à la Chine, p. 266. — Записки Желябужскаго подъ 1689 г.
23) Архивъ Минист. Юстиц. Книги Малоросс. Приказа означеннаго года.
24) Подробности о второмъ Крымскомъ походѣ между ста-

тейными Крымскими списками въ Архивѣ Мин. Ин. Д. № 79; Gordon's Tagebuch, III, 235; письма Софьи къ Голицыну, цыфирью, въ Государств. Архивѣ, разобраны Устряловымъ.

25) Архивъ Минист. Юстиціи, книга Малоросс. приказа, № 64.

26) Пол. Собр. Зак. II, № 1326, 1330, 1331; Москов. Архивъ Мин. Ин. Д. Дѣла Французскія означенныхъ годовъ.

27) Акты Истор. V, № 83. Гарелина — старинные акты города Шуи, № 154.

28) Акты историч. V, № 88; Приказныя дѣла Москов. Арх. Мин. Ин. Д. 1692 года, мая 20.

29) Пол. Собр. Зак. II, № 1030.

30) Акты, относящ. до юридич. быта, стр. 602; Столбцы Приказнаго стола, 3476; Акты Гарелина, стр. 290, 302; Акты Юридич. стр. 398.

31) Акты, относ. до юридич. быта, стр. 705.

32) Архивъ Мин. Юстиціи, столбцы Приказнаго стола, № 2058.

33) Пол. Соб. Зак. II, № 1154.

34) Тамъ же № 1192.

35) Столбцы Приказнаго стола, № 2276.

36) Записки Желябужскаго подъ означ. годомъ.

37) Тамъ же.

38) Пол. Собр. Зак. II, № 970.

39) Тамъ же № 1002 и 1004.

40) Тамъ же, № 1335.

41) Тамъ же, № 1285.

42) Тамъ же, № 1298.

43) Тамъ же, № 1181.

44) Тамъ же, № 1064, 984, 987.

45) Временникъ Москов. Истор. Общ. № 5.

46) Акты историч. V, № 100; Приказныя дѣла Москов. Архива Мин. Ин. Д., годъ 1683.

47) Акты Историч. V, № 101.

48) Акты Арх. эксп. IV, № 284.

49) Акты историч. IV, № 127, 151.

50) Собр. гос. грам. и дог. IV, № 192; дѣла Донскія означ. годовъ въ Архивѣ Мин. Ин. Д.

51) Архивъ Мин. Юстиціи, столбцы Приказн. стола, № 2046.

52) Сборникъ Синодал. библіот. № 11.

53) Рукопись Синодал. библіот. № 452, 346.

54) Москов. Арх. Мин. Ин. Д. Дѣла приказныя 1676 года. Вмѣстѣ съ Медвѣдевымъ учились у Полоцкаго Василій Репскій, пѣвчій, выѣхавшій изъ Кіева съ епископомъ Меѳодіемъ, да Семенъ и Илья Казанцевы.

55) Исторія Москов. Славяно-Греко-Латинской Академіи С. Смирнова, стр. 24 и 2.

56) Рукопись Синодал. библіотеки, № 452; Пискарева — Древніе грамоты и акты Рязанскаго края, стр. 130.

57) Тамъ же, № 346; розыскъ Медвѣдева см. ниже.

58) Voyage en divers etats d'Europe et d'Asie, entrepris pour decouvrir un nouveau chemin à la Chine, p. 246.

59) De la Neuville — Relation curieuse et nouvelle de Moscovie, p. 15, 177, 178.

60) Книга Малоросс. приказа, № 109, въ Арх. Мин. Юстиціи.

61) Въ 1687 году Софья подарила Голицыну кровать съ позолотою и расписаніемъ. Приказныя дѣла Москов. Арх. Мин. Ин. Д. 1687 года.

62) Ж. Ж. Руссо въ: Du contrat social: „Les Russes ne seront jamais vraimen policés, parcequ'ils l'ont été trop tôt... Pierre a vu que son peuple était barbare, il n'a poin vu qu'il n'était pas mûr pour la police; etc.

63) The present condition of the Moscovite empire till the year 1699.

64) Исторія Россіи, т. XIII, стр. 159, 198; 199.

65) Кабинетъ Петра В. въ Государ. Архивѣ, Отд. II, книга № 2, письмо отъ 23 іюля 1703.

66) De la Neuville p. 27.

67) Корбъ, стр. 65.

68) Письма кн. Б. А. Голицына къ Петру В. въ Государст. Архивѣ.

69) De la Neuville.

70) Записки Штелина о Петрѣ III, въ Государ. Архивѣ.

71) Кабинетъ, I, кн. 38. Здѣсь должно замѣтить, что если самъ Петръ говоритъ, что учился у Тиммермана геометріи и фортификаціи, то ариѳметикѣ учился прежде у кого-нибудь другаго, и арифметическія упражненія его, дошедшія до насъ (Кабин. I, кн. 55) не относятся къ урокамъ Тиммермана.

72) Письмо отъ 20 апрѣля, въ Государ. Архивѣ.

73) Пол. Соб. Зак. II, № 1187; Статейный списокъ Волкова въ Венеціанскихъ дѣлахъ Моск. Арх. Мин. Ин. Д.

74 Розыскное дѣло о Шакловитомъ.

75) Тамъ же.

76) Тамъ же.

77) Тамъ же.

78) Gordon's Tagebuch, II, 267.

79) Розыскное дѣло о Шакловитомъ.

80) Тамъ же.

81) Gordon's Tagebuch, II, 267 и слѣд.

82) Тамъ же, 269.

83) Записки Матвѣева, въ собраніяхъ Туманскаго и Сахарова.

84) Гордонъ, 271.

85) Розыскное дѣло о Шакловитомъ.

86) Гордонъ, 272.

87) Тамъ же.

88) Розыскное дѣло о Шакловитомъ.

89) Гордонъ, 273, 274.

90) Гордонъ, 277.
91) Розыскное дѣло о Шакловитомъ; дѣло о Петрушкѣ Кривомъ въ Преображен. Тайномъ архивѣ.
92) Стр. 281.
93) Жалобы эти сохранились въ Архивѣ Мин. Юстиціи, въ столбцахъ Приказнаго стола, № 2479.
94) Гордонъ говоритъ о пыткѣ и ссылкѣ двухъ какихъ-то старухъ, которыя ходили за Петромъ въ его дѣтствѣ. Не постельницы ли это, переносившія вѣсти отъ царицы Натальи къ Софьѣ?
95) Гордонъ, 283.
96) Розыскное дѣло о Шакловитомъ.
97) Акты Историч. V, № 194.
98) Выписка изъ розыскнаго дѣла Стрѣлецкаго Приказа 6 марта 1691 года въ Государств. Архивѣ; рукопись Синод. библіотеки о Медвѣдевѣ, № 252.
99) Грамота не собственноручная, безъ означенія числа и безъ подписи, въ Государ. Архивѣ.
100) Розыскное дѣло о Шакловитомъ.
101) Архивъ Мин. Юстиціи, столбцы Приказн. стола, № 2827.
102) Стр. 273.
103 De la Neuville, p. 174. Въ январѣ 1690 года Гордонъ называетъ Льва Нарышкина новымъ любимцемъ или первымъ министромъ, стр. 292.
104) Записки Желябужскаго.
105) Архивъ Министер. Юстиціи, столбцы Приказнаго стола, № 2571.
106) Iohn Perry — The state of Russia; за нимъ многіе другіе, иностранцы и Русскіе.
107) Устряловъ въ Исторіи царств. Петра В. II, гл. I. Мой разборъ этого мнѣнія см. въ Атенеѣ 1858 года.
108) Голиковъ, Бергманъ и другіе.
109) Карамзинъ — О древней и новой Россіи.
110) Устряловъ.
111) Исторія Россіи, XIII, 219.
112) Корбъ — Diarium itineris in Moscoviam, p. 215.
113) Гордонъ II, 305.
114) Тамъ же, 318.
115) Кабинетъ, II, кн. 95.
116) Записки Желябужскаго; Гордонъ, II, стр. 485 и слѣд.; Извѣстія о первыхъ маневрахъ при Петрѣ I — Корниловича въ Сѣверномъ Архивѣ на 1834 г.
117) У Бергмана — Исторія Петра В. II, 186.
118) Гордонъ, II, 367.
119) Тамъ же, 373.
120) Тамъ же, 435.
121) Голикова — Дѣянія П. В. т. X, № 6 писемъ.
122) Собраніе записокъ Туманскаго, V, 80. — И такъ Ромо-

дановскій былъ шутовской адмиралъ, какъ былъ шутовской король, шутовской генералиссимусъ. Не смотря на то, нѣкоторые торжественно утверждаютъ, что первымъ адмираломъ русскаго флота былъ не Лефортъ, а Ромодановскій: что же они и Зотова не включатъ въ число іерарховъ?

123) Подробности морскихъ обоихъ походовъ см. въ Двинскихъ запискахъ; о второмъ походѣ у Гордона подъ 1694 годомъ.

124) См. Пекарскаго — Наука и Литтература въ Россіи при Петрѣ В. I, 200 и слѣд.

125) Письмо Стрѣшнева царю подъ Азовъ, Кабинетъ II, № 53.

126) Записки Желябужскаго подъ 1694 годомъ.

127) Тамъ же.

128) Фамилію князя Македонскаго носилъ одинъ изъ выѣзжихъ Грековъ, вступившій въ царскую службу.

129) Архивъ Мин. Юстиціи, столбцы Приказнаго стола, № 2807.

130) Записки Желябужскаго; Акты Историч. V, № 219; Приказныя дѣла Моск. Арх. Мин. Ин. Д. 1693 года.

131) Собр. гос. грам. и догов. IV, № 203; Пол. Соб. Зак. № 1388.

132) Гордонъ, II, 297.

133) Напечатано въ приложеніяхъ ко II тому Исторіи царств. П. В. Устрялова.

134) Гордонъ II, 309, 311.

135) Кабинетъ II, кн. № 53.

136) Пол. Собр. Зак. № 1489.

137) Акты Истор. V, № 203.

138) Донскія дѣла въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.

139) Тамъ же, Крымскій статейный списокъ, № 81.

140) Акты Историч. V, № 220 и 221.

141) Тамъ же, № 223. Приказныя дѣла Моск. Архива Мин. Ин. Д. означенныхъ годовъ; рукоп. Синодал. библіотеки, № 261.

142) Столбцы Приказнаго стола, № 2763.

143) Книги Малоросс. Приказа, № 69; Столбцы Москов. стола № 1009.

144) Записки Желябужскаго.

145) Книги Малоросс. Приказа въ Архивѣ Мин. Юстиціи; дѣла Молороссійскія и Польскія означенныхъ годовъ въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.; Записки Желябужскаго.

146) Статья Поссельта: Адмиралъ Русск. флота Ф. Я. Лефортъ, въ Морскомъ Сборникѣ 1863, № 3.

147) Греческія дѣла означен. годовъ въ Московскомъ Архивѣ Мин. Ин. Д.

148) Къ Апраксину 16 апрѣля 1695.

149) Письма въ Государ. Архивѣ.

150) Донесеніе цесарскаго резидента Плейера, напечатано въ приложеніяхъ ко II-му тому книги Устрялова.

151) Кабинетъ, II, книга № 53.
152) Плейеръ; Кабинетъ, I, книга № 64.
153) Не изъ Аграхановъ ли вышло Охреяне?
154) Къ Кревету, 17 іюля.
155) Голиковъ — Дѣянія П. В. XI, № 452.
156) Записки Желябужскаго.
157) Голиковъ X, № 10.
158) Письма Лефорта къ Петру въ Государ. Архивѣ.
159) Елагина, Исторія Русскаго флота, стр. 29; въ этомъ спеціальномъ сочиненіи см. всѣ подробности о заведеніи флота, не идущія въ нашу общую Исторію Россіи.
160) Письма Петра въ Государ. Архивѣ; Дневникъ Гордона 1696 года; Сказанія о взятіи Азова (Древ. Рос. Вивліоѳ. XVI); Описаніе похода боярина Шеина, изд. Рубаномъ; Дворцовые разряды, IV, 975; Голикова Дѣянія XI, 25; Кабинетъ II, книга № 53.
161) Дѣла Польскія означеннаго года въ Москов. Арх. Мин. Ин. Д.
162) Кабинетъ II, книга № 53.
163) Описаніе похода боярина Шеина.
164) Гордонъ, III, 79.
165) Подробности см. въ Исторіи Рус. флота Елагина.
166) Записки Желябужскаго.
167) Предисловіе къ Морскому Регламенту.
168) Кабинетъ, II, книга № 53.
169) Дѣла цесарскія въ Москов. Арх. Мин. Ин. Д. — Самъ Петръ послѣ въ письмѣ къ Виніусу изъ за границы отъ 11 іюля указываетъ именно на эту причину перемѣны пути: „А къ цесарю за тѣмъ не пошли, что ужь на три года сдѣлано, и теперь дѣлать нечего; а чаемъ оный путь, назадъ ѣдучи, воспріять и впредь союзъ продолжить.“
170) Архивъ Мин. Юстиціи, дѣла Секретныя Преобр. Приказа 1697 года *). О Петрѣ Лопухинѣ встрѣчается подобное извѣстіе не одинъ разъ, напр. розыскъ и пытка за слова про Петра: „Онъ сынъ еретическій, отъ антихриста зачался, извелъ у насъ боярина князя Вас. Вас. Голицына да Леонтія Ром. Неплюева, а теперь изводитъ дядю своего роднаго боярина Петра Абрам. Лопухина, котораго самъ пыталъ, поливалъ двойнымъ виномъ и зажегъ.“ (Столбцы Приказн. стола, № 3374.)
171) Дѣла секрет. Преобр. приказа. Дѣло Цыклера до сихъ поръ вполнѣ было не извѣстно.
172) Кабин. I, книга № 36.
173) Польскія дѣла 1697 года въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.
174) Кабинетъ, II, книга № 53.

*) См. тамъ же, № 335, 925.

175) Аделунга — Баронъ Мейербергъ, отрывки изъ дневника путешественника Кемпфера.

176) Дѣло Преображен. приказа о Левшутинѣ, см. ниже.

177) На это трясеніе головы одинъ Саардамскій плотникъ указывалъ какъ на примѣту, по которой его соотечественники могли узнать въ рускомъ плотникѣ царя. — Scheltema — Anécdotes historiques sur Pierre le Grand.

178) Объ этихъ конвульсивныхъ движеніяхъ, какъ о гримасахъ, наговорили Курфюрстинамъ, какъ увидимъ.

179) De la Neuville, p. 188: Le czar Pierre est fort grand, d'asser belle taille, a le visage beau, les yeux asser grands, mais egarez, pui font de la peine à regarder, sa tète branle continuellement, bien qu'il ne soit âgé qui de vingt ans.

180) Русскій Архивъ, 1864 года, выпускъ второй.

181) Erman, Mémoires pour servir à l'histoire de Sophie Charlotte, reine de Prusse; Varnhagen von Ense — Leben der Königin von Preussen, Sophie Charlotte.

182) Scheltema — Anécetotes d. c.

183) Пекарскаго — Наука и Литтература въ Россіи, I, стр. 9.

184) Голикова — Дѣянія, X, 22.

185) Кабинетъ, II, книга № 53.

186) Предисловіе Петра къ Морскому Регламенту.

187) Статейный списокъ посольства въ цесарскихъ дѣлахъ Москов. Архива Мин. Ин. Д

188) Извѣстіе это находится у Штелина, который говоритъ, что слышалъ объ немъ отъ генералъ-фельдмаршала князя Ивана Юрьевича Трубецкаго, который самъ былъ капитаномъ солдатъ, сторожившихъ монастырь.

189) См. объ этомъ въ дневникѣ Гордона при описаніи Азовскихъ походовъ.

190) Въ 1685 году изъ Новгородскаго Приказа взяты деньги для царевны Софьи, въ слѣдъ затѣмъ оттудаже для царевны Екатерины; для нея же оттуда же въ 1686 году; въ томъ же году опять для нея и для царевны Ѳеодосіи; въ томъ же году царевнѣ Софьѣ изъ разныхъ оброчныхъ доходовъ отпущено 2000 рублей, и т. д. Приказныя дѣла означенныхъ годовъ въ Москов. Арх. Мин. Ин. Д.

191) Розыскное дѣло о стрѣльцахъ въ Государ. Архивѣ; Gordon's Tagebuch, III, 181; Столбцы Преображен. Приказа, № 516.

192) Кабинетъ, I, книга № 28.

193) Донесеніе Ромодановскаго (М. Г.) въ Столбцахъ Приказнаго стола, № 3192.

194) Розыскное дѣло о стрѣльцахъ.

195) Дневникъ III, 197.

197) Тамъ же, стр. 198; Пол. Собр. зак. № 1634; Розыскное дѣло о стрѣльцахъ.

197) Отъ 24 іюня; Кабинетъ II, книга № 53.

198) Исторія Россіи т. XIII, стр. 197.

199) Тамъ же, стр. 208.
200) Тамъ же, стр. 148.
201) Медвѣдева (или Каріона Истомина) Созерцаніе краткое лѣтъ 7190, 91 и 92, по рукописи кн. Мих. Андр. Оболенскаго.
202) Сборникъ Синод. библіот. № 11.
203) Рукопись Академіи Наукъ; см. въ книгѣ Устрялова, III, 193.
204) Донесеніе Гваріента И—ру Леопольду, въ прилож. къ книгѣ Устрялова, III, 621.
205) Korb — Diarium, p. 75.
206) Тамъ же, p. 82; Rebelles ob silentii pertinatiam trahuntur ad torturam, quae inauditae immanitatis fuit.
207) Розыскное дѣло о стрѣльцахъ въ Государ. Архивѣ.
208) Korb — Diarium, p. 83: Quid tibi cum icone? aut quae muneris tui pars te vocat ista in loca? abscede ocyus, atque imaginem in locum repone cultui suo debitum. Scias me Deum colere et Matrem Ejus sanctissimam te forte impensius venerari. Supremi mei officii et debitae in Deum pietatis est tueri populum et crimina in commune ejusdem exitium vergentia publica ultione persequi.
209) Корбъ, стр. 84; Гваріентъ въ донесеніи отъ 17 октября.
210) Корбъ, стр. 173; записки Желябужскаго.
211) Корбъ, стр. 88; Желябужскій.
212) Желябужскій.
213) Розыскное дѣло о стрѣльцахъ въ Государ. Архивѣ; Столбцы Преображ. приказа, № 714.
214) Корбъ, стр. 87; Conclusit hodie Tzarus ex omnibus suis subditis, Bojarinis, principibus, officialibus bellicis, stolnicis, scribis, civibus et plebeis, et singulis tribubus binos seligere (изъ каждой сотни по двое). Форма собора ясна: заѣзжій иностранецъ не могъ этого выдумать.
215) Записка Петра безъ означенія числа. Основаніе выходки противъ пѣвчихъ намъ неизвѣстно; извѣстно одно, что постельница Софьи, Вѣра Васютинская найдена на пыткѣ беременною, и показала, что имѣла связь съ пѣвчимъ. (Корбъ, стр. 85).
216) По нѣкоторымъ извѣстіямъ Мареа имѣла связь съ дьякономъ Иваномъ Гавриловичемъ, который былъ также замѣшанъ въ стрѣлецкое дѣло (Корбъ, 165).
217) Письма царевны Екатерины въ розыскномъ дѣлѣ о стрѣльцахъ.
218) Такъ начинается одно письмо Евдокіи къ Петру.
216) Александръ Гордонъ — The history of Peter the Great.
220) Шведскій резидентъ Кохенъ.
221) Lettre sur l'état present de la Moscovie, p. 226.
222) Дворцовые разряды, IV, 1046. Думать, что ссылка Лопухиныхъ имѣетъ связь съ Цыклеровскимъ дѣломъ, нѣтъ никакого основанія.
223) Кабинетъ II, книга № 53.

224) Дневникъ Гордона подъ этимъ числомъ.
225) Суздальское розыскное дѣло въ Государ. Архивѣ.
226) Корбъ, стр. 80.
227) Тамъ же, стр. 76; донесеніе Гваріента отъ 19 сентября.
228) Рукопись Эрмитажа, № 90.
229) Александръ Гордонъ — The history of Peter the Great, II, 274.
230) Нартовъ—Достопамятныя повѣствованія, Москвитянинъ 1842 года.
231) Что касается до извѣстій о Литовскомъ или Западнорусскомъ происхожденіи Меншиковыхъ, то оно очень вѣроятно, ибо переселенцевъ изъ Литвы или Западной Россіи, принятыхъ въ разныя службы, было много со временъ царя Алексѣя. Впрочемъ надобно замѣтить, что какъ прежде въ Московскомъ государствѣ знатные роды въ позднѣйшихъ, сочиненныхъ родословныхъ любили выводить своихъ предковъ изъ за границы, тогда какъ старинныя родословныя объ этомъ ничего не знаютъ; такъ и фамиліи, поднявшіяся не изъ знати со временъ Петра Великаго, начали вести свое происхожденіе отъ выѣзжихъ иностранцевъ, придумывать, по сходству звуковъ, объясненія своимъ фамиліямъ изъ иностранныхъ языковъ, тогда какъ эти фамиліи старинныя и чисто русскія, только не знатныя. Меншиковы значитъ люди, пошедшіе отъ меньшаго сына, Меншика, какъ Перваго отъ старшаго сына, Второвы отъ втораго и т. д. Третьяковы, Четвериковы, Пятериковы, Шестаковы, Семого, Девятовы.
232) Корбъ, стр. 116.
233) Тамъ же, стр. 84, 86.
234) Кабин, II, кн. № 2.
235) Корбъ, стр. 95.
236) Тамъ же, стр. 101.
237) Тамъ же, стр. 112.
238) Розыскное дѣло о стрѣльцахъ.
239) Корбъ, стр. 110.
240) Тамъ же, стр. 115.
241) Полн. Собр. зак. IV, № 1679, 1820; розыскное дѣло о стрѣльцахъ.
242) Столбцы Преображ. Приказа № 696.
243) Тамъ же.
244) Костюринское дѣло въ столбцахъ Преображ. Приказа.
245) Тамъ же, № 808, 905.
246) Тамъ же, № 719.
247) Исторія Россіи, т. X, стр. 152, 160.
248) Полн. Собр. Зак. III, № 1570, 1581, 1628.
249) Столбцы Преображ. приказа, № 519.
250) Тамъ же, № 7, 877.
251) Тамъ же, № 530.
252) Письма Ромодановскаго къ Петру въ Государ. Архивѣ.

253) Тамъ же.
254) Кабинетъ, II, Кн. № 53, письмо Гордона къ царю.
255) Полн. Собр. Зак. № 1678.
256) Записки Желябужскаго.
257) Письма Ромодановскаго въ Государ. Архивѣ.
258) Столбцы Приказнаго стола, № 3015, 3011, 3027; Приказныя дѣла Москов. Архива Мин. Ин. Д. годъ 1697.
259) Столбцы Московскаго стола, № 1026; Приказныя дѣла Москов. Архива Мин. Ин. Д. 1695 года.
260) Полн. Собр. Зак. № 1674.
261) Тамъ же, № 1675.
262) Тамъ же, № 1722.
263) Записки Желябужскаго; Записки путешествія гр. Б. П. Шереметева, изд. 1773 года.
264) Пол. Собр. Зак. № 1673.
265) Исторія Россіи, IX, стр. 121.
266) Тамъ же, т. XIII, стр. 117.
267) Пол. Собр. Зак. № 1706; Приказныя дѣла Москов. Архива Мин. Ин. Д. 1697 года.
268) Тамъ же, № 1511.
269) Тамъ же, № 1526.
270) Тамъ же, № 1598.
271) Тамъ же, № 1601.
272) Тамъ же, № 1708.
273) Акты Историч. V, № 283.
274) Пол. Собр. Законовъ, № 1629.
275) Дѣла Донскія означ. годовъ въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.
276) Книги Малорос. Приказа въ Архивѣ Мин. Юстиціи; Акты Истор. V, № 295; Сборн. Синодал. библ. № 393.
277) Пол. Собр. Зак. № 1735, 1736.
278) Разказъ Макарова, правленный самимъ царемъ, Кабин. I, Кн. № 63.
279) Корбъ, 74, 76.
280) Дѣла Цесарскія 1698 и 1699 года въ Моск. Арх. Мин. Ин. Д. донесеніе Возницына отъ 13 ноября 1698 года въ Кабин. II, кн. № 53; Zinkeisen-Geschichte des osmanischen Reiches, V, 202.
281) Корбъ, стр. 122.
282) Статейный списокъ и донесенія Украинцева въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.
283) Паткулевы бумаги въ Польскихъ дѣлахъ Москов. Архива Мин. Ин. Д.; I. R. Patkul's Berichte, T. II; Wernich—der Livländer Joh. Reinh. v. Patkul.
284) Echte oder rechtmässige Verantwortung, 1701, стр. 41; Archiv für die Geschichte Liv-, Esth- und Curlands, т. VII.
285) Плейеръ въ донесеніи цесарю отъ 10 декабря 1699.
286) Дѣла Шведскія и Польскія 1700 года въ Москов. Арх. Мин. Ин. Д.; Голикова Дѣянія П. В. XI, № 487.

287) Донесенія въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.
288) Livonica, fascicul. VI, 56.
289) Дѣла Польскія въ Моск. Архивѣ Мин. И. Д.
290) Fryxell — Lebensgeschichte Karl's des Zwölften, I, стр. 46—67.
291) Хранится въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.
292) Кабинетъ I, кн. № 24.
293) Полн. Собр. Зак. № 1811.
294) Польскія дѣла 1700 года.
295) Письма въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.
296) Кабинетъ, II, кн. 1.
297) Донесенія Галларта королю Августу въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.
298) Кабин. I, кн. № 19. 37. Алекс. Гордонъ: The history of Peter the Gr. I, 150.
290) Въ Москов. Архивѣ Мин. И. Д.
300) Гюйсенъ: Ausführliche Verantwortung, см. ниже.
301) Гисторія Свейской войны, правленная самимъ Петромъ, изданная Мюллеромъ подъ заглавіемъ: „Журналъ Петра В.“
302) Hansen — Geschichte der Stadt Narva, 1858 г.
303) Гисторія Свейской войны; Описаніе Нарвской битвы Галларта — рукопись въ Государ. Архивѣ; Fryxell I, 91.
304) Fryxell, I, 105.—Въ Государств. Архивѣ находится слѣдующее показаніе одного изъ плѣнныхъ Шведскихъ генераловъ (Шлиппенбаха), о Нарвской битвѣ: „Лѣта 1700 году въ 6 или 7 день ноября выручилъ отъ осады король Шведской Нарву. Я, тогожъ дня ввечеру прибылъ, а къ баталіи не успѣлъ; однако же король мнѣ о всемъ дѣлѣ какъ было сначала и до окончанія сказывалъ, что ретрежементъ здѣланъ былъ весьма пространенъ, а въ немъ извычайнаго мѣста, гдѣ стоять арміи, не изобрано было, чрезъ что непріятельская армія не могла оборониться, того ради и я (т. е. король) черезъ тражиментъ весьма способно перешелъ, а когда я совсѣмъ перешолъ и непріятельскую армію въ пространствѣ (растянутую на большомъ пространствѣ) изобрѣлъ, чрезъ которое пространство я свою армію способъ изыскалъ гдѣ между ими въ срединѣ поставить, и они не могли соединиться, и акція до самаго вечера съ ними была; однакожъ они всегда къ рѣкѣ подавалися, и когда ночь наступила, тогда приказалъ я, чтобъ никто не стрѣлялъ, дабы мои люди сами себя не могли застрѣлить. На то генералъ Велинкъ сказалъ, что непріятель сея ночи уйдетъ чрезъ мостъ, который чрезъ рѣку здѣланъ, на что генералъ Реншельтъ отвѣтствовалъ: для бѣглаго непріятеля надобно золотой мостъ здѣлать, чтобъ онъ по немъ перешелъ. И такъ здѣлалось, что на другой день поутру чрезъ мостъ перешли, а нѣкоторая часть потонула въ рѣку, и тогда король говорилъ: ничего я такъ не боялся, какъ Русской кавалеріи, чтобъ она сзади не наступила, однакожъ они мнѣ такую любовь здѣлали,

что назадъ черезъ рѣку на лошадяхъ переплыли; а я тѣмъ и доволенъ, что городъ Нарву отъ осады выручилъ, непріятельскую армію разбилъ и весь генералитетъ въ полонъ взялъ. Такія вышереченныя слова король всѣ мнѣ говорилъ; послѣ того взялъ онъ меня въ свою спальню, гдѣ большой ланкартъ на стѣнѣ былъ прибитъ, въ которомъ онъ мнѣ маршъ въ Москву показывалъ, который бы и конечно учинился, ежели бы Шведскій нужный (бѣдный) генералитетъ надежды не имѣли такой, что съ Польши большія взятки взять, нежели съ Россіи, и того ради генералитетъ безпрестано королю говорили, чтобъ первѣе идти въ Польшу, а потомъ въ Россію, и за тѣмъ назначенной маршъ прямо въ Москву отмѣнился, однако жь короля чрезъ нужду до той резолюціи могли наговорить, что перво идти въ Польшу".

305) Fryxell, I, 102.

306) Тамъ же, 103 и 104.

307) Гисторія Свейской войны.

308) Записки Желябужскаго.

309) Гисторія Свейской войны.

310) Записки Желябужскаго.

311) Гисторія Свейской войны.

312) Письмо Петра въ Госуд. Архивѣ, въ особомъ собраніи.

313) Кабинетъ II, кн. № 1.

314) См. примѣч. 312.

315) См. примѣч. 313.

316) Письмо Петра В. къ фельдм. Шереметеву, изд. Миллеромъ. — Устряловъ думаетъ, что здѣсь подъ Л.... должно разумѣть князя Якова Лобанова-Ростовскаго.

317) Показанія Шлиппенбаха, Кабин. I, кн. № 19.

318) Записки Желябужскаго.

319) Свиданіе въ Биржахъ во Временникѣ Москов. Историч. Общ. Кн. 17; Theiner-Monumens historiques de Russie, № CCCIII. Дѣла Польскія 1701 года въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д. Дѣла Маллороссійскія того же года тамъ же.

320) Польскія дѣла 1701 года, въ Моск. Архивѣ Мин. Ин. Д.

321) Herrmann — Geschichte des russischen Staates IV, 125.

322) Тамъ же, стр. 128.

323) Польскія дѣла 1701 года въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.

324) Донесеніе Репнина въ книгѣ Устрялова IV, II, 200. Донесенія фонъ-деръ Гульста Соединеннымъ Штатамъ, тамъ же, стр. 669.

325) См. примѣч. 317.

326) Fryxell, I, 133.

327) Подробности военныхъ дѣйствій см. у Голикова — Дѣянія П. В. II, 59; Устрялова IV, 110.

328) Кабинетъ II, кн. № 1.

329) Книги Малорос. Приказа 1701 года. Дѣла Малорос. того же года въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.

330) Польскія дѣла 1701 года въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д. Донесенія отъ 27 августа.

331) Напечатанныя письма П. В. къ Шереметеву.

332) Кабинетъ II, кн. № 2.

333) Тамъ же.

334) См. примѣч. 321.

335) Гисторія Свейской войны и Записки Желябужскаго.- См. примѣч. 321.

336) Кабинетъ II, кн. № 3.

337) Тамъ же, I, кн. № 24.

338) Тамъ же, II, кн. № 2.

339) См. примѣч. 321.

340) Гисторія Свейской войны. Кабин. I, кн. № 24; II, кн. № 2.

341) Кабинетъ II, кн. № 1. Гисторія Свейской войны. Кабинетъ I, кн. № 15, 19, 24.

342) Кабинетъ II, кн. № 2.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1) Письмо Русскаго резидента въ Польшѣ, стольника Алексѣя Никитина къ царю Петру поздравительное со взятіемъ Азова.

Я, послѣдней холопъ твой съ повинности своей рабской, вамъ великому государю вашему царскому пресвѣтлому величеству, кую принесу похвалу недовѣмы, понеже витиствовати не могу, толко по воздаяніи Господу Богу благодаренія неумѣніемъ своимъ поздравляю тако:

Что солнце на небѣ, то монархъ на землѣ дѣлаетъ, пресвѣтлѣйшій великій государь, мой милостивый государь, государь премилосердый, солнце темныя разгоняетъ облаки, свѣтъ увеселяетъ, солнце природностію своею злые приметы изъ земли вытягаетъ, добрые вводитъ, солнце страшны одному сотворенію чинитъ перуны, другому плодовиты громы; солнце дожди жаждущимъ травамъ и цвѣтамъ направляетъ; солнце излишніе высушаетъ волгости, гдѣ я при поздравленіи своемъ негодномъ о особѣ пресвѣтлой вашей царскаго величества размышляю: не могу еѣ ни хкакому иному сотворенію прировнять, толко самому на небѣ свѣтящему солнцу, бо вѣмъ яко солнце хмары ясностію раздѣляетъ, такъ ваше царское пресвѣтлое величество татарскіе розгоняетъ темные полки, ваше царское пресвѣтлое величество природною должностію злыхъ непріятелей яко злые приметы выкидаетъ, добрыхъ христіанъ вводитъ; ваше царское величество страшны пушками и бомбами и гранатами на пораженіе непріятеля перуны чинитъ, онеми радостные христіанскому свѣту тріумфы дѣлаетъ, ваше царское пресвѣтлое величество кровавые дожди поганскаго свѣта или людей льетъ дабы землю христіанскую въ лауріи и палмѣ тріумфальне буйну учинилъ, а какъ вашему пресвѣтлому царскому величеству я холопъ твой аще и недостоинъ того, слышу что слава твоя восходитъ до небесъ поздравствовать и приписать той что солнцу дальности не могу, когда одинъ обрѣтается монарха въ той смутной жалостнаго христіанства ночи правдивымъ солнцемъ, предъ которымъ всѣ монархи яко мѣсяцъ и звѣзды гаснутъ, гасне турецкій мѣсяцъ и самъ подъ ноги вашего царскаго пресвѣтлаго величества пышное хоронгвей Азовскихъ стеле одѣяніе, орелъ цесарскій дивуется ясности тріумѳовъ вашего ц. п. в., орелъ полской отъ окаменелаго сердца своего

въ нечаемости задумался храбрости вашей, а лиліи французскіе не сохнутъ ли отъ гуковъ и отъ молнія тріумѳовъ вашего ц. п. в., однимъ словомъ, Гишпанское, Португалское, Аглинское государства, и Галанская и Венецынская рѣчь посполитая на тѣ побѣдительства смотря радуются и славу возсылаютъ. Велія в. ц. п. в. слава, которая отъ заходу ажъ до восходу разошлася солнца, занимаетъ неумѣстныя къ выславленію уста мои; хвала возносящая имя в. ц. п. в. подъ небеса рѣчь мою глушитъ, когда дрожитъ предъ в. ц. в. Азія, утекаетъ предъ громомъ Африка, кроется предъ блистаніемъ вашего великаго государя меча Америка. Славился нѣкогда Персидской шахъ Дарій солнечнымъ имянемъ, но даровая его была слава, когда отъ Александра не яко солнце почтенъ, но какъ человѣкъ обесчестенъ и пораженъ учинился, Вашему ц. п. в. толко самого солнца имя служитъ, которой ясностію дѣлъ на морѣ и на земли поганство яко натапыря не могущаго на свѣтлость глядѣть ажъ въ погребы адскіе прогоняетъ; одинъ Петръ князь апостольскій отъ востоку вѣры благочестивой врата намъ до новаго Іерусалима отворилъ, одинъ Петръ монархъ Россійской в. ц. п. в. отъ заходу солнца и солнца до святой земли до Іерусалима стараго двери отвалилъ. Петръ апостольскій на зачинаніи церкви святой вѣру православную на распространеніе чудесы прививалъ, вы великій государь Петръ вождь монарховъ оную въ поганской земли за Божіею помощію крестомъ святымъ и мечемъ своимъ распространяетъ. Расширяй счастливо православную христіанскую вѣру пресвѣтлѣйшій Петръ великій государь, будетъ имя Христово съ тобою, дабы тою вѣрою множество поганъ привелъ, которою святый Петръ болши рыбъ нежели сѣтью наловилъ. Наврачай яко чудесы Петръ апостолъ то в. ц. в. мечемъ и страхомъ имяни своего не толко тысячами людей но и мѣстъ непріятельскихъ; буди бытіе в. ц. в. до тѣхъ мѣстъ народу нашему свѣтить пока солнце свѣту, умножай непрестанно золотыхъ променами цнотъ своихъ намъ вѣковъ, яко солнце золотой руды не престаетъ чинить. Живи счастливо пресвѣтлѣйшій Петръ великій государь в. ц. в. Богу на хвалу, тріумѳуй на радость христіанскому свѣту, побѣждай на славу имяни своему, вали непріятеля на оборону Креста Христова, чтобъ заслуживъ себѣ на свѣтѣ несмертелной славы стараго Іерусалима земли святой кровію Христовою за насъ окропленную доступивши, добился и вѣчнаго вѣнца и новаго Іерусалима, до котораго вѣсь великаго государя все христіанство молитвами своими донесутъ, гдѣ и я яко послѣдній холопъ в. ц. п. в. государя моего премилостиваго въ томъ желаніи есть. (Изъ Польскихъ дѣлъ 1697 года, въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.)

---

2) Пѣсня (1699 года):

Какъ рябина, какъ рябина кудрявая!
Какъ тебѣ не стошнится,

Во сыромъ бору стоючи,
На болотину смотрючи!
Молодица ты молодушка,
Молодица ты пригожа!
Какъ тебѣ не стошнится
За худымъ мужемъ живучи,
На хорошаго смотрючи,
На пригожаго глядючи?
Наварю я пива пьянаго,
Накурю я вина зеленаго,
Напою я мужа пьянаго,
Положу его середь двора,
Оболоку его соломою,
Зажгу его лучиною.
Выду я на улицу,
Закричу я своимъ громкимъ голосомъ:
Осудари вы люди добрые,
Вы сусѣди приближенны!
А начесь громотъ былъ
А начесь молонья сверкала,
Моего мужа убило,
Моего мужа опалило.
А ты б.... страдница!
А не громъ убилъ, а не молонья сожгла,
А ты сама мужа извела.

(Столбцы Приказнаго стола, № 3313).

ДОПОЛНЕНІЕ.

КЪ XIII ТОМУ.

Розрядъ безъ местъ Царя и Великого Князя Өеодора Алексѣевича въсеа великия и малыя и бѣлыя Роси самодержца 190 году. (*).

Лѣта 7190 Генваря въ 12 день указалъ Велики Государь Царь и Велики Князь Өеодоръ Алексѣевичь въсеа Великия и малыя и бѣлыя Роси Самодержецъ быть въсемъ чинамъ у всякихъ делъ быть бѣзъ местъ и отеческихъ делъ въпреть отнюдь не вчинать; а будетъ де хто станетъ въчинать и темъ сказано быть потъ смертьною казнью и потъ кьлятвою, и книги разрядныя и случные сожгьли въласти въ переднихъ сенехъ въ печи, и выброны изо всехъ родовъ въ ротмистьри и въ порутчикахъ въ (с)таршихъ и не въ старшихъ и съ того числа въсе почело быть бѣзъ местъ.

Тогожь году Генваря въ 17 день сказана сидеть въ Палате у расправныхъ дѣлъ зъ бояриномъ съ Князь Никитою Ивановичемъ Одуевскимъ боярину князь Ивану Борисовичю Тьроекурову.

Тогожь году Генваря въ 18 день были у Великого Государя у руки на приезде въ столовой полате Кримския послы и посланники;

А обьевлялъ ихъ Великому Государю думной посолской дьякъ Ларивонъ Ивановичь Ивановъ.

Тогожь году Генваря въ 19 день былъ у Великого Государя въ передней Светейши Иоакимъ Патриярхъ Московски и въсеа Руси со властьми.

А въ то вьремя указалъ Велики Государь принесть исъ комноты бьлижнымъ людемъ ларецъ съ родословною книгою князь Борису княжь Алексѣеву сыну Голицыну да Михайлу Васильеву сыну Собакину; И какъ по указу Великово Государя тотъ ларецъ съ родословною книгою пъринесли, и Велики Государь указалъ честь свой Великого Государя указъ думному розрядному дьеку Василью Семенову.

(*) Этотъ важный памятникъ, восполняющій пробѣлъ въ извѣстныхъ намъ до сихъ поръ Разрядныхъ Книгахъ, находится въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ

И какъ думной дьякъ Василей Семеновъ ево Великого Государя указъ пърочелъ, и Великий Государь изволилъ тое кьнигу поверхь потписать по листамъ своею рукою;

А Светейши Потриярхъ подпсподомъ также потписовалъ по листомъ своею рукою;

А власти, и бояре, и околничия и думныя и ближные люды и въсякия чины потписоволи своимижь руками по своими імены.

А каковъ Великого Государевъ указъ сказанъ и думной дьякъ розрядьной Василей Гьригорьевичь Семеновъ пчелъ, и тотъ указъ Великова Государя писонъ въ особной тетрате весь именно, и чье руки въластей, и бояръ, и околничихъ и думныхъ и ближныхъ людей руки обьевились у той книги, и то написоно въ той же тетрате въсе именно на лицо дьля выпретку, и тое книгу указалъ Велики Государь и свой указъ переплечи и постьрое боярину князь Василью Васильевичю Голицыну тое книгу отдать въ розрятъ именно боярину князь Михаилу Юрьевичу Долгоруково съ товариши, а хто имены сиделъ у сей книги, и техъ имены написоныжь въпоследи.

Тогожь году Генваря въ 20 день сказана быть по указу Великого Государя воеводахъ: Велики Новгоротъ изо Пскова боярину князь Михайлу Андьреевичю Голицину полковымъ и осаднымъ;

Во Псковъ осаднымъ околничему князь Григорью Аѳанасьевичю Козловскому;

А изъ Великого Новаграда осадному воеводе боярину Василью Семеновичю Волынскому указалъ Велики Государь быть къ Москьве.

И Генваря въ 24 день отказона имъ.

Тогожь году Генваря въ 25 день сказан. воеводы осаднымъ:

Велики Новгоротъ боярину Ивану Васильевичю Бутурлину;

А боярі(н)у Василью Семеновичю Волиньскому велено быть по прежнему къ Москве.

А Новогоротцькой полкъ велено ведоть и Псковской во Пскове боярину князь Михайлу Андреивичю Голицыну.

Тогожь году Генваря въ 27 день сказоно воеводы съ Козанскимъ полкомъ въ Синбирскъ боярину Петру Васильевичю болшему Шереметеву.

Тогожь году Генваря въ 29 день сказано по указу Великого Государя стьроить городы въ Дауры и въ Селегинской и въ Болбожинской, и Сибирскимъ полкомъ на Китайцы думному дьворенину Кирилу Осиповичю Хлопову, а съ нимъ велено быть вьсемъ Сибирской земли городомъ вьсякимъ сулуживымъ людемъ коннымъ и пехоте.

Тогожь году Ѳевраля въ 5 день было постонавления въ Орхиепискупы во Тверь и въ Кашинъ;

А ставили исъ Торшька Борисоглебскова и преподобного Еѳрема Новоторжьскаго чудатворьца манастира Архимандрита Сергія;

А ставили въ Соборной и опостольской церкьви;
А ставилъ ево въ Орхиепискупы Светейшее Иоакимъ Патриярхъ Московски и въсеа Руси.
А напостоновълени были въласти:

Митрополиты:

Карнили Новогоротцьки и Великолуски,
Никифоръ Астьрахански и Терски,
Иона Ростовски и Ерославски,
Маркелъ Пъсковски и Зборски,
Семеонъ Смоленски и Доргобужски,
Ворсунофей Сарски и Подонски,
Ѳиларетъ Нижегоротцьки и Олаторски,
Павелъ Резански и Муромски;

Архиепискупы:

Илорионъ Суздолски и Юрьевски,
Симонъ Вологотцьки и Бѣлозерски,
Никиѳоръ Коломенски и Коширски;

Епискупъ:

Иона Вятцьки и Великопермьски;

Архимандьриты:

Чудовской,
Юрьевской изъ Новагорода,
Андроньевской,
Савинской,
Ѳутинской,
Калязинской;
Спаса-новой,
Симоновской,
Петровской,
Воскресенской,
Боговленской,
Иверской;

Игумны:

Зьнаменской,
Угрежской,
Зълатоустовской,
Навинской,
Данской,
Съ Унжи Макарьевской
Здъвиженской
Даниловской,
Стьретинской,
Протопопъ Соборной.

А лестьвицею учиненъ ниже Вологотцькова а више Коломенскаго Тьверской въладыко.

Да на постонавлени были по указу Великого Государя бояринъ князь Юрья Семеновичь Урусовъ, да съ нимъ думной дьворенинъ Кирило Осиповичь Хълоповъ, да думной дьякъ Василей Семеновъ.

А провожали верхъ къ Великому Государю въладыку и на Подворье думной дъворенинъ и думной дьякъ тежъ.

Тогожь году Ѳевраля въ 9 день сказана въ осадные воеводы: на Терки стольнику Ѳедору Савину сыну Нарбѣкову;

А околничему Александру Савосьяновичю Хитрово указалъ Велики Государь быть къ Москъве.

Тогожь году сказана родословныя книги, и выжия, и боярскимъ и воевотцькимъ родомъ, игостинымъ и дьворянскимъ і дьячьимъ, а делать на шесть книгъ съ отверски, а книгомъ быть: (1. 2. 3. 4. 5. 6.) 1) родословнымъ людемъ, 2,) виежимъ; 3) Московскимъ зънатнымъ родомъ; 4) дьворянскимъ; 5) гостинымъ и дьячимъ, 6) всякимъ нискимъ чинамъ.

Боярину князь Володимеру Дьмитриевичю Долгоруково, да думному дьеку Василью Семенову гербалною, стольникомъ князь Ивану княжь Андрееву сыну Болшому Голицыну, да Павлу (*) сыну Непребѣцкому улаженья, стольнику князь Андърею князь Иванову сыну Хованскому, а съ нимъ дъвойники и въсемъ велено пъринасить каленны росписи по родамъ.

Тогожь году Ѳевроля въ 12 день изволилъ Велики Государь виброть себѣ въ супруги девицу Марѳу Мотвееву дочь Матѳея Васильевича Апраксина.

Тогожь числа нарекли девицу Марѳу Матвеевну въ Царевы и Великия Княжны, а благословлялъ и нарекалъ светейши Патриярхъ.

Тогожь числа вишетъ исъ комнаты въ переднею Светейши Патриярхъ сказавалъ бояромъ и околничимъ и думнымъ людемъ, что нарекли Цареву и Великою Княжну Марѳу Матвеевну,

Тогожь году Ѳевраля въ 15 день была радость, изволилъ Велики Государь сочетатца въторымъ законнымъ бракомъ.

А изволилъ Велики Государь понять за себя Матвееву дочь Васильевича Опраксина Цареву и Великою Княжну Марѳу Матвеевну.

А венчатца изволилъ Велики Государь въ саборе у Живо носнаго Воскьресения Господни.

А венчался въ 6 часу дьни въ первой четверти.

А венчалъ ево Великого Государя духовникъ евожь Великого Государя Бълаговешенской пъротопопъ Никита Васильевичь.

А кремль былъ въ то вьремя запертъ, а отперли въ 10 часу.

А кругъ Къремля указана была и вороты вѣдать околничиму Павлу Петровичю Языкову, а свадебного чину никакова небыла.

Тогожь числа пожаловалъ Велики Государь въ спалники сстолниковъ:

Степана Богданова сына Ловчикова;

Петра да Ѳедара, да Андрея Матвеевыхъ детей Опраксиныхъ.

Тогожь году Ѳевраля въ 16 день указалъ Великиі Государь ехать зъ срадосними грамоты столникомъ и ближнымъ людемъ ка властямъ Иванъ Андреевъ сынъ Язиковъ, да Иванъ Васильевъ сынъ Дашковъ и по бояромъ.

Къ Търоице въ Сергиевъ манастирь Иванъ Михайловъ сынъ Волынской.

Къ Саве въ Зъвенигородъ и въ Воскьресенской монастири Иванъ Богдановъ сынъ Яковлевъ.

(*) Пробѣлъ въ подлинникѣ

Тогожъ числа указалъ Великиі Государь сидеть въ розряде и въ Ройтарскомъ и выноземскомъ и въ Пушкарскомъ Пъриказахъ думному дъворенину Веденихтю Андреевичю Зъмееву на столника Степанаба места Ловчикова.

Тогожъ году Февраля въ 17 день пожаловалъ Велики Государь въ стольники къ Государю Царевичю и Великому Князу Ивану Алексѣевичю стольника князь Ивана княжь Степанова сына Шеховского.

Тогожъ году Февраля въ 19 день пожаловалъ Велики Государь въ столники 2-хъ Опраксиныхъ, 2 Хърушовыхъ, 2 Ловчиковыхъ.

Тогожъ году Февраля въ 19 день было действъво стърашнаго суда.

А на действъве былъ Светейши Потриярхъ съ влостьми.

Да по указу Великого Государя были на действъве Царь Гъригорей Алексѣевичь Сибирской, да бояринъ князь Иванъ Борисовичь Търоекуровъ да думной дъворенинъ Кирила Осиповичь Хълоповъ, да думной дьякъ Данила Полянской.

Тогожъ году Февраля въ 21 день были у руки Государыни Царицы и Великия Княгини Марфы Матвеевны въ передней Государевой, а были, а Велики Государь сиделъ, съ пъравой руки:

Светейши Іоакимъ Потриярхъ Московски и въсеа Руси со властьми и благословляли образами;

а власти были:

Митрополиты:

Корнили Новогоротцьки и Великолуски,
Никифоръ Астьрахански и Терски,
Иона Ростовски и Ерославски,
Маркелъ Пъсковски и Зборски,
Семеонъ Смоленски и Доргобужски,
Варсунофей Сарски и Подонски,
Филаретъ Нижегоротцки и Олаторски,
Павелъ Резански и Муромски;

Архиепискупы:

Илорионъ Суздолски и Юрьевски,
Симонъ Вологотцьки и Бѣлозерски,
Серги Тъверски и Кашински;

Епискупъ:

Иона Вятцьки и Великопермьски.

Да у руки были бояре и околничия и думные и ближные люди,

Да объявлялъ бояринъ и дворетцькой князь Василей Федоровичь Одуевской гостей и розныхъ слоботъ посатцькихъ людей съ подносомъ.

Тогожъ году Февраля въ 23 день былъ Великому Государю выходь въ Залатую палату, а были у Великова Государя на отпуске посли и посланники Кърымския, объявлялъ думнай дьякъ Ларивонъ Ивановъ.

Тогожъ числа пожаловалъ Велики Государь въ бояре кървавчего князь Ивана Гъригорьевича Куракина;

А сказавалъ ему боярьства думнай дьякъ Василей Семеновъ;

А у скаски стоялъ и Великому Государю обьявлялъ околничей Матвей Степановичь Пушкинъ.

Тогожъ числа пожаловалъ Велики Государь въ кървавчия столника и ближнаго человека князь Бориса Алексѣевича Голицына;

А сказавалъ думной дьякъ Василей Семеновъ,

Тогожъ числа былъ столъ у Великого Государя по столовой полате.

А у стола были Великого Государя Светейши Патриярхъ со влостьми, да бояре и околничия, и думныя и ближния люди всѣ.

Въ столы смотрели столники:

Въ болшей столъ столникъ князь Лука княжь Өедоровъ сынъ Долгоруково, да столникъ же Дьмитрей Петровъ сынъ Пъротасьевъ;

Въ кърывой столъ столникъ князь Борисъ княжь Өедоровъ сынъ Долгоруково, да столникъ Александъръ Петровъ сынъ Пъротасьевъ.

У Государева стала стаялъ крайчей князь Борисъ Алексѣевичь Голицынъ да столникъ и ближней человекъ Аврамъ Ивановъ сынъ Хитрово.

Вина нарежалъ столникъ князь Иванъ княжь Андреевъ сынъ Болшей Голицынъ.

Пить наливалъ чашникъ Семенъ Ивановичь Языковъ.

За Государевымъ поставцомъ сиделъ бояринъ и дворетцькой князь Василей Өедоровичь Одуевской.

За Потрияршимъ.

За боярскимъ:

У Потриярхова стола стоялъ:

Царевичей потчиволъ Косимовскихъ и Сибирскихъ столникъ князь Матөей княжь Веденихтовъ сынъ Оболенской.

Въластей кормили.

Бояръ кормили:

Тогожъ числа былъ столъ у Великия Государыни Царицы и Великия Княгини Марөе Матөеевны по государевой передней.

А у стала были царевичевы жена да боярыни пъриежия.

А у стола стояла крайчея Анна Петровна Хитрова.

А за поставцомъ сиделъ думной дъворенинъ Никита Ивановичь Окинөовъ.

Тогожъ году Өевраля въ 26 день пъразнавали ангелъ Государыни Царевны и Великия Княжны Евдокеи Алексѣевны ангелу.

И былъ Великому Государю вихотъ въ столовою, а жаловалъ пироги.

Тогожъ числа пожаловалъ Велики Государь въ бояре столника и ближнего человека князь Михайла Яковлевича Черкаского.

А сказавалъ ему боярство думной дьякъ Василей Семеновъ.

А у скаски стаялъ и Великому Государю обьевлялъ бояринъ Петръ Махайловичь Солтиковъ.

Тогожъ числа пожаловалъ Велики Государь въ бояре столника и ближнего человека князь Бориса Ивановича Пърозоровского;

А сказавалъ ему боярство думной дьякъ Василей Семеновъ;

А у скаски стоялъ и Великому Государю обьявлялъ околничей Иванъ Ивановичь Чаадаевъ.

Тогожъ году Марта въ 5 день пожаловалъ Велики Государь въ околничия столника князь Якова Васильевича Хилкова; а сказавалъ ему аколничества думной дьякъ Василей Семеновъ;

А у скаски стаялъ и Великому Государю обьявлялъ думнай дъваренинъ Кирила Осиповичь Хълоповъ.

Тогожъ числа пожаловалъ Велики Государь въ околничия думнаго дъваренина Кирилу Осиповича Хълопова; а сказывалъ ему околничества думнай дьякъ тотъ же, а у скаски стаялъ и Великому Государю обьявлялъ печатникъ Дементей Миничь Бошмоковъ.

Тогожъ числа пожаловалъ Велики Государь въ думные дъваряне столника Ѳедора Савича Нарбѣкова.

Тогожъ году Марта въ 12 день по указу Великого Государя учиненъ Іона Епископъ Вятцьки и Велико пермьски Архиепискупомъ а степень ему ученена.

Тогожъ числа поставили во власти первымъ Архиепискупомъ Велики Устюхъ и на Тотму Архимандрита Таласия изъ Великова Новагорода Ѳутина манастиря, а степень ему ученена.

А ставелъ ево Светейши Патриярхъ со влостьми, а на постонавлени былъ по указу Великого Государя бояринъ князь Юрья Семеновичь Урусовъ да съ нимъ думнай дъваренинъ Иванъ Петровичь Кондыревъ, да думнай дьякъ Емельянъ Украинцевъ.

Тогожъ году Марта въ 19 день поставили во власти первымъ Архиепископомъ на Колмыгоры и на Вагу крестоваго священника светейшаго Патриарха Аѳонасия, а ставилъ его Светейши Іоакимъ Патриархъ Московскиі і всеа Росиі са властьми.

Да на поставлениж были по указу Великого Государя бояринъ князь Иванъ Борисовичь Троекуровъ, да думной дворенинъ Андрѣй Васильевичь Толстой, да думной дьякъ Данило Полянъской.

А учиненъ степенью више Архиепископа Устюжского і Темскаго.

Тогожъ году Марта въ 24 день по указу Великаго Государя ставили во власти въ Танбовъ въ Епискупы Игумна изъ Галича Леонтия Аврамия Городецъкова монастыря а ставилъ ево Светеіши Іоакимъ Патриархъ Московски і всеа Русиі.

Да на поставлениж были по указу Великого Государя бояринъ князь Юрья Семѣновичь Урусовъ, да съ нимъ думной дворенинъ Ѳедоръ Савичь Нарбековъ, да думной дьякъ Данило Полянской; по степени учиненъ.

Тогожъ году Апреля въ 1 день посилалъ Велики Государь о спосении спърашивать Павла Митрополита Сибирского и Тобольского столника и ближнего человека Михайла Васильевича Косаткина.

Тогожъ году Апреля въ 2 день было постанавления въ Соборной церкви въ первыі Епископы въ Воронежъ, а ставили Ігумна Мітроѳана изъ Галича съ Унжи Макарьевъского монастыря, а ставилъ его Іакимъ Патриархъ Московскиі і всеа Русиі со властьми. Да на поставлениж были по указу Великого Государя бояринъ князь Иванъ Борисовичь Троекуровъ да думной дворенинъ Богданъ Ивановичь Полибинъ да думной діакъ Данила Полянской.

Тогожъ году Апреля въ 10 день пожаловалъ Велики Государь въ бояре столника и ближного человека Алексѣя Семеновича Шейна.

А сказавалъ ему боярство думной дьякъ Василей Семеновъ; у скаски стоялъ и Великому Государю обьевлялъ околничей Иванъ Ѳедоровичь Волиньской.

Тогожъ числа пожаловалъ Велики Государь въ думные дъваряне столника Ѳедора Григорьевича Меншего Хърушева.

Тогожъ году Апреля въ 13 день пожаловалъ Велики Государь въ столники боярина Петрова сына Васильевича Болшего Шереметева Валадимера.

Тогожъ году Апреля въ 15 день перекладавали въ новой ковчегъ исъ старова ризу Господню.

Тогожъ году Апреля въ 16 день былъ Великому Государю выхотъ въ Соборъ къ заутрене на празникъ Светлого Воскресения.

А за Великимъ Государемъ были царевичи и бояре и въсакихъ чиновъ въ залотныхъ ковтанехъ.

А служилъ заутрину светейши Иоакимъ Патриярхъ Московски и въсеа Руси, да съ нимъ въласти:

Митрополиты:

Корнили Новогоротцьки и Великолуски; Павелъ Сибирски и Тоболски; Маркелъ Пъсковски и Зборски; Ѳиларетъ Нижегаротцьки и Алатарски; Илорионъ Суздолски и Юрьевски;

Никиѳоръ Астьрахански и Терски; Иона Ростовскии Ерославски; Ворсуноѳей Сарски и Подонски; Павелъ Резански и Муромски;

Архиепископы:

Симонъ Вологотцки и Бѣлозерски; Аѳанаси Колмогорски и Вашки;

Серги Тъверски и Кашински; Таласи Устюшки и Тотемски;

Епискупы:

Леонти Тонбовски,

Митроѳанъ Воронежки.

Тогожь числа указалъ Велики Государь быть въ пъриношикахъ по дъневаньемъ спалникамъ хтобъ головы у дневаней.

Тогожь числа пожаловалъ Велики Государь въ комноту боярина князь Ивана Андреевича Хованскаго.

Тогожь году Апреля въ 21 день съказана въ Киевъ въ товариши на околничего князь Борисова места Васильевича Горчекова думному дъворенину Ивану Аѳанасьевичю Желябушкому.

Тогожь году Апреля въ 23 день былъ столъ у Светейшего Патриярха по Крестовой Полате; у стола были въласти, да у сталажь были бояре князь Василей Васильевичь Голицинъ, князь Володимеръ Дъмитриевичь Долгоруково, околничей Петръ Тимоѳеевичь Кондыревъ, думной дьякъ Емельянъ Игнатьевичь Украинцовъ.

Тогожь году Апреля въ 24 день били челомъ Великому Государю прикасъ стьрелцовъ Семенова Пъриказу Гърибаедова что и въ силничей въсякой нагалстьве и въ разаренье и хотели либоло зъбунтовать.

И Велики Государь указалъ ево Семена послать въ Тотму и вотчины отнять и исъ полковниковъ отставить.

Тогожь году Генвара въ 25 день сказано на Семенова Грибоедова места.

Тогожь году Апреля въ 27 день грехъ ради всего Московского государства въ четвергъ Ѳомины недѣли, дня въ третьѣнатцамъ часу вначале оставя земное царство и преселися въ небесную обитель преставися Великиі Государь, Царь и Великиі Князь Ѳеодоръ Алексѣевичь всеа великия і малыя и бѣлыя Росиі Самодержецъ а отъ рождения быттъ ему 22 году; а царствовалъ на престоле всего Росиіского государства 6 лѣтъ і 2 мѣсяца.

А по немъ остася супруга ево Государыня благоверная Царица и Великая княгиня Марѳа Матвѣевна 15 лѣтъ;

Да братья ево Государь Царевичь и Великиі Князь Іоанъ Алексѣевичь 16 лѣтъ, да царевичь и Великиі Князь Петръ Алексѣевичь 10 лѣтъ.

Книга записная Царя и Великова Князя Петра Алексѣевича въ 190 г.

Лѣта 7190 Апрѣля въ 27 день нарекли на Росиіское государство, въ Цари, Государя Царевича і Великого Князя Петра Алексѣевича всеа Росиі, по преставлени брата ево Великого Государя Царя і Великого Князя Ѳеодора Алексѣевича всеа великия и малыя и бѣлыя Росиі Самодержца, дня въ 13 часу, въ Четверкъ Ѳомины недѣли.

Тогожь числа целовали крестъ бояре і окольничие и думные и ближния люди Государю Царю і Великому Князю Петру Алек-

сѣевичю всеа великия и малыя и бѣлыя Росiи Самодержцу въ хоромѣхъ деревяныхъ, гдѣ Великого Государя не стало.

Тогожъ числа целовали крестъ Великому Государю стольники и стряпчия и дворяне Московские и жильцы у Спаса въ верху, а къ верѣ приводилъ бояринъ Князь Яковъ Никитичь Одоевской, да окольничей Князь Костантинъ Осиповичъ Щербатовъ, да думной дьякъ Василiй Семѣновъ.

А въ соборной Апостольской церкви ко кресту приводилъ разныхъ чиновъ бояринъ Петръ Михайловичь Солтыковъ, да Окольничей Князь Григорей Аѳонасьевичъ Козловской, да Думной Дiакъ Емельянъ Украинцовъ.

Въ Посольскомъ приказе приводилъ ко кресту подъячихъ, переводчиковъ и толмачей Думной дiакъ Ларионъ Ивановъ.

У Рожества на дворце приводилъ ко кресту дворовыхъ людей стольникъ Iванъ Аѳонасьевъ сынъ Лихачевъ, да дворцовыя дьяки.

Въ оптекѣ приводилъ къ верѣ бояринъ i дворецкой Князь Василей Ѳедоровичъ Одоевской да дiакъ Андрѣй Виниусъ.

Тогожъ числа учинились сильны и креста не целовали стрельцы Александрова приказа Карандѣева, i Великiи Государь указалъ къ нимъ послать уговаривать окольничего Князь Костентина Осиповича Щербатого, да думного дворенина Веденихта Андрѣевича Змѣова, да думнаго дiака Емельяна Украинцова i ихъ уговорили i они крестъ Великому Государю целовали.

Тогожъ числа сидѣли въ хоромехъ у гробу Великова Государя бояря и дьѣки: Князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ Куракинъ, да Iванъ Богдановичъ Хитрово, да ево Великого Государя ближния люди, перваго дневанья:

Князь Данила Княжъ Григорьевъ сынъ Черкаской.

Iванъ Алексѣевъ сынъ Головинъ,

Михайла Васильевъ сынъ Собакинъ,

Iванъ Михайловъ сынъ Волынской,

Iванъ Васильевъ сынъ Заборовской,

Iванъ Iвановъ сынъ Головинъ,

Володимеръ Петровъ сынъ Шереметевъ.

Тогожъ числа пожаловалъ Великiи Государь въ спальники Iвана Кирилова сына Нарышкина, да Аѳонасья, да Льва, да Мартемьяна, да Ѳедора Кириловыхъ же дѣтей Нарышкиныхъ, да Василья Ѳедорова сына Нарышкина, да своихъ Великого Государя Стольниковъ: Тимоѳѣя Борисова сына Юшкова, Тихона Никитича сына Стрешнева.

Тогожъ числа пожаловалъ Великiи Государь iзъ опалы, велѣлъ быть къ Москвѣ: Артемона Сергѣева сына Матвѣева, Iвана Кирилова сына, да Петра, да Кандратья Ѳоминыхъ детей Нарышкиныхъ, да думнова дворенина Ѳедоровой жене Полуехтовича Нарышкина съ сыномъ i велѣно имъ быть къ Москвѣ не мешкавъ.

А по Артемона послано тогожъ числа Стольникъ Семенъ Ерофѣевъ сынъ Алмазовъ.

Тогожъ числа указалъ Великиі Государь большую казну і казенной дворъ и мастерскую Великаго Государя запечатать боярину Князь Якову Никитичу Одоевскому; да печатнику Дементью Миничу Башмакову, да думному дьяку Даниле Полянскому.

И Артамону Сергеевичу Матвѣеву послана Великова Государя грамота: велѣно по прежнему писатца бояриномъ.

Тогожъ году Апрѣля въ 28 день выходили со кресты въ хоромы по тело Великого Государя Светейшиі Іоакимъ Патриархъ Московскиі и всеа Росиі са властьми, а съ нимъ были власти:

Митрополиты:

Карнилиі Новгородцкиі и Великолуцкиі,
Никиѳоръ Астараханскиі и Терскиі,
Павелъ Сибиркиі и Тобольскиі,
Иона Ростовскиі и Ерославскиі,
Маркелъ Пьсковскиі і Зборскиі.
Варсоноѳей Сарскиі и Подонскиі,
Филаретъ Нижегородцкиі и Алатырскиі,
Павелъ Резанскиі і Муромъскиі,
Иларионъ Суздальскиі і Юрьевскиі.

Архиепископы:

Симонъ Вологоцкиі и Бѣлоозерскиі,
Сергиі Тверскиі и Кашинскиі,
Никита Коломенскиі і Каширскиі,
Аѳанасей Колмогорскиі и Важскиі,
Галасиі Устюжскиі і Тотемской.

Епископы:

Леонтиі Танъбовскиі,
Митрофанъ Воронежскиі; да Архимандриты і игумѣны.

А какъ ісъ хоромъ понесли тело Великого Государя хоронить въ Соборъ Арханьгела Михайла и въ то время несли кровлю, ево Великого Государя спальники: Князь Данила Княжъ Григорьевъ сынъ Черкаской, Володимеръ Петровъ сынъ Шерѣметевъ, Михайла Васильевъ сынъ Собакинъ, Михайла Ѳедоровъ сынъ Ртищевъ, Іванъ Аѳанасьевъ сынъ Матюшкинъ, Василей Ѳокинъ сынъ Грушецкиі.

А гробъ несли Великого Государя спальникижъ, все по списку.

А на красномъ крыльце принели кровлю стольники, а гробъ поставили въ сани інальцовския і несли стольникижъ, а сани были убиты бархатомъ золотнымъ, а гробъ покрытъ полотномъ царскимъ, а поверхъ аксамитъ золотной, а кровля была покрыта объярь золотная.

А какъ ево Великово Государя несли, і въ то число звонили во все колокола унывно.

А за нимъ шолъ Великиі Государь, да Государыня Царица

и Великая Княгиня Наталья Кириловна, да Государыня Царевна і Великая Княжна Софья Алексѣевна.

А Государыню Царицу и Великую Княгиню Мароу Матвѣевну ись ея хором до Краснова крыльца несли спальники: Степанъ Бог(д)ановъ сынъ Ловчиковъ; Петръ, да Өедоръ, да Андрей Матвѣевы дѣти Апраксины, а на красномъ крыльце принели сани дворяне.

А обѣдню служилъ надъ теломъ ево Великого Государя і отпевалъ Светейшиі Іоакимъ Патриархъ Московскиі і всеа Росиі со властьми.

А Великиі Государь і Государыня Царица у убѣдни і на отпеванье не были.

Тогожъ числа пожаловалъ Великиі Государь въ спальники после брата своево Государева і спальниковъ: Князь Івана Княжъ Юрьева сына Трубецкова, Князь Алексѣя Княжъ Васильева сына да Князь Алексѣя Княжъ Борисова сына Голициныхъ, да Князь Івана да Князь Петра Княжъ Михайловыхъ детей Долгоруково, Івана Родионова сына Стрешнева.

Тогожъ числа сидѣли у гроба Великого Государя.

1 день.

Бояринъ Петръ Васильевичъ большой Шереметевъ, да окольничей Князь Григорей Аөонасьевичъ Козловской, да думный діакъ Лукьянъ Голосовъ.

Тогожъ числа сидѣли у постели Великого Государя въ хоромахъ: Бояринъ Іванъ Богдановичъ Хитрово, да спальники 2 день Князь Іванъ Княжъ Івановъ сынъ Хованской, Князь Өедоръ Княжъ Юрьевъ сынъ Ромодановской, Іванъ Івановъ сынъ Колычевъ, Михайла Өедоровъ сынъ Ртишевъ, Василей Даниловъ сынъ Мясной, Іванъ Івановъ сынъ Бутурлинъ.

Тогожъ числа посланы по указу Великого Государя по городамъ ко кресту приводить всякихъ чиновъ стольники и стряпчия и дворяне Московские и жильцы, а хто куды былъ посыланъ і тому всему роспись.

Къ етману думной дьворенінъ Іванъ Аөанасьевичъ Желябужской.

Въ Киевъ стольникъ Петръ Артемьевъ сынъ Волынской.

Въ Володимеръ

Въ Великиі Новгородъ стольникъ Князь Петръ Івановъ сынъ Хованской.

Въ Казань стольникъ Князь Лука Княжъ Өедоровъ сынъ Долгоруково.

Въ Астарахань стольникъ Князь Матөей Ведениховъ сынъ Оболенской.

Въ Сибирь стольникъ Князь Петръ Княжъ Івановъ сынъ Львовъ.

Въ Ростовъ и въ Ерославль и Переславль Залеской і на Кострому стольникъ Петръ Івановъ сынъ Травинъ.

Въ Пъсковъ стольникъ Петръ Алексѣевъ сынъ Головинъ.
Въ Смоленскъ стольникъ Князь Юрья Княжъ Өедоровъ сынъ Щербатой.
Въ Нижней.
Въ Переславль Резанской.
Въ Бѣлъ городъ.
Въ Суздаль.
На Вологду
Во Тверь
На Коломну
На Вятку
На Колмыгоры і къ Орхангельскому городу стольникъ Князь Іванъ Княжъ Никитинъ сынъ Урусовъ.
На Устюгъ
На Донъ
Въ Бѣлгородъ стольникъ Ілья Михайловъ сынъ Дьмитриевъ.
Тогожъ числа посланъ Гетмана ко кресту приводить и въ Черниговъ думной дворенинъ Іванъ Аѳанасьевичъ Желябужской, да діакъ Максимъ Бурцовъ.
Тогожъ году Апреля въ 29 день пожаловалъ Великиі Государь въ спальники і(зъ) спальниковъ брата своего стольника Князь Михайла Княжъ Іванова сына Куракина.
Тогожъ числа сидѣли у гроба Великаго Государя,

2 день.

Бояринъ Петръ Михайловичъ Салтыковъ, да Окольничей Іванъ Івановичъ Чаадаевъ, да думной діакъ Ларионъ Івановъ.
Тогожъ числа сидѣли въ хоромехъ у постели Великаго Государя: постельничей Алексѣй Тимоѳеевичъ Лихачевъ, да спальники:

3 день.

Князь Іванъ Княжъ Дмитрѣевъ сынъ Долгоруково.
Іванъ Аѳанасьевъ сынъ Матюшкинъ.
Князь Григорей Княжъ Өедоровъ сынъ Долгоруково.
Князь Василей Княжъ Лаврентьевъ сынъ Мещерской.
Василей Семеновъ сынъ Змѣовъ.
Василей Івановъ сынъ Чаадаевъ.
Тогожъ числа били челомъ Великому Государю въ насильствахъ і въ налогахъ і во всякихъ разореньяхъ стрельцы на полковниковъ і на пятидесятцкихъ:

Приказы.

На Матвея Къравкова.
Микиѳора Колобова.
Володимера Воробина.
Семѣна Грибоедова.
Матѳея Вешнякова.
Івана Нелидова.
На Івана Полтева.
Александра Карандеева.
Григорья Титова.
Андрѣя Дохтурова.
Павла Глебова.
Родиона Остаѳьева.

І Великиі Государь указалъ у нихъ челобитныя принять і за ними сидѣть светейшему патриарху зъ бояры и полковниковъ роспрашивать противъ ихъ челобитья.

А къним въ приказы указалъ Великиі Государь послать ихъ уговаривать думнаго діака посольскаго приказу Лариона Іванове и думный діакъ къ нимъ ѣздилъ і Великаго Государя указъ имъ сказывалъ і они били челомъ противъ прежнего своего челобитья, чтобъ Великиі Государь пожаловалъ ихъ, велѣлъ отъ полковниковъ оборонить.

Тогожъ году Апреля въ 30 день сидѣли у гроба Великаго Государя: 3 день:

Бояринъ Князь Іванъ Андреевичъ Хованской, да Окольничей Іванъ Тимоѳеевичъ Кондыревъ, да думной діакъ Григорей Богдановъ, а служилъ у Арханъгела по Великомъ Государе литоргею и понахиду Карнилей митрополитъ Новгородцкиі и Великолуцкиі.

Тогожъ числа сидѣли въ хоромехъ у постели Великаго Государя: Казначей Михайла Тимоѳѣевичъ Лихачевъ, да спальники:

4 день.

Князь Яковъ Княжъ Івановъ сынъ Лобановъ Ростовской.

Петръ Савельевъ сынъ Хитрово.

Сергѣй Александровъ сынъ Хитрово.

Микита Савельевъ сынъ Хитрово.

Іванъ Богдановъ сынъ Яковлевъ.

Василей да Михайла Ѳокины дѣти Грушецкія.

Александръ Івановъ сынъ Милославской.

Тогожъ числа указалъ Великиі Государь послать въ тюрьму полковниковъ, на которыхъ били челомъ ему Великому Государю стрельцы і вотчины у нихъ отнять і противъ челобитья ихъ указалъ на нихъ все доправить і ихъ отъ техъ приказовъ отставить.

А указъ Великаго Государя сказывалъ имъ думной діакъ Ларіонъ Івановъ, а въ тюрьму отводилъ полковниковъ, стрелецкова приказу діакъ Ѳедоръ Кузьмищевъ.

Тогожъ числа указалъ Великиі Государь сказать по приказомъ въ полковникахъ быть:

На Александрово мѣсто Карандеева — Ѳедоръ Головленковъ; на Семѣново мѣсто Грибоедова — Василей Пушешниковъ.

Тогожъ числа пожаловалъ Великиі Государь въ спальники Князь Юрья Княжъ Юрьева сына Трубецкова, да Князь Михайла, да Князь Юрья, да Князь Василья Княжъ Юрьевыхъ дѣтей Одоевскихъ.

Тогожъ году Маия въ 1 день указалъ Великиіи Государь послать въ тюрьму полковниковъ: Івана Щепина, Кандратья Крома.

Тогожъ числа пожаловалъ Великиі Государь въ спальники: Петра Ѳомина сына Нарышкина.

Тогожъ числа были у Великаго Государя у руки Донскія казаки въ передней.

Тогожъ числа служилъ по Великомъ Государе у Архангела обѣдню и панахиду Никифоръ Митрополитъ Астраханскиі і Терскиі.

Тогожъ числа сидѣли у Архангела:

4 день.

Бояринъ Князь Яковъ Никитинъ Одоевской, да окольничей Князь Костентинъ Осиповичъ Щербатой, да думной діакъ Данило Полянской.

Тогожъ числа указалъ Великиі Государь ѣздить въ объѣзде въ Кремлѣ стольникъ Данила Андрѣевъ сынъ Вельяминовъ.

Въ Китае стольникъ Левъ Андреевъ сынъ Вельяминовъ, а съ ними діаки.

Тогожъ числа сидѣли у постели Великаго Государя въ хоромехъ:

Бояринъ Князь Өедоръ Өедоровичъ Куракинъ, да спальники 1-го дневанья: Князь Данила Княжъ Григорьевъ сынъ Черкаской сътоварищи.

Тогожъ числа указалъ Великиі Государь наказанья учинить полковникомъ, а кому какое наказанья, и тому роспись, на которыхъ били челомъ Великому Государю стрельцы:

Бить кнутомъ:

Александра Карандѣева, Семена Грибоедова.

Бить батоги:

Микиөора Колобова. Григорья Титова. Микиту Борисова. Івана Нелидова. Василья Перхулова. Андрѣя Дохтурова. Володимира Воробина Матвѣя Вешнякова. Павла Глебова. Кандратья Крома. Александра Танѣева. Івана Щепина.

Тогожъ числа указалъ Великиі Государь переменить полковниковъ, а кому на чье мѣсто велѣно быть, и тому подъ семъ роспись:

На Іваново мѣсто Полтева Стольнику Миките Данилову сыну Глебову.

На Степаново мѣсто Якова.

На Никифорово мѣсто Колобова—Петръ Аврамовъ сынъ Лопухинъ.

На Александрово мѣсто Карандѣево — Өедоръ Івановъ сынъ Головленковъ.

На Семеново место Грибоедово—Василей Лаврентьевъ сынъ Пушешниковъ.

На Андреево место Дохтурова — Матвѣй Нарышкинъ.

На Матвѣево мѣсто Вешнякова—Василей Лопухинъ.

На Иваново мѣсто Нелидова — Андрѣй Нармадской.

Тогожъ числа сказано бояриу Івану Максимовичю, да сыну ево Семену чашнику Івановичю Языковымъ, постельничему Алексѣю Тимоѳѣевичю, да казначею Михайлу Тимоѳеевичу Лихачевымъ, да стольникамъ ближнимъ Івану Андреву сыну Языкову, да Ивану Среднему Васильеву сыну Дашкову, чтобъ онѣ во время выходу Великаго Государя неходили и ево Государевыхъ очей не видали.

Тогожъ году Маия въ 2 день служилъ у Архангела Михаила обѣдню и по великомъ Государе понахиду Павелъ митрополитъ Сибирскиі и Тобольскиі.

Тогожъ числа сидели у гроба Великаго Государя бояринъ Князь Григорій Григорьевичъ Ромодановской, да Окольничей Петръ Тимоѳѣевичъ Кондыревъ, да думной діакъ Аѳонасій Зыковъ.

Тогожъ числа сидѣли въ хоромахъ у постели Великаго Государя бояринъ Іванъ Богдановичъ Хитрово, да спальники 2 дневанья:

Князь Іванъ Княжъ Андреевъ сынъ Хованской сътоварищи.

Тогожъ году Маия въ 3 день служилъ у Архангела обѣдню і по великомъ Государе понахиду Іона Митро(политъ) Ростовскиі и Ерославскиі.

Тогожъ числа сидѣли у Архангела у гроба Великаго Государя Маия въ 3 день 6 дневанья:

Бояринъ Князь Михайло Юрьевичъ Долгоруково, да окольничей Князь Данила Аѳонасьевичъ Борятинской, да думной діакъ Василей Семѣновъ.

Тогожъ числа сидѣли въ хоромахъ у постели Великаго Государя: постельничей Алексѣй Тимоѳѣевичъ Лихачевъ, да спальники: 3 дневанья:

Князь Іванъ Дмитрѣевичъ Долгоруково сътоварищи.

Тогожъ году Маия въ 4 день служилъ у Архангела Михаила обѣдню і по велихомъ Государе понахиду Маркелъ Митрополитъ Пъсковскиі і Зборскиі.

Тогожъ числа сидѣли у Архангела у гроба Великаго Государи 8 дневанья:

Бояринъ Князь Василей Васильевичъ Голицынъ, да окольничей Іванъ Ѳедоровичъ Волынской, да думной діакъ Аверкей Кириловъ.

Тогожъ числа сидѣли въ хоромахъ у постели Великаго Государя казначей Михайла Тимофѣевичъ Лихачевъ, да спальники; 4 дневанья:

Князь Яковъ Княжъ Івановъ сынъ Лобановъ Ростовской.

А въ тѣ дневанья во всю шесть недель перѣменялись у постели Великаго Государя тежъ спальники.

Тогожъ году Маия въ 5 день служилъ у Архан(г)ела Михаила обѣдню і по Великомъ Государе понахиду пелъ Варсонофей Митрополитъ Сарскиі и Подонскиі,

Тогожъ числа сидѣли у Арханъгела у гроба Великаго Государя 8 дневанья:

Бояринъ Князь Петръ Семѣновичъ Урусовъ, да окольничей Іванъ Савостьяновичъ Большой Хитрово, да думной діакъ Парѳеней Пятово.

Тогожъ числа ѣздилъ по Государыне Царевне і Великой Княжне Иринѣ Михайловнѣ служить обѣдню и понахиду Карнилей Митрополитъ Новгороцкиі і ВеликоЛуцкиі.

Тогожъ числа посылалъ Великиі Государь къпонахиде і братью кормить къ Спасужъ на Новой боярина Григорья Никиѳоровича Собакина, да съ нимъ дворцовыя діаки.

Тогожъ числа сказано въ Казань въ товарищи зъбояриномъ съ Петромъ Васильевпчемъ Меньшимъ Шерѣметевымъ окольничему Івану Савостьяновичю Большому Хитрово.

И указано боярину Петру Васильевичю ево Івана Хитрово посылать, гдѣ послышатъ, воровскихъ людей приходъ.

Тогожъ числа пожаловалъ Великиі Государь въ спальники Кирила Алексѣева сына Нарышкина.

Тогожъ числа стояли на правеже Полковники противъ стрелецкихъ челобитенъ.

Тогожъ году Маия въ 6 день служилъ у Арханъгела Михаила обѣдню и по Великомъ Государе понахеду Светейшиі Іоакимъ Патриархъ Московскиі і всеа Россиі со властьми.

Тогожъ числа сидѣли у Аханъгела у гроба Великаго Государя, 9 дневанья.

Бояринъ Князь Юрья Михайловичъ Одоевской, да окольничей Михайла Петровичъ Головинъ да думной діакъ Іванъ Гороховъ.

Тогожъ числа въночи былъ пожаръ межъ Знаменки і Арбату.

Тогожъ году Маия въ 7 день былъ Великому Государю выходъ въ Соборную і Апостольскую церковь, да къ Арханъ(г)елу, да Благовѣщенью.

А за Великимъ Государемъ были бояре и Окольничие и думныя и ближния люди.

А передъ стряпнею шолъ стольникъ і ближней человѣкъ Василей Ѳедоровичъ сынъ Нарышкинъ.

Тогожъ числа пожаловалъ Великиі Государь въ бояре и оружейничия стольника і ближнева человѣка Івана Кириловича Нарышкина, а сказывалъ ему думной діакъ Василей Семѣновъ.

А у сказки стоялъ і Великому Государю объявлялъ печатникъ Дементей Миничъ Башмаковъ.

Тогожъ числа пожаловалъ Великиі Государь въ бояре окольничего Микиту Костентиновича Стрешнева, а сказывалъ ему боярство думной діакъ Василей же Семеновъ.

А у сказки стоялъ і Великому Государю объявлялъ печатникъ же Дементей Миничъ Башмаковъ.

Тогожъ числа пожаловалъ Великиі Государь въ комнату боярина Князь Івана Борисовича Троекурово, да окольничего Князя Михайла Ивановича Лыкова.

Тогожъ числа пожаловалъ Великиі Государь въ спальники Князя Валодимера да Князь Василья Княжъ Михайловыхъ дѣтей Долгоруково, да Князь Ѳедора Княжъ Іванова сына Троекурова.

Тогожъ числа былъ у Великаго Государя у руки въ передней посланецъ Гетмана Івана Самойловича.

Тогожъ числа были у Великаго Государя у руки Смоленская шляхта, іноземцы, полковники і все начальныя люди.

Тогожъ числа служилъ у Арханъгела Михайла обѣдню і по Великомъ Государе понахиду Филаретъ Митрополитъ Нижегородскиі и Олатырскиі.

Тогожъ числа сидѣли у Архангела у гроба Великаго Государя, 10 дневанья:

Бояринъ Князь Семенъ Андреевичъ Хованской, да окольничей Павелъ Петровичъ Языковъ, да думной діакъ Емельянъ Украинцовъ.

Тогожъ году Маия въ 8 день пожаловалъ Великиі Государь въ Окольничия думнаго дворенина Ѳедора Івановича Леонтьева і указано къ нему съ темъ послать Великаго Государя жалованная грамота въ Астрахань съ(с)иномъ его.

Тогожъ числа служилъ у Арханъгела Михайла обѣдню і по Великомъ Государе понахиду Илларіонъ Митрополитъ Суздальскиі і Юрьевскиі.

Тогожъ числа сидѣли у гроба Великаго Государя: бояринъ Василей Семеновичъ Волынскиі, да думной дворенинъ Семенъ Ѳедоровичъ Толочановъ, да дьякъ разрядной Ѳедоръ Шекловитовъ.

Тогожъ числа сказано въ стрелецкой приказъ въ товарыщи зъ бояриномъ съ Князь Юрьемъ Алексѣевичемъ Долгоруково окольничему Князю Григорью Аѳонасьевичю Козловскому, да думному дворенину Веденихту Андрѣевичу Змеову, да думному діаку Даниле Полянскому.

Того жъ году Маия въ 9 день служилъ у Арханъгела Михаила обѣдню и по Великомъ Государе понихиду Иларионъ Митрополитъ Суздальскиі і Юрьевскиі.

Того жъ числа сидели у гроба Великаго Государя: бояринъ Князь Іванъ Петровичъ Борятинской, да думной дворенинъ Андрѣй Васильевичъ Толстой, да діакъ Тимофей Литвиновъ.

Того жъ числа указалъ Великиі Государь быть ісъ Казани съ полкомъ съ Казанскимъ розрядомъ на Башкирцы боярину Петру Васильевичю Меньшому Шереметеву, да съ нимъ въ товарыщехъ въ съходныхъ воеводахъ: окольничей Матвей Степановичъ Пушкинъ, да окольничему Петру Тимоѳеевичю Кондыреву; да съ нимъ же велѣно быть въ осадныхъ въ Казани окольничему Івану Савостьяновичю Большому Хитрово.

Того жъ году Маия въ 10 день былъ ходъ со кресты въ преполовениевъ день на воду, а въ ходу былъ Павелъ Митрополитъ Сибирскиі і Тобольскиі.

Та въ ходу жъ были по указу Великого Государя Окольничей Князь Яковъ Васильевичъ Хилковъ, да думной діакъ Іванъ Гороховъ; вкругъ кремля ходили они жъ; вкругъ Китая Аѳонасий Архиепископъ Колмогорскиі і Важскиі, да думной дворенинъ Ѳедоръ Григорьевичъ Меньшой Хрущовъ.

Того жъ числа служилъ у Арханъгела обѣдню і по Великомъ Государе понахиду Симонъ Архиепископъ Вологоцкиі і Бѣлоозерскиі.

Того жъ числа сидѣли у гроба Великого Государя бояринъ Князь Володимеръ Дмитрѣевичъ Долгоруково, да окольничей Кирила Осиповичъ Хлоповъ, да діакъ Ларионъ Пашинъ.

Того жъ году маия въ 4 день пожаловалъ Великиі Государь въ спальники Князь Івана Княжъ Іванова сына Троерукова.

Того жъ числа служилъ у Архангела обѣдню и по Великомъ Государе понахиду Сергиі Архиепископъ Тверскиі і Кашинскиі.

Того жъ числа сидѣли у гроба Великого Государя бояринъ Князь Михайла Алегуковичъ Черкаской, да окольничей Князь Михайла Ивановичъ Лыковъ, да діакъ Михайла Прокофьевъ.

Того жъ числа указалъ Великиі Государь по челобитью стрельцовъ Іванова приказу Полтева, ево Івана переменить, а быть у ево перваго приказу въ полковникахъ Никите Глебову.

Того жъ году маия въ 12 день служилъ у Архангела обѣдню і по Великомъ Государе понахиду Никита Архиепископъ Коломенскиі і Каширскиі.

Того жъ числа сидѣли у гроба Великаго Государя бояринъ Князь Іванъ Борисовичъ Троекуровъ, да окольничей Князь Степанъ Ѳедоровичъ Львовъ, да діакъ Григорей Близняковъ.

Того жъ числа указалъ Великій Государь Боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева, вотчины, которые были розданы і людей, которые были отпущены ево дому велѣно отдать ему по прежнему.

Того жъ числа пожаловалъ Великій Государь въ спальники Князь Бориса Княжъ Іванова сына Куракина, да Андрѣя Артемонова сына Матвѣева, да Михайла Григорьева сына Нарышкина.

Того жъ году Маия въ 13 день служилъ у Михайла Арханъгела по Великомъ Государе обѣдню и понахиду Аѳонасий Архиепископъ Колмогорскиі и Важскиі.

Того жъ году сидѣли у Великаго Государя гроба Бояринъ Князь Ѳедоръ Григорьевичъ Ромодановской, да окольничей Андрѣй Ивановичъ Чириковъ, да діакъ Микита Полунинъ.

Того жъ числа сказано въ съходъ хъ Козани, противъ Башкирцовъ окольничему Князю Даниле Офонасьевичю Борятинскому.

Того жъ году Маия въ 14 служилъ у Михайла Архангела по Великомъ Государѣ обѣдню и понахиду Галасиі Архиепископъ Устюжскиі і Тотомскиі.

Того жъ числа сидѣли у гроба Великаго Государя бояринъ

Князь Михайла Григорьевичъ Ромодановской, да думной двоpенинъ Левъ Демидовичъ Голохвастовъ, да діакъ Михайла Воиновъ.

Того жъ числа сказано въ Коломенское для розыску, что мужики, скававъ прикащика, посадили въ тюрьму, а сами взбунтовались, думному дворенину Өедору Савичю Нарбѣкову, да съ нимъ діаку Тимоөею Литвинову.

Того жъ году Мая въ 15 день служилъ у Михайла Арханъгела по Великомъ Государе обѣдню и понахиду Варсонофиі Митрополитъ Сарскаі і Подонскиі.

Того жъ числа сидѣли у гроба Великаго Государя бояринъ і дворецкой Князь Василей Өедоровичъ Одоевской, да окольничей Матвей Степановичъ Пушкинъ, да діакъ Семенъ Кудрявцовъ.

А того жъ числа учинилась смутное время і то писано въ особной книги.

Того жъ году Маия въ 16 день служилъ у Михайла Арханъгела по Великомъ Государе обѣдню и понахиду Леонтиі Епископъ Танъбовскиі, а у гроба нихто не сиделъ і пъсалтыри не говорили.

Того жъ году Маия въ 17 день служилъ Арханъгела Михайла по Великомъ Государе обѣдню і понахиду Митрофанъ Епископъ Воронежскиі.

А всю шесть недѣль сидели въласти обѣдни і понахиды по переменамъ сначалу жъ.

Того жъ числа сидѣли у гроба Великаго Государя бояринъ Князь Юрья Семѣновичъ Урусовъ, да думной дворенинъ Богданъ Васильевичъ Яковлевъ.

А въ шестый на десять день было сидеть у гроба Великаго Государя бояринъ Князь Өедоръ Семеновичъ Урусовъ, да окольничей Матвей Богдановичъ Милославской.

Того жъ числа сказано по приказамъ въ разрядъ думной дьякъ Василей Семеновъ; въ посольской приказъ бояринъ Князь Василей Васильевичъ Голицынъ, да думной діакъ Емельянъ Украинцовъ, въ стрелецкой бояринъ Князь Іванъ Андрѣевичъ Хованской, да думной дворенинъ Веденихтъ Андрѣевичъ Змеовъ; въ иноземской и въ райтарской і въ пушкарской бояринъ Іванъ Михайловичъ Милославской; въ помѣсной приказъ — бояринъ Князь Іванъ Борисовичъ Троекуровъ, да думной дворенинъ Богданъ Өедоровичъ Полибинъ; въ судной приказъ—стольникъ Князь Андрѣй Княжъ Івановъ сынъ Хованской, да князь Михайла, да Князь Василей Княжъ Федоровы дѣти Жирового Засекина Котята; въ земской — окольничей Михайла Петровичъ Головинъ; въ сыскной — бояринъ Василей Семеновичъ Волынской; въ ямской—Іванъ Федоровъ сынъ Бутурлинъ Сухорукой.

Того жъ году Мая 18 день сидѣли у гроба Великого Государя: бояринъ Григорей Никифоровичъ Собакинъ, да думной дворенинъ Василей Михайловичъ Тяпкинъ.

Того жъ числа сказано въ сыскной приказъ окольничему Івану Өедоровичу Волынскому.

Того жъ году Мая въ 19 день сидѣлъ у гроба Великого Государя бояринъ Князь Іванъ Григорьевичъ Куракинъ, да окольничей Князь Яковъ Васильевичъ Хилковъ, дьякъ Іванъ Торофимовъ.

Того жъ числа пожаловалъ Великиі Государь въ клюшники степенныя на кормовой дворецъ клюшника путнова Микиту Өедорова сына Боркова на Іваново мѣсто Пѣкина, а ево Івана пожаловалъ Великиі Государь во дворяне.

Того жъ году Маия въ 20 день сиделъ у гроба Великаго Государя бояринъ Князь Михайла Яковлевичъ Черкаской, да окольничей Борисъ Васильевичъ Бутурлинъ, діакъ Филипъ Артемьевъ.

Того жъ числа сказано въ большой приходъ і въ большую казну боярину Князю Никите Івановичу Одоевскому, да съ нимъ боярину Василью Семѣновичю Волынскому, да думному дворенину Алексѣю Івановичю Ржевскому, діакъ Петръ Самойловъ.

Того жъ году Мая въ 21 день сидели у гроба Великаго Государя: бояринъ Князь Борисъ Івановичъ Прозоровской, да думной дворенинъ Алексѣй Івановичъ Ржевской, діакъ Петръ Самойловъ.

Того жъ числа сказано въ разбойной приказъ сидеть окольничему Матвѣю Степановичу Пушкину.

Того жъ числа сказано на Олатырь въ воеводы стольнику Микифору Лаврентьеву сыну Собакину.

Того жъ числа сказано въ Козловъ полковымъ і осаднымъ стольнику Василью Михайлову сыну Дмитрѣеву.

Того жъ числа сказано въ Саранескъ полковымъ і осаднымъ стольнику Івану Юрьеву сыну Леонтьеву.

Того жъ числа сказано въ Чебоксары стольнику Ерѣмею Пашкову.

Того жъ числа сказано въ Запороги стольнику Василью Жемаилову.

Того жъ числа былъ ходъ со кресты въ Стретенской монастырь, а въ ходу были власти: Карнилиі Митрополитъ Новгородцкиі и Великолуцъкиі, да Епископы Леонтиі Танъбовскиі, Митрофанъ Воронежскиі.

Да въ ходу жъ были по указу Великаго Государя Окольничей Князь Григорей Афонасьевичъ Козловской, да думной дворенинъ Андрѣй Васильевичъ Толстой думной дьякъ Парфеней Пятой.

Того жъ году Мая въ 22 день сидѣли у гроба Великаго Государя бояринъ Никита Костентиновичъ Стрешневъ, да думной дворенинъ Тимофей Петровичъ Савѣловъ.

И съ сего числа сидѣли у гроба Великого Государя бояре те жъ сънач алу во всю четыредесятницу.

Того жъ году Мая въ 23 день сказано въ Каргополь стольнику Князю Володимиру Княжъ Іванову сыну Волхонскому.

Того жъ году Мая въ 24 день сказано въ съходъ въ Казань боярину Петру Васильевичю Меньшому Шеремѣтеву, стольникомъ Князю Якову Княжъ Ѳедорову сыну Долгоруково, да Князь Михайлу Княжъ Іванову сыну Волхонскому.

Того жъ году Мая въ 25 день сказано въ полковыя воеводы противъ Башкирцовъ Боярину Петру Васильевичю Меньшому Шерѣметеву.

Того жъ числа сказано въ Казань въ осадныя воеводы боярину Князю Юрью Семѣновичю Урусову.

Того жъ числа сказано въ пушкарской приказъ боярину Князь Ѳедору Семѣновичю Урусову.

Того жъ числа сказано въ Синбирскъ окольничему Князь Григорью Афонасьевичю Козловскому.

Того жъ числа сказано въ Колуґу думному дворенину Богдану Васильевичу Яковълеву.

Того жъ числа сказано на Петрова места Лопухина въ полковники Акинфию Данилову.

Смутнае время.

Лѣта 7190 Мания въ 15 день была на Москвѣ смута: приходили въ кремль салдаты Матвѣева полку Кравкова, да стрельцы всехъ приказовъ съ копьи і зъ бердыши и съ ружьемъ, а пушкари съ пушки и, вшедъ въ кремьль, стреляли ізъ ружья і побили боярскихъ людей і лошадей многихъ, а иныхъ перѣранили.

И пришедъ хъ красному крыльцу, стали во всемъ своемъ ополченіі.

И по указу Великого Государя выходилъ къ нимъ бояринъ Князь Іванъ Андрѣевичъ Хованской и спрашивалъ ихъ: для чего вашъ такъ приходъ и они боярину все говорили, будто измѣняютъ Великому Государю бояре и чтобъ Государя Царевича і Великого Князя Іоанна Алексѣевича оказали.

И бояринъ тѣ ихъ речи Великому Государю извѣщалъ.

І Великиі Государь и Государыня Царица і Государь Царевичъ і Светѣйше Патриархъ выходили къ нимъ на красное крыльцо.

А къ нимъ внизъ посылали уговаривать бояръ: Князь Михайла Алегуковича Черкаскаго, на немъ и кофтанъ изодрали, Князь Івана Андреевича Хованского, Петра Васильевича Шерѣметева Большаго, Князь Василья Васильевича Голицина и они били челомъ Великому Государю і бояромъ, извещали, чтобъ Великиі Государь имъ указалъ выдать бояръ: Князь Юрья Алексѣевича Долгоруково, Князь Григорья Григорьевича Ромодановскаго, Князь Михайла Юрьевича Долгоруково, Кирила Полуехтовича Нарышкина, Артемона Сергеевича Матвѣева,

Івана Максимовича Языкова, да боярина і оружейничего Івана Кириловича Нарышкина, постельничего Алексѣя Тимофѣевича Лихачова, казначея Михайла Тимофѣевича Лихачева чашника Семѣна Івановича Языкова.

Думныхъ дьяковъ:

Ларіона Іванова, Данила Полянского, Григорья Богданова Алексѣя Кирилова.

Спальниковъ:

Аѳонасья, Льва, Мартемьяна, Ѳедора, Василья, Петра Нарышкиныхъ.

І Великиі Государь указалъ имъ сказать, что ихъ у него, Великого Государя, никого нетъ въ верху, і они пошли все въ верхъ съ ружьемъ въ ево Великого Государя хоромы, і къ Государыне Царице, і къ Государю Царевичю, і къ Государынямъ Царевнамъ і искали въ хоромехъ і везде, і взявъ бояръ, Артемона Сергѣевича Матвѣева кинули ево съ краснаго крыльца на копьи, Князь Григорья Григорьевича Ромодановскаго, взявъ у Патриарха, убилижъ противъ посольского приказу протазаномъ, а Князь Михайла Юрьевича Долгоруково сверху жъ кинули на копья, а Івана Максимовича Языкова, изловя на Никитской і приведши къ Орхангелу изрубилиж на части . . . . , а Князь Юрья Алексѣевича Долгоруково, на его дворе кинувъ съ крыльца больнаго, четвертовали і положили на площеди противъ его двора; а Лариона Іванова і сына ево Василья і полковника Андрѣя Дохтурова і Григорья Горюшкина изрубилижъ . . . . а Аѳонасья Нарышкина, сыскавъ у Спаса въ верху въ Церкве, что у Государыни Царицы, подъ престоломъ, бивъ, кинули на копьижъ и тела ихъ всехъ снесли въ Спаския ворота на Красную площадь къ Лобному мѣсту і тамъ надъ ними наругались же и, сшедъ съ верху, Судной і Холопей приказы разорили, вынесши, всякия письма ізодрали.

Да не зная стольника Ѳедора Петрова сына Салтыкова, въ Государевыхъ мастерскихъ сенехъ ізрубилижъ а чаели его быть Нарышкинымъ.

А Петра Ѳомина сына Нарышкина убили за Москвою рекою.

И на завтрѣя того дни Мая въ 16 день приходили также на постельная крыльцо, съ ружьемъ, і выходили къ нимъ говорить Государыни Царевны, чтобъ они, помня крестное целованья, такъ къ нимъ въ домъ ихъ Государевъ не приходили съ невежствомъ.

И они били челомъ противъ прежняго челобитья, да они жъ били челомъ, чтобъ имъ выдали дохтуровъ Степана жида да Яна.

І Великиі Государь указалъ имъ ихъ выдать; думнаго дьяка Веркея Кирилова, дохтура Яна, да Степанова сына, і они ихъ убилижъ, а техъ всехъ, о которыхъ они Великому Государю

били челомъ простили, а Івана Нарышкина і Степана дохтура Государыни Царевны упросили до утрѣя, а того дни ихъ несыскали, і они пошли два приказа въ Немѣцкую слободу і Степана дохтура сыскавъ въ нищенскомъ оброзѣ привели вверхъ и отдали за караулъ.

И Майя въ 17 день приходили на постельное жъ крыльцо, также і къ нимъ выходили Государыни Царевныжъ і изволили имъ говорить, чтобъ они для ихъ Государъскаго многолетняго здоровья боярина Кирилу Полуехтовича Нарышкина і дохтура Степана простили і они боярина Кирилу Полуехтовича простили, а чтобъ ево постричь; а техъ бы выдали і хотели ітить въ верхъ, і Великиі Государь ихъ указалъ выдать і они възявъ ихъ, Івана Нарышкина і Степана дохтура, повели въ застенакъ въ Костентиновскую башню і пытали, і после пытки изрубили ихъ въ части і черепъ Івана Нарышкина на копье въоткнули.

И Маия въ 18 день приходилижъ всехъ приказовъ выборные люди бѣзъ ружья и били челомъ Великому Государю і Государынямъ Царевнамъ, чтобъ бояри(на) Кирилу Полуехтовича Нарышкина указалъ Великиі Государь постричь.

І Великиі Государь указалъ ево пастричь въ Чудове монастыре, а на постригани указалъ Великиі Государь быть боярину Князь Семѣну Андрѣевичю Хованскому, да окольничему Кирилу Осиповичу Хлопову и, постригши ево, сослать въ Кириловъ монастырь, а во инацехъ імя ему Киприянъ.

А въ те три дни какъ они приходили со всемъ ружьемъ, какъ побили бояръ,—били въ набатъ и въ барабаны.

А которыхъ побитыхъ, домовъ ихъ, людей і всякихъ чиновъ, грабили ихъ домы і они ихъ хватая казнили жъ и межъ себя положили, что(бъ) ничьехъ домовъ не грабить.

И мая въ 19 день били челомъ Великому Государю объ заслуженыхъ деньгахъ салдаты і стрельцы і пушкари со 154-го году і техъ денегъ надобна 240,000 рублевъ.

Да имъ же Великиі Государь пожаловалъ на человѣка по 10 рублевъ і Великиі Государь указалъ тѣ деньги збирать со всего Государства и суды серебреные брать, а ісъ техъ судовъ указано делать деньги.

Да они жъ били челомъ Великому Государю, которые побиты бояре і думные люди і животы ихъ побраны на Великого Государя и, чтобъ Великиі Государь указалъ тѣ животы оценить і, оценя, отдавать имъ же.

И мая въ 20 день билижъ челомъ Великому Государю, чтобъ Великиі Государь указалъ сослать въ сылки постельничего Алексѣя Тимофѣевича Лихачова, да казначея Михайла Тимофѣевича Лихачова, окольничего Павла Петровича Языкова, чашника Семѣна Івановича Языкова, думнаго дворенина Микиту Івановича Акинфиева да думнихъ дияковъ: Григорья Богданова, Данила Полянского, да спальниковъ: Степана Ловчикова, Льва

да Мартемьяна да Ѳедора і иныхъ роду всехъ Нарышкиныхъ, Андрѣя Матвѣева, да стольниковъ: Петра Меньшова Лапухина, Василья Бухвостова, Юрья Лутохина і ево постригли и полковниковъ прежнихъ, на которыхъ били челомъ.

Маия въ 26 день нарекли Государя Царевича і Великого Князя Иоанна Алексѣевича всеа Росиі на Царство.

Того жъ числа били челомъ Великимъ Государемъ люди боярские розныхъ домовъ о свободе, чтобы имъ быть бѣзкабально і воровские составные челобитные подносили.

І Великие Государи указали ихъ ловить стрельцамъ і приводить и, приводя, ихъ пытать і казнить, а іныхъ бить кнутомъ за ихъ воровское составное челобитье.

І велѣно у всякихъ чиновъ, у людей ихъ всякихъ чиновъ імать скаски про воровскую составную челобитную і промыслъ и хто про то вѣдаетъ, заруками техъ людей.

Того жъ году Июня въ 5 день была тревога во всехъ приказехъ, а възымали въ то число боярскихъ людей, а въ приводе они сказали, будто собрались боярския люди въ Марьинъской роще і хотятъ рубить стрелецкия приказы і въ тое тревогу была стрельба во всю нощь везде изо всякого ружья, и на утрея ихъ, пытавъ, казнили за ихъ воровство.

Того жъ году Июня въ 13 день привели Адиышевской земли Царевича Матвея Дедионова сына і онъ доводилъ на бояръ: на Князь Никиту Івановича і сына ево Князь Якова Никитича і на боярина і дворецкого Князь Василья Ѳедоровича Одоевскихъ, бутто они говорили, что стрельцовъ вешать и казнить и рубить; да снимъ посадцкой человѣкъ Ерославецъ.

І Июня въ 14 день указали Великие Государи ихъ пытать і они съ пытки винились, что бояръ темъ поклепали, а Ерославецъ говорилъ съ пытки, что бутто хотелъ і Москву зажигать, и за тотъ ихъ воровской составъ казнили.

Тогожъ числа пытавъ по челобитью стрельцовъ, казнили стольника Степана, Якова да Матвѣя Вешнекова, пыталижъ.

Тогожъ числа били челомъ Великимъ Государемъ, чтобъ на Красной площеди здѣлать имъ столбъ и, по ихъ челобитью, тотъ столбъ зделанъ.

Тогожъ числа по указу Великихъ Государей даны имъ жалованные грамоты, солдатомъ і стрель(цамъ) і посадцкимъ людемъ і черной слобоцамъ, а велѣно звать стрельцовъ надворною пехотою, а стрельцами не называть; и на томъ столбѣ подписано противъ техъ Великихъ Государей грамотъ.

И съ того числа немногие дни были бѣзъ стрельбы, а во всехъ слободахъ стреляли изъ ружья.

И Августа въ 20 день былъ въ походе приклеянъ на воротехъ листъ въ Коломенскомъ, а въ томъ листе было написано, что изменники бояре: Князь Іванъ и Князь Андрей Хованские промышляютъ надъ Великими Государи всякое дурна и хотели быть на Московскомъ Государстве, да они жъ хотели убить

Светейшаго Пытриарха Іоакима і восхитить на соборную і Апостальскую Церковь, да опижъ хотели побить бояръ: Князь Никиту Івановича, Князь Якова Никитича, боярина і дворецкого Князь Василья Өедоровича Одоевскихъ, князь Михайла Алегуковича, Князь Михайла Яковлевича Черкаскихъ, Князь Василья Васильевича, Князь Андрея Івановича, кравчаго Князь Бориса Алексѣевича Голицыныхъ, боярина і оружейничаго Петра Васильевича, Бориса Петровича-Шерѣмцетевыхъ, Івана Михайловича Милославскаго, и іныхъ многихъ бояръ.

И 191-го году Сентебря въ 1 день Великие Государи къ Москве на действа не ходили, а велѣли быть ему Князь Івану Хованскому і онъ ослушался і на дѣйства не ходилъ.

И Сентебря въ 3 день пошли Великие Государи въ походъ въ Звенигородъ і оттуда къ Тропце.

И Сентебря въ 16 день въ селѣ Воздвиженскомъ измѣна ихъ черезъ переметъныя многия письма объявилось і посылана по нихъ Великихъ Государей грамота.

И Сентебря въ 17 день посыланъ по указу Великихъ Государей въ село Пушъкино для Князь Івана Хованского бояринъ Князь Михайла Івановичъ Лыковъ, а съ нимъ стольники і стряпчие і дворяне Московские і жильцы і люди боярские и ево, Князь Івана, изловя подъ Пушкинымъ, а сына ево въ деревне противъ Братовшины, Князь Андрѣя, привезли къ Великимъ Государемъ въ село Воздвиженское и, какъ его привезли, і въ то время сидѣли бояре и окольничие и думные люди все на площеди противъ церкви и чѣлъ ему Князь Івану і сыну ево Князь Андрѣю наказъ и измѣну ево, думной діакъ Өедоръ Шеклавитовъ и за ихъ измѣну указали Великие Государи казнить смертью и, ответши ихъ, головы отсекли и погребать ихъ у церкви не указали.

И после обѣдни съвѣдавъ, сынъ ево Князь Іванъ, да племянникъ ево Князь Өедоръ, которые жили у нихъ Великихъ Государей въ комнате, измѣну свою, побѣжали псъ походу и князь Өедора изловили, а сынъ ево, Князь Іванъ, ушелъ къ Москвѣ и прибѣжалъ къ Москве часъ ночи, а ихъ казнили до вечара за часъ и, прибѣжавъ онъ, Князь Іванъ къ Москве въ полки, сказалъ будто бояринъ Князь Михайла Ивановичъ Лыковъ, собрався зъ боярскими людьми, изрубили бѣзъ указу Великихъ Государей отца его и брата і, пришедъ къ Москвѣ, бутто хочетъ рубить надворную пехоту всехъ, и пушки і пороховую казну всю розабрали во все полки по себѣ и съ Москвы никово не пропускали, и хотели итти къ Великимъ Государемъ въ походъ и стоять за нихъ измениковъ; да къ нимъ же не пристали стремянной да выборной полки, а которые были на Москвѣ бояре и дворяне и всякихъ чиновъ Государева двора и люди боярские, и они ихъ хотели рубить, и къ нимъ въ полки посыланъ зъ грамоты Великихъ Государей стольникъ

Петръ Петровъ сынъ Зиновьевъ; они грамотъ учинились не послушны и Великие Государи того жъ числа пошли къ Троице і во все городы указали послать для ратныхъ людей грамоты.

И Сентября въ 20 день по указу Великихъ Государей посыланъ къ нимъ уговаривать думной дворянинъ Лукьянъ Тимоѳеевичъ Голосовъ.

И Сентября въ .... день пърiежалъ къ Троице въ Сергиевъ манастырь Иларионъ Митрополитъ Суздальски и Юрьевски, а съ нимъ были выборные отъ въсехъ полковъ и они Великомъ Государемъ пърихадили съ повинною.

И Великия Государи и Государыни Царевны изволили сидеть на Успенской паперти и вины имъ пожаловали, пъростили и указали имъ пърiвесть Князь Іванава сына Хаванскаго, Князь Івана жъ. А полками били челомъ, чтобъ имъ писатца стрельцами жъ.

И Октебря въ .... день пърiвезли выборные въ сехъ полковъ къ Великимъ Государемъ въ походъ Князь Івана Хованского, скована въ телеге.

И Октебря въ .... день указали великия Государи казнить смертью ево Князь Івана и въ томъ пожаловали: смертью казнить ево не указали, а велели сослать въ силку въ Сибирь.

И Октебря въ .... день сказали всехъ полковъ, бутто Павла сынъ Языкова приежалъ на кароулы и сказавалъ бутто бояре идутъ съ полки къ Москве и Хаванскiе ..... Князь Михайла Лыковъ съ людьми .... и ево пърiвезли въ месте окованъ...... къ Троице съ Хованскимъ оковавъ.

И Октебря въ .... день пърiшли Великия Государи къ Москве, а полковъ чьихъ въ стречали выборные люди ..... (*)

. . . . . .

И Октебря въ .... день смутились за Москвою рекою Павловъ пърiказъ бохина і Великия Государи указали ...... у нихъ ружье обобрать і они Великомъ Государемъ пърiходили съ плахою въ городъ і съ топоромъ и вину свою приносили Великимъ Государемъ и Великие Государи выслали къ нимъ боярина Петра Михайловича Салтыкова, да окольничего Кирилу Осиповича Хълопова, да думнова дьека Ѳедора Шекловитого и Великия Государи пожаловали: велели имъ вина отдавать, а кои стрельцы бѣголи по слободе и говорили, что де пора опять заводить по старому иттить въ городъ и ихъ Великия Государи указали казнить смертью, а въ иные месецы до году была жъ осторожность во всехъ полкахъ и пущихъ завотчиковъ казнили, а иныхъ, пытавъ, сылали въ силъки.

(*) Означенное точками не разобрано въ подлинникѣ, очень дурно писаномъ.

Книга записная Царьства царей государей и великихъ Князей Ивана Алексѣевича Петра Алексѣевича въсеи великия и малыя и бѣлыя Роси сомодержъцовъ 190 году и 191 году.

Лѣта 7190-го Майя въ 26 день нарекли всемъ государствомъ на Московское Государство въ цари Государя Царевича и Великого Князя Иоанна Алексѣевича, а въ титлахъ писать везде и во всякихъ делехъ обѣихъ Великихъ Государей такъ:

Великия Государи Цари и Великия Князи Иоаннъ Алексѣвичъ и Петръ Алексѣевичъ всеа Великия і Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержъцы.

Тогожъ числа былъ Великимъ Государемъ выходъ въ Соборную і апостольскую церковь і молебствовали о умирени всего мира.

Тогожъ числа пожаловали Великия Государи въ спалники къ Государю Царю и Великому Князю Иоанну Алексѣевичу Ево Великого Государя Столниковъ: Алексѣя Матвѣева сына Милославского, Юрью Өедорова сына Ладыженского, Бориса Сафронова сына Хитрово, Петра Василева сына Собакина, Бориса Алистархова сына Кологриваго, Сергея Иванова сына Милославского, Петра Иванова сына Яковлева, Дмитрѣя Микитина сына Головина, Князь Михайла Княжь Лаврентьева сына Дулова, Князь Михайла да Князь Ивана Княжь Өедоровыхъ дѣтей Шеховскихъ, Сергея Григорьева сына Водорацкаго, Григорья Микитина сына Окелөова.

Тогожъ числа посыланы по городомъ ко кресту приводить къ Гетману Думной Дворенинъ Василей Михайловичъ Тяпкинъ, да діакъ. Въ Володимеръ и въ Суздаль и въ Нижней Новгородъ и въ ыные Столникъ Алексѣй Афонасьевъ сынъ Собакинъ, въ Великій Новгородъ Столникъ Князь Өедоръ Княжь Семѣновъ сынъ Хованской; въ Киевъ Столникъ Князь Өедоръ Княжь Никитинъ сынъ Пріимковъ Ростовской; въ Казань Князь Андрѣй Княжъ Дмитрѣевъ сынъ Щербатой.

Въ Астрахань

Во Псковъ

Въ Смоленскъ Столникъ Князь Юрья Княжь Яковлевъ сынъ Хилковъ.

Тогожъ году Майя въ 27 день пожаловалъ Великій Государь Царь и Великій Князь Иоанъ Алексѣевичъ къ себѣ въ Спалники і Спальниковъ брата своего блаженные памяти Столника и ближнего человѣка Александра Иванова сына Милославского.

Тогожъ году Майя въ 28 день пожаловалъ Великій Государь Царь и Великій Князь Иоанъ Алексѣевичъ исъ Спалниковъ же брата своего Государева Стольника і ближнего человѣка Михайла Григорьева сына Собакина.

Тогожъ числа пожаловалъ Великиі Государь Царь и Великиі

Князь Петръ Алексѣевичъ къ себѣ въ Спалники изъ недорослей Михайла Аѳонасьева сына Матюшкина.

Тогожъ числа сказано въ Казань въ товарыщи зъ Бояриномъ съ Князь Юрьемъ Семѣновичемъ Урусовымъ Околничему Петру Тимоѳѣевичу Кондыреву.

Тогожъ числа сказано въ Синбирскъ Околничему Князь Григорью Аѳонасьевичу Козловскому.

Тогожъ году Іюня въ 1 день пожаловалъ Царь и Великиі Князь Иоанъ Алексѣевичъ къ себѣ въ Спалники изъ дворянъ Ларіона Семѣнова сына Милославъскаго.

Тогожъ году Июня въ 4 день сказано въ Пушкарской Приказъ въ товарыщи зъ Бояриномъ съ Князь Ѳедоромъ Семѣновичемъ Урусовымъ Думному Дворенину Ивану Петровичу Кондыреву.

Тогожъ году Июня въ 5 день былъ выходъ Великимъ Государемъ въ Золотую Полату, а были на приѣзде і у руки Крымскіе посланники.

А объявлялъ Ихъ Великимъ Государемъ и Грамоты принималъ Думной Діакъ Посолской Емельянъ Украинцовъ.

А въ отвѣте велено съ нимъ быть Боярину ближнему и Наместнику Велико-Пермскому Князь Василью Васильевичу Галицыну, да Думному жъ Діаку Емельяну Украинцову.

Тогожъ числа сказано въ ыноземской и въ рейтарской приказъ въ товарыщи зъ Бояриномъ съ Князь Никигою Ивановичемъ Одоевскимъ Околничему Ивану Ѳедоровичу Васильенскому.

Тогожъ числа былъ Великимъ Государемъ выходъ къ Арханъгелу къ понахиде, а правили по Великомъ Государе четыредесятницу.

Тогожъ году Июня въ 7 день былъ Великимъ Государемъ выходъ къ Арханъгелу къ понахиде по Великомъ Государе Царе и Великомъ Князе Ѳеодоре Алексѣевиче.

Тогожъ году Июня въ 11 день пожаловалъ Великиі Государь Царь и Великиі Князь Иоанъ Алексѣевичъ къ себѣ въ Спалники изъ Спалниковъ брата своего Государева блаженъные памяти Государя Царя и Великого Князя Ѳеодора Алексѣевича всеа Росиі Столниковъ і ближнихъ людей:

Князь Данила Княжь Григорьева сына Черкаского.
Князь Ивана Княжь Иванова сына Хованского.
Володимера Петрова сына Шерѣметева.
Михайла Васильева сына Собакина.
Ивана Алексѣева сына Головина.
Михайла Ѳедорова сына Ртищева.
Анъдрея Матвѣева сына Апраксина.
Ивана Васильева сына Заборовскаго.
Василья Иванова сына Чаадаева.
Ивана Иевлева сына Пояркова.
Въ неделю Свехъ Святыхъ.

Тогожъ числа сказано въ Синбирскъ въ товарыщи съ Околничемъ съ Князь Григорьемъ Ѳѳонасьевичемъ Козловъскимъ сыну ево Князю Михаилу Княжь Григорьеву сыну Козловскому.

Тогожъ числа проважали образъ Знамения Пресвятыя Богородицы Великия Государи і Государыня Царевна и Великая Княжна Софья Алексѣевна что посланъ въ полки въ Казань къ Боярину къ Петру Васильевичу Меншому Шерѣметеву съ товарыщи ево съ Околничимъ съ Князь Даниломъ Аѳонасьевичемъ Борятинскимъ, да Столникомъ съ Князь Иваномъ Княжь Петровичемъ сыномъ Козловскимъ, а провожали за Тайницкия ворота Чудовской Архимандритъ.

Тогожъ году Июня въ 12 день пожаловалъ Великиі Государь Царь и Великиі Князь Иоанъ Алексѣевичъ къ себѣ въ компату хъ крюку Стряпчего Антипу Ларионова сына Пятого.

Тогожъ году Июня въ 13 день пожаловалъ Великиі Государь Царь и Великиі Князь Иоанъ Алексѣевичъ въ Спалники исъ Спалниковъ брата своево Государева Столника і ближнева Человѣка Ивана Иванова сына Головина.

Тогожъ году Июня въ 14 день указалъ Великиі Государь Царь и Великиі Князь Иоанъ Алексѣевичъ росписать своихъ Государевыхъ спалниковъ по дневаньемъ Дяткамъ Боярину Князю Петру Ивановичу Прозоровскому, да Околничему Борису Гавриловичу Юшкову.

1-й день,

Князь Данила Княжь Григорьевъ сынъ Черкаской,
Иванъ Алексѣевъ сынъ Головинъ,
Дмитрей Микитинъ сынъ Головинъ,
Иванъ Ивановъ сынъ Головинъ,
Юрья Ѳедоровъ сынъ Ладыженской,
Борисъ Алистарховъ сынъ Калагривовъ,

2-й день,

Князь Иванъ Княжь Ивановъ сынъ Хованской.
Князь Михайла Княжь Лаврентьевъ сынъ Дуловъ,
Князь Михайла Княжь Ѳедоровъ сынъ Шеховской,
Борисъ Сафроновъ сынъ Хитрово,
Василей Ивановъ сынъ Чаадаевъ,

3-й день.

Володимеръ Петровъ сынъ Шереметевъ,
Михайла Васильевъ сынъ Собакинъ,
Михайла Григорьевъ сынъ Собакинъ,
Князь Иванъ Княжь Степановъ сынъ Шеховской,
Михайла Ѳедоровъ сынъ Ртищевъ,
Андрѣй Матвѣевъ сынъ Апраксинъ,

4-й день,

Александръ Ивановъ сынъ Милославской,
Алексѣй Матвѣевъ сынъ Милославской,
Иванъ Васильевъ сынъ Заборовской,
Григорей Микитинъ сынъ Акинфовъ,
Сергей Ивановъ сынъ Милославкой,
Сергей Григорьевъ сынъ Водорацкой.
Да не въ дневанье
Петръ Васильевъ сынъ Собакинъ,
Петръ Ивановъ сынъ Яковлевъ,
Иванъ Іевлевъ сынъ Поярковъ,

Тогожъ году Июня въ 15 день пожаловалъ Великiи Государь Царь и Великiи Князь Петръ Алексѣевичъ къ себѣ въ Спалники і спалниковъ брата своего Государева блаженныя памяти Столниковъ і ближнихъ людей:

Ивана Иванова сына Колычова,
Князь Василья Княжь Лаврентьева сына Мещерскова,
Ивана Аѳонасьева сына Матюшкина,
Петра Матвѣева сына Апраксина,
Да і Столниковъ Василья Алексѣева сына Соковнина.

Тогожъ числа былъ Великимъ Государемъ выходъ въ Соборную і Апостолскую Церковь къ Малебну, а обѣдни слушалъ одинъ Великiи Государь Царь и Великiи Князь Иоанъ Алексѣевичъ.

Тогожъ году Июня въ 16 день пожаловалъ Великiи Государь Царь и Великiи Князь Петръ Алексѣевичъ къ себѣ въ Спалники і спалниковъ брата своего Государева блаженныя памяти Столниковъ і ближнихъ людей: Князь Якова Княжь Иванова сына Лобанова—Ростовскаго, да Князь Ѳедора Княжь Юрьева сына Ромадановскаго.

Тогожъ числа сказано въ Смоленскъ Воеводамъ: Боярину Князь Ивану Григорьевичу Куракину, да Столнику Андрѣю Микитину сыну Самарину.

Тогожъ числа ходили Великие Государи и Государыни Царевны въ Ново Девичъ Монастырь пешкомъ и Государыня Царица, а на Москвѣ оставлены Бояре: Бояринъ Князь Иванъ Андрѣевичъ Хованской, да Околничей Михайла Петровичъ Головинъ, да Думной Дiакъ Василей Семѣновъ.

Тогожъ году Июня въ 18 день былъ выходъ Великимъ Государемъ въ Саборную і Апостолскую Церковь, а празнавали Ионѣ Митрополиту.

А ко всеношному ходилъ одинъ Царь и Великiи Князь Иоанъ Алексѣевичъ.

Тогожъ числа указали Великiя Государи сидеть въ мастерской Царицыныхъ Палатахъ Аколничему Петру Тимоѳеевичю Кондыреву.

Тогожъ числа пожаловалъ Великiи Князь Іоаннъ Алексѣевичъ

къ себѣ въ Спалники Столника і ближнего Человѣка Ивана Богданова сына Яковлева..

Тогожъ году Июня въ 18 день былъ ходъ со кресты на воду и кругъ Бѣлова Города, а въ ходу были власти, съ правой стороны Сергиі Архиепископъ Тверскиі і Кашинскиі, да по указу Великихъ Государей

Околничей Петръ Тимоѳеевичъ Кондыревъ,

Съ лѣвой стороны Никита Архиепископъ Коломенскиі и Каширскиі.

Да по указужъ Великихъ Государей Думной дворенинъ Иванъ Петровичъ Кондыревъ,

Тогожъ году Июня въ 19 день пожаловалъ Великиі Государь Царь и Великиі Князь Петръ Алексѣевичъ въ Спалники къ себѣ Столника Князь Андрѣя Княжь Михайлова сына Черкаского.

Тогожъ году Июня въ 20 день пожаловали Великия Государи въ Казначеи Думнаго Дворенина Семѣна Ѳедоровича Толочанова, а сказывалъ ему Казначейства Думной Діакъ Василей Григорьевичъ Семѣновъ.

Тогожъ году Июня въ 21 день сказано сидеть въ аружейную Полату Бояриву Петру Васильевичу Болшому Шереметеву.

Тогожъ году Іюня въ 23 день былъ ходъ со кресты въ Стретенской монастырь, а въ ходу былъ Святѣйшиі Іоакимъ Патриархъ Московскиі і всеа Русиі со властьми.

Да въ ходужъ былъ по указу Великихъ Государей Царевичъ Григорей Алексѣевичъ Сибирскиі, да съ нимъ Бояринъ Князь Иванъ Борисовичъ Троекуровъ, да Думной Дворенинъ Богданъ Ѳедоровичъ Полибинъ, да Думной Діакъ Аѳонасей Зыковъ.

Тогожъ числа указали Великия Государи сидеть въ Холопье Приказе Столнику Князь Ѳедулу Княжь Ѳедорову сыну Волхонскому.

Тогожъ году Июня въ 24 день по указу Великихъ Государей строилъ чертежное мѣсто, на чомъ венчатца Великимъ Государемъ Царьскимъ венцемъ въ Саборной і Апостолской Церквѣ къ Западнымъ двѣремъ межъ столбовъ о двенадцати Степенехъ Земъскаго Приказу Судья Околничей Михайло Петровичъ Головинъ съ товарыщи.

А какъ то мѣсто по указу Великихъ Государей онъ постромлъ и Великия Государи указали то мѣсто обить сукны алыми богрецовыми и по нихъ послать отъ Царъского мѣста бархаты рудожолтыми, а Светейшему Патриарху бархатъ вешневъ, а отъ своего Царъского мѣста къ Царъскимъ дверемъ сукны богрецовыми, да бархаты Золотными Казначею Семѣну Ѳедоровичу Толочанову съ товарыщи; а передъ Царъскими дверми указали Великия Государи здѣлать мѣста, гдѣ ихъ Великихъ Государей Животворящей крестъ постановить і шапки і санъ.

Тогожъ году Июня въ 25 день изволили Великия Государи

венчатца своими царъскими венцы Въ Соборной и Апосталской Церквѣ, а сему Ихъ Великихъ Государей венчанію чинъ.

Тогожъ числа въ 8-мъ часу дни изволили Великия Государи итти изъ своихъ Государъскихъ хоромъ въ Грановитую Полату, а передъ ними Великими Государи шли Околничеи і ближния люди, а за ними Великими Государи шли Царевичи и Бояре і Думныя люди, а были въ Золотныхъ Каѳтанехъ.

А пришедъ въ Грановитую Полату і сели на свое мѣсто и пожаловали въ Бояре Столника Князь Андрѣя Ивановича Хованского.

А сказывалъ ему Боярство Думной Діакъ Василей Семѣновъ.

А у скаски стоялъ и Великимъ Государямъ объявлялъ Околничей Князь Михайла Ивановичъ Лыковъ.

Тогожъ числа пожаловали Великия Государи въ Бояре Столника Михаила Львовича Плещеева.

А сказывалъ ему боярство Думной Діакъ Василей Семѣновъ.

А у скаски стоялъ и Великимъ Государемъ объявлялъ Околничей Иванъ Ивановичъ Чаадаевъ.

Тогожъ числа пожаловали Великия Государи въ Бояре Околничего Матвѣя Богдановича Милославского.

А сказывалъ ему Боярство і у скаски стоялъ і Великимъ Государемъ объявлялъ тежъ.

Тогожъ числа пожаловали Великия Государи въ Околничие Столника и ближнего человѣка Лариона Семѣновича Милославского, да Думнаго Дворянина Веденихта Андрѣевича Змѣева.

А сказывалъ имъ Околничество Думной Діакъ Василей Семѣновъ.

А у скаски стоялъ и Великимъ Государемъ объявлялъ Печатникъ Дементей Миничъ Башмаковъ.

Тогожъ числа пожаловали Великія Государи въ Думныя Дворяне Столниковъ. Петра Савича сына Хитрово, да Полковника Василья Лаврентьевича Пушечникова.

И какъ пожаловавъ ихъ Честьми указали итить на Казенной дворъ къ Боярину Князь Василью Васильевичу Голицыну съ товарыщи.

И съ Казенного двора по указу Великихъ Государей несли животворящиі крестъ протопопъ Спаской да Воскресенской.

Шапъки несли Бояре: Алексѣй Семѣновичъ Шеинъ, Князь Иванъ Борисовичъ Троекуровъ.

Скиѳетри несли Околничие. Матвѣй Степановичъ Пушкинъ, Иванъ Ивановичъ Чаадаевъ.

Яблоки несли Казначей Семенъ Ѳедоровичъ Толочановъ, да Печатникъ Дементей Миничъ Башмаковъ.

Стаянцы несли Думныя Діаки Василей Семѣновъ, да Аѳанасей Зыковъ, да Иванъ Гороховъ, да Емѣльянъ Украинцовъ,
А за ними шелъ Бояринъ Князь Василій Васильевичъ Голицынъ.

И какъ пришли въ Грановитую Палату и Великия Государи

поцеловавъ Животворящпі крестъ указали іттить въ Соборную Апостольскую Церковь и какъ будутъ у Грановитой противъ угла і Светѣйшиі Патриархъ велелъ встретить Животворящиі крестъ Симону Архиепископу Вологоцкому, да съ нимъ Архимандритомъ і Игумънамъ.

А какъ пришли Соборной Апостолской Церкви къ дверемъ и Светѣйшиі Патріархъ встречалъ самъ съ властьми, а въ тепоры звонили во все колокола.

И принесши Животворящій крестъ начали петь молебѣнъ.

А Великия Государи въ то число были въ Грановитой Палате.

И пришедъ Бояринъ Князь Василей Васильевичъ Голицынъ докладывалъ Великимъ Государей, что время ітти въ Соборную Апостольскую Церковь.

И Великия Государи изволили ітти въ Соборную Церковь, і пришедъ въ Соборную Апостольскую Церковь пошли на чертежное мѣсто, приложились у иконъ.

И Святѣйшиі Іоакимъ Патриархъ посылалъ по царския платья Большаго Собору, до Спаского сверху Протопоповъ, да дву ключарей.

По диадиму и по Животворящиі крестъ Архимандритовъ Троицы Сергиева Монастыря, да Чудовскаго, да Спаса Новаго Монастыря, до Симонова Монастыря.

А какъ они принесли къ мѣсту і указалъ Святѣйшиі Патриархъ у нихъ принять Митрополитомъ: Карпилію Новогородецкому и Великолуцкому, Никиѳору Астраханскому и Терскому, Павлу Сибирскому и Тобольскому, Ионѣ Ростовскому и Ерославскому.

А Мономаховы шапки укасалъ принесть на мисахъ къ мѣсту Архимандритомъ: Андроньевскому, да Петровскому, да Савинскому, да Воскресенскому.

А какъ къ мѣсту принесли і у нихъ велелъ принять Митрополитомъ: Маркелу Пъсковскому Изъборскому, Варсоноѳью Сарскому і Подонскому, Ѳилорету Нижегороцкому і Олатарскому, Павлу Резанскому і Муромскому.

А скиѳетри велелъ принесть Архимандриту Богоявленскому, да Ігумну Угрескому, Новинскому, Даниловскому.

А у нихъ велѣлъ принять Архиепископамъ: Симону Вологоцкому і Бѣлоозерскому, Сергію Тверскому і Кашинскому, Никите Коломенскому и Коширскому, Аѳонасию Колмогорскому і Важскому.

А державу велелъ принесть Игуменамъ: Златоустовскому, Даниловскому, Стретенскому, Данскому.

А у нихъ велелъ принять Архиепископу Галасию Устюжскому и Тотимскому, да Епископомъ: Леонитію Танбовскому, Митроѳану Воронежскому, да Архимандриту Викентію Троицкому.

А какъ на Великихъ Государей одежду і диодиму и шап-

ку и Животворящиі крестъ возложили і скиѳетры і державы въ руки отдали і стали петь многолѣтие всемъ Соборомъ и потомъ на крылосехъ и сталъ Светейшиі Патриархъ і все власти и Бояре і Околничие і Думные и ближние люди всякихъ чиновъ здравствовать Имъ Великимъ Государемъ на Ихъ Превысочайшемъ Престоле.

А какъ венчали Великихъ Государей і на Чертежномъ мѣсте стояли Бояре: Князь Никита Ивановичъ, Князь Яковъ Никитичъ Одоевские, Князь Василей Васильевичъ Голицынъ, Князь Иванъ, да Князь Семенъ Андрѣевичи Хаванские, Петръ Васильевичъ Шерѣметевъ, Князь Петръ Ивановичъ Прозоровской, Родионъ Матвѣевичъ Стрешневъ, Околничей Барисъ Гавриловичъ Юшковъ.

А шапки несли, въ которыхъ Великие Государи пришли въ Соборъ і жезлы Столники і ближния люди: Алексѣй Матвѣевъ сынъ Милославской, Иванъ Аѳонасьевъ сынъ Матюшкинъ.

А Великихъ Государей вели подъ руки:

Царя и Великаго Князя Иоанна Алексѣевича Дядки: Бояринъ Князь Петръ Ивановичъ Прозоровской, да Околничей Борисъ Гавриловичъ Юшковъ.

Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича Дядка Бояринъ Родионъ Матвѣевичъ, да Столникъ і ближней человѣкъ Тихонъ Микитинъ сынъ Стрешневъ

А за Великими Государями были спалники все по списку.

А передъ стрепнею шли:

Царя и Великаго Князя Іоанна Алексѣевича Столникъ і ближней Человѣкъ Юрья Ѳедоровъ сынъ Лодыженъской.

Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича Столникъ Алексѣй Прокоѳьевъ сынъ Саковнинъ.

А обѣдню изволили слушать на своемъ Царскомъ мѣсте, а послѣ Херувимской приходили Великия Государи къ царскимъ двѣремъ, і на нихъ надевалъ Светѣйшиі Патриархъ чепи по Ихъ Царскому Чину.

А въ Кенoники присылалъ Свѣтѣйшиі Патріахъ изъ Олтаря ризничего, да Дьякона, чтобы Великия Госуъари изволили итти къ Миропомазанію і къ Светому Причащенію і поклонясь пошли.

И Великие Государи изволили итти по Чертожному мѣсту къ Царскимъ дверемъ и прикладываясь у Святыхъ Иконъ кланелись на все стороны ниско.

И царскіе двери отворили и вышедъ Светѣйшиі Патриархъ съ властьми і снимали съ нихъ Великихъ Государей шапки и диодимы і помазывалъ Святымъ миромъ на Челѣ і на Затылке і на ланитахъ і на серце и опять на нихъ надѣвали, и облача ихъ, препоясали лентиемъ.

И взявъ Великихъ Государей власти повели ко Святому Причащенію въ Царские двери, а какъ причащали и въ то время Царския двери были затворены, и причащась Божественныхъ Таинъ шли на своежъ мѣсто.

А въ Соборе указали держать скиѳетри Боярину Князь Василью Васильевичу, да Кравчему Князь Борису Алексѣевичу Голицынымъ

А шапки держать Боярамъ на золотыхъ мисахъ — Алексѣю Семеновичу Шеину, да Князь Ивану Борисовичу Троекурову.

Яблоки держать Околничимъ: Матвею Степановичу Пушкину, да Ивану Ивановичу Чаадаеву.

А какъ шли Великия Государи къ Миропомазанію і ко Святому Причащенію и путь слалъ бархоты Золотными Казначей Семѣнъ Ѳедоровичъ Толочановъ.

А коверъ Золотной слалъ передъ царскими дверми Столникъ и ближней человѣкъ Юрья Ѳедоровъ сынъ Лодыжской.

А послѣ обѣдни Отдавалъ Светѣйшиі Патриархъ Великимъ Государемъ Посохи и поучалъ отъ правилъ Святыхъ Апосталъ і Святыхъ Отецъ.

А какъ Великія Государи изволили итти изъ Соборной і Апостолской Церкви къ Арханьгелу Михаилу, а отъ Орхангела къ Благовещенью и путь былъ посланъ сукнами алыми, а въ двѣрехъ везде осыпали Великихъ Государей золотыми и деньгами Золочеными по трожды Царевичи Сибирские Григорій, да Василей Алексѣевичи.

А мисы держали зъ золотыми Столники Василей, да Андрѣй Петровы дѣти Измайловы.

А чинъ строилъ Думной Діакъ Емельянъ Украинцовъ, а надъ нимъ надсматривалъ Бояринъ Князь Василей Васильевичъ Голицынъ.

А пришедъ Великія Государи въ хоромы жаловали Бояръ і Окольничихъ и Думныхъ і ближнихъ людей водками и ренскимъ. А стола того числа не было.

Тогожъ числа пожаловалъ Великиі Государь Царь и Великиі Князь Іоанъ Алексѣевичъ къ себѣ въ Спалники Столника Князь Андрѣя Княжь Канбулатова сына Черкаского.

Тогожъ числа ходили съ столомъ къ Свѣтейшему Патриарху Іоакиму отъ Великихъ Государей Столники і ближния люди Князь Данила Княжь Григорьевъ сынъ Черкаской, да Князь Яковъ Ивановичъ Лобановъ-Ростовской.

Тогожъ году Июня въ 26 день былъ Великимъ Государемъ выходъ въ Грановитую Полату.

Тогожъ числа пожаловали Великия Государи въ Оружейничия Боярина Петра Васильевича Большова Шерѣметева.

А сказывалъ ему Оружейничество Думной Діакъ Василей Семѣновъ.

Тогожъ числа пожаловали Великия Государи въ Бояре Столника Бориса Петровича Шерѣметева.

А сказывалъ ему Боярство Думной Діакъ Василей Семѣновъ.

А у скаски стоялъ и Великимъ Государемъ объявлялъ Околничей Михайла Петровичъ Головинъ.

Тогожъ числа пожаловали Великия Государи въ Бояре Околничего Князь Михайла Ивановича Лыкова.

А сказывалъ ему Боярство Думной Діакъ тотъ же.

А у скаски стоялъ и Великимъ Государемъ объявилъ Околничей Веденихтъ Андрѣевичъ Змѣовъ.

Тогожъ числа пожаловали Великия Государи въ Бояре Околничаго Бориса Гавриловича Юшкова, а сказывалъ ему Боярство Думной Діакъ тотъ же.

А у скаски стоялъ и Великихъ Государемъ объявилъ Печатникъ Дементей Миничъ Башмаковъ.

Тогожъ числа пожаловали Великия Государи въ Окольничие Столника і ближняго Человѣка Тихона Никитича Стрешнева, да Думнаго Дворенина Василия Савича Нарбѣкова.

А сказывалъ имъ Околничество Думной Дьякъ тотъ же.

А у скаски стоялъ и Великимъ Государемъ объявлялъ Печатникъ же.

Тогожъ числа пожаловали Великия Государи въ Думные Дворянѣ Столниковъ: Василья Семѣновича Змѣова и Аврама Ивановича Хитрово.

Тогожъ числа пожаловалъ Великиі Государь Царь и Великиі Князь Иоанъ Алексѣевичъ въ Спалники къ Себѣ Столника Петра Петрова сына Салтыкова.

Тогожъ году Июня въ 27 день былъ Великимъ Государемъ выходъ въ Грановитую Полату.

Тогожъ числа пожаловали Великия Государи въ Бояре Столника Князь Андрея Ивановича Голицына.

А сказывалъ ему Боярство Думной Диакъ Василей Семѣновъ. А у скаски стоялъ и Великимъ Государимъ объявлялъ Бояринъ Иванъ Богдановичъ Хитрово.

Тогожъ числа пожаловали Великия Государи въ Бояре Столника Алексѣя Петровича Салтыкова.

А сказывалъ ему Боярство Думной Діакъ Василей Семеновъ.

А у скаски стоялъ и Великимъ Государемъ объявлялъ Околничий Кирила Осиповичъ Хлоповъ.

Тогожъ числа пожаловали Великие Государи въ Бояре Околничего Ивана Тимоѳѣевича Кондырева.

А сказывалъ ему Боярство Думной Діакъ Василей Семеновъ.

А у скаски стоялъ и Великимъ Государемъ объявлялъ Печатникъ Дементей Миничъ Башмаковъ.

Тогожъ числа пожаловали Великие Государи въ Околничие Думныхъ Дворянъ Андрѣя Васильевича Толстова, да Богдана Ѳедоровича Полибина. А сказывалъ імъ Околничество Думной Діакъ тотъ же.

А у сказки стоялъ и Великимъ Государемъ объявлялъ Печатникъ же.

Тогожъ числа пожаловали Великие Государи въ думные Дворяне Ивана Ивановича Сухотина, да Максима Исаевича Сунбулова.

Тогожъ году Июня въ 29 день былъ Великимъ Государемъ выходъ въ Грановитую Полату. И пришедъ пожаловали въ Бояре Столника Князь Василья Петровича Прозоровскаго.

А сказывалъ ему Боярство Думной Діакъ Василей Семѣновъ.

А у скаски стоялъ и Великимъ Государемъ объявлялъ Околничей Матвей Степановичъ Пушкинъ.

Тогожъ числа пожаловали Великие Государи въ Бояре Околничего Князь Костентина Осиповича Щербатого.

А сказывалъ ему Боярство Думной Діакъ Василей Семѣновъ.

А у скаски стоялъ и Великимъ Государемъ объявлялъ Думной Дворенинъ Іевъ Дѣмидовичъ Голохвастовъ.

Тогожъ числа пожаловали Великие Государи въ Бояре Околничего Ѳедора Прокоѳьевича Соковнина.

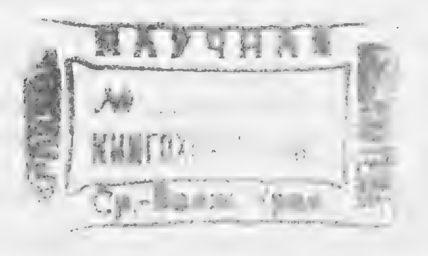
А сказывалъ ему Боярство Думной Діакъ Василей Семѣновъ.

А у скаски стоялъ и Великимъ Государемъ объявлялъ Печатникъ Дементей Миничъ Башмаковъ.

Тогожъ числа въ Кравчия Князь Алексѣя Петровича Прозоровскаго.

Тогожъ числа пожаловали Великие Государи въ Околничие Столника Ивана Ѳедоровича Лосенка Пушкина.

А сказывалъ ему Околничество і у скаски стоялъ тежъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	строка.	*Напечатано:*	*Должно читать:*
7	37	Орденъ нащокинъ	Ординъ—Нащокинъ
31	4	Стородубскійй	Стародубскій
41	26	вести	везти
46	1	думалъ подобно	думать надобно
50	29	Годяцкаго	Гадяцкаго
55	24	другіе	другія
70	12	міра	мира
73	18	по рѣкѣ	по рѣку
	22	уступпть	уступить
78	15	начавшеюси	начавшеюся
81	11	Дупилова	Дунилова
96	2	осилилп	осилили
—	29	Ясенскому	Ясинскому
129	18	по всѣмъ	ко всѣмъ
176	30	а больше	и больше
180	8	то на его мѣсто	то оставилъ, и на его мѣсто
210	20	потому	потому что
259	13	членахъ	членовъ
268	25	Ржевѣ, Володимеровой	Ржевы Володимеровой
279	11	ударя	удара
285	15	привыкшую	привыкшею
297	28	для него	для нея
304	31	давали	давало
311	32	нашего	нашея
312	6	поступили	поступали
333	2	видаться	видѣться
344	6	было видна	была видна
350	26 и 27	провелъ свои войска подъ Нарву, какъ провелъ ихъ подъ Азовъ,	привелъ свои войска подъ Нарву какъ привелъ ихъ подъ Азовъ,

